

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Наука истории возникает на самой заре цивилизации, чтобы сделаться неизменным спутником человека, его учителем, воспитателем, вдохновителем. Уже самые древние авторы стремились не только описать известные им факты истории, но и объяснить их. Вместе с тем история становилась орудием борьбы классов и партий.

Историческое знание сделало огромные успехи в течение XVIII и особенно XIX веков. Многие выдающиеся умы нашли на этом поприще свое призвание и признание. Благодаря их трудам поднялись из забвения великие цивилизации Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима; встала во всем своем былом величии Киевская Русь и т. д.

Успехам исторической науки много способствовало выдвижение новой рационалистической философии. Ее основоположником принято считать англичанина Ф. Бэкона (1561-1626 гг.), но, конечно, столь же велика роль знаменитой плеяды талантливых французов - Декарта, Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Кондорсе и других.

Все они отвергали христианский постулат непостижимости прошлого, поскольку оно было таким, а не иным, по божественному предопределению (так называемый провиденциализм), и уже этим открыли широкую дорогу для подлинно рационалистической историографии, включая историю государства и права прошлых веков.

После Великой французской революции XVIII века заметно превалирует политическая модель интерпретации истории, с которой в той или иной мере конкурирует идеалистическая концепция исторического процесса, идущая от Канта и Гегеля.

В современной западноевропейской и американской историографии сформировались 7-8 школ и школок, исповедующих тот или иной тип исторической интерпретации. Это и "биографическая школа", для которой характерна отнюдь не вздорная, но во многом преувеличенная опора на роль и значение "исторических личностей" (great man теория). Это и так называемая научно-технологическая школа, для которой мерилом прогресса является главным образом прогресс науки и техники. Заслуживают упоминания географическая школа, школа так называемой коллективной психологии, социологическая школа и, наконец, экономическая школа интерпретации истории. И это еще далеко не все, к тому же стало обычным, что "идеалисты"

привлекают для своих целей как экономический, так и социологический материал, а экономисты отнюдь не чужаются "идеализма".

Приведу для наилучшего понимания вопроса характеристику экономической школы в исторической науке, которую дает американский историк Е. Барнес в своей "Истории исторической науки" (1963 г.): "Экономическая школа исторической интерпретации, созданная Фейербахом и Марксом, включала более или менее догматических адептов, таких, как Эшли, Вебер, Шмоллер, Бирд и др.". По этой теории, полагает Барнес, предпочтение отдается экономическому процессу, как он есть. Человек же представляется не более чем продуктом социальных институтов и соответствующей им культуры.

Вне всякого сомнения, и Маркс и Энгельс воспротивились бы их насильственному "воссоединению" с консерватором У. Эшли, несмотря на его выдающиеся заслуги именно в области экономической истории, и тем более с М. Бебером и Г. Шмоллером, научные заслуги которых далеко не утратили своего значения до сего дня.

При всем том нельзя не видеть, что дискредитация ленинско-сталинского "социализма" не может не бросить тень на Маркса и Энгельса, поскольку они были и остаются учителями как самого Ленина, так и шедших за ним большевиков.

Немаловажно и то, что Ф. Энгельс отдавал себе отчет в том, что переход от капитализма к социализму через революцию и гражданскую войну, национализацию средств производства и неукоснительное подавление всех видов сопротивления новому революционному режиму будет далеко не лучшим временем для людей, на долю которых выпадет все это совершать и все это терпеть.

2. Драматическое крушение советского строя и всей связанной с ним идеологии поставило историческую, а значит, и историко-правовую науку перед трудным выбором. Некоторые из авторов поспешили отказаться от цитирования "классиков", что, на наш взгляд, привело к обеднению мысли вообще и соответствующих характеристик в частности. В других случаях Маркс и Энгельс присутствуют, хотя и скрытно, как бы за сценой событий.

Мне представляется, что нашему менталитету уже не избавиться от привитого нам с "младых ногтей" "исторического материализма". Весь вопрос в том, чтобы взять из него то, что сохраняет научное значение, а все прочее предоставить истории как таковой.

Я полагаю, по крайней мере, достоверным, что для большинства исторических эпох именно экономическое развитие определяет в конечном счете ход событий, чтобы уступить эту роль какому-нибудь иному фактору, если такого рода "рокировка" сделается исторически оправданной. Ф. Энгельс и сам понимал, что с "экономическим фактором" не все просто. Как могло случиться, спрашивал он, например, что именно в архитотсталой - экономически и политически - Германии конца XVIII и начала XIX веков возникли великие философские школы Канта, Гегеля, Шеллинга, Л. Фейербаха и явилось на свет созвездие ее величайших поэтов - И.В. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне и т. д.

И то же может быть сказано о крепостнической, абсолютистской России, подарившей миру великую литературу (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский), не говоря уже о пространственных искусствах, музыке и т. д.

Как бы ни относиться к Максиму Веберу (1860-1924 гг.), нельзя не согласиться с тем его наблюдением, что именно протестанты своим трудолюбием, накопительством, честностью и высокими моральными качествами вообще много способствовали развитию экономических отношений как в Англии, так и в Северной Америке, выдвинув эти страны на роль преуспевающих индустриальных держав, тогда как католические Испания и Италия как были, так и оставались в хвосте прогресса.

До недавнего времени мы относились к Каутскому и Бернштейну - в свое время ученикам и соратникам Маркса и Энгельса - резко отрицательно, ибо они были по своим взглядам не революционерами, а "социал-соглашателями". Новое время, переживаемое всеми нами, позволило посмотреть на Каутского и Бернштейна иными глазами.

Э. Бернштейн (1850-1932 гг.) был поначалу в числе тех экономистов-социалистов, которые отнеслись с доверием к предсказанному К Марксом экономическому кризису (в предисловии ко второму изданию 1 тома "Капитала"). Кризис этот нередко трактовался как преддверие общего краха капиталистической системы.

Случилось обратное. Экономическое развитие 90-х годов прошлого века было столь скорым и успешным, что возникло - и раньше всего у Бернштейна - убеждение о неотвратимом экономическом и социальном прогрессе, исключаящем, естественно, пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Бернштейн справедливо указывал на возникновение и увеличение численности "среднего класса", что неизбежно влечет за собой сначала притупление, а затем и исключение классовых противоречий между трудом и капиталом. И таким образом - через демократию - открывается путь к радикальному преобразованию буржуазного общества в "социальное", и при том без пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Чем богаче общество, утверждал Бернштейн, тем легче и надежнее утверждение социализма. И это далеко не пророчество!

3. Таким образом, как уже было сказано, оставаясь в принципе на позиции исторического материализма, автор позволяет себе всякую такую корректировку сложившихся интерпретаций древней, средней и новой истории

государства и права, которая диктуется реалиями прошлого и настоящего времени.

Из этого не вытекает, разумеется, конъюнктурное отстранение от всего того наследия, которое оставили Маркс и Энгельс, и мы не отказываемся от цитирования их сочинений, когда находим это возможным и целесообразным.

Материалистическое понимание истории, при всей своей ограниченности, позволило увидеть в прошлом борьбу классов, каждый раз доходящую до конфликта, до революции, ниспровергающей господство одного класса и ставящей на его место другой.

Возникшее вместе с антагонизмом классов государство, равно как и право, было и могло быть только классовым. Эксплуататорское государство, несмотря на все его разновидности, представляло собой организованную совокупную власть имущих классов, направленную против эксплуатируемых классов.

Соответствующее ему право оказалось не чем иным, как выражением господствующих в данном обществе классовых интересов или, говоря иначе, выражением интересов господствующих индивидов общества. Но эти интересы не произвольны. Они определяются каждый раз наличными производственными отношениями, то есть объективно обусловлены, разумеется, в конечном счете.

В согласии со всем сказанным выше, мы сохраняем, хотя и не без сомнений, привычную и удобную периодизацию истории по соответствующим социально-экономическим формациям: рабовладение, феодализм, капитализм, а связанные с тем коррективы даются в тексте учебника.

4. Крушение ленинско-сталинской модели социализма и распад СССР, с одной стороны, кардинальные перемены в Центральной и Юго-Восточной Европе, с другой, создали, естественно, новую политическую ситуацию, в немалой степени коснувшуюся всей "советской науки", в том числе и науки истории государства и права.

Мы, собственно, изучаем не всемирную историю права, а лишь "всеобщую", то есть такую, которая имеет дело как с наиболее общими законами истории государства и права, так с наиболее типичными особенностями этой истории.

При таком взгляде на наш курс мы можем сократить число государств, бывших предметом изучения (что мы и делаем), и с наибольшей объективностью и излагать и освещать ту или иную "историю", избегая обязательной тенденциозности, как она навязывалась историческим и гуманитарным наукам в недалеком прошлом.

История государства и права Англии, США, Германии, Италии и других капиталистических стран современности не может больше игнорировать тот очевидный факт, что мы имеем дело с государствами, могущими называть себя правовыми и социальными: как по уровню и степени демократизации всех сторон государственной жизни, так и по степени социальной защищенности индивида, семьи, собственности, личной свободы, безопасности и т. д.

Разумеется, что, как и всякое научное рассмотрение вопроса, изложение должно избегать как апологетики, так и вульгарной, то есть тенденциозной, а то и нарочито лживой, критики.

Нам есть чему поучиться у Запада не только в экономической сфере, но точно также в сфере государственности и права. Хотелось бы, чтобы настоящий учебник способствовал (наряду с учебными занятиями по предмету) изживанию ложных, а то и вульгарных, представлений о буржуазных государствах и их праве. К сожалению, все еще не редкость, когда на простой экзаменационный вопрос о буржуазном праве современности можно услышать стандартный ответ, сохранившийся от прошлых времен.

- Принимает ли американская женщина - в том числе негритянка или испано-говорящая пуэрториканка - участие в выборе президента республики? - спрашивает преподаватель.

Студент (студентка) некоторое время колеблется, потом неуверенно: "Белая женщина, кажется мне, голосует, негритянки - нет.

- А пуэрториканка?

- Как же она может голосовать, не зная английского языка, то есть, будучи испанкой?" Или:

- В каких странах действует суд присяжных?

Насколько я знаю, только в Англии и Америке, да и там буржуазия стремится к его ограничению.

5. Рамки настоящего пособия обязывают нас ограничиться сказанным. Подведем итоги. Всеобщая история государства и права имеет своей задачей:

1. Служить интересам возможно более широкой общей подготовки студента в вопросах государства и права, выработке у него особого, юридического мышления, необходимого для усвоения и применения права.

2. Создать необходимые предпосылки для наилучшего усвоения таких дисциплин, как теория государства и права, история политических учений, государственное и международное право, а также всех других юридических дисциплин, включая цивилистику, уголовное право и процесс.

3. Способствовать выработке научного суждения о процессах, происходящих в нашей собственной стране и во всем мире.

4. Развивать умение здраво и гуманно судить о людях, ставших по собственной воле или по воле случая объектом или субъектом государственно-правовой деятельности.

Автор счел возможным сократить некоторые разделы курса, более широко, чем прежде, воспользоваться историко-сравнительным методом, ввести значительный иллюстративный и пояснительный материал.

Чтобы избежать дублирования других учебных дисциплин, частью уже перечисленных, автор принял рекомендации о значительном ограничении материала, относящегося к современным зарубежным государствам.

И в заключение. Нельзя не согласиться с известным польским историком права академиком Ю. Бардахом, справедливо критикующим тех студентов, которые, придя на юридические факультеты из-за "легкости учения", игнорируют историю государства и права, требуя ограничения преподавания предмета специально юридическими. Эти студенты мало заботятся о своей культуре, их мало беспокоит то, что история государства и права не только не отделена от позитивного права, но служит наилучшей предпосылкой его усвоения, понимания.

Введение

1. От первобытного стада к родоплеменному строю

1. Раскопки английского антрополога Л. Лики в Олдовае (Африка) позволяют полагать, что возникновение человекоподобных существ произошло около 1750 тысяч лет тому назад'. Найденный здесь *Homo habilis* отличается уже не только прямохождением и кистью, могущей хватать и удерживать орудие, но также способностью делать последнее.

Высвобождаясь постепенно от унаследованных в ходе эволюции архаических признаков, человек приучался к коллективным формам производства, потребления, самоуправления.

Около 100 тысяч лет тому назад, в так называемый мустьерский период, мы находим его способным возводить жилища, добывать огонь, обрабатывать для своих нужд камень и кость.

Мустьерская дородовая группа (первобытное человеческое стадо) невелика по численности - 30-40 человек; дальнейшее расширение ее наталкивается на недостаток продовольствия.

Немногие строго исполняемые правила регулируют внутреннюю жизнь первобытного стада. Не исключено, что уже в мустьере были констатированы первые кровнородственные ассоциации и установлены некоторые запреты в сфере стихийно сложившихся отношений между полами.

Местом преимущественного расселения древних людей служила обширная территория, включавшая Африку, Переднюю Азию, Южную Европу. Наилучшие условия для жизни человека имелись в районе Средиземного моря. Здесь он заметно отличается по своему физическому облику от как бы заторможенных в развитии южных европейцев, вынужденных приспособляться к нелегким условиям приледниковой зоны. Недаром Средиземноморье сделалось колыбелью самых ранних цивилизаций древнего мира.

В следующем, ориньякском, . периоде человек вступает в начальную фазу позднего палеолита (около 30 тысяч лет назад). Она принесла с собой копье, дротики и гарпуны, западни для охоты на животных, хитроумные ловушки для ловли рыбы. Бродячий образ жизни уступает место полуоседлости и оседлости. Последующие находки в том же Олдовае и поблизости от него уводят нас в более древние времена. Недавняя находка (в Эфиопии) - останки примата, жившего 4,5 млн. лет тому назад. Это пока самый древний предшественник человека. Возникают комплексы построек, служащих для жилья, ремесленных работ, хранения запасов. Появляется первобытная магия (фетишизм), складываются связанные с ней обряды и запреты.

Труд, положенный на расщепление камня, на обработку рукоятей, на оттачивание кости, на устройство жилища и т. п., создал, наконец, человека. Зачатки членораздельной речи, появившиеся в мустьере, получают свое дальнейшее развитие. Вместе с тем приходит способность к абстрактному мышлению, к сознательной деятельности.

В свою очередь биологическая революция создала новые, неизмеримо большие возможности для совершенствования процессов труда.

Приблизительно с VIII тысячелетия до н. э. наступает новая эпоха в истории древнего человека. Ее принято называть эпохой нового камня, неолитом. Наступает время шлифованных каменных орудий, пиления и сверления камня. Появляются лук, каменная, деревянная или костяная мотыга, долбленая лодка. Приручается первое домашнее животное - собака.

Вооруженный всем этим новым богатством, человек совершает подлинную земледельческую и индустриальную революцию. Он овладевает техникой земледелия, научается добывать и обрабатывать металлы, разводить рабочий и молочный скот.

Каким бы грубым ни казался нам человек неолита, следует помнить, что ему обязаны мы разумно направленной селекцией, результатом которой было освоение всех тех злаков, которые до сих пор кормят человечество, - пшеницы, проса, ячменя, риса, а также сахарного тростника и др. То же самое можно сказать об одомашнивании животных. Ни корова, ни лошадь, ни свинья не встречаются в природе в их нынешнем виде. Они стали такими в результате направленного отбора. При этом из 140 тысяч пород животных, населяющих землю, человек отобрал именно лучшие и, отобрав, вывел в соответствии со своими потребностями (около 40 пород).

Индустриальная революция сопровождается быстрым развитием ремесла, призванного удовлетворять новые и все растущие потребности в вещах, главным образом предметах производительной деятельности, одежды, кухонной утвари, культа. Особой заботой пользуется изготовление оружия.

Пример неолитической культуры дают иберийцы (III тыс. до н. э.). От них остались сооружения и дороги, каменоломни и селения, мотыги и лопаты. Могильники иберийцев позволяют говорить о начальном этапе социальной дифференциации.

2. Земледелие и скотоводство принесли с собой великие перемены. Присваивающая форма хозяйства уступает место производящей, а вместе с тем обнаруживаются первые противоречия в сфере собственности и распределения.

Перемены наступают, конечно, не сразу. В общинах более простого типа коллективная обработка земли сохранялась до недавних дней. Ее наблюдал Миклухо-Маклай: "2-3 и более мужчин, - писал он о папуасах, - становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья (колья) в землю и потом взмахом поднимают большую глыбу земли... За мужчинами следуют женщины, которые ползут на коленях, держа крепко в обеих руках удья-сав, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста и растирают землю. В таком порядке мужчины, женщины и дети обрабатывают всю плантацию".

В подобного рода общинах существует и долго удерживается коллективизм потребления. Общий продукт (за исключением доли, предназначенной на воспроизводство) расходуется постепенно, соразмерно потребностям.

Дело меняется с тех пор, как на смену заостренным кольям приходит мотыга (не говоря уже о плуге), появляются лук и стрелы, рыболовный крючок и т.п.

В отличие от земли, которая еще долго будет коллективной собственностью, в отличие от рабов, совместно захватываемых и совместно же эксплуатируемых, орудия труда довольно рано переходят в индивидуальную, личную собственность.

Первое, что должно было способствовать этому, - способ, которым орудие делалось: производя орудие, первобытный человек "создает его от начала до конца, искусно его использует и управляет им" (Даймонд). Второе, что должно было действовать в том же направлении, заключается в постепенном укоренении правила, согласно которому орудие, требующее индивидуального навыка, остается в преимущественном, если не исключительном, обладании определенного лица. Частная собственность, замечает Плеханов, здесь в порядке вещей гораздо более, чем какой-либо другой тип присвоения.

Но как только появляется орудие, позволяющее добывать пищу независимо от коллектива, и с той поры, как оно становится собственностью его обладателя, так почти автоматически слабеет связь, удерживающая человека в коллективе, и последний, приспособляясь к новым условиям жизни, вынужден вступить на путь превращений.

Общество далеко не сразу смиряется с тенденцией обособления. Маунтфорд наблюдал у австралийцев (остановившихся на стадии собирательства и охоты), что убивший кенгуру охотник получает не лучшую, как следовало бы откидать, но равную часть добычи, то же, что и все другие. У некоторых североамериканских племен удачливый охотник получал лучшую часть, но охотиться в одиночку ему воспрещалось под страхом наказания, которому его подвергало сообщество, называвшееся "товарищи всех".

Приручение скота и в особенности размножение стад воздали новый, причем такой источник богатства, который, не требуя коллективных усилий, способствовал накоплению имущества. У многих народов земли именно скот, стада прирученных животных сделались со временем эталоном богатства и знатности. В Древней Греции, Древнем Риме, Киевской Руси скот дал название деньгам (талант, пекуния, "скот"). В старой Ирландии родовая аристократия - айры - должна была терпеть конкуренцию бо-айров - "коровьих дворян" (богатых, но не знатных землевладельцев). Здесь существовал обычай, согласно которому бо-айр, превосходящий богатством племенного вождя (если это богатство удерживалось в нескольких поколениях), занимает его место.

3. Весь тот период, который непосредственно предшествовал пастушескому и регулярному земледелию, прошел под знаком материнского рода, бывшего непосредственным результатом экзогамии, то есть порядка, при котором запрещалось вступать в брачные отношения внутри собственного рода и, наоборот, существовало взаимное обязательство брать жену в определенном (чужом) роде (племени) '.

Возникающий вместе с тем групповой брак объединяет нескольких (или многих) мужчин одного возраста с несколькими ' (или многими) женщинами. Никто не знает своего отца, и потому счет родства ведется по материнской линии.

Материнская родовая община, десятки и даже сотни членов которой могли проживать под одной крышей, группируется вокруг старейшей родительницы. Это не только союз родичей, это и коммуна-община, совместно владеющая имуществом, совместно работающая, совместно потребляющая, принадлежащая к одному очагу. Пример такого рода-общины дает, по-видимому, недавно открытое на склоне Чатал-Хююка (Анатолия, Турция) поселение VII-VI тысячелетий до н. э. Оно состоит из 36 глиняных домов. Самый большой мог дать приют 200-300 людям. Некоторые из домов были, по всей видимости, общественными кладовыми.

То новое положение, которое женщины стали занимать в усложнившемся домашнем хозяйстве, та роль, которую они стали играть в начальной фазе

земледелия (мотыжного), должны были -особенно в условиях полного равенства полов - способствовать выдвиганию общественного положения женщины - хозяйки и главной добытчицы.

Значительное число неоспоримых свидетельств, ^Сохранившихся из-за необыкновенной живучести матриархальных пережитков, говорит в защиту мнения о повсеместно распространенном в первобытную эпоху господстве женщин. В Древнем Египте имущество мужчины переходило, как правило, его старшей дочери, и муж ее имел на него не столько право собственности, сколько пользования. Отсюда столь обыкновенные здесь браки между родными сестрами и братьями, примирявшими, по выражению одного из исследователей, "матриархальную собственность с отцовским наследством".

Матриархальные порядки прослеживаются отчетливо в Эламе, в древней Персии, у ликийцев, у этрусков и т. д.

О существовании матриархата свидетельствуют женщины-прародительницы, почитаемые эскимосами, женщины-воительницы, известные истории и старому эпосу народов. В Нигерии, пишет Дж. Томсон, переход от материнского рода к отцовскому произошел уже на наших глазах и то под влиянием английской колониальной администрации, особенно судей, которые постоянно рассматривают отношения между отцами и сыновьями со своей, буржуазной точки зрения'.

Определение матриархальных отношений далеко не просто из-за бесконечного разнообразия присущих им форм. Но, представляется, не будет ошибкой полагать, что в наиболее типичных случаях имело место соединение в руках женщины наследственных прав на владение имуществом, распоряжение хозяйством, какой-то части (большей или меньшей) обязанностей по управлению вообще. На этом основании сохранялась в шумерийских городах-государствах власть женщины-соправительницы, какой была, например, власть жены известного патеси города Лагаша Урукагины.

4. Естественная эволюция, превратившая мужчину-охотника в пастуха, а затем благодаря появлению упряжки, являвшейся прямым результатом одомашнивания скота, в первое лицо пашенного земледелия, приводит в конце концов к ликвидации матриархальных отношений как господствующих. Возникновение экзогамии не вполне объяснено. Полагают, что ее причиной могли быть антагонизмы, возникающие на почве ревности в условиях неурегулированных отношений между попами. Радикальный выход заключался в полном запрещении связей между мужчинами и женщинами, принадлежащими к одному и тому же коллективу. На смену им приходят патриархальный род и патриархальная же семья. Мы не будем касаться промежуточных ступеней, отделяющих патриархальную семью от группового брака. Укажем лишь на так называемую парную семью, отличительными признаками которой были, с одной стороны, преобладание мужчины, а с другой - доступность развода для обеих сторон.

Парная семья не вызывает еще потребности в собственном домашнем хозяйстве и потому "не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства"; но в то же время именно "парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца... Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно, и право собственности на последние; в случае расторжения брака он забирал их с собой, а за женой оставалась ее домашняя утварь. По обычаю тогдашнего общества, муж был поэтому также собственником нового источника пищи - скота, а впоследствии и нового орудия труда - рабов"1.

Не хватало одного: наследования имущества от отца к детям, ибо этому все еще препятствовал род. Как только это препятствие было устранено, был устранен и парный брак. Его преемником сделался брак с господством мужчины при совершенном запрещении внебрачных связей для женщины и столь же неременной передаче имущества семьи законным детям ее главы.

С патриархальной семейной общиной, о которой мы еще будем говорить, общество вступает в последнюю, заключительную фазу родового строя, как

она констатируется гомеровскими поэмами, сочинениями римских писателей о германцах и кельтах, варварскими правдами и многими другими источниками.

2. Организация общественной власти в догосударственном обществе

1. Как уже говорилось, древние роды возникли после как были запрещены половые связи между единоутробными братьями и сестрами, а затем и между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны. Все, группируясь вокруг общей прародительницы, составляли род. Принадлежавшие к нему девушки должны были выбирать мужей в другом кровнородственном коллективе, другом роде.

Реальную основу рода составляло общее право на его имущество, главным образом на землю, скот, военную добычу и пр. Соответственно с тем род должен был сохранить за собой функции по управлению производственными процессами и всем тем, что с этим связано: распределением, усыновлением посторонних, исполнением обрядов, в особенности тех, которым приписывалась мистическая сила, служащая плодородию почвы и приумножению стад, легализованным грабежом соседей, включая угон скота и пр.

С возникновением патриархальных семейных общин появляются новые функции и среди них раньше всего наделение землей, ее перераспределение, принудительный севооборот, страховые запасы, взаимная помощь и защита, владение общим имуществом, отделенным от имущества семей, общая казна, наблюдение за тем, как наследуется имущество, опека и попечительство, общественные работы, включая строительство храмов, поддержание дорог и мостов и т.п.

Появление и увеличение избыточного продукта приводит, что закономерно, к вырождению войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращает ее в регулярный, легализованный обычай, идеологически вознесенный постоянный промысел. Вместе с тем упрочивается институт военного командования и появляется все то, что с ним связано: присвоение избираемому на срок командующему чрезвычайных функций в судебных делах, преимущества при дележе добычи, особая защита, лучший кусок на пиру и т.п.

Уже не редкость такие роды, которые могут выставлять сильные военные отряды, самостоятельно ведущие войну, как это продемонстрировали римские Фабии, когда выступили против города Вейи.

Между тем накопление богатства в семье, ставшее возможным благодаря упрочению отцовского права с наследованием имущества детьми, возникновению рабства, военному грабежу и разного рода приобретениям - легализованным и насильственным, усиливало семью в противовес роду, способствуя в то же время возникновению знатной семьи в каждом роде. На этом основании как главном (хотя и не единственном) возникает и постепенно упрочивается в своем значении наследственная аристократия, а вместе с ней те формы правления, которые предполагают существование совета старейшин.

2. Главным органом "правительственной власти", равно как и главным судебным учреждением рода, остается общее собрание его полномочных членов, каковыми становятся достигшие - после исключения женщин

и при недопущении рабов и чужаков - определенного возраста мужчины.

Собранию рода принадлежит право избрания на все должности, включая военное предводительство. Относительно ирокезов хорошо известно, что существовавшие в каждом роде вожди избирались путем свободного голосования сородичей и так же легко могли быть смещены.

Народное собрание служит и судебным органом; к нему обращаются с жалобами; оно обладает некоторой - большей или меньшей - компетенцией в делах кровной мести; собранию принадлежит решающее слово в делах об измене, трусости, противоестественных пороках, например кровосмешении, преступлениях против религии, колдовстве, убийстве внутри рода.

3. Советы старейшин, членами которых были главы семейных общин, входивших в род, возникали сначала в качестве эпизодических сходок, на

которых предварительно обсуждались вопросы, подлежащие решению на общем собрании рода.

С возникновением фратрий (союз родов) и племен (союз фратрий) появляются соответственно советы старейшин фратрий и советы старейшин племен.

Решение совета племени было у ирокезов окончательным и обязательным для всех входивших в его состав родов так же, как решения совета ирокезской "федерации" были обязательными для всех пяти составлявших ее племен.

Римский сенат (образованный, по предположению Нибура, на предводителей 300 римских родов) был, без сомнения, избираемым органом, пока его члены - главы немногих знатных фамилий, утвердивших свое преобладание, не добились для себя и своих наследников права состоять в сенате независимо от народного выбора.

3. Военная демократия

1. Предгосударственный период истории родоплеменного строя Маркс и Энгельс называют "военной демократией". Термин этот был введен американским историком Л. Морганом для характеристики древнегреческого общества в период его перехода от родовой общины к так называемой соседской и был без особой критики воспринят Марксом и Энгельсом. "Короче, слово *basileia*, - писал Маркс, - которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской, так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее - военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию".

В согласии с этим и Энгельс справедливо соединяет воедино три непрерывных элемента военной демократии: военного вождя (наделенного еще судебными, но совершенно лишенного административных полномочий), совет вождей и народное собрание.

Народное собрание, каждый участник которого одновременно с тем воин, ополченец, - столь же важный и столь же непрерывный орган власти, как и оба другие. Какую бы политику ни проводило собрание, было ли оно (по Гомеру) послушным инструментом в руках знати и базилевса или, как это не раз случалось, выходило из под этой власти, - ни военный вождь, ни совет не имели никаких средств насилия по отношению к нему, никаких средств принуждения, кроме тех, которые были созданы традицией, влиянием, опорой на сородичей, личным авторитетом.

Военная демократия приходится, как можно полагать, на тот период истории, когда мы видим древнюю родовую организацию еще в полной силе, но вместе с тем когда появилось уже имущественное неравенство с наследованием имущества детьми (в противовес роду), зародилась знать и царская власть, стало обычным превращение военнопленных в рабов.

Вожди ахейских племен (по рассказу Гомера) неоднократно похваляются и своим богатством (в особенности стадами), и своим происхождением, и своей удалью; они уже научились вести счет деньгам и соответственно с тем прикидывать, скольким волам и талантам соответствуют жеребая кобыла, треножник, молодая рабыня.

Они неохотно говорят о народе или говорят о нем с презрением, но вот слова, сказанные самим Одиссеем: "Когда же грозно гремящий Зевс учредил грозный для ахейян путь... от критян был избран я с кораблями итти к Иллиону: и было отречься нам невозможно: мы властью народа окованы были.

Строй военной демократии отличается большим разнообразием форм. В одних случаях он находится в зависимости от полисного устройства, как то было повсеместно в Греции, в Месопотамии, на Западе и Северо-Западе Индии и т.д. В других случаях военная демократия возникает в условиях кочевого или полукочевого образа жизни, как то было у славян и германцев.

4. Обычай

1. Указывая на множество общих дел, присущих древним обществам, Энгельс пишет об ирокезах, что у них "домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени... тем не менее нет и следа нашего раздутого

и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал".

Самые же важные обычаи первобытного общества не могли быть ни открыты, ни изобретены, ни даже порождены повторением известных процессов. Равенство членов общества, как оно тогда понималось, вытекало из отношений первобытнообщинного строя как естественно-исторический результат объединения индивидов в первоначальные формы коллектива.

Только последующие процессы, порожденные главным образом имущественной дифференциацией, с неизбежностью привели к замене равенства людей в обществе их неравенством.

Когда мы читаем у Гомера: "...Как два человека, соседи, за межи раздорят, Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле, Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят", - сама собой возникает картина общественного поля, делимого на части, пока еще равные.

Не существует, однако, сколько-нибудь единого критерия распределения земли. Диодор говорит об испанских вакцеях, что они переделяли землю ежегодно: каждый получал свою долю урожая, так как последний считался общинной собственностью. Присвоение (самовольное) каралось смертью. Тот же принцип действовал повсюду при разделе добычи; каждый, кто участвовал в набеге или войне, получал равную долю. Даже на пиру полагалось получать равную со всеми часть, и потому Плутарх не без оснований замечает, что первоначально греческое слово "пир" означало "дележ".

У гомеровских греков каждый член общины имеет равное право на часть земли и получает ее в составе семейного надела; сама же семья должна положиться на жребий, который определит для нее, где и какой будет надел. И только так же "сыны израилены", как о том говорится в Книге чисел, должны были делить по жребию, завоеванную землю, с тем чтобы большие семьи получали большие участки, меньшие семьи - меньшие участки.

Каким же образом возникает обычай преимущественного наделения землей аристократии, предоставления добавочных участков базилевсу (греческое "теменос")? Как возникает обычай неравенства?

Но существует и другое истолкование описанной Гомером сцены, и от него не так-то просто отмахнуться: что если речь идет о соседях, приобретших земельный участок (куплей-продажей, дарением, наследованием) и не могущих по тем или иным обстоятельствам (овраги, заболоченные места и т. д.) договориться о справедливом разделе их общей собственности? Мы, как видно из нашего комментария держимся иной позиции.

Первые проявления неравенства мы видим в пищевых запретах, которые у охотничьих племен обеспечивают взрослым мужчинам и старикам лучшую пищу, предоставляя худшую женщинам и детям.

Причины такого предпочтения понятны. Но было непросто утвердить все это. На помощь - и притом вполне сознательно - была призвана первобытная магия с ее заклинаниями и проклятиями. А так как ее было все же недостаточно, возникают тайные обряды, тайные сообщества, оберегающие привилегии, применяются насильственные меры. Возникают хорошо известные тайные мужские союзы, главной целью которых является устрашение женщин, возникают даже тайные мужские охотничьи языки, весьма распространенные запреты, предупреждающие женщин против прикосновения к орудиям охоты и т. п.

Индивидуализация труда, рожденная новыми орудиями, приручение стад, военная добыча и т.п. - все это создало условия, при которых происходит необычайно быстрое (и в значительных размерах) накопление движимого имущества в немногих руках, а вместе с тем и углубление неравенства.

Тем, кто уже и до того добился для себя известных отличий и преимуществ, предоставлялись великолепные возможности упрочить, расширить их. Так возникает добавочная часть военной добычи (чаще всего скот), которой похвально Одиссей у Гомера. Глава дома, как и председательствующий на пиру, равно претендуют на лучший кусок и смертельно обижаются, если их обходят вниманием. Постепенное развитие указанных начал ведет к добавочному наделу для главы рода, а отсюда

естествен переход к добавочному земельному наделу для "царей" или "героев".

На известной ступени развития, с выделением судебной власти и усложнением судебного процесса, с отделением обычая от религии и искусства, с которыми он находился в самом ближайшем родстве, возникает уже то, что можно с известным основанием называть "доправовой культурой". Обычаи находят более или менее точное формулирование, устанавливаются по обсуждению вопроса и при известной процедуре, могут даже систематизироваться и фиксироваться на доске, камне и т. д.

То обстоятельство, что правило поведения, пусть даже такое, какое с неизбежностью вытекает из трудового процесса (как условие его эффективности), должно пройти через сознание, даже и опутанное ложными представлениями о силах природы и т.п., создает бесконечное разнообразие одного и того же обычая.

2. Каковы же наиболее существенные черты обычая по сравнению с правом? На это можно ответить следующим образом. Как родовой строй, так и обычай представляют собой свойственную данным историческим условиям естественно выросшую структуру, не знающую отношений господства и порабощения; соответственно с тем не существует никакого другого способа принуждения к выполнению обычая, кроме тех, которые созданы самим обычаем, не существует еще никакого различия между правами и обязанностями. Для индейца, пишет Энгельс, не существует вопроса, является ли участие в общественных делах или кровная месть его правом или его обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли правом или обязанностью сон, еда или охота.

5. Переход к государству

1. По современным представлениям, земледелие и скотоводство возникают приблизительно на одном и том же историческом этапе. В зависимости от почвы и климата в одних районах мира могло преобладать земледелие, в других, - наоборот, скотоводство, приручение животных. Древнейшие нильские поселения (Египет), равно как и те, которые открыты в Месопотамии, Иране, Средней Азии, некоторых областях Европы и т.п., указывают на преимущественно земледельческий характер возникших здесь культур. Можно полагать, что в ранней истории великих цивилизаций Древнего Востока земледелие должно было играть преобладающую роль. Вместе с тем не вызывает сомнений, что только с появлением упряжки, бывшей результатом древней скотоводческой культуры, стало возможно распространение и упрочение самого земледелия. Мотыга не вытеснена, ибо обладает своими особенными полезными свойствами, но она, без сомнения, уступает первенство упряжке, влекущей за собой плуг или соху.

В то время как обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее - домашним общинам и наконец отдельным лицам (но так, что и эти последние могли иметь известное право владения, но не собственности), стада уже перешли в обособленную собственность домашних общин или отдельных семей. При условии, что земля все еще равномерно разделена между семьями, главное богатство стало заключаться не в ней, а в скоте. И первые рабы, с которыми мы встречаемся в истории, - пастухи и скотоводы, наподобие описанного Гомером Эвмея.

Как люди научились выплавлять металл, мы не знаем, но несомненно, что уже в III тысячелетии до н.э. был изобретен воздуходувный мех, а вслед затем выделились в особо почитаемое "сословие" кузнецы. Можно предположить, что выплавка металла произошла сначала в гончарной мастерской: кусок малахита (минерала, содержащего медь), используемый для глазурования, попал в гончарную печь, и таким образом явился на свет многоцветный кусок медной руды. Вслед затем был изобретен плуг, а вместе с ним упряжь для волов.

"Увеличение производства во всех отраслях, - резюмирует Энгельс, - скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле - сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное

количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов".

2. Отделение ремесла от земледелия, вызванное успехами обработки металлов, особенно железа, приходит вслед за отделением скотоводства от земледелия. Обособляются не только земледелие и ремесло в целом; обособляются отдельные виды ремесленной деятельности, некогда совпадавшие в домашнем ремесленном труде. Появляются разнообразные предметы ремесла, а вместе с тем и разнообразные товары для обмена. Идет непрекращающийся рост производства. Рабство, носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы. Возникает производство непосредственно для обмена и даже заморская торговля.

Наряду с различиями между рабами и свободными углубляется пропасть между богатыми и бедными семьями; старая коммунистическая домашняя община взрывается. Пахотная земля переходит (через опосредствующие ступени) в частную собственность отдельных семей. Не только между рабами и не рабами, но та же и между самими свободными возникают различия и противоречия.

Власть военного начальника, поначалу не очень значительная, усиливается главным образом в результате грабительских войн. Она становится наследственной. Вместе с тем закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати.

3. Исчезает затем и самый род. С общественным разделением труда, с распространением ремесел и обмена родовые поселки теряют свое старое единство, они становятся местом поселения пришлого населения – иноплеменников, в том числе иностранцев, рабов, разного рода посторонних старому роду людей вообще. Аттический закон VI столетия до н.э. уже не позволяет, но обязывает фратрию принимать в качестве полноправных членов не только кровных, но и всех тех посторонних людей, которые поселились на ее территории. Вселение постороннего человека в "виллу" узаконяет (на известных условиях) Салическая правда. Англосаксонским правдам принадлежность человека к роду вообще безразлична, лишь бы он осел и "нашел себе господина".

Уходят и не возвращаются коренные жители родовых поселков. Одни – из-за отчуждения принадлежавшей им земельной собственности, другие – потому, что занятия ремеслом или торговлей потребовало перемены местожительства (переселения в город), Третьих выгнали какие-нибудь другие причины, в том числе война, кровная месть, притеснения и пр.

Интересы ремесленников не совпадают с интересами купцов, и обе эти новые общественные группы во многом враждебны деревне. Ни о каких родовых связях не может быть и речи: и купцы и ремесленники принадлежат к разным родам, фратриям, племенам, а их интересы, их цели, как и их единство, обусловлены уже не столько происхождением от общего предка, сколько профессией.

Ко всему этому сами родичи оказались разделенными на бедных и богатых. Функционирование родовых органов должно было поневоле прекратиться.

Возникло общество, расколотое на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков, укоренилось рабство иноплеменников, а вместе с ними и долговое рабство. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между классами или же "под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большое только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствиями – расколов общества на классы. Он был заменен государством".

Часть первая Рабовладельческое государство и право

Глава первая История государства и права стран Древнего Востока

А. Возникновение древневосточных государств

1. Наши знания об обществах Древнего Востока восходят к V-IV тысячелетиям до н.э. К этому времени относятся обнаруженные раскопками древнейшие поселения человека в Азии - в Древнем Шумере (в районе, где реки Тигр и Евфрат достигают Персидского залива), в Палестине (близ Иерихона), на юге нынешней Турции (в Анатолии).

Открыв погребение V тысячелетия до н.э. в Древнем Египте, археологи обнаружили глиняные сосуды, помеченные одним и тем же знаком, что может свидетельствовать о принадлежности этих вещей определенным лицам. А рядом лежали статуэтки пленников.

Проходят столетия, и вот уже хорошо заметно различие между богатыми и бедными погребениями. Изображения, покрывающие предметы, взятые из могильников так называемых герцейских раскопок в Египте, повествуют о сражениях: вокруг поселений возводятся стены для защиты от врагов. Малозаметный значок на предметах, изображающий канал, говорит о начале ирригации и одновременно о тех необходимых, но изнурительных работах, на которых стал широко применяться труд рабов как в Древнем Египте, так и на всем Древнем Востоке.

На рубеже IV-III тысячелетий до н. э. складывается в Древнем Египте "40 номов", или областей. Древним основанием нома должно было служить племя. Во главе каждого нома стоял "царь", он же верховный жрец местного культа и обладатель титула "начальника канала".

Объединение сорока областей происходит не сразу. Сначала возникают два отдельных царства - Верхний Египет и Нижний Египет. В период так называемого Раннего царства -XXX-XXVIII веков до н.э. - они, по-видимому, насильственно объединяются фараоном -Нармером.

Знаменитое изображение подвигов Нармера на шиферной пластинке для хранения мази ("палетка Нармера") служит вещественным основанием этой гипотезы. На одной стороне пластинки фараон изображен в короне царей Верхнего Египта поражающим жителя дельты Нила (Нижнего Египта); на обратной стороне он же в короне, принадлежащей царям Нижнего Египта. Фараон идет в сопровождении свиты чиновников среди обезглавленных трупов: число их изображено знаком - 6 тысяч.

Последующая история Древнего Египта распадается на три основных периода, каждый, из которых занимает многие сотни лет, - Древнее царство (XXVII-XXIV вв. до н. э.), Среднее царство (конец III тысячелетия - XVI в. до н. э.), Новое царство (XVI-XII вв. до н. э.). Начало Древнего царства открывает собой период победы классового общества и государства.

2. В конце 20-х годов нашего столетия археологи предприняли раскопки старинного города Ура в Древнем Шумере, расположенного близко от места слияния Тигра с Евфратом.

Обнаруженные здесь "царские погребения" относятся к глубокой древности - началу III тысячелетия до н. э. В могильниках Ура найдены прекрасной работы золотые и серебряные сосуды, инкрустированные перламутром украшения. Военные сцены дают представление об армии. Она вооружена уже не только копьями, но и боевыми колесницами, сыгравшими роль танков древности. Длинной вереницей идут пленные. Наконец, самое "поразительное открытие" - десятки принесенных в жертву людей.

Лежат стражники, с ними их копья и шлемы. Рядом с остатками карет - возничие, немного поодаль - слуги и т.п. Все эти люди были убиты, чтобы, по тогдашним верованиям, служить своим господам в загробном царстве.

Наличие социального неравенства и сильной, поднявшейся над обществом власти столь несомненно, что позволяет заключить: в начале III тысячелетия до н. э. шумерийское общество вступает в период государственного существования. Первоначальнообщинный строй, может быть, еще не разрушен полностью - и даже скорее всего так, - но уже побежден.

Как происходила экспроприация народной земли и устанавливался гнет немногих над многими, можно видеть из сообщения о восстании народа в Лагаше - другом большом городе Шумера. Известно имя вождя этого восстания: его звали Урукagina (около 2370 г. до н. э.).

Народ Лагаша был недоволен тем, что земли, считавшиеся храмовыми, были расхищены. До того они сдавались крестьянам в аренду за небольшую

плату. Когда их захватила знать, крестьянину была отведена роль поденщика за небольшое довольствие.

Расхищению подверглись и те земли, которые принадлежали сельским общинам. Значительная часть их становится собственностью царского дома, раздается в виде наделов землевладельческой и чиновной знати. Собственно крестьянские наделы уменьшаются до половины гектара, но и их, нарушая старинные обычаи, начинают продавать, закладывать, сдавать в аренду.

Стоя во главе восставшего народа, Урукагина возвратил храмам их прежнюю собственность. Он увеличил месячные выдачи, полагавшиеся крестьянам за работы на храмовой земле. Насильственное отчуждение крестьянской земли было запрещено.

Урукагина вернул старинные постановления. Он удалил надсмотрщиков. Никакой жрец уже не входит в сад бедняка... Если у подданного родился хороший осел и его начальник скажет: "Я хочу его купить у тебя", а хозяин не жещает этого, пусть его за то не преследует начальник" (как то было раньше) и т.д.

Стремление народа восстановить прежнее положение было, однако, неосуществимым. Реформы не затронули землевладения знати, не отменили права продажи крестьянских земель, не ликвидировали долговой кабалы - превращения свободного человека в раба за неуплату долга.

Тем не менее опасный пример, поданный Лагашем, встревожил знать соседних городов; спустя шесть лет после победы восстания режим Урукагины был ликвидирован вторжением города Уммы.

События в Лагаше не были чем-то исключительным. Поразительное сходство с ними обнаруживается в рассказе о реформах царя Ур-Намму, одного из царей III династии Ура. Табличка, сообщающая об этих реформах, относится приблизительно к середине XXI столетия до н. э. Как и Урукагина, Ур-Намму устранил взяточников и обманщиков, захватывавших быков, овец и ослов, принадлежавших бедным людям. Он позаботился о том, чтобы "человек одного шекеля" не был притесняем "человеком мины", то есть богачом (в мине 60 шекелей).

В последующие столетия то один, то другой из городов Шумера добивался господства над Двуречьем, пока царь Вавилона Хаммурапи (1792-1750 гг. до н. э.) не подчинил себе земли, простирающиеся от Персидского залива на юге вплоть до старой Ниневии на севере, то есть верхнего течения реки Тигр. Наступает новый этап в многовековой истории Двуречья - этап возвышения и господства Вавилона.

3. Возникновение государства в Древнем Китае связывают обыкновенно с тем, что в XVIII столетии до н. э. союз племен, известный под названием Шань или Инь, завершил покорение другого племенного союза. Глава победителей сделался "царем".

Археологические данные свидетельствуют, что в Иньском государстве широкое распространение получают все виды земледельческой техники той эпохи: соха и плуг (с металлическим сошником), борона, мотыга и пр. Земледелие стало основной отраслью деятельности. Существуют ремесла, торговля и денежное обращение.

"Ныне в Поднебесной, - сообщает древний китайский автор, все стало частным, каждый стал считать родителями только своих родителей, сыновьями только своих сыновей, ценностями и трудом стали пользоваться только для себя, установился обычай, по которому власть сановников стала передаваться по наследству; были устроены валы в качестве укреплений".

4. В середине II тысячелетия до н. э. На севере Индии после продолжительного движения с Запада на Восток появились племена, говорившие на языке, родственном основному европейскому языку - греческому, латыни, германским, славянским. Принадлежавшие к этим племенам люди называли себя ариями (арьями), что следует переводить как "полноправный". Священные книги ариев - Веды - рассказывают, что, вступив в Индию, арии выдержали трудную борьбу с ее коренными жителями. Были уничтожены какие-то "бронзовые города" и их население.

Этому сообщению не придавали особого значения, пока в начале 20-х годов нашего столетия не были обнаружены скрытые под землей развалины

двух больших городов. Их стали называть Мохенджо-Даро и Хараппа (по нынешним названиям местностей). Они построены из обожженного кирпича, действительно напоминающего своим цветом бронзу.

Оба города имели широкие улицы, застроенные двухэтажными домами, канализацию с магистральными каналами и отстойниками, общественные купальни и пр. К тому и другому примыкают цитадели с дворцами и храмами. В Хараппе, кроме того, были раскопаны хранилища для продуктов. Рядом с ними невзрачные хижинки – обиталища рабов, прислуги.

Кем был народ этих загадочных городов, мы не знаем. Оставленные ими письма не поддаются прочтению. Но многое наводит на мысль, что культура Мохенджо-Даро родственна культуре Шумера. Существование торговых связей между этими двумя районами несомненно. Известно также, что шумеры пришли в Двуречье, принеся с собой культуру, гораздо более высокую по сравнению с местной. Выяснению всех этих трудных вопросов служила одна из экспедиций знаменитого норвежского ученого Тура Хейердала.

Основательна ли гипотеза, связывающая сообщения Вед с судьбой Мохенджо-Даро, покажет будущее. Высказаны и весьма серьезные возражения против этой гипотезы. Но несомненна связь между культурой Хараппы и последующей историей индийского народа.

Основным занятием ариев было скотоводство. Земледельцами они сделались уже на новой родине. Расселяясь по течению рек, они оседали родовыми коллективами и племенами, которыми управляли вожди-раджи и советы старейшин.

В ходе завоевания и расселения происходит обогащение и усиление родовой и военной знати ариев. Обширные пространства земли и многие тысячи военнопленных сделались ее добычей.

Должность раджи из выборной становится наследственной. Одновременно с раджами выдвигаются, образуя замкнутые сословия, старейшины и жрецы племен. На другом полюсе оказывается все свободное, но незнатное население, главным образом крестьяне и ремесленники, еще ниже их, вне общества, находятся рабы и близкие к ним элементы из среды покоренного населения.

5. Какую же роль сыграло завоевание в процессе образования государства? Вопрос этот относится не только к Древней Индии, но и к Египту, Вавилону, Китаю. Мы должны будем возвратиться к нему, изучая историю Спарты и Рима, историю германцев-франков. Речь идет не об исключении из правила.

Всякий раз, когда происходит завоевание, покорение, мы встречаемся с народами – в какой бы роли они ни выступали, находящимися на такой стадии исторического развития, когда возникает, так сказать, экономическая "целесообразность" грабительских войн. Захват добычи имеет место не ранее того времени, когда создаваемые трудом ценности (зерно, скот, одежда и т. д.) могут накапливаться в виде некоего излишка над количеством, необходимым для ежедневного потребления; захват рабов – не раньше, чем когда трудом человека становится возможным производство такого рода излишка.

С началом формирования классов военные экспедиции из эпизодических становятся постоянными. Особую заинтересованность в них проявляет родовая знать. Рабы и военная добыча служат для нее немалым источником обогащения, а постоянное начальствование над войском – решающим условием политического возвышения.

Завоевание бессмысленно, если не существует экономической выгоды эксплуатации. Но она возникает тогда, когда: а) достаточно разовьются орудия и средства производства, земледелие, начнется сооружение каналов и дамб, раскорчевка лесов под пашню, в особую отрасль деятельности превратится ремесло; б) возникнут пусть самые простые, самые примитивные, но все-таки достаточно эффективные средства для того, чтобы заставить раба трудиться на условиях, которые были ему навязаны.

Не раз случалось, однако (как это было в Шумере), что народ-победитель стоял на более низкой ступени социального развития, нежели народ покоренный. В данном случае, как это ни парадоксально, именно высокий уровень развития покоренного народа облегчает дело противника.

Различие в вооружении является для той ступени не столь существенным, как в наше время. Зато классовая борьба, социальный протест низов против эксплуатации и их готовность примкнуть к победителю, если за этим стоит облегчение их участи, многократно усиливают "агрессора", для которого социальная отсталость становится благом, ибо в его среде не существует еще резкого различия в положении людей, а значит, и борьбы между ними.

Вместе с тем следует, конечно, учитывать, что при всей своей отсталости народ-победитель должен был иметь хорошую военную организацию и твердое руководство; слишком большая отсталость сделала бы для него невозможным овладение городами-крепостями или борьбу с хорошо обученным, часто профессиональным войском. Таким образом, и в данном случае мы почти всегда сталкиваемся с племенами, находившимися, по крайней мере, на стадии перехода к классовому обществу.

Покорение чужого народа не проходило бесследно для завоевателя. Чтобы держать в покорности завоеванный народ и принуждать его к труду на завоевателей, необходимо было иметь постоянно действующий аппарат власти, опирающийся на разнообразные орудия подавления. Им может быть только государственный аппарат. Победитель создает его заново и сравнительно быстро: он не может воспользоваться аппаратом народа покоренного, а первобытнообщинный строй не знает такого рода власти в принципе.

Таким образом, завоевание способно играть важную роль. Не будучи решающим условием возникновения государства, оно активизирует, убыстряет процесс его появления и утверждения.

Б. Общественный строй древневосточных государств

1. Господствующий класс древнеегипетского общества составляли рабовладельческая знать и жречество. Положение знатного человека определялось тремя условиями: древностью рода, величиной землевладения, значением занимаемой должности.

В конце Древнего царства, воспользовавшись ослаблением центральной власти, светская аристократия, особенно провинциальная (номовая), добивается почти полной независимости. Благодаря разного рода "защитительным" (иммунитетным) грамотам, испрашиваемым у правительства, собственники провинциальных имений приобретают освобождение от тягот и повинностей в пользу государства. Особенно преуспевают в этом провинциальные правители-номархи. Наступает распад Древнего царства.

В период Среднего царства, несмотря на выдающиеся успехи централизации, номовая аристократия сохраняет и упрочивает привилегии. Свои имения она называет "отцовскими", то есть наследственными, и, значит, не зависящими от воли правительства. Наследственными становятся перешедшие от предков титулы и даже должности (в особенности должность номарха).

В период Нового царства положение светской аристократии меняется к худшему. Оставаясь господствующим классом, она должна была примириться с деспотическим господством фараона и его правительства, с одной стороны, выдвижением жречества - с другой.

Огромное значение жречества, непосредственное вмешательство жрецов в судебные дела и управление не составляет какой-либо особенности египетской истории. То же самое мы видим во всех государствах Востока, включая Вавилон и, конечно, Древнюю Индию. И все-таки то положение, которое замкнутое жреческое сословие приобретает в период Нового царства, заслуживает особого внимания. Храмы и жрецы в отдельности становятся собственниками огромных богатств - земли и драгоценностей всякого рода. Жреческое звание становится наследственным в определенных семьях. Назначение на церковные должности стало производиться независимо от правительства.

Доступ к государственным должностям не был в принципе закрытым. Удачливый чиновник или офицер не раз делали блестящую карьеру, добиваясь заметного положения, чинов и богатства.

Автобиография чиновника Метена, жившего 3000 лет до н. а. (Древнее царство), сообщает о последовательном замещении должностей и

соответствующем накоплении богатств: первый писец пищевых складов - начальник этих складов -еще какая-то должность - наконец управитель Бычьего нома (номарх): отец Метена, провинциальный судья, оставил сыну только "людей (рабов) и мелкий скот"; "ни земли, ни зерна". В конце карьеры Метен уже собственник 200 аур поля "с многочисленными царскими людьми", на него работавшими, огромного дома, "построенного, снабженного", сада, пруда и пр.

Карьера чиновника была нелегкой, нелегко был сам путь к знанию - умению писать и считать. И тем не менее многим она казалась пределом мечтаний. Единственный в своем роде документ, составленный в виде поучения сыну (Среднее царство), с редкой откровенностью указывает на выгоды государственной службы (так называемое Поучение Ахтоя).

Вот его содержание. "Я не видел кузнеца посланником и ювелира посланным, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуже, чем гнилая икра. Каждый ремесленник, работающий резцом, утомляется больше земледельца. А ночью разве он свободен? Он работает больше, чем могут сделать его руки, поэтому ночью он зажигает огонь. У земледельца всего одно платье. Его здоровье как человека, лежащего подо львом... Ткач в мастерской слабее женщины. Его ноги на желудке, он не вдыхает воздуха. Если он не доделает днем положенного, его бьют как лотос в болоте".

В таких же выражениях автор говорит о других профессиях. И заключает страстным призывом идти в школу и стать чиновником (писцом). Ибо все должности имеют над собой начальника, и только чиновник "сам начальник" над другими. И не говорят писцу: "Поработай на этого человека". Наоборот, он "сам будет посыпать многих", и "нет писца, лишённого пропитания от достояния царского дома".

Основная масса сельского населения Древнего Египта, сохраняя личную свободу, жила в деревнях, представлявших собой (в отдельности или в некоторой совокупности) то, что принято называть сельской общиной.

Существовавшая у всех народов древнего мира, сельская община возникает вместе с разложением рода и под влиянием этого процесса. От родовых порядков сохраняется коллективная собственность на землю: покупать, продавать, обменивать ее возможно только с согласия всех участников общины. В отличие от порядков, существовавших в роде, каждая принадлежащая к сельской общине семья владеет особым участком вначале временно, на условиях более или менее регулярного передела, а затем постоянно.

В общем пользовании общины остаются свободные земли, включая нераспаханную целину, луга, леса и пр. Нередко случается, что общины обрабатывают часть земли сообща, предназначая полученный урожай на взнос налога, на создание запасов.

Большая часть членов общины связана между собой родством, происхождением от общего предка. Однако с течением времени в ее среду проникают и неродственники, чужаки. Некоторые же общинники, напротив, вынуждены покидать ее в поисках заработка.

Управление общиной осуществляется общим собранием, советом, старейшиной.

По своему характеру сельская община является переходной формой от коллективной собственности на землю, коллективного пользования ее плодами к частной собственности, к индивидуальному хозяйству. Однако в условиях Древнего Востока сельская община сохранилась и после того, как возникло классовое общество. Это объясняется тем, что земледелие здесь было возможно только как орошаемое.

При тогдашних орудиях труда сооружение и поддержание оросительных систем требовали коллективного труда. Коллективным было, как легко понять, и пользование каналом, регулирование воды в нем, само распределение этой воды между отдельными полями и т.д. В этом главная причина того, что сельская община не погибла, что, мало изменяясь, она сохранялась в течение столетий и тысячелетий.

Зависимость от данной системы ирригации мешала богатым крестьянам разорвать с общиной, хотя многие из ее порядков были для этих крестьян стеснительными. Они находили выход в том, что прибавляли к своему исконному наделу новые земли, лежавшие за пределами общинного орошения (так называемые высокие поля), устраивая колодцы за собственный счет.

Но таких крестьян было мало. Большая же часть общинников беднела по мере дробления хозяйств между наследниками и по другим причинам. В хозяйствах египетской знати, на храмовых землях было занято много таких крестьян, которые, потеряв свои общинные наделы, существовали на довольствие. Жили они в принадлежавших землевладельцу селениях и управлялись надсмотрщиками.

Это обычная картина для эпохи Среднего царства. Упоминания о покупке земли разбогатевшими крестьянами, чиновной и военной знатью становятся весьма многочисленными. Идет разорение сельской общины, усиливается неравенство в ее среде.

В эпоху Нового царства работа на чужой земле, государственной и храмовой по преимуществу, становится уделом большей части египетского крестьянства. Забота об орошении является делом центрального правительства. Старой общины уже, по-видимому, нет.

Работавший на государственной земле крестьянин ("царский человек") не имел ни семян, ни волов; и тем и другим его снабжало государство. Полученный урожай подлежал строгому учету, и большая его часть отбиралась.

Периодически проводились смотры населения, имевшие целью насильственное причисление людей к тому или иному разряду работников; большую часть обязывали к работам на государственных и храмовых землях.

Система принудительного труда была связана с системой насильственного прикрепления людей к определенным профессиям. Платой за труд, в том числе труд ремесленника, служили продовольственные выдачи и выдачи одежды. Многочисленные изображения на стенах египетских гробниц и храмов дают отчетливое представление о характере и распространенности рабства. Среди рабов фигурируют негры, выделяющиеся своим внешним видом азиаты, захваченные во время военных экспедиций, сами египтяне. Вот они сгибаются от натуги, сидя на веслах или таща на себе грузы, или черпая воду из колодцев.

Знаменитая пирамида Хеопса (Древнее царство), выстроенная для одного человека, думавшего, что таким путем он может обеспечить себе вечное существование, стоила жизни сотням тысяч рабов, не удостоившихся простого погребального обряда.

В период Нового царства, с распространением системы принудительного труда, различие в положении рабов и свободных тружеников стало все больше стираться. Так же, как и свободные крестьяне, рабы массами заняты в дворцовом хозяйстве, выполняя дневной урок, или наделяются землей. В последнем случае наблюдается некоторое приближение к начальным формам феодализма.

Рабский труд конкурировал с трудом свободных и вытеснял его из многих сфер деятельности, особенно в ирригации. Он занял господствующее положение в некоторых непроизводительных отраслях, например, в строительстве усыпальниц, в личном услужении. Рабский труд, положение раба, его бесправие, налагая отпечаток на все общество, в особенной степени сказались на судьбе крестьянина-общинника и ремесленника. Их эволюция была эволюцией от свободного состояния к зависимости, и весь ход этой отмечен сильнейшим влиянием рабовладельческих эволюции порядков.

2. В своих основных чертах древневавилонское общество подобно египетскому. Мы находим здесь светскую и церковную знать, чиновничество, профессиональное воинство, сельских общинников, ремесленников, купцов и торговцев, наконец, разные категории рабов.

При всем том различия между этими обществами весьма существенны. Прежде всего обращает на себя внимание разделение свободных людей на две категории. Одни назывались "сынами мужа" - "авилум" (или, в ином чтении,

"сынами человека"), что должно было подчеркивать их свободное, полноправное состояние; другие - "мушкенум". Определение того, что это значит, остается до сих пор предметом спора. Одни исследователи склонны относить мушкенум к разряду отпущенных на волю рабов, другие видят в них особый разряд неполноправных граждан - "подданных".

Различия в положении авилум и мушкенум не совсем обычны. Когда речь идет о развитом частном хозяйстве и частном рабовладении, мушкенум выступает как полноправный гражданин, но как только речь идет о наказаниях за обиду, за причинение вреда или увечья, там в безусловно привилегированном положении оказывается авилум; его защищают и более крупный штраф, и более суровое наказание, угрожающие обидчику.

Гипотеза, которая некоторым образом объясняет это противоречие, состоит в следующем. Авилум - это та часть населения Вавилона, которая принадлежала к семитам - объединителям Двуречья (амореям); мушкенум же - его шумерийское население. Известно, что шумеры намного опередили семитов в своем развитии. Поэтому у них имеется и частное хозяйство, и частное рабовладение. Но в политическом отношении именно семиты могли обладать существенными привилегиями.

Некоторое основание указанная гипотеза находит в истории других народов, например, как мы увидим ниже, в истории франков после покорения ими Галлии. В то же время имеются основания полагать, что в разлагающейся сельской общине амореев (с укоренившимся обычаем продажи и купли земель) частное хозяйство было делом не менее обычным, чем у мушкенум.

В недавнее время в советской исторической литературе высказано не менее серьезное предположение. Мушкенум - это те бывшие общинники, которые вынуждены были сделаться арендаторами царских (государственных) земель. Особая защита их имущества вполне понятна, ибо отвечает непосредственным интересам законодателя. К тому же эти люди не могли рассчитывать на помощь соседей-общинников. Но почему, становясь царским арендатором, человек терял в своем "достоинстве"?

Несмотря на необыкновенно высокие урожаи, которые давала прекрасно орошенная земля Двуречья, положение крестьянина-общинника было тяжелым. В юридических документах конца II тысячелетия до н. э. общинники выступают главным образом закладывающими свои земельные участки ростовщикам (при денежном займе и натуральном, то есть продуктами, зерном); закладывающими жену и детей, если нет другого имущества; продающими своих детей за деньги; арендующими чужую землю (на условиях уплаты 1/3 и даже 1/2 урожая); продающими земельные участки, сады, скот; нанимающимися на поденную работу и т. д.

Основную массу рабов составляли иноплеменники, захваченные на войне. Это главным образом мирное население, становившееся, по обычаям того времени, полной собственностью захватчика.

Рабов имели все состоятельные элементы вавилонского общества, включая разбогатевших общинников и ремесленников. Сельские общины имели их в коллективной собственности. Тысячи рабов были заняты в царском и храмовых хозяйствах.

О положении рабов рассказывает одна табличка из шумерийского города Ум-мы (III тыс. до н. э.): из 185 рабынь, находившихся на работах в данном хозяйстве, 57 умерли в течение одного месяца. В течение следующих четырех месяцев погибли еще 38.

Закон разрешал рабу дворца и рабу-мушкенум иметь семью, а также дом и имущество, но убийство чужого раба влекло за собой простое возмещение его стоимости.

Особую группу рабов составляли неоплатные должники - те граждане Вавилона, которые, взяв долг, не смогли выплатить его в положенный срок. По законам Вавилона, они отдавались кредитору для работы в его хозяйстве, но на срок, не превышающий трех лет.

Если иметь в виду, что основная масса займовых операций, ради которых бедный человек решался на риск долговой кабалы, касалась небольшой суммы денег, семян для посева и пр., следует признать трехлетний срок рабства достаточным не только для возмещения убытков,

понесенных кредитором, но и для обогащения за счет прибавочного труда должника.

Долговое рабство свойственно истории всех народов древности. Происхождение долгового рабства может быть объяснено коллективным характером земельной собственности. Принадлежа всему данному роду, данной общине, земля не могла служить залогом при частных сделках займа. И то же, по-видимому, относится к скоту, к орудиям труда. Единственной действительной ценностью, могущей гарантировать интересы кредитора, был сам должник, его личность.

Став ранее всего господином в собственной семье, мужчина приобретает право продажи детей и жены в рабство. Когда отец продавал своих детей в рабство, он продавал их навсегда, без права истребования. Можно себе представить, сколько трагедий было связано с этим правом.

Принцип временной долговой кабалы был усвоен и древнееврейским законодательством, находившимся под заметным влиянием вавилонского права. Только здесь - в так называемых Законах Моисея (IX в. до н. э.) - установлены шестилетний срок и дополнительное правило: "Но если раб скажет: я люблю моего господина, мою жену и моих детей (в случаях, когда господин дает рабу жену); я не хочу выйти на волю, то... подведут его к створу или косяку двери, и его господин проколет ему ухо шилом, и раб тогда будет служить вечно".

3. Ни египетская, ни вавилонская история не сохранила сведений о правительственных мерах, преследующих общинные порядки или стимулирующих их прекращение. Пример такого рода дает нам история Древнего Китая (в так называемом Циньском царстве). В середине IV века до н. э. по инициативе сановника Шан Яна была проведена реформа, которой была узаконена свободная продажа и покупка земли; мужчинам, живущим в одном доме и ведущим общее хозяйство (сыновьям, оставшимся после отца на одном общем хозяйстве), было предписано разделиться.

Той же реформой были ликвидированы прежние территориальные деления, идущие от первобытнообщинного строя, и повсеместно введено новое деление - на уезды. В интересах правительственного контроля над населением была сохранена и упрочена круговая порука. Каждые пять крестьянских семей составляли первоначальную ячейку - пятидворку. Во главе ее стоял староста, ответственный перед государством за поведение каждого из своих людей; пять пятидворок составляли "деревню", пять "деревень" - клан и т. д. вплоть до округов и областей.

Шан Ян перенес принцип "пятерок" на армию, и солдаты были связаны круговой порукой, как и все остальное население: за провинность одного отвечали все пять.

В китайском уголовном праве окончательно утвердился принцип групповой ответственности: наказание было распространено на невиновного.

Древняя китайская история дает нам примеры грандиозных по своим масштабам крестьянских революционных войн. Одно из них, восстание 209 года до н. э., привело к свержению династии (Циньской) и проведению важных реформ. Было облегчено положение крестьян, осуществлено освобождение рабов, отменено обращение в рабство целыми семьями, общинам было возвращено право выбирать себе старост, смягчен уголовный кодекс.

Торжество крестьян было, однако, недолгим. Спустя некоторое время правительство, оставшееся в руках аристократии, взвалило на них прежнее бремя с помощью подушного, поземельного и ряда других налогов - прямых и косвенных.

Новые народные выступления вынуждали правительства к новым реформам. Важнейшей из них является реформа императора Ван Мана (1 в. н. э.): продажа земель была запрещена, все земли были объявлены государственными; никто не мог иметь больше определенного количества земли (100 му); все безземельные могли получить землю по закону. Одновременно с тем было запрещено покупать и продавать рабов.

Намерения были, может быть, добрыми, но утопическими. Хотели предотвратить разорение крестьян, помочь им сохранить землю. Но ни прежние формы эксплуатации, ни даже закон об обращении в рабство

преступника и тех семей, которые были связаны с ним круговой порукой, не были отменены. Крупные землевладельцы саботировали проведение реформы. Правительство же не могло (или не хотело) преодолеть это сопротивление. Через три года свободная продажа земли и рабов была восстановлена.

Китайское общество в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры развивалось по пути превращения в общество феодальное: рабы сажались на землю, крестьяне переходили в разряд арендаторов и зависимых работников. Крестьянское восстание (так называемое восстание "Красных бровей") 18 года н. э. вынудило правительство к освобождению части рабов и изданию закона о запрещении убивать рабов без суда. Рабовладение было подорвано.

Реформы Шан Яна имели успех. Разложение общины было неизбежно и закономерно. Государство помогло этому процессу. Реформы Ван Мана не удалась и были отменены – они были вынужденными, противоречили историческому процессу, оказались нежизнеспособными. Сила закона не безгранична. Он не может навязать экономическим и социальным процессам то, что противоречит их природе.

4. Значительным своеобразием отличается общественный строй Древней Индии. Свообразие это связано с существованием особых "сословий" – варн. Их было четыре. Первой по важности и привилегиям считалась варна жрецов – брахманов. Ко второй принадлежала вся военная знать. Это – кшатрии. Обе эти варны составляли господствующий класс. По официальным представлениям, брахман – высший из людей. Его занятие – изучение священных книг, участие в суде и управлении, выработка законов и предписаний. Ему принадлежит все, что он видит, он может "потребовать все, что захочет" (по крайней мере, в законе). Изгнание и острижение – единственные наказания, которые могут быть применены к брахману.

Кшатрии – это светская аристократия. Из ее среды выходили цари, военачальники, сановники.

Две другие варны – непривилегированные. Принадлежавшие к третьей варне вайшьи были крестьянами, ремесленниками, торговцами. Четвертую варну составляли шудры. В их среде – обнищавшие, оставившие общину крестьяне, чужаки, отпущенные на волю рабы. Шудра мог иметь семью, его дети наследовали имущество, путь к обогащению не был ему закрыт каким-либо запрещением. И тем не менее он не свободен.

Шудру можно продавать и покупать. Даже отпущенный своим господином, он не освобождается от обязанности услужения, "ибо они врождены для него". Он тот, "чье имущество может быть отобрано хозяином". В глазах закона шудра нечестив, общения с ним надо избегать, его свидетельство всегда вызывает подозрение, его наказывают строже, ему запрещены религиозные обряды.

Положение раба (даса) немногим отличалось от положения шудры. Судя по древнейшему сочинению индийской литературы Артхашастре раб так же, как и шудра, может иметь семью, имущество, право наследования после отца, может требовать освобождения за плату.

Но как член варны шудра на ступень выше раба. То, что для раба может быть фактически счастливым исключением (семья, имущество), для шудры – обычное его состояние. Он может прибегать к суду, давать свидетельские показания, его нельзя убить безнаказанно. Шудра – полураб, полусвободный. Эксплуатация его, могла осуществляться в формах скорее полуфеодальных, чем рабовладельческих (испольщина, оброк).

Принадлежность к варне определялась рождением. Переход из одной варны в другую был строго воспрещен.

Закрепленное законом неравенство было свойственно многим народам древности, но такого законченного, как в Индии, не было, пожалуй, нигде. Оно было наилучшим в тогдашних исторических условиях способом узаконения классового господства брахманов и кшатриев.

Происхождение варн не вполне ясно. Весьма вероятно, что завоевание и пребывание среди враждебного народа способствовали ранней специализации двух основных политических "профессий" – жреческой и военной. Военачальники и администраторы осуществляли завоевание и порабощение

чужого народа, жрецы наблюдали за чистотой "расы", препятствуя смешениям ариев с коренным населением. Вайшьи вобрали в себя весь основной народ завоевателей, шудры же образовались из каких-то частей местного населения (сдавшихся, добровольно покорившихся?).

В первоначальных варнах все было проще, чем впоследствии; браки между брахманом и шудрянкой не воспрещались, хотя и не поощрялись; брахманы могли выполнять работу, которая затем была признана позорящей, - охранять караваны и пр.

В первых веках нашей эры в Индии стали складываться феодальные отношения. В этот период происходит процесс преобразования варн в касты. Возникшие первоначально внутри непривилегированных варн, они превратились в замкнутые общественные группы. Объединялись они принадлежностью к одной и той же профессии. Принадлежность эта была пожизненной и переходила к детям. Произошло насильственное прикрепление людей к их профессиям, их роду занятий (касты ремесленников, купцов, домашней прислуги и пр.). Наименее привилегированными были касты пастухов, гончаров, ткачей (они считались принадлежащими к варне шудр).

Презируемые профессии (могильщики, поденщики и пр.) стали участью так называемых неприкасаемых. Всякий, кто принадлежал к "чистым кастам", не мог иметь с ними общения.

В. Государственный строй древневосточных государств Восточная деспотия

1. Во все периоды истории Древнего Египта был царь, которого мы вслед за древними греками называем фараоном. Египтяне предпочитали не называть ни имени фараона, ни даже его титула. Они говорили: "во дворце решили", "во дворце сказали" и т. д.

Религия, которая была в Древнем Египте государственной, то есть общеобязательной, причисляла его к богам. Как глава культа, как "сын бога" фараон считался посредником между землей и небесами: жрецы отправляли свои обязанности по его поручению.

"Божественное происхождение" давало фараону право на особый ритуал - и здесь, вероятно, начало всех прочих исторических церемоний.

Наследование престола осуществлялось в пределах одной и той же царствовавшей фамилии (от отца к старшему сыну). Вполне законным (легитимным) считался только тот фараон, который родился от брака между принцем и принцессой царствующего дома.

Брак с единоутробной сестрой был в Древнем Египте обыкновенным делом. Царицы были почти всегда родными сестрами своих мужей.

Власть фараона была в принципе неограниченной. Осуществлялась она через чиновников.

Центральное управление возглавлялось сановником, которого принято называть (по-арабски) "визирем" (древнеегипетское наименование - "джати"). Один из визирей Древнего царства так перечисляет свои обязанности: издавать законы, повышать в чинах, устанавливать пограничные знаки (размежевывать владения), творить суд и осуществлять высшие полицейские функции. Особо упоминается о том, что визирь являлся также председателем шести судебных палат.

Инструкция визирю, составленная в период Нового царства, рисует нам бюрократический ритуал: визирь сидит на сиденье со спинкой, в своей особой зале, по бокам его сановники, направо начальник его приемной, слева стоит докладчик, рядом - секретарь и т. д.

Степень централизации власти огромна. Визирю докладывают все начальники, он должен знать обо всем, что "имеет доступ во дворец", об открытии и закрытии в урочное время запоров, о состоянии крепостей; он отводит земельные участки: он посылает окружных чиновников "проводить обнесенные плотинами каналы по всей стране"; у него хранятся завещания, он рассматривает жалобы на беззакония; он должен знать о каждом аресте; он ведает внесением быков в податные списки и т. д.

Помимо визиря источники называют в качестве одного из самых важных сановников государства главного казначея ("заведующего всем, что дает небо, земля и воздух"). Затем идет "начальник работ", обязанностью

которого было наблюдение за оросительной системой. В одном ряду с ними стоит сановник, управляющий "домом оружия" (комплектование и снабжение армии).

Египетская история знакомит нас с целым рядом исконных форм всякой бюрократии: иерархия чиновников и порядок прохождения службы, внеочередные прохождения ступеней, присвоение званий и титулов, связанное с награждениями землей и крестьянами, приемы и доклады, специальные одеяния (форма), цепи на шее (знак отличия) и т. д. с трудом верится, что все это имело место много тысяч лет тому назад.

В практику управления рано вошли всякого рода советы и совещания (вроде военного совета), объезды областей (в том числе царские объезды), переписи населения, податные списки. Особые инструкции предписывали правила обращения с секретными документами, правила приложения печатей, устанавливали ответственность за разглашение государственной тайны, определяли сроки прохождения жалоб.

Инструкция визирю, относящаяся ко времени Среднего царства, является своего рода образцом бюрократической мудрости и опытности: наиболее безопасно действовать по инструкции; просителю приятнее внимание к его словам, чем исполнение того, за чем он пришел; царь любит скорее опасливого, чем дерзкого; окружи себя страхом, чтобы тебя боялись, но не приходи в ярость попусту, а только ради того, что действительно заслуживает гнева... и т. д.

Аппарат подавления состоял из армии и полиции. Основное ядро армии составляли со времени Древнего царства профессиональные части. Для военных экспедиции за пределами страны продолжают набирать ополченцев. В период Нового царства почти вся армия становится профессиональной, ее отборные войска комплектуются из иностранцев.

Древний Египет был страной развитого полицейского аппарата. Египетские правители заметили всю недостаточность одной полиции. Были созданы полиции явная и тайная, пограничная стража, специальные охранные отряды, поставленные наблюдать за безопасностью каналов и других важных сооружений, наконец, служба охраны фараона и высших сановников (телохранители).

Мы мало знаем о классовой борьбе в Древнем Египте. Но один документ, каким бы ни было его происхождение, - "Речение Ипусера" (по иному чтению, Ипувера) - свидетельствует о том, что картины всепокрушительной народной революции не были чужды египетской литературе, а значит, и действительной истории. Есть основания думать, что восстание, о котором говорится в указанном документе, произошло около 1700 года до н. э. Восставшие захватывали города и имения, землю и скот, уничтожали податные списки, сжигали судебные дела, разрушали присутственные места, расправлялись с ненавистными чиновниками.

"Воистину чиновники убиты. Взяты их документы... писцы по учету урожая, списки их уничтожены... свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках... Бедные люди выходят и входят в великие дворцы... Царь захвачен бедными людьми... приступлено к лишению царя царской власти немногими людьми, не знающими закона..."

Судебное устройство в Древнем Египте не совсем ясно. В период Древнего царства суд не был еще отделен от администрации. Чиновник, ведавший тем или иным делом, осуществлял и суд в отношении подчиненных ему людей. Высший суд находился в ведении специального учреждения - шести палат, главой которых был визирь. Все судебные дела решались здесь коллегиально.

Местное управление было сосредоточено в руках номарха и его чиновников. Положение номов было в разное время различным. В иные периоды, например в период Среднего царства, каждый из них был государством в миниатюре во главе с номархом, сосредоточившим в своих руках административную и судебную власти, а также высшее руководство делами местного культа. Каждый ном имел своего особого бога-покровителя, свое провинциальное чиновничество, свои публичные работы, подати, войско.

2. Установление монархического строя в Древнем Шумере произошло не ранее середины III тысячелетия до н. э. До этого времени шумерийские города представляли собой, по-видимому, своеобразные республики с выборным и подотчетным собранию граждан вождем.

Тогда семиты начали свое проникновение на юг Двуречья и знаменитый царь Саргон (3000 г. до н. э.) – основатель аккадской династии – во главе отборной дружины (5400 воинов) отправился на завоевание богатого Шумера, наступил новый период в многовековой истории этого района – период гегемонии семитов. Шумерийские города, ослабленные распрями аристократических кланов и междоусобными войнами, сделались легкой добычей завоевателя, впервые в истории человечества провозгласившего идею всемирной монархии и сумевшего осуществить ее на огромном пространстве земель – от Средиземного моря до Персидского залива.

Особенного расцвета государство семитов (амореев достигает при знаменитом Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). Из своей великой столицы Вавилона он управлял колоссальной по тем временам империей – от Персидского залива на юге до далекой Ниневии."

Царствование Хаммурапи было ознаменовано успешными войнами, великолепными сооружениями, кодексом законов. Власть Хаммурапи в принципе была неограниченной. Он называет себя, по обычаю, "царем четырех стран света". Чиновники и судьи действуют по его поручению и от его имени. Старший из них носит шумерийское название "нубанды", что значит "меньший человек".

Управителями городов и районов страны царь Вавилона назначает своих сановников, наделяя их административными и судебными функциями.

По крайней мере, три города – Вавилон, Ниппур и Сиппар имели во времена Хаммурапи автономию и привилегии. Царь и его чиновники не имели права ареста, постоя и принудительных работ в этих городах. Одна из жалоб, написанных жителями Вавилона, настаивает на праве "двадцаток", каких-то обществ, свободно собираться и передвигаться; в ней говорится о неприкосновенности собственности граждан и о том, что никакая женщина не может быть здесь обращена в рабство.

Собрания именитых людей в городах во главе с избранным ими градоначальником рассматривали дела по управлению и судебные споры.

Особой заботой правительства окружена армия. Старой дружины уже давно нет. Профессиональные воины наделяются землей, которая является для них платой за службу. Купля-продажа земельного участка воина – илку – была строго запрещена. Взрослый сын воина, если он желал стать солдатом, сохранял за собой участок отца.

3. Управляемый ваном-царем и огромной массой иерархически организованного чиновничества, Древний Китай является типичным примером восточной деспотии. Со времени известного императора Циньской династии Цинь Ши-хуанди (III в. до н. э.) Китай был разделен на области и уезды, во главе которых были поставлены два чиновника – гражданский и военный губернаторы. Вмешательство центрального правительства в дела управления стало повсеместным; его инспекторы, наезжая из центра, контролировали деятельность властей. Казначейство выпускало единую монету (впервые металлическую). Налоговое обложение и налоговая политика отличаются необыкновенной разработанностью.

В следующий период, при правителях Ханьской династии (II в. до н.э. – II в. н.э.) в государственную практику вводится продажа должностей (зادолго до того, как до этого додумались европейские феодальные монархи) и продержавшаяся в течение многих веков система замещения должностей после сдачи экзамена. Обе эти меры облегчали купцам, ростовщикам, разбогатевшим ремесленникам возможность проникновения в государственный аппарат в ущерб старой знати (в которой сильная центральная власть видела в некотором роде оппозицию) и навсегда закрывали доступ к управлению людям из народа.

4. Войдя в пределы северо-западной Индии, воины Александра Македонского (IV в. до н. э.) были немало удивлены, увидев здесь ожившие предания своей родины: общинную собственность за землю и равенство в

пользовании ею, обособленность городов-полисов, свойственный им дух независимости. Северо-запад Индии предстал перед завоевателями страной племен, управлявшихся вождями-раджами. Племена эти объединялись в союзы, которые греки называли царствами.

Завоевания Александра Македонского ускорили объединение индийских княжеств. В конце IV века до н. э. из них создается государство Маурья, глава которого, известный Чадрагулта, стал основателем династии.

Империю Маурьев рассматривают обычно как государство, обладающее типичными чертами восточной деспотии. В последнее время эта точка зрения встречает возражения. Некоторые исследователи склонны считать государство Маурьев ранней рабовладельческой монархией с еще значительными элементами первобытнообщинной демократии.

Известная нам Артхашастра указывает не столько на права, сколько на обязанности царя: следить за отчетами о доходах и расходах, наблюдать за делами населения, давать письменные указания собранию своих советников, устраивать смотры армии, получать секретную информацию от шпионов и т. д.

В законодательстве и суде помимо светских чиновников большую роль играли брахманы. Получившие широкую известность древнеиндийские Законы Ману (принадлежащие уже другой эпохе) были составлены одной из брахманских школ.

Замещение всех высших должностей было привилегией небольшой группы аристократических семей, что, конечно, немало ограничивало царскую власть.

Многочисленные чиновники страны были разбиты на две главные категории - столичных и провинциальных чиновников, все они строго специализированы (одни надзирают за промышленностью, другие - за иностранцами и т. д.).

Местное управление строится на основе десятичной системы, в основе которой лежит объединение семей (селений) в десятки, двадцатки, сотни, тысячи.

Армия была профессиональной и в мирное время распределялась по гарнизонам.

5. Когда говорят о "восточной деспотии", имеют в виду обыкновенно такую форму государственной власти и одновременно такой политический режим, когда: а) полномочия главы государства не ограничены; б) светская и церковная власти объединены в одном лице; в) осуществление власти является делом многочисленного бюрократического аппарата; г) подавление личности, отсутствие свобод, самое унижительное раболепие делают всякого человека, в том числе формально свободного, рабом "порядка", традиции, веры. Все это, однако, не является чем-то специфическим для восточной деспотии. В том или ином виде указанные черты вместе или порознь можно обнаружить в истории императорского Рима, феодально-абсолютистской Европы и даже в более позднее время.

Своеобразие восточной деспотии создается, прежде всего, ее социальной базой - сельской общиной, тесно связанной со своей ирригационной системой и от нее зависящей. Своим консерватизмом, своей отчужденностью от внешнего мира, своим нежеланием вмешиваться в "заоблачные сферы политики" сельская община, несомненно, способствовала превращению центральной власти в деспотию. Подавление человека, его инициативы, его личности, его воли начиналось и осуществлялось уже в пределах того коллектива, к которому он принадлежал по рождению.

В то же самое время сельские общины не могли обходиться без организующей, дающей им единство центральной власти; хороший или плохой урожай зависел здесь от того, каким было правительство, от того, заботилось ли оно об орошении или нет.

В дополнение к таким вездесущим ведомствам, какими являлись финансовое и военное, на Древнем Востоке неизменно фигурирует ведомство публичных работ, как раз и занятое строительством и поддержанием оросительных систем, дорог и пр. Финансовое и военное ведомства служат в известном смысле его дополнениями: военное ведомство поставляет рабов-иностранцев, финансовое изыскивает средства, необходимые на содержание

весьма развитого управленческого аппарата, для пропитания массы людей, занятых в строительстве, и т.п.

В своей совокупности все три ведомства - военное, финансовое и публичных работ - составляют государственный бюрократически организованный аппарат власти, в свою очередь нуждающийся в связующем звене, каковым и являются для него фараон, патеси и т. д.

Г. Основные кодификации стран Древнего Востока

1. Законник Хаммурапи

В 1901 году французская археологическая экспедиция, раскапывая г. Сузы в Эламе (к востоку от Вавилона), обнаружила базальтовый столб, со всех сторон покрытый клинописью. Эта уникальная находка была открытием древнейшего на земле свода законов. Он был составлен в царствование Хаммурапи, царя Вавилона, в XVIII столетии до н. э.

На самом верху столба изображен сам Хаммурапи. Он стоит перед тронном, на котором восседает верховный бог Вавилона - Мардук. В руках Хаммурапи жезл - символ судебной власти, врученный царю самим богом.

Стремление представить законы исходящими от бога было в обычае у всех древних законодателей. Таким образом пытались придать им большую силу. У древних евреев бог Ягве самолично является на гору Синай, чтобы вручить Моисею скрижали законов. В другом случае еврейские законодатели пытались представить составленные ими законы неожиданно найденными в храме. Древние египтяне верили в то, что их легендарный царь - законодатель Сесострис получил законы из рук самого бога.

Законник Хаммурапи состоит из 282, статей. Из них полностью сохранилось 247. Остальные оказались стертыми. Некоторые из них удалось, впрочем, восстановить по документам знаменитой библиотеки ассирийского царя Ашурбанипала.

Законник оказался в Эламе скорее всего в виде трофея. Захваченный и вывезенный из Вавилона каким-то победоносным эламским царьком, он должен был напоминать о поражении Вавилона. Для этого на очищенном от старых надписей месте предполагалось начертать что-нибудь хвалебное. Но дни славы Элама были, очевидно, слишком короткими.

В отличие от римлян и славян, писавших свои законы на деревянных досках, древневосточные народы использовали камень. Деревя здесь мало, камня много. Выставленный на городской площади "столб законов" должен был служить правосудию, совершавшемуся здесь же, и одновременно напоминать: никто не может отговариваться.

Хаммурапи испытывал, по-видимому, особую страсть к правосудию. Дошли документы о нем как о судье. В одном из своих писем он дает инструкцию насчет допроса взяточников, в другом - требует явки очевидцев.

Статьи Законника Хаммурапи составлены совсем в другой манере, чем это принято сейчас. Мы стремимся изложить норму закона так, чтобы, оставаясь достаточно конкретной, она в то же время охватывала не один какой-нибудь случай, а всю совокупность аналогичных явлений. Древний законодатель мыслил себе закон иначе. Выросшая из судебного решения по конкретному делу, норма права формулировалась так же, как формулируют решение суда: как решение частного случая, казуса. Например: "Если человек выбьет зуб равного" себе по общественному положению), то должно выбить его зуб". Такую форму изложения называют "казуальной". Авторы Законника стремились группировать статьи по их содержанию, но строгого различия, между правом уголовным, гражданским или процессуальным они не проводили. Это различие, обыкновенное для современного права, в то время, да и много столетий позже, не осознавалось.

В некоторой своей части Законник восходит к более древним - шумерийским законам. Много общего имеется между ним и недавно найденным Законником царя Билаламы из города Эшнуны, который составлен на 200 лет раньше. Можно предположить, что, объединив в единое государство разные народы, Хаммурапи стремился дать им всем общее законодательство.

Законник не может считаться всеохватывающим. В нем не упоминаются многие государственные и религиозные преступления, основные виды убийства

и др. Наказания за них были, по-видимому, столь обычными в практике, что Хаммурапи счел ¹, излишним говорить о них в своем кодексе.

Главными источниками кодекса были судебные решения самого Хаммурапи и судов вообще.

¹"Право шумерийских городов-государств заслуживает особого внимания. "Закон и правосудие, - пишет известный шумеролог С. Крамер, - были основополагающими понятиями для древних шумеров как в теории, так и на практике... археологи обнаружили тысячи глиняных табличек со всевозможными юридическими текстами: договоры, соглашения, завещания, векселя, расписки, судебные постановления.

В Древнем Шумере ученики старших классов посвящали немало времени изучению законов и усердно осваивали трудные и специфические юридические формулы, а также переписывали своды законов и судебные решения". В недавнее время С. Крамер расшифровал текст шумерийской таблички III тысячелетия до н.э. В нем говорится о денежном возмещении за телесное повреждение и др. Одно это доказывает, как должно было отличаться шумерийское право от позднейшего семитического с его принципом "око за око". К сожалению, шумерийские законы дошли до нас в отрывках.

Некоторые статьи Законника наводят на мысль, что немаловажной причиной кодификационной деятельности Хаммурапи было желание смягчить социальные противоречия вавилонского общества, вызванные крайними формами эксплуатации деревни богатыми землевладельцами-арендодателями и ростовщиками. Кодекс в некоторой степени ограничивает возможности этого круга стяжателей, заботясь главным образом о податных и военных интересах государства: плательщиком налогов и солдатом был крестьянин, и потому следовало предотвратить его разорение.

Вместе с многочисленными деловыми документами своей эпохи, дошедшими до нас благодаря тому материалу, на котором они были написаны, то есть глине (купчие, долговые расписки и пр.), Законник, Хаммурапи свидетельствует о значительной хозяйственной активности вавилонского общества. Продажа земли и строений, аренда пахотного поля и сада, наём быков для работы в поле, заклад имущества при сделках займа - денежного и натурального - все это подробным образом регламентируется в кодексе.

Для наиболее распространенных сделок, например купли-продажи, Законник предусматривает три условия действительности: чтобы имущество не было изъято из оборота (например, илку, земли воинов); чтобы продавец был действительным- собственником вещи и мог гарантировать нового приобретателя от эвикции, то есть истребования проданной вещи ее настоящим собственником; чтобы оформление сделки происходило в присутствии свидетелей.

Если оказывалось лицо, заявлявшее, что оно является действительным собственником проданной вещи, покупатель обязывался привести продавца и свидетелей сделки. Если он не мог этого сделать, то наказывался смертной казнью "как вор". Если он мог это сделать, продавец должен был назвать прежнего собственника вещи или доказать свое право на вещь иным образом, иначе ему грозила смерть. Если, наконец, заявитель не мог привести свидетелей, знающих его "пропавшую вещь", наказывался смертью он сам, ибо он "лжец, который возводит клевету".

Малоземелье, явившееся результатом роста населения, разграбления общинной земли и тесных пределов орошения, вызвало необычайное распространение арендных отношений. Условия аренды вследствие большого спроса были тяжелыми. Арендатор платил хозяину определенную долю, не зависящую от урожая: весь риск падал на арендатора. Доля эта была значительной и колебалась в среднем между 1/3 и 1/2 того, что может принести поле.

Не лучшими были условия договора займа. Проценты составляли 20 годовых по займам и 30 для займа зерном. Заботясь об обеспечении долга, кредитор имел право требовать в залог обработанное и засеянное должником поле.

Исполнение обязательств было неременным для обеих сторон. Только при их обоюдном согласии разрешалось "смочить договор", то есть

размягчить глину, на которой он был написан, стереть ненужное, вписать новое.

В древневавилонской семье господствует муж. Он ведет общее хозяйство семьи. Он представляет ее в деловых отношениях. Ему принадлежит право распоряжения женой и детьми. В случаях крайней нужды отец вправе продать своих детей всякому, кто их захочет купить, продать безвозвратно, в "пасть собаки", как тогда говорили.

Жену, которая "позорит" своего мужа или "расточает его имущество", разрешается "отвергнуть" и выгнать из дома. Во власти мужа оставить ее в доме на положении рабыни и жениться вторично.

Бездетная жена может дать мужу наложницу, оставаясь хозяйкой в доме. Но муж и в этом случае имеет право на развод. Для него не существует юридических препятствий к разводу. Они существуют для жены. Одновременно действуют два принципа: свобода развода для мужа и ограничение права на развод для жены. Для нее установлены три законных основания к разводу: прелюбодеяние мужа; оставление им дома и местности проживания; неосновательное обвинение в супружеской неверности.

В то же время, как это ни странно, жена вправе распоряжаться своим собственным имуществом, нажитым ею в браке: полученным по наследству, дарению и пр'.; заключать сделки купли-продажи и займа, наживать деньги, приобретать землю, рабов. Мужу запрещалось расточать имущество жены или распоряжаться им без согласия последней.

Закон стремится примирить между собой два требования: а) сохранить за детьми имущество их матери и б) не изымать его при этом из оборота.

Весьма вероятно, что для замужней женщины практические возможности независимой хозяйственной деятельности были невелики. Но незамужняя женщина могла при известных условиях (если она пользующаяся привилегиями жрица, если она не состоит под опекой и пр.) действовать вполне самостоятельно и с широким размахом. Во всяком классовом обществе огромную роль играет институт наследования. С его помощью богатства, накопленные поколениями родственников, остаются в руках одного и того же класса.

Различаются два вида наследования - по закону и по завещанию, либо они существуют одновременно: когда умерший (наследодатель) не оставляет завещания, в котором выражена его воля, имущество (наследственная масса) переходит к тем, кто на него имеет право по закону. Первым возникло наследование по закону. Имущество оставалось в роде, затем, с распадом рода, оно сосредоточивается в семье и является ее общей собственностью. Наследование по завещанию появляется на более высоком этапе развития частной собственности: право распоряжаться своим имуществом вопреки традиции, по своей воле, передавать его не родичу не было известно в глубокой древности.

Законник Хаммурапи говорит главным образом о, законном наследовании. Завещательная свобода находится еще в зародыше. Отец вправе отказать сыну в наследстве, но не по произволу, а в наказание за "тяжелый грех", да и то по разрешению судей, которые исследуют дело.

Первоначально право завещания было не столько выражением свободы усмотрения наследодателя, сколько ограничением этой свободы. Законодатель раньше всего хочет обеспечить детей. В Законнике Хаммурапи дети наследуют в равной доле: сестры получают столько же, сколько и братья. Это - важная особенность семитических законодательств. "Ничего подобного нет ни в старом афинском, ни в старом китайском праве".

Долю умершего сына получают его дети. Усыновленные наследуют на равных основаниях с "законными" детьми. Дети, прижитые от наложницы, наследуют, если отец признает их своими (и только движимое имущество).

Уголовное право Законника отличается, подобно всем другим древневосточным кодексам, значительной суровостью.

В основе уголовно-правовых представлений авторов Законника находится идея талиона: наказание есть возмездие за вину, и потому оно должно быть "равным" преступлению. Эта доктрина выражается обычно афоризмом: "око за око, зуб за зуб".

В древнееврейском Второзаконии идея талиона выражена так: "И да не сжалится глаз твой: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, рука за руку".

Так называют в правоведении некоторую совокупность норм, близких по характеру осуществляемого ими регулирования. Мы часто усматриваем в талионе одну жестокость. Между тем для древних это был наиболее логический способ ограничения наказания: не больше того, что сделано тебе. Выросшее на основе первобытных представлений о справедливости, оно питалось понятным стремлением ослабить врага настолько, насколько он ослабил тебя, твой род, твоё племя. Первоначальный счет был очень простым. Одно из племен Новой Гвинеи вело свои войны до тех пор, пока число убитых не сравняется с обеих сторон. Каждая новая жертва включалась в счет, который противник должен был оплатить. То же наблюдается у некоторых североамериканских индейцев: пока число убитых не сравняется, мира нет.

Прямолинейное применение принципа "равным за равное" исключает установление субъективной стороны действия - умысла, неосторожности, случайности.

"Если, - говорится в Законнике, - строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочной и дом обвалится и причинит смерть домохозяину, должно строителя убить". Статья предполагает установление халатности строителя и осуждение на основе талиона. Но вот ее окончание: "Если же он причинит смерть сыну домохозяина - должно убить сына строителя". Как видно, закон допускает применение смертной казни к лицу, которое никакого отношения к совершенному преступлению могло и не иметь. В современном праве такого рода ответственность без вины называется объективным вменением.

Широкое распространение объективное вменение получает в древнем китайском праве. Одним из указов Ханьских императоров (III в. до н.э.) предписывалось истребление трех поколений родственников виновного. При этом они, гласил указ, должны быть сначала татуированы клеймом, затем должны быть отрезаны их носы и ноги; после этого они будут забиты до смерти палками. Их головы будут сняты, их кости и мясо будут разрублены на части на базарной площади и т. д. Наказание распространялось на отца, мать, детей, братьев, сестер виновного, причем независимо от возраста. Мучительной казни предавались малые дети и дряхлые старики. В иных случаях понятие трех поколений толковалось расширительно, и тогда наказанию подвергались также родственники по линии жены виновного.

Не следует думать, что объективное вменение похоронено вместе с режимами, которые его породили. Непревзойденные в своем роде образцы объективного вменения показали гитлеровские полицейские и генералы (уничтожение г. Орадура, расстрелы заложников, уничтожение тысяч людей в отместку за действия партизан и т. д.).

Своеобразным выражением талиона в Законнике Хаммурапи служило правило, согласно которому всякий ложный обвинитель (клеветник) должен был нести ответственность в той мере, которая грозила обвиненному: кто неосновательно обвинил другого в убийстве, должен умереть сам.

Когда по характеру преступления применение принципа "равным за равное" в точном значении было невозможно, прибегали к фикции: непослушному рабу отрезали ухо; сыну, оскорбившему отца, отрезали язык; врачу, сделавшему неудачную операцию, отрезали пальцы и т. д. Это называют обыкновенно талионом символическим.

Талион так же древен, как кровная месть. Но сохраняется он долго. В Законнике Хаммурапи кровной мести уже нет.

Безраздельное господство кровной мести - этого поистине всемирно-исторического института, возникшего вместе с самим человеком, - продолжалось до той поры, пока единственной платой за жизнь человека могла служить жизнь другого человека. Появление избыточного продукта меняло дело. На смену мести приходит выкуп, сначала натуральный, потом денежный штраф.

На самой ранней ступени развития классового общества выбор между мездой и выкупом был делом пострадавшего или его семьи (рода). Об этом можно судить по хеттскому законнику, разрешавшему "хозяину крови" определить, должен ли виновный умереть или заплатить. "Царю же до этого дела нет". То же самое можно сказать и о размере выкупа. О нем договаривались в каждом отдельном случае, пока обычай или закон не установили общие нормы (и даже после этого).

Законник Хаммурапи знает только денежный штраф в строго определенных размерах: Величина штрафа может быть большей или меньшей. Она зависит как от тяжести преступления, так и социального положения сторон.

' Вот соответствующий пример: "Если человек ударит лицо, занимающее более высокое положение, чем он сам, должно ударить его... 60 раз плетью из воловьей кожи. Если авилум ударит по щеке равного себе... он должен отвесить одну мину серебра (500 граммов); если мушкенум ударит по щеке мушкенума - он должен отвесить 10 сиклей серебра" (в 6 раз меньше).

Старый обычай искупительного штрафа вплетается здесь в общую ткань правовой системы Вавилона (но в каком виде!). Другой пример дают ст.ст. 23-24 Законника. Первая из них обязывает сельскую общину возместить убыток, нанесенный человеку грабителем, если преступление совершено на территории общины, а виновный не найден; вторая устанавливает дополнительный штраф, "если при этом загублена жизнь". Обычай этот, напоминающий "дикую виру" Русской правды, гораздо древнее Законника Хаммурапи, но сохранен в целях установления круговой ответственности членов общины.

Классовое содержание Законника не вызывает сомнения. Достаточно ознакомления с теми его статьями, которые угрожают смертной казнью за оказание помощи бежавшему рабу, за покушение на священный принцип собственности и т. д.

Кража скота или лодки каралась огромным штрафом (в 10-30 раз больше стоимости украденного). "Если же вору нечем отдать - его должно убить". Если управитель станет расточать имущество хозяина, "должно разорвать его на этом поле с помощью скота" и т. д.

Законник Хаммурапи почти не говорит о государственных преступлениях. Главный девиз вавилонских литературных памятников {"Диалоги между простолюдином и рабом"} мы читаем: "Не поднимаю восстания. Человека, поднявшего восстание, или убивают, или ослепляют, или схватывают и кидают в темницу".

Другой литературный памятник Вавилона, так называемая Исповедь-закливание, указывает и на другие преступления: на оскорбление богов, согрешение против предка и др. Автор вопрошает: "Не обвешивал ли, не обсчитывал ли фальшивыми деньгами, не лишал ли законного сына наследства и отдавал незаконному, не проводил ли неверной межи...?" и т. д.

Смертная казнь упоминается в Законнике в 30 случаях, и это при умолчаниях о государственных преступлениях и многих других. Была она, как правило, мучительной: это сожжение, утопление, посадение на кол и т.п.

В Древнем Египте способы смертной казни были, по-видимому, не менее мучительными: сожжение, посадение на кол. Очень широко применялись палочные удары, отрезание носа и ушей, нанесение рваных ран и пр.

Различия между исполнителем преступления и его соучастниками (укрывателями, подстрекателями) законник Хаммурапи не знает. Не различают стадии развития умышленного преступления то есть приготовление, покушение. Вместе с тем Законнику не чуждо представление о смягчении наказания. Штрафом, а не смертью наказывался, например, убийство в драке, если будет доказано, что убийца не имел намерения убить. Здесь зародыш столь существенного для современного уголовного права различия умышленного и неумышленного преступления.

Следует, впрочем, оговориться, что шумерийские законы уже различают выкидыш от нечаянного удара и выкидыш от злого избиения, назначая за эти преступления разные наказания.

-О судебном процессе Законник Хаммурапи говорит мало. Судебные функции осуществлялись, как правило, специальным чиновником, побыли и

какие-то судебные коллегии, составленные из "старейших и именитых людей города". Жрецы участвовали в процессе только тогда, когда они принимали клятву свидетелей.

Дело возбуждалось по частной инициативе потерпевшего, поэтому его речь начиналось обыкновенно и само судоговорение. В качестве доказательств выступают главным образом свидетельские показания. За лжесвидетельство полагалась смертная казнь (если она грозила обвиняемому).

В затруднительных случаях судьи прибегали - как и в других странах - к клятве перед статуями богов (Шамаша и Мардука).

Судья не мог изменить уже вынесенное решение. Изобличенный в этом, он платил штраф и свергался с судейского кресла (скорее в буквальном смысле слова). После этого ему навсегда запрещалось занимать должность судьи. Высшей судебной инстанцией был сам царь. Картина вавилонского общества, государства и права будет неполной, если мы не приведем нижеследующий древний текст:

2. Законы Ману

По своему значению и известности Законы Ману не уступают Законнику Хаммурапи. Их составление относят к 1 столетию до н. э.

Авторами Законов Ману были, по-видимому, мудрецы одной из древнеиндийских брахманских школ. Они же дали этой кодификации имя Ману, одного из мифических прародителей человека"

Написаны Законы Ману в форме двустихий (шлок), ритмической прозой, что должно было облегчить их запоминание. Всего в Законах 2685 статей.

Язык, на котором написаны Законы Ману, называется санскритским, язык древних индусов.

По своему словарному фонду и грамматическому строю санскрит находится в тесном родстве со всеми основными европейскими языками - греческим и латынью, германскими и славянскими языками. Общность так называемых индоевропейских языков давно уже привела исследователей к выводу о праисторической территориальной близости всех тех народов, потомками которых являются древние греки и римляне, германцы и славяне, кельты и литовцы. Районом их первоначального совместного проживания называют обыкновенно Южную Европу, включая Украину, Кубань, Поволжье. Естественно предположить, что языковая общность была для них не случайной, как не случайной была и их территориальная связь. Об этом же свидетельствуют обычаи, многие из которых объединяют указанные народы удивительным совпадением некоторых подробностей, обрядов и т.п. и которые не могли быть просто-напросто заимствованы или возникнуть независимо друг от друга.

Содержание Законов Ману выходит за пределы права. Они трактуют и о политике, морали, религиозных предписаниях благочестивому человеку.

Правовая санкция дополняется часто угрозой неблагоприятного последствия плохого поступка в потустороннем мире. И не только для самого правонарушителя.

Лжесвидетель предупреждается, например, что когда он говорит неправду "относительно мелкого скота", то "убивает пять своих родственников", относительно коров - десять, относительно лошадей - сто и тысячу - относительно людей. Законы Ману были написаны в период, когда основная масса арийского населения Индии жила в условиях патриархального быта. Типичной была большая семья, объединявшая под одной кровлей всех нисходящих родственников ее главы: сыновей с их женами, детьми, женами их детей и их детьми. Имущество этой семьи было ее общим достоянием, но управлялось главой. Сельская община выделяла ей участок земли. Отчуждать его было возможно не иначе как по единодушному согласию всей общины.

Английский исследователь М. Эльфингстон следующим образом характеризует земельные отношения в индийской сельской общине в том виде, как они сохранились еще в XIX веке: "По общепринятым понятиям, сельские землевладельцы все происходят от одного или нескольких лиц, основавших селение, и единственным исключением являются лица, получившие свои права покупкой или каким-нибудь другим способом от членов коренного братства...

Все землевладельцы пользуются коллективным правом собственности, и, хотя они всегда получают более или менее определенные участки, между ними никогда не бывает совершенно раздела. Землевладелец может, например, продать или заложить свои права, но он должен предварительно получить на это согласие селения. Если семья вымирает, ее доля опять становится общим достоянием".

Распоряжение же всей прочей собственностью семьи, в особенности собственностью благоприобретенной (не наследственной), было делом самой этой семьи.

Всякое фактическое обладание спорной вещь следовало при необходимости обосновать указанием на его происхождение: куплю-продажу, переход по наследству, распределение по жребью (когда речь идет о земельном наделе) и т. д. Ссылка на одно только длительное добросовестное владение была недостаточной. Однако, если собственник "молча наблюдает", как другой пользуется его вещь, и это продолжается 10 лет, "он не имеет права получить ее обратно" (гл. УШ, ст. 147).

Как только право признало существование владения, оно должно было изобрести приобретательную давность. Так и случилось. Нельзя было допустить, чтобы находящиеся во владении вещи были навеки изъяты из оборота или чтобы владелец, опасаясь изъятия, относился к этим вещам как к второсортным и потому воздерживался от их поддержания (если это было, например, строение и т.п.).

Регламентируя институт договора, Законы Ману устанавливают важное правило, сохранившееся в принципе до настоящего дня: не может считаться действительной сделка, которая заключена с безумным, малолетним, одряхлевшим, пьяным. Недействительна и такая сделка, которая заключена с применением насилия или обмана.

Непременным условием всякого договора была его публичность. Только свидетели могли спасти от наказания в случаях, когда требовалось предать продавца, а он не был известен или отсутствовал.

Считалось, что всякая тайная сделка заключает в себе какую-то противоположность: иначе зачем секретничать? В одном из философско-политических и юридических трактатов Древней Индии Артхашастре говорится: "Сделки, заключенные тайно, келейно на дому, ночью, в лесу, сопряженные с вероломством и заключенные по тайному стовору, запрещаются".

Много внимания уделяют Законы Ману договору займа. Устанавливается максимальный размер процентов (2% в месяц для брахмана, 3% - для кшатрия, 4% - для вайшьи и 5% - для шудры). Указываются средства обеспечения и среди них поручительство другого лица, а также залог. Если должник оказывается несостоятельным, долг переходит на поручителя. Если долг уплачен, залог подлежит возврату.

В случае смерти должника обязанность уплаты переходит на сына и даже на других родственников. Невозможность уплаты приводила к долговому рабству.

В одной старой брахманской книге в числе законных способов побудить к уплате долга называется задержание жены должника, его сына, его животных, а также постоянное ожидание у дверей дома должника ("осада").

Помимо того, Законы Ману разрешали кредитору действовать силой. Захватив должника и приведя его в свой дом, кредитор имел право морить его голодом и даже избивать, пока тот не уплатит долг.

В семейном праве вполне утвердилось господство мужчины (мужа, отца), однако пережитков старого группового брака еще много. Браки заключаются по воле родителей, но когда умирает муж, вдова, по обычаю, становится женой деверя; муж, потерявший жену, женится на ее сестре.

Артхашастра различает несколько форм брака (почти в точности совпадающих с соответствующими римскими обычаями): правильный или торжественный брак (при этом приданое жены переходит в собственность мужа); брак с выкупом (покупкой жены): брак, основанный на свободном соглашении супругов, и, наконец, похищение жены - умыкание, возникшее из обычая брать женщин в бою, как берут трофей.

В принципе признавалось, что женщина должна всегда находиться под опекой мужчины: отец охраняет женщину в детстве, муж - в молодости, сыновья - в старости: "женщина никогда не пригодна для самостоятельности".

По Артахашастре, "муж обязан учить жену поведению и может ударить ее 3 раза по спине: расщепленной тростью, веревкой или рукой".

Развод для жены невозможен: "ни продажей, ни разводной платой жена не освобождается от мужа". Муж может оставить жену, "если она его ненавидит"; "жена, не рожаящая детей, может быть переменена на 8-м году, рожаящая мертвых - на 10-м, только девочек - на 11-м, но сварливая - немедленно".

Супружеская верность поддерживается суровыми карами. В то же время допускается самая широкая добрачная половая свобода девушек. Сын, которого девушка родит в доме своего отца, будет считаться "сыном замужней девушки". После он станет сыном того, кто на ней женится. Такие дети не были препятствием к браку.

Наследство делится между всеми сыновьями поровну, и ни один из них не может быть обойден. Наследники могут и не разделяться. В таком случае они живут все вместе на старом отцовском хозяйстве, управляясь старшим братом как своим главой.

Известная доля наследства выделялась дочерям, но только в виде приданого.

Отец, не имевший сына, побуждал дочь выйти замуж, с тем чтобы рожденный в этом браке мальчик вошел в состав семьи деда, стал его собственным усыновленным ребенком. Объяснение этому следует искать в обычаях заупокойного культа древних индусов. Существенным его элементом были разного рода заупокойные дары и обряды, без которых умерший, как верили, был обречен на страдания в загробной жизни. Наследуя имущество усыновителя, соответствующее лицо было обязано совершать обряды заупокойного культа. Не исключено также, что между наследованием по закону и наследованием по завещанию - в качестве промежуточной формы - находится усыновление. Оно было не чем иным, как искусственно созданным кровным родством (особенно когда дело касалось постороннего человека).

В уголовном праве, как оно представлено в Законах Ману, различаются умысел и неосторожность, первое правонарушение и рецидив, тяжкое преступление и легкое.

Самым же важным для определения наказания было то, к какой варне принадлежит потерпевший и правонарушитель. Здесь безраздельно господствует несправедливейший из принципов: снисходительность к тому, кто попирает низшего, беспощадная расправа над посягающим на высших.

Брахман или кшатрий, оклеветавший низшего, отделялся штрафом. Шудре, выбравшему кого-нибудь из членов высшей варны, вырезали язык. А если он пытался "учить брахманов их долгу", в рот и уши ему вливали кипящее масло.

Суровы наказания за воровство. Вор, застигнутый на месте преступления, мог быть убит немедленно. Ночная кража каралась посадением на кол. В других случаях предписывалось членовредительство, 11-кратный штраф от стоимости украденного и пр. Наказание возрастало при рецидиве.

Разрешение убивать вора, застигнутого в момент кражи, и всякого ночного вора мы находим и в законах Рима, Русской Правде, германских судебныхниках. Англосаксонские кодексы разрешают такое убийство, но угрожают тому, кто убьет вора ускользнувшего.

В особый состав преступления выделяется грабеж, довольно точно определяемый с чисто юридической стороны: открытое похищение имущества, совершенное в присутствии потерпевшего (в отличие от воровства как тайного хищения).

Наказанием за умышленное убийство была смертная казнь. Искалечение наказывалось искалечением, но не вполне так, как это предписывается талионом.

"Человеку, который искалечил Другого человека, не только отрезают ту же часть тела, но также отрезают руку. Если его преступление привело к

потере работником руки или глаза, то его осуждают на смерть" (Артхашастра).

Вообще говоря, талион не свойствен старому индийскому праву так же, как он не свойствен старому афинскому, римскому, германскому и славянскому праву.

Среди других преступлений Законы Ману указывают на изнасилование, караемое телесным наказанием, мошенничество, вымогательство, продажу недоброкачественных товаров и др.

Всякое посягательство на государственный и общественный строй каралось смертью. Посажение на кол, утопление и отрубание головы - таковы главные виды смертной казни. Членовредительные наказания распространялись на "половые органы, чрево, язык, две руки, две ноги, глаз, нос, два уха, все тело".

За одно преступление могло быть назначено несколько наказаний. Дополнительным наказанием было клеймение: на лбу пьяницы выжигали знак продавца спиртного, лоб вора украшали изображением собачьей ноги и пр.

Переходя к суду и судебному процессу, следует раньше всего отметить то несомненное предпочтение, которое отдается коллегиальному решению дел.

"Царь, желая рассмотреть судебные дела, пусть является подготовленным в суд с брахманами и опытными советниками... Но если царь не делает разбора дела лично, тогда следует назначить ученого брахмана для их разбора... Тот, придя в высокий суд, окруженный тремя судьями, пусть разбирает дела царя, сидя или стоя" (гл. УШ, ст. ст. 1, 9, 10).

Не менее трех свидетелей требуется и для изобличения ответчика, отрицающего свою вину (гл. VIII, ст. 60).

Главными средствами установления судебной истины по Законам Ману были свидетельские показания и разного рода испытания. Какие-то предварительные действия, особенно в делах о государственных преступлениях, имели место, но, как правило, расследование начиналось и заканчивалось в самом судебном заседании (судебное следствие).

В оценке показаний свидетеля господствует критерий качества свидетеля. Это неизбежно для общества, разделенного на резко отграниченные касты. Свидетеля себе никто не готовит: им становятся по воле случая. Но чтобы шудра был свидетелем по делу "высшего", считалось недопустимым. Отсюда формальная оценка доказательств. Важно не столько то, что говорится, сколько то, кто говорит.

Люди низших варн не могут свидетельствовать против людей высших вари. Показания "рабов, родственников и детей" "ненадежны", и потому лучше к ним не прибегать. При разногласии между отличным и хорошим свидетелем предпочтение должно быть отдано показаниям отличного и т. д.

Существенной чертой Законов Ману является правовой формализм. Его нет или почти нет в семитических кодификациях, но он неприменимый элемент старого римского процесса. Независимо от имеющихся доказательств и даже без их рассмотрения судьи могли объявить истца проигравшим дело, если, например, оказывалось, что он привел свидетеля, не присутствовавшего при сделке, или если его свидетель запутывался в показаниях. Истец, безусловно, проигрывал дело и тогда, когда его свидетель в течение семи дней после показаний заболел или с ним случалось несчастье от огня, или умирал его родственник: во всем этом видели кару богов.

В тесной связи с указанным верованием находился обычай судебных испытаний, или ордалий. Когда отсутствовали достоверные свидетельства и судьи, исследовавшие дело, не знали, как его решить, прибегали к клятве.

Брахман клялся "правдивостью", кшатрий-воин - "колесницами и оружием" (ср. римские, германские и славянские клятвы на оружии), вайшья - коровами, зерном и золотом, шудра - "всеми преступлениями".

В некоторых случаях клятва могла быть признана недостаточной, и тогда обвиняемый должен был "взять огонь" или погрузиться в воду. "Тот, кого пылающий огонь не обжигает, кого вода не заставляет подняться вверх и с кем вскоре не случается несчастья, должен считаться чистым в клятве".

Оправдание этого обычая Законы Ману видят в примере богов. Один из мифических святых мудрецов был обвинен младшим братом в том, что он находился в связи с шудрянкой.

Обвиненный прошел через огонь, и "наблюдатель мира" не сжег на теле невинного ни единого волоса.

В другом месте Законы Ману объясняют смысл ордалия - злодеи думают: "никто не видит нас", но их видят боги.

Испытание огнем могло существовать в разных формах. Самой распространенной было, по-видимому, прохождение через костер. Испытание водой состояло в следующем: испытуемый, связанный определенным образом, погружался в реку; если он шел ко дну, то, как это на первый взгляд ни удивительно, считался оправданным. Вода, обожествляемая в качестве "чистой стихии", его не выталкивала, она его принимала и тем самым очищала от обвинения. Но плохо было тому, кто оставался на поверхности.

Затрудняясь в выборе средств доказывания, судьи требовали вещественных доказательств - поличного. Справедливый царь, говорится в Законах Ману, не казнит вора, если у него не найдено краденого. Пойманного же с краденым или с воровским инструментом следует казнить не колеблясь. Деревня должна была спешить на помощь при каждом зове, особенно когда грабят на дороге: пойманного таким образом вора судить было уже несложно.

Но поличное имеется не всегда. И тогда остается следить за тем, как показывает свидетель, как отвечает обвиняемый: голос, которым даются показания, цвет лица, движения, взгляд, жест и т.п. должны помочь найти виновного.

Автор Артахаштры (Каутилья) поучает судью: вот основания, указывающие на недостоверность показания: опрашиваемый уклоняется от обсуждаемого предмета и переходит на другой; сказанное им ранее не вяжется с последующим; подтвержденное свидетелями не признает; беседует со свидетелями в непопозволенном месте.

Конечно, впечатление, которое способен произвести обвиняемый или свидетель своим поведением на следствии, имеет значение и в настоящее время (особенно в суде присяжных). Но ни одна современная правовая доктрина не позволяет судье основывать приговор только на этом, часто весьма ошибочном, впечатлении.

В древнем суде считалось особым достоинством вынудить ответчика (обвиняемого) к такому психологическому действию, которое бы его с очевидностью разоблачило. На этом построены известные легенды о судейской мудрости царя Соломона.

Среди поучительных примеров, собранных в одном старом китайском судебном сборнике, фигурирует, например, такой "бродячий" сюжет. В одном доме правили два брата. У обоих одновременно родились мальчики. Но у жены старшего брата ребенок родился мертвым. Тогда она захватила сына, рожденного женой младшего брата, и объявила его своим. Судья, к которому поступило дело, взял мальчика в суд и предложил женщинам захватить его силой. Старшая тотчас кинулась за ребенком, но младшая, боясь причинить ребенку повреждения, отступила. Судья сказал старшей; ты заботилась об имуществе (наследстве), а она о самом ребенке. И отдал сына матери.

Рассматривая древневосточные правовые кодификации, исследователь неоднократно сталкивается с декларациями, провозглашающими начала "справедливости", "правды", "нравственности" и т. д. Возникает воззрение, что законодательство покоится на собственных основах, на правилах "справедливости", "нравственности", "правды" или религии, что его источником является свободная воля законодателя.

А когда к тому же появится наука права, когда юристы, сравнивая между собой различные кодексы или системы права, обнаружат общее между ними, представление о праве, содержание которого дано в нем самом, о некоем естественном праве, данном самой природой, о некоей вневременной справедливости получит теоретическое обоснование.

Между тем, как мы видели, и Законник Хаммурапи, и Законы Ману считают рабство справедливым. Точно так же феодальное право будет

исходить из справедливости крепостничества. А когда французская буржуазная революция отвергнет и рабство и крепостничество, основной аргумент будет тот же -справедливость!

Мы ознакомились с государственностью и правом древневосточных народов. Конечно, мы увидели немало общих черт и черт особенных. Иначе и не могло быть. Но главное прослеживается повсюду: государство - восточнодеспотическое, право - при всех своих даже и существенных различиях - стоит на стороне богатства и знатности. Тем не менее именно здесь, на Востоке, возникли и развились земледелие, скотоводство, ремесла, архитектура и т.д., а вместе с тем государственность и право, юридическая литература и культура вообще, оказавшие, как мы теперь знаем, непреходящее влияние на культуры Древней Греции и Древнего Рима, а значит, и на их юридическую культуру - юридическое мировоззрение, кодификации права, суди процесс вообще.

Вместе с тем нельзя не видеть, что все основное, что происходило в хозяйственной или правовой жизни стран Древнего Востока, не может быть понято вне рабства как главного фактора в жизнедеятельности древневосточных обществ.

Вне рабства, вне того, что связано с рабством, нет никаких сколько-нибудь существенных правовых отношений вообще. Имеем ли мы дело с семьей, тотчас выступают наружу отношения, связанные с наложницей-рабыней и ее детьми; с правом продажи в рабство членов семьи; с рабыней, которая, обманув хозяина, отдает своего ребенка свободной женщине; с "дворцом", когда обнаруживается незаконно отданный на сторону ребенок дворцовой рабыни: с домашним рабством в его разных формах и т. п. Имеем ли мы дело с воином и его службой, тотчас возникают проблемы, связанные с его возможным выкупом из плена - рабства. Имеем ли мы дело с договорами купли-продажи, мены или найма, мы должны быть готовы к тому, что в качестве "предмета" договора появится раб или рабыня и их дети. Исследуем ли мы судоустройство и судопроизводство, особое отношение к рабу-ответчику станет неременной существенной частью вопроса. Грани между свободным состоянием и рабством и очень резки, и очень условны. На всяком свободном, исключая, может быть, самых привилегированных, лежит неотвратимая печать рабства.

Глава вторая Древняя Греция

А. Афинская рабовладельческая демократия

1. Во II тысячелетии до н. э. греческие племена заселили юг Балканского полуострова. Отгороженные друг от друга естественными преградами горной страны, они с тем большим рвением стали оберегать свою обособленность. В тесных пределах каждого из таких районов вырастет с течением времени столица: Коринф, Мегары, Фивы, Спарта и др.

В конце II тысячелетия греки, соединившись в единое войско и избрав себе одного вождя, осадили малоазиатский город Трои. О событиях этой известнейшей из войн повествуют поэмы гомеровского эпоса - "Илиада" и "Одиссея".

В древнегреческом обществе, как его рисует Гомер, происходят сложные процессы. Классов еще нет, но разделение на простой народ и родовую знать глубоко укоренилось. Лучшие земли, большие стада, все основные посты находятся в руках последней.

Государства еще нет. Племенем управляют народное собрание, совет старейшин, вождь - базилевс. Народное собрание - вместе с тем войско, а базилевс и старейшины - главным образом военные предводители. Американский историк прошлого века Л.Г. Морган назвал этот строй военной демократией.

По всем своим признакам период военной демократии есть последний период первобытнообщинного строя. Земледелие становится главной отраслью хозяйства, оттесняя скотоводство. Ремесло выделяется в самостоятельную отрасль. Обмен товарами принимает регулярный характер. Появляются купцы. Рабство все более укореняется, и уже не только в домах и хозяйствах знати. Образуется семья с господством мужчины. Древняя родовая

организация еще существует, но уже подорвана. На территории фратрий и племен селились во множестве чужаки, то есть хотя и соотечественники, но принадлежащие к другим племенам, фратриям и родам. Население смешивалось и оттого становились невозможными старые формы управления. Все это, вместе взятое, служит основой для перехода к государству как новой, высшей ступени общественного развития.

Наиболее интересным и вместе с тем наиболее изученным представляется процесс образования государства в двух известных греческих полисах - древних Афинах и Спарте. Первая являла собой образец рабовладельческой демократии, вторая - аристократии.

2. Ионийцам, как назывался союз четырех племен, досталась во время переселения малоплодородная область, омываемая морем, - Аттика. Земледелие здесь было ограничено сравнительно небольшим районом, зато имелись благоприятные условия для ремесла и морской торговли.

Сельская община, столь устойчивая на Востоке, не нашла здесь благоприятных условий и стала быстро разлагаться. Земельные наделы сделались частной собственностью отдельных фамилий.

В VIII столетии до н. э. в Аттике вырос (вокруг древней крепости) город, которому предстояло сделаться величайшим центром античной и мировой культуры. Его называли в честь богини-покровительницы Афинами.

Город стал средоточием людей, принадлежащих к разным племенам, родам, фратриям: вместо простого соседства племен происходит их слияние в единый народ. На смену старому делению приходит новое. Знатные образуют сословие эвпатридов ("благородных"), мелкие земледельцы получают общее для них название геоморов, ремесленники - демиургов.

Замещение всех важных должностей стало привилегией эвпатридов. В результате этого совет старейшин превращается в чисто аристократическое собрание, никем не выбираемое и ни перед кем не отчитывающееся. Оно заседало на холме бога войны Ареса, и потому его называли ареопагом. Ареопаг законодательствует, осуществляет высший суд, наблюдает за действиями должностных лиц, первое место среди которых принадлежит коллегии, состоящей из 9 старейшин - архонтов. Они избираются ареопагом сроком на год.

Господство земельной аристократии пагубным образом отразилось на положении народа. "Бедные, - пишет Аристотель, - находились в порабощении не только сами, но и их дети и жены. Назывались они... шестидольниками, потому что на таких условиях обрабатывали поля богачей (то есть получали за свой труд одну шестую часть урожая. - 3.4.). Вся же вообще земля находилась в руках немногих. При этом если бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и их детей".

Всюду на полях стояли закладные камни. На них было написано, кому и на какой срок заложен участок. Такая форма залога - ипотека - была ранним изобретением Греции. Земля отдавалась в пользование должника, но при просрочке платежа - столь обыкновенной - переходила к кредитору.

"...Развивающееся денежное хозяйство, - справедливо пишет Ф. Энгельс, - проникало в сельские общины, воздействуя, точно разъедающая кислота, на их исконный, основанный на натуральном хозяйстве образ жизни".

Начиная с VI века до н.э. в политическую жизнь афинского общества все более активно включался новый социальный элемент. Относительно высокий уровень производительных сил, достигнутый в районе Средиземного моря в VIII-VI веках до н. э. и особенно благоприятные природные условия самой Аттики (с ее небольшим земельным фондом и удобным для торговли местоположением) способствовали появлению значительного ремесленного и торгового населения. Боевую часть его составляли матросы многочисленного афинского флота. В отличие от аристократии все эти новые люди (а также крестьяне) называли себя "демсом" - "народом".

Демос находился в постоянной вражде с презиравшей его аристократией. Шаг за шагом вырывал он у нее политическую власть. Когда это ему удалось, в Афинах установилась рабовладельческая демократия, а значит, и государство в его начальной, еще не завершенной форме.

В 594 году до н. э. всеобщее недовольство вылилось, по словам Аристотеля, в "великую смуту". "Огромное большинство, и к тому же люди большой физической силы, - пишет греческий историк Плутарх в своих "Сравнительных жизнеописаниях", - собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака, надежного человека, и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй".

Оказавшись в столь сложной ситуации, борющиеся стороны сошлись на кандидатуре поэта и политического деятеля Солона. Было известно, что он не является "сообщником богатых в их преступлениях" и в то же время "не угнетен нуждой". Избранный архонтом, Солон был наделен чрезвычайными полномочиями, среди которых самым важным было право законодательства. Испытывая давление одних, стремившихся к установлению единовластия, и других, рвавшихся к самому широкому народоправству, Солон выбрал политику "золотой середины".

Первым делом он отменил долговую кабалу и аннулировал все поземельные долги. Закладные камни были убраны с полей, граждане, ставшие рабами за долги, - отпущены на свободу, а те, кто был продан за границу, - выкуплены за счет государства.

Со времени Солона рабами в Афинах могли быть только иноплеменники, захваченные на войне или купленные на мировом рабовладельческом рынке того времени.

Чтобы предотвратить разграбление крестьянских наделов в будущем, Солон установил максимальный размер землевладения, находящегося в частных руках.

Одновременно с тем была санкционирована широкая завещательная свобода. Родовые владения, подобно крестьянским дворам, могли переходить наследникам по воле завещателя. Земельные владения знати - опора ее власти - включались в общий гражданский оборот.

Важнейшей политической реформой Солона было установление имущественного ценза. Самые богатые были причислены к первому разряду. Просто богатые - ко второму. Оба эти разряда граждан получали право замещения всех важнейших постов в государственном аппарате, но архонтами и казначеями могли становиться лишь представители первого разряда.

Таким образом, вместо принципа аристократического (принадлежность к определенным родам) был утверждён принцип имущественный, принцип богатства. От этого выигрывали купцы и ростовщики, проигрывала родовая знать.

Третий разряд составили граждане среднего достатка. Все прочие - феты - были зачислены в один четвертый и последний разряд.

За единицу исчисления богатства был избран медимн - мера сыпучих тел (приблизительно 50-60 л). Для зачисления в первый класс требовался доход в 500 медимнов зерна ежегодно (или соответствующий эквивалент); для зачисления во второй - триста, для зачисления в третий - двести медимнов.

Первые два разряда служили в коннице. Служба эта требовала больших расходов, но зато была менее опасной на войне. Третий разряд - тяжеловооруженные гоплиты - пехотинцы сделали истинной славой афинского войска. Четвертый разряд, первоначально отстраненный от военной службы, составил затем легковооруженную пехоту.

Высшим органом власти сделалось, по конституции Солона, афинское народное собрание. В противовес ему были созданы два новых органа: совет четырехсот и так называемая гелиэя - суд присяжных заседателей.

Совет четырехсот избирался старыми ионическими племенами, продолжавшими существовать, несмотря на все перемены. Каждое из них посылало в совет 100 человек. Играя важную роль в законодательной процедуре, заведывая всеми текущими делами, совет четырехсот оказывал сдерживающее влияние на народное собрание и прямо ограничивал власть ареопага.

Гелиэя была судебным и законодательным органом одновременно.

В народном собрании участвовали все разряды свободного населения, включая фетов. Это было явной уступкой демосу. Зато выборы в совет

четырёхсот были в руках тех, кто распоряжался в старых племенах, то есть в руках родовой знати. Гелиэя с ее широким кругом участников учреждалась к большей выгоде демоса. Но оставался нетронутым ареопаг.

Реформы Солона казались верхом политической мудрости, триумфом политики компромисса. Вместе с тем именно реформы Солона убедительно доказывают недолговечность политики компромиссов.

Борьба между демосом и родовой знатью не закончилась полюбовной сделкой. Афины переживают острый политический кризис, завершившийся установлением тирании. Наконец через 90 лет после Солона, в 509 году до н. э., демократы, объединившись вокруг своего вождя Клисфена, наносят решающий удар по остаткам родового строя, мешавшим функционированию государства как такового.

Реформа 509 года окончательно ликвидировала старые племена. Взамен родоплеменного деления граждан было введено их территориальное разделение.

Атика делилась на десять территориальных "племен" (фил). Каждая фила состояла из трех частей – триттий. Одна из триттий должна была принадлежать к сельскохозяйственной равнине, где до того господствовала знать (здесь были ее имения), другая – к приморскому району, форпосту демократически настроенной матросской массы, третью составлял один из кварталов столицы.

В новых филах граждане были перемешаны таким образом, что преобладание сосредоточилось в руках горожан – ремесленников, купцов, матросов. Землевладельческая "равнина" была отеснена на второй план.

Помимо этого, страна была поделена на наименьшие районы – демы. Их было около ста.

Сущность введенного Клисфеном деления станет более понятной, если прибавить, что аристократический род Аминандритов, например, оказался разделенным на 26 демов, принадлежащих к разным триттиям и филам, род Керкиров – к 19 демам и т. д. Естественно, что выступать, как препаде, единым фронтом они уже не могли. Так, между прочим, впервые в истории была введена в практику "избирательная география". Совет четырехсот был ликвидирован. Вместо него стали выбирать совет пятисот – по 50 человек от каждой новой филы.

В чем же значение реформы Клисфена? Почему ее называли так же, как и реформу Солона, "политической революцией"? Ответ на этот вопрос очевиден.

Общественное развитие привело к сосредоточению богатств в руках значительного числа неродовитых граждан, составивших имущий класс Афин. Политическая власть должна была отныне служить их целям. Родоплеменное деление препятствовало этому: в органах родового строя господствовала родовая аристократия. Территориальное разделение сокрушило это господство. Вместе с тем окончательно побеждает государство рабовладельцев – знатных и незнатных.

Клисфену же принадлежит изобретение остракизма. Так называлось изгнание из государства, применяемое в качестве политической меры, а не наказания. Остракизм применялся по тем соображениям, что тот или иной политический деятель своим авторитетом, своими связями может способствовать возникновению смут. Изгнание назначалось обыкновенно на 10 лет и не влекло за собой ни лишения прав, ни конфискации имущества. Решение об остракизме принадлежало только народному собранию.

Теперь на пути афинской демократии находился один ареопаг. Неписаная афинская конституция сохраняла за ним право отменять решения народного собрания и привлекать к ответственности должностных лиц. Во время знаменитых греко-персидских войн (492–479 гг. до н. э.) ареопагу удалось увеличить свое значение. Между тем время не повлияло ни на его состав, ни на его политическую линию. В 462 году до н. э. афинская демократия, руководимая Эфиальтом, провела наконец закон о лишении ареопага всех политических функций.

Борьба была очень острой: глава аристократической партии, потерпевшей по-, ражение, отправился в изгнание; Эфиальт пап от руки своих противников.

К середине V века до н. э. уходят в прошлое солоновские разряды. Замещение должностей стало доступно всем гражданам независимо от их имущественного положения. Производилось оно по жребию (за некоторым исключением).

Оставалось последнее: ввести вознаграждение за службу, без чего граждане, живущие повседневным трудом, не могли занимать общественные должности.

По предложению стратега Перикла стали получать жалованье члены совета пятисот, присяжные заседатели, солдаты, матросы военного флота и все должностные лица вообще, за исключением самых высших – стратегов.

Таковы причины и формы возникновения государства в Афинах. Энгельс справедливо замечает: "Афины представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества"*.

3. Всей совокупностью прав и привилегий пользовались (по закону Перикла) только те лица (мужского пола), у кого и отец и мать были природными и полноправными гражданами Афин.

Гражданство приобреталось с 18-летнего возраста: Затем в течение двух лет юноша проходил военную службу. С 20 лет ему разрешалось участвовать в народном собрании.

Завершив двухлетнее обучение военному делу, гражданин оставался военнообязанным до 60-летнего возраста. В случае войны народное собрание устанавливало число военнообязанных, подлежащих призыву; в крайних случаях прибегали к всеобщему набору (панстратии). Члены каждого племени (филы) составляли отряд под командованием особого лица, избираемого самим народом.

Формальное равенство полноправных граждан не исключало их фактического неравенства, определяемого неравенством имуществ. Основную массу граждан составляли люди среднего достатка. Их земельные наделы не превышали 10 га. Небольшое число граждан обладало значительными состояниями. Сотни семей владели жалкое существование, предпочитая откровенный паразитизм любой форме производительного труда.

Физический труд, за исключением земледельческого, признавался недостойным гражданина. "Позорящие" профессии были уделом иностранцев-метэков, вольноотпущенников, рабов.

Метэки могли заниматься своим профессиональным делом, покупать и продавать (все, кроме недвижимостей), но участвовать в народном собрании и занимать должности им запрещалось. Однако в армии они служили, платили налоги. Меток, уклонившийся от уплаты налогов, продавался в рабство. Браки между метэками и гражданами запрещались.

Положение отпущенных на волю рабов было близко к положению иностранцев.

Несмотря на все ограничения, метэк и вольноотпущенник были в глазах закона лицами. За ними признавалось человеческое достоинство. Иное дело, раб.

Раб был только вещью, ее живым подобием. Его можно было продать и купить, отдать внаем. Он не мог иметь семью. Дети, прижитые им от связи с рабыней, были собственностью хозяина.

Единственное, что закон запрещал хозяину, – убийство раба. Когда раб совершал преступление, заслуживавшее казни, суд и наказание становились делом властей.

Государство, можно думать, опасалось, что собственник раба, заинтересованный в нем как в своем имуществе, пощадит его. Несмотря на формальный запрет, убийство раба хозяином не влекло за собой наказания для последнего.

За этим исключением, все другие виды наказаний были правом господина. Допрос раба производился только под пыткой. Это считалось справедливым и "истинно демократическим".

Обычными способами наказания рабов были заковывание в кандалы, в железный ошейник, истязания, клеймение и пр. Пытали дыбой, заливанием

уксуса в ноздри, прикладыванием к телу раскаленной черепицы, растягиванием членов ("кобылой").

Никакого имущества раб иметь не мог. Все, что он зарабатывал, было собственностью господина.

Отпущенный на свободу раб подпадал под двойной надзор государства, относившегося к нему как к "иностранцу", и бывшего хозяина, по отношению к которому вольноотпущенный был обязан некоторыми повинностями.

Основная масса рабов добывалась на войне, когда в неволю попадали не только солдаты враждебного войска, но и мирное население противника. Эта участь не раз постигала и самих афинян. Заклейменные знаком лошади, они были сотнями проданы в рабство после неудачной сицилийской экспедиции (во время Пелопоннесской войны). Множество рабов поставляли на рынок морские разбойники. При покупке с рабом или рабыней обращались, как со скотом: раздевали, заставляли бегать, смотрели зубы и пр.

Особого упоминания заслуживает положение женщины в Афинах. Ни политических, ни гражданских прав она не имела.

Афиняне, по обыкновению, похвалялись тем, что их жены выходят на улицу не иначе как по большим праздникам (то есть направляясь в храм) или что их жены так хорошо воспитаны, что стыдятся видеть любого постороннего, в том числе родственников. Жила жена в особой половине дома.

Брачный договор был делом отца невесты. После свадьбы законным представителем жены становился муж. Чтобы развестись с женой, ему достаточно было призвать свидетелей.

Закон требовал от жены строгого целомудрия, но не препятствовал мужу иметь любовниц. Неверную жену разрешалось попросту выгнать из дому, а приданое присвоить. В своей последующей жизни эта женщина не могла ни украшаться, ни входить в храмы. В противном случае любой встречный мог разорвать на ней платье, снять украшения, побить.

Дети находились во власти отца уже по одному тому, что завещание находилось в его воле. Достаточно было непочтительного отношения к отцу, чтобы лишение сына наследства стало законным.

4. Афинский государственный строй V века до н. э. оставил важный след в мировой истории, конкурируя с другими достижениями этого универсально одаренного народа - искусством, архитектурой, философией, наукой. С началом буржуазной эпохи в особенности принципы афинского политического устройства стали орудием в борьбе с силами реакции. Что привлекало к ним идеологов буржуазного Просвещения в их борьбе с абсолютизмом? В немногих словах на этот вопрос можно ответить так: народоправство; выборность, коллегиальность и подотчетность властей; суд присяжных.

Первый принцип - народоправство - был полнее всего отражен в процессе издания законов.

Афины были небольшим государством. От столицы до крайней его точки было несколько десятков километров. Это то, что принято называть "полисом" - городом-государством. Граждане полиса представляли собой общину, основанную на совместном праве пользования и распоряжения землей, совместном управлении общими делами.

Верховный орган Афин - народное собрание. Оно созывалось четыре раза в месяц. На собрание стекались все те граждане, которых интересовала (заранее объявленная) повестка дня. Главными участниками собраний были, конечно, жители самого города. Кворум (не менее шести тысяч человек) требовался только при решении особых вопросов, например, об остракизме. В обыкновенное время собиралось две-три тысячи человек и менее.

Народное собрание не только принимало законы, но и обсуждало вопросы продовольственного снабжения, обороны, слушало чрезвычайные заявления о государственных преступлениях, рассматривало просьбы частного характера и т.д. Но основным делом народного собрания было, конечно, законодательство.

Считалось, что каждый гражданин Афин имеет право предложить проект нового закона и свободно участвовать в обсуждении законопроекта,

выдвинутого другими. Инициатива эта существенно ограничивалась, однако, системой сдержек:

а) автор законопроекта нес уголовную ответственность (вплоть до смертной казни), если оказывалось, что его предложение противоречит существующим законам и об этом не было определено заявлено;

б) всякий законопроект должен был предварительно рассматриваться советом пятисот. Собрание выслушивало мнение совета;

в) окончательное решение принадлежало гелиэе, игравшей в таких случаях роль второй палаты. Обсуждение велось в форме обычного судебного процесса. Автор законопроекта выступал обвинителем старых законов. Их защитников назначало народное собрание. Решение принималось большинством присяжных с помощью тайного голосования.

Наличие системы сдержек легко объясняется стремлением воспрепятствовать законодательству "снизу", инициативе масс. Всякий раз, когда эта инициатива пробивает себе дорогу, это происходит при исключительных обстоятельствах (война, смута). В обычное же время законодательная инициатива исходила, как правило, от совета пятисот, от коллегии стратегов или других властей.

Возможно, впрочем, и другое толкование столь сложной процедуры законодательства: не допустить реакционного (антинародного) пересмотра афинской конституции.

В соответствии с воззрениями своего времени Аристотель советует осторожность в законодательстве: "Если польза изменения законов невелика, между тем как привычка нарушать законы - дело вредное, то очевидно уж лучше допустить некоторые ошибки", чем изменять старый закон. В так называемый эллинистический период истории Греции, во II веке до н. э., многие города вообще запретили пересмотр своих конституций.

Голосование в народном собрании было открытым, поэтому далеко не всякий мог голосовать так, как на самом деле хотел.

Народные собрания не один раз принимали бурный характер, выходили из под влияния стратегов и совета пятисот, навязывали им свою волю.

Плутарх рассказывает, что со времени Солона в Афинах действовал закон, по которому гражданин, не примкнувший во время междоусобиц ни к той, ни к другой партии, лишался гражданских прав. Солон хотел, по-видимому, прибавляет Плутарх, "чтобы гражданин не относился равнодушно и безучастно к общему делу... не дожидался без всякого риска, кто победит".

Следующим по значению, органов, государственной власти была гелиэя - Она решала вопрос о наделении правами гражданства; она наблюдала за законностью замещения должностей и имела право отвода; она утверждала международные договоры.

Главным же ее делом было участие в законодательстве, а также суд по политическим, религиозным и многим другим делам.

В состав Гелиэи входило 100 тысяч человек /Все они избирались жребием по 600 человек от каждой филы. Из общего числа гелиастов составлялось 10 судебных коллегий по 501 человеку каждая. Состав коллегии определялся жребием в самый день суда так, чтобы никто из гелиастов не мог знать заранее, когда его призовут к деятельности. Этим стремились избежать подкупа судей.

То, что Солон разрешил фетам становиться присяжными, казалось вначале ничего не значащим правом, пишет Плутарх, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попала к судьям. Всякий раз, когда следовало толковать конституцию, обращались в гелиэю, отчего гелиасты сделались некоторым образом господами над законами. Очень существенным было и то, что гелиэя имела право пересмотра (в порядке апелляции) приговоров, вынесенных должностными лицами.

От "гелиос" - солнце: заседания начинались с восходом солнца и закрывались с заходом (не позднее).

В компетенцию совета пятисот входили дела непосредственного управления, внешние сношения, финансы. Действовал совет не в полном составе,, а через притании, секции. По числу фил притании было десять. Каждая из них правила одну десятую часть года.

Верные принципу сдержек, афиняне не решились вручить совету пятисот всю исполнительную власть. Ее делили с ним две коллегии - стратегов и архонтов.

В отличие от всех других властей стратеги избирались открытым голосованием в народном собрании. Должность стратега не оплачивалась, и потому занимать ее могли состоятельные лица. Специальной компетенцией стратегов считалось командование армией и флотом, но в действительности они ведали и многими другими делами, относящимися к внутренней и внешней политике. Стратеги считались равными друг другу, но фактическое руководство всегда поручалось одному из них - по выбору народного собрания. Таким лицом на протяжении 15 лет, из года в год перизбираемым, был знаменитый Перикл.

Три первых архонта ведали, каждый в своей области, жалобами по семейным делам, надзором за иностранцами, религиозными вопросами и пр. Архонты-фесмофеты (шесть человек) подготовили для слушания дела в суде присяжных, производили жеребьевку судей, председательствовали в коллегиях. Фесмофеты должны были ежегодно докладывать народному собранию о противоречиях и пробелах в законах. Фесмофетам же подавались заявления о злоупотреблениях должностных лиц. Они имели право ставить вопрос о смещении последних. Таким образом, в руках одного и того же органа власти соединились вопросы культа, юстиции, "прокурорского надзора".

Раз в месяц в Афинах созывалось особое народное собрание, считавшееся главным. На нем производилась проверка деятельности властей. Собрание после открытого обсуждения решало, была ли эта деятельность правильной.

Такая форма контроля снизу была, по-видимому, достаточно эффективной.

Вступлению в должность предшествовала проверка благонадежности (докимасия) избранного. Выясняли, кто его родители (а если хотели придраться, то и самые отдаленные предки), как исполняет избранный гражданские обязанности, чтит ли богов и пр.

Все должностные лица избирались сроком на год без права переизбрания (исключение - коллегия стратегов). Каждый, кто хотел быть избранным, должен был сам выставить свою кандидатуру. Несколько слов следует сказать об Афинском морском союзе. Он возник после греко-персидских войн, в которых Афинам выпало на долю сыграть роль спасителя Греции. Воспользовавшись обстоятельствами, опираясь на свою военную мощь, Афины навязали многим другим полисам и островным республикам греческого мира военный и политический союз. Афины взяли на себя оборону объединившихся государств (их было около 200) с тем, однако, что последние будут оплачивать военные расходы.

Поначалу Афины должны были терпеть самостоятельность своих союзников. Союзная казна была сосредоточена на острове Делос, и распоряжались ею по общему согласию.

Но так продолжалось недолго. Не останавливаясь перед военными экзекуциями против непокорных, Афины добиваются бесконтрольного господства в союзе. Казна переносится в Афины, и распоряжается ею Афинское народное собрание. Союзники сделались данниками. Решения афинских властей стали для них обязательными. Деньги союза стали тратиться на великолепные постройки, на вознаграждения и подкуп афинских граждан, на содержание паразитического античного люмпен-пролетариата. Отсюда проистекают стремление к ограничению числа граждан как ассоциации привилегированных, "проверки лояльности", ограничения для выходцев из других городов и т. п.

Афинский государственный и военный аппарат был весьма многочисленным. В V веке до н. а. он состоял из (имея в виду всех тех, кто получал жалованье): 6000 судей гелизи, 1600 стрелков, 1200 всадников, 500 стражников верфей, 500 членов совета и т. д. - всего около 20 тысяч человек (при общей численности полноправных граждан около 35 тыс.).

Какого бы уважения ни заслуживала афинская демократия, мы должны забывать того, что это была демократия для немногих и держалась она на рабстве.

Б. Древняя Спарта

1. В противоположность демократическим Афинам Спарта была своеобразной аристократической республикой. Причины этого уходят в глубокое прошлое.

В XII-XI веках до н.э. в небольшую область на полуострове Пелопоннес - Лаконику вторглись дорические племена. Область эта была уже занята ахейцами. После ожесточенной борьбы оба племени заключили союз, образовали совместную общину. Возглавлялась она двумя царями - дорийским и ахейским.

Маленькая Лаконика (300 км²) оказалась тесной для новой общины. Началась война за овладение соседней Мессенией. Она продолжалась целое столетие и окончилась победой Спарты.

Земли Мессении стали общей собственностью победителей. Ее население было обращено в рабов - илотов.

Завоевание поставило перед спартанской общиной новые задачи. Следовало создать органы власти, до того времени не известные ни дорийцам, ни ахецам. Но первобытнообщинный строй еще не был разрушен. Результатом этого явился своеобразный сплав сильной, террористической по своим приемам государственной власти и пережиточно сохранившихся элементов родового устройства. В этом своеобразии - главная особенность Спарты.

2. В отличие от Афин Спарта оставалась на протяжении всей своей истории земледельческой Общиной. Ремесла и торговля были делом неполноправных перизков. Свободному спартиату обе эти профессии были строго запрещены. Их занятие - военная служба. Свободное же время посвящалось "хороводам, пирам, празднествам, охоте, гимнастике".

Земля в Спарте была поделена на 10 тысяч равных участков - по числу полноправных граждан. Число это должно было оставаться неизменным. Не было участка - не было гражданства.

Обрабатывали землю илоты. Они имели семьи, наделялись двором и земельные наделом. Обязанности их ограничивались определенной податью.

На эту подать существовали вся община и каждый ее участник отдельности. Законы Спарты предписывали простоту быта и умеренность в пище. Граждане имели одинаковую одежду и вооружение. Социальное равенство подчеркивалось ежедневными коллективными трапезами, на устройство которых спартиат отчислял часть своего дохода.

Основателем спартанских порядков считался Ликург. Ему приписывалось издание ретр - так назывались в Спарте некоторые ее основные законы. Одна из ретр, направленная против роскоши, требовала, чтобы в каждом доме кровля была сделана только топором, а двери только пилой. Законодатель рассчитывал, что это простое жилище никто не пожелает украсить ложами на серебряных ножках или роскошными покрывалами.

Деньги предписывалось чеканить в виде больших и тяжелых железных монет, чтобы предотвратить их накопление и затруднить оборот. Золотая и серебряная монеты были запрещены.

Чтобы перевезти сравнительно небольшую сумму денег (10 мин), пишет Плутарх, требовалась упряжка волов, а для их хранения - большой склад. По мере распространения новой монеты пропала охота воровать, брать взятки или грабить, "коль скоро нечисто нажитое и спрятать было немислимо".

Семья в Спарте как бы заморожена на стадии парного брака, а в некоторых отношениях напоминала еще более раннюю ступень - брак групповой. Заключение и расторжение брака не представляло трудностей. Можно было иметь две жены. Несколько братьев могли иметь общую жену. Человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним.

"Муж молодой жены, - говорит Плутарх, - если был у него на примете порядочный и красивый юноша... мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим". Чувство ревности

"Ликург изгнал" как недостойное. Вместе с тем не стало и прелюбодеяний. Невест все еще брали уводом, но этот увод был фактически узаконен.

Мужчина уже предпочитает одну, определенную женщину, и эта последняя, тяготясь обязанностью принадлежать многим, ищет любви одного. Но и то и другое следовало еще скрывать как нарушение традиции, как отступление от правил. Победа парного брака определилась постепенно, и долгое время он соседствует с групповым.

Похищенную, рассказывает далее Плутарх, наряжали в мужскую одежду и оставляли в темной комнате. В течение длительного времени молодожены не должны были видеть друг друга при дневном свете. Побыв некоторое время с молодой женой, муж удалялся, чтобы, по обычаю, спать вместе с остальными юношами, как будто ничего не произошло. И в последующем он проводил день среди сверстников, а к молодой жене навещался тайно, "с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны, и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходиться, уллучив минуту, никем не замеченные". Все, таким образом, имитирует настоящее похищение.

Существенную часть деятельности государства составляло воспитание молодежи: оно вырабатывало в юноше смелость, дисциплинированность, беспрекословное подчинение.

С семилетнего возраста и до 20-летнего мальчики и юноши жили вне своих семей, вместе ели и спали, вместе занимались физическими упражнениями и военным делом. Им давали грубую одежду, заставляли ходить босиком зимой и летом, поручали трудные работы. Их плохо кормили, чтобы возбудить сметливость, и строго наказывали за обнаруженное воровство. Малейшее недовольство сурово подавлялось. Всякая ошибка наказывалась. Доходило до настоящих истязаний, замаскированных под религиозный обряд. Говорить кратко, а больше молчать считалось неперменной добродетелью.

Юношам стремились привить восхищение спартанскими порядками, выработать у них высокомерное презрение к илотам.

Илоты отдавали своим господам половину урожая. Остальное было их собственностью. Этим они отличаются от рабов в строгом значении этого понятия и приближаются к крепостным. Илоты считались собственностью государства так же, как и земля.

Они носили особую одежду из шкур животных: она, как клеймо, должна была подчеркивать их бесправие. Каждый год илот должен был перенести некоторое число ударов: чтобы не забывал о своем положении. Илота, отличавшегося своей физической силой, убивали.

Каждый год Спарта объявляла илотам войну. За этим следовали криптии: молодые спартанцы, вооруженные кинжалами, убивали всякого илота, попадавшегося на дороге, в лесу, в поле.

Однажды спартанские власти, обеспокоенные, очевидно, какими-то сведениями, объявили, что намерены дать свободу тем илотам, которые оказали спартанцам наибольшие услуги (во время войны каждого воина сопровождало несколько легковооруженных илотов). "Этим, - пишет древнегреческий историк Фукидид, - лакедемоняне (другое название спартанцев) испытывали илотов, полагая, что все, считающиеся наиболее достойными освобождения, скорее всего способны осмелиться восстать против угнетения. Таким образом отделено в первую очередь было около двух тысяч человек. С венками на головах, как бы уже освобожденные, эти илоты обходили храмы, но вскоре исчезли, и никто не знал, какой конец постиг каждого из них".

В отличие от прочих рабов Греции илоты были коренным населением своей страны. Земля, которую они обрабатывали, была некогда их землей, жили они в своих домах, в своих старинных поселках. Управлялись своими людьми.

Илотов в Спарте было около 200 тысяч, в несколько раз больше числа спартиатов. Но каждый раз поднятое ими восстание терпело неудачу. Тем не менее Спарта постоянно чувствовала грозящую ей опасность.

3. 'По своему государственному строю Спарта была аристократической республикой.

От первобытнообщинной эпохи здесь уцелели народное собрание, совет старейшин и, как уже говорилось, два царя (точнее, два вождя).

Первый из этих органов - народное собрание - сохранил старинное демократическое устройство, но с течением времени утратил реальную власть. Выступать в собрании, предлагать законы или кандидатов для избрания могли только должностные лица. Когда собрание выходило из подчинения властей, оно распускалось, а его решения считались не имевшими силы.

Голосование в собрании было примитивным: граждане расходились в разные стороны, после чего на глаз определяли большинство. Избрание должностных лиц производилось криком: за кого громче кричали, тот и считался избранным.

В темной избе, стоявшей на самой площади, наглухо запирались несколько человек. Они должны были отмечать по порядку силу крика. По окончании "голосования" эти наблюдения сопоставлялись с порядковыми номерами баллотировавшихся. Аристотель, проводя сравнение этого способа с обычным для Афин поднятием рук, называет спартанские выборы "детскими".

Совет старейшин, или герусия, состоял из 28 членов-геронтов, избравшихся в собрании. Они занимали места пожизненно и не были ответственны за свои действия. Геронтом можно было сделаться не ранее чем по достижении 60-летнего возраста.

Герусия рассматривала и подготовляла законопроекты, осуществляла суд по уголовным делам.

Цари были членами герусии. Как таковые они должны были подчиняться ее решениям. Функции царей ограничивались военными, религиозными и некоторыми судебными делами. С течением времени в Спарте появилась и приобрела решающее влияние на дела государства коллегия эфоров, состоявшая из пяти человек, избравшихся народным собранием сроком на год.

Эфоры созывали народное собрание, совет старейшин и предлагали им вопросы для обсуждения. Они руководили всей внутренней и внешней политикой. Они следили за неуклонным исполнением законов. Они могли предавать суду не только граждан, но и должностных лиц. Судебные тяжбы по гражданским делам были их непосредственной компетенцией (с этого, между прочим, началась сама история эфората). Отчитывались эфоры только перед своими преемниками.

Чем можно объяснить особенности общественного и государственного строя Спарты? Укажем на самое главное:

а) живя в окружении численно превосходящей, остро враждебной массы илотов, спартанцы вынуждены были превратить свой город в постоянно действующий военный лагерь. Власть в лагере должна была принадлежать немногим;

б) той же опасностью было вызвано упорное стремление спартанской общины предотвратить возникновение имущественного неравенства (а значит, и несогласий);

в) земельный характер общины и примитивность ее внутреннего устройства препятствовали до известного времени появлению той социальной силы, которая могла бы взять на себя переустройство общества и государства на демократических началах и ускорить ликвидацию остатков первобытнообщинного строя (как это было в Афинах).

В. Основные черты афинского права

Судебное устройство и судопроизводство

1. Основным источником афинского права в период расцвета демократии был закон. Его строгое соблюдение признавалось незыблемым элементом демократии.

В гражданской присяге молодого афинянина говорилось: "И я буду слушаться власти... и повиноваться установленным законам... и если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их один и вместе со всеми".

Древнейшей систематизацией афинского права считаются законы Драконта, относящиеся к VII веку до н. э. Известны они своей непомерной

жестокостью; укравшие овощи и плоды несли то же наказание, что и отцеубийцы, - смертную казнь.

"Когда Драконта спросили, - пишет Плутарх, - почему он за большую часть преступлений назначил смертную казнь, он, как говорят, отвечал, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают этого наказания, а для крупных он не нашел большего".

При Солоно законы Драконта были отменены, за исключением нескольких постановлений об убийстве. С тех пор афинское право оставалось несистематизированным. Значительная часть его была, как и в прежние времена, неписаным обычаем. Производя суд, гелиэя могла создавать каждый раз новую - норму, руководствуясь убеждением.

После того как Греция была завоевана Филиппом Македонским (отцом Александра), Афины и многие другие полисы потеряли свою независимость. Тем не менее каждый город имел собственное право, во многом отличавшееся от права других городов. Как бы ни рассматривались судебные споры, они должны были решаться на основе местного права.

Когда в результате объединения Греции под властью Македонской монархии аттический (афинский) язык стал господствующим, оттеснив другие диалекты, законы и указы стали писаться на этом языке и притом по одной и той же "общей форме".

Публиковались декреты на специальных стелах - вертикально поставленных каменных досках - или на табличках. Хранились они в здании городского управления. Можно было заметить, пишет историк эллинизма В. Тарн, что, чем декреты были незначительнее по своему содержанию, тем они были многословнее.

С этого же времени появляются в Греции настоящие, то есть профессиональные, юристы, поскольку требовалось знание права всех основных ее городов, а это было делом нелегким.

2. Имущественные правоотношения достигли в древних Афинах высокой степени развития. Собственник имущества имел ничем не стесненное право распоряжения землей, скотом, рабами и прочим своим добром. Широкое распространение денежных отношений, особенно ростовщичества, позволяло накапливать большие состояния.

В IV веке до н. э. самым богатым человеком в Греции считали некоего Дифила. У него было 160 талантов. Средним состоянием было приблизительно 1/5-1/4 таланта.

Частная собственность, возведенная в ранг "священной и неприкосновенной", охраняется самыми суровыми мерами. Воровство наказывается, как правило, смертной казнью.

Термин "священный и неприкосновенный" возник в Древней Греции. Он был применен первоначально к тем городам и храмам, которые добились признания их земли и собственности неприкосновенными во время войны, свободными от ареста и пр.

Особую разработку получают обязательственные правоотношения, главным образом способы обеспечения займов: залоги (в том числе ипотека), задаток, поручительства третьих лиц и т. д.

3. Уголовное право Афин по сравнению с гражданским правом было менее развито. Ранее всего это проявляется в пережиточном сохранении институтов и представлений доклассовой эпохи, особенно кровной мести.

Афинский гражданин Эвфилет (IV в. до н. э.) узнал от служанки о неверности своей жены. Застигнутый на месте преступления ее любовник Эратосфен бросился к семейному очагу, чтобы, ухватившись за него, быть (по обычаю) в безопасности, но Эвфилет сбил его с ног. В присутствии свидетелей Эратосфен был связан и сознался в вине. Он просил взять выкуп. Но разгневанный муж, уповая на закон, его оправдывающий, хладнокровно убил Эратосфена.

Речь Эвфилета в суде присяжных, написанная знаменитым оратором Лисием, поражает сознанием правоты поступка и его полной безнаказанности.

Дела о ранениях, увечьях, оскорблениях, кражах, а также все дела об убийствах и прелюбодеяниях могли быть предметом рассмотрения в суде не иначе как по заявлению заинтересованной стороны.

Оскорбление и даже убийство посла считались преступлениями против религии: личность посла находилась под защитой богов.

Среди государственных преступлений наиболее тяжкими считались: государственная измена, покушение на демократический строй правления и безбожие. Виновные в этих преступлениях наказывались смертью.

Строго различались убийства умышленное, которое влекло за собой смертную казнь, и неосторожное, или случайное, наказанием за которые было изгнание из государства.

Крайне разнообразны применявшиеся судами наказания. Среди них четвертование, разрывание деревьями и животными, осуждение на голодную смерть. Самым гуманным было, по-видимому, отравление - способ, которым был казнен философ Сократ.

Древнегреческий драматург Эсхил перечисляет в трагедии "Эвмениды" наказания:

тут храм - не место лобное, где плетью бьют, Выкалывают очи, рубят головы, Камнями поражают, четвертуют, рвут, Скопят, увечат, с долгим воем корчатся Посаженные на кол...

Тюремное заключение было только предварительным. Тюрмами, как об этом пишет Плутарх, служили подземелья, куда не проникал ни свет, ни воздух, без окон и дверей.

Широко применялись бесчестящие наказания, лишение прав гражданства.

В некоторых полисах, например Гортине (О.Крит), прелюбодея увенчивали венком из шерсти в знак его распушенности (намек на козлоногих сатиров). Он лишался, кроме того, имущества и гражданских прав.

В наказании видели главным образом страдание, мучение. Страх перед мучением - главное, что должны внушать человеку закон и суд. В этом - путь к справедливости.

Эсхил в трагедии "Агамемнон" пишет: "Страданьем учит нас правды суд по божьи жить".

Определение наказания зависело от тяжести преступления, а также таких характеристик участия в преступном деянии, как покушение, приготовление, подстрекательство, соучастие. Афинскому уголовному праву хорошо известно понятие смягчающих вину обстоятельств. Все это было показателем относительно высокой юридической культуры, немыслимой без тех успехов, которых достигли в Афинах философия, искусство, науки.

В известном деле Ореста, убившего из мести мать, хор, непреременный участник древнегреческой трагедии, упрекает Аполлона в том, что это он подстрекал сына убить мать: "Единый ты преступник".

4. Рассмотрению дела в афинском суде предшествовало предварительное следствие. Обвинитель и обвиняемый могли давать показания, требовать допроса свидетелей, представлять вещественные доказательства. Показания запечатывались в специальный сосуд и в таком виде представлялись в суд.

Основным элементом судебного следствия были речи сторон. Стороны обычно требовали прочтения показаний, данных на предварительном следствии, или оглашения соответствующего закона. "Прочти показания такого-то", "Прочти закон", - говорили они секретарю суда.

Составить судебную речь было непросто. Адвокатуры в нашем понимании не было. Следовало даже скрывать помощь квалифицированного лица. Однако она была неизбежной.

Написанную кем-либо речь заучивали наизусть. Требовалось, чтобы она была лишена ненужных украшений, насыщена фактами, а главное - логическими заключениями.

Считалось признаком правоты и искренности закончить речь до истечения регламента, предоставив оставшееся время противнику.

Свои показания стороны давали под присягой. Судьи-присяжные выслушивали доводы сторон и свидетелей. Председательствующий делал заключение и напутствовал судей.

Присяжные могли принять любое решение. Так, в случае с Орестом они избирают оправдание, хотя самый факт преступления никем не отрицался.

Их убеждение, свободное от посторонних влияний, должно было основываться на "испытании улики", на доказательствах. При этом они могли

входить в оценку качества самих показаний. Не исключено, что при неясности дела сомнение толковалось в пользу обвиняемого.

Об этом свидетельствует так называемая Гортинская правда (составлена на О.Крит в V в. до н.э.), сохранившая сведения о правовых институтах, присущих всему греческому миру той эпохи. Так, в случае спора о рабе предписывается судьям: "Если же один будет спорить, что это свободный, а другой, что это раб, тогда пусть будет преимущество за тем, кто будет утверждать, что это свободный".

Вначале решался вопрос о виновности лица ("виновен" - "невиновен"). Если вердикт присяжных был обвинительным, приступали к определению меры наказания. Голосование было тайным. При равном счете голос председательствующего давал перевес.

Особой торжественностью отличался процесс в ареопаге. Здесь все дышало стариной. Судили ночью, чтобы судьи не видели лиц (недаром богиню правосудия Фемиду изображали с завязанными глазами). Присягали на освященных внутренностях животных. Камень, на котором стоял обвинитель, назывался камнем прощения, камень обвиняемого - камнем обиды. Приговор постановлялся на третий день. До его обнародования обвиняемый мог избавиться себя от наказания, добровольно покинув Афины.

В середине V века до н. э. соперничество Афин и Спарты привело к войне, захватившей жизнь целого поколения (Пелопоннесская война). В 404 году Афины вынуждены были поит-1 на заключение унижительного мира, одним из условий которого было уничтожение демократического строя. Наступил период террористической диктатуры (тирания "тридцати"). Падение демократии в Афинах имело катастрофическое значение для всех других греческих полисов с демократической формой правления.

В конце концов демократия была восстановлена в Афинах. Восстановлен был и Афинский морской союз (но уже на основе равенства). Тем не менее Афины лишились былого величия, переживают глубокий экономический и политический кризис.

В 338 году до н. э. Афины, примкнув к антимакедонской коалиции, были разбиты (при Херонее) и волей-неволей вынуждены были признать гегемонию Македонии. В 86 г. до н.э. Афины были взяты штурмом римскими легионами под командованием Суллы и в конце концов вместе с остальной Грецией вошли в состав римской провинции Ахайя.

При всем том Афины еще долго сохраняют значение главного культурного центра для всей Римской империи.

Глубокий кризис коснулся и Спарты. Вскоре после Пелопоннесской войны приходит конец ее прежнему социальному устройству, основанному на равенстве имуществ. Через одно-два столетия почти вся земля Спарты, а вместе с ней и управление государством оказываются в руках нескольких фамилий.

В 338 году до н. э., как уже говорилось, Македония захватывает Грецию. Спарта сохраняет еще некоторое время независимое положение. Наконец во II веке до н. э. она так же, как и весь остальной греческий мир, становится провинцией могущественной Римской державы.

Глава третья Древний Рим

А. Римская рабовладельческая республика

1. История Древнего Рима восходит к VII или началу VI века до н. э. Население города составили две основные группы: собственно римские граждане, так называемые патриции, и их антагонисты - плебеи.

Первые были полноправными гражданами. Они распались на три племени. Каждое племя состояло из 100 родов. Каждые 10 родов образовывали курию (то же самое, что греки называли фратрией).

Курии образовывали общее народное собрание римской общины (куриатные комиссии). Оно принимало или отвергало предложенные ему законопроекты, избирало всех высших должностных лиц, выступало в качестве высшей апелляционной инстанции при решении вопроса о смертной казни, объявляло войну.

Дела непосредственного управления, выработка законопроектов, заключение мира входили в компетенцию римского совета старейшин - сената. Он состоял из старейшин всех 300 родов и потому так назывался (от "сенекс" - старый, старейшина). Старейшины эти составляли потомственную аристократию римской общины, поскольку укоренился обычай, согласно которому их избирали из одной и той же семьи каждого рода.

Военное предводительство, верховные жреческие и некоторые судебные функции принадлежали избираемому собранием курий "царю", которого называли рексом. Исторические предания называют первым рексом римской общины Ромула, а всего насчитывают семь рексов (так называемый царский период истории Рима).

Происхождение плебеев неясно и спорно. Несомненно только, что они стояли вне племенной организации и поэтому не могли принимать участия в управлении общиной. Зато они беспрепятственно занимались земледелием, ремеслами, торговлей. Плебеи были лично свободны, несли военную службу наравне с патрициями, платили налоги. Торговое и промышленное богатство было сосредоточено главным образом в их руках: гордый своим происхождением патриций считал унижительным любое занятие, кроме земледелия, политической деятельности, военной службы.

Когда с течением времени земельный фонд Рима, состоявший в прилегающей к городу целине, был исчерпан (в связи с приростом населения) и Рим обратился к политике завоеваний, плебеи не были допущены к дележу захваченной территории. Земельный вопрос переплелся с вопросом о политических правах плебеев. Последовали острые конфликты, приведшие к коренным реформам.

Самой первой среди них и самой важной была реформа, которую историческая традиция приписывает рексу Сервию Туллию. По своим основным принципам реформа Сервия Туллия обнаруживает полнейшую параллель с реформой Солона в Афинах. Время ее осуществления не поддается точной датировке. Скорее всего это VI век до н. э.

Римским племенам и родам, реликтам ушедшего в прошлое родового строя, пришлось потесниться. Подобно афинскому демосу, плебейский элемент был допущен в народное собрание, сделался частью "римского народа".

Вместе с тем было произведено деление граждан на пять имущественных разрядов. К первому разряду были отнесены патриции и плебеи, имущество которых оценивалось в 100 тысяч ассов (асе - мелкая римская монета); ко второму разряду - в 75 тысяч ассов, к третьему - в 50 тысяч ассов и т. д. В особый разряд были выделены так называемые всадники. Стоимость их имущества превышала 100 тысяч ассов (18 центурий).

Каждый разряд выставлял определенное количество военных единиц - центурий (сотен): первый разряд - 80, второй, третий и четвертый - по 20, пятый - 30.

Одну единственную центурию составили граждане, которые не имели имущества. Их называли пролетариями (от римского "пролес" - потомство: те, у которых нет ничего, кроме детей).

В народном собрании граждане выстраивались и голосовали по центуриям. Каждая из них имела один голос.

Разряды поделили на неравное число центурий. Всадники и самые богатые имели 98 центурий (18+80) из 193, то есть располагали абсолютным большинством. Если эти центурии выступали совместно, мнение остальных не имело значение. Голосование прекращалось, как только солидарно высказывались первые 98 центурий. Во всем этом виден тонкий политический расчет, великолепное понимание действительных целей создающейся государственной организации.

Город был разбит на четыре территориальных округа - трибы. Каждая триба имела некоторые политические права и самоуправление.

Старые роды и курии потеряли прежнее значение. Вместе с ними уходил в прошлое первобытнообщинный строй.

Реформа Сервия Туллия была важной уступкой плебеям. Спор между богатством и знатностью происхождения окончился в пользу богатства. Но до уравнивания с патрициями было еще далеко. Потребовалось, по крайней мере,

два столетия, чтобы допустить плебеев к завоеванной земле, к замещению должностей, к выработке законов, к браку с патрициями и патрицианками.

Заслуживает особого упоминания так называемый Лициниев закон, который предоставил плебеям право на Италийскую землю. Был установлен максимальный размер частного землевладения - 500 югеров (125 га).

Так, не скоро и цепляясь за прошлое, сходит со сцены родовой строй и возникает разумно устроенное государство.

2. Завоевание значительной части Италии много способствовало изживанию родового строя. Массы рабов попадают на римский рынок, распределяются по жребию. Рабовладение принимает классические формы.

Краеугольным камнем неписаной римской конституции становится правило: люди не равны друг другу. Рабы не люди, а вещи.

Римское гражданство приобреталось рождением от полноправных отца и матери. Другие случаи, например усыновление чужеземца, отпущение раба на волю, пожалование гражданства за заслуги и пр., были первоначально явлением редким.

По достижении совершеннолетия римский юноша приводился отцом на форум (площадь в Риме, где совершался суд и многие другие официальные действия) и записывался в соответствующую трибу. С этого момента гражданин становился политически полноправным.

Римское гражданство утрачивалось с продажей в рабство за долги или преступление, а также вследствие ссылки или изгнания.

Политическое полноправие не означало еще полноправия "гражданского", то есть права распоряжения имуществом. Пока был жив отец - и сын, по традиции, находился под его властью (то есть в составе семьи отца), никаких сделок с вещами и деньгами он не мог совершать, если на это не имелось прямого уполномочия отца.

Как политическое, так и гражданское полноправие были достоянием мужчин. Согласно римским законам, женщины "вследствие присущего им легкомыслия" не могли совершать сделок с вещами и деньгами, а тем более участвовать в политической жизни.

Это, конечно, не означает совершенного отстранения женщин от участия в делах семьи и общества. Влияние женщины было косвенным, но довольно значительным. Воспитанием детей, положением хозяйки дома, родственными связями, своим умом, обаянием, наконец, своим героизмом римская женщина не раз оказывала решающее влияние на судьбу родного города - с того легендарного дня, когда вмешательство женщин прекратило пагубную битву римлян и сабинов, позволив двум соседним общинам слиться воедино.

По сравнению с афинской женщиной женщина в Риме находилась в гораздо лучшем положении.

Римским гражданином становился и отпущенный на волю раб. Но он не мог замещать выборных должностей и вследствие питаемого к нему недоверия служить в армии. Голосовал он только в собрании своей трибы. По отношению к своему бывшему господину вольноотпущенник становился клиентом, обязанным лицом. Обязанности эти заключались в особом уважении, материальной помощи и т. п.

По мере того как Рим из незначительного поселка превращался в столицу огромной территории, состав его населения стал пополняться иностранцами. Многие приезжали сюда для ведения торговых дел и здесь оставались. Называли их перегринами.

В своих отношениях, а тем более в своих спорах с римлянами перегрины претендовали на то, чтобы учитывались право и обычаи их собственной страны. Соответственно с тем во всех спорах, в которых так или иначе выступает перегрин, участвует перегринский претор.

В результате этого в пределах одного и того же города возникают и обособляются две несхожие системы права: одна для римских граждан, другая для перегринов - право квинтское и право перегринское.

,"

Перегринское право стало называться со временем "правом народов" - "jus gentium". Было бы ошибкой видеть в нем международное право. Это тоже римское право. Но только предназначенное для особого круга имущественных

правоотношений. Активным творцом *jus gentium* был особый чиновник, то есть уже упомянутый выше перегринский претор (с 242 г. до н. э.).

Начиная с IV-III веков до н. э. основным работником в Риме становится раб. Труд его широко проникает в земледелие и ремесло. Рабов много, и каждая новая война пополняет их число. Но чем большим становилось их значение, тем все более бесправным и страшным становилось их положение.

По официальной теории, человек умирает в рабе. Возникает "говорящее орудие", вещь. Соответственно этому раб не имеет ни семьи, ни собственности. Дети, прижитые им от рабыни, принадлежат господину - они его рабы. Все, что ни приобретает раб -работой, находкой, дарением, - точно так же собственность хозяина.

В случае совершения рабом правонарушения господин либо уплачивал определенную сумму денег (в возмещение вреда), либо выдавал раба потерпевшему. В свою очередь всякий ущерб, причиненный рабу, давал хозяину право требовать возмещения убытков.

Как и в Афинах, допрос раба производился только под пыткой. Если случалось, что раб умирал при этом, господин мог требовать возмещения от того, кто требовал допроса.

Господину не воспрещалось убийство раба. Закон относился к этому так же, как к убийству животного. И во всем остальном, как скажет известный римский юрист Гай, закон "приравнивает к нашим рабам тех четвероногих, которые считаются домашним скотом".

Самым ужасным было положение рабов, отданных в рудники. Здесь царила массовая смертность от изнурительной работы, побоев, болезней.

3. В конце VI века до н. э. последний римский реке был устранен, и на его место стали выбирать двух консулов. С этого времени начинается история Римской республики, просуществовавшей около 500 лет.

Главным органом власти римской республики был сенат разившийся из совета старейшин 'римского 'союза племен. По числу родов сенаторов было первоначально 300 человек. Назначали их особо уполномоченные лица, избранные народным собранием, - цензоры. Для большинства сенаторов назначение было практически пожизненным.

Требовалось, чтобы сенатор происходил из родовитой семьи, был богат, занимал перед тем какой-нибудь важный пост.

Всякий вопрос, предложенный на решение центурий, обсуждался предварительно в сенате. Это правило распространялось на все случаи замещения важных должностей.

По традиции, сенат подчинялся решениям народного собрания. Если же он находил, что решения народного собрания "не соответствуют интересам Рима", он объявлял их недействительными или предлагал должностным лицам, ответственным за эти решения, отказаться от своих должностей.

Не имея прямой законодательной власти, сенат присвоил себе право толкования законов. По этому поводу известный французский мыслитель XVIII века Кондорсэ пишет: "Сенат, эксплуатировавший уважение народа к старым учреждениям, скоро понял, что привилегия толковать законы почти равносильна праву создавать новые, и он пополнился юристами". Кондорсэ справедливо замечает, что юриспруденция является единственной новой наукой, которой мы обязаны римлянам, и возникновение этой науки связано с правом толкования закона'.

В особых случаях сенат имел право прибегнуть к временной военной диктатуре. По его решению один из консулов назначал диктатора. После этого все должностные лица республики переходили в подчинение последнего. Диктатор опирался на военную силу. Он не нес ответственности за свои действия. Максимальный срок его полномочий - 6 месяцев.

В ведении сената находились многие дела по управлению: распоряжение казной и наблюдение за государственным имуществом вообще; бюджет; внешние сношения; военное дело, включая назначение командующих, и т.п. От него зависело назначение на почетную и доходную должность в провинцию, в завоеванную страну. Не будучи судебным органом, сенат мог назначать судебные коллегии и давать указания о производстве расследования.

По той роли, которую играл сенат, и по тому, из кого он состоял, римскую республику называют аристократической. И это соответствует действительности.

Но тем самым по форме правления римская республика отличается от демократической афинской. Объясняется это главным образом экономической отсталостью раннереспубликанского Рима, низким уровнем его ремесленного производства, его торговли. Вплоть до III века до н. э. Рим был по преимуществу земледельческой общиной. Соответственно этому политическое господство принадлежало земельной аристократии. Ее усилению способствовали благоприятные обстоятельства, в особенности войны.

Аристократическая по своей сущности, римская республика сохраняла, однако, многие важные институты народовластия и прежде всего народные собрания. С течением времени к ним прибавился народный трибунал (см. ниже), служивший целям ограждения прав граждан от злоупотреблений власти. Срочность полномочий должностных лиц республики, их подотчетность народному собранию, коллегиальное устройство учреждений точно так же указывают на демократические формы, сохранявшиеся, несмотря на господствующее положение сената. В этой же связи нельзя не отметить право народного собрания пересматривать приговоры и соответственно с тем право граждан обращаться в народное собрание с просьбами о защите.

В соответствии с реформой Сервия Туллия в Древнем Риме существовало два вида народных собраний – центуриатные и трибутные. Первые считались главными.

Собрания созывались по приказу консула, претора, трибуна. Начинались собрания с религиозных обрядов. Затем следовали чтение законопроекта и голосование.

Председательствующий мог в любое время распустить собрание. Оно автоматически расходилось при некоторых неблагоприятных знаменьях (буря, эпилептический припадок и пр.).

Число центурий с течением времени было увеличено, и в III веке до н. э. их было уже 373. Объясняется это главным образом приростом населения (центурии были одновременно и военными единицами). Происходит и некоторая демократизация центуриатного собрания. Каждый разряд населения получает по 70 центурий.

Центуриатные собрания утверждали законы и избирали всех основных начальников – магистратов – республики: консулов, преторов, цензоров и др.

Резко возросло и количество триб. Вместо четырех их стало 35. На трибутных собраниях избирали плебейских трибунов, обсуждали некоторые законопроекты, местные дела. В общем собрании триб каждая из них имела один голос. Решения трибутных собраний получили название плебисцитов.

Свое происхождение собрания триб ведут от плебейских сходок. Первоначально на них присутствовали главным образом плебеи. С увеличением роли этих собраний в них стали принимать участие и патриции.

Когда гражданина приговаривали к смерти, он мог апеллировать к центуриатным собраниям, если же наказанием являлся денежный штраф, можно было обращаться к собраниям триб.

Правительственная власть в римской республике складывалась из некоторого числа коллегий. Все они избирались народными собраниями сроком на год. По истечении этого срока члены коллегий были ответственны за свои действия и могли быть преданы суду за злоупотребления.

Крут деятельности членов коллегий не был очерчен. Но каждый из них мог наложить запрещение – вето – на действия своего коллеги.

Важнейшее значение имели первые две коллегии: коллегия консулов (первоначально два) и коллегия преторов (сначала два, потом четыре и больше).

И те и другие обладали властью "cum imperium". С этим связывалось раньше всего командование войском, право созыва народного собрания и сената (а также председательствование в собрании и сенате), право издавать приказы и чинить суд над гражданами.

В знак особого почета консулов и преторов сопровождала постоянная вооруженная свита: консула - 12 ликторов, претора - 6.

Консулы были высшими магистратами республики. В их руках находились дела текущего управления. Они следили за исполнением законов.

В то же время ни консулы, ни преторы не имели права непосредственного руководства другими коллегиями. Каждый делал свое дело, как находил это нужным. Тем более что все они несли ответственность перед одной и той же властью - народным собранием.

Особое положение занимали плебейские (народные) трибуны. Должность эта была учреждена около 494 года до н.э. в результате ожесточенного столкновения плебейства с патрициатом.

Сенат, защищая богачей, пишет Плутарх, вступил в столкновение с народом, требовавшим ликвидации долговой кабалы. Залогам и распродажами ростовщики разоряли людей среднего достатка, а бедных хватали и сажали в тюрьму. Народ, храбро сражавшийся в сабинскую войну, возмутился. Когда неприятель, воспользовавшись смутами, двинулся к городу и консулы призвали граждан к оружию, никто не явился. Сенат заседал неоднократно, но так и не принял решения. Тогда бедняки неожиданно выселились на Священную гору, угрожая вовсе уйти из Рима. Сенат послал к ним для переговоров Менения Агриппу, который под конец рассказал притчу о том, как однажды все части тела ополчились против желудка, обвиняя его в тунеядстве. "Но желудок, - сказал Менений, - только посмеивался над их невежеством: им было невдомек, что, один принимая всю пищу, он затем возвращает ее назад, распределяет между всеми остальными". Хитрый сенатор уподоблял сенат желудку и настаивал на примирении. Но он добился его не ранее, чем была учреждена особая магистратура - народный трибунал.

Трибунал был строго плебейским учреждением. Трибунов было сперва два, потом пять и наконец десять. Трибун не мог отлучаться из Рима, дверь его дома должна была всегда открываться для ищущих защиты плебеев.

Трибуны имели право запрещать исполнение любых приказов, от кого бы они ни исходили (за исключением приказов диктатора). Они могли налагать вето на постановление сената. Для того чтобы отменить вето народного трибуна, требовалось единогласное постановление всех остальных его коллег.

Помимо того, трибун был наделен правом арестовывать любое лицо и подвергать его публичному допросу.

Чтобы подчеркнуть исключительность этой магистратуры, всякое посягательство на личность трибуна было объявлено преступлением не только против государства, но и против религии. Это не помешало патрициату осуществить политическое убийство двух самых выдающихся трибунов Древнего Рима - братьев Тиберия и Гая Гракхов.

Началом своей военной славы Древний Рим обязан народному ополчению первых веков своей истории. Каждый римский гражданин, достигший 17-летнего возраста, был обязан нести военную службу. Это было не только его обязанностью, но и священным долгом, призванием, привилегией. Не имевшие имущества пролетарии (не говоря уже о рабах) в армию не допускались.

Первоначально каждый ополченец должен был явиться на сборный пункт, имея при себе оружие и позаботившись о пропитании во время похода. С завоеванием Италии характер службы меняется. С конца V века до н. э. римские солдаты стали получать жалованье, казенное вооружение и продовольствие. Однако еще на долгое время римская армия сохранит свой ополченский характер: по окончании войны солдаты расходятся по домам.

Армия строилась на началах самой строгой дисциплины. Командующий имел право смертной казни в отношении всех своих солдат и офицеров. В особых случаях нарушения воинского долга прибегали к децимации - казни каждого десятого, принадлежащего к виновному подразделению, - по жребию.

Завоеванные Римом внеиталийские земли - провинции - управлялись назначенными из Рима магистратами. Ими являлись обыкновенно бывшие консулы и преторы.

Экспроприация провинциальных земель и тяжелые налоги обогащали римскую знать и римскую казну. Поборы, взятки и вымогательства обогащали чиновников.

Руководящим принципом римской политики в отношении завоеванных территорий было знаменитое "разделяй и властвуй". Предоставляя привилегии некоторым провинциям, натравливая один народ на другой, Рим научился подавлять одни провинции с помощью других провинций. И внутри захваченных стран подачками и преимуществами Рим привлекал на свою сторону одних, чтобы с их помощью подавлять других.

Б. Римская империя

1. Во 11 веке до н. э., после победы над Карфагеном и Македонией, римское государство господствует на всем пространстве земель, омываемых Средиземным морем. Завоеванные страны стали неисчерпаемым источником рабов. Сотни тысяч их были проданы за бесценок в земледельческие поместья новой римской знати - сословия нобилей. Принадлежали к этому сословию только те, чье имущество оценивалось не меньше чем в один миллион сестерций.

Рост числа крупных поместий (латифундий) сопровождался прямо противоположным процессом разорения римского крестьянства. Оно не выдерживало конкуренции дешевого рабского труда. Не имея доступа к новым земельным фондам, оно задыхалось от малоземелья, порожденного дроблением участков между наследниками, а еще больше грабежом и захватом их земель богатыми. Оно задыхалось и в тисках кабальных займов.

Неизбежным результатом этого процесса было крайнее обострение борьбы между мелким и крупным землевладением. Кульминацией борьбы стали реформы братьев Гракхов.

В 133 году до н. э. избранный трибуном Тиберий Гракх предложил закон, по которому устанавливался максимальный размер землевладения, находящегося в частных руках, - 1000 югеров на семью (около 250 га). Излишки подлежали распределению между безземельными и малоземельными.

Но одной земли было мало. Крестьяне нуждались в скоте, инвентаре, семенах. Нужны были деньги, но они находились в распоряжении сената. Между тем именно сенат, выразивший интересы нобилей и состоявший из последних, оказывал упорное сопротивление реформе.

Тиберию, проведенному закон через народное собрание, пришлось трижды нарушить римскую конституцию. Он потребовал смещения своего коллеги народного трибуна Октавия, наложившего вето на законопроект о земле. Это требование было удовлетворено. Он потребовал, чтобы народное собрание само решило вопрос о субсидиях, необходимых для осуществления земельной реформы. И эта мера была осуществлена. Оставалось последнее - добиться переизбрания на новый срок. Народ стоял на стороне Тиберия. Тогда сенат, обвинив Тиберия в том, что он стремится к единоличной диктатуре, и выставив себя в качестве поборника демократии, организовал убийство народного трибуна.

Со смертью Тиберия Гракха, как того и следовало ожидать, осуществление реформы было фактически приостановлено.

Новый подъем движения связан с именем Гая Гракха. Выдающийся оратор и политический деятель, человек редкого благородства, Гай Гракх был избран на ту же должность, что и его старший брат. Продолжая дело Тиберия, он пытался найти опору в среде римского обедневшего плебса. В его интересах было проведено снижение цен на хлеб, организованы земледельческие колонии на завоеванных землях и пр. Деятельность Гая была прервана его трагической смертью. Сенат снова торжествовал победу.

Юридическим основанием аграрной реформы братьев Гракхов было то, что, по старинной традиции, римская территория считалась общественной собственностью. Поэтому были возможны ее переделы. Чтобы навсегда покончить с подобными рода проектами, законом III года до н. э. земельные владения были объявлены неприкосновенной собственностью.

В сложных условиях гражданских междоусобиц и войн, наполнивших историю II и I веков до н. э., военное ополчение становится ненадежным. К тому же резко уменьшилось число тех земельных собственников, которые

поставляли его основные контингенты. При консуле Марие (1 в. до н. э.) римская армия становится наемной, служащей за жалованье. Послушная тому, кто ей платил, армия стала орудием партий. С ее помощью были ликвидированы последние остатки римской республиканской демократии.

История римской армии является, быть может, самым наглядным свидетельством коренных изменений, происходивших в римском обществе. И дело не только в ее организации, условиях комплектования и пр., хотя и это, конечно, очень существенно.

В римской армии впервые (со смертью Цезаря) было признано право обладания недвижимой собственностью за лицами, не имеющими статуса *paterfamilias*. В римской армии получает свое начало цеховой строй, расцвет которого приходится на эпоху феодализма: это корпорация военных ремесленников. Здесь же, как, впрочем, и во многих других армиях древности, впервые были применены машины и иные новшества, получает особое развитие разделение труда и т. д. Перерождение римской армии означало перерождение всей римской общественной и государственной структуры, конец старой римской республики.

В 82 году до н. э. полководец Сулла устанавливает в Риме единоличную диктатуру, отстранив от власти все другие магистратуры. Диктатура Суллы была бессрочной. Сулла присвоил себе полномочия издавать законы. Он предоставил новые права сенату и резко уменьшил компетенцию народных собраний. Трибуны были лишены политических функций.

Римская рабовладельческая республика переживает глубокий кризис. Её окончательное крушение было ускорено знаменитым восстанием рабов под руководством Спартака (74 г. до н. э.).

В середине 1 века до н. э. Юлий Цезарь заложил основание нового политического строя, пришедшего на смену республиканскому. Его называют принципатом по одному из титулов первого лица в государстве – римского императора – принципса.

Начало принципата как сложившейся формы власти и управления связывают обыкновенно с правлением преемника Юлия Цезаря, императора Октавиана Августа (27 г. до н.э.-14 г. н. э.).

2. Упадок римского народовластия, каким бы оно ни было, вызван был главным образом развитием рабовладения и частной собственности на землю. Резкие различия состояний находились в противоречии с институтами, возникшими и созревшими в эпоху относительного равенства.

Следует иметь в виду и то, что римские республиканские учреждения сложились как органы управления городом, полисом. Выполнять те же функции в отношении всей огромной державы, в которую превратился Рим, они не могли. Эту задачу выполнила Римская империя.

Пожертвовав исключительным положением "римского народа", империя способствовала сплочению рабовладельческих элементов всех земель в один класс. Собственно римские рабовладельцы стали его частью, хотя и особенной – руководящей.

Уже при Юлии Цезаре предоставление прав римского гражданина в провинциях сделалось распространенной политической мерой. Это дело продолжали его преемники. Наконец в 212 году н. э. при императоре Каракалле права римских граждан были предоставлены всему населению провинций.

Порожденные разнообразными историческими обстоятельствами различия в положении свободных людей, установленные в древний период, исчезают.

Верхушку класса рабовладельцев составляли два сословия. Нобили превратились при императоре Августе (1 в. до н. э.) в сенаторское сословие, пополнявшееся за счет людей, выдвинувшихся на государственной службе. В сословие всадников вошли достаточно богатые люди (минимальный ценз – 400 тысяч сестерций), поставлявшие государству ответственных чиновников и офицеров. Как сенаторы, так и всадники происходили из различных частей империи. Управление городами находилось в руках сословия декурионов, как правило, средних землевладельцев.

Консолидация господствующего класса облегчила управление огромной империей, позволила правительственной машине с большим успехом подавлять

сопротивление рабов. Уже при Августе интересы рабовладения были ограждены с помощью энергичных мер. Они сводились к предотвращению новых выступлений рабов, к решительному ограничению отпуска рабов на волю, к расширению репрессий против них.

Император Август восстановил, в частности, закон, по которому подлежали казни все те рабы, которые находились в доме на расстоянии окрика в момент убийства их господина, независимо от того, причастны они к убийству или нет. Это один из наиболее отвратительных случаев использования объективного вменения. Закон не остался без применения. В одном случае, несмотря на широкое недовольство народа, сенат и император приказали казнить 400 человек. Римские юристы не скрывали причины этой гнусной меры: "Ни один дом не может быть иным способом обезопасен, как тем, чтобы страхом смертной казни принудить рабов охранять своего господина от опасности как со стороны домашних, так и со стороны чужих..."

Между тем экономическое развитие все более определенно указывало на невыгодность рабского труда. Никакой надсмотрщик и никакие наказания не могли заменить экономического стимула. Лишенный самого необходимого, остро ненавидящий своего хозяина-угнетателя, раб делал только то, к чему его непосредственно принуждали, и делал так, чтобы избежать бича. Всякое новое орудие оказывалось в его руках недолговечным. Ни одно усовершенствование не приносило достаточной пользы.

Вот что пишет по этому поводу римский писатель Колумелла (1 в. н. э.): "Рабы приносят полям величайший вред. Пасут...скот плохо. Дурно пахнут землю, показывают при посеве гораздо больший против настоящего расход семян; они не заботятся о том, чтобы семя, брошенное в землю, хорошо всходило, а свозя зерно на гумно, они даже уменьшают его количество во время молотбы либо утайкой его части, либо небрежной работой, ибо они и сами крадут зерно и от других воров плохо оберегают".

Понимая это, хозяева стали предоставлять рабам земельные участки - пекулии. Рабы были обязаны отдавать за них определенную долю продукта, обычно половину урожая. Другая половина оставалась в их полном распоряжении. Выгодность этой новой формы эксплуатации была несомненной.

Но для того чтобы она могла получить большее распространение, нужно было дать правовую защиту тем отношениям, в которые волей-неволей вовлекался раб-пекулиант.

Старое римское право запрещало ему продавать что-либо на рынке, а между тем без этого он не мог существовать, право запрещало ему брать займы, нанимать скот или сдавать его внаем, покупать что-либо, вступать в договорные отношения вообще. Старое право запрещало рабу заявлять иски в суде и отвечать по искам, предъявляемым к нему самому. Все это было несовместимо с ведением самостоятельного хозяйства. Нужно было, наконец, оградить раба от злоупотреблений со стороны самого господина, поскольку и земля и сам раб были его собственностью.

Постепенно, медленно все эти интересы были урегулированы к выгоде владельца пекулия.

Одновременно с тем в Римской империи совершается и другой важный процесс - превращение свободного крестьянина в арендатора-издольщика. Его общим названием становится колон. Развитие колоната было результатом грабежа крестьянской земли и связанного с этим роста латифундий. Другой его причиной было уменьшение притока рабов из-за границы, явившееся следствием уменьшения военной мощи империи, с одной стороны, и усиления оказываемого ей сопротивления - с другой.

Обязательства колонов носили как денежный, так и натуральный характер.

Колонат начался с краткосрочной аренды. Но она была менее выгодна арендодателю. Только длительный срок аренды мог обеспечить его постоянной рабочей силой и в то же время породить в колоне желание улучшать землю, возводить постройки и т. п.

Удовлетворяя требования землевладельцев, закон 332 года н. э. положил начало прикреплению арендаторов к земле. Самовольно покинувшие

поместья возвращались силой. В то же время было запрещено стогнать колонов при продаже земли. Всем этим было положено начало развитию феодальных отношений и переходу от рабовладения к феодализму. В этом сложном процессе раб подымается до положения феодально-зависимого человека, свободный крестьянин опускается до него. Господствующей формой крестьянского владения землей становится эмфитевтическая, то есть долгосрочная, а затем и наследуемая аренда господской земли. Из Италии она затем переходит в феодальные Францию, Германию, Польшу, западные области России.

К концу империи устанавливается запрещение убивать раба, разобшать семьи рабов при продаже, вводится облегченный порядок отпуска раба на волю.

Подобно колонам, прикрепляются к своим профессиям ремесленники. Возникают их наследственные корпорации (объединения).

3. Эпоху Римской империи принято делить на два периода - период принципата и период домината. Границей между ними служит III век н. э.

Принципат (от слова "принципс", . как называли императора по его званию "первого сенатора") сохраняет еще видимость республиканской формы правления и почти все основные учреждения республики. Собираются народные собрания и сенат. Избираются консулы, преторы и народные трибуны. Но словесная приверженность исторической традиции и принципам демократического управления была прикрытием произвола и самовластия.

Император - принцепс - соединяет в своих руках полномочия диктатора, консула, претора, цензора, трибуна, верховного жреца. В зависимости от рода дел он выступает то в одном, то в другом качестве. Как консул и диктатор, он командует армией. Как претор, он осуществляет суд по гражданским делам. Как цензор, он комплектует сенат, назначая одних сенаторов и изгоняя других. Как трибун - отменяет действия любого органа власти, арестовывает граждан по своему усмотрению и т. д.

Выбор членов коллегий зависит только от императора. Ни один из магистратов не решает чего-либо без доклада императору.

Компетенция народных собраний была ограничена делами самого города Рима. Собирались они редко.

Упадок собраний превращал сенат, по крайней мере в официальной теории, в единственный полномочный законодательный орган империи. Его постановления - сенатус-консульты - приобрели силу закона.

Действительное положение сената было иным. Законопроекты исходили от принцепса, и только его воля была источником законодательства. Сенат играл роль совещательного органа при императоре, но и в этой роли ему приходилось сносить неприкрытые унижения и вполне очевидное пренебрежение.

Римский писатель Светоний сообщает е биографии Августа как о достойном упоминания событии, что кто-то из сенаторов сказал во время речи императора-"Я бы тебе возразил, будь это возможно".

В конце концов устанавливается правило, получившее официальное признание: "Что решил принцепс - имеет силу закона".

Средоточием всех высших учреждений империи сделался двор. Среди них особого упоминания заслуживают императорская канцелярия с юридическим, финансовым и другими отделами.

Необычайное развитие получает финансовое ведомство, задачей которого было взыскание многочисленных имперских налогов и сборов - прямых и косвенных. Никогда еще государство не проявляло такой изобретательности в отыскании источников обложения, как в период империи. Никогда еще не была столь многочисленна армия чиновников финансового ведомства, грабившая и обиравшая народ.

Известный эпизод с налогом на уборные приходится на время императора Веспасиана (1 в. н. э.). Светоний рассказывает: "Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. "Нет", - ответил Тит. - "А ведь это деньги с мочи". Именно этот эпизод послужил поводом для поговорки "Деньги не пахнут". Армия была наемной. Солдаты служили 30 лет, получая жалованье

и по выходе в отставку земельный участок. Командный состав комплектовался из сенаторского и всаднического сословий. Рядовой солдат мог дослужиться лишь до должности центуриона (командира роты).

В III веке н. э. в Риме устанавливается неограниченная монархия. Это – период домината (от "доминус" – господин). Старые республиканские учреждения исчезают даже по названию. Управление империей сосредоточивается в руках нескольких основных ведомств, руководимых сановниками, которых назначает император.

Среди этих ведомств следует отметить раньше всего два: государственный совет при императоре – орган, подготовлявший законопроекты и обсуждавший по поручению императора вопросы политики, – и ведомство финансовое.

Во главе военного ведомства стоят назначенные императором генералы.

Чиновники получают особую организацию. Им присваивается форма одежды. Для них устанавливаются привилегии. Они получают право на пенсию.

Государственные формы поздней империи были образцом для подражания в течение всех средних веков. В особенности это сказалось на истории государственной власти во Франции, Германии, Испании, самой Италии. Созданная в период империи терминология сохраняется до сих пор. Это же в значительной степени относится и к тому, что может быть названо делопроизводством. Отсюда ведут свое начало титулы и некоторые церемонии, дипломатический ритуал и т. д.

Многое принадлежит здесь эллинистической Греции и странам греческого мира вообще. Именно здесь возникают земельные описи и описи имущества, получившие распространение в Риме, а затем и во всей Европе; здесь зарождается печально известный институт продажи должностей; греческие города открыли институты "почетных граждан" и присвоения гражданам одного города почетных званий другого города. Здесь начинается практика разъездных судей и многое другое, с чем мы еще столкнемся в истории государства и права феодальной Европы и что в том или ином виде удержалось до сих пор.

В III веке н. э. Римская империя была разделена в интересах управления на две части – Западную, со столицей в Риме, и Восточную, с центром в Константинополе (ныне Стамбул). Империя считалась единой, но каждая ее часть имела своего главу.

В 395 году было произведено окончательное разделение Римской империи на две указанные части.

В. Римское право

По одному известному выражению, римляне "трижды покоряли мир". Первый раз – легионами, второй – христианством, третий раз – правом.

Возведенное в ранг "писаного разума" римское право классического периода было широко воспринято феодальными государствами Западной Европы, оно и по сей день лежит в основе многих институтов буржуазного права.

В массе конкретных отношений, возникавших между товаропроизводителями, римские юристы сумели выделить самые общие, самые абстрактные формы. Соответственно с тем общее абстрактное выражение получили и те правовые нормы, те правовые институты, которые служили урегулированию этих отношений.

На определенном этапе развития место конкретного лица – римского гражданина, вольноотпущенника, иностранца и т. д. – занимает просто "собственник", просто "товаровладелец", абстрактная личность, выступающая как одна из сторон правоотношения. Точно так же товар или услуга, которые являются объектом и целью правоотношения, утрачивают свой специфический характер, приобретенный в прошлый период (земля частная, земля коллективная, вещи, принадлежащие свободному, вещи раба-пекулианта и т. д.). Они становятся частной собственностью и только.

Развитию римского права способствовали многие обстоятельства. Раньше всего сказался высокий уровень товарных отношений, достигнутый Римом в периоды поздней республики и принципата. Одним из его последствий, как мы уже знаем, было стирание различий между категориями свободного населения империи.

Не меньшее значение имел "всесветный" характер самой империи, породивший потребность "примирения" многих и различных правовых систем, исторически возникших и существовавших в завоеванных странах, и прежде всего в Греции, Египте, Сирии и др. Римские юристы имели возможность воспользоваться результатами правового развития культурных национальных частей империи, особенно Афин. Нельзя не отметить, наконец, то внимание, которое уделялось праву, и тот почет, которым была окружена деятельность юристов, особенно выдающихся, таких, как Гай, Ульпиан, Павел, Лabeон, Цельс и многие другие.

Ко всему этому добавим тысячелетнее развитие, тысячелетнюю коррекцию - и мы получим ответ на вопрос, почему римское право перешагнуло за рамки своей эпохи, превратилось в явление всемирно-исторического значения.

1. Римское право в период ранней республики. Законы XII таблиц

1. Первая римская кодификация права восходит к середине V столетия до н. э. Она получила название "Законов XII таблиц". В течение многих веков они считались в Риме основным источником права - публичного и частного (*fons ornnis publici privatique juris*).

Свое название Законы получили в связи с тем, что были написаны на 12 деревянных досках, выставлявшихся на городской площади. Никто поэтому не мог "отговариваться незнанием закона". По некоторым сведениям, от всякого вступающего в ряды граждан юноши требовалось знание законов наизусть. Считалось, что без этого нельзя выполнять обязанности гражданина, в особенности судебские.

Законы XII таблиц были в своей основе записью обычного права. Больше всего в ней нуждались плебеи (для защиты от произвола патрицианских судей). Кодификация права была для них этапом в борьбе за уравнение с патрициями.

Сами законы до нас не дошли. Они известны лишь в отрывках, которые сохранились в сочинениях древних авторов, в особенности юристов, - Цицерона, Ульпиана, Гая и др.

Среди этих источников особое место занимает сочинение юриста II века н. э. Гая, автора "Институций" - учебника для римских юридических школ. Его случайно обнаружил историк Нибур в 1816 году в итальянском городе Вероне. "Институций" Гая были найдены под текстом сочинения богословского содержания.

Существует предание, будто Нибур опрокинул чернильницу и, стирая на рукописи пятно, обнаружил сочинение Гая.

От слова "цивитас", что значит "город", "городская община", право Таблиц называли "цивильным", то есть принадлежащим данной совокупности граждан; от слова "квирит" (как любили называть себя сами римляне в честь бога войны Януса Квирина) - "квиритским". От "цивитас" происходит донныне существующий термин "цивилистика", означающий "гражданское право", совокупность институтов, служащих регулированию имущественных отношений.

2. Примечательной чертой Законов XII таблиц было четко проведенное разделение вещей на две категории. К первой принадлежали главным образом земля, рабы, рабочий скот. Ко второй - все остальные вещи.

Практическое значение такого разделения обнаруживалось в способе отчуждения вещей; при их продаже, дарении и пр. Именно по этому признаку определилось и само название указанных категорий. Первая называлась *res mancipi* (рес манципи), вторая - *res pes mancipi* (рес нек манципи).

Отчуждение земли, рабов, рабочего скота должно было совершаться в строго установленной форме. Она называлась *mancipatio* (манципация).

Слово это происходит от *manus* - рука. Первоначальное образное представление о собственности шло от завладения вещью, захвата. Отсюда "манус".

Манципация производилась следующим образом. Продавец и покупатель (если взять наиболее частый случай) приглашали пять свидетелей (не менее) и весодержателя. Покупатель (приобретатель) касался рукой купленной им вещи ("хватал раба"), говоря при этом: "Я утверждаю по праву квиритов, что этот... (предположим, раб) принадлежит мне и я купил его за эту

медь". Продавец мог ограничиться молчанием, которое считалось знаком согласия.

Медный слиток бросался на весы, символизируя уплату денег. В этом обряде пережиточно сохранилось воспоминание о тех временах, когда еще не умели чеканить монету и металл переходил из рук в руки в виде слитков определенного веса. Из этого можно заключить, что обычай манципации много древнее Законов XII таблиц, знающих уже и денежный штраф.

Пропуск слова в формуле покупки, отсутствие хотя бы одного из пяти положенных свидетелей, какое-нибудь упущение в обряде и т. д. были достаточными основаниями для признания сделки недействительной, даже если были уплачены деньги.

Здесь выступает перед нами строгий юридический формализм, красной нитью проходящий через все законодательство 1 Таблиц.

Присутствие свидетелей, как и все другие условия манципации, дань традиции. Они играли двойную роль. Запоминая самый факт сделки и ее условия, свидетели обязывались удостоверять ее законность каждый раз, когда это требовалось (например, при судебном споре); кроме того, они были последним

напоминанием о том контроле, который в свое время осуществляла община во всем, что касалось сделок с землей, рабами, рабочим скотом. Ее права легко объяснимы. В течение всех первых веков республики римская земля (а затем и италийская) была коллективной собственностью и соответственно с тем называлась *ager publicus* (агер публикус) - общее поле.

Коллективным было на первых порах и рабовладение. Такой вид собственности, который принято называть античной, возникает благодаря объединению - путем договора или завоевания - нескольких племен, избирающих местом поселения один из родовых поселков. Непременным атрибутом античной собственности является рабство. Движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность развивается в данных условиях как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Античная собственность - это "совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации". Античная собственность имела форму государственной собственности, вследствие чего право отдельного индивида на нее ограничивалось простым владением (*possessio*). Настоящая частная собственность - и здесь мы снова согласны с Марксом и Энгельсом - появляется у римлян, как и у всех древних народов, лишь вместе с движимой собственностью.

Каждая римская семья получала участок для обработки. Когда его не хватало, прибегали к дозволенному "захвату" никем не обрабатываемой целины. Спустя два года участок становился законным владением.

Часто спрашивают, почему в число "рее манципи" не входят орудия труда - плуг, борона и пр. Дело в том, что они весьма рано перешли в частную собственность. Объясняется же это, во-первых, той индивидуализацией пользования орудиями, с которой начинается процесс возникновения частной собственности; во-вторых, сравнительной несложностью и доступностью указанных орудий.

Мы видим, таким образом, примечательную картину: земля еще считается общей собственностью, и община контролирует сделки с нею, но контроль этот формален. Фактическое распоряжение ею принадлежит частному лицу. То же следует сказать о рабах и рабочем скоте.

Все другие вещи - пусть даже очень дорогие - переходили из рук в руки совершенно свободно. Потому и говорили о них: "вещи, не нуждающиеся в манципации" - "рее нек манципи".

3. Долговое рабство, узаконенное XII таблицами, отмечалось крайней суровостью. Договор займа, по которому средством обеспечения являлись "мясо и кровь" должника, назывался в Риме *nexum* - (нексум) "кабала". По способу заключения нексум походил на манципацию (свидетели, медь, формула). При просрочке платежа кредитор, пользуясь дозволением суда, "налагал на должника руку", что означало заточение в оковах. Помещенный в подвал дома кредитора должник трижды выводился на городскую площадь

вымаливать помощь друзей и родственников. "В третий базарный день должники предавались смертной казни или поступали в продажу за границу", что означало рабство.

Когда у должника оказывалось несколько кредиторов, закон предписывал: "Пусть разрубят должника на части".

Не следует думать, впрочем, что подобные дикости были распространенным явлением. Чаще всего применялась продажа в рабство.

Признавалось вместе с тем, что по выплате долга гражданин возвращал себе свободное состояние.

Долговое рабство больше всего угрожало плебеям, лишенным той защиты и помощи, которую давали патрициям род и курия. Ликвидация долгового рабства стала вопросом острой борьбы.

Римский историк Тит Ливий рассказывает, что как-то кредитор вывел на площадь старого воина-центуриона, "истощенного от бедности и худобы", в рубище. Оказалось, что разорение постигло его от войны, податей, непосильных процентов. Должник показал обезображенную побоями спину. "Видя и слыша это, народ поднял сильный крик. Должники в оковах и без оков бросаются на улицу, умоляя квиритов о защите".

Правящая верхушка Рима пошла на уступки. В 326 году до н. э. (через 250 лет после реформы Солона) долговое рабство было уничтожено и в Риме (закон Петелия). С этого времени ответственность должника ограничивается его имуществом.

4. Семейные отношения по Законам XII таблиц характеризуются ранее всего неограниченной властью домовладыки. Все живущие под крышей его дома, будь то кровные родственники или приемши, были членами одной и той же фамилии, агнатами. Имущество семьи считалось ее коллективной собственностью, но распоряжаться им мог только "отец семейства" - *paterfamilias*. По смерти последнего оно поровну делилось между агнатами. Когда их не оказывалось, наследовали ближайшие сородичи (братья умершего, их сыновья и т. д.), которых также считали агнатами, хотя и дальними (братья некоторое время до смерти отца жили под одной крышей).

Дочь переходила в дом своего мужа, подпадая под власть его самого и его отца, если последний был еще жив. По отношению к своему родному отцу и своей старой семье вообще она когнатка, кровная родственница, но и только. Прав на наследство в своей кровной семье она, а также ее дети и внуки не имели.

Имущественная правоспособность наступала для римского гражданина нередко много позже политической - не ранее смерти отца.

Существовала одна возможность для освобождения сына при жизни отца - через трехкратную продажу в рабство. После третьей продажи сын становился свободным. По отношению к своей семье он делался когнатом, лишенным, как и замужняя дочь, права наследования.

Жена так же, как и другие домочадцы, была во власти *paterfamilias*, своего мужа. Сама форма брака была для нее хотя и традиционной, но все же унижительной, особенно если брак устанавливался покупкой (в форме манципации). Некоторое равенство давал ей только брак без формальностей - "сине ману" (*sine manu*), без "наложения руки". Такой брак, допущенный законом, устанавливался фактом простого сожительства. Имущество супругов находилось при этом в их раздельной собственности.

Брак этот следовало возобновлять ежегодно. Прожив в течение года в доме мужа, жена автоматически подпадала под его власть - по давности. Чтобы избежать этого, она не менее трех ночей в году проводила вне дома - давность таким образом прерывалась.

Происхождение брака "сине ману" не вполне ясно. Возможно, что первоначально это была некоторая юридически неполноценная разновидность брака между патрициями и плебеями, которым "правильный брак" был разрешен только после издания закона Канулея (445 г. до н. э.). Таково мнение авторов лучшего учебника по римскому праву "Римское частное право" (М., 1948, стр. 137).

Поскольку издержки на содержание семьи лежали на муже, установился обычай, чтобы в браке "сине ману" жена приносила приданое (в "правильном"

браке все ее имущество было собственностью мужа). В случае развода оно возвращалось.

Законы XII таблиц разрешают наследование по завещанию, но ограничивают его рядом условий. Лишая наследства кого-либо из агнатов, отец должен был прямо назвать его. Это решение могло быть обжаловано. Всякое наследственное распоряжение нуждалось в ранний период республики в утверждении народного собрания.

5. Уголовно-правовые постановления Законов XII таблиц отличаются крайней суровостью. Смертной казнью наказывался всякий, кто посмеет отравить или собрать урожай "с обработанного плугом поля". Поджигатель дома или хлеба, если он действовал преднамеренно, заключался в оковы, подвергается бичеванию, за которым следует смерть. Всякий вправе убить на месте преступления ночного вора или вора, захваченного с оружием в руках. Дневной вор, застигнутый на месте преступления, подлежал физическому наказанию, а затем выдавался потерпевшему (обращение в рабство).

Законы XII таблиц рассматривают похищение чужого имущества не столько как преступление, затрагивающее интересы всего государства, сколько как действие, наносящее частный имущественный вред. Не исключено, что в какое-то более раннее время всякое воровство искупалось штрафом. Точно так же непроступлением, а деликтом считались оскорбление, побои и членовредительство. Все они компенсировались штрафом.

О государственных преступлениях Законы XII таблиц говорят сравнительно немного: устанавливается неправомерность и наказуемость ночных сборищ, подстрекательства врага к нападению на Рим, нарушения постановлений, касающихся общественного порядка, взяточничества судей и др.

Об умышленном убийстве не упоминается вовсе, во всяком случае в тех отрывках, которые до нас дошли. Объясняется это, по-видимому, тем, что меры наказания, следуемые за него, не вызывали сомнений (смертная казнь). Следует добавить, что высшие магистраты республики не были связаны точным определением того, что следует считать преступлением. В особых случаях они могли решать этот вопрос по своему усмотрению. Во избежание произвола за каждым римским гражданином признавалось право апелляции к народному собранию. Решение последнего было окончательным.

Преступления раба рассматривались судом. У раба не было никаких гарантий и никаких прав на защиту. Приговоренный к смерти, он, по обычаю, сбрасывался с Тарпейской скалы.

6. Необыкновенно строгим формализмом проникнуты правила разрешения имущественных споров, составляющие в своей совокупности гражданский процесс. Наиболее известная из его форм - так называемый легисакционный процесс предусматривал сложную процедуру.

Истец являлся к претору и делал заявление. Претор назначал день суда. Ответчик вызывался самим истцом. Ему дозволялось применить силу.

Процесс протекал в форме борьбы за спорную вещь. Сначала истец, затем ответчик налагают на нее (или ее часть, например, кусок дерна, если речь идет о земле) палочку-виндикту. При этом они произносят установленные обычаем формулы (каждая для данного случая). Тот, кто сбился или ошибся, автоматически проигрывал дело.

От названия этой палочки происходит термин "виндикация", под которым понимают истребование вещи из чужого неправомерного владения. По своему происхождению виндикта - "укороченное" копьё - символ древнего способа завладения вещью.

По другому объяснению, "виндикация" происходит от *vim dicere* - объявлять о применении силы.

С окончанием этой процедуры спорящие стороны заключали своеобразное пари. Кто проигрывал дело - проигрывал и залог. Величина его равнялась нередко половине иска.

На этом заканчивалась первая стадия процесса. Вторая стадия заключалась в том, что назначенный претором судья любой из римских граждан, которого претор считал подходящим, - без особых формальностей

рассматривал дело по существу: выслушивал свидетелей, знакомился с документами, выносил решение.

При неявке одной из сторон (без уважительной причины) решение автоматически выносилось в пользу ее противника.

Гораздо проще обстояло дело в том суде, которым ведал перегринский претор. В спорах между иностранцами; нормы Законов XII таблиц были неприменимы. Претор сам решал дело от начала до конца. Эта практика оказала очень большое влияние на судьбы позднейшего (классического) римского права.

2. Римское право в период поздней республики и принципата (классическое)

1. Последний век республики и первые два-три века империи были временем полного расцвета римской классической юриспруденции. Уходит в прошлое юридический формализм. Получают признание принципы "равенства сторон", "справедливости", "доброй совести".

Авторитету Законов XII таблиц противопоставляется авторитет "общенародного права", под которым стали понимать совокупность установлений, общих для многих народов. Активным поборником этих новых воззрений был перегринский претор.

Не посягая на самый текст Законов XII таблиц, римские юристы изобрели эффективный способ их игнорирования. Оба претора имели право издания эдиктов, которыми они заявляли о своем вступлении в должность. В этих эдиктах они стали постепенно проводить идеи, расходившиеся с Законами XII таблиц, и устанавливали правила, которыми должны были руководствоваться судьи при рассмотрении дел. С течением времени преторский эдикт становится в Риме важнейшим источником нового права, законотворческим актом. Каждый новый, по обыкновению, претор подтверждал эдикт предшественника, вводил, если считал нужным, новую норму. Таким образом создавалось то, что называют "преторским правом".

Теперь надо было изменить положение претора в гражданском процессе. Из пассивного наблюдателя его первой стадии следовало сделать его активным творцом нового гражданского права.

Около 150 года до н.э. в гражданском судопроизводстве Рима происходит подлинный переворот. Как и прежде, существовали две стадии. Как и прежде, решение спора передавалось судье, назначенному приказом претора. Но судья этот не был уже свободен в своем решении. Оно предписывалось формулой претора. Отсюда и название самой формы процесса - формулярный.

Формула-указание, которой претор снабжал судью, могла содержать прямой приказ сделать так, а не иначе, она могла предоставить судье некоторую свободу - все зависело от обстоятельств дела. Но каждый раз судья был обязан следовать полученной инструкции.

"Когда окажется, что Н.Н. должен А.А. 10 тысяч сестерций, то ты, судья, присуди Н.Н. уплатить эту сумму, если нет, то оправдай".

Здесь говорится только об одном: выясни, должен ли Н.Н. такую-то сумму денег истцу А.А. Если должен - пусть уплатит. Претор сознательно уклоняется от вопроса о том, были ли соблюдены формальности, обязательные при заключении договора займа. Его это не интересует. Руководствуясь тем, что добросовестность требует возврата денег, претор говорит: "присуди".

Когда рабов продавали крупными партиями, обряд манципации совершали далеко не столь строго. Случалось, что его вовсе не исполняли. Недобросовестный продавец, ссылаясь на это упущение, мог потребовать возврата рабов, оставив себе всю полученную за них плату. Но на пути его стоял претор. Опираясь на принцип доброй совести, противопоставляя Законам XII таблиц свой собственный эдикт, претор отказывал такому истцу в иске, не давал ему формулы, и таким образом притязание истца оставалось не обеспеченным защитой суда ("голым правом").

В каком-нибудь другом случае претор мог столкнуться с иском эманципированного сына, требующего участия в отцовском наследстве. Законы XII таблиц отказывали ему в этом: эманципированный, освобожденный из под

власти отца, не агнат. Но претор считал это несправедливым. И он предписывал судье ввести эманципированного сына в его долю наследства.

Соответствующая формула гласила: "Если бы истец А.А. был наследником, спорная земля принадлежала бы ему по квинритскому праву, и ты, судья, присуди эту землю А.А., но при условии, что, как это по справедливости требуют все другие наследники, истец внесет в общую наследственную массу и свое собственное имущество, каким бы образом оно ни приобретено".

Так возникает новая форма собственности, отличная от квинритской. Ее называют преторской или бонитарной (от слов "in bonis" - "в имуществе"). Охраняет ее преторское право, защита претора.

В своем законченном виде преторская формула стала представлять собой совокупность трех частей: интенции, эксцепции и кондемпнации.

По установившейся традиции, судья, истец и ответчик, когда дело шло о каком-нибудь чисто теоретическом рассмотрении должной формулы иска, получили в римской правовой науке свои особые клички: судья - это Октавий, истец именуется Авлом Агерием, ответчик - Нимерием Нигидием.

Интенция в переводе с латыни означает "обвинение", "намерение". Это, так сказать, требовательная часть формулы: она содержит указание на предмет иска и его правовое основание. Если сумма была точно обозначена, претор вписывал ее в интенцию, если ее следовало установить в ходе судебного разбирательства, претор предоставлял это судье.

Поначалу, возможно, формула претора состояла главным образом из интенции, снабженной репликой претора, предназначавшейся судье (совет, указание).

С течением времени формула приобретает триединую форму: за интенцией следует эксцепция и кондемпнация.

Эксцепция, то есть в переводе - возражение, протест, особое мнение, заявлялась, разумеется, ответчиком, и если она была резонной, то есть опиравшейся на закон, "добрую совесть" или "справедливость", претор соответствующим образом формулировал свое указание судье в третьей и последней части формулы - кондемпнации.

Таким образом в Риме утверждается новая форма правосудия по гражданским спорам - так называемый формулярный процесс, постепенно, хотя и не окончательно вытесняющий процесс легисакционный.

Как легко видеть, самой существенной частью формулы была эксцепция, ибо именно с ней следует связывать то новое, что вводил претор в римское право. От того как претор относился к возражению ответчика, принимал ли он его или отвергал (полностью, частично) зависело и содержание кондемпнации, то есть резолютивной части формулы, а значит, и решение спора вообще - как данного спора, так и будущих, ему подобных.

Следствием новых порядков было стирание граней между известными нам *res mancipi* и *res nec mancipi*. Вместе с ними исчезает постепенно и старая манципация.

2. Помимо преторских эдиктов источниками нового римского права сделались распоряжения императоров, постановления сената, консультации юристов.

Наиболее известные юристы поучапи право давать толкования законов, которые были обязательны для судов. Толкования юристов были впоследствии систематизированы и составили самую значительную часть кодификации императора Юстиниана (так называемые Дигесты).

По теории римских юристов, всю совокупность правовых велений следовало подразделять на две части - право частное и право публичное. К последнему, по известному определению Ульпиана (III в. н. э.), принадлежат все те нормы, которые "относятся к положению римского государства" как целого; напротив, "частное право" имеет дело с тем, что касается "пользы отдельных лиц".

Таким образом, храмы и дороги, например, были объектом регулирования "публичного права"; отношения собственности, семейные, наследственные и пр. - областью "частного права".

Деление это было признано в средние века в тех странах, где было заимствовано римское право. Оно

укоренилось в буржуазном праве.

3. В конце республики, с тех пор как окончательно утверждается принцип поземельной частной собственности, получает развитие институт владения (*possessio*), под которым понималось всякое фактическое господство лица над вещью, соединенное с желанием осуществлять эту власть для себя.

Самым распространенным видом владения было владение провинциальной землей: ею можно было пользоваться, присваивать приносимый ею доход. Однако право верховной собственности на эту землю принадлежало всему римскому государству, и владелец ее был обязан потому платить налог. В тех случаях, когда фактическое обладание вещью сочетается с правом распоряжения ею, имеет место право собственности, но не владения.

Основанием для возникновения владения не могут быть, следовательно, ни купля-продажа, ни наследование. Владение возникает из добросовестного (без применения хитрости или насилия) пользования вещью, собственник которой либо неизвестен, либо не заявляет протеста, либо безвестно отсутствует.

В конце империи было признано, что тридцатилетнее добросовестное владение вещами давало на них право собственности (приобретательная давность).

Беспрепятственно могли быть присвоены заброшенные земли, дикие звери и рыба, впервые открытые клады, вновь открытые земли и т. д. – одним словом, вещи, не бывшие в чьей-либо собственности.

Никому не принадлежащими были объявлены вещи, захваченные на войне. Римские юристы оправдывали этот способ завладения тем, что война представляет собой возвращение к "естественному состоянию" вражды всех против всех, которое, по их мнению, существовало до возникновения государства. Отсюда выводилось в более широком смысле право на военный трофей вообще.

Практическое значение института владения заключалось в той защите, которую давало ему право. До тех пор пока лицо, заявляющее себя собственником вещи и требующее ее изъятия у несобственника-владельца, не докажет законности своих притязаний и не добьется соответствующего судебного решения, претор окажет владельцу всю возможную защиту. Самовольное изъятие владения было запрещено.

Представим себе следующий казус. Чужая лошадь, спасаясь от волков, забежала на двор к Н.Н. В течение некоторого времени Н.Н., сделавшийся добросовестным владельцем лошади, работал на ней. Затем заявилось некое лицо, потребовавшее возврата лошади. Оно привело с собой свидетелей. Обязан ли Н.Н. удовлетворить это требование? Если обязан, то может ли столь упрощенный порядок разрешения споров гарантировать от обмана? Будет ли он обеспечивать справедливые претензии владельца о возмещении расходов на лечение и прокорм лошади (если он считает их превосходящими принесенный лошадью доход)? Чем отличается подобный способ изъятия от самоуправства? А что, если предметом аналогичного спора будет засеянное поле?

Вопросы эти сами по себе содержат должный ответ: особая защита, даваемая институту владения, вытекала из необходимости удовлетворить экономический интерес, порождаемый взаимными отношениями частных хозяйств.

Близким по своей юридической природе к владению римские юристы считали держание. Под держанием точно так же понимали пользование, лишенное права распоряжения вещами. Однако в данном случае речь шла о вещах, собственник которых хорошо известен. Держанием являются отношения, создаваемые договором найма квартиры, орудий труда, рабочего скота и других вещей.

Если, например, некое лицо заявит иск о признании квартиры, сданной нанимателю, своей, ответчиком будет, естественно, не квартиронаниматель,

но только квартирохозяин. Потому, между прочим, мы говорим в данном случае не о владении, а о держании, т. е. "посредственном владении".

4. Определение права собственности (*proprietas*), заимствованное многими буржуазными кодификациями, было дано римскими юристами. Они понимали под ним наиболее полное, наиболее "абсолютное" право пользоваться и распоряжаться вещами. Пользоваться - значит извлекать выгоду; распоряжаться - значит определять судьбу вещей (вплоть до уничтожения).

Но как бы ни было абсолютно право собственника, оно не может быть "неограниченным". Ограничения эти делаются неизбежными вследствие противоположности интересов одного собственника интересам другого собственника.

Многие ограничения были установлены еще Законами XII таблиц. Никто, например, не мог сажать деревья ближе 2,5 футов (75 см) от забора, чтобы тень, которую они дадут, не приносила вреда соседу. Никто не мог перегораживать реку на своем участке так, чтобы остановилась мельница на нижележащем участке, и т. д.

Особой формой ограничения права собственности является "право на чужую вещь", или сервитут. Различались вещные и личные сервитуты.

Право проведения воды через чужой участок, вызванное хозяйственной необходимостью, было примером вещного сервитута, которым римское право обременяло одного собственника в пользу другого собственника. В городе был установлен сервитут, дававший право одному домовладельцу проложить трубу клоаки или водопровод через двор соседа.

Примером личного сервитута, или узуфрукта, может быть предоставление неким лицом своей кормилице права пожизненного пользования комнатой, частью дома, садом и пр.

Всякий новый собственник должен был считаться с личным сервитутом: кормилица пользовалась своей комнатой пожизненно, хотя бы сменилось несколько хозяев.

5. Древние формы договорных отношений были опутаны строгим; формальностями. Не следует думать, что это было результатом одного только несовершенства экономических отношений, культуры, юриспруденции, хотя и это, конечно, сказывалось. Театрализованное представление, связанное с договором покупки вещей "рес манципи", должно было способствовать заповинанию сделки, а та особая торжественность, которая при этом царила, имела целью предостеречь против легкомысленного отношения к выполнению договора, подчеркнуть неотвратимость исполнения. И это удавалось.

Определяя существо (содержание) обязательства, римский юрист Павел (III в. н. э.) писал: "Сущность обязательства... состоит в том, чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделал, или предоставил" (эти три действия выражаются по латыни словами: *dare, facere, praestare*). Соответственно слово *solvere* означало "исполнение обязательства", буквально - "развязать", "выполнить".

Древнейшим типом договора был в Риме договор словесный, или вербальный. Для его действительности требовалось произнесение определенных слов, особенно "даю", "сделаю".

"Вербальное обязательство, - пишет Гай, - возникает посредством вопроса и ответа, например, обещаешь ли дать... (что-нибудь)? - обещаю; дашь ли? - дам; ручаешься ли? - ручаюсь; сделаешь ли? - вделаю".

Весьма вероятно, что в самое древнее время вербальный договор скреплялся клятвой.

Вербальный договор был очень удобен при некоторых сделках, например при займе. Не надо было называть ни суммы займа, ни величины процента. "Дашь ли сто?" - спрашивал кредитор. Словом "даю" должник связывал себя. И никого больше не могло интересовать, что именно скрывается за суммой "сто" до тех пор, пока и займовые операции не оказались под контролем государства.

С течением времени вербальные договоры стали терять свой строго формальный характер. Из обязательства словесного стало возникать обязательство письменное. Римские юристы вынуждены были признать законной

и эту форму обязательств, дав ей название договоров (контрактов) литеральных (от "литера" - буква).

Началось, вероятно, с записи в приходо-расходной книге. Затем появляется расписка в том, что один обязуется уплатить другому такую-то сумму тогда-то. Наконец проявляется письменный договор в его привычной форме.

В какое-то время судебная практика вынудила римских юристов выделить особую группу контрактов, получивших затем название реальных. Обязанность исполнения и связанная с этим ответственность наступает по ним не с момента соглашения, а с момента передачи вещи, не ранее (отсюда от "рее" - "вещь" - и название).

Типичный пример реального договора - договор хранения. В понедельник утром одно лицо обязалось перед другим принять на хранение вещи. Доставить их следовало во вторник. Но как раз в ночь на вторник они сгорели от пожара. Можно ли требовать, чтобы поклажеприниматель возместил их стоимость? Конечно, нет. Его ответственность наступит не ранее того, как вещи поступят к нему на склад.

Помимо договора хранения к числу реальных договоров были отнесены договоры займа и ссуды.

Римские юристы проводили тонкое различие между займом и ссудой. При ссуде возвращается не всякая подобная вещь, а именно та, которая была одолжена (не всякая посуда, а именно данная, не всякая лошадь, а именно та, которую одолжили для поездки, и т. п. - вещь индивидуально-определенная). При займе, наоборот, возврату подлежат не те именно деньги, которые были одолжены, а та же самая сумма денег; когда одна хозяйка одалживает другой хлеб к обеду, она требует возврата не той же самой буханки, а такой же самой (то есть вещи, обладающей теми же родовыми признаками).

Выделение реальных контрактов имело важное значение для практики. Судья прежде всего выяснял, о каком контракте идет речь. Если то был реальный контракт, его первым вопросом было: "Передана ли сама вещь?" Без этого не было ответственности.

Последней по времени возникновения и самой важной по значению была четвертая группа контрактов, так называемых консенсуальных.

С экономической точки зрения они охватывали все наиболее важные формы правоотношений (за исключением займа): куплю-продажу, наем рабочей силы, скота, помещений, договор аренды земли, договор товарищества.

Момент наступления ответственности был избран критерием для отнесения сделок к названному типу договоров и в данном случае. Когда же она наступала? Тотчас по заключении соглашения (отсюда и название "консенсуальный" - от "consensus" - соглашение).

Особое место среди консенсуальных контрактов занял договор купли-продажи (emptio-venditio). Из договора реального, каким он был при господстве манципации, договор купли-продажи сделался консенсуальным. Ответственность сторон возникала теперь не с передачей вещи, а немедленно по заключении соглашения - в любой из дозволенных форм: письменной, устной.оборот товаров был значительно облегчен.

Лицо, купившее урожай будущего года (то есть вещь, еще не существующую), как и лицо, продавшее урожай, получали свои выгоды независимо от того, как поступит контрагент, что принесет распоряжение урожаем и т. д.: договор вступал в силу с момента соглашения.

В споре о реальном договоре претора интересовало, была ли передана вещь. В консенсуальном договоре это обстоятельство не имело ни малейшего значения. Было ли достигнуто соглашение и о чем - вот что было первым вопросом. В реальном договоре соглашение без передачи вещи не имеет обязательной силы ни для той, ни для другой стороны. В консенсуальном договоре достаточно соглашения. Оно должно предусмотреть порядок и время передачи вещи; если контрагент воздерживается от передачи вещи, возникает нарушение обязательства, но само оно остается в силе.

Римское право (так же, как и афинское) обязывало продавца: а) гарантировать покупателя от эвикции; б) предупредить покупателя о скрытых недостатках вещи, не могущих быть обнаруженными при простом осмотре.

Если обнаруживался действительный собственник, покупатель получал право на возмещение убытков; если он обнаруживал действительно скрытый недостаток - мог потребовать расторжения договора или уменьшения покупной цены.

6. Когда вместо ответственности "кровью и мясом" утвердилась одна имущественная ответственность, резко возросло значение залога как наиболее эффективного средства обеспечения обязательства.

Вручение какой-либо ценной вещи кредитору (в качестве средства обеспечения долга) было известно с глубокой древности, но как внеправовой акт. Единственным средством побудить кредитора-залогопринимателя вернуть вещь была угроза бесчестия. Только в конце республики залог получает наконец официальное признание. А в начале империи было постановлено, что при неисправности должника заложенная вещь поступает в продажу, но так, что должнику возвращается излишек, вырученный против суммы долга.

Особым и самым важным видом залога в период империи становится ипотека недвижимости. Земля, поступившая в ипотеку, оставалась до времени в руках ее собственника. Обрабатывая ее, он мог с большей надеждой трудиться для возвращения займа. Если долг оставался невыплаченным, земля поступала в собственность кредитора.

В ипотеке мог находиться инвентарь арендатора. Мебель квартиранта считалась находящейся в ипотеке квартирохозяина по закону.

Помимо того, средствами обеспечения служили поручительство третьего лица, неустойка, задаток.

7. В рассматриваемое время существенно меняется институт ответственности, наступающей за причинение вреда. Воровство, грабеж, телесные повреждения и оскорбления покидают область имущественных отношений, становятся частью уголовного права. Возникает чистая форма имущественного деликта. Под причинением вреда стали понимать имущественный ущерб, наступивший в результате чьих-либо действий (если последние не подпадают под уголовный закон).

В установлении размеров возмещения римские юристы проявляли необычайную изобретательность. Считалось, что убивший раба или коня должен заплатить по высшей цене, как она определилась на рынке в течение последнего года. Если же по чьей-либо вине погибал конь, принадлежавший к одномастной упряжке, и таким образом хозяин должен был озаботиться приисканием нового коня той же масти и годности, выплачивался весь связанный с этим убыток.

8. Господствующей формой брачных отношений в период империи становится брак, при котором нет власти мужа. Обязательным условием брака является согласие брачующихся. Брак по расчету, особенно в среде имущих классов, становится обыкновенным явлением. Римский брак в период империи - типичная форма моногамии; его основанием служит частная собственность, его принципом - господствующее положение мужчины (хотя и без той власти, которую имел *paterfamilias*).

Освободившийся от религиозных и моральных сдержек прошлой эпохи брак сделался легко расторгимым, непрочным. Император Август пытался исправить положение с помощью законов. Была установлена уголовная ответственность жены за нарушение супружеской верности, ограничены разводы.

В тщетных усилиях упрочить распадающиеся семейные союзы Август прибег к крайним мерам. Лицам, не состоявшим в браке, было запрещено принимать наследство. Лица, хотя и состоявшие в браке, но не имевшие детей, могли принимать его в половинном размере. Был введен налог на безбрачие. Закон устанавливал брачный возраст от 25 до 60 лет для мужчин, от 20 до 50 лет для женщин.

Несмотря на все эти меры, цель достигнута не была. Тщетно настаивал Август на строгом выполнении брачных законов. "Бурное сопротивление, - пишет Светоний, - заставило его отменить или смягчить наказания".

Пример Августа есть пример наивной веры неограниченного правительства во всемогущество закона, находящегося в его руках.

Меняется к лучшему положение детей. Власть отца ослабевает. Убийство детей становится преступлением. Освобождение сына из-под власти отца облегчается. Предоставление сыну особого имущества еще при жизни отца и некоторой связанной с этим правоспособности получает защиту претора. Облегчается порядок усыновления внебрачных детей.

9. В наследственном праве самым существенным было признание права наследования и за теми кровными родственниками, которые прежде его не имели. Первыми наследовали, как в старину, дети, а в случае их смерти - внуки. Когда не было ни тех, ни других, призывались братья, дяди, племянники. Наконец, если и их не было, претор призывал всех кровных родственников наследодателя вплоть до шестого колена. Ближайшая степень родства исключала последующую.

В интересах старых римских фамилий и для обуздания произвола, явившегося следствием полного развития частной собственности, римское право встало на путь ограничения свободы завещательного распоряжения. Ближайший родственник, если его обошли наследством в пользу дальнего родственника, имел право, по крайней мере, на одну четвертую того, что он получил бы при отсутствии завещания (то есть по закону). Таким образом вводился принцип обязательного наследования, сохранившийся до наших дней.

Само завещание стало составляться в письменном виде и удостоверяться семью свидетелями.

10. Римское уголовное право складывалось из массы законов, включая Законы XII таблиц, из постановлений народных собраний и сената. В период диктатур и империи значительное число новых уголовных законов обнародовали императоры. Большая часть их преследовала определенный политический расчет, была нацелена против политических противников. Законы не исключали произвола. Императоры и некоторые его магистраты не были связаны законом и могли по своему усмотрению определять, что именно преступно и что таковым не является. Естественно, что и наказание было произвольным. Во многих случаях императоры предпочитали непосредственную расправу, особенно когда не имелось оснований для преследования в судебном порядке.

О "божественном Августе" Светоний пишет: "Пинарий, римский всадник, что-то записывал во время его речи перед солдатами... заметив это, он приказал заколоть его у себя на глазах как лазутчика и соглядатая... Претор пришел к нему для приветствия с двойными табличками под одеждой... Август заподозрил, что он прячет меч, однако не решился его обыскать на месте, опасаясь ошибиться; но немного спустя он приказал центурионам и солдатам стащить его с судейского кресла, пытал его, как раба, и, не добившись ничего, казнил, своими руками выколов наперед глаза".

Наследник Августа Тиберий казнил воина за то, что тот украл павлина из его сада, и чуть не до смерти засек центуриона за то, что носилки Тиберия запутались в терновнике. Перечислять его злодеяния слишком долго, замечает Светоний. "Со многими вместе осуждались их дети и дети их детей... Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды..." Когда однажды пыткам подвергли случайного человека и это вскрылось, Тиберий приказал его во избежание скандала умертвить. На глазах императора осужденных бросали в море, и матросы добивали их баграми.

Об императорах Калигуле, Нероне и других можно сказать то же самое. В момент острой политической борьбы право на убийство определенных лиц предоставлялось всем, включая рабов.

Особого упоминания заслуживает закон об "оскорблении величия римского народа". Сформулирован он был очень неопределенно. Под этот закон можно было подвести все, что угодно правительству. Малейшее недовольство, неосторожное слово или неуместная острота, недостаток лести, равно как и излишек ее, могли быть сочтены преступлением.

Столь же неопределенным было преступление, квалифицируемое как "оскорбление величества". Под этим понималось, конечно, оскорбление императора.

Монтескье упоминает о сенатус-консульте, приравнявшем к оскорблению величества расплавку неудачно отлитых статуй императора. Римские юристы всерьез обсуждают вопрос, можно ли судить за то, что брошенным камнем попали нечаянно в статую императора. Некто Фаустиниан в отчаянии: он поклялся именем императора не прощать раба, а теперь чувствует несправедливость этого решения. Как быть? Не будет ли оскорблением величества, если он нарушит клятву?

Лакейство и пресмыкательство доходят до того, что воздвигают памятники не только императору (при жизни), но и врачу, который его исцелил.

Можно себе представить, какое количество невинных людей было погублено карательными органами императорского Рима из одного только страха быть заподозренными в недостатке рвения.

Немалое внимание уделяет римский законодатель преступлениям чиновников – взяточничеству, присвоению казенных денег, хищениям государственного имущества вообще и т. д. Виновные в этих преступлениях наказывались главным образом смертной казнью и ссылкой.

Кое в чем еще сохраняются старые предрассудки. Отцеубийца и его сообщники зашивались в кожаный мешок с собакой, петухом, змеей и обезьяной ("чтобы отнять у него землю при жизни и небо после смерти"). Среди тайных убийц, перечисленных в законе Корнелия Суллы, фигурируют "волшебные нашептыватели".

Наказания различались по степени связанного с ними мучительства и позора на такие, которые применимы к лицам высших сословий, и такие, которые предназначены непривилегированным. Особую группу наказаний составляли те, которые применялись к рабам.

За одно и то же преступление, например повреждение межи, рабов ссылали на верную смерть в рудники, свободные низших сословий приговаривались к каторжным работам, нобили и всадники наказывались штрафом или высылкой.

В случаях осуждения к смертной казни знатных и солдат казнили мечом, незнатным угрожало сожжение, закапывание в землю, разрывание телегами и т. п. Рабы медленно и страшно умирали, распятые на крестах. Один из друзей Августа наказывал своих провинившихся рабов, бросая их специально содержавшимся в садках хищным рыбам – муренам.

Что касается теории, то римские юристы хорошо различают, конечно, умышленное и неосторожное преступление, подстрекательство и соучастие. Трудно сказать, однако, насколько это помогало ограничению произвола.

II. Кардинальные перемены происходят в сфере судебного устройства и судопроизводства. Кризис республики имел одним из своих результатов отстранение народного собрания от разрешения (в окончательной инстанции) уголовных дел. Тем самым была уничтожена самая важная гарантия законности, самая надежная опора против необоснованных репрессий.

Другая важная перемена заключалась в том, что место коллегиального суда, существовавшего с древнейших времен, занял суд единоличный.

Со II века до н. э. разрешение уголовных дел было компетенцией особых коллегий в составе 30-40 судей, назначаемых для каждого данного дела жребием. Председательствовал претор.

Существовавшие в Риме судебные коллегии, заполненные сенаторами, всадниками и состоятельными гражданами, были откровенно классовыми судами, однако они решали дела по большинству голосов и в открытых заседаниях.

Но именно переход к единоличному судейству отвечал интересам того политического режима, который возник вместе с империей.

Третье и последнее новшество, столь же реакционное, как и первые два, заключалось в том, что судебная компетенция по уголовным и гражданским делам была передана чиновникам административных органов.

В Риме уголовный суд оказался в руках городского управителя (префект претория), а по мелким делам – его подчиненных; в провинциях – в руках провинциальных управителей и т. д.

Суд стал строго сословным. Члены высших сословий судились самим императором или городским префектом. Чиновник имел привилегию судиться своим начальником. Особый суд существовал для рабов и колонов.

Разделения на предварительное и судебное следствие не существовало. Судья сам производил дознание, сам выступал обвинителем и сам выносил приговор. Самым распространенным средством установления "истины" считалась пытка. С ее помощью римские судьи добивались всего, чего хотели.

Вместо публичного и открытого судопроизводства времен республики установилась строгая тайна производства. Оправдываемая "высшими государственными соображениями", она служила прикрытием произвола.

Непременным следствием всех этих порядков было необычайное распространение доносов. В республиканские времена ложный доносчик наказывался как преступник, каковым он и являлся. В период империи донос сделался безопасным: пытка подтверждала любое обвинение. К тому же государство установило систему денежного и имущественного вознаграждения доносчиков.

К концу империи по мере развития в ее недрах феодальных отношений суд по делам колонов становится компетенцией землевладельцев. В каждой большой латифундии возводится свое собственное тюремное здание.

Гражданский процесс переживает схожую эволюцию. Рассмотрение гражданских споров сделалось в имперский период делом чиновников. Началось с исключительных, "экстраординарных" случаев, затем, как это не раз бывало, экстраординарный порядок стал обыкновенным. Тем не менее процесс сохранил название экстраординарного.

Не стало, конечно, известных нам двух стадий. Вызов ответчика, оценка доказательств, вынесение решения, его исполнение – все это стало делом судьи и его помощников.

Высшей апелляционной инстанцией был император или, точнее, его канцелярия.

12. В V веке н. э. некогда всемогущее римское государство находилось в состоянии крайнего упадка – экономического, политического, идеологического. Население империи предпочитало быть под властью "варваров" – германцев, в которых видело избавителей, чем терпеть тиранию "законного" правительства.

Переродилась и военная сила империи. Значительная часть ее военных отрядов состояла из наемников – выходцев из покоренных или враждебных народов.

Под ударами германцев, славян, гуннов империя утрачивает одну область за другой. В 410 году наступила очередь самой ее столицы. Германский вождь Аларих взял Рим и отдал его на разграбление своим воинам. Меркнет былая слава империи, исчезает страх перед ее могуществом.

В 476 году глава германских наемников Одоакр свергает последнего римского императора и занимает его место. Это событие принято считать концом Западной Римской империи.

Мы рассмотрели историю возникновения, расцвета и гибели некоторых основных рабовладельческих обществ и государств древнего мира. Мы видели, что эти общества и государства возникали в результате разложения первобытнообщинного строя, появления в его недрах частной собственности и первого исторически возникшего деления на классы. Мы стремились показать, как в силу особенностей рабовладельческого способа производства внеэкономическое принуждение рабов и близких им социальных элементов общества сделалось главной функцией и основной целью государства и права.

Наше изложение позволяет увидеть три главные формы рабовладельческого государства, как они возникли и сложились в историческом процессе: монархию (Египет, Вавилон, императорский Рим), аристократическую (Рим, Спарта) и рабовладельческую демократическую республику (Афины и другие греческие полисы).

Часть вторая Феодальное государство и право

1. Феодальные государства в странах Западной Европы

Глава четвертая Раннефеодальное государство и право

А. Возникновение раннефеодальных монархий 1. С глубокой древности в той части Европы, которая ограничена Рейном на западе и Лабой (Эльбой) на востоке, жили многочисленные германские племена - тевтоны, вандалы, саксы, аллеманы и др. По свидетельству Юлия Цезаря, они не знали индивидуальной собственности на землю, управлялись вождями и старейшинами; каждый год земля племени справедливо распределялась между родами и семьями.

Через 150 лет после Цезаря римский историк Тацит говорит о германцах как об оседлом земледельческом народе, указывает на существование у них ремесел и рынков. Общественное равенство не исключает, однако, привилегий. Входя во вкус роскоши, германская знать - вожди и старейшины - превращает эпизодические подарки членов рода в обязанность регулярных приношений скотом и зерном. Римляне приучают ее принимать деньги.

Все меньшие дела рода и племени старейшины решают сами. Для важных дел собираются народные собрания.

Германцы назначали свои собрания на "счастливые" дни месяца - новолуние или полнолуние. Приходили вооруженными. Дела докладывались обыкновенно старейшинами.

Они же предлагали решение, о котором совещались предварительно. Если предложение нравилось, собравшиеся потрясали оружием, не нравилось - криком отвергали. Здесь выбирались вожди, изменник приговаривался к смерти, а всякий другой преступник - к штрафу. Здесь удалцы набирали себе дружину для грабительских походов. Здесь, наконец, заключались частные сделки.

В V столетии н. э. некоторые германские племена, преимущественно англ и саксы, стали переселяться на территорию нынешней Англии, оттесняя аборигенов - кельтов. Другие племена, известные под названием салических (приморских) франков, вторглись в Галлию (ныне Франция). Во главе их стоял неразборчивый в средствах король Хлодвиг. В самом конце V века франки по его настоянию приняли христианство.

Захваченная в ходе завоевания земля стала добычей короля и его "верных", немалую часть ее поделили между собой свободные франкские крестьяне. Расселяясь сельскими общинами, они сохранили в коллективной собственности леса, луга, пустоши. Каждая семья получала в пользование пахотный участок.

В определенные дни общинники собирались под открытым небом на собрании. Главой деревни был избираемый сходом старшина.

Завоевание Галлии и разграбление ее земель ускорили процесс феодализации франкского общества, а вместе с тем и возникновения государства.

Первым делом франкского короля было превратить доставшиеся в результате завоевания земли в королевское имущество, чтобы затем раздать его в виде подарков или пожалований своей дружине. Дружина эта скоро увеличилась за счет романизированных галлов, которые стали необходимы центральной власти благодаря своему умению писать, знанию романского разговорного и латинского языков, местного права; она увеличилась также за счет рабов, крепостных и вольноотпущенников, которые составляли придворный штат короля и из среды которых он выбирал своих военачальников и чиновников. Все они получали участки принадлежащей народу земли, в первое время большей частью как подарки, позднее как пожалования чисто феодального характера (бенефиции).

Война и победа необыкновенно усилили власть короля, ставшего из простого военачальника настоящим монархом. Ввиду обширных размеров государства, справедливо замечает Ф. Энгельс, нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя. Совет старейшин был заменен постоянными приближенными короля, народное собрание собиралось для виду, свое прежнее значение оно потеряло навсегда. Место народного ополчения заняло войско, составленное из служилых людей новой нарождавшейся знати.

Мы наблюдаем здесь весьма не редкий случай перехода к феодализму, минуя развитые формы рабовладения. Этим путем пойдут затем в сходных исторических условиях все другие германские народы и все славяне.

2. В следующем, VI, веке основная масса пахотных участков становится у франков свободно отчуждаемой собственностью, "аллодом". Создаются новые возможности для возникновения крупного землевладения на одном полюсе и земельной тесноты на другом.

Параллельно этому идет размежевание в среде самих свободных крестьян.

В интересах разбогатевшего общинника узаконяется отказ от родства. Желавший этого должен был перед лицом народного собрания сломать над головой четыре ольховых прута и бросить их в разные стороны. Тем самым он отказывался: от права на наследование родового имущества, от судебной защиты сородичей (соприсяжничества), от их помощи. Зато и сородичи не могли уже заявлять права на его поддержку.

Земельная нужда, увеличиваемая последовательными разделами хозяйства между наследниками, тяжелые поборы, прямое насилие знати и чиновников вынуждали крестьянина искать "покровительства" сильных, особенно тех, кто стоял ближе к королю.

Немалую роль в этом сыграли и военные тяготы. Являясь на военную службу, крестьянин должен был иметь оружие и средства для того, чтобы кормиться за собственный счет в течение первых трех месяцев. Каждые три воина должны были иметь одну общую повозку. Уклонение от службы влекло за собой штраф - 20 быков.

"Покровительство" приобреталось не даром. Искавший его крестьянин вручал знатному свой земельный участок, чтобы получить его назад на условиях бессрочного наследственного держания, сопряженного с несением определенных повинностей. К этому участку прибавлялся нередко дополнительный надел.

С точки зрения юридической, указанный порядок был заимствован франками в позднем римском праве. Отсюда и его римское название - прекарий. С помощью прекария стали закабаляться (коммендироваться) помещиком и безземельные крестьяне.

Прекарий - это та же известная нам греческая ипотека, нередко приводившая, подобно закупничеству на Руси, к закабалению. Существовал также особый иск "де прекарио" - о прекарном впадении. Он был изобретен для движимостей и недвижимостей (что представляло особое удобство), отданных на временное хранение или в аренду: первоначально прекарное владение было действительно временным. Только при Меровингах оно сделалось вечнонаследственным.

Повинности крестьян не были поначалу одинаковыми. Они устанавливались договорами и, как правило, были большими или меньшими в зависимости от того, каким имуществом располагал сам крестьянин. Если он являлся с пустыми руками, то и повинности его были большими.

Вот, например, каковы повинности прекариста в пользу одного из франкских монастырей в IX столетии: три дня в неделю работать на монастырской земле; давать монастырю ежегодно полбыка или четырех баранов, около тонны зерна, шесть кур, яйца. 100 тесин и, кроме того, денежный взнос.

Вслед за утратой земли наступила утрата личной свободы. Началось с прикрепления неоплатных должников, безземельных и нищих людей, готовых принять любые условия. Активно способствуя закабалению крестьянства, государство рядом законов (особенно в IX в.) запрещает переход из одного феодального поместья в другое. Свободные люди обязываются под страхом наказания найти себе господина (сеньора).

Когда закрепощение большей части франкского крестьянства совершилось, сеньоры перестали нуждаться в центральной власти, стали добиваться права самим собирать налоги, призывать "своих людей" на военную службу, судить их по уголовным делам и имущественным спорам. Они обзаводятся собственными дружинами и вассалами.

Начинается борьба за привилегии. Самые крупные сеньоры добиваются вскоре полного иммунитета - независимости от местной и центральной администрации. Землевладение и политическая власть сосредоточивались в

таких случаях прямо и непосредственно в руках немногих крупных собственников.

Представляется, что становление феодализма в Западной Европе происходило под очень сильным влиянием позднеимперских экономических и политических порядков.

Так, со времени императоров Диоклетиана и Константина в Римской империи вводятся натуральные налоги (причины: утечка золота из империи, порча монеты и пр.). Податное население обязывается платить налоги в зерне, одежде, обуви и пр. Чтобы обеспечить их поступление и предупредить бегство крестьян в города, вводится прикрепление к данному месту жительства, наследственность профессий, круговая порука и т. д.

3. Важное влияние на характер складывающихся феодальных отношений - и не только для франков и будущей Франции - оказала реформа Кайла Мартолда.

Она была проведена франкским майордомом и касалась главным образом собственно франкских владений. Однако после возникновения Франкской империи Каролингов в сфере ее действия оказались Германия и Италия. После завоевания Англии нормандским герцогским домом (см. ниже) созданные реформой отношения были в некоторой своей части перенесены в Англию. По этим причинам можно говорить о международном значении реформы.

Карл Мартелл (Молот) был майордомом при нескольких франкских королях в первой половине VIII века. Он происходил из знатного и богатого рода Арнульфингов. Его отец также был майордомом, его сын, Пипин Короткий, в 751 году сделался королем франков, устранив "законную" династию. Сын Пипина - Карл Великий. Карл Мартелл мало считался с королями. Подчеркивая его по существу единоличную власть, хронисты называют его обыкновенно "принцепсом".

Стремясь усилить центральную власть в государстве и тем предотвратить его распадение на сеньории, свидетелем чему он был, Карл Мартелл решил создать качественно новое войско - феодальное ополчение, находящееся в строгой зависимости от короля.

Конфисковав некоторую часть земель, главным образом церковных и монастырских, Мартелл стал раздавать ее в качестве так называемых бенефициев - пожалований. Бенефициарий был обязан являться на военную службу по первому требованию короля: земля была ему вознаграждением за нее.

Новое ополчение было конным. Только такое войско могло противостоять кавалерии арабов, наводнивших Испанию в угрожавших безопасности франков. Но дело не только в этом.

Конная армия Мартелла была специфически классовым орудием феодального государства - по своему составу, по своей боевой мощи, по способу комплектования и вооружения. Подавление крестьянских выступлений становится ее главной функцией.

Само слово "конник" (фр. "шевалье", нем. "риттер" - "рыцарь") получает вскоре особое значение, указывая на принадлежность к привилегированному сословию.

Между королем и бенефициарием возникала феодальная связь: король делался сеньором, бенефициарий - вассалом (от кельтского слова "gwas" - человек). Получение земли сопровождалось клятвой верности. Соответствующий обряд, очень торжественный, назывался оммажем, от латинского homo - человек: одно лицо делалось "человеком" другого; именно в это время возникло выражение "мои люди".

После смерти бенефициария его земля и обязанности переходили к сыну. Если его не было, король мог изъять земельный участок и наделить им другого.

Своих непосредственных целей Карл Мартелл достиг. Новое войско позволило его сыну сделаться королем, а его внуку объединить под своей властью почти все христианские земли запада. Тем не менее рассматриваемая в более широком историческом плане реформа Карла Мартелла не только не помешала распадению государства, но даже содействовала этому.

Зависимое положение бенефициариев вынуждало их упорно и настойчиво добиваться превращения поместий в неотчуждаемые и наследственные феодалы.

В конце концов им это удастся. И тогда ничто не сдерживает больше сепаратизм, автономию сеньорий. Экономика поместий носит натуральный характер. Рыночные отношения очень слабо развиты. В экономических связях нет особой нужды. Национальные связи не существуют по той причине, что еще не сформировались нации. Только общий политический интерес мог бы сдержать феодальное раздробление (как это мы увидим на примере Англии). Но такого интереса не существовало у франков.

4. Первые франкские короли обладали довольно широкой властью. Они созывают, согласуясь с обычаем, народные ополчения и командуют ими во время войны, издают обязательные для всех распоряжения, чинят высший суд в государстве, собирают налоги.

Непосредственной опорой служила им военная дружина, жившая при дворе и содержавшаяся на его счет.

Феодализирующаяся знать оказывает в тот период поддержку королю и его администрации. Без сильной центральной власти было бы невозможно экспроприировать земли крестьянских общин, ликвидировать царившее в них самоуправление, подчинить свободное население страны феодальным законам. Следует иметь в виду, что свободный франк той поры был непременно участником военного ополчения, умел постоять за себя, относился к старинным установлениям как к святыне.

Хлодвиг и его потомки (Меровинги) преследовали две главные цели. Первая из них заключалась в ликвидации племенного сепаратизма, в объединении всех частей государства. Вторая – в том, чтобы, сначала оттеснив выборную крестьянскую администрацию, ликвидировать затем старые формы управления вообще – все эти традиционные собрания деревень, сотен (объединения деревень) и пр., к которым германцы привыкли исстари, – подчинить страну, разбитую на территориальные округа, королевским чиновникам и судьям.

Через 200 лет после Хлодвига обе эти задачи были в основном выполнены.

В борьбе за объединение страны потомки Хлодвига обнаружили необыкновенное вероломство и жестокость. Сын Хлодеига Хлотар собственноручно зарезал детей своего погибшего брата, которые могли бы претендовать на престол, и одновременно с тем приказал перебить всех тех, кто мог бы мстить за их смерть.

Правнук Хлодвига Хлотар II стал единственным правителем франков после того, как были убиты его отец и дядя – оба короли – и все те братья, которые были соперниками. Вместе с этими королями погибли и их сторонники, и таким образом значительная часть старой родовой знати, противившейся централизации, была истреблена физически. Остальные смирились.

Ликвидация старых форм самоуправления была осуществлена постепенно. Сначала королевский уполномоченный (сацебарон) появляется в собрании сотни только для того, чтобы потребовать причитающиеся королю судебные штрафы. Эпизодические наезды сменяются постоянным контролем, осуществляемым графом – чиновником, назначенным для управления определенным округом.

Собираемые по традиции общеплеменные сходки, называемые "мартовскими полями", превращаются в военные смотры. Они уже ничего не решают. Законы и приказы здесь только доводятся до сведения.

Об упадке прежнего значения мартовских полей говорит эпизод с Суассонской чашей, рассказанный хронистом Григорием Турским.

Однажды при дележе военной добычи король Хлодвиг заявил ополчению, что помимо своей доли он хотел бы получить еще чашу, взятую при разграблении церкви. Воины ответили, что не могут противиться королевской воле. Но один из них поднял секиру и разрубил чашу пополам, сказав: "Ничего ты не получишь сверх того, что полагается тебе по жребию". Хлодвиг стерпел. На следующий год, когда ополчение собралось снова,

король подошел к строптивцу, вырвал у него секиру, бросил ее на землю, заставил за ней нагнуться и в тот самый момент разрубил ему голову: "Так ты поступил с чашей в Суассоне". После этого он приказал ополчению разойтись. И последнее безмолвно подчинилось.

Центральное управление в том виде, как оно сложилось при Меровингах, было сравнительно простым: майордом - первый сановник (а начиная с Карла Мартелла - действительный глава государства), дворцовый граф - юридический советник короля, референдарий - управитель его канцелярии и др. Королевской конницей командует "маршал". Строгого разграничения обязанностей, однако, не существует.

Королевские чиновники награждались имениями, располагали некоторой частью судебных штрафов. С течением времени они превратили эти имения в феодальную собственность, а названия должностей (граф, виконт и пр.) - в почетный наследственный титул. Уже Хлотар II (VI в.) должен был объявить, что должность графа будут замещать только те, кто принадлежит к местной землевладельческой знати. Тем самым был сделан важный шаг к последующему политическому распаду страны.

Переворот 753 года дал франкам новую династию, названную Каролингской по имени ее самого значительного представителя - Карла Великого (768-814 гг.). Франкская держава достигает при нем вершины величия. В результате многочисленных завоевательных походов франкам были подчинены земли саксов, значительная часть будущей Австрии, Швейцарские провинции, северо-восток Испании и пр. В 800 году римский папа провозгласил Карла "римским императором".

5. Англосаксонское общество развивалось медленнее. Общинные порядки держались в нем дольше, процесс феодализации завершился не ранее XI века.

Завоевание и расселение оказали и здесь важное влияние на ход развития. Значительная часть покоренных кельтов была превращена в полусвободных (лотов), обязана повинностями в пользу англосаксонской знати - эрлов. Опираясь на активную помощь короля, его дружины, чиновников, эрлы переходят в наступление на сельские общины, закрепощают крестьян, приобретают иммунитетные грамоты. Рушатся старинные формы общинного самоуправления. Место прежних старшин занимают королевские чиновники.

Англосаксонские правовые кодификации указанной эпохи дают возможность проследить все основные линии в процессе феодализации Британии.

Уже древнейший англосаксонский кодекс - Правда Этель-берга (VII в.) делит людей на несколько групп: так, за убийство свободного человека предусмотрен штраф в 100 шиллингов; за убийство лота - 80, 60 или 40 шиллингов в зависимости от того, к какой категории он относится; за убийство безземельного наймита - 6 шиллингов.

Тем не менее всякий свободный защищается еще одинаковым штрафом. Дело существенным образом меняется с установлением феодальных порядков. В законнике английского короля Альфреда, составленном через 300 лет (около 900 г.) фигурируют три суммы штрафа за убийство: 200 шиллингов, 600 и 1200. Последний штраф защищал жизнь самых знатных.

Законы короля Альфреда откровенно поощряют "отыскание глафурда", то есть уже известное нам "покровительство". Составленные спустя 50 лет законы Этельстана (около 940 г.) содержат уже категорическое веление: пусть родственники найдут господина тому, кто его не имеет; "не имеющий господина" ставится вне закона, "и кто его встретит, может убить его как вора". Над каждым девятью крестьянами ставится десятник, обязанный следить за тем, "чтобы девять исполняли положенное".

Процесс возникновения феодального государства в Англии, несмотря на некоторые особенности, во всем основном совпадает с тем, что мы видели у франков. Центральное управление сосредоточивается в руках короля и его совета - витенагемота. Место прежних родоплеменных старшин - элдорменов - занял королевский чиновник. Описанное нами государство называют раннефеодальным. В этом, может быть, не совсем точном термине содержится указание на своеобразный, переходный характер ранней феодальной монархии.

Выражая интересы политически преобладающего меньшинства - феодализирующейся военной и чиновной знати, - она в то же время вынуждена была до известного момента уживаться со старинными, идущими от родового общества формами самоуправления. В состоянии перехода находится и все общество. Свободный крестьянин-общинник становится мало-помалу крепостным. Принадлежащая ему - через сельскую обкину - земля переходит в собственность феодалов. Первобытнообщинный строй уступает место феодализму.

В русской историографии последних десятилетий, после многих дискуссий, ранне-феодальный период, как мы его здесь называем и характеризуем, определяют обыкновенно периодом генезиса (происхождения, зарождения) феодальных отношений.

Б. Варварские правды

1. "Варварскими правдами" называют обыкновенно раннефеодальные юридические кодификации германских народов - записи их обычного права. Наиболее известны Салическая правда (по точному наименованию - "Салический закон" - Lex Salica), Рипуарская и Бургундская правды, составленные в V-VI веках н. э. К варварским правдам относятся и те англосаксонские судебники, о которых говорилось выше, а также некоторые другие германские и кельтские юридические сборники, например, ирландский, аллеманский, баварский и др.

Первоначально и греки и римляне называли варварами всякого чужака. Но уже Аристотель сближает понятия "варвар" и "раб". Употребление слова "варвар" по отношению к германцам было для римлян обыкновенным.

"Правдами" принято называть указанные кодификации по аналогии с известной Русской правдой, названной так ее составителями. В Древней Руси слово "правда" означало то же, что мы сейчас называем "правом".

Наше преимущественное внимание мы сосредоточим на Салической правде, самой древней. Временем ее возникновения принято считать конец V столетия - момент расселения франков на завоеванных землях.

2. Юридические обычаи, зафиксированные в Салической правде, касаются главным образом жизни и быта обыкновенной франкской деревни. Мы видим, как неохотно и даже враждебно встречают общинники всякое новое лицо. Достаточно возражения одного из общинников, и чужак должен покинуть селение. Нераспаханные пустоши, леса и выгоны принадлежат всем сообща. Это - седа старина.

Длинные ряды заборов, окружающих пахотные наделы, - это уже новое. "Огороженное место" неприкосновенно, пока не убран хлеб. Только после сбора урожая будет снята изгородь и скоту будет позволено пастись повсюду. Частное и общинное уживаются здесь на основе временного компромисса.

Было бы, однако, преждевременным полагать, что огороженная земля стала частной собственностью. Против этого говорит следующее многозначительное правило: если в семье не остается наследника, пахотный участок возвращается общине (и та передает его тому, кто в нем нуждается).

Не случайно и то, что Салическая правда ни единым словом не упоминает о купле-продаже земли (как это сделает столетием спустя правда Рипуарская).

Германское средневековье сохранило очень сложные и, конечно, старинные формы перехода недвижимости, под которой понималась земля - единственный вид собственности, который "не может погибнуть в огне". Малейшая ошибка в обряде вела к потере права. Из этого следует, что исключительное положение земельной собственности, вызвавшее к жизни манципацию, не было специфическим свойством одной только римской истории. Переход земли из рук в руки (например, от одной общины к другой) был, конечно, возможен и в эпоху Салической правды. Условия его нам неизвестны.

Зато с особым рвением стремится законодатель оградить от посягательств частное хозяйство крестьянина. Судебные штрафы, назначенные

за кражу вещей, разработаны так тщательно, что, кажется, не остается ничего, что ускользнуло бы от внимания.

Правда не знает, например, "кражи птиц". Они назначает особые штрафы за кражу ястреба, петуха, курицы, голубя, журавля и т. д. Если говорится о краже свиней, то не иначе как с различием их возраста.

3. Движимое имущество сын и дочь наследовали в равной доле. Но земля переходила только к сыну.

Во всем этом не было намеренной дискриминации женщин. Хотели одного: сохранить земельную собственность в данном роде'.

Когда же рода не стало, отпало и указанное ограничение; эдиктом короля Хильперика (561-584 гг.) устанавливалось, что при отсутствии у умершего сыновей наследует дочь, а если и ее нет - брат или сестра умершего, но не "соседи", как это было раньше.

Салический закон не был общим установлением германцев. Обычаи вестготов допускали женщин к наследованию наравне с мужчинами. У саксов наследство переходило к сыну, но если сына не было, дочери получали все.

4. Древние обычаи германцев допускали установление брака покупкой жены, а еще более древние не исключали похищения (умыкания). Через покупку муж приобретал власть над женой. После его смерти эта власть переходила к свекру, поскольку выкупная плата давалась им. Они оставались в семье. Жена должна была явиться в дом мужа, принося приданое. Разводы, вначале допускаемые, были запрещены по мере усвоения христианства (капитулярием 744 г.)

Ко времени Салической правды эти обычаи уже отмирали. Место выкупной платы заняли вещи или деньги, которые муж приносил жене в качестве так называемого утреннего дара (в награду за невинность)

В Русской Правде (Простр. ред.), ст. 90: "Если умрет смерд наследство князю: если у него в дому будут дочери то им дать выдел; если они будут замужем выдела им не давать".

5. Среди разного рода сделок особое место принадлежит займу. Долгового рабства Салическая правда уже не знает. Зато имущественная ответственность должника становится очень строгой. После просрочки платежа кредитор трижды являлся к должнику (со свидетелями), и каждый раз сумма долга возрастала на три солида. Конфискация имущества должника производилась графом.

6. У всех народов земли с незапамятных времен существовал (а кое-где существует и до сих пор) обычай кровной мести.

Объяснение ее не так просто, как может показаться, но несомненно одно: в догосударственном обществе защита жизни, имущества и чести может осуществляться только членами того коллектива (рода или племени), к которому принадлежит или принадлежал пострадавший.

Несмотря на различия в формах осуществления и способах мести, свойственных разным народам, общим является убеждение в том, что без мести нет вечного покоя убитому. Традиции и соответствующее воспитание поставили кровную месть выше всех других человеческих чувств. Для нее не существует препятствий, и никакая опасность не может ее остановить.

Мстя за смерть Патрокла, Ахиллес убивает Гектора. Напрасны мольбы. Герой не хочет выкупа даже за мертвое тело. Ему кажется недостаточным выбросить его на растерзание псам. "Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части, тело сырое твое пожирал бы".

В скандинавской "Эдде" жена, мстя за смерть братьев, убивает детей, рожденных от убийцы-мужа и во время торжественного пира угощает его их сердцами.

Не только старинные хроники, но даже рыцарские романы германского средневековья наполнены описанием непомерных жестокостей, совершаемых из мести.

Возникнув как средство самозащиты, кровная месть надолго переживает эпоху и условия, сделавшие ее необходимой.

Ничто не доказывает так ярко, как кровная месть, что обычай, возникнув из определенных материальных условий, обладает такой степенью самостоятельности, такой способностью оторваться от своей причины, что

оказывается возможным передавать его в качестве священного завета многим будущим поколениям, живущим в других условиях.

Подобно тому, как всякий, кто принадлежал к одному роду, мог сделаться мстителем, так всякий, кто принадлежал к другому роду, мог сделаться жертвой мщения. У многих народов, например, у древних норвежцев считалось особенным достоинством убить именно лучшего из вражеского рода. Ничем не сдерживаемая месть превращалась в войну, которая велась до тех пор, пока не сравняется число жертв с обеих сторон.

Германские правды были составлены в то время, когда кровная месть была уже пережитком. Она стала особенно страшной с переходом к оседлости, с усовершенствованием оружия, с распадением старых родовых коллективов. Самосуд и государство находились в явном противоречии. Тем не менее правды хотя и ограничивают, но не вовсе запрещают кровную месть.

"Кто мстит за причиненный всем нам ущерб, - говорит составленный в X веке Судебник Лондона, - пусть делает то, что делает".

Составленная пятью столетиями раньше, Салическая правда, конечно, содержит указания на кровную месть. Если преступник настолько беден и настолько "безроден", что не может собрать денег для своего выкупа, "он должен уплатить своей жизнью".

Тем не менее как Салическая, так и другие правды скорее запрещают, чем поощряют месть. Она во всех случаях запретна, когда нет умысла, а значит, и вражды. С этого, по-видимому, начинается ограничение кровной мести вообще. Где нет вражды, там достаточно возмещения ущерба.

Наряду с этим запрещается кровная месть за ранение, а затем обычай убивать лучшего в роде.

Единого правила, конечно, не было. Саксонские обычаи ограничили круг ответчиков убийцей и его сыновьями: бургундские обычаи исключают уже и сыновей - только убийца должен ответить смертью.

Ограничивается и круг мстителей. Ими оказываются теперь самые близкие к убитому - отец, сын, брат. Наконец, наступает ограничение кровной мести во времени.

Исландские обычаи разрешали месть до ближайшего народного собрания; после того приносилась жалоба в суд. Наоборот, английские законы (законы Эдмунда) отсрочивали месть на 12 месяцев, с тем чтобы унять страсти и дать возможность убийце собрать деньги для штрафа.

7. Пока человек потреблял все то, что добывал, для кровной мести не было замены. Единственной платой за жизнь и страдание оставались жизнь и страдание.

Новая эпоха в системе наказаний открывается с накоплением богатств внутри рода, а затем и семьи. На смену кровной мести приходит штраф.

Переход к штрафу взамен мести происходил непросто. Первые акты подобного рода встречались нескрываемым презрением. Принимать деньги за кровь ближнего, в особенности отца или брата, считалось несмысленным позором.

Соглашение о штрафе прикрывалось разнообразными формами примирения сторон. Центральным пунктом его становятся унижительные формы "покоры", обязательные для виновного. В славянской Далмации, например, убийца должен был ползти до могилы убитого с саблей на шее. Нечто подобное имело место в Польше и Чехии. Германская форма покоры производила большое впечатление. Могила убитого оставалась раскрытой. Рука его отрезалась и хранилась в семье. Виновный триады просил прощения. Только после этого ему отдавали руку. На нем лежала обязанность бросить ее в могилу и закопать тело.

В самое раннее время размер штрафа должен был в каждом отдельном случае устанавливаться соглашением сторон. Многие народы сохраняли этот порядок, не зная никакого другого.

Германские правды знают уже только твердо фиксированные суммы штрафов по всем тем видам правонарушений, которые они упоминают.

Штраф за убийство они называют вергельдом - "ценой человека".

Русская правда называет такой штраф "вирой", Литовский статут - "годовщиной", польские законы - "гловой" и т. д. Римское "капут" точно так же означало "голова" - "цена головы".

При первобытнообщинном строе он выплачивался скотом'. Салическая правда назначает штраф в римских монетах - "денариях" и "солидах".

Убийство свободного франка искупалось уплатой 200 солидов. На эти деньги можно было купить не менее 100 быков.

8. Как и некоторые другие германские сборники права, Салическая правда назначает неодинаковые штрафы за убийство свободного мужчины, свободной женщины и свободного мальчика. В двух последних случаях вергельд повышается в три раза.

Имеется в виду женщина, после того как она стала рожать. За убийство женщины, которая рожать не может, назначается 200 солидов.

Саксонская и Рипуарская правды варьируют тот же принцип, Первая назначает двойной вергельд за убийство девушки, которая еще не рожает (но будет рожать), одинарный - за убийство женщины, переставшей рожать.

Баварская правда пытается подвести под это правило моральный критерий: женщина "не может защищаться с оружием в руках"; "если же по смелости сердца пожелает бороться как мужчина - не будет двойной ее композиция" (возмещение, штраф).

Объяснение это показывает, что составителям Баварской правды дифференциация штрафов по признаку пола была столь же неясна, как и нам: настолько древним был этот обычай. Тем более что убийство "лишних" новорожденных девочек не воспрещалось ни у германцев, ни у славян.

Тацит так и пишет о германцах: "Даже убийство может быть искуплено известным количеством скота крупного и мелкого".

Весьма вероятно, что помимо определенных моральных критериев, на которые указывает Баварская правда, сказывалось стремление к восполнению утраченной убыли в мужчинах, вызванной войнами и кровной мстью.

У вестготов - другого германского племени - наибольший штраф назначался за убийство мужчины от 20 до 50 лет и женщины от 15 до 40 лет.

9. Обычай, предусматривавший разный вергельд в зависимости от общественной ценности лица, таил возможность дальнейшей дифференциации по признаку его общественного положения. А это не одно и то же. Указанная возможность была широко использована государством.

Прежде всего короли стали добиваться повышенной защиты для себя и своих слуг - администрации, дружинников, всех "верных" вообще. Реализуя соответствующий интерес, Салическая правда устанавливает за их убийство тройной вергельд.

Всякий же, кто стоит ниже свободного франка - римлянин или полусвободный, - защищается значительно меньшим вер-гельдом. Убийство раба влечет за собой лишь возмещение его рыночной стоимости.

10. Необычайная детализация имеет место при оценке ранений. В некоторых правдах предусматривается, что размер штрафа зависит от величины раны, измеряемой в дюймах. Общим принципом является то, что за более тяжкое повреждение следует больше платить. Большой палец правой руки дороже всякого другого, а самый дешевый - средний. Если отнято ухо, назначается одна цена, если утерян слух - вдвое большая (Рипуарская правда); когда глаз выбит, говорит Аллеманская правда, - 40 солидов, если поврежден, -20 и т.д.

Если ранение повлекло за собой искалечение, потерю трудоспособности и воинских качеств, назначалась известная часть вергельда, обычно половина. Если в результате ранения наступала смерть, назначался полный вергельд, хотя бы между ранением и смертью лежит значительный срок (по лангобардскому праву - даже год).

II. Внимание юриста в особенной степени привлекали те статьи правд, которые содержат попытку поставить наказание в зависимость от таких обстоятельств, как умысел и неосторожность, прямой и косвенный умысел (субъективная сторона), отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. В этой крайне важной области современного уголовного права законодатель древности делает лишь самые первые шаги.

В одном из англосаксонских кодексов различие умышленного и неумышленного убийства сводится лишь к постановке вопроса. Наказание в обоих случаях одинаково, ибо есть закон: "Кто не ведая преступает, ведая платит". Тот, кто, целясь в одного, убил другого, платит полный вергельд или умирает сам.

Законы германского племени фризов повелевают то же: кто убил случайно выпущенной стрелой, платит, как за убийство. Так же было и у тюрингов,

Проблема возникала, но решение ее долгое время не давалось. Система композиций преследовала возмещение вреда, а вред не зависел от субъективной стороны преступления.

Саксонская правда не составляет исключения. Если, говорится в ней, меч выскользнул и ранил, платят, как обычно. Но, как уже говорилось, и Салическая, и Рипуарская правды признают одно исключение: кто убил без умысла, не подлежит кровомщению.

Как ни старались судьи держаться старины, жизнь была неумолима в постановке новых вопросов. Один погнался за другим с намерением ограбить, а тот поскользнулся, упал и разбился насмерть. Другой отнял у человека меч, а тот сделался объектом нападения и, будучи безоружным, не смог защитить свою жизнь и т. д.

Германское право отвечало на них с первобытной простотой: основанием для назначения вергельда должно считать не намерение виновного, а конечный результат.

Судьи, конечно, видели, что прямого умысла здесь нет. Преступник не хотел того, что произошло. Но система композиций вынуждала все это игнорировать.

В том, что касалось внешних обстоятельств (объективной стороны) преступления, германские правды обнаруживают большее богатство содержания. Грабеж карается строже кражи, изнасилование скопом - тяжелее обычного и т. д. Законодателю уже не безразлично, какими средствами совершено преступление (например, кража со взломом влечет больший штраф, чем простая, и т. д.).

12. В самое раннее время судебный штраф - композиция - шел в пользу семьи пострадавшего и его рода. С переходом судебных функций к государству обыкновенно одна треть штрафа стала уплачиваться ему.

Уплата штрафа была первоначально делом рода. С конца VI века преступник был обязан платить сам. Последствия этой меры были трагическими для простого народа. Там, где знатный и богатый откупался, крестьянин платился головой.

Следы системы композиций до сих пор сохраняются в нашем языке. Мы говорим "искупить вину". Само слово "вина" означало, должно быть, долг, обязанность. Отсюда "повинность", отсюда выражение "повинен платить". То же самое германское "шульд" - и долг, и вина.

13. В период родового строя верховные судебные функции должны были, как уже говорилось, принадлежать собранию рода; и виновный отвечал непосредственно перед ним.

В эпоху Салической правды многое изменилось. Действительная судебная власть оказалась в руках коллегии, состоявшей из семи избранных народом рахинбургов.

С усилением королевской власти старинный председатель судебных собраний - тунгин - уступает место графу. При Карле Великом перестают избирать и самих рахинбургов. На смену им приходят назначенные властями скабины. Исчезает последний оплот народной свободы.

14. Старинные обычаи германцев, равно как и других народов, требовали, чтобы судебное дело возбуждалось не иначе как по заявлению потерпевшей стороны. На ней же лежало формулирование обвинения и представление доказательств. Такой процесс получил название обвинительного.

Исключение из этого правила делалось только ради таких преступлений, которые существенным образом затрагивали общий интерес (измена, бегство с поля боя и т. д.). Виновные в этих преступлениях наказывались по

инициативе властей. Изменников, по обыкновению, вешали на дереве, трупов топили в болоте и забрасывали хворостом.

Никакого предварительного расследования, конечно, не было. Судья должен был ограничиться доказательствами, которые представляли стороны. При этом он знал, что не может полагаться на достоверность свидетельских показаний: что бы ни случилось, родич не станет показывать против родича, а человек, принадлежащий к враждебному роду, говорить в пользу противника.

Когда не удавалось добиться признания – на чем сосредоточивались основные усилия, – судьи апеллировали к богу. В этом сказывались, с одной стороны, бессилие, неспособность суда установить истину "земными средствами" и, с другой – вынесенное из прошлой (дохристианской) эпохи убеждение, что знающий правду бог укажет на виновного. Не прямо, а косвенно, каким-нибудь знаком, который надо разгадать.

Так рождается ордалий – "суд божий", состоящий в испытании (не пытке!) соответствующей стороны в процессе. Наиболее распространенными способами ордалия в праве германских народов были испытания водой, железом и огнем. Особой формой ордалия был судебный поединок.

При испытании водой обвиняемого бросали в реку, связав по рукам и ногам. Если он тонул, то признавался невиновным. Считалось, что вода как чистая стихия не принимает виновного. Даже и много позже существовало убеждение, что "ведьма не тонет".

Другое испытание состояло в следующем. Надо было достать из котелка с кипятком какой-нибудь предмет, часто кольцо. К этому виду ордалия примыкает испытание железом. Взяв в руки раскаленный кусок железа, следовало сделать с ним несколько шагов. В обоих этих случаях руку, поврежденную испытанием, смазывали жиром, бинтовали и давали заживать. Через несколько дней "сведущие люди" осматривали ее. Если рубцы заживали хорошо – человек считался невиновным.

Большое распространение имел судебный поединок. Он назначался во всех тех случаях, когда ответчик обвинял истца в намеренной лжи.

"Раз человек объявил, что будет драться, – пишет Монтескье, – он уже не мог отступать, в противном случае суд приговаривал его к наказанию. Отсюда возникло правило, что, если человек дал слово, честь не позволяет взять его назад". Трудно сказать, насколько такое объяснение верно.

С возникновением феодальных отношений поединки между лицами, принадлежащими к противоположным классам, стали невозможны (за редким исключением). Дворяне дрались на конях и своим оружием, крестьяне – на дубинках.

Лесной стражник донес как-то королю Гунтрамну, что некий знатный франк по имени Хундо осмелился стрелять дичь в королевских лесах. Хундо обвинил лесника во лжи, и им обоим был назначен поединок. Как знатный Хундо имел привилегию выставить вместо себя "чемпиона" – профессионального бойца. Бой состоялся, чемпион уже побеждал лесника, когда последний ударом кинжала решил дело в свою пользу. Хундо был тотчас схвачен и казнен: поединок "подтвердил" его виновность.

Своеобразным видом ордалия служила клятва, выступавшая в форме соприсяжничества: обвиняемый отрицал обвинение клятвой, но вместе с ним должны были клясться и те, которых он приводил с собой в качестве своих соприсяжников. Число последних различалось в зависимости от важности дела. Салическая правда назначает в одних случаях 6, в других – 72 соприсяжника.

Соприсяжник не свидетель (нельзя ведь заранее установить число свидетелей). В его задачу входит одно – удостоверить клятвой (присягой), что тот, кого обвиняют, не мог совершить преступление.

Вот как это описывает французский историк О.Тьерри: "Обвиняемый в сопровождении всех людей, которые присягали вместе с ним, должен был войти в круг, образуемый скамьями судей. Из сопровождавших его тридцать шесть становилось по его правую сторону, а тридцать шесть по левую. Затем, после вопроса главного судьи, он вынимал из ножен меч и клялся на

оружии, что он не виновен, после чего присягающие вместе с ним одновременно обнажали свои мечи и приносили такую же клятву".

Если хоть один из соприсяжников, а тем более обвиняемый, сбивался, дело считалось проигранным.

Когда Карл Великий приказал короновавшему его папе очиститься от тяготевших над тем обвинений, было проделано следующее. Папа присягал вместе с 28 соприсяжниками, стоявшими взявшись за руки. После произнесения текста присяги все они должны были несколько минут простоять в неподвижности: малейшие движения (как и оговорка) служили признаком виновности. С распадением родовых связей и ростом бедности крестьянину все труднее становилось прибегать к рискованной помощи соприсяжников. Но тем легче это было сделать знатному сеньору, окруженному вассалами и дружиной.

Христианство прибавило к старинным испытаниям несколько новых видов: клятву на Евангелии, на святых мощах, испытание крестом.

Последнее заключалось в следующем: обвинитель и обвиняемый стояли в церкви, держа руки "на уровне плеч". Тот, кто раньше опускал их, признавался виновным.

Христианские клятвы на священных предметах в силу простоты и легкости их стали орудием бесчестных людей. Ложно присягая, они завладевали чужим имуществом и оставались безнаказанными. Поэтому судьи предпочитали старинные способы доказывания.

Глава пятая Расцвет феодальных отношений в Западной Европе

А. Основные классы феодального общества

1. В 843 году внуки Карла Великого, не сумев поделить власть над обширной империей, сочли за лучшее поделить саму империю. По договору, заключенному в Вердене, империя Карла Великого была разделена на три части, соответствующие (в основном) нынешним Франции, Германии, Италии.

Раздел этот был выявлением установившегося уже господства феодальных отношений, показателем их полной победы и расцвета. Мы можем с известным основанием указывать на середину IX столетия как на конец раннефеодального государства, как на начало периода расцвета феодальных отношений во Франции, Италии и в некоторых наиболее развитых областях Германии.

Неравенство феодалов и крестьян, ставшее фактом, было дополнено открыто провозглашенным "богоустановленным" формальным неравенством. Все, что относилось к положению дворянства и духовенства, сделалось их правом-привилегией; все, что касалось крестьянина, стало (по большей части) его обязанностью.

2. Важнейшей сословной привилегией дворянства и духовенства Франции сделалось право собственности на землю. Когда ревизии обнаруживали свободных крестьян-собственников, их заставляли переходить под власть помещика.

В неразрывной связи с этим находится власть помещика над крестьянином, его право судить и наказывать без суда.

В целях осуществления своей власти над крестьянством дворянство образует союз, построенный на началах сословной иерархии, сюзеренитета-вассалитета.

Высший слой французского феодального класса составляли герцоги и графы, бывшие вассалами самого короля. С распадением Франции на уделы они сделались независимыми господами в своих землях.

Ниже их - вассалы второй ступени - "бароны". Они "держат" свои земли от герцогов и графов. Еще ниже - мелкие дворяне - рыцари.

В основе вассалитета лежало наделение землей. Вассал обязан был в пользу сеньора ежегодной военной службой в течение 40 дней; участием в суде и совете сеньора; денежной помощью в некоторых особых случаях (например, когда сеньор оказывался в плену и нужно было его выкупить).

Вассалитет устанавливался, как уже говорилось, оммажем: вложив свои руки в руки сеньора, вассал объявлял себя его "человеком". Сеньор отвечал

"поцелуем мира". Затем следовала инвеститура - передача лена, совершаемая через вручение перчатки.

Разрыв вассальных отношений был возможен в строго определенных случаях: когда вассал начинал войну против сеньора или не подчинялся решениям его курии; когда, наоборот, сеньор отказывал вассалу в защите или совершал по отношению к нему или членам его семьи акты насилия.

Феодално-зависимое крестьянство Франции делилось на две основные группы: сервов и вилланов.

Положение серва было всего тяжелее. Его повинности не были точно определены и могли изменяться по произволу помещика. Его можно было продать с землей и без земли. Всякий раз, продавая что-нибудь, серв испрашивал разрешение господина. Заступая место умершего отца, серв обязан был платить особый взнос. Согласие на брак серва точно так же покупалось специальным взносом. Во власти господина было, наконец, заточить крепостного, а если угодно, то и казнить.

Обязанности серва подразделялись на поземельные и личные. Среди поземельных повинностей выделяются барщина (отработки) и талья - особый налог, размер которого не был точно установлен. Помимо этого, существовали многочисленные подати натурой - зерном и скотом. Личные повинности - это обязанность за особую плату молотить зерно на господской мельнице, продавать только на господском рынке и пр.

Вилланы платили поземельную ренту - чинш. Помимо нее существовали еще шампар - подать из части урожая - и талья. Все эти повинности были более или менее определенными. Барщина виллана не превышала обычно 10 дней в году. От многих личных повинностей он был свободен. 3. По-особому сложилась история феодальной Англии. В 1066 году Англия была завоевана герцогом северо-французской провинции Нормандии Вильгельмом Завоевателем. Сопrotивлявшаяся завоеванию англо-саксонская знать была большей частью истреблена. Ее земли стали добычей Вильгельма и его баронов.

Всякий, кто получил землю от Вильгельма, будь то "великий барон" или просто рыцарь, сделался вассалом короля, его непосредственным держателем. Промежуточного звена, как во Франции, не было. Континентальное правило "вассал моего вассала - не мой вассал" не действовало в Англии. Вследствие условий дележа земельные владения нормандской знати не составляли единых массивов, были разбросаны по всей стране. Наконец, в отличие от порядков, царивших на континенте, вассалы короля обязаны были ему не только военной службой, но и денежными взносами.

Указанные обстоятельства усиливали власть короля и его администрации в отношении баронов. К тому же львиную долю добычи - одну седьмую всех земель Англии - король оставил себе. Ни один из вассалов не мог сравняться с ним по богатству.

Объяснение всему этому следует искать, по-видимому, в том упорном и продолжительном сопротивлении, которое оказали захватчикам англосаксонские крестьяне. Вооруженная борьба не прекращалась в течение многих десятилетий. Баронам Вильгельма не оставалось другого выхода, кроме как терпеть усиление короля: без сильной центральной власти было бы невозможно удержать Англию.

Через 20 лет после завоевания, в 1086 году, в Англии была проведена перепись населения, земли, орудий труда. Все сведения записывались в реестр, получивший название "Книги страшного суда" (намек на тот "страшный суд", который верующие ожидают для себя на небесах). Сообразно с результатами переписи было организовано налоговое обложение. Значительная часть крестьян, остававшаяся свободной, было переведена в разряд крепостных. Они назывались вилланами, но по своему положению были близки французским сервам. Лично свободных крестьян осталось не более 12 процентов.

4. Слабо затронутая римским влиянием Германия (особенно восточная часть) дольше других европейских стран сохраняла пережитки родовых отношений. Феодализм побеждает здесь не ранее XI века.

Складыванию основных классов Германии способствовала военная реформа короля Генриха Птицелова (919-936 гг.). Каждый, кто мог являться на войну

в качестве конника, зачислялся в привилегированное сословие; все другие - в податное.

На вершине привилегированного сословия оказались светские и церковные князья. В своих обширных уделах они очень рано стали правителями, мало зависящими от центральной власти.

Вассалами князей сделались графы. От них держали земли так называемые свободные господа. Нижний слой дворянства составили рыцари.

Крестьянство Германии распалось на три основных группы: крепостных, чиншевиков, свободных. Последних было очень мало.

Б. Государственный строй

Как мы уже говорили, всюду, где феодальные отношения побеждают окончательно, обнаруживается одна неизменная тенденция: политический распад, образование более или менее самостоятельных сеньорий (уделов), падение силы и значения центральной власти. Помешать осуществлению этой тенденции или задержать ее могут только исключительные обстоятельства, примером которых может служить завоевание Англии в 1066 году.

1. В течение X-XI веков реальная власть французских королей не выходила за пределы небольшого района во главе с Парижем и Орлеаном. Все, что было за пределами этого района, - Нормандия, Анжу, Бургундия и т.д. - управлялось своими собственными сеньорами: герцогами, графами, маркизами.

Сами короли были долгое время избираемыми, и потому наследники престола спешили короноваться еще до того, как получали власть, - при жизни отца.

Земельные раздачи, участвовавшие после реформы Карла Мартелла, уменьшили собственный земельный фонд короны, ее домен. Король сделался беднее многих своих вассалов.

Государственная казна была почти пуста. В силу своих привилегий дворянство и духовенство не платили налогов. Судебные штрафы шли теперь тем, кто осуществлял суд, то есть сеньорам.

Без денег не было сколько-нибудь значительной армии, а без нее не было и влияния. Власть короля поневоле ограничивалась доменом. Здесь его помощниками были некоторые высшие сановники вроде великого коннетабля или канцлера (первый командовал армией, второй руководил канцелярией). Кроме того, при дворе находилось некоторое количество советников, судей, дипломатов, которых предусмотрительно набирали из мелких дворян и даже горожан: они были послушнее, ими легче было командовать.

Своих окружных начальников - прево - короли точно так же набирали из простых людей. Прево получал на откуп определенный округ, обязуясь собирать налоги для короля, командовать ополчением и гарнизоном, судить крестьян королевских имений. Над ним стоял бальи, уже из дворян. В отличие от старого графа каролингов бальи не передавал своей должности по наследству, и король в любое время мог сместить его.

Благодаря этому порядку в своем домене короли имели преданную администрацию. Она сыграла свою роль, когда настало время "собирать" Францию.

Важное значение имело царствование Филиппа-Августа (конец XII - начало XIII вв.), особенно его победы над Англией, в результате которых к домену были присоединены Нормандия, Мен, Анжу и часть Пуату, бывшие до того собственностью английской короны. Домен увеличился в пять раз.

В середине XIII столетия Людовик IX (Святой) проводит три важные реформы, которые имели целью ослабить полновластие вассалов короля, - судебную, военную и монетную.

Судебная реформа предусматривала создание верховной судебной палаты, которую стали называть "парламентом". Служащими парламента стали главным образом профессиональные юристы (легисты), люди незнатного происхождения.

Введенные вместе с тем новые правила судопроизводства ставили королевскую юстицию на более высокий уровень в сравнении с юстицией сеньориальной.

Судебные поединки (ордали) в королевском суде были запрещены. На приговоры и решения низших судов допускалась апелляция к суду парламента.

Было отменено старинное правило, согласно которому недовольная приговором сторона могла вызвать на поединок самого судью.

Военная реформа установила "40 дней короля". В течение 40 дней после ссоры сеньоры могли требовать королевского суда. Обнажать оружие до истечения срока им запрещалось. Третья реформа заключалась в введении единой для всей

страны монеты.

В каждой крупной сеньории была своя монета, своя система права, а нередко и своя система мер и весов. Все это очень мешало зарождающимся рыночным отношениям. Короли начали с монеты. Благодаря своему лучшему качеству она должна была вытеснить из обращения местные деньги. Легко понять, что это значило для королевских финансов.

2. Завоевание 1066 года предотвратило, как уже говорилось, распадение Англии на самостоятельные уделы. Не бароны, но только шерифы, полицейские чиновники, поставленные королем во главе округов, распоряжались местными делами.

Благодаря налогам финансовое ведомство, возглавлявшееся верховной счетной палатой ("палата шахматной доски"), прочно удерживало за собой значение властной общегосударственной службы.

Значение королевских судов, и без того немалое, было еще усилено реформами короля Генриха II (1154-1189 гг.).

Одна из них вводила новый порядок судопроизводства по спорам о земельной собственности. Каждый свободный человек Англии мог за известную плату перенести имущественный спор в один из высших судов королевства. Здесь не применялись ордалии. Расследование производилось через свидетелей, дававших свои показания под присягой, и это было, конечно, шагом вперед.

Не меньшее значение имела реформа уголовного судопроизводства. Она положила начало расследованию через присяжных и в какой-то степени суду присяжных.

Практически депо обстояло так. Посланные из столицы судьи, регулярно объезжавшие графства (административные округа), - так называемые разъездные судьи, - явившись на место, вызывали к себе 12 местных помещиков (рыцарей) и наиболее зажиточных крестьян (по 4 от каждой деревни). Они должны были под присягой сообщить о преступлениях, совершенных в округе или деревне за время, прошедшее с момента предыдущей сессии суда, указать на виновных. На основании их показаний выносился приговор. В сомнительных случаях прибегали к ордалиям и клятвам.

Разъездные судьи принадлежали к учреждению, которое возникло при Генрихе II, - "суду королевской скамьи". В противоположность ему был создан суд с постоянным местопребыванием в столице - так называемый суд общих тяжб.

3. По мере поглощения нормандских завоевателей коренным населением Англии утихали национальные антагонизмы. Потеря Нормандии и других французских областей, принадлежавших Англии, способствовала этому.

Вместе с тем ослабевали и связи, существовавшие между английской знатью и тронем. Антагонизмы обострились при короле Иоанне Безземельном, неудачными войнами и еще более тяжелыми поборами доведшем страну до разорения, а подданных до бунта. Каплей, переполнившей чашу терпения, была капитуляция короля перед могущественным римским папой, вассалом которого Иоанн Безземельный обязался стать.

В 1215 году бароны Англии в полном вооружении подступили к стенам королевской резиденции. С ними заодно выступали мелкое рыцарство и горожане.

Коалиция была непрочной. Бароны хотели подчинить себе короля и добиться независимости в своих манорах (поместьях). Рыцари и горожане были не против королевской власти, но добивались отказа от произвольных поборов и расправ.

Под давлением обстоятельств Иоанн вынужден был подписать документ под названием "Великая хартия вольностей".

Основные положения хартии, которым последующая политическая история Англии придавала наибольшее значение, сводятся к следующему.

1. Король обязывается соблюдать феодальные обычаи в своих отношениях с вассалами; не вмешивается в юрисдикцию феодальных курий.

2. Налоги и сборы могут взиматься не иначе как по решению "общего совета королевства" (что означало по существу восстановление баронской курии).

3. Всякий арест должен быть основан на показаниях, "заслуживающих доверия свидетелей".

4. Ни один свободный человек не может быть заключен в тюрьму, изгнан из страны, лишен имущества, поставлен вне закона и т. д. "иначе, как по законному приговору", вынесенному равными по положению судьями ("пэрами"), и "по законам страны".

5. Соблюдение хартии должен гарантировать совет из 25 баронов, наделенный правом "принуждать и теснить" короля "всеми способами, какими только может".

Будь эта хартия осуществлена на деле, Англия сделалась бы ареной феодального самоуправления, страной столь же раздробленной, как, скажем, Германия. Этого, однако/не случилось и главным образом потому, что падения центральной власти не хотели ни города, ни мелкое рыцарство.

Тотчас по окончании смуты Иоанн отказался от хартии. Римский папа его поддержал. Но хартия уцелела. В 1216 г. Иоанн Безземельный умер. Его наследник, малолетний Генрих III, уступая баронам, подтверждает хартию. Такого рода подтверждения сделались своего рода традицией (44 раза между 1327 и 1422 годами).

Свое подлинно новое существование она начнет в период, предшествующий английской революции, в XVII веке, когда знаменитый судья Кок извлечет ее из архива и, отряхнув "пыль веков", истолкует в интересах ликвидации абсолютизма, расширения парламентских и судебных полномочий. Общие формулировки хартии, продиктованные социальным составом коалиции 1215 года, в особенности постоянное упоминание "свободных людей", облегчили дело, за которое ратовал Кок. Признанная официальной политической доктриной послереволюционного правительства, хартия становится символической частью неписаной английской конституции.

6. В середине X столетия германскому королю Оттону I удается захватить север и центр Италии, после чего он объявил себя "римским" императором. Созданная им империя получила в XII столетии название "Священная Римская империя германской нации", сохранившееся до 1806 года.

Благодаря политике завоеваний власть первых германских императоров была по временам весьма значительной. Но так продолжалось недолго.

По мере того как несколько заторможенный процесс феодализации завершался и в Германии, распад страны на уделы сделался неизбежным. С течением времени образуется небольшая группа наиболее сильных князей – избирателей трона, так называемых курфюрстов. Наиболее важные должности в центральном правительстве делаются их наследственным леном. Император стал не вполне волен в выборе сановников.

Происхождение курфюрстов различно. Одни из них – потомки чиновников эпохи Каролингов. Другие нажились и выдвинулись во время междоусобиц. Герцогом Баварии становится, например, бывший маркграф, а герцогом Саксонии – ловкий придворный, сумевший породниться с самим королем, и т. д.

Графы добиваются герцогской короны, а добившись, устраивают церемонии "коронации", обзаводятся собственным двором, чеканят монету, издают законы.

Феодальная раздробленность Германии была закреплена "Золотой буллой" 1356 года. Избрание германского императора стало делом курфюрстов. Они признавались самостоятельными в своих владениях. При этом одни "князья империи" могли вести войны с другими "князьями империи". Решение всех важных дел империи было опять-таки делом коллегии курфюрстов.

С этого времени империи как единого государства не стало. Связь ее частей, как и власть императора, сделалась номинальной. "Основным законом немецкого многовластия" справедливо назвал К. Маркс "Золотую буллу".

Глава шестая

Сословно-представительная монархия в странах Западной Европы

А. Перемены в общественном строе. Выдвижение городов

1. В течение X-III-XIV веков существенным образом меняется экономический облик западноевропейских государств. На месте прежних деревень выросли города. Вместе с ними упрочиваются торговые связи между областями всей страны.

Большая часть городов находилась на земле феодальных сеньоров. Из этого следовало, что управление городами и суд находились в ведении сеньора или его агентов; в казну сеньора поступали налоги и сборы, большей частью произвольные, которые должны были платить города.

Феодальные поборы сделались особенно нетерпимыми после крестовых походов XI-XII веков, когда на местные рынки хлынули восточные товары и нужны были деньги на то, чтобы их покупать.

До этого времени феодальный барон, несмотря на все свое могущество, не имел представления о нижнем белье и отдельной посуде, ходил в грубой домотканой одежде, довольствовался самодельным вином и имел весьма неопределенное представление о бане и чистоплотности.

Во время и после крестовых походов в Европу были привезены новые злаки (рис, сахарный тростник), фруктовые деревья, ранее неизвестные (абрикосы, лимон и др.).

Еще большее значение имели новые товары: шелк и ситец, атлас и бархат, ковры и кисеи.

Рыцарские дома наполняются предметами роскоши. Вооружение рыцаря пополняется арбалетом, сам он надевает теперь кольчугу. Появляются новые кушанья, сласти, сахар, сиропы и пряности. Развивается вкус к новым видам одежды (кафтанам, бурнусам) и обуви. Вместе с тем развиваются и новые виды ремесленной деятельности.

Тяготаясь своим зависимым положением, своим бесправием, города, и прежде всего большие и богатые, пытаются купить себе самоуправление за деньги, а чтобы защитить его, обзаводятся собственной военной силой. Городские восстания следуют одно за другим, сливаясь нередко с восстаниями окрестных крестьян.

В начале XII века французский город Ланн, принадлежавший епископу Годри, за огромные деньги купил у него право на самоуправление. Вместе с тем было уничтожено крепостное положение горожан.

Не надеясь на слово и грамоту Годри, Ланн отправил послов к королю Людовику VI, чтобы тот - и опять-таки за деньги - подтвердил вольности города. Король взял деньги и дал клятву.

Через несколько лет Годри истратил деньги и пришел к мысли уничтожить и вольности и "коммуну" (самоуправление) Ланна. Перед тем как осуществить свой замысел, он за 700 ливров получил согласие короля. Когда город узнал об уничтожении своей свободы, началось восстание. Годри был схвачен и убит. Дома дворян были преданы огню.

Для расправы с горожанами король отправил войска. Сотни людей были уничтожены. Их трупы были брошены на съедение собакам. Тем не менее город, вновь восстановленный, продолжал борьбу. В конце концов в 1128 году он добивается новой хартии, и тот же Людовик VI подтверждает ее. Свободное устройство было признано вновь.

В борьбе за вольности города находили нередко поддержку в среде мелкого дворянства, недовольного зависимостью от сеньоров. Но чаще всего города искали поддержки при дворе.

Интересы короля и городов во многом совпадали. Король хотел единства страны. Города еще больше нуждались в нем: оно обеспечивало безопасность дорог, широкие рыночные связи, единую и полноценную монету и пр. Король добивался ограничения власти вассалов. Того же хотели и города.

На этой основе возникает неписанный, но вполне реальный договор: города дают королю деньги и солдат, короли обеспечивают городам защиту от феодальных притеснений.

2. Важные изменения происходят в положении крестьян. Что-; 1 удовлетворить свои новые запросы, помещик нуждался в деньгах. Для этого он переводит натуральные повинности в денежные. Свободные и заброшенные земли стремятся заселить кем угодно, лишь бы за них платили. Не расставаясь с прямым насилием, с внеэкономическим принуждением, феодал одновременно задумывается над средствами экономического стимулирования крестьянина.

Так возникает цензива - новая форма крестьянского феодального землевладения. Обрабатывающий цензиву крестьянин может по своей воле переходить с места на место (в том числе уходить в город). Цензива свободно передается по наследству. Ее можно продать, однако, с тем чтобы новый хозяин нес те же повинности. И самое главное: за цензиву уплачивается твердый ежегодный денежный взнос (ценз).

Во Франции переход к цензиве начался в XIII веке. С течением времени она становится здесь основной формой крестьянского держания.

В Англии переход от натуральных повинностей к денежным начался еще раньше и происходил еще более активно. В XIV веке основная масса английских крестьян переходит в разряд лично свободных.

Немецкие феодалы точно так же переводят крестьян на денежные взносы, сохраняя, впрочем, некоторые натуральные.

Личная свобода была, конечно, благом. Более свободный имущественный статус также. Однако степень эксплуатации крестьян не уменьшалась. Победное шествие денег и товаров не предвещало им ничего, кроме дальнейшего сохранения, а порой и усиления гнета и нужды.

Причины освобождения крестьян хорошо объясняют документы того времени. С ростом городов и увеличением спроса на рабочие руки крестьянин всюду находил себе применение, и разыскать его стало нелегко. Кроме того, от свободного было больше пользы. "Никто не хочет брать участок в крепостных имениях, - говорится в одном французском документе XIII века, - все хотят свободные". Архиепископ Безансонский признает в отпускной грамоте: "Принимая во внимание умеренный климат и плодородную почву, можно с уверенностью сказать, что население в поместьях сильно возрастет, как только освобождение от крепостного права будет распространено на всех".

Раскрепощение крестьян не было проведено каким-либо единым актом, как это было сделано в России в 1861 году. Во Франции способом раскрепощения был главным образом выкуп повинностей за деньги, что связывалось обыкновенно с отказом помещика от права на крестьянское имущество.

Темпы освобождения были неодинаковыми для разных стран. Во Фландрии, например, где этот процесс под влиянием бурного городского строительства протекал наиболее активно, уже в XIII веке не оставалось крепостных. Во Франции к моменту буржуазной революции XVIII века еще оставалось не менее полутора миллионов сервов (на 23 млн. крестьян).

3. Класс феодалов распадался на два сословия - дворянство и духовенство. С появлением городов возникает новое, третье сословие. Это - горожане, а в более тесном смысле - городская аристократия, образовавшаяся из наиболее богатых купцов и мастеров.

Б. Возникновение сословно-представительных учреждений

1. Во времена феодальной раздробленности короли неохотно прибегали к созыву широких представительных собраний дворянства и духовенства. Весьма нередко из руководителей они делались пленниками этих собраний.

Возникновение городов меняло дело. Различие интересов и борьба сословий выдвигали короля в качестве их законного арбитра и тем усиливали его.

Сами сословия не только не возражали против того, чтобы их привлекали к обсуждению политики, но даже стремились к этому. Возникают представительные учреждения. Во Франции это - генеральные штаты, в

Германии – рейхстаг и ландтаги, в Испании – кортесы, в Англии – парламент.

Главное отличие всех этих учреждений от феодальных съездов прошлой эпохи определяется участием в них трех сословий (а не двух). Феодальные съезды и собрания были чаще всего орудием знати в борьбе против централизаторской политики королей; напротив, сословно-представительные учреждения были, как правило, орудием этой политики.

2. Поводом для созыва генеральных штатов послужило столкновение короля Филиппа IV Красивого с римским папой. Штаты должны были решить этот спор (1302 г.).

Нуждаясь в деньгах, Филипп IV приказал французскому духовенству платить в казну все то, что прежде предназначалось папской курии. Папа воспротивился этому и вызвал короля в Рим. В силу данной ему власти, заявлял папа, он стоит над царями, "чтобы разрушать, уничтожать, рассеивать и насаждать".

Король обратился к юристам. Те пришли к заключению, что "вопя государя – закон" и что выше короля нет на земле никого. Пользуясь поддержкой Филиппа, юристы ("легисты", как их тогда называли) осудили папу и даже приговорили его к свержению.

Графы, герцоги и высшие служители церкви, получив именное приглашение короля, являлись в собрание лично или присылали своих уполномоченных. Остальная часть дворянства была представлена выборными депутатами.

Третье сословие было представлено городским патрициатом. В одних случаях это были выборные лица, в других – назначенные королевскими чиновниками. Крестьяне представлены не были.

Каждое из трех сословий, по утвержденному королем регламенту, заседало и голосовало отдельно от других. Оно имело один голос (из трех). Сходство интересов дворянства и духовенства обеспечивало им преобладание.

Как и рассчитывал Филипп, генеральные штаты приняли его сторону.

Филиппу удается свергнуть своего противника и добиться назначения папой французского епископа. Тот начал с того, что поселился во французском городе Авиньоне. Наступает время торжества королей над папой.

Главной функцией генеральных штатов становится очень скоро разрешение налогов.

В течение долгого времени роль этого учреждения, собиравшегося время от времени, оставалась весьма скромной. Вопросы для обсуждения ставил король.

Поражения Франции в Столетней войне (с Англией) создали ситуацию, благоприятную для расширения прав генеральных штатов. Этим поспешили воспользоваться города, и раньше всего Париж.

В 1357 году восстание парижан вынудило наследника престола дофина Карла согласиться на издание Великого мартовского ордонанса. Генеральные штаты получали право собираться два раза в год, не ожидая королевского соизволения, назначать королевских советников и по своей воле разрешать налоги или отказывать в них.

Согласие Карла было вынужденным. Бежав из Парижа, он стал собирать силы для расправы с ним. На помощь Парижу пришло великое крестьянское восстание 1358 года – Жакерия, преследовавшее антифеодальные цели.

Менее чем городской патрициат, руководивший Парижем, не только не обрадовался Жакерии, но, наоборот, выступил против нее. Лишенные поддержки городов, крестьяне были побеждены. Вслед за тем наступила очередь Парижа. Мартовский ордонанс, еще прежде отмененный Карлом, был оплачен теперь многими жертвами.

С победоносным окончанием Столетней войны значение генеральных штатов падает. Одной из реформ короля Карла VII (1439 г.) вводился прямой постоянный налог, взимаемый без согласия штатов (талья). Другой реформой создавалась регулярная армия, содержавшаяся за счет этого налога.

Генеральные штаты не были упразднены, но собирались они редко. Отпала нужда в них.

Важное значение в истории Франции имело царствование Людовика XI (1461-1483 гг.). При нем было навсегда покончено с феодальной раздробленностью. Королевские подати и суд были распространены без изъятия на всю территорию страны.

3. В середине XIII столетия Англия переживает период острой борьбы между баронами, с одной стороны, горожанами и рыцарством - с другой. Первые стремились установить такой строй, который отдавал бы Англию в их руки, вторые выступали с оружием в руках, чтобы не допустить этого.

В 1265 году коалиция горожан и рыцарей, руководимая Симоном де Монфором, одержав победу над королем и баронами, объединившимися под влиянием обстоятельств, созывает первое в истории Англии сословное собрание, получившее название парламента. Помимо баронов, которых было мало, в этом собрании находилось по четыре рыцаря от каждого графства и по два представителя от каждого города.

Спустя некоторое время армия Монфора потерпела поражение, а сам он погиб в сражении. Но парламент уничтожен не был. С 1295 года (когда был созван так называемый образцовый парламент) он превращается в постоянное законодательное собрание Англии.

Структура парламента определилась не сразу. Но и здесь наиболее знатные приглашались поименно, а все другие, то есть рыцари и горожане, избирались. Некоторое время все они заседали совместно. В XIV столетии парламент оставляет духовенство, чтобы затем воссоединиться с лордами в единой (верхней) палате, получившей название палаты лордов. Рыцари и горожане составили палату общин. Эти названия английские палаты сохраняют до настоящего времени.

Нетрудно заметить существенное различие в структуре французских генеральных штатов, с одной стороны, и английского парламента - с другой. В генеральных штатах каждое сословие, как уже говорилось, заседает отдельно от другого и имеет один голос. В парламенте только духовная и светская знать выделяется в особую палату. Горожане и рыцари заседают совместно. Это

обстоятельство окажет важное влияние на всю последующую политическую историю Англии.

В тесной связи с ним сложилась и компетенция английского парламента. В 1297 году король Эдуард должен был, опасаясь нового возмущения, согласиться на то, чтобы никакие налоги не устанавливались без согласия парламента. С тех пор и до настоящего времени налоговый вопрос, а еще шире бюджет, считается самым важным из всех полномочий парламента (особенно его нижней палаты).

Следующее, то есть XIV, столетие принесло парламенту то, чего так тщетно добивались генеральные штаты, - в его компетенцию вошло не только разрешение (вотирование) налогов, но и контроль за их использованием. Кроме того, было установлено, что всякий раз, когда король требует денег, парламент вправе - в качестве предварительного условия - рассматривать жалобы на действия правительства.

В то же время происходит формирование английского местного самоуправления, бывшего предметом особой гордости правящих классов этой страны. В графствах возникают местные собрания, в городах - различного рода советы. Руководство ими захватывают землевладельцы, верхи городской аристократии, священники.

Важнейшим элементом местной власти становится с XIV века так называемая мировая юстиция. Мировые судьи, главным образом местные дворяне, осуществляют суд по уголовным делам, эффективный контроль за действиями местной полиции и ее главы - шерифа.

4. Феодальная раздробленность Германии, санкционированная "Золотой буллой", препятствовала возникновению сколько-нибудь влиятельных органов сословного представительства.

С некоторого времени, правда, на имперские съезды, так называемые рейхстаги, стали приглашать представителей городов. Но с ними мало считались. Князья и император требовали денег, и города должны были их давать.

Из трех курий рейхстага две, как и в генеральных штатах, находились в руках дворянства и духовенства с тем лишь различием, что первую курию составили курфюрсты, а вторую - остальная имперская знать. Они все и решали.

В княжествах, на которые распадалась Германия, заседали местные собрания - ландтаги. И здесь держались принципа трех курий. Компетенция ландтагов была совещательной.

Областные интересы преобладают в Германии над имперскими. И даже города, которые в других странах примут на себя немалые тяготы объединительной политики, будут бороться здесь не столько за Германию в целом, сколько за свои особые привилегии.

Глава седьмая Города и городские республики в странах Западной Европы

1. В первый период после франкского завоевания города, многие из которых возникли в период римского господства, управлялись королевской администрацией.

С развитием феодальных отношений они (особенно вновь возникавшие) попадали в феодальную зависимость от магнатов и церкви (давались в лен).

В XII и XIII веках города, как уже говорилось, покупают себе некоторую автономию, большую или меньшую в зависимости от обстоятельств. Феодальный договор, который город заключал со своим сеньором, устанавливал между ними связь, подобную той, которая существовала между сеньором и его вассалом.

Венцом политической автономии признавалось право города выбирать свои собственные органы управления, издавать законы, осуществлять суд над гражданами. По отношению к сеньору город был обязан обыкновенно определенными взносами, военной службой (в строго оговоренных случаях), участием в курии и суде сеньора.

Если, подъезжая к городу, можно было увидеть башню и на ней вечевой колокол, а на границе городского владения виселицу и позорный столб, это значило, что город имеет самоуправление, созывает по своей воле граждан на собрания, чинит суд над преступниками.

Пристрастие ко всякого рода внешним проявлениям правомочия было очень характерной чертой средневековья. В самое первое время своего существования город, то есть то немногое, что группировалось вокруг только что возникшего рынка, сам искал защиты сеньора. Без его разрешения, без его охраны не было и рынка. Как только город получал согласие сеньора, тотчас на рынке выставлялся какой-нибудь знак, чаще всего шляпа или перчатка сеньора. Добившись свободы, город обзаводился двумя главными атрибутами своего нового положения - виселицей и печатью. На печати, по феодальному обычаю, красуются герб и девиз.

Управление городом находилось, по общему правилу, в руках городского совета, состоявшего из присяжных, и избиравшегося им (часто пожизненно) городского головы, мэра (от лат. *maior* - старшина).

Место в совете было чаще всего привилегией богатых семей, переходившей по наследству. Как и многие другие, эта привилегия покупалась за деньги, удостоверялась грамотой короля или сеньора.

Городская аристократия была глубоко реакционной силой. Во всех социальных движениях средних веков она была на стороне феодального порядка. Она оставалась верной ему и во время буржуазной революции.

В совете г. Марселя, например, из 89 членов 80 принадлежало к городской аристократии, трое были духовными лицами и только шестеро представляли ремесленные цехи.

Народные массы, городской плебейский люд никакого влияния на выбор должностных лиц не оказывали (за исключением революционных периодов).

2. Ко времени нормандского завоевания английские города мало чем отличались от деревень, разве только некоторым преобладанием ремесла и торговли над земледелием и скотоводством. Принадлежали они королю, церкви, баронам. XII век положил начало бурному развитию многих

ремесленных поселков и превращению их в крупные (по тому времени) города. В конце этого столетия начинается процесс их освобождения.

Обычным условием освобождения была, как и во Франции, покупка вольности. За нее уплачивали ежегодный взнос королю или соответствующему сеньору.

Английским городам особенно повезло в памятное для страны царствование короля Ричарда Львиное сердце. Вечно занятый своими внешнеполитическими авантюрами, он постоянно нуждался в деньгах и находил их, продавая освободительные хартии английским городам.

К концу XIII века большая часть английских городов получила самоуправление, но оно оказалось в руках тех, кто участвовал в выкупе повинностей.

Купеческие воротилы Лондона, например, за особый взнос купили себе право назначать из своей среды старшин - членов городской думы и самого мэра.

3. В Германии наибольших успехов в том, что касалось самоуправления и вольностей, достигли имперские города, то есть те, которые находились под властью самого императора.

В XVI-XVII веках ими станут Гамбург, Бремен, Нюрнберг и др. Все они получили право на собственный суд, издавали свои собственные кодификации права, набирали войско.

Вместе с ними добиваются привилегий большие и богатые города, лежащие на "поповской дороге", как тогда называли реку Рейн из-за церковных княжеств, расположенных на ее берегах. Среди них следует отметить Майнц и Кельн, находившиеся первоначально во власти местных архиепископов.

4. Возвышение пап, с одной стороны, завоевательные походы германских императоров и их попытки подчинить себе Италию - с другой, способствовали ослаблению и раздроблению североитальянских герцогств. Этим немедленно воспользовались старинные и густонаселенные города, основанные еще в эпоху Рима.

Первой среди них - в VIII веке - приобретает самоуправление Венеция; в X веке обособляются Генуя, Лукка и Пиза.

Собственно говоря, начало самостоятельному развитию итальянских городских республик было положено Карпом Великим. И он и его преемники вынуждены были раздавать иммунитетные грамоты сеньорам и епископам Ломбардии (север Италии). Многие города, например Кремона, Модена, Пьяченца и другие, переходили под управление своих епископов и таким образом обособлялись от других городов, становились "городами-государствами".

В XI и XII веках германские императоры, желая получить содействие городов, даруют им особые хартии, в которых предусматривается освобождение от воинских постоев, свободный статус населения, самоуправление. К тем же мерам стали прибегать и папы. Благодаря им наступает возвышение Милана в Ломбардии, ставшего главным противником Германии и первой опорой римского престола.

Как и повсюду в Европе, управление итальянскими городами-республиками оказалось в руках потомственной городской аристократии. Главным органом власти считался обыкновенно городской совет (или собрание присяжных), состоявший из 50-100 членов. Реальная же власть находилась в руках так называемых консулов, то есть городских старшин. Число их было различно и непостоянно. Во главе Венеции и Генуи стояли дожи, обладавшие значительной властью.

Милан, например, управлялся 18-20 консулами. Их избирали граждане на некоем подобии городского собрания. Коллегия консулов подразделялась на консулов-законодателей, консулов-исполнителей (распорядителей) и консулов-судей.

В XIV-XV веках большое значение приобретает Флоренция - самая богатая и самая влиятельная среди североитальянских городских республик.

В XV веке состояние дома Медичи во Флоренции составляло около 10 миллионов долларов в переводе на современную валюту. Для того времени это

был огромный капитал. Даже Людовик XI, король властный и жестокий, счел для себя возможным выйти за две версты, чтобы по достоинству встретить посла Медичи. Все время король стоял перед послом с непокрытой головой.

Три четверти своего капитала Медичи держали за пределами Италии. В одной только Франции у них было 24 отделения банка.

Развитию денежных операций в Италии в значительной степени способствовало то, что папы предпочитали взыскивать причитающиеся им платежи в европейских странах через итальянских купцов, особенно ломбардских.

Здесь же, на севере Италии (впервые в Генуе, в 1346 г.), возникают первые банки (первоначально "меняльные столы" - отсюда и название). Здесь рождается и слово "банкрот" - перевернутый стол.

Флорентийские власти выбирались, но выборы эти были пустой формальностью. Определенное число лиц (как правило, те, которых выдвигал действительный правитель, например, тот же Медичи или та или иная партия, господствующая в городе) вносилось в список для замещения городских должностей. Список составлялся на много лет вперед.

Каждые два месяца (таков был срок полномочий властей) жребии с именами кандидатов доставались из мешка. Тот, чей жребий выпадал, занимал соответствующий пост.

Одни и те же кандидаты занимали поочередно городские должности. Естественным следствием этой порочной практики было то, что народ привык связывать свои надежды на лучшее не с изменением политики, а с перемещением в верхах.

5. Самым важным завоеванием городов было признание свободного состояния за всеми гражданами.

Во Франции вольные города получили название "буржуазных" от слова "бурт" - укрепленный город (праве возводить укрепления было здесь непременным признаком свободы). Никто не мог предвидеть, конечно, какое значение приобретет это слово в дальнейшем. Другим непременным признаком вольного города был свободный рынок. "Если крепостной, - говорилось в городских грамотах, - проживет год и один день в стенах города и если за это время господин не предъявит на него права, то он получает навсегда полную свободу".

Распространенная поговорка гласила: "Воздух города делает человека свободным".

В целях защиты от разбойничьего дворянства, а также для более равномерного несения городских тягот население городов объединялось в союзы. Ремесленники создавали цехи, купцы - гильдии.

Во Франции объединения ремесленников назывались "мастерствами", в Англии - "гильдиями".

Средневековый цех - это союз ремесленников одной и той же профессии, союз мастеров. Каждый член цеха работал у себя на дому. Вмешательство цеха в производственную деятельность было активным и постоянным, но ограничивалось установлением правил и условий производства и продажи товаров, а также контролем за исполнением этих правил.

Слово "цех" порождает нередко совершенно неверные ассоциации с цехом нынешним. Между ними - ничего общего, кроме названия.

Свой "цех" имели и проститутки (в Париже, Франкфурте-на-Майне и других городах).

Внутри цеха не было разделения труда, оно существовало между цехами. Каждый мастер изготавливал товар от начала до конца. Он обязан был уметь сделать сам и весь необходимый ему инструмент.

Каждый цех следил за тем, чтобы никто другой не вторгнулся в его область. Столяр не мог делать замок для шкафа, это было делом слесаря.

Стремясь избежать губительной конкуренции, ибо число заказов было ограничено сравнительно небольшим спросом (деревня почти ничего не покупала на рынке), цехи наблюдали за тем, чтобы ни один мастер не работал дольше обычного времени, не имел большего числа подмастерьев и учеников, чем другие, не покупал большего количества сырья, чем было разрешено уставом цеха, и чтобы качество товара и цена его

соответствовали раз установленному стандарту. И, конечно, совершенно недопустимым признавалось употребление каких-либо лучших орудий труда, рационализация вообще.

Городские власти с особым усердием следили за цехами: за тем, как производился и особенно как продавался товар.

В Англии каждый, кто отказывался продавать товар по установленной для данной местности цене, подвергался наказанию. К позорному столбу выставляли даже за одну попытку запросить больше положенного. Известен случай, когда одного булочника целый день возили по Лондону в клетке за попытку уменьшить установленный вес булки.

6. Возникновение цеховых организаций восходит к XI веку (цех свечников в Париже был создан в 1061 г.). Первое время они были организованы на демократических началах. Члены цеха помогали своим бедным собратьям, давали приданое их дочерям, заботились о достойных похоронах и т. д.

Не существовало и какой-либо дифференциации внутри цеха.

Но все это длилось недолго. Уже в XIII столетии были ведены многие важные ограничения для желающих стать мастерами, если они не были сыновьями мастеров.

От подмастерья, желавшего стать мастером, стали требовать представления шедевра - вещи, изготовленной из самого дорогого материала и по всем правилам искусства. Помимо того, требовалась уплата значительных сумм в пользу экзаменаторов, организация дорогостоящего угощения для членов цеха и пр.

В XII и XIII веках о подмастерьях говорят мало. Различие между ними и мастером еще невелико. Весьма часто держать подмастерье было невыгодно. Мастер и сам работал дома у заказчика и из его материала.

Положение меняется в XIV и особенно в XV веках. На повестку дня впервые в истории встает "рабочий вопрос".

Отношения между мастером и подмастерьем рассматривались как отношения между "отцом" и "чадом". Торговаться об условиях работы подмастерье не мог. Ни продолжительность рабочего дня, ни оплата труда не были предметом обсуждения. Все эти вопросы решались старшинами цеха.

Мастера уже тогда научились сговариваться против своих рабочих. Устав цеха золотых дел мастеров в Ульме предписывал: "Если слуга придет к мастеру и запросит плату выше обычной, его не должен брать в мастерскую ни один хозяин". Рабочий день подмастерья продолжался 11-14 часов. Парижские сукновалы, например, работали с 5 часов утра до 7 часов вечера. В других цехах работа начиналась еще раньше. Городские власти не однажды должны были запрещать начало работы раньше 4 часов ночи (из-за пожаров и плохого качества изделий).

Любопытен следующий факт. Парижские перчаточники пожаловались Людовику XI, что зимой, когда на их изделия больше всего спросу, они не могут работать по ночам. "Благодаря этому, - писали они, - наши ученики и подмастерья предаются праздности... не имея занятия, они проводят время в играх и распутстве и совсем отвыкают хорошо работать". Король разрешил начинать работу в 5 часов утра и заканчивать ее в 10 часов вечера.

Еще худшим было положение учеников. Обычно срок ученичества составлял семь и даже десять лет. Так как ученик не получал плату, эксплуатация его была особенно выгодной, и потому срок ученичества стремились не сокращать, а удлинять.

В борьбе за улучшение своей участи подмастерья прибегали к забастовкам. Мастера отвечали на них репрессиями.

Устав о подмастерьях г. Страсбурга 1465 года предписывал: 1) запрещаются всякие соглашения и всякие союзы подмастерьев; 2) запрещаются все виды стачек и забастовок, а также все виды препятствования штрейкбрехерам; 3) все разногласия с мастером должны разрешаться судом мастеров, и подмастерье должен поклясться, что он подчинится этому решению; 4) при всяком нарушении этих правил никто не может давать подмастерью работу. Устав запрещал подмастерьям под страхом наказания (4 недели тюрьмы) оставаться на улицах позже девяти часов вечера или

находиться в харчевнях (бывших своеобразными клубами того времени) : боялись стовора!

7. Каждый цех, как и купеческая гильдия, имел свой устав, своих старшин (должность эта была пожизненной и даже передавалась по наследству), свой суд. Цех был одновременно и военной единицей, и каждый член его должен был иметь оружие для защиты города.

Заметим, кстати, что именно в городах раньше всего стала складываться регулярная армия, состоявшая из наемников. Ими становились крестьянские сыновья, оказавшиеся "лишними" при разделе имущества, люмпен-пролетариат и др. Эта армия служила за деньги, а значит, тому, кто платил. В Германии их называл. '/, "ландскнехтами". В Италии, служа предводителям-кондотьерам, наемные солдаты были опорой диктатур.

Отношения между цехами были чаще всего враждебными. Боролись за льготы, за место в городском 'управлении. Бедные и слабые цехи ненавидели богатые и сильные.

Особенно острой была борьба между цехами, с одной стороны, и купеческими гильдиями - с другой.

Цеховой строй был закономерным порождением феодализма, и потому мы находим его не только в Европе, но и в Японии, Китае и многих других странах мира.

Глава восьмая

Римско-католическая церковь.

1 Инквизиция

1. Возникнув как религия бедняков и рабов, христианство испытало жестокие преследования со стороны римских властей. Только при либеральном императоре Антонине Пие и его ближайших преемниках -со 138 по 192 годы н. э. - оно выходит из катакомб.

В этот полувековой период и до начала новых гонений христианство сумело добиться значительных успехов. Зарождается христианская литература, ядро которой составили четыре Евангелия, признанные ортодоксальными.

В период гонений немногочисленные христианские общины связывались между собой переходными учителями, "пророками". Их место занимают потом епископы (что значит "хранители", "наблюдатели"), пресвитеры ("старейшины") и диаконы ("служители"). Возникают синоды - собрания епископов. Рождается идея всесветной церковной организации.

В середине III столетия римские императоры вновь начинают преследовать христиан. В 250 году им был предъявлен ультиматум: отказ от религии или казнь. Необыкновенные жестокости по отношению к христианам - сожжение сотен людей, уничтожение храмов и книг - характеризуют правление императора Диоклетиана.

В начале IV столетия, при императоре Константине, христианская церковь снова становится легальной.

Константин ищет у церкви поддержку в своей борьбе за власть. За это церковь освобождается от налогов. Ей разрешается принимать от верующих имущество в виде дарений и по завещаниям, приобретать землю.

В 325 году собрался первый в истории "вселенский" собор христианской церкви - Никейский. Председательствовал на нем сам император (в то время еще верховный понтифик римской языческой церкви; крестился Константин много позже, перед самой смертью).

Осуществляя директиву императора, Никейский собор выработал символ веры, объявил христианскую церковь "вселенской" и "ортодоксальной" (непогрешимой, православной). Там же было произнесено первое осуждение свободомыслия и провозглашен принцип нетерпимости, физического преследования и истребления иноверцев. Только что став легальной, христианская церковь восприняла худшие приемы своих недавних врагов.

На Никейском же соборе в том же 325 году римский епископ был провозглашен единственным патриархом западной половины империи. В восточной ее части патриаршество было разделено между четырьмя престолами: константинопольским, александрийским, антиохийским и иерусалимским.

Вскоре после этого римский патриарх - "папа" приобретает право высшего суда над всеми другими священнослужителями.

Идейным обоснованием нового положения римского епископа послужил тогда же сфабрикованный рассказ о том, что Христос будто бы именно апостолу Петру поручил руководство церковью, а Петр, мол, был епископом в Риме и здесь принял мученическую смерть.

В раннем христианстве на церковь возлагалась обязанность готовить верующих к "будущей", то есть загробной, жизни. Сделавшись господствующей, христианская церковь уже не довольствуется этой ролью. Она объявляет себя способной как вовсе избавлять верующего от адских мук, так и сокращать сроки пребывания в аду.

2. Возвышению римской курии много способствовали франкские короли Пипин Короткий и его сын Карл Великий. В благодарность за услуги, оказанные каролингам, Пипин, а затем и Карл отдали римскому епископу город Рим.

Папство стремилось узаконить дар фальсификацией. Стали доказывать, будто император Константин в благодарность за излечение от проказы подарил папе Сильвестру Рим, Италию и - раз уж на то пошло - все западные страны вообще. Сам же он удалился в Константинополь. Эта фальшивка, от которой критика не оставила камня на камне, до сих пор считается истиной в Ватикане.

Разложение церковного аппарата (клира) вынудило папу Григория VII (XI в.) осуществить важные реформы. Чтобы предотвратить дальнейшее расхищение церковных имуществ, были запрещены браки священников. Вместе с тем была запрещена ставшая обычаем покупка церковных должностей (симония).

В том же XI веке (в 1054 г.) заканчивается разрывом вековой спор римской и константинопольской церковью, каждая из которых настаивала на своем преобладании и своей ортодоксальности. С этого времени ведут свое начало католицизм и православие.

3. Роль католической церкви в феодальном обществе определялась в значительной мере тем, что она была крупнейшим земельным собственником. Во Франции, например, даже и ко времени Великой революции (1789 г.), ей принадлежала одна седьмая часть всей земли. Помимо того, церковь получала десятину, то есть налог в виде десятой части дохода крестьянского двора.

Во многих государствах, особенно в Германии и Италии, католическая церковь располагала территориями, на которых она осуществляла государственную власть.

Церковь была главным представителем той идеологии, которая освящала феодальный порядок.

В XII и XIII веках, будучи на вершине могущества, римский престол вмешивался во внутренние дела государств в качестве высшего судьи и арбитра, могущего "связывать и разрешать". Папы прибегали к отлучению от церкви королей, когда те выходили из подчинения.

Совсем не случайно, что все массовые выступления против феодализма, включая великие крестьянские войны, были неразрывно связаны с критикой господствующей религии, с посягательствами на церковь. Нельзя было, очевидно, ликвидировать феодальный строй, не дискредитировав прежде всего ту силу, которая его оправдывала.

4. Одна из наиболее важных привилегий церкви заключалась в праве на собственную юрисдикцию, на свой собственный суд. Лица, принадлежавшие к церкви, будь то монахи или крестьяне, работавшие на монастырской земле, должны были судиться в церковных судах (за некоторыми исключениями) не только по гражданским спорам, но и по уголовным преступлениям.

Начало особой церковной юрисдикции было положено еще в римскую эпоху. Стоя вне закона, христианские общины должны были сами разрешать споры, возникавшие в их среде, не прибегая ни к закону ненавистных язычников, ни к их презируемым судьям. Эта практика была подтверждена затем в "Послании", приписываемом апостолу Павлу: оно запрещает передавать судебные споры на разрешение "неверных".

На основе весьма неопределенного положения, что все преступления, связанные с грехом, подлежат суду церкви, последняя присвоила себе подсудность по таким преступлениям, как ересь, вероотступничество, колдовство, святотатство (кража церковного имущества, а также насилие над священником), нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета, подделка документов, ложная присяга, ростовщичество.

Поскольку договоры весьма часто скреплялись религиозными клятвами, церковь объявила своей компетенцией область обязательственных отношений, настаивая на том, что всякое обязательство, даже если оно противоречит праву, должно исполняться для спасения души обязавшегося.

В области брачно-семейных отношений христианская церковь вытеснила всякую другую юрисдикцию, сделалась единственным судьей. Она присвоила себе право контролировать распределение имущества между законными наследниками и исполнение завещаний. Из всего этого церковь научилась извлекать немалые выгоды.

Церковь приняла на себя полицейские функции и внимательно следила за тем, как живет ее паства. Достаточно было женщине обрезать себе волосы и надеть костюм, похожий на мужской, как ей уже грозило отлучение. То же самое ожидало всякого, кто решился бы на критику церкви или ее служителей, даже самую малую.

Отлучение состояло из трех стадий: простое отлучение, заключавшееся в лишении церковных благ; лишение гражданских прав, если не исправлялся; наконец, если и это не помогало, запрещение всякого общения с людьми. Для раскаяния давался срок – пока догорит свеча.

Если отлученный не раскаивался, за ним посылала "святая инквизиция" – самое мрачное порождение римско-католической церкви.

5. Инквизиция, то есть особые суды для расправы с "еретиками", вероотступниками и всякими инакомыслящими, была введена католической церковью в XIII столетии.

В 1232 году римский папа распорядился, чтобы всеми делами о ереси занимался орден монахов-доминиканцев.

Доминиканцы быстро овладели искусством преследования всего того, что выходило за пределы их понимания и потому вызывало подозрение. Они обладали для этого всем необходимым: невежеством, фанатизмом, неразборчивостью в средствах.

Тем не менее дело шло туго, пока инквизиция не добилась главного: права пытаться всякого подозреваемого, попавшего в ее руки (с 1252 г.).

Не зависящая от всех местных властей, не признающая иного закона, кроме своего собственного, инквизиция становится грозной силой.

С появлением в том или ином городе инквизитора жителям предписывалось явиться к нему и сообщить о лицах, которых они подозревают в вероотступничестве. Раньше всего имелась в виду новая, городская интеллигенция, в которой церковь не без основания видела "сомневающих и колеблющихся" в вопросах веры. Каждый, кто уклонялся от доноса, объявлялся заранее отлученным от церкви. Можно себе представить, какой размах приняла в этих условиях доносы и каким целям они служили в руках бесчестных людей. Инквизиция могла, впрочем, возбуждать преследование и по слухам. В инквизиционном процессе одно и то же лицо вело предварительное расследование и выносило приговор. Таким образом, вместо проверки доказательств и их оценки суд только подтверждал уже сложившееся мнение.

Отвечая только за мягкость, но не за жестокость, следователь не жалел сил для того, чтобы добиться признания обвиняемого. Все другие методы следствия были менее желательны из-за тех хлопот, которые с ними связаны, и тех гарантий, которые они могли заключать для обвиняемого. Чем каверзней вопрос, чем скорее он мог запутать допрашиваемого, тем считалось лучше.

Если не удавалось добиться быстрого признания, на чем следствие кончалось, прибегали к пытке.

Пытка, конечно, делала свое дело, тем более что инквизитор не был связан ни способом ее, ни временем. Он начинал пытку на любой стадии процесса и оканчивал ее, когда находил нужным или когда добивался признания, или когда его жертва умирала, не вынеся мучений. При этом в протоколе пытки непременно указывалось, что в случае, если у пытаемого "сломаются какой-либо орган" или он умрет, то будет виноват сам.

Понимали ли инквизиторы, что пыткой можно добиться ложного вынужденного признания? Без сомнения. Но им было нужно создать обстановку всеобщего ужаса, позволяющего властвовать неограниченно. Один из самых жестоких гонителей духа, Конрад Марбургский (XIII в.) считал, что лучше убить 60 невинных, чем дать ускользнуть одному виновному. Этот инквизитор послал на смерть сотни людей по простому подозрению.

Пытка развращала и самих судей. Она лишала их человеческих чувств, жестокость становилась привычкой.

За "признанием" следовало так называемое примирение с церковью, заключающееся в отпущении грехов. Обвиняемый должен был подтвердить протокол допроса, указав непременно на то, что сделанное им признание является добровольным, а не вынужденным (после пытки).

При отказе это сделать, равно как и при изменении показаний, данных на следствии, обвиняемый признавался вновь (и на этот раз окончательно) "отпавшим" от церкви, за что уже безусловно подлежал сожжению живым.

Никакой защиты обвиняемый практически не имел. Если прибежали к свидетелям, ими оказывались одни монахи-доминиканцы. Для обвинительного приговора достаточно было показаний одного свидетеля.

Признание помогало избежать сожжения на костре, но обрекало на пожизненное заключение. Отрицание вины вело на костер. При этом считалось, что церковь не проливает крови". Судоговорение было, как правило, тайным, сопровождалось мрачным, наводящим ужас ритуалом.

Оправдание было редкостью, но и в этом случае человек заносился в разряд подозрительных, и жизнь его до самой смерти обставлялась тяготами. Новое подозрение - и уже ничто не могло спасти его от тюрьмы или мучительной смерти.

В Испании первый трибунал инквизиции был создан в 30 году. За первые же 20 лет он послал на костер 9 тысяч человек и еще 7 тысяч приговорил к сожжению заочно. При тогдашней малочисленности населения это огромные цифры.

С развитием буржуазных отношений религиозные преследования принимали все более неприкрытый политический характер. Ими пытались бороться не столько с критикой религии, сколько с критикой феодализма, желанием перемен, тягой к образованию, к свободе мысли и слова.

Среди политических процессов, принявших религиозную оболочку, особенно выделяется суд на Жанной д'Арк, девушкой из народа, героиней французского сопротивления английской интервенции в Столетней войне между Францией и Англией (XV в).

Захваченная в плен французскими рыцарями, выступавшими в союзе с англичанами, она была куплена последними и выдана для суда продажному французскому духовенству. Судьями были назначены профессора парижского университета, епископы, монахи. Это был церковный трибунал. Жанну обвиняли в ереси, в том, что ее пророчества и "чудеса" исходят от дьявола, с которым она находится в связи. Чтобы добиться признания, ее запугивали на тайных допросах, в суде и темнице, где она находилась; ответы, носившие оправдательный характер, не заносились в протокол. Показания Жанны намеренно искажались, при этом спекулировали на ее наивности, неграмотности, неспособности разобраться в схоластических тонкостях.

Допросы длились несколько недель. Всем, кто пытался выступить в ее защиту или подать ей благой совет, грозили смертью. 24 мая 1431 г. ей объявили приговор: сожжение.

Тогда впервые Жанна сдалась. Почти помешавшись от страданий, она заплетающимся языком произнесла отречение. Ее приговорили к заключению "на хлебе печали и воде огорчения".

Англичане добились публичной дискредитации Жанны, но они хотели еще и ее смерти.

Против Жанны было выдвинуто обвинение в том, что она ходила в мужском платье. У нее вынудили клятву никогда больше не надевать его. Затем, чтобы обвинить ее в нарушении клятвы и новом "отпадении", ей подсунули ночью мужское платье и отняли женское. Новое обвинение придало Жанне силы. Она отказалась от своего отречения, объявила себя невиновной и не пожелала идти ни на какие уступки. Этого и добивались судьи.

30 мая ее посадили в телегу, повезли на площадь, где уже был заготовлен костер. На нее надели шапку осужденной. Пламя вспыхнуло, и Жанна погибла.

В 1456 году по просьбе матери Жанны, а главное для того, чтобы по возможности смыть позор этой казни, французское духовенство пересмотрело приговор, и Жанна была признана невиновной. В 1894 году церковь признала ее "блаженной", а еще позже - "святой".

На кострах инквизиции сторели выдающиеся представители науки и культуры, национальные деятели, выступавшие в защиту народных интересов, такие, как Ян Гус и Джордано Бруно.

Ян Гус был арестован за выступления, имевшие целью реформацию церкви и религии на демократических началах. Его поместили в камере, находившейся рядом с клоакой. Над ним издевались при допросах. Приговор был написан еще до окончания следствия. Много раз Гусу обещали помилование за одно только слово отречения, но безуспешно. Человек необыкновенного мужества и верности убеждениям, он, уже стоя на костре, отказался от помилования на этих условиях.

Его раздели, привязали цепями и веревками к столбу. На голову нацепили бумажный колпак. Вокруг были два воза дров и солома. Когда пламя вспыхнуло, он стал читать молитвы. Земля и зола под костром были выкопаны и брошены в Рейн.

Преследуя других за отступление от догм христианства, сама церковь погрязла в разврате, особенно ее прелапы, включая самих пап. Паразитизм и невежество духовенства сделались предметом общего осмеяния. Так называемое безбрачие служило только прикрытием безответственности духовенства за последствия связей с женщинами. Самые "священные" догматы стало возможным обойти за деньги. Деньги же приносили "отпущение грехов".

Глава девятая Абсолютная монархия

1. В XV и XVI столетиях в странах Западной Европы складываются абсолютные монархии. Наступает последний период истории феодализма. Предпосылки абсолютизма коренятся в социально-экономических переменах, вызванных зарождением и развитием буржуазных отношений.

Европейская промышленность (главным образом английская, французская, нидерландская) вступила в эпоху технического перевооружения. Входит в жизнь колесо, приводимое в движение энергией свободно падающей воды, появляется механическое дутье в металлургии, совершенствуется ткацкий станок, возникает книгопечатание и т. д. Мелкое производство сменяется более крупным. На смену мастеру, создающему изделие от начала до конца, приходит мануфактурное производство, а значит, и техническое разделение труда.

По мере накопления капиталов предпринимательская верхушка городов складывается в класс буржуазии.

Возникают крупные состояния. Получают развитие банки и общегосударственные ярмарки. Созданная при Людовике XI Лионская ярмарка становится на некоторое время денежным центром для всей Западной Европы.

В 1531 году в г. Антверпене построили уже настоящую биржу для операций с денежным капиталом. Спустя немного времени, в 1555 году, во Франции был проведен первый заем по подписке. Успех его был огромен, что свидетельствовало о наличии, преимущественно у буржуазии, значительных сбережений, могущих быть вложенными в промышленность и торговлю. Заем предусматривал правильное погашение облигаций, был обеспечен солидным процентом.

По мере роста богатств, сосредоточенных в руках все той же буржуазии, возрастало ее значение в феодальном обществе. Благодаря существовавшей в ряде стран (в Англии, во Франции) покупке должностей многие представители ее проникают на важные посты в финансовое и судебное ведомства. Самые способные (и ловкие) становятся нередко советниками королей.

Недаром негодует английская знать, видя короля Генриха VIII окруженным "проходимцами без роду, без племени", а аристократически утонченный герцог Сен-Симон не находит для советников Людовика XIV другого слова, кроме как "подлая буржуазия".

Таким образом, если раньше, в период развитого феодализма, монарх был и оставался "самодержцем" лишь в отношении собственных вассалов и тем более крестьян, то теперь, в новые времена, с появлением относительно развитых ремесел и торговли, а следовательно, и новых источников дохода, могущего пополнять королевскую казну, картина резко меняется.

Теперь, располагая казной, могущей обеспечить содержание достаточных военных сил и вместе с тем всеохватывающего бюрократического аппарата, короли, говоря словами М. Покровского, могли покупать услуги вместо того, чтобы выпрашивать их у вассалов.

И таким образом, буржуазия, пополняя государственную казну, позволила монарху содержать – независимо от вассалов – наемную армию и наемное же чиновничество, возвыситься до положения самодержца или, говоря иначе, монарха, обладавшего абсолютной властью в отношении всех своих подданных, включая феодалов, несмотря на то, что эти последние еще долго будут оставаться привилегированным классом, занимать – но уже не безраздельно – высшие государственные должности и т. д.

Говоря о Франции, такого рода ситуация возникает после того, как Генеральные штаты, подчиняясь королевскому давлению, разрешили, как уже говорилось. Карлу VDJ взимать налоги по своему усмотрению (1439 г.).

2. По сравнению с теми успехами, которые обнаружились в развитии промышленности и торговли, сельское хозяйство европейских стран, обремененное феодальными путами, оставалось на низком уровне. Голодных годов было больше, чем благополучных.

Со времени сословной монархии основной среди многих крестьянских повинностей становится уплата денежного чинша. В свое время он значительно увеличил доходы помещиков. Затем наступило падение стоимости денег (так называемая революция цен), и твердо фиксированный чинш стал приносить меньше дохода.

Отказавшись от собственной запашки, значительная часть дворянства сдавала землю крестьянам на условиях аренды.

В Англии и северной Франции аренда была долгосрочной, а уплачиваемый помещику взнос был твердо установленным, не зависевшим от урожая. На юге Франции аренда земли была краткосрочной. Здесь крестьянин-арендатор обязан был отдавать половину урожая.

В первом случае терял большей частью крестьянин, ибо урожаи были чаще плохими, чем хорошими. Во втором – и помещик, потому что арендатор, стремясь уменьшить его долю, высевал минимум того, что мог.

Теряя на чинше, помещики вознаграждают себя другими сборами, основанными на феодальном праве, отбирают у крестьян общинные земли, поощряют государство к увеличению налогов, чтобы воспользоваться ими через посредство всякого рода должностей, не требующих труда и не связанных с обязанностями (так называемые синекуры).

С возвышением монархии дворянство утрачивает свое прежнее значение. Прекращают существование независимые и полунезависимые феодальные сеньории. Управление, законодательство, суд сосредоточиваются в руках правительства и администрации короля.

Монархия продолжает оставаться дворянской, но уже не может существовать без опоры на буржуазию и особенно без тех денег, которые она ей приносит в виде налогов, пошлин и пр. Экономическая политика монархии не исключает уже поощрения промышленности и торговли. Для некоторых периодов истории Франции и Англии эта политика является доминирующей.

Всем этим определяется своеобразие эпохи. Дворянство, уступая буржуазии в богатстве и образованности, тем с большей энергией держится за свои привилегии. Ненавидя и презирая всех этих "новых богачей" и наживал, оно не может обойтись без них. Буржуазия, богатая и образованная, тяготеет к феодальным порядкам, недовольна своим политическим положением, но еще не созрела для революции.

Устанавливается весьма своеобразное для классового общества равновесие сил двух одинаково эксплуататорских и все же очень разных классов - буржуазии и феодального дворянства. Воспользовавшись этим равновесием сил, государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам. "Современная историография, - пишет Маркс, - показала, что абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой".

3. Свое наиболее полное осуществление принципы абсолютной монархии находят во Франции. Постепенно усиливаясь, короли Франции добиваются для себя и своей администрации: а) полного контроля над всеми провинциями; б) неограниченной компетенции в издании законов и указов, обязательных для всего государства, включая законы о налогах и военной службе.

Приходит конец автономии городов. Перестают созываться генеральные штаты. Прекращает действие сеньориальная юстиция.

В начале XVI века в полную зависимость от короля попадает и церковь: все назначения на церковные должности исходят от короля.

Полное торжество неограниченной монархии во Франции было подготовлено реформами многоумного министра, управлявшего страной при незначительном Людовике XIII, - кардинала Ришелье (первая половина XVII в.).

Аристократ по рождению, Ришелье не останавливался перед казнями и конфискациями для того, чтобы сломить последнее сопротивление знати.

Справедливая в своей основе, мысль К. Маркса нуждается в уточнении: "переходный период", о котором пишет К. Маркс, завершается в конце концов однозначно: победой буржуазии и ликвидацией феодальных порядков.

Важнейшая из его реформ заключалась в упрочении положения и расширении компетенции назначенных из центра чиновников, стоявших во главе провинций. В руки этих, как они назывались, "интендантов полиции, юстиции и финансов" были отданы сбор налогов и податей в пользу казны, командование местными вооруженными силами и набор в армию, руководство местной полицией.

Маркиз д'Аржансон, занимавший одно время должность первого министра, писал: "Знайте, что французское королевство управляется тридцатью интендантами. У нас нет ни парламента, ни штатов, ни губернаторов: от тридцати интендантов, поставленных во главе провинций, зависит счастье или несчастье этих провинций".

Но в том-то и дело, что ни парламент (в качестве высшей судебной инстанции), ни губернаторы, ни даже местные штаты (провинциальные собрания) не были уничтожены. Д'Аржансон хочет сказать, что всех их затмили интенданты.

Интендантами намеренно и сознательно назначались лица незнатного происхождения. Они, как правило, были чужими для провинций, которыми управляли. Должности интендантов, в изъятии из общего правила, не продавались.

В то же время Ришелье, как это видно из его "Завещания", заботит мысль о привилегиях дворянства, и он не сомневается в их необходимости. На офицерские должности, например, он советует назначать только дворян. Все, что он делает против дворян как отдельных лиц, он делает для них как для класса, господство которого желает сохранить. Как оказалось, ненадолго.

4. Сыграв в течение известного времени положительную роль в мировом историческом процессе, абсолютные монархии довольно быстро разложились,

превратились в глубоко антиобщественную, реакционную силу. Французская монархия не составляла исключения из этого правила.

Государственная власть со всеми ее атрибутами сосредоточивается в руках короля. Единственным основанием ее является формула "поелику таково наше соизволение".

Раболепный парламент заявляет королю Франции: "Мы хорошо знаем, что вы выше законов и ордонансы не имеют для вас обязательной силы". В следующем столетии тот же парламент поведет себя совсем иначе.

Не только законы страны, но и ее финансы находятся в полном распоряжении короля.

Людовик XIV и его преемники превратили французский бюджет в источник финансирования своих безумных трат. Один только Версаль, ставший королевской резиденцией, стоил нескольких годовых бюджетов. То, что оставалось от расходов на содержание двора, шло на щедрые подачки дворянам, окружавшим короля и бесконечно интриговавшим в надежде приблизиться к его особе.

Управление страной сосредоточено во дворце. Его осуществляет королевский совет. Члены его назначаются и смещаются королем. Они ответственны только перед ним. Решения совета утверждаются королем.

Не будучи специалистом ни в одной из областей управления, король распоряжается всеми ими. Между тем воспитание его – это по большей части воспитание в нем предрассудков его класса. Его окружение, его царедворцы – по большей части карьеристы, вымогатели, интриганы и льстецы. Определение политики весьма часто зависит от этих людей, диктуется их своекорыстным частным интересом. Отнюдь не второстепенным фактором, наконец, являются капризы любовниц, без которых невозможно нарисовать историю Людовика XIV и его преемника.

Зависая от воли суверена и не будучи способным определить, какой она будет завтра, лавируя среди бесчисленных клики и влияний, министры, даже и компетентные, лишены действительного значения, не могут проводить сколько-нибудь собственную политику. Еще меньше инициативы проявляет чиновник. Держась за место и ища повышения, он хочет одного: быть простым исполнителем воли правительства, которое воплощено для него в образе монарха.

Характеризуя эту систему, французский историк Токвиль пишет: "Чтобы всем руководить в Париже необходимо было изобрести тысячи способов контроля. Размеры переписки ужа громадны, а медленность административной процедуры так велика, что я никогда не встречал случая, когда приход получал бы разрешение починить колокольню или дом священника раньше чем через год после подачи просьбы".

Безынициативность чиновника не исключает произвола в его действиях: он отвечает только перед тем, кто наверху, и может не считаться с тем, кто внизу. Тем более что произвол начинается сверху, исходит от самого короля.

Тот же Версаль строился солдатами и крестьянами, которых незаконно согнали на "королевскую барщину". Смертность среди рабочих была ужасной: "Каждую ночь увозят телеги, загруженные трупами" (м-м Севинье).

Заслуживает особого упоминания акт 1692 года, которым Людовик XIV объявил продажными все те городские должности, которые до того считались выборными. Сделано это было единственно в финансовых целях, хотя и прикрывалось "высокими материями". Городам было разрешено, впрочем, выкупать эти должности, что и было сделано. За 80 лет правительство 7 раз объявляло эти должности продажными и столько же раз заставляло их выкупать.

Особым произволом сопровождалось взыскание налогов. Размер основного налога – тальи – не был твердо установлен и каждый раз зависел от усмотрения сборщика. Легко представить, к каким это вело злоупотреблениям. Сбор налогов превращался обыкновенно в военную кампанию: полиция арестовывала, войска стреляли.

Для заточения в тюрьму не требуется законной формы. Достаточно королевского приказа.

При Людовике XIV вошли в употребление открытые бланки, содержащие формальный приказ об аресте, подписанный королем. Распоряжались ими высшие сановники. Достаточно было написать на бланке фамилию, и тот, кто ее носил, обрекался (без суда) на бессрочное тюремное заключение.

При этом ни малейшего значения не имел вопрос о виновности. Достаточно было того, что власти находили арест необходимым.

На основе права эвокации члены королевского совета в центре, интенданты на местах могли изымать из ведения судов любые дела, уголовные или гражданские, и принимать их к своему производству. Точно так же они могли пересматривать уже состоявшиеся приговоры и решения. После многих веков размежевания управление и суд оказались снова соединенными в руках администрации и, как всегда, к невыгоде для правосудия.

Уверовав в свою непогрешимость, сделав неписанным символом правления знаменитое "государство - это я", Людовик XIV возобновляет преследования протестантов и всех тех, кто выступал против правительственной системы "водить мысль на веревочке". Десятки тысяч людей вынуждены были покинуть Францию.

Как и другие самодержавные правители, Людовик XIV питал страсть к теории. Все сводилось, однако, к личности самого короля. "Нация во Франции, - писал он, - не составляет самостоятельного тела, она целиком заключается в особе короля". Ему вторит епископ Боссюэ: "В воле короля заключается воля всего народа".

По отношению к особе короля создается неслыханный церемониал. Каждый его шаг, каждое его слово становится предметом особого священнодействия. Нельзя читать без отвращения о всех этих бесконечных представлениях, которыми обставлено вставанье, одеванье, умыванье, первый, второй и прочие "выходы" короля, его завтраки, обеды и т. п.

А уж какими предосторожностями обставлялась жизнь монарха!.. Говядину его величества несли два гвардейца во главе с метрдотелем, и еще два гвардейца не должны были никого подпускать к ней. За стакан воды для короля отвечало (и на том кормилось) не менее 5 человек.

Оказывается, во всем этом - особый смысл. "Грубо ошибаются те, - писал Людовик XIV, - которые думают, что это простые церемонии. Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят по внешности и большей частью соразмеряют свое уважение и послушание с местом и чином... важно также, чтобы тот, кто управляет один, был так возвышен над остальными, чтобы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать или сравнивать".

Никогда еще французский крестьянин и французский подмастерье не жили так плохо, как в период наибольшего блеска абсолютной монархии. Уже при Ришелье крестьянин, по утверждению самого министра, был "ободран до костей". Людовик XIV и его преемники следовали примеру Ришелье.

Главной опорой режима была, как и в прежние времена, армия. Но никогда еще регулярная армия не была столь многочисленной, не требовала столько денег.

Набиралась она по жребию из крестьян и горожан, а командовали ею дворяне.

В середине XIV века, после битвы при Креси (1346 г.), наступает конец старому рыцарскому ополчению и старой военной тактике. В этой битве англичане выставили против дворянской кавалерии французов регулярную пехоту и (впервые) пушки. Победы англичан сыграли важную роль в истории военного искусства последующих веков.

4. Переход к абсолютной монархии в странах Западной Европы характеризовал значительное усиление крестьянского сопротивления помещикам и церкви? Особенно хорошо это видно на примерах из английской и немецкой истории,

В течение XIV столетия в Англии обнаруживается тенденция к увеличению трудовых повинностей крестьян и одновременно с тем к более широкому использованию наемных рабочих. Однако после эпидемии чумы (1348-1350 гг.) рабочих рук стало мало, цены возросли и соответственно с тем

обнаружилось стремление к получению более высокой заработной платы. Против этого со всей решительностью восстал английский парламент.

Поддерживая и фактически поощряя разорение тысяч людей в деревне, правительство преследовало их в городе. Под угрозой тюрьмы, клеймения и объявления вне закона предписывалось, чтобы все, кто не имеет земли и работы, нанимались за плату, размеры которой, раз установленные, не могли повышаться.

Время налогов было непосильным, а между тем в 1380 году размер поголовного налога был увеличен в три раза.

Волна крестьянского негодования вылилась в восстание, известное под названием восстания Уота Тайлера.

Программой восстания могла бы служить знаменитая проповедь Джона Болла: "Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?" Болл требовал перебить всех знатных людей, а вслед за тем "законоведов, судей и присяжных".

На пути к Лондону крестьяне руководствовались этой программой. В самом Лондоне, когда он был взят, восставшие разрушили великолепный, славившийся на всю Европу дворец ненавистного Ланкастера, а вместе с ним тюрьму, дома ее начальника (маршала) и тех законоведов/которых они знали.

Заслуживает быть отмеченным при этом то высокое чувство законности и справедливости, которое движет крестьянами: когда восставшие заметили, что один из них положил за пазуху кусок серебра из богатств герцога Ланкастера, они тотчас бросили виновного в огонь. "Мы ревнители права и справедливости, а не воры и разбойники", - говорили восставшие.

Крестьяне заставили короля принять их требования, но излишняя доверчивость (плюс отсутствие должной организации) погубила плоды победы.

Король Ричард дал грамоту: "Знайте, что по особой нашей милости мы отпускаем на волю всех верных подданных наших, освобождаем от всякого рабства и обеспечиваем им это настоящим письмом".

Руководители и сами крестьяне поверили королю, его слову, его грамоте, скрепленной большой печатью. Им и в голову не приходило, что грамота может быть клочком бумаги и что выдали ее для того, чтобы рассеять доверчивых людей по домам.

Обманом и предательством король и его дворяне победили там, где было бессильно их оружие. А затем, как обычно, начался террор.

Крестьяне были разгромлены, их вожаки убиты, но недовольство осталось. В 1450 году оно с новой силой проявилось в восстании Джека Кэда.

Теперь уже и знать, и церковь, и богатые, и горожане ищут спасения в сильной королевской власти.

В некоторой степени английскому самодержавию помогла война Алой и Белой роз. Война эта, названная по гербам партий, велась между двумя главными претендентами на престол Ланкастерами и Йорками. В ходе войны была истреблена почти вся старая знать Англии. Осталось что-то около 25 фамилий. Таким образом были устранены основные противники абсолютизма.

Начало английского абсолютизма восходит к XV, его расцвет - к XVI столетию. На престоле находится династия Тюдоров - победительница в войне Роз.

5. По сравнению с классическим французским абсолютизмом абсолютизм английский обладает тремя важными особенностями: а) продолжает существовать парламент; б) сохраняется, как и в прежнее время, местное самоуправление; в) вооруженные силы, особенно армия, остаются немногочисленными.

Исходя из этого английский абсолютизм характеризуют обычно как незавершенный.

Доискиваясь причин, которые позволили сохраниться парламенту, следует обратить внимание на ту своеобразную часть английского общества, которую стали именовать "новым дворянством".

Старинные английские законы обязывали всякого свободного землевладельца, состояние которого достигало 20 фунтов стерлингов,

покупать рыцарский патент, становиться дворянином. Мера эта преследовала финансовые цели, но привела к далеко идущим последствиям.

Значительная часть городской торгово-промышленной буржуазии, не оставляя своих занятий, переходила в дворянство.

Обратный процесс происходил в среде рыцарства. С тех пор как оно превратило свои поля в пастбища для овец и стало торговать шерстью, его интересы стали сближаться с интересами купцов. Рыцари вступали в торговые компании, роднились с богатыми городскими фамилиями.

Обе эти группы и составили так называемое новое дворянство. Немаловажное значение для формирования нового дворянства имела система майората, издавна существовавшая в Англии. По этой системе феодальное поместье переходило старшему сыну. Его братья должны были искать себе занятия на стороне - на государственной службе, принимая духовный сан, покупая офицерский патент или, что было нередко, внося пай и тем самым вступая в купеческие корпорации (гильдии).

Общность интересов буржуазии и нового дворянства усиливала парламент, мешала его уничтожению. Известное значение имело, конечно, и то, что по сравнению с генеральными штатами парламент был гораздо более укоренившимся учреждением с установившейся компетенцией.

Те же причины способствовали сохранению местного самоуправления. Нелишне помнить, что английское самоуправление не стоило денег, ибо все его должности были бесплатными. Для английской казны, вечно испытывавшей недостаток в средствах, это обстоятельство было немаловажным.

Островное положение Англии объясняет немногочисленность и слабость ее армии. В прошлые времена оно было важной гарантией безопасности.

Верховное управление делами страны король Англии осуществлял через свой Тайный совет. Члены его назначались королем и только перед ним (а не перед парламентом) несли ответственность. Они объединялись комитетами, имевшими определенную компетенцию.

Для политических преследований существовал особый трибунал, названный "Звездной палатой". Здесь не действовали общие нормы судопроизводства, применялись пытки.

Преследование за религиозные преступления относились к компетенции Высокой комиссии.

Парламент созывался редко. Между его решениями (статутами) и приказами короля (ордонансами) не было юридического различия. Те и другие имели равную силу.

В местном управлении господствовал мировой судья - местный помещик (сквайр). Эти, как их называли, "тюдоровские слуги для всех дел" не только судили за преступления и разбирали тяжбы. Они устанавливали размеры зарплаты для своей местности, применяли закон о бедных и пр.

Наряду с судами "общего права", как стали называться уже упоминавшиеся выше суд королевской скамьи и суд общих тяжб, появляются так называемые суды справедливости. В их компетенции находились те гражданские иски, которые не могли быть заявлены на основе общего, прецедентного права, как оно сложилось в практике вестминстерских судов. Возникновение права справедливости вызывалось развитием буржуазных отношений в Англии, заморской торговли, породившей, помимо прочего, страхование судов от аварий и т. д.

Французский исследователь Р. Давид справедливо указывал на следующее обстоятельство: суды общего права не могли принудить контрагента по договору исполнить в натуре принятое им на себя обязательство; все, что эти суды могли сделать, заключалось в присуждении убытков, вызванных неисполнением договора. Обращаясь же к суду справедливости (канцлера), истец мог получить предписание о принудительном исполнении договора, что должно было иметь большое значение для утверждения важнейшего из принципов буржуазного обязательственного права - принципа обязательности исполнения договоров.

Поначалу король разбирал подобного рода дела из "милости", а затем, когда их стало много, поручил разбирательство канцлеру, которому поневоле пришлось обратиться к "естественному" и римскому праву (из которого

черпалось основание для разбирательства исков по "справедливости" и "доброй совести").

К судам справедливости относят и суд адмиралтейства, в ведении которого оказались все те дела, которые были связаны с мореплаванием (фрагт судов, исполнение обязательств, пиратство и т. д.).

Практика судов справедливости оказала важное влияние на все последующее законодательство.

6. Политическая раздробленность Германии, закрепленная "Золотой буллой", удерживалась в течение последующих веков. Абсолютизм развивался и как абсолютизм областной, .княжеский, но не общегосударственный. Эта закономерная тенденция была усилена двумя новыми факторами: Крестьянской войной 1525 года и Тридцатилетней войной 1618-1648 годов.

Крестьянская война 1525 года была самым крупным антифеодальным движением средних веков. Ее причины лежат в усилении гнета, вызванном развитием товарно-денежных отношений, безудержным стремлением помещиков добыть деньги. "Барщина, чинши, поборы, пошлины при перемене владельца, посмертные поборы, охранные деньги и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные договоры. В правосудии отказывали, да и суд был продажным, а если рыцарь не мог получить денег от крестьянина каким-либо иным способом, то он попросту бросал его в тюрьму и принуждал платить выкуп".

К этому следует добавить десятину в пользу церкви, налоги в пользу князя, военные подати, общеимперские налоги. Много времени отнимали обязанности "личного" характера (собирать для господина солому, землянику, улиток, рубить дрова и др.).

Право собственности господина простиралось, замечает Энгельс, на личность самого крестьянина, его жену и детей. В любой момент крестьянина могли бросить в темницу, где его ждали пытки. Господин был волен обезглавить его, если хотел.

Программа восставших, выраженная в так называемых 12 статьях, была в общем умеренной. В ней выдвигались требования возвращения общинных земель, справедливого суда, уничтожения крепостной зависимости, ограничения (но не уничтожения) чрезмерных оброков, барщины и личных повинностей.

Война внесла существенные коррективы в эту программу. Наученная опытом, революционная часть крестьянства перестала надеяться на соглашение с угнетателями. Помещичьи замки уничтожались в огне пожаров, а их владельцы погибали под ударами крестьянских мечей.

Одним из наиболее значительных моментов войны была революция в городе Мюльхаузене, вождем которой был Томас Мюнцер. Восставшие устранили патрицианский совет. Власть перешла в руки городских низов. Была провозглашена общность имущества и одинаковая для всех обязанность трудиться. Программа Мюнцера заключала в себе благородные цели, но ее осуществление оказалось невозможным ни для XVI столетия, ни для всех последующих, включая двадцатое.

Война окончилась поражением крестьян. Исход ее оказался выгодным для одних только князей: их войска сыграли главную роль в подавлении крестьян. И дворянство, и церковь понесли огромные потери и теперь вынуждены были признать самодержавие князей.

Тридцатилетняя война, вызванная успехами протестантизма в Германии, довершила полное торжество князей. Заключивший войну Вестфальский мир подтвердил "Золотую буллу" и отстранил императора от вмешательства во внутренние дела княжеств.

Рейхстаги и ландтаги, и до того не имевшие значения, совсем перестали созываться.

Абсолютная монархия во Франции и Англии способствовала экономическому и политическому сплочению провинций, образованию наций.

Германский абсолютизм не сделал ни того, ни другого. С самого начала он играл в общем реакционную роль, надолго затормозив буржуазное развитие Германии.

7. Среди массы германских государств (около 300) наибольшее значение приобрели Пруссия и Австрия.

Пруссия, территориально выросшая со времени Тридцатилетней войны, в XVIII веке превратилась в королевство. По особенностям существовавшего здесь политического режима прусское государство называют полицейским.

Более чем где бы то ни было в Европе, в Пруссии установилась всеобъемлющая опека полиции и чиновничества над всеми явлениями общественной и частной жизни.

Закон вторгался во все: предписывал способы и количество товаров, время работы и торговли, указывал, где должна стоять лампа в гумне и доме, сколько бутылок вина допустимо на крестьянской пирушке, какое приданое должно быть дано невзрачной и пр.

Политическая юстиция отправляла на смерть и на каторгу тысячи людей без сколько-нибудь законной процедуры. И так как этим целям недостаточно хорошо служили суды, были изобретены специальные комиссии.

Шпионство и доносы приняли массовый характер. С их помощью делали карьеру одни, другие, слабые и ничтожные, искали в них спасения и безопасности. Все значительное было оттеснено или ушло само от общественной жизни. Галеры и каторжные тюрьмы поглотили лучших.

Проникнутые кастовым духом, бесконтрольные в своем отношении к народу, чиновничество и офицерство были главной опорой этого режима.

Со всех сторон, писал Кант, слышалось: не рассуждайте, а верьте (священник), не рассуждайте, а платите (советник финансов), не рассуждайте, а маневрируйте (офицер). "Не ученость, а палка" сделалось девизом.

Немецкие короли, герцоги, графы и пр., игравшие роль правителей на тронах, эта, по выражению одного немецкого историка, "галерея преступных молодцов" была достойным украшением "священной навозной кучи Германской империи". Один из них оставил после себя 74 внебрачных ребенка, о другом известно, что он в угоду любовнице и для потехи расстреливал трубочистов на крышах (нравилось наблюдать, как они падают) и т. д.

8. В иные периоды насквозь прогнившую систему подправляли реформами, большей частью декларативными. Это так называемый просвещенный абсолютизм.

Этим термином обозначают обыкновенно такую форму и одновременно такую политику абсолютных монархий, которая характерна для стран со слабо и медленно развивавшимися капиталистическими отношениями (Пруссия, Австрия, Россия, Скандинавские страны).

Суть политики просвещенного абсолютизма заключалась в стремлении правящих феодальных классов предотвратить революционные изменения путем реформ и уступок, поскольку они не затрагивают основ феодальных общественных отношений и феодального государства. Реформы должны были смягчить противоречия, вызванные разложением феодализма, проникновением буржуазных отношений, борьбой крестьянства за землю и против крепостничества.

Как и всякие реформы такого рода, реформы просвещенного абсолютизма могли иметь в отдельных случаях (и отдельных странах) некоторое прогрессивное значение. Однако своих целей - приспособления феодальных отношений к новой экономической и политической ситуации - они не достигли.

Свое наиболее яркое проявление просвещенный абсолютизм находит в Австрии - самом большом для того времени из государств Германской империи. В состав Австрии, король которой удерживал за собой титул императора Германии, входили насильственно присоединенные славянские земли (и среди них Чехия, Словакия, Хорватия, Словения, часть Польши), а также Венгрия.

Австрийский просвещенный абсолютизм нашел свое выражение в реформах королевы Марии-Терезии и еще больше - ее сына Иосифа II (XVIII в.). Иосиф II осуществил ряд мер, имевших целью централизовать государственное управление и суд, упорядочить право (особенно уголовное).

Ограниченный характер имела реформа, предписывавшая освобождение крестьянства от крепостной зависимости. Освобождение крестьян осуществлялось без наделения их землей. За пользование помещичьей землей крестьяне должны были нести прежние феодальные повинности. Последующим законодательством они были несколько ограничены, а барщина вовсе отменена.

Ввиду сопротивления дворянства и церкви Иосиф II должен был отменить часть своих реформ, особенно в области государственного управления. Та же участь постигла и реформы, касавшиеся положения крестьян: при жизни Иосифа II помещики их саботировали, а после его смерти попросту перестали с ними считаться.

9. Наиболее уродливые формы абсолютизм принимает в Испании. Здесь он причинил наибольший вред.

Каким бы ни было самодержавие во Франции или Англии, оно - по крайней мере в лучшие свои периоды - благоприятствовало развитию промышленности и торговли. В той или иной мере оно ограничивало дворянское самовластие в пользу общегосударственных институтов.

В Испании все было наоборот. В угоду своему дворянству монархия препятствовала развитию промышленности и торговли.

Разведение овец и вывоз шерсти были сделаны исключительной привилегией дворянства. Оно подчинило себе всю внутреннюю торговлю, установило контроль над промышленностью, наживаясь на регламентациях и ограничениях. Реформой 1538 года представители городов были изгнаны из кортесов.

Уже в XVI столетии испанская промышленность и торговля оказались не в состоянии конкурировать с нидерландской и английской промышленностью.

Выселение арабов и евреев, проведенное вследствие религиозной нетерпимости, подорвало шелководство и денежный рынок.

Разведение овец уничтожало пашенное земледелие. Тысячи крестьян устремились в города. Началась массовая эмиграция, особенно в американские колонии.

На чем же выросла испанская абсолютная монархия и на чем держалась? Главным образом на колониальном грабеже, который с такой последовательностью осуществлялся в Мексике и Южной Америке, в богатых Нидерландах, отчасти в Италии, подпавших под гнет Испании. Приток золота сделал монархию менее зависимой от городов. Господство за рубежом примирило дворянство с самодержавием, заставило поддерживать его, тем более что самодержавие сохранило все привилегии знати.

Но как только приток золота из-за границы стал ослабевать, как только Нидерланды начали борьбу, требуя независимости, наступил неизлечимый кризис экономики и политики государства, в котором "никогда не заходило солнце".

Испанский король Филипп II (XVI в.) вынужден был дважды объявлять государственное банкротство, чтобы этой радикальной мерой избавиться от кредиторов.

Никогда и нигде еще паразитизм дворянства не переплетался в такой степени с паразитизмом чиновников и духовенства. На восемь миллионов человек населения в Испании в XVII веке насчитывалось 200 тысяч священников и 100 тысяч монахов и монахинь. На каждые пять человек населения приходился один чиновник. Многие должности создавались только для того, чтобы пристроить "нужного человека" или родственника.

И в то же время не менее 40 тысяч человек вынуждены были ежегодно эмигрировать. Многие гибли от голода и эпидемий. К концу XVII столетия население страны уменьшилось на два миллиона человек.

Как и во Франции, культ королевской особы принимает уродливые формы. При встрече с королевским экипажем (король очень редко выбирается из дворца) все встречные экипажи поспешно завешивали окна. Каждый раз король огражден бесконечным числом телохранителей.

Дворцовый этикет полон нелепостей. Когда король ночью идет, к королеве, например, нужно, "чтобы он был обут в туфли, а на плечах имел

черный плащ, держа щит в одной руке, а шпагу в другой; впереди его старшая фрейлина; она держит факел и бутылку" и т. д.

Ни в одной европейской стране инквизиция не была столь могущественной и нигде не был таким беспощадным и массовым ее террор, как в Испании.

Глава десятая Феодальное право в странах Западной Европы

А. Источники феодального права

Каждое феодальное государство имело свое право. Более того, каждая область государства имела свой особый правовой комплекс. Было бы, однако, слишком сложно излагать право каждой феодальной страны в отдельности. Поэтому мы ограничимся общим очерком его истории, основных черт, основных форм.

1. По характеру источников права средневековая Франция распадалась на две большие области - север и юг.

На севере Франции преобладало неписаное, обычное право. В основе его лежали варварские права так или иначе приспособляемые к феодальным отношениям. К этому правовому материалу прибавились с течением времени обычаи, выросшие из судебных решений по конкретным делам, королевские "капитулярии", ордонансы и пр. На юге страны, где экономические отношения были более развиты, чем на севере, удержалась видоизмененное римское право (применявшееся со времен римского господства). Соответственно с тем юг называли "страной писаного права", а север - "страной обычного права".

Старые германские обычаи действовали и по всей Германии. На их основе развился так называемый феодальный кодекс - смесь обычаев, регулировавших отношения сюзеренитета-вассалитета, феодальной собственности и пр.

В отличие от обычного права государств континентальной Европы, английское обычное право было общим для всей страны. Этому способствовала деятельность высших судов. Важное значение имели также королевские "ассизы" - законы. Они изменяли и дополняли старинные правовые обычаи, восходившие к судам англосаксонских королей.

1. Переломными для истории европейского права были XI-XIII века. В это время появляются первые кодификации (сборники) права, начинается рецепция римского права, возникает городское право, все большее распространение получает право католическое.

Самой ранней попыткой кодификации феодального права был составленный в XII веке Ломбардский сборник. Он содержал в себе нормы права, выработанные в судах Милана и других северо-итальянских городов.

Ломбардский сборник послужил образцом для Франции. В течение XIII столетия здесь появляется немало число собственных правовых компиляций. Составлялись они частными лицами и потому имели главным образом справочный характер. Наиболее важной из этих компиляций были Великие кутюмы Нормандии (около 1275 г.).

Большую известность приобрела компиляция местного права, составленная профессиональным юристом (бейлифом и сенешалом) Бомануаром. Она выходит за пределы собственно округа Бове, толкуя о многих таких нормах, которые были приняты в других провинциях (о праве крестьян продать и заложить свой надел, купить землю, лежащую за пределами своей провинции и т. д. Бомануар же написал, что, если кредитор говорит, что он дал займы, но не получил долга, а должник утверждает, что он его возвратил (уплатил) и не будет представлено доказательств ни с той, ни с другой стороны, должно довериться должнику).

Сборники, фиксирующие местные обычаи (кутюмы), давали им толкование, способствовали единообразному применению права.

В XV столетии во Франции насчитывалось около 60 больших сборников кутюмов и не менее 300 малых. Можно вполне понять Вольтера, писавшего: "Когда путешествуешь по Франции, то меняешь законы всякий раз, когда меняешь лошадей".

Большой известностью пользовались немецкие компиляции XIII столетия, особенно Саксонское зеркало и Швабское зеркало; принадлежит оно перу

судьи Эйке фон Ребхофа. Первоначально оно было написано по-латыни, затем переведено на немецкий.

Саксонское зеркало состоит из двух частей. В первой излагается "земское право" северо-восточных областей Германии. К нему относились нормы государственного, гражданского, уголовного и процессуального права. Во второй части излагается "ленное право" – нормы, регулировавшие отношения между феодалами.

Кодекс проникнут идеями верховенства князей над императорами, независимости отдельных областей Германии. В этом смысле он достойный предшественник "Золотой буллы".

Появившееся, позднее Швабское зеркало воспринимает некоторые принципы Саксонского зеркала, но ориентируется главным образом на право южно-германских областей.

3. По особому пути в том же XIII столетии шло развитие английского права. С этого времени здесь стали записывать в особые книги – свитки тяжб – судебные решения, вступившие в законную силу.

Постепенно входит в жизнь правило, что судебные решения, вынесенные высшестоящим судом и занесенные должным образом в свитки тяжб, имеют силу закона для всех нижестоящих судов, когда они рассматривают аналогичное дело или сталкиваются с аналогичной ситуацией. На эти решения можно было ссылаться, как ссылаются на закон. Так возник и утвердился в Англии судебный прецедент – узаконенный пример для решения аналогичных дел. Совокупность прецедентов составила в своей основе общее право Англии.

Возникновение общего права не может считаться вопросом вполне выясненным. Полагают, что разъездные королевские судьи, отправляя правосудие на местах, руководствовались местными обычаями, о которых они узнавали через присяжных. Возвращаясь к себе в Вестминстер – резиденцию высших судов в Англии, – они отбирали "лучшее" в массе местных обычаев или попросту отдавали предпочтение тому или другому из известных им обычаев.

Это стремление вполне объяснимо, если иметь в виду, что Англии удалось избежать распада на уделы и сохранить от времен нормандского завоевания весьма сильную центральную власть, а значит, и единую для всей страны администрацию. Разнообразие правовых обычаев было для нее нетерпимым явлением.

Постепенно стало считаться, что самой существенной частью прецедента является не столько само решение, сколько его обоснование, и таким образом судьи не были обязаны следовать буквальному тексту предшествующего решения.

На практике применения прецедентов старые англосаксонские обычаи стали дополняться и видоизменяться еще и под действием реципированного римского и канонического права, а еще больше в результате произвольного толкования обычая.

Наиболее важные решения стали издаваться в виде Ежегодников.

Что касается компиляций, то наибольшим авторитетом пользовался сборник известного юриста Гленвила (XII в.). Нельзя не сказать и о судье Королевской скамьи Брактоне, авторе трактата "О законах и обычаях Англии" (сер. XIII века).

Самым же значительным сборником английского феодального права следует считать так называемый *Fleta*, составленный неизвестным лицом в лондонской тюрьме (Флит) около 1290 года.

Общее право представляется обычно гибким, то есть легко приспособляющимся к новым обстоятельствам, но поначалу оно таким не было. Судьи тяготели к строгой формальности, к "отвердеванию" прецедента. Они выработали 39 так называемых приказов, под которые стремились подводить все возможные варианты исковых притязаний. А когда это не удавалось, отказывали в иске.

Но жизнь, в особенности экономическая, не терпит застывших форм регулирования. Стороны стали искать защиты у короля и его администрации. Они справедливо ссылались на ущерб, причиняемый им судами общего права,

терявшимися, например, перед таким новым для них делом, как фрахт морских судов или что-нибудь в том же роде, чего не знали и не могли знать старинные обычаи англосаксов.

Тогда-то и возникают уже упоминавшиеся ними суды справедливости. Первым из них был суд лорда-канцлера, действовавший по поручению самого короля. Суд справедливости не был связан не только нормами общего права, но и никакими нормами права вообще: каждое его решение было правотворчеством в собственном смысле, и это считалось естественным, поскольку он действовал по прямому поручению короля.

Постепенно вошло в обычай, что решения лорда-канцлера имеют значение прецедента, подобно решениям судов общего права, но только для судов справедливости.

Таким образом возникли две системы прецедентного права, из которых последняя отличалась большей приспособляемостью к меняющимся условиям жизни.

4. Начиная с XIV века все большее значение приобретают такие источники права, как закон, королевское распоряжение, решения высших судов.

Во Франции в интересах объединения страны с помощью логистов, приглашенных в королевскую курию, издаются ордонансы, эдикты и другие акты по вопросам уголовного, гражданского и процессуального права. Их действие распространялось на всю страну. То же значение имела деятельность парижского парламента.

В Англии начиная с XIII века издаются статуты и ордонансы по различным вопросам права. Статутами назывались акты парламента, получившие утверждение (санкцию) короля; ордонансами – акты самого короля.

В более позднее время, в XVII столетии, во Франции издаются систематические собрания законов вроде Торгового или Морского кодексов, а также более известного Большого ордонанса 1670 года, кодифицировавшего процессуальное право.

Тем не менее кутюмы оставались, а вместе с ними и раздробленность права, его партикуляризм.

Среди немецких кодификаций права XVI-XVIII веков заслуживает быть отмеченной знаменитая "Каролина", изданная вскоре после поражения Крестянской войны 1525 года (в 1532 г.), в качестве единого свода законов для всей громадной, пестрой по своему составу Германской империи "Каролина" (названная так по имени императора Карла) могла бы иметь – уже по одному этому – известное положительное значение. Но ее "всеобщность" значительно умалялась оговоркой, принятой по настоянию князей: "Мы не желаем, однако, лишать курфюрстов, князей и сословия их исконных, унаследованных и правомерных обычаев".

"Каролина" объявляет уничтоженными такие старые обычаи, "неразумность" которых была очевидна: захват корабля со всем его имуществом в случаях, когда он терпит крушение; самовольное присвоение опрокинувшегося воза; арест с целью получения выкупа – эти и некоторые другие обычаи старого германского феодального права, узаконенные в интересах дворянства.

Вызванные интересами развивающихся товарных отношений, эти постановления могли бы принести пользу. Но они тонули в массе мер террористического характера, направленных против крестьян.

В то самое время, когда, повинувшись законам первоначального капиталистического накопления, тысячи крестьян должны были расстаться с привычными условиями существования, "Каролина" постановляла, что так называемых злостных бродяг "должно предавать смертной казни мечом... как только они попадут в тюрьму, невзирая на то, что они не совершили какого-либо иного действия".

Устрашения ради "Каролина" сохраняла такие виды смертной казни, как сожжение, четвертование, колесование, повешение, утопление, погребение заживо, волочение к месту казни, терзание калеными щипцами (перед смертной казнью).

Процессуальные постановления, составляющие главное содержание кодекса, увенчиваются признанием допроса под пыткой, характер которой – продолжительность, суровость – предоставляется "усмотрению благонамеренного и разумного судьи".

Предписывается, чтобы арестованному не рассказывалось об обстоятельствах преступления, которое ему инкриминируется, чтобы не дать ему возможности обдумать защиту, тем легче запутать и добиться признания или оснований для допроса под пыткой. Требовалось, впрочем, немного: "Если заметят, что подозреваемый держится потаенно, необычным и опасным образом около тех лиц, в измене коим он подозревается, и если он ведет себя так, как будто он им верен... то сие является доказательством, достаточным для применения допроса под пыткой".

"Каролина" не может считаться чисто германским правовым памятником. Не говоря уже о многочисленных ее отсылках к римскому праву, рецепированному в Германии, она так много заимствует из других источников, что называется порой не без оснований "немецким учебником итальянского уголовного права".

Крупнейшей ... среди всех немецких феодальных кодификаций явилось Прусское земское уложение 1794 года. Его составители сумели как-то связать рецепированное римское право периода поздней империи с постановлениями Саксонского зеркала и некоторых городских компиляций. Нормы гражданского и уголовного права перемешаны здесь с моральными изречениями, прикрывавшими патриархальный деспотизм полицейского государства.

5. Мы уже говорили о вмешательстве церкви и область имущественных и семейных отношений, о преследовании еретиков и таких надуманных "преступлений", как "колдовство"; как уже отмечалось, на основе весьма неопределенного положения о том, что все преступления, связанные с "грехом", подлежат суду церкви, последняя стала преследовать кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевету, ложную присягу и т. п.

Церковные суды руководствовались нормами, неодинаково толкуемыми, – учениями апостолов, высказываниями авторитетов, постановлениями церковных соборов и пр. Весь этот пестрый комплекс норм получает в XII столетии название канонического права. В том же веке выходит в свет первый сборник его – Кодекс Грациана. Каждая норма права была подкреплена в нем цитатой из Библии, высказыванием "отцов церкви" и т. п.

При Иннокентии III (XIII в.) папская курия претендует на то, чтобы стать верховным интерпретатором (толкователем) права, какими бы ни были его происхождение и область регулирования.

6. Огромную роль в истории европейского права сыграла рецепция (заимствование и усвоение) римского права.

Развивающиеся экономические отношения стали испытывать нужду в новых нормах права, которые могли бы должным образом регулировать торговлю, морские перевозки, кредит и денежные отношения вообще, новые формы собственности, возникшие и развившиеся в городе, и т. п. Феодальное право, примитивное и консервативное, разное в разных провинциях, не годилось для указанных целей.

Выход был найден в рецепции римского права. Правда, оно было рабовладельческим. Но одновременно с тем оно было правом развитого товарного общества, правом, основанным на частной собственности, и к тому же продуктом высокой юридической культуры.

Нормы римского права выражены в наиболее общей, абстрактной форме и потому могли быть легко применимы в сходных ситуациях. Рецепция не исключала критики, рецепированное римское право применялось не механически. Весьма часто оно бралось только за основу, дополнялось и изменялось.

Раньше всех в Европе римское право, главным образом по кодификации Юстиниана (см. главу "Византия"), стали изучать в итальянских университетах, особенно в Болонском. Здесь выдвинулся юрист Ирнерий

(1082-1125 гг.), положивший начало школе глоссаторов - комментаторов римского права.

В начале XIII века в Болонском университете учился 10 тысяч студентов. Вслед за ним римское право стали преподавать в университетах Лейдена, Парижа, Оксфорда, Праги и т. д.

Создаются обширные руководства по применению римского права, из которых особенную известность приобрело сочинение профессора Аккурция (XIII в.), автора так называемой *Glossa ordinaria*, содержащей 96200 глосс (на этом, собственно говоря, школа глоссаторов завершила свое существование).

В XIV-XVI веках характер комментариев меняется. Место общих рассуждений заняли толкования институтов, вопросы применения права, исследование противоречий. Комментаторов этого времени называют постглоссаторами.

Римское право было находкой прежде всего для развитых итальянских городов. Вслед за тем оно стало распространяться в Германской империи.

Германские императоры, тяготевшие зависимостью от собственных вассалов, увидели в римском праве надежную опору. Им в особенной степени импонировало правило, сформулированное римскими юристами: "слово императора - закон". Император Фридрих I (XII в.) объявил римское право "всемирным правом". В акте Земского мира 1342 года римское право фигурирует наряду с имперским правом. Доктора римского права проникают в имперский суд, занимая там главенствующее место.

С XVI столетия признанным центром изучения римского права становится Франция. Здесь комментаторская работа, обогащенная знанием римской истории и идеями гуманистов, становится более основательной, да и латынь, которой продолжали пользоваться как языком науки, стала отличаться от варварской латыни глоссаторов.

О масштабах комментаторства свидетельствует, например, сочинение Донеллуса (1527-1591 гг.), составившее 28 томов. Это его знаменитые "Комментарии к римскому частному праву", оставившие глубокий след в классической романистике.

И в Германии и во Франции римское право приобрело силу закона, конкурируя с правом национальным. Во Франции только правительство Наполеона объявило Кодекс Юстиниана утратившим силу.

Англия менее других стран была затронута влиянием римского права. Здесь, как мы уже знаем, пошли по пути создания судов справедливости. Но есть серьезные основания полагать, что судьи, объявленные универсальными знатоками обычаев страны, систематически прибегали к заимствованию, "хотя и не всегда разумно, ходячих отрывков римского и канонического права" (Г. Мэн).

Из римского права в европейские законы проникло понятие "естественного права" как права, общего для всех народов, ибо оно "заложено в природе".

Французский король Людовик X мотивирует освобождение крестьян от крепостной зависимости "естественным правом": "Ввиду того, что согласно естественному закону каждый должен родиться свободным, а вследствие некоторых обыкновений и обычаев, введенных в глубокой древности... а также, может быть, и по вине предков многие лица из нашего народа попали в рабство..." и т. д. Легисты; писавшие этот ордонанс, не могли, разумеется, знать, каким оружием станет для просветительной философии "естественное право", когда придет время покончить с феодализмом.

Неизбежным результатом рецепции сделался антагонизм местного и римского права. Воспитанные на римском праве, юристы королевских судов пренебрегали кутюмами, вводили в процесс массу формальностей, видоизменяли действие целых институтов и пр., достигая этого как судебными решениями, так и еще больше эдиктами и ордонансами.

Когда королям было выгодно, они прибегали к кутюмам, например при взыскании феодальных платежей; в других случаях, уничтожая самостоятельность городов, сеньориальный суд и т. д., они предпочитали римское право.

При всем том рецепция римского права принесла с собой немало худого. Дуализм обычного и римского права открывал неограниченные возможности для судебного произвола. На основе более чем "свободного" толкования права расцветают казуистика, "схоластические", оторванные от реальных условий толкования закона, увлечение формально-логическими толкованиями, часто ложными, надуманными.

С рецепции римского права утверждается за юристами дурная слава, которая и до сих пор дает себя знать. Ребенок, открывая книгу сказок, читает в лучшей из них ("Кот в сапогах"): "Один мельник оставил детям в наследство мельницу, осла и кота. Дети скоро поделились, не призвав при этом ни нотариуса, ни прокурора. Ведь те разом бы проглотили все их наследство". Эти слова, написанные Перро в XVII веке, выражали собой подлинно народную традицию. Английский поэт XIV века Чосер, рисуя своего адвоката, пишет: "Нигде не было такого неумолимого приобретателя". А знаменитый французский фарс о Патепене-адвокате, отъявленном мошеннике! Или немецкая сатира Бебеля (XV в.) на адвоката, который, сделавшись монахом, стал вдруг проигрывать дело за делом в ущерб своему монастырю. Вот его оправдание: "Я не должен больше лгать, как раньше, потому я и проигрываю".

7. В XI-XII веках, раньше всего в Италии, начинает складываться городское право.

Городские республики Италии весьма рано приобрели право на собственный суд. Осуществлялся он, как правило, лицом, принадлежавшим к высшей администрации. Решение его, в том числе и по конкретному делу, приобретало значение общей нормы.

Не следует думать, что в каждом случае решения эти "изобретались". Италия находилась в оживленных сношениях с Византией, воспринимая от нее право и опыт. А потом началось возрождение римского права.

Купцы Германии и Франции, находясь по делам в Италии, становились очевидцами судебных споров, а нередко и сами заявляли иски или отвечали по искам других. Возвращаясь на родину, они приносили с собой новый правовой опыт и стремились привить его на родной почве.

Каждая гильдия, как и каждый цех, имела свой собственный суд и сравнительно несложное судопроизводство. Гильдейские и цеховые судьи не были связаны кутюмами, могли решать дела по "справедливости". При таком положении заимствование чужого права было делом нетрудным.

С течением времени появляются в средневековой Европе компиляции торгового права, морского права, городские статуты и пр. Здесь широко применяются римское право, торговые и иные обыкновения.

Городские статуты XII века (Валансьена, Фрайбурга) содержат постановления о полиции, рынке, об обязанностях по отношению к сюзерену, об уголовном и гражданском праве и пр.

Весьма обычным было то, что один город заимствовал право у другого. В Германии в этом отношении образцом служили статуты Кельна, Магдебурга, Любека и других крупных торговых центров.

Кельнское право было усвоено тридцатью городами, гамбургское широко применялось в Прибалтике, магдебургское - в Силезии, Галиции, Польше (и через нее на Украине).

Б. Юристы

1. Адвокатура, получившая столь большое развитие в императорском Риме, стала возрождаться к жизни с появлением церковных судов, а затем и парламентов.

Вскоре адвокаты стали создавать корпорации по примеру других средневековых профессий. Во Франции такая корпорация существует уже при Людовике IX. В Англии адвокатские корпорации возникают в XIII столетии. Это так называемые инны, проникнуть в которые было очень трудно (и дорого стоило). С течением времени только принадлежность к корпорации давала право выступать в суде.

Особую группу составляли адвокаты, которые специализировались на юридической консультации (продолжая выступать в судах). Во Франции их начинают отличать от прочих адвокатов уже с XIV века. Это юрисконсульты.

2. Распространение канонического и рецепция римского права усилили значение документов, могущих служить основанием правового притязания. Стали с особым усердием требовать от них соответствующей формы, придираться к упущениям. Появляется необходимость особого подтверждения, удостоверения документов.

Так возникает нотариат. Начиная с XIII столетия и папы и короли стали давать определенным лицам право составлять и удостоверять документы. Позже (в XVI в.) издаются положения, регулирующие их деятельность. Во Франции нотариусы сделались чиновниками короны.

В Англии утвердился особый порядок: нотариальные действия с документами совершались в суде судейскими чиновниками за особую плату - пошлину.

3. Зарождение должности прокурора во Франции следует связывать с теми функциями, которыми наделялся помощник баляи в королевском домене: когда не оказывалось обвинителя против очевидного преступника, эту функцию брал на себя помощник баляи. Он представлял в данном случае "короля" и его "интерес".

Окончательно французская прокуратура (с функциями государственного обвинения) утверждается в XVI веке.

Тогда же возникает прокуратура в Германии; ей поручается также расследование преступлений.

В Англии особый чиновник для судебных обвинений стал называться атторнеем (атторни).

В XVI-XVII веках прокуратура действует уже во многих странах - Италии, Нидерландах и др.

Следует заметить, что средневековая школа, при всех ее очевидных недостатках, учила своих питомцев составлять юридические документы (составная часть риторики). Вместе с тем в школе изучались и комментировались правовые источники. Особое внимание уделялось искусству спорить и доказывать. Для этого в большом ходу были диспуты.

В. Применение права

1. В период варварских прав действовал личный принцип применения права: где бы данный человек ни проживал, он мог требовать, чтобы его судили по тому праву, к которому он принадлежал" по рождению.

Традиция эта шла еще от тех времен, когда франк судился по франкским законам, римлянин - по римским и т. д.

Начиная с X-XI веков личный принцип действия права уступает место территориальному: зато каждая провинция обзаводится собственным правом.

2. Весьма бурные дискуссии вызывал у средневековых юристов вопрос о том, должны ли законы применяться во всех случаях по их буквальному содержанию или это применение может корректироваться разумом, совестью или в зависимости от обстоятельств. Вопрос этот сделался очень актуальным. В начале XIV века король Франции возбудил преследование против тамплиеров. Они обвинялись в ереси, но дело было в том, что тамплиеры были богаты, а король нуждался в деньгах. пытки вырвали у некоторых рыцарей ордена признание. Последовали осуждение, казни, конфискации.

В Англии, где орден имел свои отделения, пытка применена не была, ибо английские законы ее исключали, а потому не было и признания. Тогда римский папа выступил (в 1310 году) с толкованием, что по отношению к еретикам не может быть ни соблюдения законов, ни принятых гарантий. То был открытый призыв к нарушению права в видах политической целесообразности. Эта изуверская доктрина, исходившая от верховного толкователя религии и права, причинила страшный вред. Обвиненный был уже виновен потому, что подозревался, его лишали средств защиты.

Просвещение принесло с собой провозглашение иных начал, но еще далеко не их победу.

Спиноза скажет в своем "Богословско-политическом трактате": "Неправосудие есть отнятие у кого-нибудь под видом права того, что ему следует на основании истинного толкования законов".

Монтень в своих знаменитых "Опытах" противопоставит римским полководцам Октавию и КЭтону, готовым "скорее подвергнуть свое отечество крайним опасностям, чем оказать ему помощь, нарушив законы", спартанского-царя Агеси-лая, который, потерпев поражение и оставшись без войска, приказал на одни сутки остановить действие закона, чтобы дать возможность бежавшим с поля боя вернуться в строй (без этого они должны были считаться преступниками). Кто из них прав?

Г. Судоустройство и судопроизводство

1. Несмотря на значительные различия, в судебном устройстве каждой страны можно отметить некоторые черты, общие для всех государств феодальной Европы.

В период расцвета феодальных отношений (X-XIII вв.) краеугольным принципом суда было следующее: всякий судится себе равным. Заседателями (ассессорами) сеньориальных судов могли быть только те, кто имел равный лен с подсудимым.

Крестьяне судились сеньором или его уполномоченным. Свидетелями призывались, как правило, крестьяне.

Вот пример, относящийся к английскому суду XIV века. Джон Строт явился в курию манора и заявил, что отец его умер и он как старший сын просит передать ему землю, которой владел отец. Спрошенные по этому поводу вилланы заявили, что так оно и есть и что обычай требует, чтобы земля была отдана Джону. Курия вынесла решение и выдала истцу копию его. Эта копия стала документом, устанавливающим права Д.Строта. Отсюда и название основной массы английского крестьянства XIV и последующих веков - копигольдеры (держатели по копии).

Начиная с XV столетия в странах Западной Европы и особенно во Франции происходит оттеснение феодальной знати от участия в судебной деятельности.

Три причины способствовали этому: усиление королевской администрации, образование высших судов, распространение римского права и писаных сборников обычного права.

Когда появились кодексы и другие писаные сборники, когда было переведено римское право, пишет Монтескье, когда появились стряпчие и юристы - тогда "пэры и старшины не были уже в состоянии творить суд. Пары стали уклоняться от исполнения обязанностей судей, да и сами сеньоры неохотно созывали их; к тому же судебные разбирательства из блистательных действий, приятных дворянству, занимательных для военных людей, стали судебной процедурой, которой они не знали, да и знать не хотели".

Во Франции бальи стали первыми практиковать единоличное рассмотрение дел, тем более что заседатели, неосведомленные в новом порядке судопроизводства, ничем не могли им помочь.

Важную роль в профессионализации судебной деятельности сыграли высшие суды, возникшие повсеместно. В Англии и Франции они выступали и как суды первой инстанции и как ревизионные органы. Последнюю функцию они осуществляли главным образом через разъездных судей, периодически посещавших судебные округа.

Разъездные судьи судили и сами. В Англии, прибыв на место, они первым делом вызывали присяжных и требовали, чтобы те назвали имена преступников. Дело это кончалось для присяжных не всегда благополучно. Часто они навлекали на себя месть. Поэтому нередко случалось (особенно после какого-нибудь возмущения, привлечшего к себе внимание центра), что при первом появлении разъездных судей население устремлялось в леса и там отсиживалось.

Верховный суд ранее всего сформировался в Англии. Во Франции парламент становится верховным судом при Людовике IX (1226-1270 гг.), выделившись из королевской курии. Резиденцией парламента был избран Париж. Состоял он из нескольких следственных палат и так называемой большой палаты. Созывался он сначала ежегодно, но по мере накопления дел стал постоянным учреждением. Для ревизии дел (и их решения) на местах назначались разъездные судьи.

При парламенте состояли "королевский прокурор", "королевские адвокаты". По мере воссоединения Франции парламенты - как судебные учреждения - стали создаваться и в провинциях.

В Германии возникает верховный имперский суд. Функции его были очень ограниченными. Верховные суды стали быстро пополняться профессиональными юристами: во Франции - знатоками кутюмов и римского права, в Англии - общего права.

В Германии доктора римского права становятся признанными авторитетами. Их всячески поощряют император, имперская знать, города. В 1425 году было даже специально постановлено, что не менее половины советников имперского суда должны быть докторами римского права. Распространение королевской юстиции (княжеской - в Германии) ограничивало суд феодальных курий по всем важнейшим делам, а также самосуд.

Легисты любили, должно быть, обращаться к известному рассказу о философе, который, попав в неизвестную страну и увидев виселицу и на ней повешенного, обрадовался: раз есть виселица, значит, есть и суд. А раз - суд, значит, народ цивилизован.

Исключение составляли некоторые, главным образом западные, области Германии, где самосуд приобрел резко выраженное антикрестьянское назначение. Это так называемый суд фемов.

Состав его подбирался местными властями из рыцарей и зажиточных крестьян. Имена судей и присяжных хранились в тайне. Судоговорение совершалось в пещерах, подземельях, обставлялось таинственностью.

Компетенция фемов была неограниченной. Они преследовали свою жертву всюду, где бы она ни спряталась.

Повестка с вызовом в суд втыкалась в засов ворот, и никто не знал, кто ее принес. Ни предварительного, ни судебного следствия не существовало. Обвиняемому не сообщали имен обвинителей. Он не знал доказательств вины. Судьи заседали в масках. Их приговор был предрешен заранее. Единственным видом наказания было повешение. Приговор приводился в исполнение немедленно, на первом дереве, тайно, и только по воткнутому рядом ножу можно было догадаться, что казнь произведена фемами.

Для процедуры суда фемов характерно, что они считали возможным вынести приговор на основе одного единственного показания, исходившего от "верного человека", причем сам он мог только слышать о преступлении и вероятном преступнике, не больше. Шефены суда фемов, то есть заседатели, были одновременно и доносчиками, агентурой властей.

Государство не только не препятствовало суду фемов, но даже благоприятствовало ему, помогало его распространению. Исчезать он стал не ранее XVI-XVII столетий.

2. Особого рассмотрения заслуживает возникновение суда присяжных заседателей в Англии.

Мы говорили уже, что реформой Генриха II было разрешено доказывать иски с помощью свидетелей, а в уголовных делах - устанавливать виновность показаниями 12 присяжных, принадлежащих к данной местности.

Первоначально английский присяжный должен был сам расследовать дело, расспрашивая о нем знающих людей. Свое решение он обязан был основывать на полученных сведениях ("согласно очевидности").

Если присяжные заявляли, что ничего не знают о том деле, о котором их спрашивали, то они распускались и назначались другие. Но постепенно этот порядок, которым слишком часто стремились воспользоваться, был отменен: присяжные должны были во всех случаях выносить решение, оправдывающее или обвиняющее, удовлетворяющее иск или отказывающее в нем. Из свидетелей они превращаются в судей. Завершение этого процесса происходит в XV столетии (при Генрихе VII).

Вытеснение судебного поединка судом присяжных в уголовных делах прошло через ряд промежуточных ступеней. Некоторое время подсудимому давалось право выбора: или поединок, или присяжные. Но в делах, по которым обвинение исходило от короля (особенно в делах о "разбоях", то есть чаще всего крестьянских выступлениях против феодализма), присяжные очень рано (еще при Генрихе II) оттесняют ордалий.

3. Предварительные следственные действия признавались возможными и действительно осуществлялись, но особой стадии процесса не составляли ни в одной из европейских стран. Даже в Англии, где присяжные начинали следствие по собственной воле, оно не имело официального значения, никак не фиксировалось, служило единственно для выработки убеждения.

Более или менее разделенное на два акта, следствие – предварительное и судебное – появляется и начинает признаваться законом не ранее XVI века.

Обвинение по основной массе судебных дел продолжает оставаться частным, однако область преследования, осуществляемого от лица государства, все время расширяется. Политические и религиозные преступления, совершенные по должности, преследуются только государством.

В Англии, где частное обвинение удерживается в более широком объеме, чем на континенте, устанавливается, однако, правило, что обвинитель, не сумевший доказать обвинение и проигравший процесс, платит штраф.

Сколько-нибудь твердых оснований для обращения в суд не существовало. Каждый волен был затеять дело по любому поводу, который он считал основательным: были бы деньги на то, чтобы платить судьям.

4. Постепенно выходят из употребления старинные формы ордалия. Первое запрещение его содержится в постановлении Латеранского собора 1215 года. Но в делах "о колдовстве" ордалии продолжали применяться вплоть до XVII века.

Раньше всего прекратились испытания водой, железом, крестом. Их запрещают Фридрих II в Германии, Людовик IX во Франции. В Англии ордалии, включая судебный поединок, исчезают уже в XIII веке.

Память об ордалиях, впрочем, сохранилась. Во Флоренции в конце XV века испытание огнем было решено применить к знаменитому проповеднику Савонароле, обличавшему пороки церкви и призывавшему к очищению нравов. Разожгли огромный костер, через который тот должен был пройти так, чтобы огонь не оставил следа ни на нем самом, ни на его одеянии, чтобы доказать истинность своего учения. Но пошел дождь, и испытание не состоялось.

5. Признавая доказательства свидетельские и письменные, сохранив присягу, церковь предписывала своим судам добиваться признания обвиняемого и настаивала на формуле, ложность которой прекрасно сознавали и в то время: "признание – царица доказательств".

Всеми средствами домогаться признания предписывали капитулярии и ордонансы королей. Но вырвать признание было непросто, особенно в делах о политических преступлениях, по которым чаще всего привлекали людей, обладавших высокими моральными качествами, или при обвинениях в таких воображаемых преступлениях, как колдовство, сношения с ведьмами и пр.

На помощь пришла пытка. А так как достигнутое пыткой признание сомнительно, вынесение обвинительного приговора стали основывать на так называемом убеждении судей, что означало только одно – прикрытие произвола.

Особенно большое применение пытка получает с распространением римского права, которое допускало ее в качестве универсального средства "дознания". В Германии она была введена в XIV веке, во Франции – еще раньше. В Англии, несмотря на формальное запрещение, – с середины XV века и до самой буржуазной революции (1640 г.).

Крайний разгул пыток приходится на периоды острой классовой борьбы. Чтобы иметь "законное" основание для массовой репрессии, судьи заранее изобретали какие-нибудь страшные преступления, которые затем приписывали людям, обреченным на пытки и смерть.

Таким образом уничтожались без вины лучшие, образованные, честные люди. А сколько было сведено счетов грязного свойства, сколько было устранено людей только потому, что они мешали чьей-нибудь карьере!

После подавления Крестьянской войны 1525 года княжеские суды предъявляли арестованным обвинение в том, что те добивались дележа имущества, принадлежавших богачам. Но "слова пленников, – пишет историк Циммерман, – можно принимать с крайней осторожностью; им навязывали

вопросы и истязали до тех пор, пока не получали утвердительного ответа, дававшего право казнить смертью". В числе надуманных обвинений было, например, и такое, будто крестьяне Зальцбурга хотели сварить кардинала Маттея, чтобы иметь возможность сказать, что они съели его.

Поскольку признавалось право судей выносить обвинительные приговоры и посылать на смерть на основе одного только ничем не подтвержденного "убеждения", постольку существовала полная безответственность судей. Нередко случалось, что, когда судья не мог решить, кто из двух вероятных преступников действительно виновен, он посылал на смерть того, чье лицо казалось ему более "преступным".

Великий гуманист Ф. Рабле рисует в своем знаменитом "Гаргантюа и Пантагрюэле" образ судьи Бридуа, решавшего дела по тому, как выпадут игральные кости - за истца или против него. Высший суд - и это самое замечательное - санкционировал судебные решения Бридуа, все, за исключением одного, явно несправедливого. Бридуа оправдывался тем, что, будучи старым, он уже не так хорошо различает очки на костях и мог свободно принять четыре за пять.

Не связанные определенными правилами, судьи могли переносить вынесение приговора на любой срок.

6. По иному пути пошло развитие судебного процесса в Англии. Здесь не было инквизиции. Здесь не получило сколько-нибудь широкого развития римское право. Здесь дольше удерживались, хотя и в измененном виде, старинные англосаксонские свободы. Королевская власть была несколько ограничена парламентом, местным самоуправлением, автономией горбдов, прецедентным правом.

Английский процесс удерживает и развивает состязательный момент, свойственный старинным германским судам.

В суде канцлера складывается постепенно то, что называют перекрестным допросом. С течением времени он усваивается и судами общего права.

Один из двух адвокатов истца (младший) излагает суть иска. Старший адвокат истца представляет доказательства.

Затем вступает в дело адвокат ответчика: он ставит вопросы свидетелям истца. Затем тех же свидетелей допрашивает адвокат истца. Затем допрашивают свидетелей ответчика. Адвокат истца резюмирует суть следствия (судебного). Адвокат ответчика возражает.

Судья, который до этого времени бездействовал, резюмирует доказательства сторон. При этом всякое не опровергнутое доказательство считается истинным.

Присяжные решают вопрос факта (было, не было и т. д.). Судья постановляет решение.

Важнейшим завоеванием английского уголовного процесса стало правило, согласно которому обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Тем самым бремя доказывания - важнейший вопрос всякого процесса - ложилось на обвинителя.

Последнее слово в английском уголовном процессе принадлежит адвокату той стороны, против которой были представлены последние свидетели.

В течение всего процесса присяжные не могли отлучаться из здания суда, не могли иметь сношений с внешним миром. Если процесс затягивался, они спали в здании суда. К дверям их комнаты ставился часовой. Английское право требовало единогласия присяжных как в обвинительном, так и в оправдательном вердикте.

В Англии было две коллегии присяжных. "Большое жюри" (23 человека) решало вопрос о предании суду (оно выносило приговор, если обвиняемый тут же признавался). "Малое жюри" (12 человек) решало вопрос по существу (то есть "виновен" - "невиновен").

Английский средневековый суд, как бы его ни идеализировали, был далек от совершенства. Продажность судей и их готовность следовать приказу, самый подбор присяжных, волокита и крючкотворство, вымогательство, облегчаемое судебной процедурой, то есть широкими возможностями отложения и перенесения дел за "недостаточностью

доказательств" или их "неясностью", огромная власть судьи и пр. - характерные его черты. Самой же худшей была мировая юстиция, находившаяся в единоличной власти помещика.

7. В период варварских правд стороны могли не соглашаться с приговором и предлагать свой собственный. Поединок решал, кто прав.

Вплоть до XIII века обыкновенным средством пересмотра приговора был поединок с судьей, его постановившим. Как только обвиненный заявлял о своем несогласии с приговором пэров, возникала ситуация, которая, при тогдашних представлениях, приравнивалась к оскорблению в лживом и злонамеренном действии. Выходом из нее был поединок.

Чтобы обвиненный не был обязан драться со всеми судьями, прибегали к следующей уловке. "Каждый пэр громко произносил свое мнение, и, как только один из них его высказывал и прежде чем второй успевал сделать то же", недовольный "объявлял это мнение лживым, злонамеренным и клеветническим" (Монтескье).

Побежденный в поединке апеллянт подлежал смерти, а его противник получал значительное возмещение. Поединок не разрешался тому, кто был приговорен к смертной казни, ибо ему во всех случаях нечего было терять.

Начиная с XIII столетия поединок как средство апелляции сходит со сцены. Во Франции, внимая "покорнейшим просьбам" о пересмотре дел, решенных в курии сеньора, сначала королевская курия, а затем парламент принимают апелляции к своему производству. С этого времени пересмотр приговоров теряет свой оскорбительный (для судей, его постановивших) характер.

В Германии возникновению нормальной апелляции способствовала рецепция римского права. Здесь возникает обычай обращения к другому суду, обыкновенному высшему.

Вместе с тем к высшим судам стали обращаться за консультацией во всех затруднительных случаях. Судьи сначала сами ездили в Любек или Франкфурт-на-Майне, где были созданы такие суды, а затем стали посылать простых курьеров. Консультации имели обязательное значение.

Не исключался в принципе и такой пересмотр приговора, который имел целью посмертную реабилитацию осужденного. Примером подобного рода может служить уже известная нам реабилитация Жанны д'Арк, преследовавшая политические цели.

Д. Имущественные правоотношения

1. Право земельной собственности было, как уже говорилось, привилегией господствующего класса. Формула "нет земли без сеньора" была выражением этого принципа. С большим трудом городам, когда ..-они вошли в силу, удавалось покупать для своих нужд господские земли.

Феодальная земельная собственность носила расчлененный характер. Одну часть своей земли сеньор держал для себя, другую отдавал своим вассалам, но не в собственность, а в пользование на условиях феодальной службы. Всякий раз, когда вассал намеревался распорядиться землей (продать ее или обменять), он обязан был получить согласие сеньора.

Право верховной собственности давало сеньору многие преимущества. Сеньор выбирал жениха для дочери-наследницы вассала, если у последнего не было сыновей. Он мог вернуть себе землю, если вассал умирал, не оставив наследника, или если вассал нарушал обязательства.

Право неограниченного распоряжения, которое римские юристы считали неотъемлемым атрибутом всякого права собственности, не было свойственно феодальному праву земельной собственности. Не только сеньор, но иногда и родственники, которые в каком-то будущем и при каких-то обстоятельствах могли стать наследниками феода, могли запретить отчуждение последнего. Все они, а также сеньор, имели право ретракта - принудительного выкупа проданной земли у ее нового собственника.

Категорически воспрещалась передача феода церкви: в этих случаях земля оказывалась потерянной навсегда, а сеньоры этого не желали. Церковь держала свои богатства, как тогда говорили, в "мертвой руке".

Всякий новый приобретатель - на этом особенно настаивает английское право - должен был нести все те повинности, которые нес предшественник.

Далеко не всегда оказывалось возможным доказать право собственности на землю каким-нибудь законным способом. Весьма часто право собственности было основано на захвате. На помощь приходила приобретательная давность. После невоспрепятственного владения в течение определенного срока приобреталось право собственности, и местный суд (или курия) выдавал соответствующий документ.

В XIII веке французские кутюмы потребовали для таких случаев тридцатилетней давности владения.

2. Крестьянин не имел права собственности на землю, а в самое раннее время право собственности помещика распространялось и на личность крестьянина, его детей, его имущество.

С течением времени контроль феодала за тем, как крестьянин распоряжается урожаем или приплодом скота, ослабевает, и на первое место выступает требование денежного чинша. Копигольдер в Англии, виллан во Франции удерживают за собой и своими наследниками земельный участок, добиваются некоторого "отвердевания" повинностей. В Германии было несколько по-иному. Здесь – не без помощи докторов римского права помещики и силой, и через суд добиваются замены старых форм наследственных крестьянских, держания арендными отношениями, при этом краткосрочными. Это позволяло увеличивать повинности при каждом новом, выгодном для помещика, изменении цен. После кратковременного периода освобождения крестьян в большей части Германии осуществляется "вторичное закрепощение", заключающееся в том, что чиншевиком лишили свободы перехода.

3. Важное воздействие на характер феодальной земельной собственности оказал майорат. После некоторого периода, в течение которого феодальная земельная собственность (лен) поровну делилась между всеми сыновьями-наследниками, устанавливается принцип первородства. Наследником стал признаваться только старший сын. Сделано это было для того, чтобы предотвратить дробление феодалов, их измельчение.

Во Франции новый порядок стал распространяться уже с XI века. Касался он главным образом крупных вотчин, владений знати.

В Англии майорат был узаконен Вестминстерскими статутами XIII века и неукоснительно соблюдался относительно всех дворянских земельных владений. Наследование земли осуществлялось только "по закону", но не по завещанию.

В тех же целях принцип первородства был перенесен и на крестьянское землевладение. Кутюмы Бомануара, например, предписывали, чтобы старший сын получал не менее двух третей отцовского надела.

4. С возникновением городов начинают появляться и первые зачатки буржуазных отношений. Земля, находившаяся в собственности горожан (несмотря на обременения феодального характера), имела более свободный правовой статус, могла продаваться и завещаться.

Появляются посредники, скупающие сырье у крестьян и перепродающие его в городе. Между непосредственными производителями и потребителями становится новое лицо, в производстве не участвующее, наживающееся на посреднической торговле. По мере развития товарного производства из него вырастает купец.

В Англии возникает особая категория предпринимателей. Они раздают шерсть ткачам, а получают от них готовое сукно, которое затем поступает красильщикам, валяльщикам, ворсовщикам, пока товар не будет готов к продаже. За каждую операцию предприниматели расплачиваются особо.

Образуются торговые компании. Капитал их составлялся из взносов участников. Соответственно взносам делилась и прибыль.

5. Огромный размах приобретают ростовщические операции всякого рода. Возникают первые банки. Появляется вексель. По одной версии, его изобретение приписывается флорентийцам, по другой – арабам.

Вексель представлял собой по существу переложенную на бумагу римскую estipуляцию. Для истребования денег по векселю не было преград. Тот, кто его подписал, должен был платить в бесспорном порядке и именно ту сумму, какая была указана. Просрочка платежа влекла за собой немедленные

репрессии- заточение в долговую тюрьму с конфискацией имущества, изгнание из города (как в Генуе) и пр. Главное же удобство состояло в том, что показанная в векселе сумма долга могла заключать в себе любой процент, намного больший, чем дозволялось: никто не мог входить в обсуждение того, как и из чего образовалась сумма долга по векселю.

Процентные операции были в принципе запрещены церковью .ввиду той явной неприязни, которую евангельский Христос питал к мытарям (сборщикам налогов) и ростовщикам. Но была оговорка в папских буллах насчет возмещения "ущерба", который "может потерпеть заимодавец". В тех случаях, когда церковь сама давала займы, она выговаривала себе землю должника в виде обеспечения, извлекала из нее доходы и уже не выпускала из рук. Недаром этот вид залога стали называть "мертвым залогом".

Процент по займам операциям был, как правило, очень высоким -от 40 до 60 годовых.

Сохранился рассказ об одном английском аббате, который, взяв займы 25 фунтов, должен был через четыре года уплатить 840 фунтов.

6. Все большее разнообразие экономических связей так же, как и распространение римского права, усложняет некогда весьма примитивную область договорных отношений. Договоры найма, подряда, поручения и пр. занимают место рядом со старинными куплей-продажей, меной и дарением.

Сохранился договор между Микеланджело и купеческой гильдией Флоренции о сооружении статуи Давида. Гильдия давала мрамор, рабочих и ежемесячную плату в течение 10 лет начиная с 1 сентября 1501 г.

Постепенно отходят в прошлое старинные формы удостоверения сделок. Все большее значение приобретают документы.

В крестьянской среде, впрочем, предпочитают старинные обычаи: при переходе земли продолжают призывать 12 свидетелей и 12 мальчиков. Каждому из мальчиков, наблюдавших ввод во владение, надирают уши и дают пощечины, чтобы они лучше запомнили происходящее и могли быть свидетелями в будущем.

Б. Семейное право

1. Семейное право европейского средневековья развивалось под сильнейшим влиянием католической церкви.

Раннее христианство видело в браке богоустановленный способ обуздания чувственности и потому относилось к нему с терпимостью. Но уже в 451 году устанавливается запрет для монахов, а в 1107- для священников вступать в брак. Внедрялось это с большим трудом.

С IX века стало утверждаться представление, будто брак является особым таинством, подобным причастию или крещению. Следствием такого взгляда было запрещение внебрачных связей и разводов, на что очень много сил положил папа Григорий IX.

Триентский собор (XVI в.) наложил анафему на всех, кто не признает брак таинством и допускает развод.

Однако, если оказывалось, что один из супругов ошибся в социальном положении другого супруга, более низком, чем его собственный, церковь охотно признавала такой брак недействительным. Классовые интересы и на этот раз оказывались выше доктрин.

Брак между близкими родственниками не допускался. Но ни крестьянину, ни крестьянке не было позволено уходить в другую деревню. Тем не менее церковь закрывала глаза на проистекавшие из этого неизбежные кровосмешения.

Каноническое право принесло с собой резкое ухудшение правового положения женщины. Из римского семейного права бралось все худшее. Так, был установлен брачный возраст: 12 лет для девочек и 14 лет для мальчиков. В то время как римские юристы, например Гай, считали несправедливым отстранение женщин от распоряжения имуществом семьи и, основываясь на естественном законе, говорили о равенстве полов, творцы канонического права настаивали на полной имущественной неспособности женщины.

2. Правомерность физического наказания жены сохранялась в течение всех средних веков, а в самое раннее время феодализма не возбранялись ни

ее продажа (в Англии), ни даже убийство ее (в особенности за прелюбодеяние).

Широко известен русский "Домострой" по пап Сильвестра. Но он еще может считаться либеральным по сравнению с сочинением французского юриста Тирако "О брачных законах", изданным в 1513 году. Вот основные положения книги.

Женщина - существо низшее, ее депо повиноваться: так устроила природа. Мужчины должны вступать в брак 36 лет, женщины - 18 (сам Тирако женился на 11-летней девочке). Женщине разрешается наряжаться только для мужа. Муж не должен смотреть на жену как на равню. Бить ее, впрочем, не надо только потому, что она может отомстить неверностью и ядом. Полновластной хозяйкой женщина может быть только в саду; ее рабочий инструмент - прялка.

3. Приданое, которое приносила жена, становилось общей собственностью семьи, и распоряжался им муж. Дарения в пользу жены хотя и не запрещались, но ограничивались.

По общему правилу, можно было дарить не более 1/3 имущества (Саксонское зеркало). В Англии по общему праву жена наследовала 1/3 свободного держания (фригольда).

Раздельность имущества супругов существовала в немногих странах Европы, в частности во Франции.

4. Каноническое право ставило вне официального общества детей, рожденных вне брака. Оно требовало их последующего узаконения браком родителей, хотя законы и обычаи ограничивали возможность подобного узаконения.

Английское право (Мертонский статут 1235 г.) прямо запретило подобный способ узаконения, видя в нем нечто противное интересам феодальных собственников.

В Англии в XII веке законом Генриха II предписывалось, чтобы всякая девушка, забеременевшая вне брака, сообщала о том властям. Если она этого не делала, то при гибели ребенка (независимо от причин) она подлежала смерти.

5. Там, где поддержание нормальных семейных отношений становилось невозможным (например, вследствие прелюбодеяния жены), церковь допускала отлучение от стола и ложа: брак сохранялся, брачные отношения разрывались.

Реформация (протестантизм перестал смотреть на брак как на таинство), а еще более Возрождение (XV-XVI вв.) принесли с собой некоторое улучшение в семейном положении женщины. Возросло уважение к ней, у нее самой прибавилось чувства достоинства.

В особенной степени это относится к Италии. Образованные, энергичные женщины становятся во многих отношениях равными самым выдающимся мужчинам. Дочь известного юриста Джованни д'Андреа, учителя Петрарки, Новелла читает вместо отца лекции в Болонском университете, хотя и скрываясь за занавеской. Исчезает разница между законными и незаконными детьми. Незаконнорожденными были Леонардо да Винчи и сам папа Климент VII.

Но и здесь еще очень много варварского. Одна женщина из Прато, будучи похищенной испанским солдатом, убивает его, захватывает по праву добычи деньги солдата и, возвратившись домой, спрашивает мужа, согласен ли тот взять ее назад, если она уплатит 500 гульденов в виде нового приданого и платы за насильственное бесчестие, над ней учиненное.

Ж. Уголовное право

1. В настоящее время кажется само собой разумеющимся, что уголовный закон должен быть определенно сформулирован и что только те действия влекут за собой уголовное преследование, которые прямо и недвусмысленно предусмотрены законом как преступные.

Средневековая юстиция смотрела на это по-другому. Хотя и кутюмы и законы предписывали наказание за известные действия, судья не был связан этими предписаниями, особенно в том, что касалось преступлений, квалифицируемых как политические и религиозные.

То же самое следует сказать и о наказаниях. Каждый раз, когда преступление заслуживало особого наказания, судья изобретал казнь, которая должна была поразить воображение, была бы достаточно длительной, достаточно мучительной.

Мы уже не говорим о внесудебных расправах, о массовых избиениях, сопровождавших всякую попытку возмущения, всякое отступление от католицизма. В 997 году французские крестьяне, виновные в возмущении против гнета, были подвергнуты массовому искалечению: им отрубили руки и ноги. При подавлении ереси на юге Франции уничтожались все без разбора: "Господь на небесах разберется, кто католик, а кто еретик". О том, что последовало после поражения крестьянских восстаний в Англии и Германии, нельзя и сейчас читать без содрогания. Ни о каком суде не было и речи.

Преступлением считалось всякое проявление "неверности" по отношению к королю, сеньору, цеху, гильдии. Но что такое "верность", не было определено достаточно точно, и потому всегда существовала возможность произвола. От этого особенно терпели города, когда они были вынуждены бороться за вольности.

Таким же неопределенным было понятие "государственной измены" в английском уголовном праве. Государственной изменой считалось одно время одобрение первого брака короля Генриха VIII и осуждение брака с фрейлиной Анной Болейн (за это поплатился головой Томас Мор). Потом, когда Болейн надоела королю, приказано было считать изменой сожаление по поводу ее казни.

Можно указать на множество действий, считавшихся преступлениями, которые не назовет преступными ни один современный суд. Так, анатомирование трупов рассматривалось как преступление, за которое вплоть до XVI века была установлена смертная казнь.

Когда в начале XV века народ Милана, разоренный бессмысленной войной, вышел на демонстрацию с криками "мир!", было объявлено, что произнесение слов "мир" или "война" есть государственное преступление. Дело дошло до того, что священникам пришлось, вместо слов молитвы "дай нам мир", провозглашать "дай нам тишину".

В то же время многие деяния, признаваемые преступными любым современным законодательством, не считались таковыми в средние века. Это прежде всего открытый грабеж на больших дорогах, которым систематически занимались конные отряды рыцарей, пленение и заточение в целях получения выкупа, так называемое право первой ночи, бывшее легализованным изнасилованием, и т. п.

Распространение инквизиции и преследование так называемых религиозных преступлений привело к необычайному расширению феодальной репрессии. Под видом еретиков истреблялись и уничтожались все те, в ком видели опасность существующим порядкам, все наиболее передовые умы, восстававшие против схоластики и суеверий.

Используя невежество и фанатизм, церковь сумела придать популярность своим зверствам. Верили, что "колдовство" и вероотступничество могут навлечь "гнев божий" на всю страну, на весь народ. Об этом без конца повторяется в Библии. Не удивительно, что в каждом стихийном несчастье видели "божье наказание" за ересь.

Со спокойной совестью король Испании Филипп II, дегенерат и садист, утвердил приговор инквизиции, которым осуждался на смерть весь народ Нидерландов, боровшийся за национальную свободу. Было казнено около 25 тысяч человек. Светские суды мало в чем уступали судам церковным. В Англии, где инквизиции не было, но преследования за ересь были не менее жестокими, общее число казненных - по всем видам преступлений - было очень велико: из 4-5 миллионов человек населения было отправлено на смерть: при Генрихе VIII - 72 тысячи человек, при его дочери Елизавете (XVI век) - 89 тысяч.

В Германии судья Карпцов послал на казнь, по его собственному признанию, 20 тысяч человек. И это только один судья!

Не существует возрастного предела, ограничивающего или исключаящего применение уголовного наказания, особенно казни, в отношении детей.

Епископ Вюрцбургский, например (XVII в.), приговаривает к сожжению девятилетнюю девочку, заподозренную в "колдовстве", и она была сожжена вместе со своей младшей сестрой.

Объективное вменение, то есть наказание без вины, наказание единственно с целью устрашения и мести, широко применяется при каждом крупном политическом процессе, при преследовании еретиков и "колдуний".

Массовые избиения семей и друзей политических противников были заурядным явлением во время борьбы между гвельфами и гибеллинами во Флоренции (Италия): пока та или другая партия стояла у власти, она давала полную волю страстям.

В 1721 году в Париже на Гревской площади вместе со знаменитым разбойником Картушем был казнен его брат, совсем ребенок, никак не причастный к преступлению.

Английское право, впрочем, довольно рано обогатилось понятиями, заключающими в себе идею группировки преступлений в зависимости от их тяжести. Самым тяжким стали признавать "тризн" - государственную измену (главным образом неверность сеньору); термином "фелония" охватывались особо тяжкие преступления против личности (убийство, изнасилование) или собственности (поджог).

Это ничуть не мешало тому, чтобы приговаривать к смерти за убийство кролика на чужой земле, за кражу носового платка из кармана и пр.

2. Особую группу деяний, квалифицируемых как преступные, составляли те, в которых выражался протест угнетенного народа против эксплуатации.

Многочисленные постановления, касающиеся преследования крестьянских "разбоев", указывают на одну из наиболее распространенных, хотя и примитивных, форм сопротивления гнету. Но в то время, как законодательство и суд изощрялись в наказаниях для "разбойников", народные симпатии были на стороне последних.

Всем известна легенда о Робин Гуде из Шервудского леса (Англия). Враг попов, дворян и купцов, друг и защитник простого человека - так выглядит "разбойник" в глазах народа и таким он запечатлен в народной памяти.

С необыкновенной жестокостью, как мы уже говорили, подавлялись восстания против феодального строя. В начале XIV столетия по всей Италии гремела слава Дольчино - великого крестьянского вождя. Стоя во главе крестьянской армии, Дольчино добивался осуществления коммунистического идеала, как он ему рисовался. И он и его солдаты ("апостольские братья") бились до конца. Дольчино и его подруга Маргарита были схвачены и подвергнуты пытке. От них требовали отречения. Им при жизни сдирали кожу, скручивали, раздробляли конечности, вырывали мясо. Оба молчали с непередаваемой твердостью. Маргариту казнили позднее, чтобы она могла видеть агонию Дольчино.

Способствуя развитию буржуазных отношений (до известного времени), европейский абсолютизм использует уголовное законодательство с тем, чтобы принудить работника (особенно разоренного огораживанием крестьянина) принимать навязываемые ему условия работы. Так вырастает "кровавое законодательство", наиболее яркий пример которого дает Англия XVI века. Законы 1536, 1547, 1572 годов, изданные королями династии Тюдоров, предписывали отрезание ушей у так называемых закоренелых бродяг и смертную казнь при рецидиве; всякого человека, отказавшегося от работы на предложенных ему условиях, разрешалось обращать в рабство. Для этих категорий преступников закон предписывал унижительные телесные наказания: кнут, клеймение, заковывание в цепи.

3. В официальной теории непреложной истиной считалось, что устрашение (или, как мы сказали бы сейчас, общая превенция, предупреждение) является главной целью наказания ("чтоб иным, на то смотря, не повадно было так делать", говоря языком старого русского права). Во Флоренции был даже, рассказывают, обычай "увековечивать" каждый случай публичной казни картиной.

Следуя этому убеждению, смертную казнь стремились осуществлять в наиболее мучительных формах. Применялись кипячение в масле (при этом тело

казнимого опускалось в котел не сразу, а постепенно - начиная с ног), колесование, четвертование, разрывание, распятие на кресте, закапывание живьем, вытягивание внутренностей из живого тела, вливание в горло расплавленного металла, засечение и т. п.

Смертный приговор, предписывавший казнь, определял, по обыкновению, и способ ее, при этом не возбранялось соединять многие мучительные средства.

Вот как казнили, например, Равальяка за убийство короля Генриха IV во Франции (1610 г.): убийцу положили спиной на эшафот и крепко привязали; в руку его вложили нож (орудие преступления) и сожгли ее серным огнем; клещами рвали тело и лили в раны расплавленный свинец, масло и серу; затем конечности Равальяка привязали к лошадям и стали рвать сначала слабо, затем сильнее, пока не оторвали.

Во многих случаях наказание, помимо устрашения, заключало в себе заметный элемент мщения, как бы его ни прикрывали "священным писанием" или "государственным интересом".

Когда по приказу Людовика XI казнили герцога Немурского, под эшафотом поставили его малолетних детей, чтобы на них упали капли отцовской крови.

После казни не спешили убирать трупы. Они неделями висели на пиках, на стенах городского вала, на базарной площади, целыми или расчлененными.

4. Своеобразным обобщением средневековой теории и практики наказаний явилась так называемая "Терезиана" - австрийский кодекс 1768 года, сменивший "Каролину" в землях австрийской монархии.

В XVIII веке не только Австрия, но и другие германские государства выработали свои кодексы, сменившие "Каролину".

"Терезиана" не только узаконила пытку - это не было новшеством, - она содержала иллюстрации, разъяснявшие, как и какими средствами следует пытать. В том, что касается наказаний, авторы кодекса дали волю самому изощренному воображению. Разрешалось вырезывание ремней из человеческой кожи и т. п., и все это как дополнение к смертной казни.

При "просвещенном" короле Иосифе II "Терезиана" была заменена другим кодексом, несколько смягчавшим наказания (1777 г.).

Пройдет время, и мир узнает о формах и методах пыточного процесса, применявшихся сталинским КГБ. Не думаю, чтобы они отличались от средневековых в чем-либо существенном.

5. Упование на суровость наказания как на самое верное средство предотвращения преступлений проходит через всю историю феодального права.

Между тем опыт самой же средневековой юстиции служит наиболее ярким свидетельством ошибочности этой точки зрения.

Никакие репрессии не могут остановить классовой борьбы, порождающей бесстрашные натуры. Но репрессии сами по себе не могут подавить и общеуголовную преступность, хотя способны в какой-то мере и на какой-то срок (3-4 года в среднем) уменьшить количество преступлений.

Самые суровые казни не производили должного впечатления на преступников. Карманные воры продолжали красть у самого эшафота, пользуясь стечением публики (несмотря на то, что им самим грозил эшафот); в г. Тулузе (Франция) незадолго до революции банда убийц скрывалась за забором городской виселицы.

Сообщая об этом случае, Ж.П. Марат пишет: "Заблуждением является думать, что злодея обязательно удержит суровость угрожающей меры: воспоминание о ней очень скоро испаряется, между тем как неотвязные побуждения и нужды несчастного не покидают его ни на миг".

По наблюдениям священников, принимавших последнюю исповедь обреченных, большая часть преступников неоднократно присутствовала при казнях. Но каждый раз, совершая преступления, они надеялись на принятые ими предосторожности. Эта надежда была сильнее страха.

Не следует преувеличивать также положительное воздействие смертной казни на публику. Следуя одна за другой, казни быстро превращаются в зрелище. Не раз было замечено, что когда казня молодая и красивая, а

казнимый имеет за собой славу "героя" да еще мужественно держится, зрители выражают свое сочувствие преступникам.

Оказываясь в центре внимания, осужденный нередко ведет себя вызывающе. Долго сохранялись в народе ужасные шутки осужденных, произнесенные на эшафоте или на пути к нему. Один просил палача вести его по той улице, где он не встретится с кредитором, другой предупреждал, что не любит, когда касаются шеи, ибо боится щекотки, и пр.

Необыкновенную убедительность приобретают столь частые уверения в невинности, когда они произносятся с высоты эшафота; ужасное впечатление производит зрелище борьбы между палачом и преступником, когда последний, собрав силы, оказывает сопротивление.

Любопытно отметить то высокое положение, которое занимал в средневековом обществе палач; его одаривают деньгами, присваивают дворянский титул (например, в Германии) и пр. Он считается "последним судьей" (Nachrichter).

Как отмечал русский криминалист Таганцев, в XIX веке отношение общества к палачам уже совсем другое. С ними не хотят иметь дела. Их подбирают нередко из рецидивистов, которым за то прощают преступление. Но много раз случалось, что убийцы и грабители предпочитали идти на казнь, чем принимать на себя обязанности палача.

6. Среди прочих наказаний, применявшихся феодальными судами, следует выделить ссылку на галеры.

Галеры - это гребные суда. На каждой галере находилось до 300 гребцов. Каждые 5-6 человек были прикованы к одной скамье и одному веслу. Здесь они ели и спали.

Ссылку на галеры стали применять начиная с XV-XVI веков. Она была, как правило, бессрочной - до смерти. Больных сносили в трюм, где, лишённые воздуха, света и нужной пищи, они быстро погибали. Трудно сказать, какая смерть была предпочтительней: на галерах или на эшафоте.

При Людовике XIV на галеры стали ссылать не столько преступников, сколько протестантов, не желавших менять веры, а также авторов и издателей книг, почему-либо не понравившихся правительству.

С течением времени галеры стали заменяться каторжными работами в портах.

Излюбленным средством наказания в Германии было прогнать через строй. Оно применялось по отношению к лицу "податного сословия". Во Франции прогоняли через строй виновных солдат.

7. Тюрьма становится орудием наказания не ранее XVI века (до этого времени она только место задержания до суда).

В настоящее время трудно вообразить себе, чем была средневековая тюрьма в Англии, Франции и во всех других странах Европы.

"Мы с любопытством осматриваем теперь, - пишет выдающийся русский дореволюционный криминалист Таганцев, - в более старых городах Европы или в развалинах замков эпохи феодальной подземные каменные гробы, лишённые света и воздуха, или такие же клетки с раскаляющейся свинцовой кровлею... но представим мысленно то время, когда... в них проводили годы, десятки лет, целую жизнь заживо погребённые, прикованные к стене или хотя и пользующиеся свободой движения в двух-, трехсаженном логовище, но среди скученных товарищей по несчастью - живых, а нередко и мертвых, по неделям остававшихся без погребения, без всякой одежды или в разодранных лохмотьях, покрытых насекомыми всякого рода, в удушливой атмосфере сырости, плесени, не выносившихся нечистот, поддерживая свои силы заплесневевшим хлебом да какой-нибудь похлебкой, мало отличной от помоев".

Женщины и мужчины, взрослые и дети, новички и закоренелые преступники содержались вместе. О том, чтобы занять арестантов работой, никто и не помышлял.

Весьма нередко (особенно в Англии) в одной и той же тюрьме, в одной и той же камере помещались неоплатные должники и уголовники-рецидивисты, ждущие суда за преступления.

Для того чтобы арестованные не пытались бежать, применялись кандалы и приковывание.

"В Кембриджском графстве, - продолжает Таганцев, - арестантов, напр., клали спиной на железные полосы, укрепленные на полу, приковывали цепью, надевали на шею железное, с большими иглами, кольцо, мешавшее наклонять голову к земле, и покрывали еще другою тяжелою полоскою ноги".

Нередко оказывалось, что в таких условиях многие годы находились заключенные незаконно, случайно.

Основную массу арестантов составляли мелкие преступники, виновные в незначительных кражах и т. п.; виновные в немногим более тяжких преступлениях наказывались смертью.

8. В Древней Греции, равно как и в рабовладельческом Риме, уголовному преследованию подвергались и животные. Средние века сохранили и "упрочили" этот обычай.

Объясняли его по-разному. Одни - тем, что всякое преступление нуждается в очистительном наказании, другие - тем, будто нельзя сомневаться в наличии сознания, психической деятельности у животных.

В XIV и XV веках животные, виновные в смерти людей, приговаривались обыкновенно к повешению. Перед этим их подвергали заключению и пытке. Крик боли принимался за признание вины. Во время казни животных одевали в человеческое платье. Казнь животных была чаще всего квалифицированной: вешали за задние ноги.

Весьма обыкновенным было обвинение животных в "колдовстве": в XV веке был сожжен петух, которого обвиняли в том, что он снес яйцо (следовательно, находился в союзе с дьяволом); церковные суды нередко разбирали дела о преступлениях, совершенных насекомыми, грызунами, когда они причиняли вред земледелию, и т. п. Комментарии излишни.

II. Феодальные государства в Восточной Европе

Глава одиннадцатая Восточная Римская империя - Византия

1. Началом Византийской империи принято считать 395 год, когда император Феодосий I разделил Римское государство на две части - восточную и западную.

Столицей восточной части империи сделался Константинополь (так был переименован в 330 г. старый греческий город Византии).

В свои лучшие времена - до начала арабских завоеваний (VII в.) - империя включала обширные территории на Востоке: Палестину, Сирию, Месопотамию (ныне Ирак), Египет. После того как арабы отвоевали эти земли, империя сосредоточилась на Балканах и в Малой Азии (нынешняя Турция).

2. Начиная с IV столетия н.э. в Византии, как и в Риме, стали развиваться, хотя и медленно, феодальные отношения. Занятые в сельском хозяйстве рабы получают в пользование землю и инвентарь; подобно колонам, они обязаны платить половину урожая в пользу своих господ.

Свободные крестьяне отдаются под покровительство крупных землевладельцев на основе уже известного нам прекария.

Большая часть советских византинистов (З.В. Удальцова, А.П. Каждан и др.) полагает, что рабовладельческие отношения удерживались в Византии вплоть до VII века н.э. как господствующие. В противоположность этому Е.Э.Лифшиц, как и некоторые другие ученые, считает началом перехода к феодализму в Византии IV-V века. Рабство еще удерживается, но как пережиточно сохранившийся и потому отмирающий уклад.

Мы полагаем возможным придерживаться в данном случае (не причисляя себя к специалистам-византинистам) той точки зрения, которая установилась в нашей историко-юридической литературе и которую разделял переводчик и комментатор Дигест проф. И.С.Перетерский. Начиная с IV века в римское право, особенно в Византии, был включен ряд нововведений, свидетельствующих о переходе к феодализму: особо следует отметить прикрепление к отдельным профессиям и корпорациям различных групп населения, в первую очередь колонов. С IV века колон - уже зависимый арендатор, причем степень его зависимости увеличивается. "Рабы, посаженные на землю, - писал И.С.Перетерский, - оставаясь юридически

рабами, фактически превращаются в крепостных. Они вели хозяйство на мелких участках, а ранее свободные арендаторы начали постепенно нисходить до положения рабов, посаженных на землю... В отношении наказуемости некоторых преступных деяний колонны, как и вообще люди низших сословий, занимают положение, близкое к рабам". Отсюда не следует, конечно, что рабство и колонат уже не различаются.

"В результате мы должны признать, что в IV-V веках Восточно-Римская империя была разлагающимся рабовладельческим государством. Специфической особенностью Византии было... сохранение сильных пережитков рабства при развитии крепостнических форм эксплуатации".

Феодальные отношения развиваются и в городах. Ремесленники прикрепляются к своим коллегиям. Дети ремесленников обязываются следовать профессии отца.

Крупнейшим земельным собственником сделалась церковь. В Константинополе уже в VI веке насчитывалось 100 монастырей, один богаче другого; многие сотни их были построены в провинции.

В VI-VII веках в Восточно-Римскую империю вторгаются славянские племена. Они поселяются на обширных территориях во Фракии, Македонии, большей части северной Греции, а также в Далмации и Истрии.

Подобно франкам, славяне сохраняют на новых землях свои старинные общинные порядки. Они долгое время успешно сопротивляются всяким попыткам установить над ними феодальный гнет. Более того. По их примеру и при их поддержке возрождается свободное крестьянское сословие в среде коренного населения Греции.

Возрождается и старая крестьянская община. Одновременно с тем уменьшаются крупные имения. Исчезают прикрепленные к земле крестьяне.

Главным угнетателем крестьянина стало выступать государство в лице его податного аппарата. Однако и внутри свободной крестьянской общины уже не редкостью становятся кабальная аренда, наемный труд. Не отмерло и рабство.

Окончательная победа феодальных порядков приходится в Византии на IX-XI столетия, чему немало способствовало поражение крестьян в восстании Фомы Славянина (IX в.) и последовавшем за тем движении павликиан (так, от имени Апостола Павла, было названо широкое крестьянское восстание против феодального угнетения).

Крупные землевладельцы и военная знать ("динаты" - сильные) захватывают крестьянские земли, подчиняют себе сельские общины, добиваются нового прикрепления крестьян к земле. С этого времени основная фигура в Византийской деревне - феодально-зависимый парик, крепостной.

В городах устанавливается тот же мелочный контроль над ремеслом, что и в других странах Европы.

Наконец, в довершение сходства государство стало практиковать (с XI в.) раздачу земель за службу, подобно тому, как это делалось при Карле Мартелле у франков. И так же, как это было у франков, пронариары, как назывались в Византии бенефициарии, добиваются превращения своих служебных поместий в неотчуждаемые вотчины, приобретают административную и судебную власть над населением.

Установление феодальных отношений в Византии идет особым путем - через постепенное устранение рабовладения и его пережитков. Но результат оказывается таким же, как и у франков и остальных германцев.

2. Важными особенностями характеризуется и государственный строй Византийской империи. Первая из них - сохранение сильной императорской власти, наличие устойчивого централизованного руководства империей.

Это, впрочем, не исключает того, что весьма нередко императоры находились во власти клика, ими ставились и свергались. Из 107 Византийских самодержцев только 42 умерли своей смертью или скончались в боях - остальные были либо убиты, либо отреклись от престола.

Начиная с IX столетия выборность трона сменяется его переходом по наследству (принцип легитимности). При этом, как правило, наследник престола назначался соправителем еще при жизни императора. Ему присваивался титул "царя" (точнее, "цезаря").

Окруженная неслыханным внешним почитанием, императорская власть опиралась на огромный, строго централизованный аппарат управления. К высшим ведомствам империи принадлежали министерства внутренних дел (полиции), иностранных, военное, финансовое и др.

Замещение высших должностей было привилегией знатной знати - высшего сословия империи. Она подразделялась на 18 разрядов. Каждый разряд замещал строго определенные должности. Переход в более высокий разряд давал право на более высокий пост. Проникнуть в этот круг было трудно.

Местное управление империи представляет интерес благодаря соединению военной и гражданской власти (VII в.) в одних руках - в руках генерал-губернаторов ("стратигов", как они назывались). Правительство желало видеть их сильными и в то же время пугалось связанных с этим опасностей. Выходом было раздробление провинций, уменьшение их территории.

Военные силы империи состояли из солдат, для которых служба была наследственной профессией. За службу они наделялись земельными участками.

Ни одно европейское государство не могло состязаться с Византией по части налогового обложения.

Укажем на поземельную подать, которую налогоплательщик доставлял своими средствами, в виде зерна и пр., подушную подать, подать с жилищ, налог на париков и т.д. Кроме того, широко практикуются: принудительные постой солдат и чиновников в домах обывателей; принудительная продажа скота и зерна по пониженным ценам; поставки продовольствия в крепости; принудительное участие в строительстве мостов, дорог и пр.

Мы уже не раз говорили о том произволе, который царил в период абсолютных монархий, о потоках крови, которая проливалась в угоду той или иной политике. Но то, что происходило в этом смысле в Византии, мало с чем сравнимо.

При императоре Фоке (602-610 гг.) были испытаны на множестве невинных людей все способы казни: разрезание на части, старинные римские зашивания в мешок с последующим выбрасыванием в море и пр.

Вот как, например, казнили сановника Елпидия: выкололи глаза (делалось это обыкновенно раскаленным металлом), вырезали язык, отрезали ноги и руки, затем, еще живого, бросили в лодку и сожгли.

Императору Андронику (XI в.), человеку мелочному и подозрительному, принадлежала идея одновременного массового избиения всех заключенных, а заодно и всех их родственников. Мотивировалась эта мера государственным интересом и, разумеется, "повелением божьим".

"Хотя, - говорилось в указе Андроника, - все эти люди заключены в оковы и даже ослеплены, они не оставляют своих злых умыслов, и потому нет другого средства образумить их, кроме как лишиться жизни". Народное восстание, воздавшее полной мерой самому Андронику, спасло заключенных.

Еще и сейчас можно услышать слово "Византийство" как определение политики и режимов лицемерных, жестоких, развращенных.

Сохранение сильной императорской власти в течение всей феодальной истории Византии можно объяснить рядом причин: наличием многих крупных городских центров - наследников римской эпохи - и потому потребностью в экономической связи между областями и провинциями; особой остротой классовой борьбы, что вполне объясняется сходством интересов крестьянской массы и многочисленного городского плебса, открывшим возможности союза между ними; наконец, постоянной внешнеполитической опасностью, дополняемой необходимостью эффективного подавления подвластных империи народов.

В отличие от того, что имело место на Западе, в поддержку сильной центральной власти выступает в Византии и церковь. Ее попытка подняться выше светской власти, предпринятая в VIII веке, оказалась неудачной. В конце концов было признано, что единственным лицом, достаточно компетентным для разрешения церковных дел, включая богословские споры, является император.

3. Наше особое внимание привлекают те страницы истории Византии, которые связаны с созданием крупнейшей правовой кодификации всех времен -

свода законов Юстиниана. Значение его двоякое: во-первых, он дает наиболее систематическое изложение римского классического права и римской юриспруденции вообще; во-вторых, он послужил основным источником рецепции римского права в средние века - со всеми вытекающими из этого последствиями.

Кодификационные работы были выполнены в небывало короткий срок - за пять лет, с 529 по 534 год н.э.

Современное название свода - *Corpus iuris civilis* - не принадлежит Юстиниану. Оно было дано глоссаторами в XII веке, в параллель своду церковного права - *Corpus iuris canonici*.

Законодательство Юстиниана преследовало разнообразные цели. Здесь и стремление привести в систему старое право, унаследованное от Рима и во многом уже не соответствующее новым временам, особенно тем временам, которые принесла с собой медленно совершавшаяся феодализация империи; здесь и надежда укрепить монархию; здесь и желание придать блеск правлению императора - выходца из простых солдат.

Племянник императора Юстиниана (в прошлом крестьянина), фактический соправитель, а затем император, Юстиниан отличался необыкновенной активностью. Он полагал, что, подобно римлянам, он должен не только побеждать, но и создавать законы. Вся жизнь Юстиниана носилась с неосуществимой мечтой воскресить былое величие Рима, объединить под одной властью его бывшие владения.

Интерес Юстиниана к праву и судебной деятельности был очень велик. Вмешательство в судебную деятельность, в том числе в качестве высшего судьи, было для него делом обыкновенным.

Юстиниан полагал, что "безопасность государства зиждется и укрепляется оружием и законами... благодаря им возвысились римляне. Так было в прошлом, так будет и впредь".

В качестве руководителя кодификационных работ был избран юрист Трибониан, занимавший один из важнейших постов в государстве (начальник столицы). Ему было дано всего 15 сотрудников. Через три года после начала работы были готовы две основные части кодификации - Дигесты и Институции.

Дигесты, или Пандекты (переводятся одинаково - как "собранные", "содержащие в себе все"), составлены из сочинений выдающихся римских юристов (в извлечениях). Здесь излагается и комментируется действующее право. Дигесты - самая толстая книга кодификации - около 100 авторских листов (1600 стр.)'

Институциями был назван учебник для студентов Византийских юридических учебных заведений.

В империи имелись три высшие юридические школы: в Константинополе, Риме и Бейруте. Обучение продолжалось пять лет. Программа утверждалась государством. Институции были кратким учебником по общим началам юриспруденции. Составлены они были на основе более старого учебника римского юриста Гая.

Третья и последняя часть свода - это собрание императорских постановлений, собственно "Кодекс Юстиниана".

Наконец, все дополнения и изменения, вносимые в свод последующим законодательством, составили особую часть - "Новеллы".

В широком смысле изменений и дополнений закона вообще это название сохраняет свое значение и в настоящее время.

От новелл отличались интерполяции, которыми стали называть всякие "скрытые", не оговоренные изменения текста, внесенные в Дигесты.

.Из последующих Византийских кодификаций отметим "Эклогу" (VIII в.), хорошо известную в славянских государствах, "Земледельческий закон", санкционировавший существование сельских общин в Византии регламентировавший их правовой быт, наконец, "Базилики" императора Льва VI (890 г.), возвратившие Византийскую империю к законодательству Юстиниана. Кратким изложением основных законов явился изданный раньше "Прохирон".

В XIII столетии Константинополь сделался добычей крестоносцев, шедших "освободить" Иерусалим от мусульман.

Ослабленная политически, переживавшая экономический упадок, Византия должна была между тем вступить в непосильную конкуренцию с развивающейся европейской торговлей на Востоке. Угнетенные народы, в том числе славяне, в жестокой борьбе с империей отпадали от нее, образуя самостоятельные государства.

В XIV веке в наступление на Балканы переходят турки. Они захватывают сначала Сербию, потом Болгарию. В 1453 году наступает очередь и самого Константинополя. "Второй Рим", как его называли в Москве, сделался добычей завоевателей.

Глава двенадцатая Феодалное государство и право у южных славян

1. Как уже говорилось, с VI столетия славянские племена начали колонизацию Балкан. В следующем столетии они образуют в Мезии (нынешняя Болгария) союз, известный под названием "Семи славянских племен".

В 70-х годах того же столетия в район семи племен вступили тюрки-булгары с князем Аспарухом во главе. Славяне должны были, по-видимому, уступить болгарской знати и ее вождю политическое преобладание, но зато сохранили и свои земли, и свой особый быт, и, конечно, свой язык.

Союз славян и булгар стал надежной защитой против агрессивной Византии. Он активизировал основные внутренние процессы развития, дав им защиту в лице сильной княжеской власти.

По уровню экономического и культурного развития славяне стояли выше булгар, они превосходили их в численном отношении, и потому не славяне, а булгары растворились в чужом народе, ассимилировались с ним, но они передали стране и ее народу свое родовое название. С VII века ведем мы начало так называемого Первого болгарского царства.

В начале X века в Болгарии побеждает феодальный строй и соответственно с тем образуются два основных класса - господствующий (болгаро-славянские родовые старейшины, некоторая часть княжеских дружинников и духовенство) и эксплуатируемый (в основном зависимое крестьянство).

Крестьянство состояло из трех групп: баштинников, сохранивших свой отцовский надел, личную свободу и некоторые возможности распоряжения собственностью; париков - крепостных, обязанных барщиной и другими повинностями в пользу помещиков и налогами в пользу государства; наконец, отроков - рабов, посаженных на землю или состоявших при дворе господина.

Государственная власть, представленная князем и его администрацией в центре и на местах (воеводствах и жупах), достигает значительной силы при знаменитом Симеоне (893-927 гг.). Внешним выражением его величия было произведенное при нем преобразование княжества в царство.

Но империя Симеона и его преемников была непрочной. Появились первые признаки феодального распада. Этим вскоре воспользовалась Византия, с опасением наблюдавшая за появлением сильного государства на ее северных границах.

В начале XI века Болгария была завоевана Византией и находилась под ее господством около 150 лет. Это время было использовано болгарским феодальным классом для ликвидации свободного состояния баштинников, для повсеместного их закрепощения. Византийское правительство в своих особых видах насаждает в Болгарии зависимое феодальное землевладение - прении. Возникает новый слой господствующего класса - проиары.

В конце XII столетия Болгария возвращает себе независимость. Начинает существование Второе болгарское царство (с 1187 г.). Оно занимает значительную территорию, расширяемую за счет удачных завоеваний.

Родившись в упорной борьбе с Византией, Второе болгарское царство являет нам пример сильной центральной власти, особенно при известном Иване-Асене II. Но и в этот сравнительно краткий период болгарские цари оказывались связанными решениями влиятельных феодальных органов - "народных соборов" (феодальных съездов) и постоянного совета, членами которого являлись высшие чины администрации.

В конце XI века эти последние получали титулы по Византийскому образцу: канцелярией и внешними сношениями стал ведать "великий логофет", во главе областей стояли уже не жупаны, а "дуки" и пр.

Первая значительная кодификация болгарского права получила название "Закона судного людям". Составлен он был на рубеже IX и X столетий - более точная датировка затруднительна.

И по своим источникам, и по своему содержанию Закон судный людям - документ сложный. Приняв христианство по Византийскому образцу, Болгария включила себя в круг Византийских культурных и правовых влияний, и это сказалось на многих статьях Закона. Особенно сильным оказалось влияние Византийской Эклоги.

Рецепция римского права на Западе отвечала главным образом интересам городов. Но не только. Ею широко воспользовались для упрочения отношений феодальной собственности, для усиления податного бремени крестьянства. В Болгарии рецепция римско-Византийских образцов ограничилась сравнительно немногим и служила почти исключительно закреплению только еще складывавшихся феодальных отношений.

Закон судный людям упоминает далеко не все уголовные преступления и в очень малой степени регулирует гражданско-правовые отношения. Все, что лежало за пределами Закона, оставалось областью старого славянского обычая.

В области имущественных отношений Закон судный людям касается поклада, заклада, опеки, поручительства - отношений сравнительно новых, порожденных классовым обществом.

Для задруги, для рода не было проблемы опеки или попечительства, да и поклада была вряд ли известна. Эти проблемы возникают с индивидуальной семьей и раньше всего "властельской", господской.

Весьма привлекательной должна была показаться (и потому заимствована) норма, разрешающая лишать всего заработанного того из нанявшихся, который не "допахал до времени", то есть почему-либо не смог исполнить договор найма до конца.

Новым важным делом властей было пресечение старых, языческих форм брака. Запрещается многоженство и категорически предписывается выгнать из дома вторую жену (вместе с ее детьми), устанавливается запрещение вступать в брак с близким родственником, что было вполне допустимым и даже обязательным в прежние времена, и пр.

Закон допускает уже завещание, хотя и не позволяет оставить без наследства кого-либо из детей.

Но старое славянское право не хочет сходить со сцены. Внимательно вчитываясь в содержание Закона, видишь, что именно оно, а не Эклога и не законы Моисея, влияние которых может быть отмечено для некоторых случаев, составляет основу кодификации. Авторы Закона не могли принять в виде наказания за "кровосмешение" ни смертную казнь, ни членовредительство, предлагаемые Эклогой, и остановились на самом легком - простом разлучении супругов. Они не пожелали наказывать юношу, вступившего в связь с девицей, если тот готов был искупить вину женитьбой, - таков был старый обычай, и не было возможности отступить от него, несмотря на все заклинания религии.

Только в том случае, если преступление было совершено в "пустом месте", где девица не могла найти защиту, виновного лишали имущества (оно отдавалось потерпевшей "за сором") и подвергали мучительному наказанию.

Заметим, кстати, что старое польское право смотрело на то же деяние по-другому. Изнасилование в доме каралось, в поле или лесу - прощалось. Добрачные связи не были здесь запрещены и не осуждались.

Среди преступлений Закон особо выделяет разбой, в котором здесь, как и во всех других странах Европы, видели форму крестьянского сопротивления и мести. Наказание за разбой - смертная казнь.

Виновные в похищении имущества, особенно господского, наказываются строго. Вводится понятие рецидива в краже. За него полагается ослепление и урезание носа - излюбленные наказания в практике Византийского правосудия.

Убийца наказывается штрафом - "враждой", а когда он неизвестен - платит село ("емство"), где найден труп. Это, конечно, старина.

2. Несколько позже, чем у болгар, государство возникает у сербов. Еще в X столетии в Сербии сохраняется деление на племена, народные веча, советы старейшин.

Сельская община находится в расцвете, семейные отношения - на стадии, промежуточной от группового брака к индивидуальной семье современного мира.

Несколько поколений потомков одного отца живут вместе, под одной крышей, одним двором. Они совместно владеют имуществом, вместе обрабатывают землю, питаются и одеваются из общих запасов. Это то, что называется задругой.

Высшая власть в задруге принадлежит семейному совету, состоящему из всех взрослых мужчин и женщин, но непосредственное управление находится в руках избранного всеми дома-чина. Важные дела, включая суд над провинившимся, являются компетенцией семейного совета, и ни одна большая продажа или покупка не могут быть произведены без его согласия/

Сельские общины объединялись жупой, как назывался небольшой район, служивший местом пребывания нескольких родов. Многие свидетельства позволяют видеть в славянской жупе тот же союз родов, каким была фратрия у греков или курия у римлян.

Феодализация Сербии заметно подвинулась в XI веке и тогда же - что вполне закономерно - были предприняты первые попытки объединения областей. Они увенчались успехом через столетие, в княжение великого жупана центральной сербской области Рашки - Стефана Немани. Сын Немани, Стефан Первовенчаный, присваивает себе титул короля. Особенно же усилилась Сербия в царствование знаменитого Стефана Душана, правившего страной в первой половине XIV века. При нем был издан один из наиболее значительных памятников старого сербского права - Законник Стефана Душана.

Господствующий класс в Сербии состоял из двух сословий. Высшее сословие образовывало феодальную знать - властелей. Земельная собственность властелей была наследственной. Она не зависела от воли короля. Властели замещали все важнейшие должности в центральном и местном управлении.

Властелич - это уже известный нам проиар. Он хотя и феодал, но низшего ранга: если властелич выберит властеля, предупреждает Законник Стефана Душана, будет бит палками (властель-оскорбитель отделается штрафом).

Угнетенный класс - сербское крестьянство - состоял из некоторого количества свободных (так называемых себров), полностью закрепощенных (меропхов) и отроков-рабов.

Законник грозит меропху клеймением и распарыванием носа в случае побега от хозяина. Меропх обязан работать на помещика два дня в неделю, а в страдное время - больше и давать ежегодный денежный взнос.

Хорошо изучен государственный строй Сербии в эпоху Стефана Душана. Поднявшаяся на гребне антифеодальных выступлений сербского крестьянства, укрепившаяся победами над Византией, королевская власть украшает себя, начиная с Душана, Царским титулом. Но старый собор светской и церковной знати еще существует, и царь вынужден обращаться к нему при каждой крупной мере. Так, Законник Стефана Душана был принят не единолично, а собором светской и духовной знати.

В новом административном устройстве государства был последовательно проведен принцип территориального разделения населения. Старые жупы с засильем родовой знати были заменены новыми. И в каждой из них находился царский чиновник. Жупы объединялись областями.

Судебное устройство в Сербии, как и во всяком феодальном государстве, сложно. Есть господские суды над крепостными, церковные суды - над церковными людьми, особый суд, осуществляемый чиновником, взыскивающим пошрины, и т.д.

Но главное место принадлежало все-таки царскому суду - придворному, областному, городскому.

Интересен областной суд: большую часть времени он (как то было в Англии и во Франции) проводил в разъездах, осуществляя общий надзор за всей юстицией в стране.

Пережитком старины, и очень интересным пережитком, был долго сохранявшийся в Сербии суд поротников, то есть, говоря привычным нам языком, суд присяжных.

"Порота", или "рота", - это присяга, клятва. Поротники приносили присягу, что будут судить по совести. В "большом деле" полагалось 24 поротника, в "среднем" -12, в "малом" - 6. Мирить стороны запрещалось. Законник обязывает поротников либо оправдать, либо обвинить. Решение принималось по большинству голосов. Суд этот был судом сословным (для властелей поротники - властели и т.д.).

За^конник Стефана Душана был принят в 1349 году. Как и Закон судный людям, кодификация Душана служила закреплению феодальных отношений, преодолению языческой старины. В 1354 году в Законник были внесены значительные дополнения, запрещающие увеличение крестьянских повинностей и разрешающие судебную защиту крестьян (включая крепостных), с одной стороны, усиливающие наказания за сопротивление государству и помещикам - с другой.

Как и Закон судный людям, кодификация Душана не была всеобъемлющим сводом. Ее дополняли некоторые Византийские компиляции, бывшие в ходу, и сама она была в известном смысле "дополнением" старого обычая, по которому продолжала судиться сербская деревня, сербская задруга.

Во многих же отношениях Законник относится к Византийскому праву критически (например, запрещая залого), а старый обычай стремится либо устранить, либо реформировать.

Особой разработкой отличаются уголовные постановления Законника. Они составляют около трети всех статей. Составители кодекса позаботились ранее всего о защите религии против еще не изжитого язычества. Возвращение к последнему или переход в другую веру наказывается смертью (при смягчающих обстоятельствах - членовредительством, ссылкой в рудники и пр.).

Среди государственных преступлений на первом месте - измена и разбой.

В борьбе с ними законодатель санкционирует, наказание не причастных лиц, то есть объективное вменение. В делах о государственной измене отвечают "брат за брата, отец за сына, родственник за родственника", короче говоря, все те, кто жил одним хозяйством с преступником. Сам же изменник наказывается смертью и конфискацией имущества. За разбой, учиненный хотя бы и неизвестным чужим человеком, должны отвечать вся "та земля и те села, через которые пришел разбойник и через которые он ушел".

Круговой ответственностью связывает Законник членов задруги. Они должны или выдать виновного, или отвечать все вместе. И это относилось не только к разбою, но и к воровству, а также к другим преступлениям, например, подделке монет и пр.

Широко применялись членовредительские наказания, заимствованные в Византийском праве, и штрафы, сохранившиеся от догосударственной эпохи. Только теперь они, как и повсюду, служат интересам сильных.

Властель, убивший себру, платил тысячу перперов, но себр, убивший впастеля, помимо штрафа в триста перперов (цена 25 жеребцов), наказывался отрубанием рук. Этот принцип был распространен и на другие случаи. Неуплата штрафа влекла за собой смертную казнь.

Членовредительством угрожает Законник свободным крестьянам, если они соберутся почему-либо без разрешения властей: "Себрова собора да несть", иначе "уши урежу и выжгу ресницы".

Инициатива в уголовном преследовании за государственные и религиозные преступления принадлежит государству.

В церковных судах Сербии царят инквизиционные формы судопроизводства. Государство воспринимает их при расследовании

политических преступлений. Всемерно поощряются доносы. Не пренебрегают доносами рабов. Напротив, им обещают за то свободу.

Широко применяются старые формы ордалия. И вор и разбойник должны "пройти через железо".

Сербские формы испытания железом более мучительны по сравнению с германскими или польскими. Обвиняемый должен был вынуть из огня раскаленное железо и нести его в руках от церковных ворот до самого алтаря. Как можно было оправдаться при таком испытании? Поединок существует, насколько можно судить, для одного случая: когда двое спорят в походе. Они должны были биться один на один, и никто под страхом отсечения руки не должен был вступаться.

Широко применяются свидетельские показания. Верили только самым первым показаниям, последующие не принимались во внимание. Рассмотрение дел велось, как правило, устно и гласно. Но при этом писался протокол и судебное решение фиксировалось на бумаге. Как и в Русской правде, для отыскания виновного применяется "гонение следа", то есть непрерывное преследование заподозренного от деревни к деревне.

3. После смерти Стефана Душана Сербия стала быстро распадаться на уделы. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться нетерпеливо ждавшие своего часа турки-сельджуки. В сражении на Коссовом поле в 1389 году сербы после героического сопротивления были разбиты турками.

Вслед за тем наступила очередь Болгарии. В 1430 году турки захватывают одну из ее областей, а через шесть лет всю страну.

Захваченные земли были поделены на служебные наделы (спахилуки) и розданы турецкому воинству.

Управление Сербией и Болгарией было отдано в руки фанатичных и жестоких чиновников-мусульман. Население, презрительно именуемое стадом ("райя"), должно было нести гнет налогов, а помимо того, каждые пять лет отдавать завоевателям определенное число мальчиков ("налог крови"). Турки воспитывали из них отборную часть своей гвардии - янычар.

С покорением Сербии и Болгарии прекратилось на длительное время их самостоятельное государственное существование.

Ведя борьбу с угнетателями, отстаивая свой язык и свою культуру, болгары и сербы возлагали надежды на Россию. Они видели в ней могучую единоверную и национально-родственную державу. Эти надежды не были напрасными. Освобождение Болгарии и Сербии от турецкого порабощения неразрывно связано с именем России, с ее народом, с ее армией.

Глава тринадцатая Феодальное государство и право у западных славян

1. С глубокой древности вдоль южного берега Балтийского моря, между Лабой (Эльбой) и Вислой, проживали многочисленные славянские племена. Они основали нынешний Щецин и Колобжег, Любек и Магдебург (б. Девин). От их "Поморья" возникло немецкое название всего района - Померания. Славянские поселения располагались и там, где теперь Берлин: здесь некогда, до своего истребления, жили стодоряне.

Среди полабских племен особенно выделялись численностью и силой два - знаменитые лютичи (велеты), главная опора в борьбе против германской агрессии, и бодричи. Вдоль берега моря, от Щецина и до Гданьска, жили поморяне. Земледелие, скотоводство, морской промысел составляли основные отрасли хозяйства. Преобладало земледелие. В приморских городах большое развитие получила торговля.

История застаёт прибалтийских славян на стадии разложения первобытнообщинных отношений и формирования государства. Мы можем заметить здесь не только племена, управляющиеся народным собранием, князем и старейшинами, но даже роды и жупы.

Славянская деревня живет общиной, очень схожей с общиной германцев. Рабство военнопленных с трудом проникает в эту консервативную среду: рабов предпочитают продавать за границу или в хозяйства знати, где они находят себе применение в поле и при дворе.

Побывавшие в Поморье немецкие хронисты с удивлением констатировали у славян нравы, давно исчезнувшие в остальной Европе. Они отмечают

"честность и товарищество" славян, отсутствие у них кражи и обмана. "Мы там не видели ни замков, ни ключа, а сами жители были очень удивлены, заметив, что личные ящики и сундуки епископа (имеется в виду немецкий епископ Отгон, пришедший с миссионерской целью) запирались на замок".

Миссионеры отметили и другое: каждый отец семейства имеет отдельную избу, предназначенную для приема гостей: "В какое время кто ни захотел бы поесть, гость или домочадцы, они идут к столу, на котором все уже накрыто".

Основную массу народа составляют свободные люди - смарды (ср. "смерды" Киевской Руси). Свои обязанности и свои права они видят в том, чтобы участвовать в народном собрании (вече), ходить на войну, мстить за кровную обиду. На собрания они являются вооруженными.

Выше смарда стоит знатный человек - князь, старейшина, княжеский дружинник, а в городах Поморья - разбогатевший на торговле купец, землевладелец и старейшина одновременно.

Ниже смарда - полусвободный "десятник", жертва "подачи" (так называлась в славянском Поморье долговая кабала), и раб. Обе эти группы, близкие по своему юридическому положению, составили ядро зависимого населения. Политическое устройство прибалтийских славян было неодинаковым у различных племен.

В Поморье раньше, чем в других районах этой страны, устанавливается господство имущественной знати. Вечевые собрания городского люда становятся орудием правящей аристократии.

У бодричей побеждает сильная княжеская власть, совершается территориальное разделение населения, упрочивается налоговое обложение, распространяется княжеская администрация.

И там и здесь возникает раннефеодальное государство, но лютичи дольше других задержались на догосударственной стадии развития. Начиная с X века у них исчезает княжеская власть, руководство делами сосредоточивается в руках народного собрания и старейшин.

"Всеми этими племенами, - пишет немецкий хронист Титмар, - которые вместе называются лютичами, не управляет один отдельный властитель. Рассуждая на вече о своих нундах, они единогласно постановляют о том, что надо сделать: а тех, кто противоречит принятому решению, бьют палками..."

История прибалтийского славянства завершается в XII столетии. В 1160 году саксонский герцог Лев, воспользовавшись борьбой между славянскими племенами и подготовив себе союзников среди славянской знати, рвавшейся к установлению феодальных порядков, начинает завоевание бодричей. Вслед за тем были захвачены другие районы, включая Поморье.

Вместе с завоеванием началось физическое истребление славян и колонизация их земель немецкими поселенцами. Те из славян, кому удалось выжить, должны были ассимилироваться. Но и в городе и в деревне их участь была ужасна.

После второй мировой войны славянство вновь утвердилось на значительной части своих исторических земель в Полабье и Прибалтике. Тысячелетней немецкой политике колонизации на востоке Европы был положен конец.

2. Возникновение государства на польских землях относится, по-видимому, к VIII-IX столетиям. Первым бесспорным свидетельством его существования является княжение Мешко I (960-992 гг.).

В этот и последующий периоды завершается феодализация польского общества. За счет крестьянских общинных земель возникают княжеский домен и крупное землевладение вообще. Основная масса свободных крестьян-дедичей (то же, что баштин-ник у южных славян) переходит в разряд "приписных", то есть зависимых.

Среди этих последних различаются "закупы", попавшие в кабалу за неуплату долга; "ратаи", как назывались те неимущие люди, которые получали от господина не только землю, но и весь необходимый инвентарь, а также скот, наконец, "гости" - беглые крестьяне и вообще всякий пришлый люд, утративший связь со своей общиной.

Как и в других раннефеодальных государствах, в Польше процесс закрепощения крестьянства растянулся на три-четыре столетия. Завершился он не ранее XII века. В X-XI вв. возникают первые польские города: Краков, Гнезно, Вроцлав и др.

При Мешко .1 Польша принимает христианство. В состав господствующего класса вливается новый элемент - духовенство. Возникают монастыри.

В 1037 году польское крестьянство восстало против феодальных порядков, а заодно и церкви, намереваясь возвратиться к языческим временам равенства. Крестьяне боролись героически и сумели овладеть многими городами. Но в конце концов они были побеждены.

Мешко и его преемники опирались на военную дружину. При Мешко она насчитывает три тысячи отборных воинов. Отношения между князем и дружиной строятся на основе вассалитета, но без лена: одежду, оружие и продовольствие дружине дает князь, а дружина за это служит.

Дружина необыкновенно усиливается при знаменитом сыне Мешко - Болеславе Храбром. При нем завершается объединение польских земель в единое государство.

Власть князя, как бы значительна она ни была (например, при Болеславе Храбром), ограничена советом знати и в какой-то мере феодальными съездами.

Поделенная на административные округа, страна была отдана под власть каштелянов - начальников гарнизонов, размещавшихся в укреплениях (замках).

С победой феодальных отношений Польша, как и другие государства Европы, вступает в период феодальной раздробленности. В 1138 году король Болеслав Кривоустый завещал страну своим четырем сыновьям. Каждый из них получал удел.

Столичный удел считался главным. Его наследовал старший сын. Предполагалось, что он будет и политическим главой. По смерти князя удел переходил следующему по старшинству брату.

Завещание Болеслава не было случайностью. Оно завершало исторически неизбежный процесс феодального раздробления.

Удельные князья точно так же дробили свои владения между сыновьями. Единая Польша существовала только номинально.

Король в столице, князь в уделе делают фигурантами в руках возвысившейся польской знати. Реальная сила сосредоточивается в руках разного рода феодальных съездов - удельных, междудельных и пр. В течение XIII века устанавливается обычай наследования высших должностей в определенных фамилиях. Пышно расцветают иммунитеты - налоговые, судебные, административные.

3. Между тем на границах Польши выросли могущественные враги - герцогство Бранденбург (будущая Пруссия) и Тевтонский рыцарский орден. В начале XV века последний предпринял попытку прямого захвата Польши. Но она не удалась. В решающей битве под Грюнвальдом (1410 г.) орден был разгромлен, хотя и не добит.

Внешнеполитическая угроза диктовала преодоление раздробленности и связанной с ней военной слабости. За сильную центральную власть, за короля и против магнатов выступает мелкое и среднее польское рыцарство - шляхта. Выбирая из двух зол меньшее, крестьянство готово было поддержать короля против удельных князей и магнатов.

Первые успехи централизации выявились еще за столетие до Грюнвальда (и это принесло победу), но централизованной Польши так и не возникло. Мазовия и Силезия оставались за ее пределами, а королевская власть была слабой, урезанной разного рода договорами и обязательствами.

В отличие от французского или английского, польский король был лишен поддержки городов. И не потому, что их не было. Причины этого лежат в особых обстоятельствах, связанных с немецкой колонизацией.

С конца XII века крупные землевладельцы, можновладцы, стали привлекать для переселения в Польшу немецких крестьян и горожан. Поселяясь на неосвоенной или запущенной земле (особенно много таких земель образовалось после татарского нашествия на Польшу), немецкие

колонисты выговаривали себе льготы, о которых не могли и подумать польские крестьяне, - освобождение от всех уплат на первое время, твердый чинш в последующем, внутренняя автономия, собственный суд.

Основной поток колонистов захватил города. Поселяясь в старых или основывая новые города, немецкие колонисты выговаривали себе и здесь существенные льготы и вольности. Они имели административную и судебную автономию, освобождались от повинностей; единственно, что они платили, - это чинш за землю под домом, мастерской, лавкой.

Предоставленные колонистам преимущества, зафиксированные королевскими и княжескими грамотами, выдвинули немецкий элемент городов в особое сословие, самое богатое и влиятельное. Городскую бедноту, наоборот, составили поляки.

Немцы-колонисты, господствовавшие в польских городах, не были заинтересованы в объединении государства и его усилении. "Своим особым языком, - справедливо замечает К. Маркс, - своей отчужденностью от польского населения, тысячей своих различных привилегий и городских положений они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны" .

Политическая позиция польских городов была выгодна дворянству: оно не имело противовеса, как, например, в Англии. И это тотчас же сказалось на росте дворянских привилегий.

Видя свою главную опору в рыцарстве, короли должны были шаг за шагом удовлетворять его политические требования.

Первым делом рыцарство добилось уравнивания с магнатами в том, что касалось права на землю и освобождения от повинностей (налогов) в пользу государства (Кошицкий привилей 1374 г.).

Но освобождение от повинностей тотчас опустошило казну. Чтобы пополнить ее, короли должны были обращаться к магнатам и шляхте за эпизодическими поступлениями. На этой основе возникли и стали быстро входить в силу шляхетско-магнатские собрания по областям - сеймики земель.

В 1454 году король должен был согласиться уже и на то, чтобы ни один закон, затрагивавший интересы дворянства, не принимался иначе, как с предварительного согласия сеймиков. Должности по управлению стали теперь раздаваться не только можновладцам, но и рядовой шляхте. Наконец, судебные дела шляхты были изъяты из компетенции королевского суда и переданы сословному шляхетскому земскому суду.

Эти и другие привилегии магнатов и шляхты были зафиксированы в Радомской конституции 1505 г.: всякий новый закон имел силу только по одобрению знати (сената) и "земских послов", т. е. шляхетских уполномоченных от местных сеймиков (см. ниже).

Нетрудно видеть, что в Польше XIV-XV веков происходит процесс, обратный тому, какой мы наблюдали в ту же эпоху во Франции: не консолидация государства, а углубление распада, не ограничение сеньориальных прав и привилегий, а их расширение, не возвышение центральной власти, но ее падение.

Реакционный политический процесс отозвался, естественно, и на экономическом развитии государства. В 1496 году по требованию шляхты был издан Петраковский статут. Он предоставлял польскому дворянству исключительное (монопольное) право беспошлинной внешней торговли, монополию на производство спиртных напитков и пр. В угоду шляхте был открыт широкий простор для ввоза в Польшу более дешевых товаров из-за границы,

Служа обогащению дворянства, Петраковский статут ущемлял интересы отечественной промышленности и торговли. Тем самым было положено начало экономической отсталости Польши.

Столь же пагубное действие оказало запрещение крестьянского выхода в города (1532 г.), служившее, как и Петраковский статут, своекорыстным сословным интересам польского реакционного шляхетства.

4. Производным от рассмотренных нами социальных порядков явился и государственный строй Польши, как он сложился в ходе борьбы дворянства за привилегии.

Внешне Польша была и оставалась единым и в территориальном отношении весьма значительным государством. В 1569 году (на Люблинском сейме) она слилась воедино с Литовским княжеством, образовав знаменитую Речь Посполитую.

В точном переводе это новое название польского государства означало не что иное, как "республика", "общее дело", и оно было на самом деле республикой, но во главе с монархом.

В состав Речи Посполитой входили захваченные у Руси большая часть Украины, Белоруссия и др. На угнетении этих земель держался польско-литовский союз ("уния") и самое, каким бы оно ни было, единство польских областей.

Главой Речи Посполитой считался король. Власть его была, однако, ничтожна. Возведение на престол стало делом магнатов и шляхты, зависело от их воли.

Действительной властью был общепольский, так называемый вальный сейм. Его созывали раз в два года.

Нижняя палата сейма - "посольская изба" - состояла из депутатов, избранных шляхетскими сеймиками. Делегаты эти снабжались инструкциями, от которых они не могли отступить (так называемый императивный мандат).

Но инструкции одних сеймиков находились в противоречии с инструкциями других. Связанные с этим трудности можно было, конечно, преодолеть, принимая решение по большинству голосов. Но в том-то и дело, что процедура голосования, принятая в вальном сейме, требовала полного единогласия собравшихся, как это в настоящее время принято для решения межгосударственных вопросов. Без единогласия не было решения.

При таком порядке достаточно было протеста одной делегации и даже одного делегата для срыва любого, даже самого необходимого решения. Несмотря на очевидный вред этого злополучного порядка, шляхта держалась за него как за "основу вольностей", горделиво называла его "либерум вето" - правом свободного запрета; менаду тем далеко не редкостью было, что "либерум вето" покупалось за взятку, за обещание должности и пр.

Верхняя палата вального сейма была средоточием аристократии, верхов чиновничества, церковных иерархов. Называлась она сенатом.

Представителей городов не было ни в той, ни в другой палате. По этой причине (хотя и не только по этой) о сословно-представительной монархии в Польше можно говорить со многими оговорками.

Реакционная политическая система, утвердившаяся в средневековой Польше, оказала гнетущее влияние на ход экономического развития страны, и как раз в то самое время, когда Италия, Франция, Голландия вступали в эпоху прогрессивных буржуазных производственных отношений, принесших с собой рост производства и обмена.

Польская промышленность задыхалась под гнетом дворянских привилегий, в особенности дворянской экспортной монополии. Сельское хозяйство деградировало в результате нового усиления крепостнического режима.

Экономическое разорение, политическая анархия, феодальные усобицы, непрестанная грызня политических групп имели своим следствием ослабление военной силы Польши.

Шаг за шагом возвращает себе свои исконные земли Россия. Избавляется от гнета польских феодалов Украина.

В 1772 году три державы - Пруссия, Россия и Австрия, вмешавшись во внутренние дела Польши, производят первый ее раздел: значительные пограничные области отошли к трем указанным державам.

Только после этого польское дворянство решилось на некоторые реформы прогнившей политической системы. Так называемый четырехлетний сейм принял новую конституцию Польши (1791 г.). Важным нововведением была отмена императивных мандатов и пресловутого "либерум вето". Посольская изба получала преобладание над сенатом. Она принимала законы по большинству голосов.

Исполнительная власть вручалась королю и его совету. Королевский трон стал переходить по наследству.

Несмотря на существенные недостатки – и среди них прежде всего сохранение сословных привилегий дворянства, – новая конституция могла бы сыграть важную прогрессивную роль. Но у нее было слишком много сильных противников. Завязавшаяся борьба открыла новые возможности иностранного вмешательства. В 1793 году происходит второй раздел Польши – на этот раз между Пруссией и Россией.

К России отошли Центральная Белоруссия и Правобережная Украина, старые территории, в свое время отторгнутые Литвой и Польшей. Пруссия же захватила как раз коренные польские области, так называемую Великую Польшу, Гданьск и Торунь.

Второй раздел Польши тяжело отразился на экономике страны, больно задел национальные чувства поляков. В стране создалась революционная ситуация. В 1794 году в г. Кракове началось знаменитое национально-освободительное движение польского народа, возглавленное Тадеушем Костюшко.

Стремясь привлечь на свою сторону крестьян, демократическая часть движения и сам Костюшко настояли на отмене крепостной зависимости и уменьшении феодальных повинностей. На это не согласились реакционные круги дворянства и духовенства. Силы восставших были тем самым ослаблены.

Восстание Костюшко послужило предлогом для новой русско-пруско-австрийской интервенции. Надо иметь в виду, что события эти происходили в период французской буржуазной революции, до смерти напугавшей феодальную Европу. Совершается третий и последний раздел Польши.

Воссоединение украинского и белорусского народов отвечало их национальным интересам и исторической справедливости; однако раздел Польши в целом и те методы, которыми он был совершен, имели реакционное значение для всей Европы.

Этими разделами создавался русско-пруско-австрийский военный союз, скрепленный одним общим преступлением, совершенным против Польши и ее народа.

5. Среди разнообразных источников старого польского права наибольший интерес представляет так называемая Польская правда, которую в Польше называют "Эльблонской книжкой". Памятник этот, составленный в XIII столетии, был открыт сто лет назад, в 1867 году. Написана Польская правда на немецком языке в качестве справочного пособия для немецких судей-крестоносцев, которые должны были испытывать затруднения при рассмотрении споров между поляками (из-за незнания коренного, обычного права страны).

Это не официальная, но частная кодификация, каких было много в средние века. Никакой определенной системы автор Правды не придерживался. Зато он подробно излагает многие важные правила, касающиеся имущественных отношений, уголовного права и судопроизводства.

Среди официальных кодификаций польского права выделяются известные Статуты Казимира Великого, изданные в 1347 году. Но и они не были всеохватывающим сводом. Распространялись они не на все, а на часть польских областей.

Сравнивая польское феодальное право с западноевропейским, мы констатируем вполне закономерное совпадение всех основных институтов. Но были и некоторые интересные особенности.

Феодальное землевладение в Польше было главным образом аллодиальным; ленов в точном смысле слова не существовало. Каждый, кому принадлежало поместье, был его собственником; стоящего над ним сюзерена не было. Дворяне, в принципе равные друг другу, были обязаны равной службой королю.

Нелишне напомнить, что, когда мы говорим о феодальной собственности, польской или французской – все равно, следует иметь в виду ее особенности. Феодальная родовая собственность считалась принадлежащей всей данной фамилии, и потому нередки отчуждения не могли иметь места без согласия всех кровных родственников, имевших по отношению к ней право

наследования. Помимо того, кровные родственники имели право преимущественного выкупа этого рода имущества - право ретракта.

Независимость шляхетских земельных владений, установившаяся в XIV веке, была настолько широкой, что король был лишен права не только отнимать, но даже давать что-либо в лен. Право земельных пожалований перешло от короля к сейму.

С течением времени шляхта добивается права свободного распоряжения родовой землей, освобождая ее от гнета родственных связей. В 1576 году она приобретает право на земные недра, лишив тем самым короля одной из его наиболее доходных регалий.

Отмирают старинные формальности, необходимые для перехода земельной собственности из рук в руки. Становится достаточно "акта об отчуждении", занесенного в судебные книги.

Всем этим польская феодальная собственность, не теряя, но, наоборот, усиливая свой сословный характер, приближалась к буржуазной. Это одно из интереснейших явлений в истории феодальной земельной собственности вообще.

Польское уголовное право продельывает в общем уже знакомую нам эволюцию. Еще в XII веке оно не различает умысла от неосторожности, допускает и широко применяет ответственность без вины. Семья отвечает за измену одного из своих членов, деревня - за труп, найденный на ее территории, и т.д.

Квалифицированная смертная казнь по ряду преступлений сосуществует со штрафами, причем применение той или другой меры строго не регламентировано, зависит от усмотрения князя, короля, судей. Применяется обращение в рабство, конфискация, изгнание.

Величина штрафов зависела, как и всюду, от социальной принадлежности виновного или потерпевшего, носила классовый характер.

Статуты Казимира Великого свидетельствуют во многих отношениях о более глубоком понимании теоретической стороны уголовного права. Заслуживает быть отмеченной попытка поставить наказание в зависимости от субъективной стороны преступления (умысла, неосторожности).

Постепенно стирается в польском праве различие между "публичными" и "частными" преступлениями, усиливается внимание к рецидиву.

Много интересного содержит Польская правда о судебном процессе, в особенности об ордалиях, существовавших в виде испытания кипящей водой, раскаленным железом, поединка.

Приговор выносили вначале в устной форме. Записывать его стали не ранее XIII века.

В дальнейшем польский процесс претерпевает ту же эволюцию, что и в странах Западной Европы. Документы и свидетели вытесняют ордалий. Стала допускаться апелляция на приговоры и решения, главным образом в виде обвинения судьи в том, что он пристрастен.

6. Первым государством, выросшим на землях нынешней Чехословакии, была Великая Моравия. Возникнув в начале IX столетия, Великоморавское княжество в неслыханно короткий срок достигло значительной внутренней консолидации и большого внешнеполитического значения.

Существовало оно недолго. Венгерское нашествие на Великую Моравию (906 г.) привело к его гибели. Вслед за тем начинается история Чешского княжества, только что вступившего на историческую арену. В середине X столетия здесь складывается раннефеодальное государство.

Особенно замечательным было княжение Болеслава I, при котором уничтожается власть племенных старейшин и утверждается авторитет великого князя, а также его преемника Болеслава II, ликвидировавшего последний оплот областного сепаратизма в чешских землях - княжество Славников.

Через столетие, в 1055 году, Чешское княжество распадается на уделы.

Но распадение это - и здесь мы встречаемся с интересным и особенным обстоятельством - было сравнительно недолгим: в конце XII века князю Пржемыслу I удается восстановить государственное единство Чехии.

Причины этого заключаются, помимо прочего, в тех значительных успехах, которых достигли земледелие, ремесла и торговля. Сравнительно

небольшая Чехия стала испытывать острую нужду в экономических связях. К тому же здесь имелись города, пришедшие на помощь князю в его объединительной политике.

Обстоятельства создавали объективные возможности для установления сословно-представительной монархии. Но так же, как и в Польше - и по тем же причинам, - руководящее положение в чешских городах принадлежало немецким патрицианским элементам. Чешские короли должны были поэтому искать себе опору главным образом, если не исключительно, в мелком и среднем дворянстве. Мы видели, к чему это привело в Польше.

Тем не менее некоторые зачатки сословного представительства наметились и в Чехии. Начиная с XIV века сословное дворянское собрание - сейм - стало по временам пополняться представителями городов, но главным образом в тех случаях, когда имелось в виду получить согласие городского патрициата на какие-либо меры.

Превращению сейма в замкнутый сословно-феодальный орган способствовала борьба за престол, развернувшаяся в начале XIV столетия в связи с прекращением династии Пржемысловичей. Опираясь на поддержку феодальных магнатов и немецкого патрициата, победителем выходит немецкий князек Ян Люксембургский. Чтобы сделаться королем Чехии, он пожертвовал многими традиционными привилегиями короны - и, конечно, в пользу магнатов - "панства".

Государственное устройство Чехии развивалось по пути пресловутой "дворянской демократии" (одновременно с тем, как этот процесс совершался в Польше), пока не разразилась великая антифеодальная крестьянская война, известная под названием гуситского революционного движения. Главной силой движения и его славой была знаменитая таборитская армия.

Ян Гус (1369-1415 гг.) вооружил чешский народ антикатолическими и национально-освободительными идеями. Более чем за 100 лет до Лютера он подверг критике права духовенства и обосновал тезис о конфискации (секуляризации) церковных богатств. Вероломно захваченный, Гус был сожжен. Казнь Гуса вызвала всеобщее возмущение в Чехии, положила начало вооруженной борьбе революционной армии, состоявшей из крестьян и низов городского ремесленного люда.

Табориты (от города Табор) считали себя членами одной христианской общины, основанной на равенстве и братстве. В этой общине одни воевали, другие доставляли продовольствие и вооружение.

Попытки германского императора и римского папы раздавить гуситов оборачивались сокрушительными поражениями крестоносных армий. Пожар антифеодальной войны грозил распространиться на Германию и Польшу.

Император и папа решились на уступки. Войдя в контакт с правым, консервативным крылом гуситов, они достигли соглашения, известного под названием "Пражских компактатов".

Помимо разного рода чисто церковных установлений, утверждалась свобода вероисповедания, разрешалась секуляризация церковных имуществ, отменялась церковная юрисдикция по уголовным делам. Не были удовлетворены только те требования, за которые сражались табориты.

Вчерашние союзники таборитов, богатые бюргеры и мелкие дворяне, были довольны соглашением. Они перешли на сторону императора.

При Липанах Табор вышел на свою последнюю битву с миром угнетателей и был побежден.

В то же время император Сигизмунд, убийца Гуса и организатор крестовых походов против Чехии, въехал в Прагу, чтобы сделаться чешским королем (1436 г.).

Поражение таборитов имело одним из своих результатов "второе издание крепостничества" - очень своеобразное и на этот раз от начала до конца реакционное повторение пройденного этапа. Всякий переход крестьян, равно как и прием беглых крестьян, был запрещен под угрозой наказания. Тем из крестьян, которые не имели постоянных источников дохода, было предписано под угрозой казни найти себе господина. Начиная с 1512 года крестьянам было вновь запрещено что-либо отчуждать и даже завещать из своего

имущества без позволения господина. В широких масштабах возрождается барщина на собственной запашке помещика.

Осуществление подобной экономической политики было результатом политического преобладания чешской феодальной знати, панства. Ему удалось устранить всех своих основных политических соперников, включая мелкую шляхту и богатое бюргерство. И постоянный совет при короле (Земская рада), и все основные должности в государстве, и высший суд страны оказались в его руках. Перед этим могуществом должны были склониться и сами короли.

Любопытно, что сразу после разгрома таборитов, в сложной обстановке, порожденной компактатами, чешский сейм стал представлять все три сословия - панов, мелкую шляхту (владык) и мещан (горожан). Панство и здесь преобладало (оно первым принимало решение и сообщало о нем владыкам, те обсуждали и передавали вопрос, как эстафету, курии мещан), но не бесконтрольно.

В благоприятной обстановке, созданной соперничеством сословий, окрепла и центральная власть, особенно в правление известного Юрия (Иржи) Подебрада (середина XV в.).

И тем не менее Чехия возвратилась под власть панской олигархии. Этому способствовали междоусобицы, наступившие с кончиной Подебрада, но главное было в слабости городов...

Законник Владислава 1500 года, подтвердив и расширив шляхетские привилегии, отстранил городской патрициат от участия в сейме.

Аналогия с политической историей Польши (соответствующего периода) очевидна. Не следует, однако, упускать из виду одну важную особенность чешской истории: "дворянская демократия" так и не сложилась, ибо владыки так и не сделали силой, противостоящей панству. Здесь утвердилась скорее дворянская олигархия - господство немногих знатных и богатых родов, смотревших на страну как на огромную вотчину, которую дано грабить.

В 1526 году чешское панство настояло на избрании королем австрийского эрцгерцога Фердинанда. Почти тотчас, поправ обещания, Фердинанд ввел новые налоги, отменил свободу вероисповедания, ликвидировал городские вольности, передал управление в руки австрийских чиновников.

Гонения на протестантов и политика онемечения были причинами восстания 1618 года, которым была развязана Тридцатилетняя война, одна из самых разрушительных в истории. Погибла большая часть населения Чехии, три четверти ее сельских усадеб было сожжено, многие города разрушены до основания.

Победа феодально-католической реакции отдала Чехию под власть Австрии. Самостоятельное государственное существование Чехии было прекращено (с 1627 г.).

7. Все наиболее значительные сборники средневекового чешского права - частные. Чешское дворянство не желало никакой официальной кодификации, ибо понимало, что она может стеснять суд, а между тем суд этот был как раз в его руках.

Среди частных кодификаций известны так называемая "Книга старого пана из Роземберга" (240 статей), трактующая главным образом о правилах судопроизводства в панском суде (XIII в.), "Ряд земского права" (93 статьи), излагающий многие существенные нормы старого чешского права и процесса (XIV в.), наконец, "Толкование чешского права, написанное паном Андреем из Дубы" (1400 г.), и др.

Самой полной является кодификация выдающегося чешского юриста XVI века Викторина Корнелиша ("Девять книг о правах земли чешской").

Особые системы права, помимо земского, составляли в Чехии право городское, право горное, сельское право и др.

К числу немаловажных источников чешского права следует отнести и земские книги ("земские доски"), куда заносились решения земского суда по уголовным и гражданским делам. Решения эти имели силу прецедента.

Остановимся на судебном процессе в земском суде, как этот процесс освещен частными кодификациями. Чтобы начать судебное дело, например, об убийстве, следовало сделать устное заявление властям, назвать фамилию убийцы и потребовать расследования.

На суде истец (обвинитель) выступал первым. Он раньше всего просил разрешения иметь адвоката. Последний, в свою очередь, просил, чтобы были назначены два пана, которые и ему, адвокату, и самому истцу "шептали на ухо" советы по ходу разбирательства. То же самое проделывал затем ответчик (обвиняемый) и адвокат ответчика.

Ответчик, если не сознавался, должен был представить доказательства невиновности. Бремя доказывания - что очень важно иметь в виду - лежало на нем. Если же его доводы были неубедительными, назначался поединок. Но прежде стороны должны были принести присягу, и тот, кто сбивался, проигрывал дело,

Дворяне сражались в "кафтанах и нижнем платье, с мечами и щитами"; крестьяне и горожане, не имевшие права носить оружие, бились на палках.

Сражающиеся могли триады отдыхать, каждый раз по часу. Победитель отрубал побежденному голову. Ответчик, не решавшийся на поединок, должен был отправиться в изгнание.

Если ответчик ссылался на то, что он убил обороняясь, назначалось особое состязание; стоя на коленях и держа каждый полу кафтана, истец и ответчик должны были ударить "полу об полу" так, чтобы не промахнуться. Промахнувшийся проигрывал дело.

При троектратной неявке ответчика в суд истец мог убить его, где ни застанет: восстанавливалась кровная месть.

Истец, впрочем, должен был оставить месть до другого раза, если заставлял ответчика у его жены и та прикрывала мужа своей одеждой.

Когда у убитого не было родственников мужского пола, разрешалось, чтобы на поединок с ответчиком вышла жена или дочь убитого (обычай давал при том женщине некоторые существенные преимущества).

III. Феодалные государства в Азии и Африке

Глава четырнадцатая

Арабский халифат. Феодалное государство и право в Китае и Японии

1. Социальные отношения в Аравии в VI-VII веках н. э., то есть накануне магометанской (исламистской) реформации, были очень сложными. На большей части страны не были изжиты первобытнообщинные отношения, ярко проявлявшиеся в родовой связи членов общества, кровной мести, общем владении землей и т. д. В то же время выделилась и окрепла родовая знать. Широкое распространение получают торговля и ростовщичество, существуют довольно крупные города.

Крестьянское население, жившее сельскими общинами, равно как и основная масса скотоводческих племен, противилось переходу земли в частную собственность, стояло на позициях социального равенства. Особую ненависть вызывали богатые торговые города.

В этой обстановке получает распространение учение, которое в религиозной форме провозглашало несправедливость, сосредоточение власти в руках родовой знати, признавало формальное равенство свободных людей, связанных новой религией (независимо от принадлежности к племени), и намечало выход из социального кризиса путем завоеваний, осуществляемых под флагом религиозной войны.

Новая религия - ислам, - образовавшаяся из христианских, иудейских и иных элементов, привлекала к себе еще и тем, что ограничивала обложение населения сравнительно небольшим взносом, в размере одной сороковой части недвижимого имущества.

Провозвестником, "пророком" ислама стал Мухаммед (умер в 632 г.). С превращением ислама в господствующую религию Мухаммед сделался фактическим главой всей Аравии, а его родственники и ближайшие сподвижники выделились в особую привилегированную прослойку арабского общества.

Начиная с первой половины VII века объединенная Аравия переходит к массовым завоеваниям. Используя ослабление своих ближайших соседей Византии и Ирана, арабы захватывают Палестину, Сирию, Египет, покоряют Иран, распространяют свою власть на Северную Африку и юг Испании, на Закавказье и Среднюю Азию. Образуется огромная арабская держава, известная под названием Арабского халифата. Центром ее сделался город Багдад.

На новые земли переселилась значительная масса аравийского населения. Арабская знать, не порывая с рабовладением, стала быстро феодализироваться, приобретая имения и крепостных.

Большая же часть завоеванных земель была превращена в государственную собственность. Сидевшие на ней крестьяне были обязаны уплатой поземельной подати как наследственные арендаторы.

Духовным и светским главой государства являлся халиф. Соединение в одном лице высшей светской и церковной власти представляет важную особенность халифата, придающую ему характер феодально-теократического государства.

Среди высших чиновников государства первое место принадлежало визирю. Важное значение приобретают так называемые диваны – канцелярии.

Во главе областей стояли назначенные халифом эмиры. С началом феодального распада халифата многие из них превратились в независимых феодальных властителей.

Во главе селений и городов находились поставленные правительством шейхи.

2. В первый период халифата право и религия сливались воедино. Основным источником права признавался Коран, священная книга мусульман. Его автором считается Мухаммед, признаваемый пророком-законодателем – шариа. Соответственно с тем мусульманское право получило название "шариата" (прямой путь). Помимо религиозных предписаний, шариат включает в себе нормы уголовного, гражданского и процессуального права.

Дополнением к Корану служили и служат сборники преданий о судебных решениях Мухаммеда (сунна) и толкования авторитетных мусульманских правоведов. В тех случаях, когда в писаном праве имелся пробел, дозволялось прибегать к старому обычному праву – адату.

Система мусульманского права является принципиально иной по сравнению, например, с системой римского права, и вообще она менее развита, чем последняя. Правовые, религиозные, этические нормы, хотя и различаются по содержанию, не отделяются друг от друга, составляя все вместе единый комплекс.

Подтверждая государственную собственность на землю, шариат предоставляет главе государства право наделять землей отдельных лиц, но только на праве владения и с обязательной уплатой подати. Землевладельцу разрешалось при этом сдавать землю в аренду непосредственному производителю-крестьянину, обязанному уплатой феодальной ренты.

Со второй половины VIII века в халифате появляется условное землевладение, родственное западноевропейскому бенефицию. По мере развития феодальных отношений эти земли, равно как и другие земельные владения, находящиеся в руках феодальной знати, превращаются в частную собственность.

Система обязательств мусульманского права отличается большой разработанностью.

Обязательства из договоров распадаются на две группы. Решающим моментом, отграничивающим одну группу договоров от другой, является наличие или отсутствие обязанности передать вещь, являющуюся предметом сделки. К первой группе договоров, связанной с передачей вещи, относятся договоры мены, займа, найма имущества, купли-продажи. Ко второй группе относятся договоры товарищества, поклажи, поручения.

Своеобразие мусульманского права выражается, в частности, в правиле, согласно которому риск случайной гибели вещи лежит на продавце, а также в сравнительно облегченном порядке расторжения договора (если купленная

вещь с изъяном, если покупатель, совершив сделку не видя вещи, сочтет, что она ему не подходит, и пр.) .

В области семейных отношений мусульманское право исходит из безусловного преобладания мужчины над женщиной. Шариат разрешает мужчине иметь четырех законных жен и неограниченное число наложниц.

Согласия на брак от женщины не требовалось. В заключении брачного договора она не участвовала. Выйдя замуж, она переходила во власть мужа, должна была избегать встречи с посторонними мужчинами, не показываться в общественных местах и т. д. Муж мог прибегать к телесным наказаниям жены.

Развод по мусульманскому праву сравнительно легко осуществим, но не для женщины.

Большой разработанностью отличается мусульманское наследственное право. Завещатель имеет право распоряжаться по своему усмотрению не более чем одной третью имущества.

Завещатель вправе назначить душеприказчика, которому поручается осуществление фактического раздела наследства (дело нередко весьма сложное, поскольку закон требовал пропорционального распределения имущества между всеми законными наследниками).

Специфической чертой мусульманского наследственного права является то, что к наследникам переходят только права, но не обязательства наследодателя, только то имущество, которое остается за вычетом всех уплат, следуемых по долгам умершего.

Идеологической основой шариата, имеющей особое значение для его уголовно-правовой части, является учение о покорности судьбе, о недопустимости сопротивления существующему строю, поскольку он освящен богом и Мухаммедом, о греховности чувства зависти к богатым и т. д.

В силу этого правонарушение, посягающее на господствующий правопорядок, объявляется одновременно с тем преступлением против веры, а преступление против веры рассматривается как преступление против государства.

По характеру ответственности преступления делятся шариатом на два вида: те, за которые виновный должен ответить своим телом или своей жизнью, и те, которые он может искупить уплатой штрафа.

К первому виду преступлений относятся кража и разбой (влекущие за собой отсечение руки), прелюбодеяние жены, убийство в разбое (наказуемое смертной казнью) и др.

Ко второму виду преступлений относятся главным образом убийство - умышленное и неосторожное, а также всевозможные случаи причинения увечий и ран.

Признавая кровную месть, шариат разрешает родственникам убитого отомстить за преступление по принципу талиона. Однако они могут и простить убийцу, если последний или его родственники согласятся уплатить соответствующий денежный выкуп.

Если убийство произошло не на священной земле и не во время священных месяцев, выкуп должен был состоять из 100 верблюдов и 12 тысяч диргемов деньгами.

За убийство женщины выкуп уплачивался в половинном размере, за убийство неверного - в размере одной трети.

За нанесение ран сумма выкупа соответственно уменьшалась. Если соглашения о выкупе не было достигнуто или уплатить его оказывалось для виновника и его родственников невозможным, потерпевший или его ближайший наследник прибегали к кровной мести. Требовалось, чтобы они действовали тем же оружием, каким действовал виновный, и причинили ему такое же ранение, какое получил потерпевший.

Сосредоточив основное внимание на самом преступнике, шариат отказывается от наказания соучастников преступления, если они выступали в роли укрывателей или попустителей.

Судебные функции в странах халифата исполнялись кадиями. Они назначались халифом или его представителями на местах из лиц, отвечавших необходимым условиям, обычным для классового общества. Помимо судебных функций, им поручались и многие другие, в том числе надзор за

распределением наследства, выдача замуж женщин, не имеющих попечителей, установление опеки и пр.

Процессуального права в строгом смысле слова шариат не знает. Кадий не был связан никаким сколько-нибудь определенным порядком судопроизводства. Прокурора и адвоката мусульманский процесс не знает. Писаного делопроизводства не существовало, так же как и судебных сроков, за исключением одного: каким бы сложным ни было дело, кадий доджей был решить его в один день.

Среди доказательств особое значение имели клятвы, признания и свидетельские показания. Свидетелями могли выступать, как правило, только мужчины. Иноверцы не могли свидетельствовать против мусульманина.

Кадий не был связан в оценке доказательств, он мог прекратить дело в любой стадии. Он мог вынести решение о наказании плетью недобросовестного истца.

С VIII века Арабский халифат как единое государство начинает распадаться. Возникает независимый Египетский халифат, в Испании - до XIII века - Кордовский халифат (впоследствии ликвидированный).

В XI веке турки-сельджуки завоевывают Багдад и кладут тем самым конец Багдадскому халифату.

4 Формирование феодальных отношений началось в Китае еще до новой эры. Процесс этот был несколько заторможен существованием так называемой наделной системы. Законом о государственных наделах, изданным во второй половине III века н. э., вся земля была объявлена государственной. Крестьянскому двору предоставлялось два надела: один обрабатывался им для себя, другой - для государства.

Пахотная земля, переданная в надел, была изъята из оборота, то есть не могла продаваться и покупаться. Она возвращалась государству в случаях, когда обрабатывавший ее крестьянин терял трудоспособность и по достижении им 70-летнего возраста.

За надел крестьянин уплачивал государству налог зерном и домашней промышленной продукцией, привлекался к трудовой и воинской повинностям. Переход крестьян был очень стеснен.

Сохраняя верховную собственность на землю, государство передавало определенную совокупность крестьянских наделов во владение феодальным фамилиям и верхам чиновничества. Некоторые такие наделы могли переходить по наследству, хотя государство сохраняло по отношению к ним право изъятия.

Наделная система требовала строгого учета крестьянских доходов. С этой целью крестьянское население страны было поделено на особые административные единицы: пять дворов - двадцать пять дворов - сто двадцать пять дворов. Во главе каждого подразделения стоял старшина. Он распределял наделы, собирал налоги, следил за поведением своих подчиненных и пр. Низшее звено подчинялось высшему.

Система эта с течением времени менялась в своих подробностях, но суть ее - неусыпный надзор и пресечение всего, что не разрешено, - оставалась.

Существование наделной системы сдерживало, но не могло остановить развития частного феодального землевладения. Так как закон не удавалось отменить, его обходили. К VIII веку число крестьян, плативших налоги государству, уменьшилось в пять раз. Настолько же возросло число крестьян, обязанных повинностями частным лицам.

В конце концов правительство оказалось не в состоянии сдерживать напор частного землевладения. Законами 763 и 780 годов наделная система была отменена. Земельные приобретения феодалов были фактически легализованы. Открылись широкие возможности дальнейшего роста помещичьих хозяйств. Типичной формой ренты становится испольщина (половина урожая принадлежала помещику).

В городах феодальное развитие нашло свое выражение в образовании ремесленных цехов и купеческих гильдий так же, как и в Европе.

4. В 1628 году в Китае разгорелось пламя крестьянской войны. Восставшие захватывали помещичьи земли, предавали смерти угнетателей. В

1644 году восставшие взяли столицу страны Пекин. Последний император династии Мин повесился в отчаянии, династия пала.

В страхе перед восставшими китайские феодалы заключили союз с маньчжурами. Под ударами маньчжурских армий крестьяне потерпели поражение. Овладев страной, маньчжуры установили над ней свое господство (маньчжурская династия была устранена только в 1911 году).

Маньчжуры произвели перераспределение земельного фонда Китая. Новыми собственниками китайской земли сделались глава государства - император (богдыхан), его родственники, князья. Солдаты и офицеры маньчжурской армии получали наделы соответственно своему положению.

Оставив в общем нетронутым государственный строй китайской монархии, маньчжуры сделали замещение всех важных должностей привилегией одних завоевателей. Чиновничество (как и прежде) было поделено на девять рангов, связанных строгим чинопочтением и субординацией.

Для каждого из этих разрядов была установлена особая одежда, особый образ жизни. В европейской литературе китайских чиновников называли обыкновенно "мандаринами" (от слова "мандар"-управлять).

Китайское феодальное право отличалось особой устойчивостью. Его основные нормы сохранялись в течение веков.

Огромную роль в формировании и применении китайского права сыграло учение Конфуция, ставшее официальным мировоззрением китайского народа. Отступление от конфуцианских правил морали и поведения признавалось тяжелым преступлением.

В соединении с культом предков, привязывавшим крестьянина к земле, хранившей прах его дедов и отцов, учение Конфуция освящало и закрепляло наличные общественные отношения. Одним из основных положений конфуцианства, глубоко проникших в право, считалось безусловное и строгое подчинение младшего старшему: детей - родителям, солдата - начальнику, народа - императору и его чиновникам.

В Китае не раз предпринимались большие работы по кодификации права. Среди них отметим только большой свод законов Танской империи (VII в.).

б. Феодальные отношения, в течение многих веков господствовавшие в Японии, настолько сходны с европейскими - и это при полном отсутствии связей, - что само по себе это кажется "чудом".

Пример японского феодализма является, позволю себе заметить, убедительным свидетельством правильности марксистской исторической концепции происхождения и сущности феодальных общественных отношений вообще. Если возможно, чтобы у столь разных народов, к тому же разделенных огромными пространствами, развились и существовали столь схожие (даже в подробностях) общественные отношения, значит, имеется определенная закономерность в истории, и ее надо искать не в климате, не в религии, не в цвете кожи, а в том, что может быть действительно общим для всех, - в развитии производительных сил общества.

В Японии существовало фактическое прикрепление крестьян к земле, продуктовая и денежная ренты, отработки. Система пятидворок связывала крестьян круговой ответственностью.

В городах существовали цехи и гильдии. И так же, как, например, в Германии, они регламентировали не только производство, но и частную жизнь своих членов.

Японский феодальный класс состоял из двух основных сословий - полунезависимых от центральной власти князей (даймьё) и мелкого дворянства, известного под названием "самураев".

Самураи были в массе своей мелкими землевладельцами, многие же из них, особенно к началу буржуазного развития Японии, существовали на доходы, которые давала торговля или интеллигентная профессия, а главным образом военная служба.

Самураи были сплоченным сословием. Они крепко держались за свои привилегии. Последние простирались настолько далеко, что предоставляли самураю право безнаказанного убийства любого ремесленника или купца, если последние не выказывали ему достаточного почтения.

Во главе Японии стоял император. Власть его, однако, была призрачной. Начиная с 1603 года фактическим управителем государства становится узурпатор - сегун ("верховный главнокомандующий"), которым сделался глава феодального рода Токугава. Самый же сегунат как режим возник намного раньше, в 1192 году.

7. Японское феодальное право развивалось под сильным влиянием китайского и так же, как это последнее, было проникнуто конфуцианскими моральными догмами. Оно не проводило достаточно четкого разграничения (как и китайское право) между уголовным преступлением, гражданско-правовым деликтом и даже просто неисполнением обязательства. Неспособность выплатить взятый у ростовщика долг могла в такой же степени служить основанием для уголовной ответственности, как и кража, так как в обоих этих случаях имело место недопустимое, с точки зрения конфуцианства, нарушение моральной обязанности.

Японский феодальный свод "ста законов" (1742 г.) заключал в себе основные нормы гражданского, уголовного и процессуального права без сколько-нибудь определенного разграничения.

Пользоваться сводом могли одни только специально приставленные к нему чиновники (три человека). Считалось, что законы, особенно уголовные, должны сохраняться в тайне. В официальной теории отношение человека к писаному праву выражалось формулой: "следует выполнять, но не знать" (!). И в этом случае руководствовались старинными китайскими правилами нравственности, исходившими из представления, что преступник скорее отважится на злодеяние, если он будет знать, что ему не грозит смертная казнь.

Государственной идеологией, как и в Китае, было конфуцианство: из него черпали нормы права, нравственности и религии. Подчинение вассала сюзерену, жены - мужу, детей - родителям было доведено до крайней меры: вассал, убивший сюзерена, жена - мужа, дети - родителя, предавались казни независимо от обстоятельств.

В феодальной Японии не существовало ни юристов, ни юридической науки. Не удивительно, что, столкнувшись с европейским правом, японцы с трудом переводили французские или немецкие правовые термины. "Обязательство" стало толковаться как "право делать" что-либо, или "воздерживаться от действий". А английская "свобода" (liberty) стала переводиться китайским термином, означавшим "произвол", "своеволие".

Ни политическая, ни экономическая жизнь феодальной Японии не нуждалась в такого рода терминологии и как-то обходилась без науки права вообще. Странно, но так было!

Подведем некоторые итоги. Феодальное государство представляло собой организацию класса феодальных собственников, созданную в целях эксплуатации и подавления крестьян. В одних странах мира оно возникло в качестве непосредственного преемника рабовладельческого государства (Византия, Китай, Индия и др.), в других странах, в том числе у всех германцев и славян, - с разрушением родового строя, с гибелью первобытнообщинных отношений.

Существование феодальных производственных отношений имеет своей предпосылкой господство натурального хозяйства и - что с этим связано - низкое, рутинное состояние техники.

Непосредственный производитель наделяется землей и орудиями труда. Отсюда необходимость в личной зависимости крестьянина от помещика, обязанность работать на него, нести повинности (поземельные, личные), подчиняться его суду.

Обеспечение прямой власти помещика над крестьянином в целях принуждения его к труду на помещика - такова основная задача, стоявшая перед феодальным государством. Оно было, таким образом, организацией, направленной против поработанного производящего класса.

Господствующий класс в целом и каждая его часть в отдельности - духовенство, дворянство - представляли собой более или менее замкнутые группы людей, наделенные закрепленными в законе привилегиями. Важнейшими из этих привилегий были право собственности на землю, владение

крепостными, монополия на власть. Сословное деление общества, будучи выражением фактического и формального неравенства людей, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса.

Отношения между феодалами в Европе строились на основе вассальной зависимости. Одни феодалы выступали в качестве сеньоров, другие, меньшие, – в качестве вассалов. Сеньоры давали вассалам землю и гарантировали им свою защиту, вассалы были обязаны по отношению к сеньорам военной службой и некоторыми другими повинностями. Отношения сюзеренитета-вассалитета создавали специфическую феодальную иерархию, связывавшую господствующий класс воедино: вассал одного сеньора был в то же время сеньором по отношению к своим собственным вассалам и т. д. Вассалитет облегчал задачу подавления крестьян, поскольку на нем основывалась вся система феодального ополчения и феодальных дружин.

Основным антагонистическим противоречием феодального общества было противоречие классовых интересов феодалов и крестьян.

Упорная и ожесточенная борьба крестьян против своих угнетателей пронизывает всю историю феодальных государств. Высшей формой этой борьбы явились массовые крестьянские восстания.

С зарождением и развитием буржуазных производственных отношений и формированием сословия горожан феодальное государство стало осуществлять наряду с подавлением крестьян как главной задачей подавление многочисленного городского плебейского населения в интересах патрицианской верхушки городов.

Типичной и, безусловно, преобладающей формой феодального государства явилась монархия. Феодальная республика была характерна для тех сравнительно немногих средневековых городов, которые сумели освободиться от власти сеньоров и стать в той или иной степени самостоятельными, а также для некоторых городских общин северной Италии, сложившихся в независимые государства в результате специфических условий итальянской истории (Флоренция, Венеция и др.). Городские республики существовали в Германии (Ганза), в России (Новгород).

Феодальное общество прошло в своем развитии три главных периода: период формирования феодальных отношений (раннефеодальное государство); период расцвета феодальных отношений; период разложения феодализма и созревания буржуазных производственных отношений – последний период в истории феодального общества.

Несколько особый путь развития прошли, как мы видели, феодальные государства Востока – Китай, Арабский халифат, Япония. Присущие им особенности не колеблют, однако, их основной сущности как феодальных государств.

Часть третья Буржуазное государство и право

Глава пятнадцатая Основные черты буржуазного общества

1. История феодальных общественных отношений позволяет увидеть, как из массы городского люда, находившегося под гнетом сеньоров, вырастает мало-помалу третье сословие, а затем класс буржуазии. В той же степени можно заметить рождение пролетариата. Его историческими предшественниками являются крепостной крестьянин и подмастерье.

Экономическая структура капитализма выростала из экономической структуры феодализма.

В чем же существенное отличие капиталиста от феодала, если известно, что как тот, так и другой являются собственниками средств производства и эксплуататорами? Нам представляется, что нижеследующие рассуждения К. Маркса и Ф. Энгельса заслуживают признания и в наши дни.

Ф. Энгельс писал: "...рабовладелец, производящий товары для рынка в Новом Орлеане", не является капиталистом, так же как не является таковым румынский боярин, эксплуатирующий барщинных крестьян. Капиталистом является только такой собственник средств труда, который эксплуатирует свободного рабочего! "

Возникновение класса наемных рабочих стало возможным с ликвидацией тех отношений, которые привязывали крестьянина к земле, а подмастерье к его цеху. "Освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня". "Наемный труд в национальном масштабе, а потому также и капиталистический способ производства, возможен только там, где рабочий лично свободен. Он покоится на личной свободе рабочих"

Преимущества, заключающиеся в труде свободного, наемного работника по сравнению с трудом работника подневольного (раба, крепостного), были открыты задолго до того, как капитализм сумел ими воспользоваться.

Наемного рабочего, лишенного земли и орудий труда, проще заставить работать по 12-16 часов в сутки и за ничтожную плату; его проще, чем даже крепостного крестьянина, выбросить на улицу, чтобы взять другого, более выгодного работника; его можно стимулировать разного рода оплатой - почасовой, поштучной, сдельной и пр.

Зарождение капиталистической системы происходит в XIV-XVI столетиях, когда наиболее характерной формой капиталистического производства является еще мануфактура. Со второй половины XVIII века на смену ей приходит фабрика, а вместе с ней зарождается крупная промышленность.

Для наилучшего понимания различия между феодальным и буржуазным производством сошлемся на следующее рассуждение Энгельса. Ткацкий станок феодального крестьянина, на котором тот ткал себе одежду, не был капиталом: он не делается капиталом и тогда, когда крестьянин начнет продавать на рынке ткани, изготовленные им и его семьей в длинные зимние вечера. Но если тот же крестьянин использует наемного рабочего, чтобы ткать товар для купца (или вообще на рынок), и кладет в карман разницу между тем, что ему стоил товар (издержки производства, включая оплату наемного работника), и между тем, что он за него выручил (его продажной ценой), - вот тогда ткацкий станок превращается в капитал. "Пока производитель продает только свое собственное изделие, он не является капиталистом; он становится им только в тот момент, когда использует свое орудие для эксплуатации наемного труда Других людей".

2. Кардинальные перемены происходят и в тех сферах человеческой активности, которые относятся к техническому прогрессу, идеологии, вкусам и нравам. Вот некоторые данные, прибавляющие к вышесказанному новые черты:

а) крупными успехами характеризуется история орудий труда. В XI-XIII вв. в Западной Европе изобретается цеп, служащий обмолоту хлебов, за ним коса, сделавшая возможным сохранение и приумножение скота в зимнее время, затем наступает черед ветряных мельниц, возрождается строительное искусство, высоким образцом которого является готика, и т. д.;

б) уже одно появление готики служит свидетельством перемен в отношении к искусству, включая изобразительное. Если в XI веке в Западной Европе, безусловно, преобладает религиозная тематика (94,7%), то уже в XV веке ее доля сокращается до 64%, и так продолжается все последующее время: 21% - в XVIII веке, 10% - в XIX, 3,9% - в XX веке.

Неустанный процесс сопровождает историю науки и техники.

в) не лишены интереса перемены, происходящие в изобразительном искусстве. Они свидетельствуют не только о появлении новых "денежных людей", но и о повороте от господствующей религиозной тематики к светской, включая куртуазную.

Пейзаж, которому не было места в живописи ни в X, ни даже в XV веках, утверждается в XVII столетии (6,6% всех полотен), достигает 15% в XIX и 21% в XX веках; портрет появляется во всем том же европейском искусстве в XV веке, чтобы достичь 21% в XVII веке, и т. д. Любовные сцены не появляются на полотнах художников вплоть до XVI-XVII веков, чтобы подняться в численности до 47% в XIX и XX столетиях.

Величайший из итальянских поэтов - Данте - еще не освободился от глубокого религиозного чувства (XIII век), но уже пришедший вслед за ним

Петрарка полон восхищения жизнью на земле, воспевает главным образом любовь земную и т. д.

Всем этим, вместе взятым, ознаменован конец средневековья в Европе, а значит, и новое возрождение науки, техники, искусства в ущерб мистическому мировоззрению средних веков.

Так было ознаменовано наступление Нового времени в Европе, времени неостановимых перемен в общественном и государственном строе, захвативших поначалу самые передовые из европейских государств - Англию и Францию. Буржуазные революции, происшедшие в этих странах в XVII-XVIII веках были подготовлены главным образом их экономическим развитием, но, выдвигая его на первое место, мы не должны упускать из виду духовный процесс, как мы его описали выше, процесс, в ходе которого было поколеблено господство церковной идеологии, отрицавшей за человеком право на свободу личности, слова, печати, вероисповедания, а еще более - покушения на господствующие экономические и социальные отношения.

Нелишне прибавить, что, выдвигая экономический фактор на роль решающего фактора в историческом процессе, Ф. Энгельс, как он сам признавал, хотел (как и Маркс) ослабить влияние идеалистической философии своего времени на мировоззрение научной молодежи. Теперь, в наше время, такого рода акцентирование способно принести существенный ущерб объективному исследованию экономической, политической да и государственно-правовой наукам.

3. История буржуазного общества, а значит, и история буржуазного государства и права подразделяются на два больших периода.

Первый из них называют периодом промышленного (домонополистического) капитализма.

В это время буржуазия добивается ликвидации наиболее одиозных остатков феодализма; буржуазные производственные отношения, буржуазное государство и право, буржуазная идеология становятся господствующими; экономическое развитие, реализуя возможности, заложенные в новом способе производства, происходит по восходящей линии (несмотря на периодические кризисы перепроизводства); противоположность между трудом и капиталом хотя и выявлена, но не достигает еще особой остроты; крупные капиталистические державы образуют колониальные империи, захватывая огромные территории в Азии, Африке, Америке и Австралии.

Типичным представителем капитала является частный предприниматель - фабрикант и банкир. Ассоциации, объединения капиталистов хотя и существуют, но имеют еще второстепенное значение; законодательство многих стран относится к ним с известным недоверием.

Превращение буржуазии в господствующий класс совершилось в результате политических революций, ликвидировавших феодальные производственные отношения и феодальное государство. В одних странах буржуазии удалось полностью захватить власть (например, во Франции), в других - на условиях компромисса с теми или иными феодальными элементами (например, в Англии).

В тесной связи с условиями и результатами революций разрешался вопрос о форме вновь созданного буржуазного или буржуазно-помещичьего государства, о форме права и способах его кодификации.

Ликвидация пережитков феодализма стала делом буржуазно-демократических движений и революций XIX-XX вв. В некоторых странах, например опять-таки в Англии, развитие совершалось с помощью реформ, расширявших участие буржуазии, а затем и рабочей аристократии в политической власти.

На место плавного, почти одновременного, экономического развития стран пришло развитие неравномерное, скачкообразное. Резко вырываются вперед Германия, затем Соединенные Штаты. Изменения в силе почти автоматически приводят к обострению противоречий: ослабевшие держатся за свои позиции, усилившиеся стремятся овладеть ими; идет борьба за рынки, за передел поделенного мира, за источники сырья, за сферы приложения капитала.

Крайнего обострения достигают классовые противоречия: борьба между рабочим классом, с одной стороны, буржуазией - с другой. Под влиянием этой борьбы происходят существенные изменения во всей надстройке буржуазного общества и особенно в ее государственно-правовой части.

Неизбежным следствием империализма стали мировые войны. Первая из них началась в 1914 году и продолжалась до 1918 года. В ней участвовали две группы стран: Англия, Франция, Россия, Соединенные Штаты, Япония, Сербия и др. на одной стороне, Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария - на другой. Война закончилась поражением Германии и ее союзников.

Война и Октябрьская революция положили начало новой исторической эпохе, которую мы, по директивному указанию Сталина, называли "эпохой общего кризиса капитализма".

История опрокинула эту надуманную версию: дело обернулось общим кризисом "социалистической" системы и ее крушением как в бывшем СССР, так и в большинстве других "социалистических стран". Но об этом - в своем месте.

4. Строго говоря, первой буржуазной революцией следует считать нидерландскую в XVI веке, при испанском короле Карле V, Нидерланды (ныне Голландия и Бельгия) были присоединены к Испании. Уже в то время Нидерланды были едва ли не самой развитой страной Европы: крупные помещичьи хозяйства почти отсутствовали, дворянство было незначительно; промышленность и торговля приобрели мировое значение.

В политическом отношении Нидерланды тоже шли впереди Европы. Страна представляла собой совокупность 17 провинций, каждая из которых имела самоуправление и свои собственные штаты - органы управления. Главным законодательным органом Нидерландов являлись Генеральные штаты.

Приобретя Нидерланды, Испания (особенно при Филиппе II) стала рассматривать их как источник пополнения оскудевавшей казны. Перед угрозой полного разорения нидерландская буржуазия перешла в оппозицию испанскому господству.

Устранение коренных национальных элементов от управления страной и их замена испанцами вызвали к жизни дворянскую оппозицию. Чтобы привести голландцев к покорности, Испания прибегла к двум своим привычным средствам: инквизиции и военным расправам.

В Нидерланды был направлен с сильным отрядом герцог Альба. Кровь народа, желавшего независимости, полилась рекой. За несколько лет было вынесено около 20 тыс. смертных приговоров.

В 1572 году отряд морских гезов - партизан, будучи изгнанным из английских портов, вынужден был высадиться в Нидерландах, на родной земле, чтобы запастись провиантом. А так как гезы были противниками Испании, народ увидел в этой высадке желанный толчок к восстанию. Оно началось почти мгновенно. Север страны перешел в руки восставших. Генеральные штаты назначили главнокомандующего и штатгальтера (главу государства) - принца Вильгельма Оранского. Война велась с переменным успехом многие годы. В 1648 году север Нидерландов (ныне Голландия) стал независимым.

Борьба Нидерландов против феодальной абсолютистской Испании была в то же время своеобразной буржуазной революцией. Как в экономике Нидерландов, так и в их политической жизни окончательное преобладание остается за буржуазией.

Тем не менее нидерландская революция ни по своему значению, ни по своим историческим результатам не может идти в сравнение с революцией английской.

Глава шестнадцатая Буржуазная революция в Англии. Образование буржуазного государства

1. В начале XVII столетия, развиваясь в благоприятных условиях, Англия выглядела в некотором отношении страной гораздо более "буржуазной", чем феодально-крепостнической.

Огораживания и обезземеливание успели разложить сельскую общину и пролетаризировать значительную часть крестьянства. Больших успехов

достигли промышленность и морская торговля. Главным предметом экспорта являлась уже не шерсть, а сукно. Возникали и быстро богатели крупные торговые компании, организованные по-капиталистически.

Годовой вывоз компании "Старых авантюристов" достигает миллиона фунтов стерлингов - суммы по тому времени громадной. С "Авантюристами" конкурирует знаменитая "Ост-Индская компания" и др.

Тем не менее буржуазия была недовольна. Она тяготилась столь типичной для феодализма правительственной опекой над производством товаров и их продажей, ограничением числа подмастерьев и учеников, препятствиями, которые чинились крестьянам и их детям при переселении в города (дешевая рабочая сила!), и т. д.

Постоянное раздражение вызывало откровенное вымогательство денег, которым занималось правительство то под видом произвольных налогов, то с помощью новых пошлин, то принудительными займами.

Предметом острой критики становится система управления страной: внесудебная юстиция, сосредоточенная в политических трибуналах ("Звездной палате", "Высокой комиссии"); постоянные насилия над судами общего права; солдатские постой в домах частных лиц; жалкое состояние вооруженных сил, особенно военно-морского флота; игнорирование парламента; злоупотребления всесильного и бесчестного фаворита, герцога Бекингама и т. д.

Недовольство вызывает женитьба наследника престола Карла 1 на французской принцессе - католичке. Протестантская Англия подозревает короля в тайном папизме, то есть намерении возвратить страну к католической вере.

Таким образом, причин для возникновения буржуазной оппозиции абсолютизму было более чем достаточно. Политические интересы буржуазии толкали ее к захвату власти.

2. Признаки революционной ситуации обнаруживались повсюду - в крестьянских выступлениях и рабочих "беспорядках", в открытом сопротивлении налоговому обложению, в деятельности разного рода религиозных сект, настаивавших на разрыве с официальной церковью. Но, может быть, более всего революционная ситуация давала себя обнаруживать в парламенте. Сложившаяся здесь оппозиция переходит в наступление на правительство.

В 1614 году парламент (точнее, нижняя палата) был распущен до срока, четыре его члена посажены в тюрьму. На напоминание о "правах парламента" король Яков 1 Стюарт отвечает, что есть только милости, которые могут быть даны и могут быть отобраны. Бурные сцены сопровождают парламентскую сессию 1621 года. Король собственноручно вырывает из парламентских протоколов страницу с протестом, расправляется с вождями оппозиции.

Особо памятной становится парламентская сессия 1628 года. Едва собравшись, парламент принимает "Петицию о праве", содержащую идею буржуазной конституционной монархии; никаких налогов без парламента; никаких арестов иначе, как по закону; отмена всякого рода чрезвычайных судов.

Повод для нового открытого столкновения обнаружился в 1640 году, после II лет беспарламентского правления. Исповедовавшая кальвинизм Шотландия воспротивилась попыткам короля Карла 1 навязать ей богослужение по англиканскому образцу.

Началось с сопротивления новому молитвеннику, которое приписывается горничным, собравшимся на богослужение в церкви св. Джайльса в 1637 году. Образуется военная лига мятежников, к которой присоединяется вся страна.

Сопротивление переросло в военное столкновение. Английская армия терпела поражения, одно позорнее другого. Нуждаясь в деньгах, король собирает парламент, но снова, как II лет назад, сталкивается с его враждебностью. Следует новый разгон, на этот раз последний.

После долгих раздумий Карл и его советники созывают в ноябре 1640 года новую сессию парламента. Ему суждено было стать "долгим".

3. Используя благоприятный момент, Долгий парламент принимает к обсуждению билль о ликвидации епископата (прекрасно сознавая, что за этим последует столкновение с королем, придерживавшимся формулы "нет епископа

- нет короля"), отнимает у короля Карла 1 командование армией, принимает закон об измене графа Страффорда, королевского фаворита, и добивается его казни.

Устанавливается, что беспарламентское правление может продолжаться не более трех лет. В случае, если это правило игнорируется королем и его правительством, инициатива выборов переходит к шерифам, а если и последние бездействуют, - к населению.

Впервые в буржуазной конституционной истории узаконяется - пусть в ограниченной сфере - право народного сопротивления правительственной политике.

Устанавливается также, что никакая власть не может распускать парламент ранее 50 дней после начала сессии.

Летом 1641 года Долгий парламент разгоняет политические трибуналы абсолютизма. Законными судами объявляются суды "общего права" (и суд канцлера). Провозглашается независимость судей от короны и их несменяемость.

Узаконяется, что никакой налог и никакие пошлины не могут быть взысканы без согласия парламента.

4. В отчаянной попытке остановить революцию Карл 1 самолично является в нижнюю палату с требованием выдачи лидеров оппозиции, но терпит неудачу. Заранее предупрежденные, они находят себе надежное укрытие в Сити, деловом центре Лондона.

Тогда Карл оставляет Лондон и переселяется в маленький Оксфорд. На его стороне остаются "верные" лорды, некоторая часть коммонеров (членов палаты общин), значительная часть офицерского корпуса. Возникают два одновременно действующих правительства - в Лондоне и Оксфорде.

В предвидении гражданской войны парламент берет на себя исполнение правительственных функций (исполнительную власть). Он объявляет распушенную королевскую армию и создает армию парламентскую.

Первые же бои выявили крупные недостатки в организации этой армии. Чтобы предотвратить поражение, была проведена военная реформа. Ополчения, созданные на местной основе, были распушены. Новые формирования стали набираться из солдат, принадлежащих к разным графствам. Создавалось единое командование. Вводилась строгая дисциплина и ответственность военнослужащих перед военным судом.

Для содержания армии и ведения войны вводилось повсеместное однообразное налоговое обложение.

Образцом для новой армии послужил отряд, находившийся под командованием Оливера Кромвеля.

Замещение офицерских постов в парламентской армии стало доступно всякому способному человеку. В армии велась политическая работа и солдат держали в курсе событий.

В 1646 году Карл 1 вынужден был сдаться шотландцам, а те переправили его парламенту.

Еще раньше парламентскому правительству удалось договориться с шотландцами об урегулировании религиозного конфликта. Парламент обещал ввести в Англии такую форму богослужения, которая приближалась к кальвинистской.

Сочтя и войну и революцию оконченной, Долгий парламент, руководимый крайне правыми элементами (так называемыми просвитериянами - денежными тузами Сити), выразил намерение избавиться от армии, пугавшей растущим в ее рядах радикализмом.

В особенной степени просвитериян пугал рост влияния "уравнителей" - левеллеров, вождем которых был Джон Лильберн, нестигаемый, пламенный революционер. Не посягая на право частной собственности, левеллеры добивались формального равенства граждан независимо от их имущественного положения: равенства перед законом, равенства прав, всеобщего мужского избирательного права и пр. Их идеалом была демократическая республика.

К этому времени руководящее положение в армии прочно удерживалось Оливером Кромвелем и его сторонниками в генералитете и офицерских советах. Все они были большей частью индипендентами, членами той

политической партии, которая, отвергая консерватизм пресвитериан, не принимала также и левеллерской программы. Индепенденты были близки интересам и воззрениям средних слоев буржуазии и свободного крестьянства.

Свои названия и пресвитериане и индепенденты получили от их позиций в очень остром для того времени религиозном вопросе. Пресвитериане хотели уничтожить официальную английскую церковь, с тем чтобы заменить ее государственной церковью по шотландскому образцу. Предполагалось изменить церковное управление, упростить обряды и пр. Индепенденты так же, как и другие религиозные сектанты (их общим названием в Англии было – пуритане), хотели очищения церкви от последних остатков католицизма, отличались суровой приверженностью к писанию, но не шли далее некоторых незначительных изменений в ритуале богослужения и церковной организации. Их основные разногласия с официальной церковью касались главным образом морали. Они считали себя божьими избранниками и всякое свое действие толковали с позиции божьего предначертания, предназначения, видели в нем то божье наказание, то божью милость. Все, во что они верили, они считали ниспосланным свыше, своих врагов они признавали врагами бога. Такая вера не связывала пуритан чисто религиозной деятельностью. С тех же позиций они толковали и свои политические интересы. Как только они считали их нарушенными, так неизбежным становилось сопротивление. Под религиозной оболочкой скрывалась весьма прозрачная политическая идеология.

Известный немецкий социолог и историк М. Вебер (1864–1920 гг.) справедливо отмечал (хотя и преувеличивая) активное содействие развитию капиталистических отношений, свойственное протестантизму (всех его течений), "капиталистического духа", выразившегося в стремлении к рентабельности, прибыльности, рациональной организации производства, а также и в личном трудолюбии, экономии, накопительстве и т. д. Недаром именно "протестантские" страны – Англия, Соединенные Штаты – ранее других добились лидерства в экономическом (и политическом) развитии.

В конце концов конфликт армии и парламента разрешился государственным переворотом. Ему предшествовало "Народное соглашение" между индепендентами и левеллерами. Оно заключало в себе целую программу действий: роспуск Долгого парламента; новые выборы с участием всех мужчин; равное представительство в парламенте от графств; равенство всех перед законом и т. д.

В декабре 1648 года армия оккупирует Лондон. Полковник Прайд, действуя по поручению Кромвеля, производит насильственную чистку парламента.

Из 90 "вычищенных" 40 человек было арестовано. В конце концов осталось 100 послушных армии депутатов.

В том же декабре в палату был внесен законопроект о суде над королем, которого обвиняли в нарушении законов страны, в ведении войны против народа и пр. Лорды (то есть та часть верхней палаты, которая осталась в Лондоне) единодушно отвергли этот билль.

Тогда нижняя палата принимает (4 января 1649 г.) резолюцию, примечательную как по теоретическому содержанию, так и по практическим результатам. Суть ее – в признании верховенства нижней палаты над верхней и над всеми властями вообще (в том числе королем).

1. Народ, находящийся под властью бога, есть источник всякой справедливой власти.
2. Избранная народом палата общин имеет высшую власть в государстве.
3. То, что палата общин объявит законом, то и будет таковым, несмотря на возражения лордов и короля".

Вслед за тем принимается решение о создании особого верховного суда из 135 человек, которому поручается решение судьбы Карла 1.

Осуществив некоторое давление, Кромвель добивается смертного приговора королю. 30 января 1649 года Карл 1 был казнен.

5. В 1649 году английская буржуазная революция достигает своей высшей точки. Вслед за казнью Карла 1 последовала ликвидация палаты лордов и самой монархии. Англия стала республикой.

Открывались возможности для осуществления программы, заключенной в "Народном соглашении", содержащей в себе, как мы уже видели, идею демократической республики. Но произошло как раз обратное. Индепендентское руководство в армии и парламенте (и сам Кромвель) опасалось дальнейшего развития революции и противилось ему. Последнее не отвечало их интересам.

"Народное соглашение" было для Кромвеля тактической уступкой, но не действительно почитаемой программой действий.

Как только это вполне выяснилось, левеллеры разорвали с Кромвелем и его сторонниками. Вслед за тем последовал арест Лильберна и других руководителей левеллеров. Петиции протеста были оставлены без внимания.

В поддержку Лильберна и "Народного соглашения" выступили армейские части. Четыре полка, стоявшие в Солсбери, подняли восстание. Кромвель подавил его, не стесняясь в средствах. Стало ясно, что как правитель республики Кромвель является защитником собственности и буржуазного порядка, то есть вполне естественного завершения буржуазной революции. На этой основе состоялось торжественное примирение индепендентов и пресвитериан, отмеченное банкетом в купеческом центре Лондона – Сити.

Подавление левеллерского мятежа не гарантировало от новых возмущений. Левеллерская агитация не прекращалась. И тогда Кромвель и его генералы принимают решение послать армию на подавление ирландского мятежа.

В 1641 году Ирландия, воспользовавшись революцией в Англии, восстала: она требовала возвращения отобранных англичанами земель и равенства вероисповеданий.

Пока шла гражданская война, Долгий парламент терпел ирландское восстание. Теперь, в новой ситуации, Кромвель бросил армию на штурм Ирландии. Подавление несчастной страны сопровождалось непомерными жестокостями, память о которых ирландцы сохранили до наших дней.

Ирландской землей Кромвель и его правительство расплатились с офицерами и солдатами, которым сильно задолжали. Завоевание и дележ добычи разложили армию, лишили ее революционного характера. "...Английская республика при Кромвелле, – справедливо замечает в связи с этим К. Маркс, -- в сущности разбилась об Ирландию".

б. Способность Кромвеля и его правительства осуществлять такую внутреннюю политику, которая отвечала интересам буржуазии, и его успехи во внешней политике привели к сближению между индепендентами и некоторой частью их недавних противников – пресвитериан. На этой основе возникает тот государственный режим, та политическая система, которая известна под названием протектората.

Разогнав Долгий парламент (1653 г.), Кромвель и его офицерский совет вырабатывают новую конституцию Англии, так называемое Орудие управления. Конституция эта, столь странно названная, заключала в себе отрицание принципов "Народного соглашения". Признавалась законодательная власть парламента, сосредоточенная в одной палате. Годовая сессия парламента должна была длиться не менее 5 месяцев, а беспарламентское правление не могло продолжаться более трех лет.

Устанавливался равный для всех избирательный ценз, но он составлял 200 фунтов и потому отстранял от выборов подавляющее большинство населения. Парламент протектората не стал представительным органом народа.

"Орудие управления" служило прикрытием полновластия одного лица, сосредоточенного в особе лорда-протектора (покровителя) Англии. Конституция указывала его имя – Оливер Кромвель.

Лорд-протектор обладал законодательной властью. Однако считалось, что он делил ее с парламентом. Лорд-протектор обладал исполнительной властью (хотя и должен был считаться с мнением Государственного совета). От него фактически зависели суды.

Особого внимания заслуживает ст. XXV новой конституции, разрешавшая правительству взимать налоги на содержание армии, военно-морского флота,

а также и на "покрытие издержек", связанных с деятельностью правительства, судов, государственного аппарата вообще.

Таким образом был перечеркнут весь парламентский опыт Англии, связанный с взиманием налогов не иначе как с согласия парламента, "опыт", служивший орудием парламента в его сношениях с королями.

Вся Англия была разделена на округа, во главе которых были поставлены генерал-губернаторы (генерал-майоры).

"Орудие управления" создало единоличную диктатуру, но по своей сути это была диктатура буржуазии и нового дворянства.

7. Конституция, столь тесно привязанная к одной особе, хотя и знаменитой, не создавала прочной основы для будущего.

Преследуя все и всякие проявления политического либерализма (в особенности левеллеров), Кромвель ограничился временными стеснениями для побежденных, но не смирившихся роялистов - участников мятежа. Такая политика была на руку тем, кто в свое время поддерживал пресвитерианский Долгий парламент и не расставался с планом восстановления конституционной монархии на основе приемлемого компромисса с дворянством. Изгнание республиканцев из парламента 1656 года и восстановление верхней палаты обнадеживали сторонников монархии. Они предложили корону самому Кромвелю, но тот должен был отказаться ввиду решительного сопротивления генералитета: армия была и оставалась главной опорой военной диктатуры, созданной "Орудием управления".

Ухудшение экономического положения Англии, вызванное разными причинами, в том числе и внешнеполитическими, усиливало стремление крупной буржуазии возвратиться к традиционным формам правления с теми поправками, которые внесла революция в положение короля и парламента. Восстановление монархии мыслилось в качестве надежного средства достичь мира с феодальным дворянством, феодальной Европой в качестве надежного средства против все еще реальной угрозы левеллерской революции.

В 1658 году Кромвель умер. В 1660 году реставрация Стюартов совершилась.

Сын Карла I - Карл II - обязался сохранить за новыми собственниками все их земли, конфискованные в свое время у роялистов, признать свободу вероисповеданий, за исключением католического. Утвердившись на престоле, Карл II приказал выкопать из земли трупы "цареубийц", включая труп Кромвеля, и повесить их.

Реставрация монархии повлекла за собой восстановление прежней избирательной системы, прежней палаты лордов, палаты общин, англиканской церкви и пр.

8. И Карл II, и наследовавший ему брат Яков были в общем жалкими политиками. Не сознавая всей значительности перемен, они питали надежды на возвращение к дореволюционному порядку.

Первый же повод (вопрос о престолонаследии непопулярного Якова) привел к размежеванию правящего класса на две партии - ториев и вигов. Тори объединили в своих рядах консервативно-роялистские элементы, связанные с крупным землевладением, виги представляли главным образом интересы английской промышленности и торговли.

Названиями своими обе партии обязаны бранным кличкам, происхождение их неясно.

Партии эти не были организационно оформлены, не собирались на съезды, не имели выборных органов. Более или менее заметную организацию они имели только в парламенте. В стране существовали не столько "члены" партий, сколько их сторонники.

Возникновение партий ториев и вигов кладет действительное начало буржуазной двухпартийной системе, а в более узком смысле - двум и ныне существующим партиям Англии - консервативной (бывшие тори) и, теперь уже второстепенной, либеральной (бывшие виги).

В 1679 году находившиеся в оппозиции виги, воспользовавшись выгодной ситуацией, нередко открывающейся в ходе политических интриг, добиваются закона, с помощью которого имелось в виду обезопасить противников

правительственной политики от репрессий. Ему суждено было сделаться важной частью английской конституции.

Закон этот известен под названием Habeas corpus act (акт о гарантиях прав личности). Значение его в тех гарантиях, которые он дает против неправосудных арестов. Укажем главное:

а) арестованному должен быть предъявлен письменный приказ об аресте; в противном случае его должны освободить или представить ближайшему суду; последний обязан решить вопрос о мере пресечения: заключении под стражу или освобождении под денежный залог. Не найдя оснований к аресту, суд вправе отпустить арестованного на свободу.

Речь идет не об осуждении или оправдании, как часто полагают, но только о целесообразности задержания до суда, до первой (самое позднее - до второй) судебной сессии (они происходили раз в три месяца);

б) арестованный и сам вправе требовать, чтобы его доставили в ближайший суд для решения вопроса о задержании. Тот, кто откажет в удовлетворении этой просьбы (начальник тюрьмы или надзиратель), карается на первый раз крупным штрафом, на второй - увольнением от должности;

в) родственникам арестованного (как и всяким другим лицам) предоставляется право обращения в Высокий суд за приказом о Habeas corpus. Судьи - тоже под угрозой штрафа - не могут отказать в нем.

Закон предусматривал еще право освобождения от ареста (до суда) под денежный залог, но он был обычно столь велик, что оставался привилегией богатых.

Существует несколько объяснений: кажется, оба они пришли из Ирландии ториями там называли уличных воров, вигами - протестантов (презрительно).

Положительное значение закона очевидно. Следует, однако, иметь в виду, что парламентским актом он мог быть приостановлен, и это не раз делалось. Действие закона не распространялось на преступления, которые квалифицировались как "государственная измена".

9. В 1688 году, через три года после воцарения Якова II, тори и виги, объединившись ненадолго, совершают так называемую славную революцию. Яков был устранин (и бежал из страны), а на его место был возведен штатгальтер Голландии Вильгельм Оранский.

Причины смещения Якова II-в его политике. Только что сделавшись королем, он стал изгонять вигов-судей, лишать города их старинного самоуправления, готовил реставрацию католицизма.

Кандидатура Вильгельма была приемлема как ввиду того, что он был протестантом, политическим деятелем, воспитанным в духе конституционного правления, близок интересам и землевладения, и промышленности, так и потому, что он был в родстве с английским домом (муж Марии, дочери Якова).

Коронация Вильгельма произошла в 1689 году. И тогда же им был подписан акт, который сделался юридической основой английской конституционной монархии. Этот акт был одновременно с тем договором между королем и английскими правящими классами. Известен он под названием "Билля о правах". Его основные положения состоят в следующем: а) всякий закон и всякий налог исходят только от парламента; б) никто, кроме парламента, не может освобождать из-под действия закона, отменять закон или приостанавливать его;

в) узаконяется свобода прений в парламенте, свобода петиций, гарантируется частый и регулярный созыв палат;

г) парламент определяет состав и численность армии на каждый данный год и выделяет для этого средства.

10. Английская историография всячески восхваляет переворот 1688 года, произведенный "без пролития крови". При этом нередко доходят до утверждений, что английская революция была вообще не нужна: Англия и без нее, хотя и несколько по-другому (гуманнее!) пришла бы к тому же, к чему она пришла в 1688 году. Вопрос спорный. Мы полагаем, однако, что без 1649 года, без действительно "великого бунта" эпизод 1689 года и весь тот строй, который стал его результатом, не могли бы иметь места.

Свержение Якова и приглашение Вильгельма было делом обеих партий: как ториев, так и вигов. Сговор этот имел далеко идущие последствия. Компромисс между феодальным дворянством и буржуазией, несмотря на все разногласия между ними, сохраняется в течение XVIII и XIX столетий, следы его с очевидностью обнаруживаются и в политической истории Англии XX столетия.

В основе этого компромисса лежало следующее: а) буржуазия соглашается на то, чтобы дворянству были оставлены все основные доходные места ("теплые местечки") в государственном аппарате;

б) дворяне-землевладельцы обязуются, что в своей политике они будут руководствоваться не только собственными интересами, но и интересами буржуазии. И она действительно заставляет своих противников издавать законы почти только в ее интересах и в соответствии с ее потребностями.

В этом союзе, справедливо подчеркивает Маркс, - прочность английской монархии после 1688 года.

Но раз дворянство сохранило господствующее положение в государственном аппарате и значительную часть своих прежних земель, значит, английская буржуазная революция не была доведена до конца.

Причину этого следует видеть в специфических особенностях самой революции. Во Франции буржуазия в своей борьбе с королем, дворянством и господствующей церковью объединилась с народом. Французская революция приобрела от этого радикальный характер. В английской же революции буржуазия соединилась не с народом, а с новым дворянством. И в этом все дело.

Что же касается народа, то есть главным образом крестьян, бывших основной опорой Кромвеля, вынесших на себе всю тяжесть гражданской войны, сыгравших решающую роль в победе революции, то этот народ как раз менее всех выиграл от революции. Грабеж общинных земель в результате парламентских огораживаний 20-30-х годов XVIII века привел к исчезновению последних остатков общинного землевладения в Англии. Невиданному расхищению подверглись государственные земли. И те и другие оказались в руках крупных земельных собственников.

Разоряемое всем ходом экономического развития крестьянство как класс, объединяемый общим отношением к средствам производства, исчезает в Англии. Его место занимают арендаторы, с одной стороны, и сельскохозяйственные рабочие (батраки) - с другой.

Таким образом, скажем мы, следуя за К. Марксом, английский государственный строй после буржуазной революции являлся не чем иным, как компромиссом между неофициально,

но фактически господствующей во всех решающих сферах буржуазного общества буржуазией и официально правящей земельной аристократией. Первоначально после "славной" революции 1688 г. в компромисс была включена только одна фракция буржуазии - финансовая аристократия. Избирательная реформа 1832 года в Англии, которой мы будем касаться ниже, включила в указанный классовый компромисс и другую фракцию английской буржуазии - промышленную буржуазию. Соответственно с тем законодательство Англии уже с 1832 года представляет собой, как мы увидим, серию уступок промышленной буржуазии

Глава семнадцатая Формирование парламентской монархии в Англии

1. Восемнадцатое столетие было временем дальнейшего формирования английской конституционной монархии.

Процесс этот подталкивается многими важными переменами. Происходила промышленная революция, выдвинувшая Англию в число первых промышленных стран мира.

Неслыханным образом развилась мануфактура, чтобы затем уступить место крупной промышленности, паровой машине и гигантским фабрикам. Исчезают в связи с этим целые классы населения, вместо них появляются новые классы с новыми условиями существования, с новыми потребностями. Это и более могущественная буржуазия, появившаяся на свет с промышленным

переворотом, и, конечно, пролетариат, это и английское крестьянство, о постепенном исчезновении которого мы уже говорили.

Дополнением к огораживанию явилась покупка земли у пролетаризирующегося земледельца, у эмигрирующих в Америку крестьян и т.п. Типичной формой сельскохозяйственного предприятия становится ферма, принадлежащая кулаку - арендатору господской земли. Ее обрабатывает сельскохозяйственный рабочий - батрак.

К концу XIX века половина всех земель в собственно Англии принадлежала 150 фамилиям, 4/5 земель - 7000 семей; в Шотландии половина всей земли принадлежала 75 фамилиям, в Ирландии - 35.

2. Принципы Билля о правах были очень важны, но они требовали дальнейшего развития. В специфически английских традициях это развитие совершалось двояким путем: законами и прецедентами. Под последними понимаются в данном случае неписанные, но общепринятые соглашения, поступки и поведение, которым придали значение обычая, а также старинные правила разного рода, возникшие на парламентской или правительственной почве.

Среди законов, дополнивших Билль о правах 1689 года, отметим:

а) "Трехгодичный акт" 1694 года, установивший трехлетний срок полномочий парламента;

б) "Акт об устройении" 1701 года, установивший сразу два важных правила: контрассигнатуры и несменяемости судей.

Периодичность (регулярность) созыва парламента определилась тем, что согласно Биллю о правах бюджет должен был утверждаться ежегодно.

Под контрассигнатурой понималось правило, согласно которому всякий акт короля требовал для своей действительности

второй подписи. Она должна была принадлежать либо первому министру правительствa, либо тому министру, к ведению которого данный акт относился.

В 1711 году правило контрассигнатуры было дополнено. Устанавливался принцип неотвeтственности монарха, выраженный формулой "король не может делать зла".

Практическая цель, достигаемая контрассигнатурой, состоит в ограничении короны: король неотвeтствен, но министр может быть предан суду.

Отвeтственность министров перед парламентом оказалась бы фикцией, если бы за королем оставалось его традиционное право помилования. Поэтому тем же актом 1701 года помилование министров, осужденных нижней палатой, было запрещено.

Первый пример министерской отвeтственности был подан еще в правление Карла II. Палата общин обвинила лорда Денби, королевского фаворита, в продаже г. Кале Франции, в потворствовании палпизму, в растрате денег, а также в том, что он давал вредные советы королю. Денби должен был уйти в отставку.

Не имея возможности обойти своих министров, а тем более парламент, король сохранял за собой право veto на законы последнего. Он мог не согласиться с действиями своих министров. Но и это сделалось такой же "важной жизненной фикцией", как и неотвeтственность короны. В последний раз право veto было использовано королевой Анной в 1707 году для отклонения билля о шотландской милиции. С тех пор право veto больше не применяется. Правительства стремятся предварительно согласовывать с королями (королевами) всякий важный законопроект.

Наследовавший после бездетной королевы Анны, Георг 1, приехав из небольшого германского княжества, так и не научился говорить по-английски. Изъяснение на плохой латыни мало помогало, и потому он счел за лучшее не являться на заседания министров.

Возникающие из этого удобства были тотчас оценены: прецедент, сохраняющий силу до настоящего дня, рекомендует королю воздерживаться от посещения заседаний кабинета министров.

По словам известного английского политического деятеля прошлого столетия Гладстона, английский министр почтительно докладывает королю о

своих планах, выслушивает критику, но может "не придавать королевскому совету решающего влияния".

Важные следствия имел принцип несменяемости судей. Его первоначальной целью было ограничение королевского произвола, Устанавливалось, что смещение судьи может иметь место не иначе как по постановлению обеих палат парламента.

До того судьи держали свои места, пока "будет угодно его величеству королю". Это правило открывала неограниченные возможности для злоупотреблений. Яков I и его сын настаивали на том, что принцип несообразности, выраженный в воле короля, должен быть признан стоящим выше закона. С этим не

соглашались судьи общего права, во всяком случае наиболее честные из них. Главный судья Королевской скамьи знаменитый Кок был смещен именно за то, что отстаивал противоположный принцип, то есть что закон выше короля.

Назначая на должность судей, корона заботилась главным образом о том, чтобы подбирать послушных людей, от которых можно было ожидать требуемых приговоров.

За королем, конечно, сохранились все внешние знаки "величия". При всякой новой коронации парламент устанавливал размеры гражданского листа, то есть, проще говоря, жалованья, шедшего на содержание двора. В XI, X веке гражданский лист предусматривал выплату 385 тыс. фунтов ежегодно (из НХХ 60 тыс. на личные расходы короля).

3. В течение того же XVIII века получает свое развитие принцип "ответственного правительства".

Английский кабинет министров выделился из Тайного совета, состав которого подбирался королем. Время от времени тому или иному члену совета поручалось руководство определенным ведомством. Совокупность такого рода министров составляла кабинет, не признаваемый, однако, ни законом, ни теорией.

Но жизнь всегда выше доктрин. Юридически кабинета министров не существовало, а на деле он не только действовал, но и укреплялся.

Происхождение его все же сказывалось. Кабинет существовал, но невидимо. Его заседания были строго секретными. Долгое время он не имел даже определенного помещения для своих заседаний, и только в последние годы XIX века им сделан дом на Даунингстрит. Считалось даже, что это не заседания, а "случайные совещания между некоторыми членами Тайного совета".

Премьеры пользовались всем этим для того, чтобы не связывать себя мнением "младших" министров или тех, кто не разделял данной политики. В таких случаях на заседания приглашались не все министры, а только некоторые.

С помощью парламента кабинету министров удалось довольно быстро оттеснить короля. Но почти тотчас обнаружилось противоречия между кабинетом и парламентом. Выяснилось, что ни одно правительство не может стоять у власти (ни провести закон, ни утвердить бюджет, ни набрать солдат, ни объявить войну, ни заключить мир), если оно не имеет за собой поддержки большинства депутатов палаты общин.

Первый пример подал всесильный глава вигского кабинета Уолпол - "финансовый гений", как о нем говорит историк Мортон, - когда в 1742 г., потеряв доверие палаты общин, Уолпол подал в отставку.

Парламент уже не ограничивается законодательством. Он берет на себя контроль за исполнительной властью, вторгаясь в прерогативы короны.

Таким образом возникает "ответственное правительство" - правительство, ответственное перед парламентом (в данном случае - перед его нижней палатой).

В своей борьбе с палатой общин правительство было не вполне беззащитно. Требованиям отставки оно могло противопоставить указ (короля) о роспуске парламента и назначении новых выборов. Победив на выборах, правительство оставалось у власти; в противном случае оно уступало место своим соперникам.

Описанная система утвердилась далеко не сразу. Правивший в конце XVIII и начале XIX вв. Георг III пытался с ней не считаться, но без особенного успеха. В 1782 году, впервые в истории, ушел в отставку не отдельный министр, а весь кабинет (Норта): палата сочла его виновным в проигрывше войны с американскими колониями.

Первый роспуск палаты, совершенный в интересах кабинета (которому угрожали отставкой), имел место в 1784 году при известном Питте Младшем. Питт правильно оценил положение и выиграл выборы.

После этого еще два раза (в 1807 и 1831 гг.) правительство прибегало к роспуску парламента и каждый раз побеждало.

Отрезвление наступило в 1834 году, когда правительство потерпело поражение на выборах. Этот результат повторился в 1847 году. С тех пор обе стороны - и правительство и парламента - научились осторожности.

Но досрочные выборы не всегда желательны и всегда рискованны. Их далеко не всегда добивается даже та партия, которая в данный момент находится в оппозиции. Более же всего их, конечно, не хочет правящая партия.

Принуждая к голосованию в пользу той или иной партийной политики - независимо от того, нравится это члену партии или нет, - лидеры последней не уставали напоминать, что "выборы - вещь очень дорогая и, если они неудачны, вещь очень обидная".

Таким образом держат в узде депутатов: парламента в целом "сдерживает правительство", правительство "сдерживает" палату.

4. Соперничеством ториев и вигов определяется действие английской двухпартийной системы в течение всего XIX века: победившая на выборах партия приходит к власти, то есть формирует правительство; побежденная - переходит в оппозицию.

С течением времени оппозиция становится частью английской государственной системы. Ей присваивают странный титул "оппозиции его (ее) величества".

Правительство составляется, как правило, из наиболее ответственных руководителей данной партии.

Это правило выдерживается, впрочем, относительно важных постов. Английские премьеры не раз жаловались на то, что при составлении кабинета они вынуждены считаться не столько со способностями министров, сколько со всякого рода личными обязательствами, соображениями политики и пр. Одного надо сделать министром из-за его связей при дворе, другого невозможно обойти (свой человек), третьему надо заткнуть рот (чтобы воздерживался от критики) и пр.

5. Мы сознательно умалчивали до сих пор об английском избирательном праве, средневековом по своему происхождению, отмененном при Кромвеле и вновь восстановленном при реставрации Стюартов.

Напрасно представлять себе старую Англию разбитой на избирательные округа, периодически призывающиеся к голосованию. Ничего подобного не было.

Основную массу депутатов нижней палаты (467 из 658) "выбирали" мелкие города и деревеньки - местечки, в разное время и по разным причинам получившие соответствующую привилегию. Одни из этих местечек числились "гнилыми" - это были старые, давно оставленные деревни; в других едва насчитывалось несколько десятков жителей, от силы - несколько сотен. Множество местечек относилось к разряду "карманных": собственниками их были крупные землевладельцы. Пользуясь тем, что голосование было открытым, они заранее указывали избирателям, за кого те должны голосовать, и наказывали выселением за непослушание.

Считалось, пишет французский историк Сеньобос, что из 658 депутатов 424 были заранее назначены.

"В графстве Бьюте, - пишет Сеньобос, - (14 тыс. душ - 21 избиратель) рассказывали историю выборов, на которые явился всего один избиратель; он образовал собрание, вызывал, отвечал от своего имени и выбрал себя председателем, говорил в пользу своего избрания депутатом, поставил свою кандидатуру на голосование и объявил себя избранным единогласно".

Узким и замкнутым был круг избирателей. В некоторых местечках избирателей было не более 3-4 человек. В других избирательное право принадлежало мэру и его советникам.

В среднем, писал дореволюционный русский государствовед Градовский, на одно местечко приходилось 12 избирателей и по 2 депутата. Город Лондон со своим полумиллионным населением (конец XVIII в.) посылал четырех депутатов; в то же время графство Корнуэлл, на территории которого проживает 165 тыс. жителей, посылало 44 депутата.

В "карманных" местечках, по подсчетам, приводимым Градовским, 87 пэров назначали 218 депутатов.

Легко понять, кого устраивала эта система. Чтобы сохранить ее в неприкосновенности, право короля раздавать хартии на право представительства в парламенте было приостановлено. Круг замкнулся.

А между тем в Англии выросли новые города. Их породила промышленная революция XVIII века. Города эти сделались средоточием буржуазии. Здесь именно она, а не земельная аристократия, могла бы командовать выборами и формировать удобный парламент. Но именно города либо вовсе не избирали, либо избирали такое число депутатов, которое никак не соответствовало численности населения. Компромисс 1689 года, приведший на трон Вильгельма Оранского, не соответствовал уже соотношению сил его участников. Изменился и характер самих этих участников: английская буржуазия 1830-х годов сильно отличалась от буржуазии предыдущего столетия: финансовая аристократия стала оттесняться на задний план промышленной буржуазией. "Сохранение политической власти все еще в руках аристократии... стало несовместимым с новыми экономическими интересами"*.

Естественным следствием этого противоречия было требование избирательной реформы. Буржуазия не покушалась на палату лордов. Но нижнюю палату она хотела видеть буржуазной.

В борьбе за реформу буржуазия обратилась к помощи рабочих. Она обещала им законы, которые дадут дешевый хлеб, и рабочие примкнули к борьбе.

Имелось в виду отменить пресловутые хлебные законы, запрещавшие ввоз дешевого хлеба из-за границы, чтобы лендлорды имели возможность продавать свой хлеб по достаточно высокой цене.

Хлебные законы углубляли нищету рабочих, но в то же время они раздражали буржуазию, вынужденную, как ей представлялось, "переплачивать" на заработной плате, чтобы рабочий не умер с голода раньше срока.

В 1816 году близ Лондона состоялась массовая манифестация в пользу реформы. Изданная в связи с этим прокламация гласила: "4 миллиона людей в нужде, 4 миллиона в нищете, полмиллиона в полунищете, полмиллиона в блестящей роскоши".

Правительство всеми средствами сопротивлялось реформе, не останавливаясь перед кавалерийскими атаками против демонстраций. Палата лордов отклоняла билли, уже принятые палатой общин.

Следуя извечной тактике правящих классов, регент Англии характеризовал английскую избирательную систему как самую совершенную из всех возможных. Глава правительства герцог Веллингтон возражал против реформы с помощью пошлых аргументов насчет "человеческой природы, не способной достигнуть совершенства", и т.п.

Борьба за реформу создавала благоприятные условия для возникновения разного рода рабочих союзов, и они действительно возникали. Они требовали реформы, но всякий разумный наблюдатель мог заметить, что на этом дело не кончится.

Желая покончить с сопротивлением лордов, буржуазные организации обратились с призывом изымать вклады из банков.

Перед двойной угрозой - рабочих союзов и финансового банкротства - лорды сдались. Билль о реформе, предложенный правительством вигов, стал законом. Это событие, которому отводят так много места в политической истории Англии, произошло в 1832 году.

6. Реформа 1832 года, как и все английские реформы, не может быть названа радикальной, о чем свидетельствуют ее главные установления:

а) более 50 местечек - из тех, что "гнилые", - были вовсе лишены представительства в парламенте;

б) еще 30 местечек должны были удовлетвориться сокращением числа депутатов;

в) освободившиеся 143 места были отданы: 66 - новым городам, 65 - графствам, остальные - Шотландии, Ирландии, Уэллсу;

г) старинный избирательный ценз - 40 шиллингов - был отменен.

В средние века, когда он был установлен, исходили из того, что именно такая сумма требовалась на содержание и экипировку солдата. В XIX веке все это выглядело по-другому.

Городским избирателем делался тот, кто имел в собственности дом, приносящий не менее 10 фунтов стерлингов в год. Наниматель дома делался избирателем в том случае, если арендная плата достигала 10 фунтов стерлингов в год, то есть равнялась годовому доходу арендатора средней руки;

д) избирательным правом наделялись земельные собственники и долгосрочные арендаторы с доходом 10 фунтов стерлингов в год и краткосрочные - с доходом в 50 фунтов стерлингов.

Таким образом, править Англией уполномочивался собственник. Число избирателей составило 376 тыс. человек (вместо прежних 247 тыс.). Правом голоса была наделена 1/32 часть населения (376 тыс. на 12 миллионов!).

7. Реформа сделала необходимой борьбу, за голоса избирателей, чем раньше пренебрегала. Обе партии и тори, и виги - быстро это поняли, что они поспешили отбросить свои прежние клички и известись "приличными" названиями. Тори сделались "консерваторами", виги - "либералами". Названия и на этот раз пришли из-за границы. Они возникли в Испании.

Назвав себя столь необыкновенно (по нашим нынешним понятиям), тори как бы говорили: "Мы не зарекаемся против реформ, но в принципе за то, чтобы все оставалось как прежде". Виги наоборот, заявили претензию стать руководителями прогресса.

Современник событий и внимательный наблюдатель, Генрих Гейне писал: "Привычное представление сводится к тому, что партия тори склоняется целиком на сторону трона... партия же вигов... склоняется более в сторону народа. Однако такого рода определения расплывчаты и ими пользуются главным образом в книгах. На эти наименования следует смотреть как на названия группировок. Они обозначают людей, которые в известных спорных вопросах держатся вместе..."

О принципах нет вовсе речи, единодушие существует не по поводу определенных идей, но по поводу определенных мероприятий в области государственного управления".

Зачем же в таком случае две партии, а не одна? Ответ на этот вопрос дает сама история. Бессодержательные дуэли двух партий склоняют избирателей то на одну, то на другую сторону, но не позволяют им избрать что-нибудь третье. Кто бы ни победил, господство крупного землевладения и капитала обеспечено.

Громкая полемика, шумные манифестации в печати, "откровенная" критика правительственной политики и т.п. создают впечатление борьбы там, где в лучшем случае дело идет о различном подходе, а в худшем - о том только, чтобы занять министерские кресла.

Известный английский политический деятель лорд Бальфур сказал как-то в припадке откровенности (в 1902 г.): "В английской внутренней политике мы никогда не находимся в состоянии мира - вся наша политическая организация устроена так, чтобы мы могли ссориться, - и мы постоянно ссоримся... иногда по предметам маловажным... по поводу вопросов, относительно которых всегда можно было достигнуть соглашения".

Дело существенным образом изменилось - как мы это увидим в дальнейшем - с возникновением лейбористской (рабочей) партии, а еще точнее, с той поры, когда, оттеснив либералов на задний план, лейбористы сделались действительным противовесом консервативной партии.

События .XIX века вошли в историю Англии под знаком упорной борьбы чартистов за всеобщее избирательное право, за .ежегодный парламент, за то, чтобы депутатом мог сделаться всякий достойный рабочий человек.

Правящим классам Англии удалось в то время отвести угрозу новой парламентской реформы, но сама эта угроза не исчезла.

В 50-60-х годах в английском рабочем классе приобретает значение новый социальный элемент - рабочая аристократия, сознательно подкармливаемая за счет основной массы трудящихся.

Привлекаемая идеалом мелкобуржуазного существования, рабочая аристократия склонялась к компромиссу с правящими классами Англии на основе частичных уступок с их стороны.

Борьба за этого нового, желательного в данных условиях избирателя побудила как консерваторов, так и либералов к новой парламентской реформе.

И та, и другая из партий хотели, чтобы реформа была результатом именно ее инициативы. Завязалась беспринципная интрига. Виги упорно отклоняли проекты ториев. В самый острый момент консерваторам и их вождю Дизраэли удалось загнать либералов в угол. Предложенная последними поправка (либералы были уверены в том, что консерваторы ее не примут) была ко всеобщему удивлению принята Дизраэли, и проект стал законом. Избирательный закон 1867 года распался на две части:

Львиная доля мандатов, отнятых у "гнилых" местечек, досталась графствам (30 из 53). Крупные города по-прежнему посылали ничтожное число депутатов - 34 из 560.

Существенное значение имело расширение ценза. За основу по-прежнему принимался "дом". На этот раз право голоса получали не только те, кто уплачивал 10 фунтов стерлингов арендной платы. Если дом был обложен налогом в пользу бедных (а таких домов было много), право голоса получали все те наниматели небольших квартир, которые его вносили.

До 1867 года они уплачивали налог через посредство домохозяина, и только он считался "налогоплательщиком".

Реформа возводила в этот ранг всякого, кто уплачивал налог и тем самым расширяла круг избирателей.

Именно это коварное предложение (поправка) было выдвинуто вигами и принято ториями.

"Либералы и донныне, - писал советский государствовед Г.С. Гурвич, - не простили консерваторам этого шага. Они называют его "прыжком в темноту", продиктованным оппортунизмом и цинизмом политики консерваторов..."

Количество избирателей в графствах выросло наполовину, в городах - на 200%. Новый миллион голосующих составил из ремесленников, мелкой буржуазии, квалифицированных рабочих.

В 1872 году в Англии вводится тайное голосование. 9. Третья избирательная реформа была проведена в 1884-1885 годах.

Постепенно исчезали старые страхи перед массовым избирателем. Оказалось, что одно только расширение избирательного права при сохранении в руках правящих партий монополии на выдвижение кандидатов и на их протаскивание (на что, помимо прочего, нужны деньги - и немалые) не угрожает изменением состава парламента.

Существенным в новой реформе - помимо расширения избирательных прав в графствах - было введение избирательных округов.

По системе "относительного большинства" если, например, при 1000 голосующих по трем кандидатам голоса разбивались так, что один получал 400, а два других по 300 голосов, избранным считался тот, за кого голосовало 400. То, что избранный не имел за собой большинства избирателей, не принималось во внимание. Считалось, однако, что депутат должен защищать интересы не только тех, кто его избрал, но и всего избирательного округа в целом.

Парламент избирался на 7 лет.

Новое увеличение количества Мандатов получили промышленные города. Буржуазные депутаты составляют уже значительную массу членов палаты общин. Классовый компромисс дворянства и буржуазии сохранял силу. Однако преобладающее положение перешло к буржуазии.

10. Вместе с расширением избирательного права происходит известная демократизация политической жизни Англии.

Профессиональные союзы рабочих - по-английски тред-юнионы, - третируемые и преследуемые, добиваются легального существования (1871 г.).

Систематической мирной агитацией, своей ролью посредника в конфликтах между рабочими и хозяевами профсоюзы склонили парламент к отмене тюремного заключения за нарушение договора найма (1875 г.).

По старому закону, носившему название "господин и служащий", рабочий, оставивший место до срока, подвергался тюремному заключению на три месяца. При этом хозяин присутствовал в суде как "свидетель", рабочий не допускался вовсе.

Стала возможной агитация, направленная на повышение заработной платы: было отменено уголовное наказание за организацию забастовок.

Незадолго перед тем семь женщин были посажены в тюрьму только за то, что они крикнули штрейкбрехеру английское укоризненное "ба!".

Получает признание "свобода совести", то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

В 1846 году было декретировано уравнивание в правах евреев. После скандального отказа атеиста Брэдло, избранного в парламент, принести требуемую обычаям религиозную присягу парламент должен был отказаться от последней. Суды стали признавать недействительными завещания, предназначавшие какие-либо траты на совершение "заупокойных служб".

Никакой закон не декретировал свободы собраний, но она стала признаваться более или менее допустимой.

Традиционной точкой зрения сделалось: каждый может стоять на улице и говорить с другим. Но если это разрешено двум, то почему то же самое следует запретить десяти или сотне?

Отмена предварительной цензуры на печатные издания, введенная законом 1695 года, не была поколеблена.

Учреждение предварительной цензуры - дело церкви. Ее инициатором был небезызвестный папа Александр VI. Цензура была непосредственным ответом реакции на распространение книгопечатания, изобретенного Гутенбергом в XV веке.

Первая английская газета (вышла в 1622 г.) достаточно натерпелась от цензуры. Революция не внесла существенных перемен в положение печати. Дело изменилось к лучшему только с Вильгельмом Оранским.

В той или иной степени признавалось свободное выражение мнения, то, что называют обыкновенно "свободой слова".

Характеризуя в том же плане английские институты, следует указать на отсутствие системы административных наказаний и штрафов. Во всех случаях полиция была обязана обращаться за содействием к суду.

Со времени Билля о правах Англия не знала особой подсудности и особых судов (кроме судов военных, компетенция которых распространяется на солдат и офицеров).

В отличие от стран континента здесь не существовало особой подсудности для чиновников, не вводилось столь обычного для европейских монархий и "демократий" осадного положения и т. д. Заметим, что К. Маркс, преследуемый на родине, изгнанный из Франции и Бельгии, нашел себе безопасное пристанище в Англии.

Тем не менее картина английских свобод была еще далека от идеала. Митинги не запрещались и не требовали предварительного разрешения. Однако местные власти имели право разгона, если находили, что митинг превращается в "шумное сборище". Цензуры не было. Однако судам предоставлялось право определять, где "дозволенная критика", а где "клевета", где "научный диспут", где "оскорбление религии и нравственности" (влекущие уголовное наказание).

Свобода слова не возбранялась. Однако на практике она "есть не более чем право говорить и писать только то, что присяжные - какие-нибудь двенадцать лавочников - сочтут удобным".

Заявление парламенту петиций считалось неотъемлемой частью английских свобод, но подаваться они должны были не иначе как через члена палаты, от которого зависело принять их или отказаться.

II. Обуржуазивание нижней палаты сопровождалось обуржуазиванием государственного аппарата. В 1888 году было покончено с таким средневековым институтом, каким являлось пресловутое английское "местное самоуправление", находившееся в руках помещика и священника. Соответствующая реформа дала графствам такие же выборные советы, какие уже давно (с 1835 г.) существовали в городах.

Наступала очередь палаты лордов. Об ее ликвидации в то время не заходило даже речи: не только консерваторы, но и либералы считали палату лордов необходимой.

Легко понять почему. Там, где палата общин, так или иначе взирающая на избирателя, хотела для себя свободы маневра, верхняя палата выступала в качестве заслона.

Закулисный стовор и тайные расчеты были обыкновенным делом во взаимоотношениях палат. Если бы существовала малейшая вероятность, что лорды не наложат вето на билль о самоопределении Ирландии (в 1893 г.), этот билль почти наверняка не был бы внесен в палату общин. Правительство действовало с намеренным расчетом, цепью которого был обман публики, и палата общин участвовала в этой игре.

Ход времени сказался на палате лордов изменением ее состава. Все большее число лордов оказывалось выходцами из буржуазии.

В XVI веке короли пожаловали патенты 13 новым лордам, в XVII - 35, в XVIII - 95, в XIX-315 (из них 166 приходится на царствование королевы Виктории).

Тем не менее лорды оставались в большинстве своем торями и как таковые держались одной и той же традиционной тактики: пока у власти стояли консерваторы, лорды "засыпали"; лениво, но беспрепятственно пропускали они законопроекты своих друзей. Стоило только прийти к власти либералам, как уже лорды разворачивались, оживлялись прения, тормозились и даже проваливались билли (в 1906 году - 5 раз, в 1908-ом - 1 раз).

Тем не менее общим правилом было положение: финансы есть компетенция нижней палаты. Но лорды нарушили его. в 1909 году, когда правительство либералов внесло законопроект о некотором увеличении налога на земельную ренту. Палата лордов зашла так далеко, что отклонила принятый палатой общин бюджет.

Побуждаемые обстоятельствами, либералы решились на ответный удар. Они апеллировали к избирателям и победили на выборах (конец 1910 г.). Им удалось связать обязательства короля Георга V, и тот обещал назначить такое количество новых ("маргариновых") лордов, какое было необходимо для радикального изменения состава верхней палаты. Перед этой угрозой лорды отступили. Актом о парламенте устанавливалось: 5) всякий билль, который спикер палаты общин найдет "финансовым", идет на подпись королю, минуя палату лордов;

б) всякий иной билль, если он отклонен палатой лордов, возвращается в палату общин для нового голосования. Будучи подтвержденным и вновь отклоненным, билль этот ставится на третье и последнее голосование. Принятый общинами в третий раз (в течение двух лет) он будет направлен на подпись королю, минуя палату лордов.

В том же 1911 году депутаты нижней палаты стали получать жалованье. Эта мера имела важное значение для третьей партии, с 1906 года появившейся на политической арене, - партии лейбористов.

Лейбористская партия образовалась из различных социалистических групп и организаций, объединяемых общим намерением осуществлять постепенный прогресс в "социалистическом направлении" при посредстве

реформ, основанных на законе, без существенных изменений английской конституции.

Непосредственным поводом для создания партии послужило решение суда по делу о забастовке железнодорожников. Удовлетворив иск предпринимателей, суд возместил понесенные ими убытки (от забастовки) из профсоюзной кассы. Тем самым был создан прецедент, угрожавший каждой новой стачке.

Чтобы сделать невозможным что-нибудь подобное, нужен был специальный закон. Лидеры профсоюзов и социалистических организаций решили добиваться его, предварительно проникнув в парламент. Так возникла необходимость в политической партии.

Теория и практика английского лейборизма как в начале XX века, так и в конце его не содержат ничего революционного. По справедливому суждению Ф. Энгельса, после прекращения существования 1 Интернационала в Англии не стало "абсолютно никакого рабочего движения, кроме такого, которое плетется в хвосте буржуазии, радикалов и ставит себе маленькие цели в пределах капиталистических отношений".

12. Реформу палаты лордов считают обыкновенно победой палаты общин. Еще в большей степени она была победой правительства над парламентом.

Контролируя правительственное большинство в нижней палате и потеснив на второй план верхнюю, правительство могло быть уверено в том, что всякий представленный им закон, равно как и всякая политика, им проводимая, получают отныне поддержку и одобрение.

Растущей мощи правительства способствовали вновь изобретенные средства тормозить или вовсе приостанавливать прения, могущие служить на пользу оппозиции.

Среди них отметим: а) "предварительный вопрос" - право любого депутата потребовать, чтобы законопроект обсуждался без прений: такое предложение, если против него не возражает спикер, ставится на голосование и принимается простым большинством; б) "гильотина" - постановление, обязывающее спикера поставить обсуждаемый билль на голосование в заранее намеченный день и час независимо от состояния прений; в) "кенгуру-гильотина" - право спикера по собственному разумению, но, конечно, в осуществление правительственной политики отводить те поправки к законопроекту, которые он считает "несущественными". В последние десятилетия XIX века закрытие прений практиковалось 35-40 раз в году.

Вместе взятые, они подорвали старый английский парламентаризм с его неограниченной свободой прений (выраженный в принципе - "правление через обсуждение"). Отпало еще одно существенное различие между английским и континентальным парламентами.

Спикер, значение которого усилилось, есть лицо, председательствующее в нижней палате. Назначение его стало зависеть от правительства, креатурой которого он и сделался. Исторически спикер ведет свое начало от тех уполномоченных депутатов, которым палата общин поручала вести переговоры с королем. В 1376 году рыцарь де па Мар был избран спикером ("оратором") для переговоров по поводу предания суду некоторых королевских сановников - делу трудному и небезопасному. Король не согласился с палатой, но с этого времени повелось, что палата имеет руководителя. Он выбирается самой палатой, но утверждается королем. Особенно опасной должность спикера стала в период абсолютизма ввиду тех последствий, которые могло повлечь за собой простое неудовольствие короля. Недаром сделалось обычаем, что всякий новый спикер упирается обеими ногами, когда его ведут под руки, чтобы усадить в председательское кресло. Замечание это носит, разумеется, критический характер.

Глава восемнадцатая Соединенные Штаты Америки

А. Возникновение Соединенных Штатов

1. В ХУП-ХУШ веках на Атлантическом побережье Северной Америки были основаны тринадцать английских колоний, в том числе Нью-Йорк, Пенсильвания, Коннектикут, Массачусетс, Виргиния и др. Королевские грамоты, изданные в разное время, предоставляли им известную автономию во

внутренних делах, но неизменно подчеркивали, что колонисты остаются подданными короны, а значит, полноправными гражданами Англии. Это важно знать для наилучшего понимания причин, вызвавших войну за независимость колоний от Англии. Еще большее значение имели в том же отношении так называемые фундаментальные соглашения, заключающиеся самими колонистами.

Общеизвестно, что переселенцы принесли с собой в Америку какую-то часть старинных англосаксонских свобод, давно утраченных на родине.

Воодушевляемые идеалами "естественного права", поселенцы, оказавшись изолированными от всего остального мира, стали сами создавать законы, по которым собирались жить. На корабле "Майский цветок", которым отплыли в Америку первые эмигранты (1620 г.), было заключено соглашение об объединении колонистов в единую общину, совместно вырабатывающую законы. Так поступали колонисты и после.

Непременным условием считалось признание свободы религии, невмешательство властей в дела культа, "свобода совести". Точно так же признавалось непререкаемым право граждан выбирать должностных лиц, носить оружие, создавать по своей воле военные отряды (ополчения), участвовать в налогообложении.

И конечно, переселенцы принесли с собой суд присяжных и английское "общее право".

Поселения образовывали с течением времени политические союзы. Правительство Англии скрепляло их хартиями. Так возникали колонии'.

На разных этапах английской буржуазной революции XVII века то одна, то другая из борющихся партий искала выход в эмиграции. При этом дворяне поселялись на юг от реки Потомак, крестьяне и ремесленники – на север от нее.

Соответственно с этим на Юге возникали крупные плантационные хозяйства, обслуживаемые руками ирландцев и негров-рабов; на Севере преобладает фермер, ремесленник, торговец, предприниматель.

На республиканском (по духу) Севере получают важное развитие органы самоуправления, чаще всего сосредоточенные в церковном приходе. Уполномоченные от городов и поселков составляют нечто вроде парламента колонии. Он избирал губернатора.

Приведем выдержку из знаменитого соглашения колонистов на "Мэйфлауэр" (1620 г.): "...предприняв путешествие с целью основать колонию... настоящим торжественно... объединяемся в гражданский политический организм... а в силу этого мы создадим и введем справедливые и одинаковые для всех законы... и административные учреждения... соответствующие всеобщему благу колонии..."

На Юге (например, в старейшей из колоний – Виргинии) господствуют монархические убеждения; губернатор назначается королем; существуют две палаты; господствует англиканская церковь.

2. Мысль об объединении колоний в единую федерацию возникла в середине XVIII столетия. Первый проект федерации был выработан знаменитым Франклином в 1748 году.

Правительство Англии отклонило эту идею. Оно желало видеть американские колонии разрозненными, чтобы тем легче было их эксплуатировать.

Колонисты должны были терпеть разного рода экономические стеснения, выгодные английским наживалам.

"Ни одного гвоздя не позволим сделать в колониях", – заявлял глава английского правительства лорд Чатам.

Колонии обязаны были сбывать свои товары только в Англию и только оттуда ждать нужных им товаров.

Глухое недовольство переросло в открытую оппозицию, когда Англия возложила на колонии бремя произвольных налогов и сборов.

Колонисты видели в этом, помимо прочего, нарушение принципа, согласно которому ни один налог не может быть взыскан без согласия плательщиков или их представителей. И они были правы!

В июле 1776 года представители 13 колоний, собравшись в г. Филадельфии, составили и обнародовали "Декларацию независимости Соединенных Штатов".

Декларация произвела огромное впечатление в Европе. Она была манифестом народного восстания против "законного" правительства. Она содержала в себе тот круг идей, который французское Просвещение сделало оружием в борьбе против феодализма.

3. Перечислив разного рода злоупотребления короля Англии и его правительства, Декларация заявила, что угнетенный народ имеет право на восстание. Высшая власть заключена в народе ("народный суверенитет"), и только народ решает, какое правительство соответствует его интересам.

"Мы считаем самоочевидным, - говорилось в Декларации, - что все люди рождены равными, что они наделены... некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых - жизнь, свобода и стремление к счастью". Правительства устанавливаются для обеспечения этих прав, и "если какая-либо форма правления становится губительной для народа, то народ вправе изменить или уничтожить ее и установить новое правительство...".

Исходя из всего этого Декларация объявляла об уничтожении политической зависимости колоний от короля и правительства Великобритании. Война между Англией и ее колониями в

Америке стала неизбежной.

Колонистам удалось создать армию, найти способного командующего (Д. Вашингтона), сколотить средства на ведение войны. Остальное сделали желание победить и полная неспособность английского правительства правильно оценить ситуацию.

Англия, между прочим, просила Екатерину II "одолжить" 20 тыс. русских солдат. Екатерина предпочла "вооруженный нейтралитет".

Война американских колоний против Англии была революционной, освободительной войной. Но то была не только война одной страны против другой - угнетенной против угнетавшей. По своим конечным целям и результатам, по своим движущим силам, по тому, кто руководил борьбой, война американских колоний за государственную независимость от Англии была вместе с тем своеобразной буржуазно-демократической революцией. Она ликвидировала пережитки феодализма, насажденные в свое время Англией, феодальные формы землевладения, "частновладельческие" формы управления некоторыми колониями (например, Пенсильванией), майорат и пр.

Основной движущей силой революции, главными элементами революционной армии явились фермеры, ремесленники, рабочие. Руководство революцией находилось, что как раз и характерно для ее коренных задач, в руках блока купцов и фабрикантов Севера, с одной стороны, и плантаторов Юга - с другой.

В ходе освободительной войны революционно настроенные массы сумели заставить руководство армией и страной отказаться от колебаний, от политики сговора с английским правительством и занять непримиримые позиции.

Война американских колоний против Англии окончилась их победой.

По миру, подписанному в 1783 году в Версале, Англия признала независимость Соединенных Штатов.

4. Первая конституция Штатов получила название "Статей конфедерации" (1781 г) Они создавали не столько государственный, сколько межгосударственный союз. Каждый штат сохранял "суверенитет, свободу, независимость и всякую власть, юрисдикцию и право", имел свой парламент, свое правительство, свою конституцию.

Делегации штатов, уполномоченные их парламентами, собирались на ежегодно созываемые сессии конгресса, где каждый штат располагал одним голосом из тридцати.

Основные вопросы политики: объявление войны, заключение мира, международных договоров, чеканка монеты, бюджет и пр. - решались квалифицированным большинством, не менее чем девятью голосами.

В промежутках между сессиями конгресса его функции переходили комитету штатов, в котором каждый из них имел своего представителя.

По образному выражению Д. Вашингтона, "Статьи конфедерации" представляли собой "веревку из песка". Слабость созданной ею центральной власти сказалась тотчас же на ходе войны.

Крайняя финансовая нужда заставила конгресс прибегнуть к таможенному обложению экспорта. Все были согласны с этим, кроме штата Род-Айленд, и дело сорвалось.

В специальном воззвании, обращенном к конгрессу и стране, Д. Вашингтон требовал изменения конституции, угрожая "анархией" и распадом Союза.

5. Победа Штатов над Англией была поворотным пунктом американской революции. С этого времени ее руководящая сила - буржуазия и крупные землевладельцы - стремится к разоружению революционной армии и переложению всех тягот восстановления экономики на плечи трудящихся точно так же, как это было в свое время в самой Англии.

Последовали массовые манифестации недовольства, захватившие армию. Кульминацией борьбы стало восстание под руководством Даниэля Шейса.

Восставшие захватывали арсеналы, уничтожали податные книги и судебные дела о конфискациях за неуплату долгов и налогов.

Массовые народные движения со всей определенностью выявили не только слабость центральной власти, но и проистекающие из этого опасности. Буржуазия и плантаторы решились на изменение государственного строя объединившихся колоний.

Осуществление этих планов было поручено Учредительному конвенту, собравшемуся в 1787 году. Из 55 депутатов в его составе было 24 финансиста, 11 судовладельцев, 15 рабовладельцев.

Конвент заседал тайно. Выработанная им конституция отражала воззрения наиболее консервативной части американской правящей элиты. Один из "отцов" конституции адвокат Гамильтон рассуждал так: народ беспокоен и непостоянен, он редко рассуждает "правильно" (!); поэтому надо предоставить власть тем, кто богат: "изменения не сулят им никаких выгод, и они будут всегда сохранять хорошее правительство".

Конституция 1787 года не ликвидировала политической автономии штатов. Она противопоставила ей сильную центральную власть. Конфедерация превратилась в федерацию.

Основопологающим принципом был провозглашен принцип "разделения властей", выдвинутый англичанином Локком и развитый французом Монтескье. Каждая из основных властей - законодательная, исполнительная и судебная - получала некоторую, может быть даже значительную, независимость. Политическая теория видела в этом гарантию против произвола: одна власть "сдерживает" другую.

Законодательную власть конституция 1781 года. вверяла конгрессу, состоящему из двух палат: палаты представителей, избирающейся (как в то время, так и теперь) населением штатов, и сената, членов которого избирали (вплоть до 1913 г.) парламенты штатов.

Из этого видно, что сенат с самого начала был замышлен как палата, консервативная по составу, на зависящая от избирателей, тормоз по отношению к палате представителей. Джон Адамс, будущий президент страны, так прямо и заявлял: сенат должен налагать узду на палату представителей.

Другой из "отцов" конституции - Медисон - писал, что сенат необходим на случай, если нижняя палата использует "во зло" свою власть.

Палата представителей и сенат получали равные права, в том, что касалось законодательной инициативы и принятия законов.

Главой государства и правительства конституция называла президента США. Он избирался выборщиками до штатам. Они гюдабали голоса с помощью бюллетеней. Проходил тот, за которого "было подано большинство голосов выборщиков.

Многие члены учредительного конгресса ("конституанты") предлагали, чтобы президента избрал сам конгресс - так надежнее. Против этого были

выставлены возражения, основанные на историческом опыте. Ссылались, в частности, на интриги, на борьбу группировок, которые сопровождали избрание польских королей сеймом. С другой стороны, имелся опыт избрания губернаторов штатов путем "народного голосования" (например, в Нью-Йорка): оказалось, что на такие выборы можно влиять.

После многих колебаний должность президента решили сделать временной. Его полномочия были ограничены четырьмя годами, но было намеренно опущено право переизбрания президента на новый срок.

Многие депутаты предлагали сделать президенту пожизненной, чтобы в максимальной степени приблизить ее к положению конституционного короля (по типу английского).

Первый президент США Дж. Вашингтон согласился выставить свою кандидатуру во второй раз, но не более, создав тем самым прецедент, продержавшийся более 130 лет и ныне закрепленный в законе: два срока президентства являются максимальными.

Д. Вашингтон рассуждал так: президент, которого заботят будущие выборы, руководится не столько интересами страны, сколько желанием быть популярным.

Президент США наделен значительной властью. Он объединяет в своем лице главу государства и премьер-министра правительства. Ему принадлежит верховное командование армией.

Министерства возникали постепенно. При Д. Вашингтоне их было всего три: внутренних дел и внешних сношений: военное, финансовое.

Следуя принципу разделения властей, конституция лишила президента законодательной инициативы в строгом смысле слова (права представлять палатам готовый законопроект); его вето на Законопроект, принятый обеими палатами, может быть опрокинуто квалифицированным большинством обеих палат.

В то же время президент не зависел от того, как будет принята проводимая им политика в палате представителей или сенате.

Так же и министры. Они не являются членами конгресса и не зависят от его решения.

Но так обстояло больше в теории, чем на практике. На самом деле конгресс обладал (и обладает) значительными возможностями давления на президента, равно как и президент не лишен возможности давления на конгресс.

Назначение на все важные посты президент производит с согласия сената, на менее важные - палаты представителей. Но увольнять своих чиновников президент может по собственному усмотрению: считается, что нельзя иметь послушных исполнителей, если нет права их уволить.

Третьей властью Соединенные Штатов конституция называет суд. Уже в конституанте было высказано мнение, в общем принятое, что Верховный федеральный суд - высшая судебная инстанция США - должен получить право пересмотра законов, принятых конгрессом при их несоответствии конституции.

Имелось в виду, что это право Верховный суд будет осуществлять не вообще (как надзорная инстанция), а в связи с определенным делом - уголовным или гражданским, находящимся в его производстве. В этом именно смысле были сформулированы полномочия Верховного суда США в Законе о судеустройстве 1789 года, принятого первым конгрессом США (ст. 25).

Вопрос о неконституционности всего закона в целом или его части может быть поставлен не иначе как частным лицом (организацией) на том основании, что этим законом нарушается какая-либо гарантия, установленная конституцией для личности, чести, имущества или иных прав истца.

После соответствующего решения Верховного суда никто не может ссылаться на отвергнутый закон или быть привлеченным к ответственности на его основании.

Многих дискуссий стоило урегулирование отношений между штатами, с одной стороны, и центральной властью федерации - с другой. Остановились на том, что властям Соединенных Штатов принадлежит право устанавливать налоги, вводить бюджет, заключать международные договоры и заботиться

об обороне Союза, чеканить монету, заботиться о торговле между штатами и внешней торговле.

Конгрессу воспрещалось вводить подушные подати, приостанавливать Habeas corpus act, помимо случаев открытого мятежа, вводить дворянские титулы, ущемлять свободу вероисповедания, издавать законы с-обратной силой.

За штатами оставались: организация собственного правительства и все местные дела, включая полицию и суд, уголовное, гражданское и процессуальное законодательство, торговля внутри штата и рабочее законодательство, небольшие собственные вооруженные силы и т. д.

Конституция разрешала правительству федерации военное вмешательство во внутренние дела штатов для подавления актов мятежа и "беспорядков".

Наибольших усилий стоило решение вопроса об избирательном праве. Введение всеобщего избирательного права с очевидностью вытекало из "Декларации независимости", но противоречило интересам рабовладельческого Юга. Цензовая система вызвала возражения демократической части депутатов Севера. Остановились на том, что избирательные права получают те 120 тыс. граждан, которые выбирали законодательные палаты штатов (около 4% населения).

Это был беспринципный компромисс, и не единственный. Конституция могла вступить в силу не иначе как после ее ратификации (утверждения) штатами (по меньшей мере, девятью из тринадцати). Между тем законодательные собрания штатов (конвенты) обратили внимание на отсутствие Билля о правах. По их требованию в конституцию 1787 года были внесены первые десять поправок (в 1789 г.).

Первая поправка запрещала конгрессу США издавать законы, направленные на ограничение свободы слова, печати, собраний, петиций, религии.

Вторая поправка разрешала всем гражданам США носить оружие, так как "для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное свободное ополчение". В то время это объяснение казалось само собой разумеющимся: армия была незначительной, войны с индейцами - реальным фактом существования колонистов, агрессия со стороны колониальных держав - вполне возможной.

Третья, четвертая и пятая поправки устанавливали неприкосновенность жилища, запрещали произвольные обыски, признавали тайну переписки и, что особенно важно, разрешали гражданам отказываться от дачи показаний, могущих причинить им вред.

Проникнуть в жилище и произвести обыск стало возможным не иначе как на основании "правдоподобного обвинения", подтвержденного присягой обвинителя.

Из текста знаменитой пятой поправки вытекало, что бремя доказывания лежит во всех случаях на обвинителе.

Создав более прочный государственный союз (федерацию) взамен непрочного межгосударственного союза, сколоченного в ходе войны за независимость (конфедерации), конституция 1787 г. значительно облегчала промышленное развитие США, движение товаров, отвоевывание новых земель и их колонизацию. Конституция упрочивала международное положение нового государства, облегчала его оборону против возможной агрессии со стороны феодальных монархий и самой Англии, сохранявших колоссальные земельные владения во всех трех частях Америки (Северной, Центральной, Южной). Она была республиканской конституцией, и это было вызовом само по себе: то был конец XVIII века! Вместе с Биллем о правах американская конституция 1787 года являлась в известном смысле документом большого демократического значения, что, несомненно, сказалось в последующей истории Европы и Латинской Америки.

Ликвидировав многие пережитки феодальных отношений, в свое время занесенные из Англии и здесь укоренившиеся, американская революция создавала тем лучшие условия для роста буржуазных отношений в промышленности и сельском хозяйстве, для всевластия буржуазии в государственном аппарате.

Воздерживаясь от каких-либо регламентаций права собственности, конституция США устанавливает принципиально важное положение: частную собственность нельзя обратить на общественное употребление без справедливого вознаграждения (пятая поправка). Это правило нашло затем подтверждение в конституциях штатов. В то же время конституция 1787 года прямо запрещает штатам издавать законы, уничтожающие обязательную силу договоров.

Буржуазная в своей основе американская конституция включает в себе одновременные реакционные черты, среди которых – устранение народа от политической жизни и узаконение рабства негров. Последнее было явной уступкой феодальному землевладению южных штатов в изменение только что принятым принципам равенства людей и их "естественного права".

Выразительное толкование конституции было дано Верховным судом США в деле негра Дред Скотта. "В настоящее время право собственности на рабов ясно и определенно утверждено конституцией. Права торговли рабами, как обычным товаром или имуществом, были гарантированы гражданам в каждом штате. Единственное полномочие, какое дано конгрессу, является полномочием, сопряженным с обязанностью охраны прав собственника" (1857 г.). Это позорное решение, вызвав у южан прилив восторга, резко обострило ситуацию и по существу ускорило наступление армии южан.

Б. Война Севера с Югом. Ее последствия

1. По окончании войны за независимость множество энергичных людей устремилось на Запад в надежде колонизовать земли, принадлежащие индейским племенам Америки. Туда же хлынул поток эмигрантов из Европы. Правительство США поощряло это движение.

Когда население той или иной колонизируемой области достигало некоторой достаточной цифры, конгресс давал ей автономию, а спустя некоторое время – право выработать собственную конституцию, сделаться "штатом".

В некоторых других случаях штаты возникали в результате отделения (Западная Виргиния) или захватов (так возник штат Техас на землях, отнятых у Мексики).

Так, начиная с 1791 года, когда возник штат Вермонт, и до 1912 года, когда образовались Новая Мексика и Аризона, было создано 36 новых штатов. Соответственно с тем увеличивалось число членов конгресса.

Существование рабовладельческой системы на Юге противоречило интересам буржуазного Севера Соединенных Штатов.

Колонизация свободных земель на Западе вызывала острый недостаток рабочей силы в старых промышленных штатах. Чтобы удержать рабочие руки на восточном берегу Атлантики, приходилось поддерживать на относительно высоком уровне заработную плату. Нужны были прибыли, и получение их связывалось с введением достаточно высоких таможенных тарифов, могущих защитить американскую промышленность от конкуренции промышленности европейской, особенно английской. Но южные штаты – покупатели товаров – не хотели их удорожания и решительно противились тарифам. Это одно из противоречий, а было их немало. Тревожили неуклонное распространение рабства за пределы его старых границ и рост абсолютной численности рабов.

Плантатор Тумбе, рабовладелец, угрожал: "Если не произойдет большого увеличения рабовладельческой территории, то через 15 лет придется разрешать рабам убегать от белых или же белые должны будут убегать от рабов".

Наибольшее негодование рабство негров вызывало в народе. Рабочие, кроме того, справедливо опасались проникновения дешевого труда негров в промышленность; фермеры видели в плантаторе злейшего конкурента, с одной стороны, и расхитителя свободной, еще незанятой земли – с другой.

Борьба между Севером и Югом, писал в те годы К. Маркс, была не чем иным, как борьбой двух социальных систем – системы рабства и системы свободного труда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы не могли более мирно существовать бок о бок. Если бы южные штаты взяли верх, рабовладельческая система заразила бы весь Союз. Рабочий класс северных штатов был бы постепенно низведен до положения илотов.

После многих попыток Севера достигнуть приемлемого компромисса с плантаторами Юга дело окончилось гражданской войной (1861-1864 гг.). В этой войне, как и следовало ожидать, победил промышленный Север.

Перелом в ходе войны наступил не прежде, чем правительство, руководимое президентом Авраамом Линкольном, решилось на издание так называемого гомстед-акта, которым каждому желающему было предоставлено право занять участок величиной в 160 акров за счет неосвоенных земель Запада. Этот акт увеличил силы северной армии - появился могучий стимул. Немалую роль сыграла прокламация 1863 года об освобождении негров.

2. Победа Севера привела к ликвидации рабства. Восторжествовал так называемый американский путь развития в сельском хозяйстве, при котором преобладание принадлежит не плантатору-рабовладельцу (и не помещику вообще), а капиталистического фермеру.

В этом смысле война Севера с Югом может считаться продолжением буржуазной революции, начатой войной за независимость. По своим движущим силам это была буржуазно-демократическая революция: ее двигали вперед фермеры, рабочие, негры.

Но негры земли не получили. Они превратились в арендаторов-издольщиков, полурабов, полусвободных. Усилия бывших хозяев были направлены на то, чтобы фактическое положение негров не изменилось. На это были нацелены постановления так называемых Черных кодексов, изданных парламентами южных штатов:

а) негры, не имевшие работы, признавались "бродягами", за что суды назначали штрафы, а при их неуплате - принудительные работы на плантациях. Так возникло "уголовное рабство", уносившее в могилу 48% осужденных; страх перед обвинением в бродяжничестве вынуждал негра принимать любую работу за любое вознаграждение;

б) неграм запретили занятие ремесленными профессиями или торговлей: им оставались только плантации и услужение;

в) негры, не достигшие 18 лет, насильственно отдавались в "ученичество" белым хозяевам.

Положение на Юге вызвало волну возмущения в народе и армии. В создавшейся ситуации радикальное крыло республиканской партии, господствовавшей в конгрессе, проводит серию мер, окрещенную "реконструкцией Юга". Они были проведены наперекор президента Джонсону, сменившему на этом посту убитого южанами Авраама Линкольна. Разделенные на военные округа южные штаты были поставлены под контроль армии. Место общих судов заняли военные трибуналы. Конгрессмены и сенаторы от южных штатов были удалены из обеих палат конгресса США. Лицам, участвовавшим в мятеже, было запрещено занятие политической деятельностью.

Новые "конституционные конвенты в южных штатах были избраны как белыми (исключая мятежников), так и черными гражданами. Билль о гражданских правах негров, изданный конгрессом США, отменил все и всякие "черные кодексы".

В том же 1865 году конгресс США - в отсутствие южан - принимает знаменитую XIV поправку к конституции США, которой было установлено, что "лица, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах, считаются гражданами Соединенных Штатов и тех штатов, где они проживают". Издание законов, умаляющих права и привилегии граждан США, запрещается. Никакой штат не может лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без должной правовой (судебной) процедуры.

Конгресс постановил далее, что отмена военной диктатуры в "реконструируемом" штате Юта и возвращение к конституционным порядкам находится в связи с одобрением легислатурой штата уже известной нам XIV поправки. Волей-неволей южные штаты стали склоняться к возобновлению Союза. Наконец решением Верховного суда США (1868 г.) федерация была объявлена нерасторжимым союзом, право выхода из него (так называемые сецессии) было отвергнуто.

При всем том до фактического равенства в общественной жизни США было еще далеко.

Игнорируя XIV и XV поправки к американской конституции, южные штаты блокировали участие негров в выборе должностных лиц не только в своих штатах, но и в конгресс федерации. Сделано это было введением ценза грамотности и разного рода унижительными экзаменами для черных. Негров, желавших участия в политической жизни, подвергали так называемым "судам Линча", что было незаконной саморасправой, к чему постоянно прибегала и террористическая организация, известная под названием "Ку-клукс-клана".

По законам южных штатов, распространившимся на всю Америку, негры должны были селиться в особых кварталах, ездить в особых вагонах, посещать школы для черных и т. д. Браки между белыми и черными были невозможны, поскольку вызывали уголовное преследование.

Обращение к Верховному суду за защитой принципа "равных гарантий", декларированных XIV поправкой, не приносило должных результатов. В 1896 году скандальную известность приобрело дело негра Гомера Плесси, осужденного судом штата Луизиана за проезд в вагоне для белых. Г. Плесси обратился с "петицией" в Верховный суд США, требуя защиты своих конституционных прав. Суд отказался отменить расовый закон Луизианы. Не право, было сказано в решении суда, а сама биология создала различия между расами, и потому "легислатуры не могут не считаться с расовыми инстинктами". Переходя к праву, Верховный суд остановился на формуле "раздельное, но равное", что было на деле циническим прикрытием фактического неравенства школ, больниц, жилых домов и даже вагонов, предназначенных для негров, в сравнении со школами, больницами и т.п., предназначенными для белых.

В 1898 году Верховный суд признавал конституционными ограничения избирательных прав негров.

Браки между белыми и черными, как мы уже сказали, вызывали уголовное преследование. Такие браки были невозможны во всех штатах, не только южных,

Г.Гейне рассказывает о случае, который имел место задолго до войны Севера с Югом. Протестантский проповедник, наперекор жестокому предрассудку, выдал дочь за негра. Толпа ворвалась в его дом и разрушила его. Проповеднику удалось бежать, но его дочь подверглась линчеванию. Ее раздели доната, вымазали смолой, вывалили в пуху и так волокли через весь Нью-Йорк (где все это и произошло).

3. Победа Севера привела к укреплению американской федерации; право выхода из Союза было окончательно похоронено.

После разного рода комбинаций получают окончательное оформление две основные партии американского капитализма - "демократическая" и "республиканская"; возникшие еще до 1860 года, мало или вовсе не различающиеся по своим программам и по своим методам, они поочередно приходят к власти и поочередно уходят. Это есть "классическая" двухпартийная система.

Будучи "жесткой", то есть трудно изменяемой, конституция США обростала дополнениями и толкованиями, менявшими многие ее институты. Возникали неписаные, но твердые соглашения, которых придерживались все правительства и обе партии.

Стало незыблемым правилом, например, что выборщики президента голосуют за кандидата той партии, к которой принадлежат; что сенат не должен отказывать президенту в выборе министров и т. д.

На основе такого рода соглашений возникла и развилась комитетская система в конгрессе, видоизменившая весь прежний американский парламентаризм.

Будучи вынужденным рассматривать не менее 1000 законопроектов ежегодно, конгресс обратился к комитетам, каждый из которых был специализирован по определенному кругу вопросов. Комитеты избавляли конгресс от вхождения в подробности, ускоряя процедуру принятия законов.

Выгоды комитетской системы превзошли все ожидания: гласность обсуждения сменилась строгой секретностью; узкие составы комитетов и заседания за закрытыми дверями облегчили возможность закулисных сделок; стало правилом "консультироваться" с теми, кто был прямо заинтересован в

законопроекте, - "экспертами", составившими впоследствии невидимую "третью палату" конгресса - "лобби".

В начале XX века число комитетов составило уже 47 в палате представителей и 29 в сенате.

В конце концов выработалось правило, что в последние десять дней перед концом сессии палата представителей может постановить, чтобы подготовленные комитетом законопроекты ставились на утверждение без прений. Все те билли, которые могли вызвать нежелательную реакцию избирателей, стали пропускать таким способом.

4. Чем ближе к началу XX века, тем все более обнаруживалось глубокое перерождение правительственной машины США.

Президент, министры, палаты становятся во все большую зависимость от подлинной власти Соединенных Штатов, сосредоточенной в банках и корпорациях.

Государственные учреждения сверху донизу вступают во взаимовыгодный контакт с частными компаниями и банками. Происходит переплетение государственного аппарата и аппарата монополий - к их несомненной обоюдной выгоде.

5. Сказанное не означает, что Соединенным Штатам было чуждо демократическое развитие. В 1870 году несколько расширяется число избирателей, с 1872 года вводится тайное голосование. Начиная с 1913 года стали по-иному избирать сенаторов: по-прежнему двух представителей от штата, но с помощью всеобщего голосования.

"Всеобщность" американского избирательного права была еще фикцией, фактически устранились негры, не допускались к урнам загнанные в пустынные резервации индейцы, а также разного рода "нежелательные" эмигранты вроде китайцев, японцев и др. Законодательства штатов настаивали на цензах - имущественном, грамотности, благонадежности, добропорядочности.

Но именно Соединенные Штаты давали в то время постоянное убежище многим политическим эмигрантам из Европы и других частей мира. Здесь издавались социалистические газеты (постоянным сотрудником которых был и К. Маркс). Здесь было гораздо труднее, чем, скажем, во Франции или Германии, пустить в ход репрессивный аппарат. Здесь, наконец, рабочим удалось добиться более высокого жизненного уровня, чем это имело место в основных европейских странах, а это немаловажно.

Вот почему в "свободную" Америку устремлялся неостановимый поток эмигрантов из всех стран света.

6. Нельзя обойти молчанием те перемены, которые произошли в экономической сфере, как это имело место вслед за победой Севера над Югом в значительной мере как результат этой победы.

В 1860 году, то есть до начала войны, США занимали третье место в мире по выпуску промышленной продукции, уступая в этом отношении Англии и Франции.

Но уже к 1890 г. США становятся первой промышленной державой мира. За 20 лет - с 1870 по 1890 годы - выплавка чугуна поднялась с 1600 тыс. тонн до почти 14 тысяч.; производство стали выросло соответственно с 69 тыс. тонн до 10 млн. тонн; каменного угля - с 29 млн. тонн до 240 млн. и т. д. Сеть железных дорог выросла с 30 тыс. миль до 193 тыс.

Не менее впечатляет и то, что средняя производительность на металлургических предприятиях (при сокращении их численности) возросла (на каждом данном предприятии) со 175 тыс. долларов (в среднем) до 1200 тыс. долларов и т. д.

Победа в войне Севера с Югом оказалась мощным стимулятором хозяйственной активности.

Сельское хозяйство США развивалось столь же быстрыми темпами. Свободные территории Запада, на которые зарился

рабовладельческий Юг, стали заселяться и обрабатываться свободными фермерами, в том числе и теми, которые воспользовались гомстед-актом. За те же 20 лет - с 1870 по 1890 годы - обрабатываемая земельная площадь США увеличилась в 4 раза.

Годовой экспорт пшеницы за 30-40 лет после войны вырос в 6-7 раз, так что к началу XX века США сделали главным экспортером хлеба.

В эти же времена неслыханного размаха достигли железнодорожные (Вандербилт, Гулсд), нефтяные (Рокфеллер), стальные (Карнеги) и прочие монополии, равных которым не знала ни одна промышленная корпорация в Европе.

Глава девятнадцатая Французская буржуазная революция. Образование буржуазного государства во Франции

А. Учредительное собрание

1. На 26 млн. французов приходилось к началу революции 270 тыс. привилегированных - 140 тыс. дворян и 130 тыс. священников (вместе с монахами).

Им принадлежало 3/5 французской земли - в три раза больше, чем 23 млн. крестьян, ее возделывавших.

Ни духовенство, ни дворянство не платили налогов, а если и платили, то ничтожную сумму.

В Шампани, например, из полутора миллиона ливров подушной подати дворяне вносили 14 тыс.

Основная масса налогов и сборов - а их насчитывали до семи тыс. - падала на крестьян. Из 10 французов 9 голодали или были на грани голода.

Государственный казначей Ла-Брюер писал: "Встречаются некоторые одичалые животные... рассеянные по деревням.

Грязные, бедные, сожженные солнцем, они прикреплены к земле, которую царапают с непобедимым упорством. Они одарены чем-то вроде членораздельной речи, и когда они распрямляются, то видишь перед собой человеческое лицо, и действительно - это люди. На ночь они укрываются в землянках, где живут, питаются хлебом, водой и кореньями".

О том же пишет губернатор Дофинз: "Большинство населения питается одними кореньями и желудями", а весной "травой с лугов и древесной корой".

Вот почему, когда грянула революция, крестьянство, в основной своей массе, приняло ее как избавительницу.

Не лучшим было положение рабочих. Проводя по 14-15 часов у станков (в мануфактурах), они едва зарабатывали по 25-30 су в день. На эти деньги можно было купить 10 фунтов хлеба, считая по 3 су за фунт.

Приведем для наглядности меню рабочей семьи перед революцией. Утром - мучная болтушка со свиным салом и хлебные сухари; днем - похлебка с кусочком сала, кусок хлеба; ужин - похлебка из муки, сухари, немного творогу. Когда цена на хлеб подскакивала до 5 су, наступал настоящий голод. А ведь нужно было не только кормиться.

Руководство революцией оказалось в руках буржуазии; своим выдвижением она обязана богатству, образованию, организации. Интересы, которые она преследовала в революции, затрагивали все угнетенные сословия; тем не менее в конечном счете революция была буржуазной.

Расширение внутреннего рынка упиралось в натуральное хозяйство крестьянина: надо было ликвидировать феодальные отношения в деревне. В этом были заинтересованы как крестьяне, так и буржуазия.

Совершенствование производства, свобода предпринимательской деятельности и торговли тормозились мелочной регламентацией, унаследованной от средних веков, цехами и гильдиями, за которые держалась свора чиновников, наживавшаяся на взятках, том единственном средстве, с помощью которого стало возможным обходить нелепые, будто нарочно придуманные стеснения. В ликвидации цехового строя и регламентации буржуазия видела свою важнейшую цель. Но в этом были заинтересованы и рабочие.

Буржуазия нуждалась в отмене внутренних таможенных сборов, увеличивавших продажную цену товара, в едином и свободном рынке, единой системе мер, весов, банковского кредита, единой правовой системе. Она добивалась контроля за расходованием налогов, участия в законодательстве. Она требовала гласного суда взамен произвола, местного самоуправления

взамен экзекуций. В осуществлении этих мер были заинтересованы все угнетенные сословия.

Своим политическим требованиям буржуазия сумела придать общенациональное значение. Ее идеологи не уставали повторять: "равенство всех перед законом", "свобода для всех", "свобода, равенство, братство".

2. В 1789 году король Людовик XVI был вынужден созвать Генеральные штаты - впервые за 150 лет. Несчастья, порожденные реакционным политическим режимом, сплелись к этому времени в единый клубок: казна настолько опустела, что не стало денег для выплаты жалованья чиновникам и офицерам; торговый договор с Англией, выгодный одному дворянству, привел к разорению промышленности и массовой безработице; в деревне царил голод - следствие неурожаев, рутинной техники земледелия, разорительных поборов.

Выборы депутатов третьего сословия сопровождались наказами избирателей. Среди них читаем: публичность процесса: запрещение тайных судилищ: допущение защиты; суд присяжных; обязательная мотивировка приговора; отмена цехов и гильдий; свободная собственность на землю и т.п.

Генеральные штаты состояли, как и в прежние времена, из трех сословий, и потому король не видел для себя особой опасности. Но он обманулся.

Третье сословие, горевшее желанием реализовать свое численное превосходство, вступило в сражение за новый регламент и, проявив твердость, одолело сопротивление двора.

Основную массу депутатов третьего сословия составили представители французской буржуазии, избранию которых много содействовали, помимо прочего, регламенты, на основе которых совершались сами выборы. В числе депутатов третьего сословия находим: 158 судей, 80 купцов, 50 промышленников, некоторое число адвокатов, дворян (например, Мирабо) и даже священников (например, Сиейс) и др.

Просвещенные, активные, опиравшиеся на наказания своих избирателей, все эти депутаты смогли захватить руководство революцией - на протяжении всего ее первого этапа. Сломив сопротивление двора, сословия стали заседать не раздельно, как было прежде, а вместе. Решения принимались не по большинству голосов сословий, а по большинству голосов депутатов. Это было первой из наиболее важных побед третьего сословия над королем, духовенством, дворянством.

В довершение всего Генеральные штаты переименовали себя в Учредительное собрание. Это название заявляло о грозной претензии создать во Франции новый порядок.

Но раньше надо было свергнуть старый. За это взялся народ. 14 июля 1789 года он берет штурмом Бастилию - тюрьму и крепость одновременно. Столица Франции становится цитаделью революции, ее центром.

Учредительное собрание, для разгона которого уже собирались войска, получило возможность переехать из резиденции короля (Версаля) под охрану Парижа (октябрь 1789 г.).

Двор сосредоточил 30 тыс. войск в Версале и еще 20 тыс. было на марше. Как то не раз бывало и до и после, реакционеры желали восстания в надежде, что оно даст им повод для решительных действий.

Но депо обернулось по-иному: вооружением народа за счет правительственных арсеналов и взятием Бастилии - крепости и тюрьмы одновременно.

Бастилию разнесли по камням и на месте, где она стояла, поставили столб с надписью "Здесь танцуют".

События 14 июля придали смелости наиболее революционной части Учредительного собрания и напугали реакционеров. День 14 июля проложил путь революционному законодательству.

Судя по первым прениям, Генеральные штаты являли собой собрание клик и группировок, каждая из которых хотела пользы для себя. Дворяне думали о сохранении привилегий: духовенство было не прочь отменить исключительное право охоты, к которой оно не имело особого отношения, но и думать не

желало об отмене десятины или конфискации церковных земель. Низшее духовенство было не прочь потеснить высшее, но оно упорно защищало монополию духовенства на идеологическое руководство обществом, боролось против отмены цензуры, против свободы слова и пр. Дворянство мантии (особенно судьи) было не против конституции, но с тем, чтобы были ограждены наследственность и продажность должностей. Мелкие чиновники хотели для себя и большей свободы, и больших доходов, но их пугало предположение, что будет введена выборность должностей.

Падение Бастилии пробудило французскую деревню. Помещичья собственность насильственным путем переходила в руки крестьянства.

Крестьяне сжигали дворянские замки, врываются в податные учреждения, уничтожали налоговые документы. Против восставших была брошена армия. Пленных вешали без суда. Но успокоения не было.

Дворянская часть Собрания с трудом сносила злорадные усмешки буржуазных депутатов. Становилось все более ясно, что старому порядку приходит конец.

В сложившейся ситуации Учредительное собрание занялось "отменой феодализма". В ночь с 4 на 5 августа 1789 года французское дворянство должно было "пожертвовать" одними привилегиями ради сохранения других. Все те повинности крестьян, которые носили название "личных", были отменены навсегда.

Сюда относятся: пешая и конная барщина: пошлина с убоя скота: обязательное пользование мельницей и винедавильней помещика (за особую плату, конечно): налог на охрану замка, дорожные пошлины: сбор с ярмарок и т. д.

Одновременно с этим были отменены: пошлины на товары, провозимые по господской земле; ненавистный налог на соль (габель); всякого рода регламентации торговли и промышленности. Собрание декретировало конец цехового строя.

Поступившись своими "правами", дворянство сохранило главное - землю и поземельные подати. Гнет помещика над крестьянином был смягчен, но он оставался.

Был, правда, предусмотрен выкуп земли крестьянами, но на условиях единовременной уплаты 30-кратного ежегодного взноса. Эти условия были доступны такому малому числу деревенских богатеев, что никакого серьезного перераспределения земельной собственности создать не могли.

Среди немногих, не обманувшихся законами 4 августа, был Жан-Поль Марат. Он назвал дворянские "жертвы" иллюзорными. Долго же пришлось ждать, писал он, пока обнаружился "дух чистой благотворительности дворянства". "Да, только при виде пламени своих пылающих замков они обрели в себе величие духа, чтобы отречься от своих привычек держать в оковах людей..."

Идя навстречу политическим интересам буржуазии, дворянская часть Собрания согласилась с отменой привилегий дворянства и духовенства, равенством всех перед законом.

Это, впрочем, не мешало Мирабо, бывшему в то время вождем Собрания, бросить своему слуге, воспринявшему декреты со всей серьезностью: "Для тебя, сволочь, я все еще господин граф".

В свою очередь, буржуазная часть Собрания охотно проголосовала за кровавые меры подавления крестьянских выступлений против "порядка". Была введена круговая порука при уплате платежей помещикам.

Собрание принимает чудовишный уголовный закон, угрожающий смертной казнью всякому, кто будет схвачен на улице с оружием в руках. Всякая толпа, которая не разойдется тотчас по приказу чиновника, может быть разогнана огнем. Зачинщики наказуются смертью или тюремным заключением. Солдаты, если они "замешаются в толпу", подлежат расстрелу.

Робеспьер, бывший депутатом Собрания, сказал верно: Париж требует хлеба, но хлеба нет. Поэтому надо учинить кровавую расправу.

3. В том же _августе 1789 года Учредительное собрание приняло Права человека и гражданина. Название это означало: не всякий человек был в прежнее время гражданином. Теперь то и другое неотделимо.

Руссо начинает свой "Общественный договор" словами: "Человек рожден свободным". Вольтер на своем образном языке выражает ту же мысль: покажите мне дворянина, родившегося со шпорами на ногах, и крестьянина - с седлом на спине, и я скажу, что старый порядок имеет оправдание в природе.

Декларация заключала в себе круг идей, выразивших скорее осуждение старого порядка, чем действительную программу действий. Но изложены эти идеи в виде политико-юридической основы будущего конституционного режима. И в этом была главная неправда. Ничего такого Собрание устанавливать не собиралось.

Мирабо нашел в себе смелость открыто возражать против Декларации. Он говорил, что опасно писать о том, чего нет и не будет на самом деле: "Требование истины повелевает открыто высказать все, но мудрость советует повременить".

Это та "мудрость", которая стала обыкновенной для буржуазной политики; всякий антинародный режим имеет две истины: одну для себя, другую для "массы".

После торжественного вступления, провозглашающего, что причиной общественных бедствий является "забвение естественных, неотъемлемых и священных прав человека", Декларация в 17 статьях излагает "права человека и гражданина". Укажем на основные.

I. Люди свободны и равны в правах: государство служит обеспечению свободы, собственности, безопасности. Народ имеет право на "сопротивление угнетению".

Последнее утверждение никак не вязалось с законом о подавлении крестьянских и иных выступлений против угнетения. Оно не помешало Собранию принять (в 1790 г.) закон, обязывающий "всех честных граждан" доносить о "подстрекателях" к беспорядкам, с которыми заранее обещали расправиться по законам военного времени.

II. Верховная власть в государстве принадлежит народу. Естественным развитием этой статьи было бы введение республиканского строя, но Собрание уже предрешило, что Франция останется монархией.

III. Свобода состоит в возможности делать все, что не причиняет вреда другому. Сфера законодательства ограничена: закон может воспрещать только такие действия, которые вредны обществу. "Все, что не воспрещено законом, то дозволено".

В этом нельзя не видеть противопоставления феодальному принципу: только то, что дозволено, то и разрешается. Статья включает в себе философское обобщение свободы предпринимательской деятельности, "частной инициативы", отказа от стеснительных регламентаций.

IV. Закон должен выражать волю всех членов общества, и потому каждый может участвовать в его образовании - лично или через представителей (депутатов).

Все граждане равны перед законом; всем в одинаковой степени открыт доступ к замещению государственных должностей: единственный критерий - способности и добродетель.

Из этой статьи с неизбежностью вытекало принятие всеобщего избирательного права, отказ от цензов при назначении чиновников, судей, присяжных и пр., то есть все то, чего как раз не хотели и не собирались вводить.

V. Статьи 7 и 8 Декларации устанавливали два важных принципа, относящихся к уголовному праву: никто не может быть привлечен к ответственности иначе, как в случаях, прямо предусмотренных законом; этот принцип выражается формулой: "нет преступления, не указанного в законе" (*nullum crimen sine lege*); никто не может быть наказан иначе, чем это прямо и непосредственно предусмотрено законом: "нет наказания, не указанного в законе" (*nullum poena sine lege*).

Оба эти принципа выражали отрицание феодального суда с его свободой усмотрения как в том, что есть преступление, так и в том, какое избрать наказание.

VI. Статья 9, формулировала "презумпцию невиновности. "Так как каждый (привлеченный к ответственности) предполагается невиновным, пока не установлено обратное... всякая излишняя строгость... должна сурово караться законом".

В основу презумпции был положен старый принцип процессуального права, известный с древнейших времен (Гортинская правда), практиковавшийся в некоторых феодальных судах и наконец ставший законом: сомнение толкуется в пользу обвиняемого.

Установление виновности было признано функцией суда; она констатировалась обвинительным приговором, вступившим в законную силу.

Из правила презумпции невиновности вытекало, что бремя доказывания вины лежит на обвинителе (старое феодальное право требовало оправдывающих доказательств от самого обвиняемого).

VII. Далее говорилось о свободе мнений, мыслей, слова и печати, ограниченных "угрозой ответственности за злоупотребления этой свободой"; о праве граждан участвовать в определении налогов; о праве требовать отчета должностных лиц.

Статья 16 отказывалась признать какой-либо строй "конституционным", если не проведено разделения властей.

Наконец, много раз цитируемая статья 17 Декларации объявляла, что "собственность есть право неприкосновенное и священное".

4. Вместе с Декларацией прав человека и гражданина Учредительное собрание выработало новую конституцию Франции.

Конституция эта датируется 1791 годом. Король, которому она была представлена на утверждение, отказывался это сделать. Положение конституционного монарха его не устраивало. Он рассчитывал выиграть время и расправиться с революцией. Его братья, возглавив дворян-эмигрантов, готовили армию вторжения у самых границ Франции (в немецком городе Кобленце). Подготовкой интервенции были заняты правительства Пруссии, Австрии, Англии.

Надеясь присоединиться к контрреволюционной эмиграции, Людовик XVI бежит из Парижа. По дороге его арестовывают и возвращают в столицу.

17 июля 1791 г. республиканцы Парижа собрались на Марсовом поле с намерением подписать петицию о низложении короля и объявлении республики.

Буржуазное собрание, давно решившееся на разрыв с народом, расстреливает демонстрацию, уничтожает право петиций, закрывает демократическую прессу. Тогда же, напуганный событиями, Людовик вознаграждает Собрание подписанием конституции.

Законодательная власть вручалась Собранию, состоящему из одной палаты. Она избиралась гражданами, уплачивающими налог в размере трехдневного заработка рабочего, а состояла из граждан, уплачивающих "прямой налог стоимостью в одну серебряную марку и обладающих какой-либо земельной собственностью".

Введение имущественного ценза для избирателей и избираемых находилось в явном противоречии с Декларацией прав, и это, конечно, было замечено. Из 26 млн. французов и француженок только 4 с лишним млн. сделали, по официальной статистике, "активными" гражданами, то есть получили право голоса. Требование марки серебра, то есть уплаты 10-дневного налога, ограничивало число лиц, могущих быть избранными, несколькими десятками тысяч человек.

Таким способом буржуазия надеялась устранить народные массы от политической жизни.

Законодатели действовали с полным сознанием: депутат большинства Казалес говорит: "Один собственник - истинный гражданин". О том же говорил депутат Дюпон де Немур: "У кого ничего нет, тот не член общества... Управление и законодательство - дело собственности, а потому только собственники действительно заинтересованы в них". Эта мысль сделалась господствующей.

Франция негодовала. Камилл Демулен, журналист, будущий якобинец, писал о Руссо, Корнеле и Мабли, что они не могли бы стать членами Собрания, ибо им не доставало бы ценза; клеймя попов, голосовавших за

марку серебра, он указывал на Христа, которого избирательный закон "причислял к отверженным".

Исполнительную власть конституция вручала королю. Он назначал министров и всех высших должностных лиц, командовал армией, ведал внешними сношениями. Законы, принятые Собранием, требовали королевской подписи.

При этом: а) "король управляет только по закону"; б) назначенные королем министры могут быть преданы суду по решению Законодательного собрания; в) распоряжения короля должны скрепляться подписью соответствующего министра (контрассигнатура); г) отказ короля в утверждении законопроекта только откладывает последний: подтвержденный двумя вновь избранными составами Собрания, он уже не требует скрепы короля.

Нужно отдать должное буржуазной части Собрания. Ей удалось преодолеть сопротивление депутатов-дворян, требовавших верхней палаты (сената) для себя и абсолютного вето для короля (вето, уничтожающего законопроект).

Местные органы власти создавались на основе выборов, а не назначения, как было в прежние времена. Но и здесь, конечно, действовала цензовая избирательная система.

Взамен старых провинций, носивших отпечаток феодальной раздробленности, конституция создавала 84 департамента.

Следуя принципу разделения властей, конституция отняла судебные функции у короля и отказалась наделить ими Законодательное собрание. Но и суды не могли вмешиваться в дела законодательства и управления.

Все судебные (Органы - сверху донизу - были выборными. Отправление суда стало осуществляться с участием присяжных заседателей.

Конституционная монархия, как она была замыслена авторами конституции 1791 года должна была стать выражением классового союза крупной буржуазии и дворянства. В этом союзе буржуазия удерживала за собой законодательную и судебную власти (поскольку законодательная палата и судебные учреждения формировались на основе имущественного ценза), ограничивала и сдерживала исполнительную, однако предоставляла последнюю главным образом дворянству и его главе - королю. Разделение властей, которое Декларация и конституция объявили основой управления вообще, было на самом деле разделением политических функций по управлению между буржуазией и дворянством при явном преобладании буржуазии.

5. Не доверяя старой армии, находившейся под контролем дворянства, Национальное собрание находит себе надежную опору в добровольческой Национальной гвардии. Поначалу ее ряды были доступны всем "патриотам". Однако непременным требованием сделалась экипировка за собственный счет.

Буржуазность, с одной стороны, и трезвый расчет - с другой, нашли свое выражение в том соревновании за самый дорогой мундир, которое развернулось между батальонами Национальной гвардии.

А затем было постановлено без обиняков, что доступ в Национальную гвардию открыт только "активным" гражданам.

6. Прошло два года после взятия Бастилии, а рабочие ничего еще не получили от революции. Более того, падение заказов на предметы роскоши повлекло за собой кризис парижской промышленности и новые толпы безработных.

Для них были открыты так называемые Национальные мастерские, где за тяжелые земляные работы платили по 20 су в день. Для сравнения укажем, что кило-1 грамм хлеба стоил в то время 13 су, а фунт (400 г.) говядины - от 7 до 16 су. А

ведь нужно было платить за жилье и одеваться.

Рабочие были недовольны. Учредительное собрание пригрозило им за то наказанием: кто будет собираться на "скопища" для обсуждения постановлений о зарплате, будет отдан под суд.

Полиция имела приказ следить за рабочими: "Подлежат регистрации их жилища, их имена, их приметы". Буржуазная печать начала систематическую

травлю рабочих. "Это поистине дикая орда, - писала газета "Французский патриот", - перед воротами цивилизованного города".

В июле 1791 года Национальные мастерские были разогнаны. Против рабочих были применены штыки Национальной гвардии. Специальное постановление гласило: всякий раз, когда собирается более 15 рабочих, их надлежит разогнать вооруженной рукой. Тогда-то и было постановлено, что Национальная гвардия комплектуется из "активных граждан".

Но и те, кому удалось сохранить заработок, получали не более 30 су в день. Первыми поднялись подмастерья-портные. Они начали одну из первых забастовок в истории буржуазной Франции. Требования их были умеренными - 40 су в день. Мастера пробовали возражать, но в конце концов сдались.

Следом затем потребовали повышения зарплаты подмастерья-парикмахеры, плотники, сапожники, рабочие, строившие мост. Последние заявили, что за 11 часов работы они хотят получать не 30, а 36 су.

Обсуждая свои планы, рабочие стали собираться на тайные собрания. Говорилось о 50 су в день, об общем для всех 11-часовом рабочем дне, о всеобщей забастовке. Плотники, проявившие самую большую энергию, создали первый профессиональный союз - "Братский союз рабочих плотничьего ремесла".

Обеспокоенные всем этим мастера обратились в коммунальный совет Парижа, а тот, в свою очередь, - в Учредительное собрание.

Тогда-то и появился на свет печально знаменитый закон Ле-Шапелье (1791 г.). Он воспрещал все формы организации рабочих, в том числе профсоюзы. Тюремное наказание грозило всякому участнику забастовки, а особенно их организаторам. В то же время закон брал под особую защиту штрейкбрехеров.

Страшась всякой тени рабочей организации, власти закрыли кассы взаимопомощи, а между тем никакого страхования на случай болезни не было и в помине. Мастера, как писалось в газете Марата "Друг народа", отказывались платить рабочему даже за тот день, в который с ним произошло несчастье.

Б. Жирондистский Конвент

1. Декретировав новый порядок, Учредительное собрание объявило: "Наступил конец революции. Пусть к нации вернется ее счастливое настроение".

Но оно ошиблось. Окончилась не революция, а только первый этап ее, окончилось господство крупной буржуазии в революции. Сама же революция шла вперед, развивалась по восходящей линии.

В числе членов Конвента было несколько десятков человек, называвших себя якобинцами. Никто не подозревал в то время о роли, которую им отвела история. Название якобинцев осталось за ними потому, что местом своих заседаний они избрали покинутый монахами монастырь святого Якова.

По своим убеждениям якобинцы были демократами, революционерами, республиканцами, сторонниками преобразований, могущих служить интересам трудящихся. Это была партия "низов", партия мелкой буржуазии, пролетариата, крестьянства. Руководство партией находилось в руках лучшей части тогдашней интеллигенции - Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста, Кутона и др. Своим духовным отцом якобинцы считали Жан-Жака Руссо.

Другая часть революционных демократов той поры объединилась вокруг Марата в клубе кордельеров. Они выступали вместе с якобинцами.

Как якобинцы, так и их союзники - кордельеры имели прочные позиции в революционном комитете, объединявшем трудящихся Парижа, так называемой Парижской Коммуне, и тех 48 секциях, на которые была разбита столица Франции (по выборам в Законодательное собрание).

Главными противниками якобинцев в стране и Собрании были жирондисты - партия, выражавшая взгляды французской торгово-промышленной буржуазии, новой, конституционной бюрократии, буржуазной интеллигенции.

Из департамента Жиронда вышли, по странной случайности, основные ораторы (надо сказать, блестящие) и теоретики партии - отсюда название.

В своем проекте республиканской конституции они сохраняют всеобщее избирательное право, выборность местных органов власти и судей,

однопалатный парламент; министры, как и депутаты парламента, подлежали избранию народным голосованием. То была бы, конечно, буржуазная республика, то есть такая форма правления, которая более всякой другой отвечала требованиям времени.

Усилия жирондистов были направлены на то, чтобы, доведя революцию до известного предела, остановить ее развитие, удержать революцию в границах чисто буржуазного интереса. Но тем самым они становились тормозом революции. "Вы хотите республики только для богатых", - говорил им Робеспьер. И это было в общем правильно.

Жирондистам удалось повести за собой большую часть депутатов Законодательного собрания (не принадлежавших ни к той, ни к другой из партий) и составить министерство.

2. Среди многих опасностей, угрожавших революции, самой большой сделалась опасность интервенции.

В апреле 1792 г. начинается война между Францией и Австрией. К Австрии присоединяется Пруссия. Австро-прусская армия двинулась восстанавливать во Франции старый порядок.

Война и отношение к войне провели резкую грань между жирондистами и якобинцами. Первые определенно желали ее, надеясь отвлечь революцию от разрешения внутренних задач. В противоположность жирондистам, звавшим к походу на Кобленц, якобинцы указывали на окна Тюильри, королевского дворца: "Главная опасность - здесь!"

Руководимая изменниками-дворянами, французская армия терпела поражения. Враг подступал к Парижу.

Под давлением обстоятельств Законодательное собрание объявляет: "Отечество в опасности!"

Заседания муниципальных органов власти стали непрерывными и гласными - народ установил над ними постоянный надзор.

Патриоты Франции были приглашены на защиту Парижа. Одним из первых пришел батальон марсельских гвардейцев. Он принес с собой знаменитую Марсельезу, ставшую национальным гимном Франции. "Вперед, сыны отечества, - пели марсельцы, - к оружию, граждане!"

На помощь гвардейцам вставали батальоны добровольцев, составленные из парижского рабочего народа.

Политическая ситуация делала возможным свержение монархии - главной виновницы военных неудач, контрреволюционных заговоров, надвигавшегося на страну голода. Якобинцы решили действовать со всей энергией. Опираясь на обновленную Парижскую Коммуну, они организовали и возглавили вооруженное восстание.

Оно произошло в ночь с 9 на 10 августа. Ударил набат. По этому сигналу вооруженный народ, ломая сопротивление королевской стражи, берет штурмом Тюильри. Король пытается найти спасение в Законодательном собрании, но народ-победитель находит его и здесь.

Подчиняясь очевидному давлению, Законодательное собрание объявило Людовика XVI отреченным от престола и постановило о заключении его в тюрьму (вместе с семьей). Режим конституционной монархии рухнул. Волею обстоятельств Собрание оказалось вынужденным издать закон о созыве новой конституанты, названной Национальным конвентом.

Парижская Коммуна настояла на отмене имущественного ценза, а вместе с тем деления на активных и пассивных граждан. Впервые в истории выборы в верховный законодательный орган сделались всеобщими (за исключением, впрочем, женщин и лиц, находившихся в личном услужении).

Коммуна взяла на себя инициативу обороны. Она создала 30-тысячную армию, а вместе с ней Наблюдательный комитет для борьбы с контрреволюцией. По ее приказу были проведены первые аресты роялистов.

Для суда над контрреволюционерами создается Чрезвычайный трибунал.

3. В сентябре 1792 года собрался Национальный конвент. Среди его депутатов было 100 якобинцев (монтаньяров) и 160 жирондистов. Остальные 500 человек составили "болото", склонявшееся - до поры, до времени - на сторону побеждавшей партии.

Одним из первых декретов (21 сентября) Конвент отменил королевскую власть во Франции. На следующий день было сделано распоряжение о переизбрании (на основе всеобщего мужского избирательного права) всех местных (муниципальных) организаций и всех судей. Замещение судебных должностей было освобождено от требований имущественного ценза.

4. Вопрос о судьбе короля разрешился в конце концов его осуждением. 21 января 1793 года Людовик XVI кончил жизнь на гильотине.

На первый вопрос - виновен ли Людовик XVI - все 700 членов Конвента ответили утвердительно; на второй вопрос - будет ли решение Конвента поставлено на утверждение народа - 287 человек голосовали "за" и остались в меньшинстве: обсуждение третьего вопроса - о наказании - продолжалось 36 часов. 387 депутатов голосовали за смертную казнь, 334 - против нее.

Французская Республика стала непререкаемым фактом французской истории.

Теперь следовало упрочить существование республики. Страдавшие от голода рабочие и ремесленники требовали введения "максимальных", то есть предельных, расценок на продаваемые товары, чтобы остановить спекуляцию. Якобинцы после некоторых колебаний поддержали требования максимума (как временной меры). Жирондисты видели в нем только стеснение свободы торговли и с решимостью, вызвавшей против них ненависть страдающих масс, сопротивлялись его введению.

В конце концов максимум цен на зерно был введен (май 1793 г.), но вся политическая выгода этой популярной меры досталась якобинцам. И так было не только в данном случае.

Столь же неохотно были приняты жирондистами законы о налоге на богатых, о решительном пресечении контрреволюционных беспорядков, о революционном трибунале, об образовании прославившегося своей жестокостью Комитета общественной безопасности.

Волей-неволей санкционируя эти меры, жирондисты не понимали их необходимости. Отступая, они с тем большей энергией искали случая для расправы с якобинцами, Парижской Коммуной, "бешеными".

Крупной ошибкой было, например, решение о предании суду Революционного трибунала Марата. Триумфально оправданный, торжественно внесенный на руках в зал Конвента, Марат стал еще сильнее, а жирондисты - слабее.

И не только ошибкой, но просто тупостью было распуститься настолько, чтобы в порыве жгучей ненависти угрожать уничтожением Парижа, если тот не смирится, как это сделал жирондист Инар: "Скоро станут искать на берегах Сены, действительно ли существовал Париж".

Во всем этом сказывались не только переоценка собственных сил и ослепление борьбой: буржуазия демонстрировала отсутствие политического опыта.

В создавшихся условиях положение жирондистов как правящей партии зависело от обстоятельств, которые они не всегда могли контролировать, тогда как находившиеся в активной оппозиции, а по существу возглавлявшие вторую власть в республике (Коммуну) якобинцы выигрывали от каждой неудачи их противников.

Весной 1793 года изменчески переходит на сторону Австрии и Пруссии главнокомандующий французской армией в Бельгии жирондист генерал Дюмурье. Роялисты переходят в наступление на большей части Франции. В Вандее и Бретани начинается контрреволюционный мятеж.

В этот грозный момент жирондисты не нашли ничего лучшего, чем возбудить расследование действий Коммуны. В ответ на это секции Парижа создали Комитет восстания. Генеральный совет Коммуны присоединился к движению. 31 мая 1793 года набат снова призвал парижан к оружию.

Окруженный со всех сторон Конвент должен был выслушать 14 требований восставших и среди них об аресте 22 жирондистов - лидеров партии.

День окончился миром, но жирондисты - в который раз - должны были принять навязанную им меру: ненавистная Комиссия двенадцати по расследованию действий Коммуны была распущена.

Восставшие едва разошлись, как стало известно об избиении якобинцев в Лионе - втором городе Франции. Стало известно также, что в лионском путче жирондисты выступали в союзе с роялистами. Эти события решили судьбу жирондистского руководства и самой партии.

2 июня 1793 года Национальная гвардия и вооруженный народ - около 100 тыс. человек - снова окружили Конвент. Все выходы были закрыты. Приказ Конвента о роспуске войска был игнорирован. Командующий Анрио скомандовал: "Канониры, к орудиям! "

Конвент сдался. 31 жирондист должен был покинуть его стены; некоторое время (до суда) они находились под домашним арестом.

Французская буржуазная революция поднялась на третью, как принято считать, высшую и последнюю ступень развития - этап якобинской диктатуры.

В. Якобинская диктатура

1. Падение жирондистов неизменно привлекает к себе внимание историков. Написано немало работ, выставляющих жирондистскую партию в самом выгодном свете, а ее вождей в качестве бескорыстных демократов. Возмущение буржуазной историографии вызывали и вызывают судебный процесс над жирондистами и их последующая казнь.

Процесс начался 24 октября и закончился 30 октября вынесением смертного приговора всем обвиняемым (их было 21 человек).

Это был первый судебный процесс нового времени, с помощью которого одна партия - победившая - расправлялась с другой - побежденной.

Присяжные ограничились выступлением нескольких свидетелей. Они признали обвиняемых виновными в "заговоре против единства и нераздельности республики", в заговоре "против благоденствия и безопасности французского народа".

Объективные свидетельства говорят против жирондистов как политической партии, заявлявшей претензии на демократизм программы действий.

Восстание 10 августа 1792 года, стоившее 2000 жизней, было организовано и осуществлено якобинцами, но жирондисты, стоявшие в стороне, постарались извлечь из падения монархии максимальную пользу.

Якобинцы, конечно, не были очарованы поведением жирондистов, их упорным стремлением сохранить власть за собой, с тем чтобы кровь проливали другие. Но борьбу за власть начали не они, а жирондисты. Именно последние стянули в Париж верные себе отряды из консервативно настроенных департаментов; они создали Комиссию двенадцати, они инспирировали убийства якобинцев в Лионе.

Жирондисты позволяли себе восхищаться народом, когда он умирал на полях сражений, но стоило им услышать требование: "Хлеба!", как они тотчас вставали на защиту "законной прибыли лавочника". Бедный должен искать пропитания не силой, а на основе свободного договора с предпринимателем, поучали они.

Их идеалом была цензовая республика. "Кто не рассмеялся бы, услышав о суверенитете толпы", - писали их газеты.

Говорят о высоких моральных качествах жирондистов. Это представляется несомненным. Но разве не они прибегали в своей полемике с якобинцами к такого рода эпитетам, как "чудовища, которые нас бесчестят", "тираны", "убийцы" и т.п.

Задолго до того, как якобинцы осудили их на смерть, жирондисты требовали голов Робеспьера, Марата и Дантона, призывали "задушить эту сволочь". И они, без сомнения, пошли бы на это, если бы располагали реальной властью в Париже. Легко понять ожесточение якобинцев. Но оно не может служить оправданием их расправы над вождями Жиронды. Последующие репрессии привели, как это ни печально, к гибели всех основных деятелей жирондистской партии. Выжили немногие.

2. Встав у власти, якобинцы должны были решить задачи, от которых зависело спасение Франции и революции.

В стране царил голод, особенно в Париже: надо было найти продовольствие и организовать его распределение. Армия, малочисленная, дезорганизованная изменой, терпела поражения; войска коалиции вступили на

французскую территорию. В Вандее, Бретани и некоторых других департаментах господствовали роялисты.

Такова была первая группа вопросов, поставленных в порядок дня. Кроме этого, якобинцы должны были заняться осуществлением своих программных требований: дать землю крестьянам, выработать для страны демократическую конституцию, позаботиться о рабочих. И это надо было делать не откладывая, ибо только так можно было сохранить за собой революционную массу народа.

Это была вторая группа задач.

Помимо всего, им предстояло вести за собой "болото" Конвента и выдерживать сопротивление 60 департаментов (из 83), враждебных политической гегемонии якобинцев.

3. Ситуация, как это уже не раз случалось в истории революций, вынуждала к созданию революционного правительства.

Его цель и принципы были определены Робеспьером в речи 25 декабря 1793 года. Задачей конституционного правительства, говорил Робеспьер, является сохранить уже существующую, уже упроченную республику. Оно подчинено более или менее "единообразным и строгим правилам". Оно действует на основе законов.

Другое дело - революционное правительство. Оно имеет целью основать республику. Оно находится в состоянии войны, оно окружено врагами и должно действовать с чрезвычайной энергией, должно "отыскивать новые и спешные средства", применение которых не всегда опирается на определенный закон. У революционного правительства, подчеркивал Робеспьер, не может быть ничего общего с произволом, у него есть свои собственные правила, основанные на справедливости. И если все-таки оно не во всех случаях может опереться на закон, то не становится от этого менее справедливым и законным. "Оно опирается на самый священный из всех законов - спасение народа, на самый непоколебимый из всех принципов - справедливость".

Таким образом, по мысли Робеспьера, революционное правительство - это всегда временное средство; укрепив существование республики, оно должно уступить место правительству конституционному.

К сожалению, такой исход случается крайне редко. Власть обладает огромной притягательной силой, и по своей воле расставаться с властью способны немногие "революционные правительства".

В. И. Ленин - в духе своих общих воззрений, как две капли воды схожих с рассуждениями Робеспьера о революционном правительстве, - отмечал динамизм, свойственный правительству якобинцев, особо выделяя его принцип, сформулированный Дантоном: смелость, смелость и еще раз смелость.

1. Составной частью революционного правительства стал и сам Национальный конвент. Сохранив положение высшего законодательного органа республики, он сосредоточил еще в своих руках всю верховную исполнительную власть. Таким образом, было констатировано, что революционное правительство не знает разделения властей.

II. Ядром власти, ее штабом, ее фактическим центром сделался Комитет общественного спасения. Ежемесячно переизбираемый Конвентом в составе 9-16 членов, Комитет отвечал только перед последним. Распоряжения Комитета не терпели критики.

Член Комитета, знаменитый Карно, ведавший военными делами, писал своим генералам: время неисполнения приказов правительства окончилось. И Комитет умел доказывать это.

Министерства поначалу не были ликвидированы, как и все прочие учреждения республики, однако они были поставлены "под наблюдение" Комитета и от него зависели. В его руки перешло в конце концов все высшее военное командование.

III. Третьим важным элементом революционного правительства сделался Комитет общественной безопасности (организованный еще в октябре 1792 г.). Его специальной задачей было преследование контрреволюционеров, арест и предание суду революционного трибунала.

Роль Комитета общественной безопасности резко возросла после принятия "декрета о подозрительных" (17 сентября 1793 г.), когда в "порядок дня" был поставлен революционный террор.

Закон 1793 года объявлял подозрительным каждого, кто был известен приверженностью старому порядку, кто находился в родстве с дворянами-эмигрантами или состоял у них на службе (если не было бесспорных свидетельств революционности), и всех тех, кто не мог доказать, на какие средства он существует.

Декрет предписывал арест подозрительных. Если имелись обвинительные материалы, арестованные подлежали суду; если этих материалов не было, они оставались под арестом на неопределенное время.

Ни одна мера якобинского правительства не вызвала столь яростной критики, как закон о подозрительных. При этом умалчивается, что идея закона была впервые сформулирована Учредительным собранием в 1789 году, но в противоположных целях. В то время, после нескольких голодных бунтов, Учредительное собрание создало особый комитет, наделенный правом предварительного ареста в отношении всех тех парижских пролетариев, которые будут сочтены подозрительными, с точки зрения господствовавших политических интересов. Этот факт может быть принят во внимание, но не может служить оправданием безжалостных расправ над невинными людьми.

Среди деятелей, принадлежавших к левому лагерю, только Марат с самого начала, по крайней мере с 1790 года, настаивал на терроре против дворян, требуя "пяти или шести сотен отрубленных голов". Призывая к террору, он хотел одного: предостеречь против ложной гуманности, против порожденного всей прошлой историей трепета в отношении "исторических" фамилий. Измена должна караться всюду, где она есть. Кровь, пролитая немногими контрреволюционерами, писал он, предотвратит потоки ее.

Трудно назвать общее число арестованных, но оно, без сомнения, было весьма значительным. Если верить К. Демулену, выступавшему против закона, было арестовано 200 тыс. человек.

Декрет о подозрительных, как и вообще революционный террор якобинцев, будучи, по выражению К. Маркса, "плебейским способом разделаться с абсолютизмом", не способен вызывать сочувствия и именно потому, что это способ расправы со всем тем, что раздражает "плебеев": богатство, образованность, благородство и т. д. Конечно, и то и другое представлялось мерами временными. С победой на фронте, с ликвидацией мятежей,

с прекращением спекуляции - одним словом, с переходом от революционного правительства к конституционному революционный террор должен был смениться конституционными мерами защиты республики.

Вот почему не так просто оценить декрет о революционном трибунале, изданный уже в то время, когда все главные опасности были позади, - 10 июня 1794 года. Этот декрет вводил в право революционной Франции формулу "враг народа", воздерживаясь от сколько-нибудь точного ее определения и устанавливая только одно наказание - смертную казнь.

"Врагами народа" признавались наряду с прямыми изменниками и активными контрреволюционерами также все те, кто "стремится унижить" Конвент или Комитеты, кто "поддерживает связи" с "врагами республики и народа", кто "под какими бы то ни было внешними прикрытиями посягает на свободу или единство республики или стремится помешать ее упрочению". Нельзя не видеть, что за всем этим встает образ безжалостных репрессий, подобных обрушившимся на "советский народ" в 1937-м и последующие годы.

Резкому усилению террора, начавшемуся изданием декрета 10 июня, способствовали и те процессуальные правила, которые излагали отказ от только что принятых форм судопроизводства: предварительное следствие по делам,

рассматриваемым в революционном трибунале, отменялось; обвиняемый допрашивался только на суде; адвоката не полагалось; свидетели вызывались, как правило, только тогда, когда суд не располагал какими-либо вещественными или моральными уликами; письменные доказательства отменялись (за исключением особых случаев).

Для обвинительного вердикта присяжных достаточно было их убеждения в виновности: никто не спрашивал у них, на чем это убеждение основано. Приговор мог означать только одно: или полное оправдание (что было редко), или смертная казнь на гильотине.

Гильотина, введенная революцией, представляла устройство для отсечения головы: тяжелый треугольный нож, двигаясь в пазах, падал сверху на шею осужденного.

Гильотина не была чем-то совершенно новым. Нечто подобное уже встречалось в средневековой Германии под названием "итальянского капкана".

Изобретатель гильотины, доктор Гильотен, благополучно переживший все фазы революции, руководился гуманной идеей. Он уверял, что казненный на гильотине чувствует не более чем "легкий холодок на шее".

Гильотины стояли на площадях городов, они находились в обозах армий. "Святая гильотина", - говорили о ней "патриоты".

IV. Органами якобинской диктатуры на местах служили революционные комитеты. Они действовали наряду с муниципалитетами, но играли большую роль, чем последние. Проведение революционных законов поручалось главным образом им. Они составляли списки подозрительных и отдавали приказы об арестах.

Общее руководство администрацией департамента поручалось особо уполномоченным лицам - комиссарам Конвента, наделенным чрезвычайной властью.

Отказ от исполнения или приостановка распоряжений, исходивших от комиссара, карались по декрету Конвента 10 годами каторги.

Когда Конвент и комитеты, не доверяя местной администрации, созданной жирондистами, приказали провести чистку государственных служащих, ее осуществлением руководили комиссары.

Чистка аппарата проводилась открыто и гласно, на общих собраниях населения. V. Весьма важную роль в системе якобинской диктатуры играли так называемые якобинские клубы, служившие сборными пунктами и одновременно органами руководства партией. 40 тыс. отделений клуба в провинции держали под своим началом Францию.

Значение центра партии принадлежало, разумеется, парижскому якобинскому клубу. Здесь в особенности выработывалась и формулировалась политика якобинцев.

Якобинская партия не имела той организации, которую мы в соответствии с нашими нынешними представлениями связываем со словом "партия". Она не собиралась на съезды, ее парижский клуб не был, строго говоря, выборным органом партии, но его директивы принимались к неуклонному исполнению.

VI. Главное, что было сделано якобинцами в военном отношении, - это: а) слияние частей и подразделений армии с добровольческими отрядами; б) ведение планомерной политической работы в армии; в) допущение всех способных людей, начиная с солдата, к офицерским должностям.

На место старого, вычищенного из армии офицерства были поставлены новые люди из народа, часто совсем молодые (Л.Гош, Наполеон Бонапарт и др.). Революция дала армии нового солдата и новую военную тактику. "Мир хижинам, война дворцам" - с этим лозунгом французская революционная армия совершала свое победное шествие в Европе.

4. Жирондисты настаивали на том, что аграрный вопрос во Франции уже решен. Они провели закон о смертной казни для всякого, кто осмелится предложить передел земли.

Якобинцы игнорировали этот запрет. В июне 1793 г., через неделю после захвата власти, они декретировали переход общинных земель к крестьянам. По желанию крестьянских сходок эти земли могли быть поделены между всеми членами общины.

Другим декретом Конвента, изданным по инициативе Комитета общественного спасения (17 июля 1793 г.), безвозмездно уничтожались "все сеньориальные подати" и все оброки, носившие феодальный характер. Вместе с ними уничтожалась десятина в пользу церкви.

С этого времени феодальные путы были действительно и навсегда сняты с крестьянства. И это дало себя знать. Лихорадочная горячность новых земельных собственников, увидевших наконец осуществление своих многовековых чаяний, преобразила

французскую почву: уже следующие весна и лето принесли обильный урожай.

Легко понять, отчего крестьянские сыновья с такой готовностью вливались в ряды революционной армии: им было что защищать!..

Вместе с тем якобинцы не отменили закона Ле-Шателье. Они установили не минимум, а максимум зарплаты для рабочего (в полтора раза больше по сравнению с заработной платой 1790 года). Они категорически запретили "всякие коалиции или сборища рабочих".

Весьма вероятно, что у них не было никакого сколько-нибудь определенного плана действий в отношении рабочего класса. Будем помнить, что не только в это время, но и в более позднее - вплоть до середины XIX века - рабочие редко выступали как самостоятельная политическая сила. В 1793 году они еще не очень выделялись среди остальной массы городского бедного люда - плебса.

И все же именно якобинские декреты и якобинская энергия спасли пролетариат от голодной смерти. Якобинцы распространили максимум на все предметы первой необходимости: продажа товаров должна была сократиться, но зато был достигнут главный выигрыш: приостановлен рост цен на товары. В деревню были посланы продовольственные отряды, изымавшие излишки продовольствия вооруженной рукой. В интересах справедливого распределения были изобретены продовольственные карточки.

Нельзя не сказать еще об одном акте якобинского Конвента - отмене рабства в колониях.

Формула декрета гласит: "Жители колоний без различия расы являются французскими гражданами и пользуются всеми правами, установленными конституцией".

5. Государственный идеал якобинцев рисует нам конституция 1793 года. Написанная в течение нескольких дней, она отразила в себе борьбу противоположных начал: государственной теории Руссо (якобинцы считали себя его последователями) и практической политики якобинцев.

Руссо отрицал централизацию власти, отказывался признать парламент полномочным законодательным учреждением, издевался над "разделением властей". Поскольку теория и практика революционного правительства оказывались несовместимыми с конституционным режимом, его введение было отложено. Конституция 1793 года не стала действующей. Но без нее не может быть полного представления о якобинской диктатуре и ее целях.

Конституция 1793 года открывается "Декларацией прав человека и гражданина". Здесь провозглашается принцип суверенитета народа: "Всякий, кто присвоит себе верховную власть, принадлежащую народу, пусть будет немедленно умерщвлен свободными людьми". Касаясь прав человека, "Декларация" заявляла: "Угнетено все общество, если угнетен один из его членов. Угнетен каждый член общества, если угнетено все общество". И наконец: "Когда правительство нарушает права народа, восстание составляет для народа... самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей".

Все это не мешало, конечно, подтверждению права частной собственности, ибо революция и при якобинцах осталась революцией буржуазной. К основным положениям конституции относятся: а) всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21 года (кроме лиц, находившихся в личном услужении); б) прямые выборы в Законодательное собрание; в) тот, кто имеет право выбирать, имеет право замещать все выборные должности;

Г) Законодательный корпус состоит из одной палаты. Он избирается на один год;

Д) Законодательный корпус издает два рода актов: одни, называемые законами, другие - декретами. Последние вступают в силу по их принятии; для законов требуется утверждение народа.

Впервые в истории нового времени делалась попытка ввести в практику законодательства постоянный плебисцитарный механизм. Эта идея как-то примиряла теорию Руссо и реальную политическую практику.

К числу законов были отнесены акты законодательного корпуса, имеющие своим предметом: каждое новое общее деление французской территории, налоги, денежную систему, гражданское и уголовное законодательства и т. д. Они вступали в силу, если не вызвали протеста большинства первичных собраний выборщиков (в течение 40 дней после издания).

Правительство, названное Исполнительным советом, избиралось сложным путем: департаментские собрания выборщиков выдвигали кандидатов; Законодательный корпус назначал из их числа членов Совета. Все чиновники и все судьи выбирались гражданами.

Поскольку якобинская конституция не была введена в действие, не представляется возможным сколько-нибудь убедительная ее характеристика и особенно в том, что относится к структуре государственных органов, законодательству и т.п.

Нет убедительных оснований верить тому, что конституция была бы введена в действие без существенных корректив.

6. После всего сказанного можно понять, почему якобинскому правительству удалось в короткий срок сделать так много.

Интервенция была отбита. Французская революционная армия торжествовала победу над коалицией, перенеся военные действия за пределы страны. Вандея и Бретань были усмирены, продовольственные трудности преодолены.

Но чем ближе подвигались якобинцы к концу временного режима, тем острее становились противоречия в их собственных рядах.

С резкой критикой политики Робеспьера и его людей выступили "правые" во главе с Дантоном и Демуленом. Они требовали отмены максимума и введения свободной торговли. Они возражали против общественных работ для безработных, поскольку эти работы осуществлялись за счет налогоплательщиков: против постройки больниц и приютов для престарелых; против снабжения за государственный счет хлебом бедных граждан - против всего того, что под давлением "бешеных" делала Коммуна и что поддерживалось якобинцами.

Особенно дантонисты ополчились против террора. Они считали его излишним. Демулен говорил: "Посредством гильотины вы хотите искоренить своих врагов? Можно ли себе представить большую глупость? Можно ли возвести на эшафот одного хотя бы, не создавая десятка новых врагов из его семьи или его друзей?"

С резкой критикой Дантона и его единомышленников выступило крайнее левое крыло якобинцев - эбертисты. Глава последних - Эбер - клеймит Демулена в своей газете как "жалкого интригана, осла, человека, которого надо отправить на эшафот". Он обвиняет его в желании создать "новую Вандею", в шпионаже, называет "агентом, состоящим на жалованье" у Англии. В ответ на это Демулен пророчески грозит Эберу участием жирондистов. Достается и Робеспьеру. Эбертисты критикуют его "умеренность", называют "усыпителем" (за то, что он не дал казнить 76 человек жирондистов и был против исключения Дантона из якобинского клуба).

Некоторое время Робеспьер и руководимый им Комитет общественного спасения пытаются лавировать между теми, кто желал ослабления террора (дантонисты), и теми, кто требовал его усиления (эбертисты). Но полумеры не устраивали эбертистов. Они подняли мятеж. За разгромом эбертистов последовали неизбежные аресты и казни. Вслед за тем были нанесены удары по Коммуне (ее состав был назначен Комитетом общественного спасения).

Разгром левых сил активизировал правое крыло якобинизма, ставшего выразителем интересов буржуазии. Комитеты решают арестовать дантонистов. Через 7 дней после казни эбертистов - в том же трагическом жерминале - Конвент принимает декрет против дантонистов, и после четырехдневного разбирательства революционный трибунал выносит им смертный приговор.

Расправа над эбертистами и Коммуной способствовала охлаждению плебейских элементов Парижа и Франции к режиму якобинской диктатуры. Разгром дантонистов увлек в сторону контрреволюции умеренные буржуазные и мелкобуржуазные круги.

В этой благоприятной обстановке созрел заговор, направленный на свержение революционного правительства.

Заговорщики выступили открыто 9 'термидора (в июле) 1794 года. Поддержанные Конвентом, они добились приказа об аресте Робеспьера и его коллег по Комитету. На следующий день, то есть 10 термидора 1794 года, вожди якобинского правительства, вожди Коммуны, объявленные вне закона, были отправлены на гильотину и казнены. Буржуазный Париж торжествовал окончание революции.

Ф. Энгельс справедливо замечает: "Террор стал совершенно излишним после победы при Флерюсе, 24 июня 1794 года (между тем Именно в это время террор был усилен.). Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным образом левый берег Рейна. Робеспьер стал тогда также лишним и пал 24 июля".

В другом месте Энгельс замечает еще определеннее: террор был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Когда в борьбе трех сил: Коммуны с ее крайним направлением, Дантона и Робеспьера - победил последний, "террор сделался для него средством самосохранения и тем самым стал абсурдом" ^

Что же в таком случае может быть сказано о терроре советском, терроре сталинском, унесшем в неизвестные могилы миллионы и миллионы безвинных людей - мужчин, женщин, детей? Что - кроме проклятья палачам!

Г. Правительство Директории

1. Победители, совершившие переворот во имя прекращения террора, возобновили его с новой силой, но уже против якобинцев: в первые же дни после 9 термидора было казнено более 100 человек. Состав Конвента резко изменился. Были избраны новые лица. Возвратились те из жирондистов, которым удалось

уцелеть.

Не чувствуя себя прочно, термидорианцы должны были обещать народным массам, дважды восстававшим против нового режима, введение конституции 1793 года. Но то была ложь.

В разговорах между собой деятели нового режима не скрывали отвращения к конституции якобинцев. Буасье де Англа говорил о ней: "После того как тираны уничтожены, необходимо предать погребению их дела в той же могиле, в которой находятся они сами".

Взамен обещанной массам конституции 1793 года явилась на свет Буржуазная по существу Конституция. Законодательный корпус по этой конституции состоял из двух палат.

В этом нововведении хотели видеть гарантию против произвола. В большом ходу была предсмертная фраза одной из жертв якобинского террора: "Меня убивает не Робеспьер, а отсутствие второй палаты".

Нижняя палата - Совет 500 - имела инициативу законодательства и обсуждала законопроекты. Здесь главным образом говорили. Верхняя палата - Совет старейшин - принимала или отвергала законопроект. Здесь только голосовали: обсуждения не полагалось.

Эта странная система доводила "разделение" властей до абсурда, но так прочен был страх перед новым изданием "революционного Конвента".

Избирательное право сделалось снова цензовым, выборы - двухстепенными.

Избиратель, миссия которого ограничивалась избранием выборщиков, должен был платить налог. Выборщик - лицо, полномочное избирать депутатов обеих палат (Законодательного корпуса), судей и всех выборных должностных лиц вообще, - должен был обладать имуществом, приносящим доход, равный по меньшей мере 150-дневной заработной плате, специально исчисляемой.

Для членов Совета старейшин были установлены еще и повышенный возрастной ценз - не менее 40 лет, - и дополнительное условие (основанное

на буржуазном представлении "добропорядочности"): нужно было быть женатым или вдовцом.

Исполнительная власть вручалась особому комитету из 5 членов. Он был назван Директорией. Ему подчинялись министры, департаментские власти, военное командование. Избиралась Директория Законодательным корпусом.

Старые страхи заставили авторов конституции наделить Совет старейшин правом переносить заседания Законодательного корпуса из Парижа в любое другое место Франции, более спокойное. Но, по иронии судьбы, этим именно полномочием воспользовался Наполеон Бонапарт в день свержения Директории и всего связанного с ней режима.

2. Правление Директории замечательно главным образом резкими сменами ориентации - "политикой качелей". Начало правления (1796 г.) было омрачено заговором Бабефа - самого замечательного в плеяде французских коммунистов-утопистов.

Бабеф предполагал свергнуть господство буржуазии, установить коммунистический общественный строй; достижению этой цели должна была служить временная революционная диктатура трудящихся.

Выданные предателем, Бабеф и его друзья по "заговору равных" были схвачены и осуждены. Приговоренные к смерти Бабеф и Дарте пытались заколоться, но из-за непрочности кинжалов им это не удалось; кинжал остановился у самого сердца Бабефа.

Едва оправившись от страха перед коммунизмом, Директория столкнулась с опасностью роялистского переворота (1797 г.). Пришлось возобновить преследования эмигрантов и не присягнувших священников. Роялисты-депутаты были исключены из Законодательного корпуса.

Реакционность и продажность режима, его неспособность справиться с экономическими бедствиями, легшими на плечи народа, вызвали новый подъем демократического движения. В качестве ответной меры из Законодательного корпуса были удалены депутаты-демократы (1798 г.). Директория колеблется то вправо, то влево (так называемая политика качелей).

В обстановке тревожной и неустойчивой рождается потребность в "сильной власти". Пришло время Наполеона Бонапарта.

Наполеон Бонапарт, корсиканец, родившийся в 1769 году, выдвинулся в период якобинской диктатуры. Будучи молодым артиллерийским офицером, он осмелился - революция сделала это возможным - предложить свой план отвоевания Тулона, морской крепости, занятой английским флотом. Комиссар Конвента Робеспьер-младший приказал действовать соответственно этому плану. Успех принес Бонапарту генеральский чин и некоторую известность.

Много позже, во время роялистского мятежа, один из лидеров термидорианского режима, Баррас, вспомнил о Бонапарте и призвал его на помощь. С неумолимой твердостью, применив артиллерийский огонь, Наполеон раздавил роялистов.

В награду за эту услугу он получил под командование 30-тысячную "итальянскую армию" Французской Республики, разутую и раздетую.

Полководческий талант Наполеона в соединении с патриотизмом и мужеством солдат, воспитанных революцией, в короткий срок изменили ситуацию на этом участке фронта. Отборные австрийские армии, трижды превосходившие французские по численности, пали жертвой удивительных военных успехов Наполеона.

Д. Консульство и империя

1. В 1799 году, самовольно оставив "египетскую армию" Французской Республики, которой он командовал, Наполеон, благополучно миновал "английские патрульные корабли, высадился во Франции. В течение двух дней - 18 и 19 брюмера того же года - "они его люди свергают режим Директории. Главой Франции становится генерал Наполеон Бонапарт в звании первого консула республики.

К заговору, главой которого сделал Наполеон, присоединились два члена Директории и значительная часть Совета старейшин. Наполеон мог рассчитывать на солдат столичного гарнизона, которым командовали его сообщники. Брат Наполеона Люсьен состоял председателем Совета 500.

Ранним утром 18 брюмера Совет старейшин (на это заседание намеренно не вызвали предполагаемых противников переворота) постановил перенести заседания Законодательного собрания в охотничий замок близ Парижа - Сен-Клу.

Формальным основанием послужили необоснованные, от начала до конца выдуманные "сведения" о будто бы обнаруженном якобинском заговоре и даже о "толпах якобинцев", движущихся к Парижу.

Одновременно с этим Совет старейшин поручил Бонапарту командование парижским гарнизоном и предписал ему немедленно вступить в эту должность.

Заговорщики - и среди них Талейран, министр иностранных дел, - выпустили из Парижа члена Директории Барраса (наделив его именем за лояльность), а двух оставшихся арестовали в их дворце.

На следующий день заседание Законодательного корпуса открылось в Сен-Клу. Совет 500, несмотря на противодействия своего председателя, оказал решительное сопротивление перевороту. Было постановлено, что каждый член Совета принесет новую присягу конституции 1795 года.

Наполеон самолично явился в Совет 500, но был отвергнут. Раздалось зловещее: "Вне закона!"

Поначалу обескураженный, Наполеон обратился к войскам. Раздался сигнал атаки. Исполняя приказ, войска, сами по себе ненавидевшие "этих адвокатишек", взбудораженные рассказом о "покушении на генерала", со штыками наперевес вступили в зал Совета 500. Депутаты бросились бежать.

Но в этом заключалось свое неудобство. Согласно плану, заговорщики должны были взять власть "легальным путем", а не насилем. Солдаты бросились искать разбежавшихся. Часть их была возвращена и теперь уже покорно проголосовала за ликвидацию режима Директории и конституции 1795 года, за создание временной власти, поручаемой трем консулам во главе с Наполеоном, за образование комиссии по выработке новой конституции. Совет старейшин тут же утвердил это постановление. Темной ночью возвращался Наполеон в Париж. Открывался новый период в истории Франции, пока что - "консульства".

Успех брюмерского государственного переворота не был случайностью. Его нельзя сводить к ловкости и популярности Наполеона. Имелось немало кандидатов в диктаторы и помимо него: он оказался лучшим, только и всего.

На стороне бонапартистского переворота и всего созданного затем политического режима находилась крупная промышленная и финансовая буржуазия Франции. Она разочаровалась в способности правительства Директории навести во Франции буржуазный "порядок".

Сторону бонапартистского режима приняло французское "патриархальное" крестьянство, право земельной собственности которого Наполеон упрочил и урегулировал.

Новый политический режим нашел свое отражение в конституции 1799 года - VIII года республики.

Новой конституции не предшествовала как в прежние времена, Декларация прав. Она не упоминала о политических свободах. Восстанавливая всеобщее избирательное право, она, по выражению историка Олара, "в то же время уничтожала его".

Сделано это было таким образом. "Коммунальный" (первичный) округ избирал из своей среды 1/10 граждан. В совокупности с делегатами других округов они составляли так называемый окружной список. Собравшись воедино, эти люди в свою очередь избирали 1/10 своего состава. Так составлялся "департаментский список". Из этих последних после сокращения в 10 раз составлялся "национальный список". Из него черпались все депутаты, министры и т. д.

Олар, автор "Политической истории Французской революции", рассуждает справедливо, когда говорит, что, если бы, например, 10 тыс. граждан данного округа избрали хотя бы сто человек, это были бы еще выборы, хотя и не самые лучшие.

Но избрать из этих 10 тыс. по меньшей мере тысячу граждан - значит в сущности не избрать никого. Выбора не было, приходилось зачислять всех мало-мальски грамотных и в первую очередь буржуазию. При этой системе ни

одна партия не могла иметь преобладания, ни одно политическое течение не могло приобрести влияния на государственные дела.

Это была действительно "достойная смеха, якобы демократическая система". Избрание членов законодательных собраний, консулов и членов верховного ("кассационного") суда конституция вверяла сенату. Он же наделялся правом отменять законы, если находил, что они "нарушают конституцию".

Комплектование самого сената поручалось точно обозначенным лицам.

Прохождение законопроектов обставлялось сложнейшей процедурой: составлялись и редактировались они Государственным советом, обсуждались в Трибунате, принимались или отвергались (без прений и поправок) Законодательным корпусом.

Среди этих трех органов первый был действительно работающим, второй -- говорильней, третий - угодливым исполнителем навязываемой ему роли.

Исполнительная власть сосредоточивалась - в руках трех консулов, из которых только первый консул получал право принимать решения.

Власть его была больше той, которую получил Людовик XVI по конституции 1791 года: первый консул замещал Государственный совет и руководил его работой (то есть оказывал решающее влияние на законодательство), назначал и смещал министров, посланников, офицеров, а также руководящих чиновников местной администрации. Он назначал уголовных и гражданских судей.

Второй и третий консулы имели совещательный голос. На всей этой системе лежал тот же отпечаток, что и на избирательном праве: было много званных, но мало избранных. Реальная власть сосредоточилась в руках одного человека. Конституция прямо называла его: Наполеон Бонапарт.

Конституционная комиссия находилась в плену у Наполеона, работала под его руководством, должна была сносить его повелительный тон и окрики. Комиссия не утверждала конституцию - ее принудили подписать ее.

Поначалу решили, что консулы будут назначены комиссией. Бюллетени, содержавшие результат тайного голосования, уже были вынуты из урны. Хотели приступить к их прочтению и подсчету, как вдруг Наполеон "стреб в кучу все бюллетени и не дал их разворачивать". Затем, повернувшись к члену комиссии Сийе-су, он сказал: "Дадим новое доказательство нашей признательности гражданину Сийесу, предоставив ему право назначить трех консулов".

Сийес, который и сам метил управлять Францией, должен был нехотя пробормотать: Бонапарт, Камбасерес, Лебрен.

А в газетах было напечатано, что избрание состоялось "при криках одобрения, без баллотировки и единогласно".

Последующие изменения конституции 1799 года имели одно и то же направление: в 1802 году Наполеон был объявлен пожизненным консулом, в 1804-м - императором. Вместе с тем Франция возвратилась к абсолютной монархии - только буржуазной.

Соответственно с этим Наполеон получил право издавать декреты. Трибунат ; был ликвидирован. Законодательный корпус загрузили второстепенными проектами.

При Наполеоне Бонапарте и под его прямым руководством сложился на целое столетие государственный аппарат буржуазной Франции. Бюрократическая централизация сделалась его основным принципом. Особое внимание Наполеона привлекла армия, комплектование которой производилось на основе общей воинской повинности. Опорой режима служила привилегированная, обласканная императорская гвардия, состоявшая из ветеранов сверхсрочной службы.

Первая французская империя существовала около 15 лет. В 1812 году, после стольких триумфов, Наполеон был разбит в России. Вскоре после того последовал разгром под Лейпцигом.

Преданный своими министрами и генералами, Наполеон отрекся от трона и отправился в изгнание на остров Эльбу.

Империи не стало.

Глава двадцатая

Революция 1848 года во Франции. Бонапартистская империя (Вторая)

А. Реставрация Бурбонов. Июльская революция 1830 года

1. Коалиция государств, одержавших решающую победу над Наполеоном, поспешила возвести на французский престол старшего представителя "легитимной" (законной) династии - Людовика XVIII.

Новые правители Франции должны были признать "перераспределение" земельной собственности, буржуазный гражданский кодекс, выработанный при Наполеоне и, следовательно, уничтожение феодальных отношений, а также новую администрацию Франции.

Они согласились одарить Францию писаной конституцией, известной под названием Хартий 1834 года.

Отдав дань успехам просвещения, "новым отношениям и направлениям, укоренившимся в умах", конституция с деланной наивностью пыталась представить создаваемые ею учреждения традиционными для французской монархии: палата депутатов - это, де, "древнейшие собрания мартовских и майских полей"; верхняя палата (пэров) ставилась в связь с королевской курией старых времен. Монархия старалась "связать цепь времен, прерванную пагубными событиями".

Хартия 1814 года, как это вытекало из ее содержания, должна была примирить верхи буржуазии с дворянством.

Соответственно с тем:

а) признавалось, что граждане "в равной степени допускаются к гражданским и военным должностям";

б) что верховная власть короля ограничивалась законодательными полномочиями палат и несменяемостью судей. Создавалось две палаты: верхняя, назначаемая королем, и нижняя, избираемая узкой коллегией, состоящей из лиц, уплачивающих не менее 300 франков прямых налогов; от депутата палаты требовалось, чтобы он уплачивал по меньшей мере 1000 франков налога.

При этой системе голосовало не больше 90 тыс. человек (из 30 млн. право быть избранным имело около 15 тыс.).

Такова была эта конституция, призванная, по ее собственным словам, "оправдать ожидания просвещенной Европы". Лишив нацию всякого легального политического действия, отдав власть в руки маленькой кучки ее поработителей, Хартия заявляла о "заветном желании", чтобы "все французы жили братьями".

Не удивительно, что, когда Наполеон, решившись на свой последний "полет орла", высадился во Франции с горсткой ветеранов (1815 г.), антинародная монархия была сброшена в грязь, из которой ее перед тем подобрали.

2. Восстановленный на престоле после битвы при Ватерлоо, Людовик XVIII царствовал до 1824 года. Его место занял Карл X (Артуа) - признанный глава французской реакции.

Первым делом нового короля было вознаграждение дворян, потерявших земли во время революции. Компенсация эта составила огромную сумму - 1 млрд. франков.

Его следующим делом было восстановление смертной казни за "оскорбление" католической религии.

В 1830 году Карл X издал 6 указов (ордонансов). Разгонялась только что избранная палата (показавшаяся "либеральной"), еще более сужалось избирательное право, сокращалась законодательная компетенция нижней палаты, ликвидировалась свобода печати и собраний.

Ответом на эту политику было июльское восстание 1830 года. После кровопролитных уличных боев Карл X был свергнут и бежал. Руководившая революцией крупная, главным образом финансовая, буржуазия возвела на трон Луи Филиппа Орлеанского, находившегося в родстве с "легитимной" династией.

3. Новое царствование было обставлено новой конституцией. Перемен было, впрочем, мало. Избирательный ценз был понижен незначительно - до 200 франков; для депутатов - до 500. Поэтому и общее число голосующих

выросло незначительно, составив всего 240 тыс. человек (вместо 6 млн., как было бы при всеобщем мужском избирательном праве).

Главное же было не в конституции, а в той ориентации, которой придерживалась Июльская монархия. Слова, произнесенные при коронации Луи Филиппа, "отныне править будем мы - банкиры", оправдались. Наступил период, когда руководящая роль в государстве оказалась в руках небольшой группы финансовых магнатов.

При Луи Филиппе, справедливо писал К. Маркс, господствовала не французская буржуазия в целом, а лишь одна ее фракция - банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы копей и рудников, а также связанная с ними часть земельных собственников - "так называемая финансовая аристократия" ^

Лоуэл справедливо замечает о Луи Филиппе, что он был самодовольным педантом, полагавшим, что человеческую природу можно до бесконечных пределов обманывать фразами. Система, при помощи которой он управлял Францией, "не имела за собой даже заслуги честности".

Г. Гейне рассказывает об одном из приемов этого правительства. 4 января 1832 года неожиданно зазвонил большой колокол собора Парижской богородицы, а одна из его башен загорелась. Прибывшая на место полиция была встречена выстрелами. Пожар быстро потушили. Никто не пострадал. Затем стало известно, что весь этот "заговор" был подстроен полицией по приказанию правительства, желавшего иметь новый повод для реакционных мер и действий.

Б. Вторая республика

1. В 40-х годах XIX века Франция делает заметные успехи в промышленном развитии. На место мануфактуры и кустарной промышленности становится капиталистическая фабрика. Наступает эпоха крупного машинного производства.

Чем дальше заходил этот процесс, тем все определеннее становились его главные следствия:

а) усиление враждебности между рабочим классом, с одной стороны, и буржуазией - с другой;

б) их общее недовольство режимом Июльской монархии. Промышленная буржуазия не желала терпеть политическую монополию финансовой аристократии. Рабочие не могли сносить далее ужасную нужду.

Два бедствия, соединившиеся в 1847 году, довели всеобщее недовольство до революции: первым бедствием был неурожай, вторым - мировой торговый и промышленный кризис.

Используя ситуацию, оппозиционные круги буржуазии требовали снижения избирательного ценза. Таким путем они надеялись завоевать для себя нижнюю палату.

Правительство прекрасно понимало эти намерения. Не желая никаких реформ, оно (в лице главы министерства историка Гизо) ответило оппозиции памятной фразой: "Обогащайтесь, и вы станете избирателями".

Предложения о расширении избирательного права Гизо называл "фанатизмом ума". "В 1789 году, - говорил он, - избирательная система провозгласила всеобщую подачу голосов... которую, однако, ни одна из партий не желала принимать в целостности; никто не допустит этого теперь".

Буржуазная оппозиция протестовала, но дело не шло далее выпадов в газетах и на специально устраиваемых банкетах. Очередной банкет после долгих колебаний был назначен на 22 февраля. Правительство опасалось, что эта демонстрация может разжечь народное недовольство. Депутат Токвиль пугал его картиной приближающейся революции. "Разве не видите вы, - говорил он в палате, - что политические страсти рабочего класса стали уже социальными страстями... что в головы рабочих все глубже проникает идея, которая направлена не против того или иного закона, не против того или иного министерства, нет, - она имеет в виду свалить все современное общество".

Поскольку речь шла о буржуазной оппозиции, правительство не стало прибегать к силе. После переговоров с организаторами банкета условились

таким образом: приглашенные свободно придут на банкет, после этого полицейские комиссары предложат им разойтись: соответствующий протокол будет представлен в суд, который и решит, кто прав - оппозиция или правительство. Это был стовор, при котором обе фракции одного класса "сохраняли свое лицо". Стоило, однако, Луи Филиппу пожелать более твердых действий, и банкет был отменен.

Все последующие события были уже полной неожиданностью. 22 февраля - в день позорно отмененного банкета - в защиту избирательной реформы и против правительства Гизо поднялись рабочие предместья Парижа. Правительство, уже набившее себе руку на подавлении "мятежей", бросило против демонстрантов войска. Кавалерия и пехота атаковали безоружных и мирных людей, требовавших хлеба и реформы. В ответ на это Париж покрылся баррикадами. Борьба продолжалась весь следующий день. В надежде устоять Луи Филипп дает отставку Гизо, выражает согласие на реформу. Слишком поздно!

В кровавом сражении восставшие захватывают Тюильри, королевский дворец. Но короля в нем уже не было: отрекшись от престола, он бежал, спасая жизнь. Его трон выволокли на площадь и сожгли на огромном костре. Франция во второй раз сделалась республикой.

2. Завоевав республику, рабочие надеялись, что она будет социальной, как тогда говорили, то есть обеспечит их достаточным заработком, в первую очередь позаботится об их старости, образовании для детей и т.д. Эти надежды были обмануты.

Учредительное собрание, открывшееся 4 мая, порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции. Оно напрямик провозгласило буржуазную республику, и только ее.

Временное правительство, образованное из лидеров буржуазной оппозиции, позаботилось о том, чтобы состав Учредительного собрания был строго буржуазным.

Министр внутренних дел писал префектам: "Вы меня спрашиваете относительно Ваших полномочий, особенно на предстоящих выборах. Отвечаю на это просто: вы - органы революционного правительства, поэтому полномочия Ваши безграничны (!) и Вы должны применить их для того, чтобы из предстоящих выборов республика вышла победительницей*. Префекты немедленно взялись за дело. Все кандидаты в депутаты исходили от правительства, были, что называется, "официальными". Отсюда и состав Учредительного собрания.

Рабочие вновь восстали, на этот раз не вместе с буржуазией (как в феврале), а против нее. В этом великое историческое значение июньской баррикадной борьбы. Впервые в истории антагонизм буржуазии и пролетариата раскрылся во всей его непримиримости. Как мы теперь видим, через этот антагонизм нужно было пройти, пройти до крайности, чтобы оба класса - пусть через столетие - убедились в возможности некоего социального мира, как он утвердился - при всех возможных оговорках - в передовых странах Европы, Америки и даже Азии.

Поводом к восстанию послужила намеренная ликвидация Национальных мастерских, дававших заработок тысячам безработных. Уволенные должны были отправиться на работу в провинцию (где они были менее опасны для правительства). На просьбу рабочих отменить распоряжение, правительство пригрозило применением силы. "Прекрасно, - ответил на это глава рабочей делегации Пюжоль. - Мы знаем теперь то, что хотели знать".

Выйдя на площадь, где его ждали рабочие Парижа, Пюжоль сказал: "Вы отдали республике три месяца нужды и за это вы получили три месяца измены... Они заплатят за нее".

"Клянемся", - ответила площадь. "Завтра в шесть часов утра", - крикнул Пюжоль, и толпа повторила этот призыв. "Факелы погасли, - пишет историк Эритье, - и кругом воцарилась могильная тишина. Восстание, это страшное июньское восстание началось".

Сражение продолжалось пять дней. Баррикады, начинаясь в предместьях города, упорно продвигались к центру, к городской ратуше. Правительство

поручило расправу над восставшими генералу Кавеньяку. По выражению одного из министров, оно решило "устроить бойню".

Восстание было стихийным. Никто его не готовил. Не было ни определенного плана действий, ни ясной программы, ни руководящего центра. Тем не менее 24 июня по баррикадам стали передавать списки предполагаемого правительства: в нем были имена социалиста Луи Блана, коммуниста-утописта Кабе, стойкого революционера О. Бланки, рабочего Альберта, но также Луи Бонапарта и некоторых Других.

Утром 25 июня стало ясно, что правительство, обладая огромным перевесом сил, побеждает. Тем не менее восставшие не помышляли о сдаче. "К себе на баррикады они привели своих жен и детей, - рассказывает свидетель борьбы, - "мы не можем их кормить, так пусть они умрут вместе с нами". Женщины бросались навстречу штыкам. "Вы убили наших мужей и братьев - убейте же и нас".

Последним бастионом оставалось славное Сент-Антуанское предместье. Здесь восставшие вывесили плакат, определявший цели борьбы, как их тогда понимали: "Мы хотим социальной и демократической республики. Мы хотим самодержавия народа". Здесь гордо отвергли предложение о "примирении". Повстанцы соглашались сложить оружие, если будет распущено Учредительное собрание, войска выведены из города, и при том непременно условии, что "народ сам выработает себе конституцию".

Утром 26 июня сражение прекратилось, но повсюду расстреливали захваченных в плен повстанцев - в казармах, в каменоломнях и многих других местах. Отличилась в зверствах буржуазная Национальная гвардия, приводившая на расстрел сотни человек. Трупы сбрасывали в Сену, и та уносила их в море.

В февральских боях парижский пролетариат потерял более 5 тыс. человек убитыми и ранеными. В июне одних убитых было, по оценке английских газет, не менее 50 тыс. человек. Более 3 тыс. повстанцев было хладнокровно перебито после восстания. Не менее 15 тыс. человек было сослано без суда.

Правительство до конца выполнило свой подлый замысел, начатый роспуском Национальных мастерских".

На стороне буржуазной республики, писал пристально наблюдавший за описанными событиями К. Маркс, стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкая буржуазия, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция и, наконец, крестьянство.

"Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя"².

3. Террор еще продолжал свирепствовать, когда Учредительное собрание возобновило обсуждение новой конституций.

1. Конституция 1848 года объявляла Францию республикой, девизом которой был "семья, труд, собственность и общественный порядок".

Это была, разумеется, буржуазная республика да еще такая, которая отразила на себе все только что пережитые страхи перед победой "анархизма, социализма и коммунизма".

Законодатели хотели было написать: "Собственность, семья, религия, порядок", но написали "труд", надеясь, что эта уловка гарантирует им "классовый мир". Из текста конституции вытекало, что под "правом на труд" понимается не более чем "равенство в отношениях между рабочим и хозяином" и организация "общественных работ, предназначенных доставлять занятия безработным". И это говорилось после разгона Национальных мастерских!

Впрочем, уже по ходу прений было ясно, что ни Собрание, ни те, кто последует за ним, не намерены держаться "права на труд" ни в каком виде. Даже те, кто его защищал, согласились главным образом на "обещания, которые были сделаны в феврале", или взывали к "состраданию", как это прозвучало в речи главы временного правительства Ламартина.

Выступивший против "права на труд" Тьер - тот, кто потом "войдет в историю" залитый кровью парижских коммунаров, - ушел с трибуны, награжденный бурной овацией.

И действительно, все, что было написано в конституции о "труде", осталось пустой фразой.

II. Конституция оставила неприкосновенными всю старую организацию управления, муниципалитеты, суд и армию. Кое-какие изменения, внесенные ею, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий.

III. Самым существенным из новшеств было узаконение всеобщего мужского избирательного права. Отменить его Учредительное собрание не решалось. Но зато был введен ограничительный пункт - шесть месяцев оседлости.

В 1850 году ценз оседлости был увеличен до трех лет, и это - наряду с нарочито сложной процедурой его установления - выбросило из избирательного корпуса три миллиона граждан, главным образом бедняков (поденщиков, батраков, сезонных рабочих).

IV. Учредительное собрание позаботилось начинить конституцию годами мнимодемократической фразеологией. И каждый раз вслед за торжественным провозглашением очередной свободы следовала оговорка, ее ограничивавшая или сводившая на нет.

Вот соответствующие примеры:

"Преподавание свободно. Свободой преподавания можно пользоваться на условиях, предусмотренных законом, и под верховным надзором государства" (гл. 2 ст. 9). Или:

"Граждане имеют право объединяться в союзы, организовывать мирные и невооруженные собрания... высказывать свое мнение в печати..."

Можно было ожидать по такому началу, что тем самым будет отменен ненавистный закон Ле-Шапелъе, упразднятся цензура и предварительные разрешения на проведение собраний, испрашиваемые у полиции.

Но вторая часть статьи гласила: "Пользование этими правами не знает иных ограничений, кроме равных прав других и общественной безопасности".

"Каждый параграф конституции, - справедливо писал Маркс в "Восемнадцатом брюмера", - содержит в самом себе... свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу - в общей фразе, упразднение свободы - в оговорке".

V. Руководствуясь доктриной "разделения властей", конституция поручает издание законов Национальному собранию, исполнительную власть - президенту республики.

-Национальное "собрание" решено было сделать однопалатным. Большинство конституционалистов принадлежало к буржуазным республиканцам, и они опасались создавать верхнюю палату, обычно промонархическую.

Для выборов президента республики был определен тот же порядок, что и для выборов Национального собрания: всеобщее голосование - плебисцит.

Решение это стоило многих прений. Осторожные предлагали, чтобы "министра-президента" избирало и смещало Национальное собрание. Это предложение было отвергнуто. Оно противоречило разделению властей, которое конституция объявляла "первым условием свободного правительства".

Еще большее значение имели политические соображения. Глава исполнительной власти должен был надежно обеспечить "общественный порядок", то есть, говоря яснее, пресекать в самом зародыше не только "июнь", но и "февраль". Эти люди считали "законной" и "допустимой" только ту революцию, которая, разумеется, привела к власти их самих.

Прямые выборы (при тайной подаче бюллетеней) создавали президенту тот же авторитет "народного избранника", что и самому Национальному собранию. У республики оказывалось "две головы", и президент мог в любое время противопоставить себя Национальному собранию.

Грызня между законодательной и исполнительной властями была неизбежна, ее предвидели. "Игра конституционных сил", - так назвал эту систему смещенный и озлобленный Гизо.

В руках президента оказывались все средства исполнительной власти: он раздавал должности, в том числе офицерские, от него зависели органы местного самоуправления, ему фактически подчинялись вооруженные силы (включая Национальную гвардию).

Призрак "18 брюмера" преследовал Учредительное собрание, но оно дало себя убедить в том, что эти страхи напрасны. Ламартин говорил: "Чтобы решиться на акт восемнадцатого брюмера, необходимы две вещи: долгие годы террора в прошлом (имелась в виду якобинская диктатура) и такие победы в будущем, какие были при Маренго". Это рассуждение, по виду такое глубокомысленное, служит (в свете позднейших событий) иллюстрацией к давно известному афоризму насчет того, что единственным уроком истории является тот, что из нее не извлекают уроков., Наделив президента республики всеми атрибутами королевской власти (вплоть до права помилования). Собрание, несмотря на успокоительные речи, терзалось страхом за будущее.

Время от времени депутаты обращали свои взоры на Луи Наполеона, племянника великого Бонапарта. Пять департаментов голосовало за это ничтожество, отдав ему 300 тысяч голосов. Из всех депутатов Собрания он был самым вероятным претендентом на пост президента.

Было постановлено (□ 68 конституции), что всякая попытка президента распустить Собрание есть государственная измена; судьям Верховного суда поручалось в этом случае "немедленно собраться" для суда над президентом: сказывались привычка к пустому разглагольствованию и меньше всего - понимание реальной опасности.

Не прошло и четырех лет, как конституция 1848 года была навеки похоронена. То, что от нее осталось в качестве изобретения, проложившего себе дорогу по всему континенту, - это осадное положение (Ст. 106).

В. Вторая империя

1. В декабре 1848 года президентом Франции был избран Луи Наполеон. Из 7300 тыс. голосов ему досталось 5400 тыс.-

Крестьянство Франции голосовало за Луи Наполеона, связывая с этим именем возрождение былого величия страны, отмену налогов и уничтожение республики.

Рабочие голосовали за Луи Наполеона, чтобы не допустить к власти ненавистного им палача Кавеньяка, бывшего, как и Наполеон, одним из кандидатов в президенты.

Крупная буржуазия приветствовала Наполеона как "переходную ступень к монархии".

2. Лишенный прав переизбрания, президент республики должен был ожидать истечения законного четырехлетнего срока, за которым следовал конец величия. Луи Наполеон решил избежать этой участи любой ценой.

Опираясь на всякого рода сброд, организованный в общество "10 декабря" (день избрания Луи Наполеона), президент республики готовил ее ниспровержение. Все те, кто мог оказать ему сопротивление, отстранялись или перемещались. Все те, кто по своей беспринципности и продажности подходил для задуманного дела, приближались.

К концу 1851 года на стороне переворота оказались главнокомандующий парижским гарнизоном, начальник парижской полиции и многие другие. Вся эта свора остро нуждалась в деньгах для покрытия сделанных ими долгов и потому рассчитывала на переворот.

Особенные усилия были приложены для привлечения к заговору армейских частей. Парижский гарнизон был почти полностью обновлен.

Специальный отряд, составленный из полицейских, получил приказ об аресте 78 человек, среди которых 16 были лидерами оппозиции в Национальном собрании.

Оснований для ареста найти не могли и потому в приказах написали: "Участие в комплоте (заговоре) против безопасности государства".

Заговорщики заняли Бурбонский дворец - резиденцию Национального собрания - и все основные правительственные помещения, включая министерство внутренних дел. На улицы столицы были выведены войска, только что прибывшие из Африки, развращенные колониальным подавлением и потому "надежные".

Захват Бурбонского дворца обошелся без кровопролития. Командующий стражей полковник Эспинас был разбужен и тотчас подкуплен: ему вручили

100 тыс. франков, которые он тщательно пересчитал, перемежая это занятие коньяком.

Утром 2 декабря 1851 года специальная прокламация оповестила Париж, что "именем французского народа" президент республики распускает Национальное собрание.

Из текста другой прокламации можно было заключить, что переворот совершен ради следующего государственного устройства: президент, избираемый на 10 лет; государственный совет, разрабатывающий законопроекты; законодательный корпус и "уравновешивающий" сенат; министерства, назначаемые и смещаемые по воле президента.

Под видом республики, украшенной всеобщим избирательным правом декретировалась диктатура одного лица.

Нескольким десяткам депутатов удалось проникнуть в Бурбонский дворец. Они горели желанием сместить Луи Наполеона. Они отыскивали президента собрания и пытались навязать ему эту идею. "Право за нами, - ответил им последний, - это бесспорно, но ведь у этих господ сила, и потому нам ничего больше не остается делать, как разойтись".

В тот же день, согласно велениям конституции, собрался Верховный суд. Преисполненные страха, судьи желали одного: чтобы их как можно скорее разогнали. Но о них забыли. Тогда президент суда самолично отвез Бонапарту приглашение явиться для рассмотрения вопроса о его виновности. Только тогда в здании суда появился полицейский комиссар и приказал всем разойтись. Через несколько недель все эти господа вместе с генерал-прокурором принесли присягу новому хозяину.

Начало новой диктатуры было ознаменовано кровопролитием. Пехотные и кавалерийские части, прибегнув к картечи, ружейному огню, сабельным ударам, обрушились на мирные толпы парижан. Жертвами этого погрома, продиктованного подлыми чувствами, сделались около двух тысяч человек. Несколько баррикад, сооруженных в защиту поруганной республики, были взяты, их защитники расстреляны все до одного. У их трупов были расставлены столы с выпивкой и закуской, за которыми веселились офицеры и солдаты.

Дикие расправы над республиканцами совершались по всей остальной Франции. В январе 1852 года получила утверждение новая конституция. В центре всей системы правления находился президент. Власть его касалась как законодательства, так и управления. Он назначал и смещал министров. Суд отправлялся его именем. В его власти находились армия и полиция. Он объявлял осадное положение. Он издавал декреты и утверждал законы.

Единственное "ограничение" власти президента конституция усматривала в системе народных опросов - плебисцитах.

Введение в государственную систему постоянного (хотя и не часто употреблявшегося) плебисцитного элемента создает иллюзию демократизма, но ни в малейшей степени не угрожает основам режима. Соответственно подготовленный властями плебисцит всегда давал тот результат, на который рассчитывало правительство. При этом на плебисцит никогда не выносились действительно острые, задевавшие интересы народа вопросы правительственной политики.

В ноябре 1852 года Наполеон устраняет противоречие между титулом и властью. Сначала сенат, а затем плебисцит провозглашают его императором Франции под именем Наполеона III.

Реальная власть оказалась в руках финансовой и промышленной буржуазии. Никогда прежде не создавалось для нее столь благоприятных условий.

Вторая империя так же, как и первая, родилась в момент, когда напуганная демократическим движением и демократическими реформами буржуазия была настроена особенно контрреволюционно.

Примером этого может служить декрет 1852 г., лишивший прессу гарантий независимости. Доходило до смешного. Одна из парижских газет получила предостережение за фразу: "Император произнес тронную речь, которая, по словам агентства Гавас, вызвала крики "Да здравствует

император!" На запрос газеты полиция ответила, что ссылка на сообщение агентства Гавас содержит в себе "оттенок сомнения".

Комический актер Грассо был арестован за то, что сказал в одном из кафе, где его заставили ждать: "Здесь, как в Севастополе, ничего нельзя получить" (имелась в виду Крымская война)^.

Вторая империя просуществовала до 1870 года. Первые сражения франко-прусской войны обнаружили разложение правительства и армии Франции. Наконец, под Седаном прусско-германские войска заставили капитулировать 100-тысячную французскую армию. Эта катастрофа подняла на ноги Париж. Народ ворвался в Законодательное собрание. Под его прямым давлением были декретированы упразднение империи и восстановление республики - третьей по счету. Это произошло 4 сентября 1870 года.

Власть оказалась в руках узкой кучки профессиональных политиков и военных, присвоивших себе название правительства "национальной обороны". Свои усилия новое правительство Франции сосредоточило главным образом на том, чтобы любой ценой стовориться с Пруссией: боялись революционной ситуации, которая складывалась в результате военного поражения, экономической разрухи, нищеты масс. И, заметим, боялись не напрасно.

Глава двадцать первая Государство и право Парижской Коммуны

1. 18 марта 1871 года пролетариат Парижа восстал после шестимесячной осады города прусскими войсками, измученный голодом и безработицей. Организованный в Национальную гвардию пролетариат провозгласил Коммуну, в которой видел осуществление принципов той "социальной республики", за которую он тщетно боролся в 1848 году.

Временная власть - впредь до выборов - оказалась в руках Центрального комитета Национальной гвардии.

В дни осады Парижа правительство, уступая давлению народа, желавшего сражаться с врагом, разрешило создание 200 новых батальонов Национальной гвардии. Они оказались пролетарскими.

Демократически избранный, социалистический по своим убеждениям, Центральный комитет объявил о переходе правительственной власти в руки рабочих.

"Они поняли, - говорилось в воззвании ЦК, - ...что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы..."

Правительство Тьера, реакционное до мозга костей, бежало в соседний Версаль. Две силы: пролетарский Париж, с одной стороны, и буржуазная Франция - с другой, - оказались в состоянии гражданской войны.

2. Добиваясь торжества своих социалистических принципов, парижский пролетариат должен был взяться за разрушение враждебного ему государства.

Коммуна ликвидировала постоянную армию, распустила старую полицию. Не стало буржуазного суда. Церковь была отделена от государства. Буржуазное чиновничество, не признавшее Коммуну и ее бойкотировавшее, было сметено указом о выборности должностных лиц.

3. Не меньшей важности вопрос заключался в том, чем заменить разбитую Коммуной государственную машину.

Центральный комитет Национальной гвардии начал с выборов в Совет Коммуны.

Члены ЦК - и это делает им честь - полагали, что, выбранные в качестве руководителей Национальной гвардии, они не имеют права на постоянную правительственную власть, тем более для всей Франции.

Выборы в Совет Коммуны производились по городским округам, на основе всеобщего избирательного права и при совершенной свободе мнений.

Поэтому в первоначальный состав Совета попало некоторое число буржуазных представителей - врагов Коммуны, но они тотчас устранились.

Не менее половины депутатов (более 40 из 80) составляли рабочие. Остальные принадлежали к разного рода интеллигентным профессиям. Ни сколько-нибудь единой партии, ни твердого

большинства в Совете Коммуны не создалось. Руководящую роль играли в нем главным образом бланкисты (последователи О. Бланки), бывшие настоящими революционерами, но очень неясно представлявшими проблемы социалистического переустройства общества.

По справедливому определению К. Маркса, Совет Коммуны был "не парламентарной, а работающей корпорацией". Смысл этой фразы разъясняется далее замечанием: Коммуна не была только законодательным или только исполнительным органом; она была такой "работающей корпорацией", которая в одно и то же время законодательствует и исполняет законы". Разделения властей не существовало. Что касается сложившейся ситуации, это не может быть предметом критики.

Совет Коммуны понимал характер созданной им организации и сознательно стремился к ней. В одном из протоколов Коммуны прямо говорится о том, что Совет Коммуны должен быть "совокупностью комиссий, работающих совместно, а не парламентом, где каждый стремится сказать свое слово".

Исполнение законов, осуществление политики Совет Коммуны поручил 10 комиссиям, 9 из которых имели строго определенную компетенцию: финансовую, просвещения, юстиции, внешних сношений, труда и обмена, общественных служб, обороны, общественной безопасности и др. Роль координирующего центра играла особая Исполнительная комиссия, составленная из делегатов всех прочих комиссий.

В поисках наилучшей формы управления Коммуна не избегала реорганизации своего аппарата. В конце концов утверждается принцип: обсуждать коллегиально, отвечать одному. В соответствии с этим во главе комиссий был поставлен делегат (член) Коммуны, наделенный широкими полномочиями. Состоявшие при нем комиссий приобрели значение совещательных коллегий.

Комиссии, в свою очередь, опирались на широкий актив, особенно на профсоюзы и другие рабочие организации. В особенной степени это относится к комиссии труда и обмена; все основные меры, ею осуществленные (а среди них - организация биржи труда, регулирование труда женщин и подростков), принимались с учетом мнений, высказанных представителями профсоюзов.

Были приняты меры, направленные на то, чтобы пресечь дорогу бюрократизму и полновластия чиновников. Одним из декретов предписывалось, чтобы заработная плата чиновников - сверху донизу - не превышала заработка рабочего. Выборность, подотчетность и сменяемость должностных лиц стали важнейшими принципами государственной организации.

Для поступления на некоторые должности требовалось пройти через конкурс или держать экзамен (перед тем предоставлялась возможность стажирования в будущей должности).

Коммуна разработала и опубликовала план государственного переустройства Франции. Он был назван "Декларацией к французскому народу" (19 апреля).

Это очень короткий план, но его принципы вполне определены. Франция должна была стать республикой, объединяющей свободные коммуны, организованные по типу Парижской. И города, и самые малые деревни должны были обладать полнотой самоуправления, ограниченной одним - полнотой прав соседних коммун и интересами страны в целом.

К компетенции каждой такой коммуны Декларация относил утверждение местного бюджета и разверстку налогов, управление всеми местными службами, организацию суда и полиции, народного просвещения, управление местными имуществами.

Соответственно с тем коммуны должны были заботиться о правильном и подлинно свободном пользовании правом собраний и печати.

Каждой коммуне предоставлялось право иметь собственную военную силу в лице национальной гвардии, свободно избирающей своих офицеров.

Коммуны при всей их автономии объединялись в главном городе округа. Окружные собрания посылали депутатов в Национальную делегацию, заседающую в Париже. Центральное правительство наделялось немногими, но очень важными функциями.

Конечно, это был план для того будущего времени, когда сломленный враг перестанет оказывать сопротивление. Пока шла борьба, Коммуна отдавала предпочтение строгой централизации власти. Управление 20 округами Парижа было сохранено, например, в руках особо назначенных

делегатов Совета Коммуны. Избрание соответствующих муниципальных органов в этих округах было отложено.

В последние дни борьбы с версальцами наученный опытом Совет принял решение о создании Комитета общественного спасения, наделенного самыми широкими полномочиями.

4. Коммуна не рассчитывала на то, чтобы несколькими декретами достичь всеобщего благоденствия. Предстояла целая эпоха преобразований.

Декретом от 16 апреля Коммуна постановила, что Комиссия труда и обмена в сотрудничестве с делегатами от различных отраслей промышленности должна определить способ передачи покинутых капиталистами предприятий в руки кооперативных рабочих обществ. При этом не исключалась уплата компенсации.

Другим актом - уставом Луврских мастерских - вводился рабочий контроль над производством, мера, воспринятая большевиками в первые месяцы Советской власти, для подготовки национализации промышленности и транспорта.

В числе других мер, служивших на пользу рабочему классу, следует отметить отмену ночной работы булочников, запрещение штрафов и вычетов из заработной платы рабочего, возвращение заложенных в ломбардах мебели, одежды, белья и орудий труда.

5. Особую группу мер составляют те, которые относятся к деятельности суда, к охране общественной безопасности.

Коммуна предполагала обновить судебный аппарат на основе выборов, но в качестве временной меры было принято назначение судей исполнительной комиссией Коммуны. Низшей судебной инстанцией остались мировые судьи. Многие из них были простыми рабочими. Они разбирали незначительные уголовные и гражданские дела.

Для более серьезных уголовных дел был создан особый суд, заседавший вместе с присяжными заседателями. Он назывался "обвинительным жюри".

Для заседателей не требовалось никакого имущественного ценза. Ими становились на тех условиях, что и солдатами Национальной гвардии, - все граждане начиная с 17 лет.

Несмотря на осаду и террор версальского правительства, обвинительное жюри было связано рядом процессуальных гарантий. Обвинение поддерживалось прокуратурой.

Вопросы, касавшиеся процессуальных гарантий для обвиняемых и арестованных, в том числе активных сторонников версальского правительства, были предметом острой дискуссии в Совете Коммуны. Некоторая часть членов Совета, и далеко не худшая, настаивала на строгом соблюдении процессуальных гарантий независимо от переживаемой ситуации. Известны резкие прения по вопросу о секретном заключении для некоторой категории арестованных.

Прокурор Коммуны Риго, как свидетельствует протокол заседания Коммуны от 24 апреля, заявил протест против решения, дающего право каждому члену Совета посещать заключенных и беседовать с ними (в интересах надзора): "Если кто думает, что можно вести следствие без секретного заключения, я вполне готов уступить ему свое место..."

Ему возражают. Арну говорит: "Я решительно протестую. Секретное заключение - нечто безнравственное. Это - физическая пытка. Не только необходимо уничтожить секретное заключение, но и само следствие сделать гласным..."

Этот давний спор не перестает волновать. Процессуальные гарантии нужны в любой ситуации, которую переживает революция, хотя нельзя приносить им в угоду интересы последней. Коммуна была вправе требовать надзора за тюрьмами, но для этого достаточно было следственной комиссии и прокуратуры.

Бурных дебатов стоил декрет Коммуны о закрытии реакционной прессы, служившей рупором врага, источником клеветы, легальным информатором Версаля о военных делах Парижа. Людям, которые только что выступали за полную и неограниченную свободу печати, было нелегко решиться на ее законодательное ограничение. Они видели в этом "измену принципам". Снова

и снова история ставила перед деятелями Коммуны проблему революции и демократии, демократии и диктатуры.

Заккрытие реакционной прессы рассматривалось в качестве временной меры. Но находились члены Коммуны, которые не довольствовались словом "потом". "Сколько лет нам говорят это слово! - восклицал Тейс. - Мы протестуем против подобных слов, это все те же средства".

Мы не можем касаться сколько-нибудь подробно вопросов тактики, но вряд ли достойны осуждения колебания Коммуны по отношению к Французскому банку, в котором видели достояние всей нации, неприкосновенное для нужд одного города.

Колебания и нерешительность, проявленные Коммуной в ряде вопросов политики и тактики, были не раз предметом суровой марксистской критики. Вместе с тем они яркое свидетельство высоких нравственных идеалов подлинно пролетарского освободительного движения. Ни малейшей борьбы за власть ради самой власти.

6. Трагический финал Коммуны общеизвестен. Обладая перевесом сил, версальское правительство сумело овладеть Парижем. Но перед тем оно столкнулось с героическим сопротивлением защитников Коммуны, с таким образцом воинской храбрости и непреклонности, какие еще не были известны в истории гражданских войн.

Коммунары умирали, как подобает героям. Их сотнями расстреливали без суда - по выбору офицеров - и тут же зарывали во дворах, на бульварах. Зарывали нередко и еще живыми.

Потом, когда не менее 30 тысяч человек было расстреляно, вспомнили о суде. Еще 50 тысяч человек поплатились каторгой, тюрьмой, ссылкой.

Примечательно поведение обвиняемых на суде. Известная Луи за Мишель, возглавлявшая женские организации Коммуны, требовала себе смертного приговора: "Смерти в Сатори, где пали мои братья". "Всякое бьющееся за свободу сердце имеет только одно право - право на маленький кусочек свинца, и я требую своей доли".

Член Коммуны Ферре сказал судьям: "Никогда я не стану спасать свою жизнь подлостью. Свободным жил я, свободным и умру... завещаю будущему заботу о моей памяти и мести за меня".

Могла ли Коммуна победить? Конечно, нет. Находясь между двумя армиями - французской и немецкой, - Коммуна была бы неминуемо раздавлена, что и случилось.

Франция, на что надеялись коммунары, не пришла им на помощь. Недоставало оружия, медикаментов, продовольствия. По мере приближения конца таяли ряды самой Национальной гвардии. Под конец осталась горстка бойцов.

Но что осталось от Коммуны - это ее опыт. И он был широко использован большевиками в борьбе за власть, раньше всего был отброшен либерализм Коммуны: "диктатура пролетариата" предполагала твердую и неделимую власть правящей партии и, конечно, безграничный "революционный террор".

Глава двадцать вторая Третья республика во Франции

1. Отдав Германии Эльзас и Лотарингию, обязавшись пятимиллиардной контрибуцией, Национальное собрание Франции, избранное в феврале 1871 года, приобрело мир, хотя и позорный.

После того главной задачей Собрания стала выработка конституции. На это ушло 4 года.

Большая часть депутатов желала восстановления монархии, хотя бы конституционной. Они боялись, однако, реакции рабочего класса и республиканцев вообще. Трудности усугублялись еще наличием трех претендентов: легитимистского (старшая линия Бурбонов), орлеанистского (потомок Луи Филиппа) и бонапартистского.

В конституционной комиссии заседали 20 монархистов и 10 республиканцев. Главные усилия большинства были затрачены на то, чтобы оттянуть время до благоприятного момента.

В конце концов даже Тьер вынужден был высказаться за республику ("раз нельзя усадить на один трон всех трех претендентов"). Его устранили (1873 г.), и временным президентом был избран монархист генерал Мак-Магон, "величайший осел Франции".

Клерикальные круги увидели в этом победу монархии. Сторонники легитимистского претендента, графа Шамбора, уже ожидали въезда короля в столицу, любовались его каретой и лошадьми. Легитимистские дамы, по свидетельству А. Франса, вышивали королевские лилии на белых перевязях.

Но как раз разразился конфликт из-за цвета знамени. Шамбор потребовал белого и отказался от трехцветного. Не меньшее впечатление произвели его намерения применить силу "для восстановления общества на его естественном основании".

В начале 1875 г., несмотря на все усилия Мак-Магона и правых партий Собрания, все большее число депутатов стало склоняться к признанию республики. В стране уже раздавались голоса в пользу нового Собрания.

Предложение провозгласить республику, внесенное в июне 1874 года, было отклонено большинством в 30 голосов. В январе 1875 года это число сократилось до 20.

Наконец 29 января 1875 года, на следующий день после того, как республика была вновь отклонена, Собрание приняло "конституционную поправку", внесенную историком Баллоном. Она гласила: "Президент республики... назначается на 7 лет".

О том, чего это стоило, говорит речь самого Баллона: "Я не предлагаю провозгласить республику, но предлагаю продолжить правительство, которое в настоящее время существует и которое есть правительство республиканское". Таким образом Валлон оставлял место для монархического переворота. Конституция 1875 года была замышлена как временная.

"Поправка" была утверждена большинством одного голоса. "Желал бы я знать, какому болвану принадлежит этот голос, который вернул нам эту пакостную республику". - выразился на своем казарменном языке "президент республики" Мак-Магон.

2. Характер французской конституции 1875 года определялся в конечном счете теми изменениями, которые произошли в экономической и социальной жизни страны.

Среди них следует раньше всего отметить завершение (или почти завершение) перехода к крупной машинной промышленности, предвещавшего наступление новой исторической эпохи.

Социалистические движения потерпели поражение, оставив после себя "скорее чувство уныния, нежели бодрости" (Ф. Энгельс). Условия, в которых находился пролетариат, оказались более или менее устойчивыми. Даже колебания, периодически вызывавшиеся промышленными кризисами, стали привычными условиями существования.

Одним словом, как констатировал Ф. Энгельс в письме Каутскому 8 ноября 1884 г., "буржуазное, капиталистическое развитие оказалось сильнее, чем революционное противодействие".

Замышленная в качестве временной, конституция 1875 года оставляет без внимания такие непеременные атрибуты, как функционирование правительства, положение судей, вотирование бюджета и пр.

Главные орудия переворота создавались самой конституцией: президент, которого заблаговременно объявили неответственным, и вторая палата - сенат.

Избрание президента производилось абсолютным большинством Национального собрания. Он мог быть переизбран на любой новый срок. Конституция наделяла его правом личного командования армией так же, как правом роспуска палат в любое желательное время. Он имел право помилования и потому мог выручить из тюрьмы любого из своих единомышленников.

Жалованье президента должно было служить финансированию переворота. Ему платили 1 200 000 франков ежегодно, включая 600 000 франков на содержание двора и "представительство".

Многих усилий стоил вопрос о комплектовании сената. Конституционная комиссия хотела, чтобы не менее 150 его членов (из 300) назначались президентом. Против этого предложения выступили республиканцы и те из правых депутатов, которые боялись не попасть в сенат при Мак-Магоне. Большинством в 12 голосов предложение комиссии было отклонено. Тогда комиссия и даже министры демонстративно отказались от дальнейшего обсуждения конституции.

В конце концов был достигнут следующий компромисс: из 300 сенаторов 225 выбираются на 9 лет, 75 назначаются пожизненно. Выборы поручались особым коллегиям, членам которых были по преимуществу деревенские мэры - кулаки.

Нижняя палата (депутатов) избиралась всеобщим мужским избирательным правом.

3. Несмотря на все старания, монархический переворот не удался во Франции. Вместе с тем должен был уйти в отставку Мак-Магон.

16 мая 1877 года Мак-Магон смещает республиканский кабинет министров, новые назначения получили сплошь монархисты. Это было переворотом или началом его. Палата депутатов протестовала и была распущена.

Новые выборы были проведены с применением всех средств насилия над избирателями. Ненадежные префекты были смещены. Вслед за ними были уволены неугодные чиновники. В кампанию против республики включилась церковь.

Тем не менее выборы дали полную победу республиканцам. Это была знаменательная победа. Она свидетельствовала раньше всего о том, что французская деревня перестала быть монархической: Вторая империя дискредитировала в ее глазах тот идеал, которому она служила со времени Наполеона.

Выборы свидетельствовали о возрастающей роли французского рабочего класса, который, несмотря на только что пережитое поражение, поднялся как один в защиту республики. Наконец, и армия не была более монархической. Всеобщая воинская повинность, установленная в 1872 году, вовлекла в ее ряды молодых людей всех классов. И это привело к изменению ее ориентации.

Заговор рухнул, но Мак-Магон не сдавался. Он попытался назначить новое монархическое правительство. Палата прибегла к бойкоту правительства и самого президента. Тогда наконец Мак-Магон понял, что его время прошло.

В 1884 году республиканцы, все еще опасаясь происков монархической реакции, провели закон, запрещающий ставить вопрос об изменении республиканской формы правления.

4. Тем не менее конституция оставалась (хотя и с некоторыми изменениями). Ее республиканские элементы получили развитие, тогда как монархические остались на бумаге.

По общему согласию партий на пост президента начали выбирать незначущих людей. К ним стали применять английскую кличку *outeider*, как было принято называть лошадь, не являющуюся фаворитом. Таким, например, был президент Феликс Фор. Неожиданно выдвинутый, он получил в первом голосовании 214 голосов и провалился. Но во втором туре его издал внезапный успех - 430 голосов. Это не помогло ему выбиться из ничтожества.

В конце концов президент был лишен возможности исполнять по собственной воле любую из своих прерогатив. Правительство должно было иметь согласие палаты депутатов. Роспуск (как и отклонение законопроекта) палаты стал фактически невозможным. Командование армией отошло к правительству, военному министерству, генеральному штабу.

Когда Ф. Фор самым серьезным образом потребовал формы, в которой ему было бы прилично производить смотр войск (сидя на лошади), это вызвало повсеместный хохот.

Обыкновенным явлением было то, что число неучтенных голосов (пропавших) превышало число учтенных, определивших состав Собрания. Вот 5. Палата депутатов избиралась чаще всего по округам, на основе мажоритарной

системы относительного большинства. Каждый округ избирал одного депутата. Но партий было много, и потому выставлялось много кандидатов. Побеждал в конце концов тот, кто набирал относительно больше голосов по сравнению с конкурентами. Бывало, что кандидат получал абсолютное большинство голосов в своем округе. Но гораздо чаще случалось другое. Его большинство было на самом деле меньшинством.

Представим себе, что 5 тысячам избирателей предстоит избрать одного депутата из пяти кандидатов. Допустим при этом, что голоса разобьются таким образом: 2000 - 1500 - 1000 - 450 - 50. Избранным будет признан первый, несмотря на то, что против него голосовали все остальные (3000 человек). Мало того, что мажоритарная система искажала волю избирателей. Повсюду царили покупка голосов, продажность депутатских мандатов.

Известный политический деятель того времени Гамбетта говорил в одной из речей: "Уже начинают покупаться голоса. Развращение и пороки проводятся в избирательную массу (возмущенные крики оппозиции). Не прерывайте меня, иначе я назову имена (оппозиция тотчас смолкает). Кандидатуры делаются предметом публичного торга. Возникает новый предмет торговли, новая политика помещения капиталов в избирательный округ. Да, есть округа, на которые набросились разные промышленники, рассчитывая, что избирательные расходы все-таки будут стоить меньше, чем те выгоды, которые могут получиться для их фирм".

Состав палаты депутатов был очень пестрым вследствие царившей здесь многопартийности. В то время как в Англии или Соединенных Штатах господство попеременно пребывало в руках одной из двух партий, во Франции его добивались по крайней мере десятком, а то и более клик. Здесь не было единой монархической партии, но сразу три. Здесь не было единой республиканской партии. Бурная политическая история (начиная с 1789 г.), с одной стороны, необычайная дробность социального состава страны - с другой, породили разнообразие политических группировок: одни принимали "идеал" республики 1795 года, другие защищали режим 1875 года, третьим нравилась республика 1848 года.

Названия, которые избирали себе разнообразные политические группировки в стране и парламенте, служили прикрытием их действительных намерений.

Либералами, например, называли себя те, кто требовал введения "закона божьего" в правительственных школах; демократами и даже левыми демократами называли себя представители крупного землевладения и только потому, что они разрешали себе критиковать политику крупнокапиталистических кругов. Слова переставали что-нибудь значить. По ним ничего нельзя было ронять. Для этого существовали другие определители. Если республиканец выступал с прилагательным "искренний", в нем, не без основания, различали скрытого монархиста; если к общеизвестному партийному названию присоединялся эпитет "независимый", это было всегда признаком уклона вправо. Если депутат "защищал" "права семейства", это был клерикал, если "свободный труд" и "уважение к собственности", - консерватор и т.д.¹.

6. Многопартийность палаты исключала устойчивое большинство, а без него не было устойчивого правительства. Средняя продолжительность кабинетов составляла 8 месяцев. За 39 лет - с 1875 по 1914 гг. - сменилось 48 правительств.

Но, как это ни странно, кабинеты свертались и сменялись, а министры, их составлявшие, оставались. Происходила некоторая перестановка мест, перемещение с поста на пост. Выпадали незначительные, с которыми можно было не считаться. Новым министром чаще всего делали какого-нибудь особенного крикуна из рядов парламентской оппозиции. Став министром, он переставал быть опасным, а старый кабинет - в его новом облачении - продолжал делать свое дело.

Известный в свое время Бриан оставался министром в течение многих лет, несмотря на смену кабинетов, а Фрейсине оставался министром 13 раз (4 раза он был премьером). Можно вполне понять Клемансо, главу радикалов, прозванного "тигром", когда в ответ на замечание: "Вы опрокидывали все

правительства" - он ответил: "Нет, одно единственное и всегда то же самое".

Свержение правительств было чаще всего результатом запросов, делаемых членам кабинета или премьеру, причем нередко по второстепенным вопросам. За всем этим скрывались обыкновенно эгоистические интересы клик, мечтавших добраться до министерских кресел ради осуществления выгодных финансовых операций и проч.

Несмотря на постоянную угрозу свержения, кабинет министров и особенно его глава приобретали все большую власть. В тех случаях, когда нельзя было рассчитывать на поддержку палат, они проводили свою линию явочным порядком, ставя парламент перед фактом. Правительственные акты ("регламенты") превосходили как по численности, так и по значению законодательство парламента.

Совет министров Франции был в ту пору немногочисленным. Среди одиннадцати министерств только два имели компетенцию в экономических вопросах - министерство земледелия и министерство торговли, промышленности, почт и телеграфа.

7. Местного самоуправления не существовало. Реальная власть в департаментах принадлежала ставленникам правительства. Префекты департаментов со всем вниманием следили за тем, что происходит в Париже, стремясь попадать в тон. От населения, которым управляли, они не зависели.

Со времени Великой французской революции правящие классы Франции смотрели на департаменты как на возможные опорные пункты оппозиции правительству. Поэтому здесь стремились держать у власти надежных людей. Значение так называемых генеральных советов департаментов, "избираемых населением", было ничтожно.

8. Касаясь политического режима Третьей республики, следует отметить двоякий процесс. С одной стороны, известное расширение свобод, в особенности свободы печати и собраний. С другой - постоянное тяготение к реакции, доходившее до открытого похода против демократии.

В 1881 году палата депутатов после ожесточенной схватки с монархистами и клерикалами уничтожила ограничения печати, установленные в предшествующий период. Отменялось предварительное разрешение на издание газет; преступления печати передавались суду присяжных (за исключением случаев опозорения (диффамации) частных лиц): закон разъяснял, что критика правительственных действий не попадает под понятие "преступлений печати". Такими преступлениями продолжали считаться: подстрекательство к убийству или невыполнению долга военнослужащими.

Свобода собраний была установлена законом 1881 года. Для того времени это было несомненным достижением. Запрещалось, однако, проводить собрания на улице или площади. Кроме того, полиция, которую следовало заранее оповещать о собраниях, могла прекращать их по некоторым обстоятельствам, например, при возникновении драки. Поэтому, когда желали срыва собрания, достаточно было нанять молодчиков, специально тренированных на этот счет.

В 1884 году была наконец разрешена свобода ассоциаций, что означало отмену запрета, введенного законом Ле-Шапелье.

Оценивая и сравнивая обе указанные тенденции, можно заметить несомненное преобладание второй. Недаром американский государствовед Лоуэл констатировал для Франции того периода "тенденцию ограничивать свободу личности, подчинять ее контролю и надзору правительства".

Поворот к реакции в особенной степени определился в 1893-1894 гг., когда под предлогом борьбы с "анархическими происками" развернулась широкая антидемократическая кампания. "Злодейский закон" 1894 года разрешил применять ссылку в тропическую Кайену на каторжные работы всех заподозренных в "пропаганде анархизма" (не говоря уже о других акциях).

Политическая реакция достигла крайних пределов с началом известного процесса Дрейфуса.

Еврей по происхождению, буржуа по своему социальному положению, офицер по должности, Дрейфус был с заведомо провокационной целью обвинен в том, что

выдал иностранной державе план одной захудалой французской крепости. Военный суд, заседаая при закрытых дверях, приговорил его к вечному заточению на Чертовом острове (архипелаг Спасения).

Основанием для приговора послужило заключение графологической экспертизы, признавшей руку Дрейфуса в "изобличающем" его документе (так называемое бордеро).

Дрейфус вины не признал ни на суде, ни во время позорной публичной церемонии срывания погон и изгнания из армии, устроенной после суда.

Реакционная печать, подстрекаемая правительством, накаляла страсти, особенно антисемитские.

В основе всего лежало стремление клерикалов и реакционеров ликвидировать республику. Эта клика рассчитывала, как пишет Анатоль Франс, что, поверив в предательство еврея, возмущенная, дрожащая от страха Франция лишит гражданских прав иудеев, а заодно протестантов, нагонит страх на демократов, что вместе с тем будут отменены демократические свободы. "Смущенные и обозленные люди толпами попадались в ловушку, расставленную антисемитами".

Следствие по делу Дрейфуса велось с нарушением элементарных процессуальных правил. За ним установили постоянную слежку в камере, к нему врываются по ночам, чтобы прочесть на его лице признание вины, - точь-в-точь, как в средние века.

Судьи не были свободны в своих действиях. В 1883 году "несменяемость судей" была приостановлена ради чистки судебного аппарата. В течение трех месяцев было уволено множество либеральных судей, и это послужило уроком для всех других. Судьи убедились, пишет Лоуэл, что они "обязаны скорее оказывать услуги, чем отправлять правосудие".

После приговора за дело его пересмотра взялись лучшие люди Франции, "дрейфуссары". К ним принадлежали Э. Золя и А. Франс.

Вскоре было установлено, что истинным автором бордеро является князь Эс-тергази. Но его хотели выгородить во что бы то ни стало. Газеты публикуют письма Эстергази, содержащие оскорбления в адрес Франции, письма изменника. Тем не менее его оправдывают, а Золя и его издателя приговаривают к тюремному заключению (за "диффамацию").

Но процесс Золя, речи его адвоката, замечательного юриста Лабори, всколыхнули Францию, способствовали отрезвлению.

В самом генеральном штабе армии нашелся человек, полковник Пикар, восставший против очевидного подлога. Пикар был устранен. Камарилья негодяев, прикрываясь "высокой политикой", утверждала, что раскрытие правды поколеблет единство нации, подорвет авторитет армии и проч. Как будто "единство" и "авторитет" стоят многого, если за ними - преступление.

Но правда неостановима. Под давлением обстоятельств, в обстановке всеобщего возмущения - естественного после стольких разоблачений - правительство Франции оказалось перед необходимостью пересмотреть приговор. В 1899 году Дрейфус был помилован, в 1906 году полностью реабилитирован, восстановлен в правах и в прежней должности.

Клерикально-монархическое правительство было свалено на выборах 1899 года. Франция вступает в полосу относительно либеральной политики. Но последствия дела Дрейфуса были неискоренимы. Воспользовавшись "делом", реакция почти полностью обновила государственный аппарат, изгнав из него честных людей и демократов, заменив их реакционерами, подобранными полицией.

Глава двадцать третья От Германского союза к Германской империи

1. Великая французская революция, "точно громовая стрела", ударила в тот хаос, в ту уже фактически распавшуюся феодальную империю, которой являлась тысячелетняя "Священная Римская империя германской нации".

Наполеон I довершил дело ее разрушения. Он уничтожил самостоятельность "вольных" городов и отдельных "суверенностей". Вместо нескольких сотен государств осталось несколько десятков. Значительная часть Германии - ее прирейнские области - была поставлена под непосредственное управление Франции. Здесь были уничтожены крепостное право и феодальные привилегии, введен Гражданский кодекс 1804 года.

Поражение Наполеона не восстановило старой империи. Вместо нее Парижским трактатом 1814 года был образован так называемый Германский союз в числе 34 государств - королевств, княжеств, герцогств и немногих свободных городов. Каждое из объединившихся государств сохранило свою независимость; главенство в союзе принадлежало Австрии.

Германский союз никоим образом не решал проблемы объединения Германии. Сохранялись даже таможенные пошлины, и их последующая отмена была событием.

Орган Германского союза, "Союзный сейм", прозванный из-за своего состава "коллекцией мумий", заботился только о том, чтобы в Германии ничего не менялось. Тон во всей этой политике задавал всесильный австрийский министр Меттерних, одна из самых мрачных фигур европейской политической реакции.

Австрия играла при нем роль всеевропейского жандарма (наряду с царской Россией).

Реакция вовне сопровождалась террором внутри страны: тайные суды, всесильная полиция, почти нескрываемая перлюстрация писем, а вместе с тем народная нищета, с одной стороны, и безумное расточительство - с другой. С финансами было совсем плохо, несмотря на ограбление Италии и славянских стран, захваченных Австрией. "На меня и Меттерниха еще хватит", - утешал себя император Австрии Фердинанд.

По всей Германии торжествовала реакция. Дворяне вернули себе прежнюю власть над крестьянством, феодальные суды и барщину, право охоты и "кровавую десятину" (налог на забитый скот). В ряде областей помещики удержали за собой феодальное право безнаказанного бессудного убийства крестьянина. Сохранился и налог, заменивший право первой ночи.

Движение протеста не шло далее узких рамок студенческих корпораций. Студенческая молодежь устраивала еще шумные собрания, на которых сжигалась порой "капральская палка" (символ ненавистного полицейского режима), и этого одного было достаточно для массовых репрессий. "В Германии, - пишет историк Блосс, - воцарилась кладбищенская тишина, которая нарушалась только хвалебными завываниями сверху в честь временщиков".

После того как в 1819 г. студентом К. Зандом был убит реакционный публицист Коцебу, германские государства по инициативе Меттерниха создали межгосударственную следственную комиссию, преследовавшую любое проявление "либерализма".

332

Террор еще более усилился после революции 1830 года во Франции. Всякое свободное слово преследовалось цензурой, тюрьмой, каторгой.

Правительства Германского союза охотно пользовались услугами платных и добровольных доносителей. Одним из них-и наиболее известным - был литературный критик В. Менцель, по доносу которого были запрещены как вышедшие из печати, так и еще печатавшиеся книги Г. Гейне, Гуцкова и др.

2. Буржуазное развитие Германии между тем совершалось, хотя и медленно. Его воздействием следует объяснить Таможенный союз 1834 года, заключенный между Пруссией, Баварией, Саксонией и некоторыми другими германскими государствами; он сближал между собой коммерческие классы различных государств и областей Германии, концентрировал их силу, способствовал переходу всей массы этих классов в лагерь либеральной оппозиции. Германская буржуазия стала втягиваться в борьбу за власть.

Созданный по инициативе Пруссии Таможенный союз был ее крупным успехом. Он привлек на сторону Пруссии всю буржуазию средних и мелких германских государств, и с течением времени она привыкнет смотреть на Пруссию как на свой экономический, а затем и политический форпост.

Приблизительно в тот же период заявляет о своем существовании германский рабочий класс. Знаменитое выступление силезских ткачей (1844 г.) положило начало борьбе немецких рабочих с феодализмом и деспотизмом.

Нищета и обездоленность силезских рабочих, особенно ткачей, не поддается описанию. За 16 часов ежесуточной работы ткач мог рассчитывать - и то в лучшем случае - на ничтожную сумму 110-120 марок в год. Голодная смерть была здесь обыкновенным делом. А когда зимой 1847-1848 гг.

вздорожали продукты питания (следствие недорода), здесь стал умирать каждый двенадцатый. Доведенные до отчаяния рабочие начали громить машины на фабриках, дома хозяев. Ответом были массовые расстрелы и экзекуции.

Французская революция 1848 года дала наконец давно ожидаемый повод к борьбе. Столица Пруссии Берлин покрылся баррикадами (март 1848 г.). Пока пролетариат сражался с войсками, буржуазные либералы упрашивали прусского короля согласиться на некоторые перемены. Наконец они были обещаны, и борьба прекратилась. Среди них фигурируют: уничтожение помещичьих судов и полицейской власти помещиков над крестьянами; распространение суда присяжных на политические преступления; выборы в учредительный ландтаг (Национальное собрание).

Буржуазно-демократическое движение охватило и другие германские государства. Чтобы выиграть время для расправы с ним, короли и князья дали свое согласие на созыв во Франкфурте-на-Майне Учредительного собрания. Составленное из депутатов всех государств, оно должно было дать Германии единую конституцию. Но, к сожалению, франкфуртское Собрание не оправдало надежд германской демократии. Чем дальше развивались события, тем все больше выявлялись непримиримые противоречия, раздиравшие левую и правую части Собрания. Июньская битва в Париже способствовала переходу германской буржуазии на сторону крайней реакции. Вооруженная буржуазная гвардия стала стрелять в рабочих с тем же фанатизмом ненависти, что и во Франции. Крестьяне дали себя успокоить обещанием отмены феодальных повинностей.

Вместо того чтобы действовать, левая часть Собрания дала себя втянуть в бесконечные дискуссии, бывшие на руку реакционным правительствам. А когда революция была раздавлена, франкфуртское Собрание было просто-напросто разогнано штыками. Выработанный им проект общеимперской конституции остался на бумаге.

Конституция, выработанная Национальным собранием Пруссии (1849 г.), содержала в себе некоторые элементы "либерализма", и потому король Фридрих-Вильгельм IV потребовал ее пересмотра. Было решено наконец созвать новое собрание, избранное по особой системе, двустепенными и открытыми выборами.

Система эта получила название куриальной. Суть ее - в следующем. Избиратели - все мужчины определенного возраста - делятся на три "класса", курии. Первые две курии составляют крупные налогоплательщики. В последнюю зачисляются все остальные избиратели. Каждая курия выбирает одинаковое число выборщиков.

Таким образом, две первые курии - в численном отношении незначительная кучка - избирали две трети выборщиков. На долю последней, многомиллионной курии оставалась всего одна треть.

Выборы дали нужный правительству результат: из 350 членов Собрания 250 были чиновниками. Новая прусская конституция (1850 г.) стала, как и следовало ожидать, конституцией торжествующей контрреволюции. Уступки, сделанные буржуазии, были ничтожными.

Торжество контрреволюции было отмечено по всей Германии. В Саксонии участники дрезденских боев были брошены в каторжные тюрьмы, где их в виде наказания морили голодом. Особым изобретением палаческой фантазии сделалось приковывание к ноге заключенного дубового бревна, которое следовало таскать за собой. Смертные приговоры и расстрелы без суда свирепствовали в Бадене, Баварии и многих других германских государствах.

Конституция 1850 года создавала две палаты с законодательной властью. Нижняя из палат была выборной, верхняя состояла из принцев крови, князей, а также других назначенных короной пэров.

Поначалу верхняя палата, названная "палатой господ", была наполовину выборной, наполовину назначенной. В 1852 году прусский двор надумал превратить ее в полностью назначаемую пожизненно и наследственно. По требованию короля, Бисмарк как министр отстаивал этот план и добился его принятия. Только много позже он понял, что был неправ.

Палата, писал он в своих мемуарах, имеющая какое-то число выборных членов, пользовалась у населения престижем, какого никогда не имела палата, ее сменившая (то есть целиком назначенная). А между тем престиж, пишет Бисмарк, - это очень важно, если палата хочет играть отведенную ей роль "исполнителя оборонительных задач". Когда верхняя палата становится в глазах общественного мнения органом правительственной или даже королевской политики, это свидетельствует о дефекте в конституции.

Иногда бывает даже полезно, продолжает Бисмарк, чтобы ничтожная сама по себе и безопасная палата демонстрировала некоторую видимость независимости в суждениях. Правительству бывает иногда на руку побуждать палату к безобидному несогласию, чтобы не очень уж бросалось в глаза ее действительное положение "дублера правительственной власти". Комментарии излишни!

Законодательная власть палат парализовалась абсолютным вето короля. По мысли последнего, сущность конституции 1850 года состояла не в том, чтобы в данный момент или когда-либо в дальнейшем создать новую правительственную систему, а в том, чтобы благодаря "трем вето" - обеих палат и решающему королевскому - помешать "произвольным изменениям существующего положения".

Помимо абсолютного вето на постановления палат, конституция предоставляла прусскому королю законодательную инициативу. Он оставался непререкаемым главой исполнительной власти.

Королю не возбранялось столько раз распускать парламент (ландтаг), сколько он сочтет нужным и когда он сочтет нужным. Много раз это действительно делалось, причем нередко еще до того, как нижняя палата собиралась на свое первое заседание (если не нравился ее состав).

Министры правительства не были подотчетны ландтагу, вотум недоверия был им не страшен. Они не знали, что такое коллективная ответственность. Их действительным главой являлся король, и только перед ним они отвечали за свои действия.

Конституция 1850 года не лишена некоторых деклараций насчет равенства граждан перед законом, свободы слова, собраний, союзов, неприкосновенности личности. Вместе с тем было сделано все для того, чтобы эти свободы оставались мнимыми.

Свобода собираться, например, была обставлена условиями: только в закрытом помещении и не на квартире устроителя.

За этим странным требованием скрывалась простая хитрость: помешать тем, у кого недостает денег на то, чтобы нанять помещение.

В отмену старого закона, согласно которому никакое учебное заведение не могло быть открыто без разрешения правительства, конституция провозгласила свободу обучения. Но закона о праве открывать школы не было издано, и потому все осталось по-старому.

В других случаях правительство всегда имело возможность обойти неудобный закон. Конституция запретила цензуру на печатные издания. В 1863 году в период острой избирательной борьбы Бисмарк, обозленный нападениями оппозиционной прессы, издал, помимо палат, временное распоряжение о введении последующей цензуры. Печатный орган, получавший три предупреждения правительства, подлежал закрытию. Когда выборы были выиграны, Бисмарк с лицемерным смирением представил распоряжение на утверждение палат, хотя прекрасно знал, что оно не будет утверждено. Так и случилось, но дело было сделано. Бисмарк понимал, что обязанная ему победой клика депутатов не посмеет поднять вопрос об ответственности, да и он не боялся ее, поскольку речь шла об ответственности перед палатами.

Гораздо больший резонанс имел другой "конституционный конфликт" между Бисмарком и ландтагом. В течение четырех лет Бисмарк тратил огромные деньги на вооружение прусской армии, несмотря на прямое

запрещение ландтага. По общему правилу, его следовало судить. Но как только была выиграна война с Австрией (1866 г.) и Пруссия стала самой сильной державой Германского союза, раболепный ландтаг постановил о полной реабилитации министра.

Обшита парламентскими формами, прусская конституция оставалась по своему содержанию конституцией абсолютной монархии, способной удерживать дворянство с опорой на буржуазию, а эту последнюю - с опорой на дворянство.

3. Всеобщая воинская повинность (введенная в Пруссии еще в 1814 г.) и огромные траты на армию (22 млн. таллеров ежегодно при общем бюджете в 51 млн.) делали Пруссию единственным серьезным конкурентом Австрии в Германском союзе. Конфликт между ними решился в войне 1866 года, затеянной из-за герцогства Гольштейн.

В 1864 году Пруссия вместе с Австрией напала на Данию. У последней были отторгнуты две области - Шлезвиг и Гольштейн. Первая отошла к Пруссии, вторая - к Австрии. Через два года после этого Пруссия, придравшись к случаю, силой вытеснила австрийские войска из Гольштейна.

Нелишне отметить, что всего только за три месяца до войны прусский король Вильгельм говорил в присутствии императора Австрии, что Пруссия "не имеет никаких прав на герцогства и потому не может предъявлять никаких претензий на них". Тем не менее война началась и публике было заявлено, что Пруссия, де, озабочена положением немецкого меньшинства в Дании. Из этого видно, что гитлеровская дипломатия не была для Германии такой уж новинкой.

В битве при Садовой (1866 г.) Пруссия разбила австрийскую армию. С этого времени надежды германской буржуазии на воссоединение страны в единое государство стали связываться с Пруссией и ее правительством. Бисмарк стремился оправдать эти надежды. Он ни минуты не сомневался в том, каким должен быть путь к объединению: "Не речами, не постановлениями большинства... а железом и кровью!"

4. Несмотря на то, что победа над Наполеоном и так называемый Священный союз поставили Австрию в центр европейской политической жизни, дни ее величия были уже отмерены историей. Как и в прошлые века, Австрия (собственно, несколько не очень значительных немецких областей) продолжала удерживать и эксплуатировать огромные славянские территории - Чехию, Моравию, Словакию, Хорватию, Далмацию, Силезию, Буковину, Галицию, а кроме них север Италии (Ломбардию) и всю Венгрию. Как в Пруссии, так и в Австрии удерживался реакционный политический и экономический строй - с крепостным правом и безграничной властью дворянства, с огромным бюрократическим аппаратом, строго централизованным, с многочисленным и всемогущим жандармским корпусом. Но революция 1848 года захватила и Австрию. Она отмечена многодневными боями в Вене, восстанием в Праге, освободительным движением в Венгрии. Революция смела Меттерниха и привела к власти Учредительное собрание.

Реакция восторжествовала, однако, и здесь. Крестьяне успели завоевать себе личную и имущественную свободу, и это осталось почти единственным достижением австрийской революции 1848 года.

Овладев положением, австрийская монархия возвратилась к прежней политической системе.

Между тем все более обнаруживалась экономическая и военная слабость Австрии, объясняемая ее политическим и социальным строем. Недаром Энгельс называет Австрию слабой, нищей, истощенной страной. В 1859 году она потерпела поражение в войне с итальянским объединительным движением и потеряла Ломбардию. В 1866 году она, как мы уже знаем, была бита Пруссией.

Пытаясь удержать рассыпающуюся империю, правительство Австрии предоставило некоторые незначительные права по управлению местными делами Чехии и другим национальным районам. В столице империи стал функционировать "парламент" - рейхсрат, состоящий из двух палат - палаты господ и палаты депутатов. Первая сделалась средоточием принцев, высшего дворянства и духовенства, вторая - финансистов, фабрикантов, чиновников.

Стремясь "приласкать" Венгрию, чтобы обрести в ее лице надежного союзника для угнетения других народов империи, Австрия предоставила ей в 1867 году внутреннюю автономию. Венгрия получала право на свои законодательные органы, на свое правительство. Общие дела Австрии и Венгрии должны были решаться с помощью делегаций от их представительных органов, созываемых ежегодно.

Император Австрии объявлялся одновременно с тем королем Венгрии и таким образом объединял в своем лице обе части двуединой империи". Официальным названием ее сделалось - Австро-Венгрия.

5. Объединение Германии было необходимым условием ее экономического и политического развития. Оно было оправдано уже единством языка и культуры.

Объединение это могло совершиться двумя путями. Пример первого пути показали события 1848 года. Революционный путь объединения должен был привести к возникновению великогерманской республики. Но он не удался.

Развитие пошло по второму пути. Сделавшись самым сильным из германских государств, Пруссия взялась за объединение по-своему, стремясь возвести здание империи на фундаменте прусской политической системы. Важную роль в решении этой задачи сыграл упоминавшийся выше первый министр Пруссии, помещик Отто фон Бисмарк.

В 1862 году, приехав в Лондон, Бисмарк сказал британскому премьеру Дизраэли: "В непродолжительном времени я буду вынужден взять на себя руководство политикой Пруссии. Моя первая задача будет заключаться в том, чтобы с помощью или без помощи ландтага реорганизовать прусскую армию. Далее я воспользуюсь первым удобным предлогом для того, чтобы объявить войну Австрии, уничтожить Германский союз, подчинить своему влиянию средние и мелкие государства и создать единую Германию под главенством Пруссии. Я приехал сюда затем, чтобы сообщить об этом министрам королевы".

Этот план неукоснительно выполнялся. Разгром Австрии, как мы уже знаем, свел в могилу Германский союз.

Вместо него Пруссия создала Северогерманский союз государств, принявших ее главенство. В следующем, 1867 году Союз получил уже конституционное устройство. Управление им осуществлялось "президентом" в лице прусского короля, канцлером в лице прусского первого министра и двумя палатами, из которых нижняя - рейхстаг - избиралась всеобщим избирательным правом. Некоторые другие германские государства вроде Ганновера и Нассау были попросту присоединены к Пруссии.

За пределами Союза оставались лишь большие и влиятельные южногерманские государства (Вюртемберг, Бавария и др.). На пути к их насильственному объединению в рамках единой империи стояла Франция: появление большого и сильного государства у самых ее границ было для Франции неприемлемым.

В 1870 году Пруссия получила наконец возможность спровоцировать войну с Францией (которую, впрочем, не менее желал и Наполеон III).

Конфликт возник из-за замещения вакантного испанского престола, на который как Франция, так и Пруссия намеревались возвести своего человека. Франция требовала от Пруссии отказа от испанских планов. Прусский король, помнивший Йену и Тильзит и потому боявшийся войны с Францией, занял примирительную позицию. Бисмарк, шантажируя угрозой отставки, требовал "твердости". Обедая с руководящими генералами прусской армии, Бисмарк спросил их, когда лучше начать войну с Францией - сейчас или позже. Те высказались за немедленные действия.

Тогда Бисмарк, имея поручение короля сообщить Наполеону и прессе о телеграмме, составленной в умеренных выражениях, "вычеркнул", как он сам пишет, "кое-что из телеграммы... не прибавив и не изменив ни слова".

"Так-то звучит совсем иначе, - заметил Мольтке, - раньше она звучала сигналом к отступлению, теперь фанфарой, отвечающей на вызов". Генералы обрели вкус к еде и питью, вспоминает Бисмарк, и заговорили бодрым тоном

Расчет Бисмарка заключался в том, чтобы оскорбить Францию и тем самым вынудить ее к объявлению войны. "Важно, чтобы мы были теми, - сознается он в своих мемуарах, - на кого напали".

Так оно и случилось. Мы приводим эту часть воспоминаний Бисмарка для того, чтобы иллюстрировать то, как делалась и как еще делается так называемая большая политика.

Разгромив Францию, Пруссия лишила южногерманские государства свободы выбора. Волей-неволей они должны были заявить о своем согласии войти в состав единой Германской империи. В 1871 году Германская империя получила конституцию. Согласно этой конституции, в состав империи входили 22 монархии (Пруссия, Бавария, Саксония и др.) и несколько вольных городов, в том числе Гамбург. Конституция наделяла всех их известной независимостью, но в действительности то был союз, в котором не было даже и формального равенства членов.

1. Главой империи объявлялся король Пруссии - самого большого из всех германских государств (60% населения, свыше половины всей территории). Ему присваивался титул императора. Он был главой вооруженных сил империи, он назначал всех имперских чиновников, включая канцлера - главу правительства. Император же назначал делегатов в верхнюю палату парламента и мог, если желал, осуществлять непосредственное руководство министрами.

II. Верхней палатой империи являлся Союзный совет - бундесрат. Нормы представительства земель в бундесрате были установлены самой конституцией. Из 58 депутатов бундесрата 17 представляли Пруссию, остальные государства империи имели в нем от одного до шести депутатов.

Конституция предоставляла бундесрату законодательную власть - наряду с рейхстагом - и значительную долю исполнительной власти. Он имел постоянный аппарат, специализированный в разных областях государственной деятельности. Решающее влияние на работу бундесрата оказывала, разумеется, Пруссия. Председателем Союзного совета (бундесрата) был, по положению, канцлер империи - прусский министр, назначаемый прусским королем.

Для отрицательного решения по любому из важных вопросов политики достаточно было 14 голосов, меж тем как Пруссия (одна!) имела в бундесрате 17 голосов (а затем 22).

Господство Пруссии было столь очевидно, что мелкие государства воздерживались от делегирования своих представителей в бундесрат.

III. Нижняя палата парламента называлась, по традиции, рейхстагом. Он избирался сначала на три, а затем - с 1887 года - на пять лет. Законодательная инициатива рейхстага была незначительной, так же как и его реальное значение в общей системе германских властных структур. Когда, случалось, рейхстаг отклонял правительственный законопроект, правительство легко обходило это препятствие, проведя через бундесрат несколько отредактированный "указ" - с тем же содержанием, что и отклоненный рейхстагом закон.

Никакого контроля над министрами рейхстаг не имел. Неоднократные попытки рейхстага изменить ситуацию введением ответственного - перед парламентом - правительства парализовались противодействием Бисмарка и его людей в бундесрате.

Рейхстаг избирался всеобщим мужским избирательным правом при тайном голосовании.

Как это ни странно, но именно Бисмарк настоял на всеобщей подаче голосов, хотя именно он не раз говорил, что считает всеобщее избирательное право "вредным институтом". Бисмарк не скрывал и того, что питает глубокое презрение к общественному мнению, признавая за это последнее одно только мнение "образованных людей в парламенте и прессе", Бисмарк оставлял за ними право на некоторое влияние - и только.

Причины, заставившие Бисмарка ввести всеобщее избирательное право, чисто политические. Он опасался, что без этого труднее будет осуществить объединение Германии. Нужно было показать другим европейским державам, что объединение Германии "одобрено народом", и потому пришлось, как он

выразился, "бросить на сковородку крупнейший из тогдашних либеральных козырей – всеобщее избирательное право, чтобы отбить охоту у монархической заграницы совать пальцы в наш национальный омлет".

Досрочный роспуск рейхстага мог быть произведен простым постановлением Союзного совета, и это не раз делалось.

IV. Имперское правительство было представлено в единственном лице – канцлера Бисмарка. Кабинета министров не существовало. Министры, ведающие определенным кругом обязанностей, были не столько коллегами канцлера, сколько его подчиненными, его заместителями (по данному ведомству).

Задним числом оправдывая свои методы, Бисмарк писал: "Действительную ответственность в делах большой политики может нести... только один единственный руководящий министр, а отнюдь не анонимная коллегия с мажоритарным голосованием" (имелся в виду Совет министров).

Функции имперского правительства были весьма широкими. Помимо политики и армии, оно ведало банковским делом и патентами, уголовным и гражданским правом, законодательством о ремеслах и профсоюзах, санитарной и ветеринарной службой и т.д.

На долю местных правительств приходилось главным образом исполнение имперских законов.

V. Реакционная по своему основному строю и духу конституция 1871 года была наполнена юридическими нелепостями и несообразностями. "Президент" империи был связан контрастностью канцлера, которого он назначал и смещал по своему усмотрению. Конституция ограничивала власть императора Союзным советом, но как прусский король он мог приказывать своим представителям

в бундесрате провалить любой неудобный закон, касающийся финансов и военного дела.

Сам император (Вильгельм I) носился с идеей ликвидации парламента и всеобщего избирательного права. Император требовал, чтобы преподавание истории велось не от Греции к современности, а, наоборот, от современности к прошлому, ибо это, по его мнению, способствовало бы выработке верноподданнических чувств. Французская революция и социалистические движения должны были трактоваться как "преступления против бога и людей".

По своему классовому содержанию конституция 1871 года была выражением неписаного, но явного союза, установившегося между феодально- Junkерским землевладением и быстро растущим прусско-германским капиталом.

7. Объединение Германии способствовало быстрому промышленному росту страны. Вскоре Германия станет перегонять Англию. Вместе с тем 'быстро росла численность немецкого рабочего класса Германская социал-демократия становится крупнейшей из социалистических партий Европы. В 1867 году за кандидатов этой партии голосовало уже полмиллиона человек.

В создавшейся ситуации Бисмарк прибег к мерам уголовной и административной репрессии. По его настоянию рейхстаг проводит так называемый исключительный закон против социалистов 1878 года. Тюремное заключение и крупный штраф угрожали каждому за состояние в организации, желавшей "свержения существующего государственного или общественного строя путем социал-демократических, социалистических или коммунистических устремлений".

На основе "исключительного закона" правительство добилось тюремного заключения для 1500 членов социал-демократической партии и высылки 900 человек, к ней принадлежащих; 1300 печатных изданий партии было запрещено.

При всем этом "исключительный закон" не дал ожидаемых результатов. В 1881 году за социалистов проголосовало меньше, чем в 1877 году, но в 1884 году – уже больше (540 тыс.), а в 1890 году – почти полтора миллиона. В том же году "исключительный закон" был отменен. Вместе с ним был устранен и сам Бисмарк.

В этой войне Германия потерпела сокрушительное поражение. Империя рухнула.

8. Обделенная в колониальном отношении Германия рвалась к переделу мира. Уже внешняя политика Бисмарка навлекла на Германию ненависть всего человечества. Его преемники следовали тем же путем: колониальные захваты в Африке, неслыханные жестокости в колониальной войне против Китая (при подавлении так называемого боксерского восстания), непрекращавшиеся инциденты и провокации (в особенности против Франции, о которой Бисмарк писал, что Германия "никогда не будет жить с ней в мире") следовали друг за другом. Наконец убийство австрийского эрцгерцога (наследника) в сербском городе Сараево дало желанный повод к большой войне. Все империалистические державы в большей или меньшей степени стремились к ней и ответственны за нее. Но инициатива войны лежит на Германии.

Глава двадцать четвертая Возникновение новых национальных государств в Европе

А. Объединение Италии

1. В течение веков Италия, раздробленная, плохо управляемая, тем не менее богатая, служила поочередной добычей крупных европейских держав - сначала Франкской монархии и Германии, затем (с конца XV в.) Франции и Испании. Последней одно время (с 1559 г.) удается почти полностью вытеснить Францию и установить непосредственный контроль над всеми итальянскими государствами.

Завоевания XVI века сопровождались страшными грабежами. В 1529 году испанцы, захватив Рим, предали его настоящему погрому. Промышленность страны пришла в запустение. Резко упала торговля итальянских городов с другими странами, чему способствовали усиление Турции на Черном и Средиземном морях, а еще больше - великие географические открытия, приведшие к перемещению морских путей.

Развитие капиталистических отношений было прервано. Более того, в исключение из общего мирового закона наблюдается обратное развитие: промышленный и торговый капитал устремляются в сельское хозяйство, где начинается новый расцвет мелкой земледельческой культуры, устанавливается господство феодально-аристократических клик, крепостнический гнет возрождается во всей его былой красе. Страна Возрождения становится страной католической и феодальной реакции.

Ни одно чужеземное господство не дало Италии политического единства. До конца XVII века страна расчленилась на II государств, среди которых самыми значительными были: Неаполитанское королевство, герцогство Миланское, Пьемонтское королевство, герцогство Тоскана (Флоренция), Папская область, Венецианская республика.

В начале XVIII столетия Австрии удается захватить некогда богатые северные провинции - Ломбардию (Милан) и Тоскану.

2. Кратковременное пребывание Наполеона Бонапарта в Италии не принесло ей свободы. Но оно способствовало развитию буржуазных отношений.

Были уничтожены политические и таможенные перегородки, открыт путь торговле и внутренним экономическим связям, велось большое дорожное строительство.

Правительство Наполеона упразднило феодальные отношения в деревне, ликвидировало инквизицию, ввело в действие французские гражданский и уголовный кодексы.

Поражение Франции уничтожило большую часть этих перемен. В полной мере восторжествовала реакция, поддерживаемая австрийскими штыками.

Со времени Венского трактата (1815 г.) Австрия становится господствующей в Италии державой. Ломбардия и Венеция, сведенные в номинальное "королевство", управлялись из Вены. Во главе пяти других итальянских монархий (Тоскана, Лукка, Модена и др.) оказались австрийские чиновники. В Неаполь вернулись реакционнейшие Бурбоны.

Только в Пьемонте ("Сардинском Королевстве", как оно официально именовалось) - небольшом северо-западном углу Италии - продолжала удерживаться независимая по отношению к Австрии "национальная" (Савойская) династия. Здесь, как и повсюду, были восстановлены абсолютизм и феодализм - на уже не в той мере, как это было до Наполеона. Не стало

судебной власти помещиков над крестьянами, церковная и монастырская земля осталась у ее новых собственников.

Пьемонту суждено было сыграть роль объединительного центра всей Италии. Но пока это случилось, тысячи и десятки тысяч революционеров и патриотов спланивались в тайные союзы, чтобы, каждый день рискуя жизнью, готовить грядущую, горячо желаемую национальную революцию.

Тайные союзы карбонариев состояли главным образом из интеллигенции, патриотических элементов буржуазии, дворянства, офицерства.

В 1820-1821 гг. карбонарии подняли восстания в Неаполе и Пьемонте. И здесь и там правительства должны были согласиться на конституции, устанавливающие режим ограниченной монархии. Восстания эти были подавлены войсками Меттерниха. Конституции уничтожены.

Та же участь постигла национально-освободительную революцию 1831 года, охватившую Папскую область, Модену, Парму и другие мелкие государства.

3. Борьба за объединение Италии приобретает особый размах после революции 1848 года во Франции. Волна национального движения сметает австрийских ставленников в Парме, Модене и Тоскане. Неаполитанский король во второй раз жалуется своим подданным конституцию. То же самое делает римский папа в своей области ("Понтификате").

Поддержав народное восстание в Ломбардо-Венецианских областях, правительство Пьемонта объявляет войну Австрии и добивается очищения Италии от австрийских гарнизонов. Плебисцит узаконил присоединение Ломбардии, Тосканы и вслед затем Модены и Пармы к единому Сардинскому Королевству (1860 г.).

Но и на этот раз воссоединение удалось лишь отчасти. За пределами нового государства остались Неаполь и Папская область.

4. Ради их присоединения правительство Пьемонта пошло на союз с демократическим освободительным движением, возглавленным Мадзини и знаменитым Гарибальди. Сравнительно небольшие военные силы Гарибальди, поддержанные народом, совершили фантастически смелый марш, приведший к падению Неаполитанского королевства.

В результате военных успехов Гарибальди открывались возможности для объединения Италии революционным путем, установления в ней республиканского строя, осуществления демократических и социальных перемен, выгодных народу. Но, будучи блестящим военным руководителем, Гарибальди показал себя недостаточно опытным и последовательным политиком. Монархисты одержали победу, добившись присоединения Неаполитанского королевства к Пьемонту (1860 г.).

Поражение Наполеона III в войне с Пруссией вымело французские войска из Рима и Папской области., В том же 1870 году объявила о своем присоединении к новому государству Венеция.

Король Пьемонта переехал в Рим, объявленный столицей Италии. На карте Европы появилось новое государство.

5. Конституцией Италии сделался монархический Пьемонтский статут.

Принятый в 1848 году Статут был составлен с расчетом на преобладание короля и его верхней палаты (состоящей из принцев крови, епископов, высших сановников, генералов и прочих лиц, назначенных королем), так называемого сената.

И король и сенат обладали, правом бессрочного. отлагательного вето в отношении законопроектов. Назначение министров принадлежало королю. Он же командовал армией и осуществлял высшую .судебную власть.

Нижняя палата ("депутатов") избиралась 2-3 процентами населения страны, так как непременным требованием был высокий имущественный ценз.

В 1882 году избирательное право было изменено: от избирателя стали требовать ценза грамотности, удостоверенного специальным экзаменом (если не было диплома). Альтернативой образования была уплата высокого прямого налога. Грамотных было, однако, так мало, что число избирателей увеличилось с 2 до 7% населения.

Применение Статута имело своим результатом постепенное приближение к традиционной парламентской системе: нижняя палата приобрела решающее слово в вопросах бюджета и налогов; король не применял права вето; установилась ответственность министров перед палатой депутатов; порицание сената могло быть игнорировано правительством и т.д.

При всем том политический режим оставался антидемократическим. Правительство присвоило себе право приостанавливать законы и издавать собственные распоряжения по предметам, которые Статут относил к ведению парламента.

Было в обычае, что парламент, обсудив законопроект в самом общем виде, предоставлял правительству составить его окончательный текст и представить на подпись королю. Легко понять, какие при этом открывались возможности, хотя и делалась оговорка насчет учета мнений, выраженных во время дискуссий в палате.

Так было, например, с законом 1882 года, с уголовным кодексом и др. Чиновничество, обладавшее властью, было продажно сверху донизу так же, как и министры правительства, и депутаты парламента.

В 1893 году обнаружилось, что министры и их глава Джолитти мошенническим образом присваивали деньги, принадлежащие Римскому банку. Джолитти пал. На его место пришел Криспи, первым делом прибегнувший к расстрелам сицилийских крестьян, не имевших средств для уплаты налогов. Через год после своего падения Джолитти предъявил документы, изобличавшие нового премьера в тех же мошенничествах, в которых был повинен сам.

По вопросам, которые условились называть "второстепенными", чиновники получали право систематического нарушения "свобод", включая право собраний, переписки и пр. Они имели право "предупредительных" арестов, которым широко пользовались по малейшему подозрению.

В 1876 году, например, было арестовано 94 тыс. "политических", из которых многие просидели в тюрьме долгие месяцы и были отпущены "за отсутствием доказательств".

Заслуживает упоминания избирательная реформа 1912 года, расширившая круг мужчин-избирателей (число голосующих дошло до 8 млн.).

б. Особое место в новом государстве занял Ватикан. Римский папа стал считаться главой иностранного государства. Ему отдавались соответствующие почести, чиновники и полицейские не могли проникать на территорию Ватикана. Папе была ассигнована из бюджета Италии значительная сумма.

Но папы настаивали на своей светской власти. Они объявляли себя узниками Ватикана и до 1888 года не появлялись даже в соборе св. Петра (находящегося за пределами папской резиденции). Они отказывались принимать деньги от правительства и запрещали членам католической партии участвовать в выборах в палату депутатов (ибо это было бы косвенным признанием правительства).

Б. Образование Болгарского государства

1. В апреле 1876 года в Болгарии произошло новое восстание против турецкого гнета, окончившееся разгромом восставших и жестокими казнями.

Восстание ускорило выступление России против Турции. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. закончилась полным разгромом Турции и освобождением Болгарии.

Независимо от целей, преследовавшихся царским правительством, русско-турецкая война 1877-1878 гг. сыграла прогрессивную историческую роль. Она принесла болгарскому народу свободу, облегчила и ускорила крушение самого закоренелого абсолютизма в Европе.

По условиям завершившего войну Сан-Стефанского мирного договора, Болгария, хотя и осталась в зависимости от Турции, объявлялась свободной в своих внутренних делах.

Но Англия, Германия и Австро-Венгрия не желали создания самостоятельного славянского государства на Балканах. Они потребовали пересмотра Сан-Стефанского договора.

По решению специально созванного в Берлине конгресса, Болгария была разделена на три части: Македония и Фракия были возвращены Турции; Южная Болгария (названная Восточной Румелией) превратилась в автономную

турецкую провинцию; из Северной Болгарии образовалось Болгарское княжество, поставленное в вассальное по отношению к Турции положение.

Болгарский народ не желал мириться с реакционным Берлинским трактатом. В 1885 году в столице так называемой Южной Болгарии произошел переворот, результатом которого было воссоединение южной и северной частей страны.

В ответ на это Австро-Венгрия спровоцировала Сербию на войну с Болгарией. Но война окончилась победой Болгарии. Провозглашение ее полной независимости состоялось 5 октября 1908 года. Болгарское княжество преобразовалось в царство.

2. Освобождение Болгарии имело своим следствием ликвидацию турецкого феодального землевладения и остатков крепостничества.

В соответствии с решением Берлинского конгресса земельные владения турецких помещиков подлежали выкупу. Условия выкупа и размер выкупных платежей были установлены болгарским правительством.

Развитие капиталистических отношений, для которого были созданы благоприятные условия, имело своим следствием быстрое обнищание и новое обезземеливание болгарского крестьянства.

Спустя три года после формальной отмены крепостного права в Болгарии насчитывалось 530 тыс. крестьян, имевших в той или иной степени самостоятельное хозяйство. Через пять лет их число уменьшилось до 416 тыс.

В то же время число батраков увеличилось в течение 1891-1893 гг. на 23%. В 1905 году в Болгарии насчитывалось уже более 165 тыс. сельскохозяйственных рабочих - почти на 70% больше, чем в 1893 году.

Ликвидация феодальных отношений в Болгарии и переход земли в руки крестьян были завершены в течение 8 лет, с 1877 по 1885 годы. Турецкие землевладельцы выселились в Турцию. Болгарская буржуазия - городская и сельская - превратилась в единственный господствующий класс.

3. Учредительное собрание, созванное для рассмотрения органического закона, собралось в 1879 году в Тырнове, отчего принятая им конституция получила название "Тырновской".

В Учредительном собрании определились две партии. Одна - консервативная - выражала интересы верхов болгарского купечества, ростовщиков, кулаков, реакционного духовенства. Другая - либеральная - была партией болгарской мелкой и средней буржуазии, партией ремесленников и интеллигенции.

Принятая конституция¹ устанавливала ограниченную монархию. Законодательная власть осуществлялась "народным представительством", исполнительная власть вручалась князю (с 1908 года он стал называться царем).

Министры назначались и увольнялись царем, но несли ответственность перед Народным собранием, которое было вправе предавать их суду.

Устанавливалось два вида народных собраний: великое и обыкновенное. И то и другое были однопалатными. Великое состояло из двойного числа депутатов (по сравнению с обыкновенным) и созывалось главным образом для обсуждения вопросов об изменении и пересмотре конституции.

Активное и пассивное избирательное право (последнее начиная с 30 лет и при условии грамотности) принадлежало только мужчинам.

Царь мог распустить народное собрание, с тем чтобы новые выборы состоялись не позже чем через два месяца. Законы должны были приниматься Народным собранием и утверждаться царем.

Конституция провозглашала равенство прав граждан, неприкосновенность собственности, неприкосновенность личности и жилища, свободу собраний, союзов, печати и т.д., не забыв ограничить использование свобод "полициейскими правилами", интересами "государственного и общественного порядка, религии и добрых нравов".

Введя монархический образ правления, Учредительное собрание позаботилось об избрании монарха. Им оказался прусский офицер, принц 'Александр Баттенберг.

4. В 1881 году, воспользовавшись убийством Александра II в России, Баттенберг совершает государственный переворот. В стране установился режим военно-монархической реакции. На либеральную партию обрушились репрессии. В интересах западных держав и ориентируясь на них, болгарское правительство повело антирусскую политику. Но уже в 1886 году под нажимом русского правительства Баттенберг отрекся от престола. На его место был избран венгерский офицер, католик, немец по национальности, принц Фердинанд Кобургский.

В 1893 году Тырновская конституция подверглась переработке, целью которой было усиление монархической власти за счет "народного представительства". Тем же целям служили конституционные изменения 1911 года.

Царю было предоставлено право заключать договоры с иностранными государствами. Об этих договорах можно было не докладывать Народному собранию. Правительство получало право объявлять в известных случаях военное положение, с которым связывалось действие военно-полевых судов.

В. Образование Сербского государства

1. В 1804 году сербский народ поднялся на восстание и ценой огромных жертв добился освобождения большей части своей земли от угнетателей-турок. Во главе восстания стоял народный герой Сербии Кара-Георгий.

Успехи восстания позволяли создать новые, чисто сербские органы власти. Этот процесс происходил одновременно с превращением сербской старшины, кулачества и торговой буржуазии в господствующий класс, с захватом ими политической власти.

Угнетатели-турки при всем своем презрительном отношении к славянам нуждались в некоторой прослойке местного населения, с помощью которой они могли бы осуществлять функции хозяйственного и политического управления. Эту прослойку составляли разного рода старшины и воеводы, управлявшие под турецким надзором селами, общинами и областями. В немногочисленных сербских городах имелись богатые купцы и хозяева - ремесленники. Все эти социальные группы поспешили использовать восстание, с тем чтобы закрепить за собой власть в стране. Имея деньги и, следовательно, возможность закупать оружие (главным образом за границей), в котором нуждались восставшие, богатые люди становились во главе добровольческих отрядов; другие получали должности в силу своего административного положения, по традиции. Так стали возникать сербские "великаши", пестрые по своему происхождению и составу, сливавшиеся в господствующий класс.

Борьба за независимость Сербии была связана с ликвидацией помещичьего землевладения турок. Она была не только национально-освободительной, но и антифеодальной.

2. В 1806 году в войну с Турцией вступила Россия. При активной поддержке русских армий сербы полностью очистили свою землю от турок. Созванная в 1811 году Скупщина объявила себя учредительной и провозгласила Кара-Георгия наследственным князем Сербии. Его власть была ограничена Управным советом, имевшим законодательные права. Исполнительная власть вручалась шести попечителям (министрам), выбранным из среды Управного совета.

В 1812 году русский главнокомандующий, знаменитый полководец М.И. Кутузов принудил побежденную Турцию к Бухарестскому миру. Одна из статей договора, продиктованная фельдмаршалом, обязывала Турцию предоставить Сербии широкую автономию в делах внутреннего управления.

В том же 1812 году Россия вынуждена была защищаться от нашествия Наполеона. Воспользовавшись этим, турки вторглись в Сербию и залили ее потоками крови.

3. Едва оправившись от поражений и насилий, сербский народ начал новую войну с Турцией (1815 г.).

Под непрекращающимся нажимом России турецкий султан вынужден был "даровать" Сербии новый фирман (1820 г.): глава освободительной борьбы сербов Милош Обренович получал звание обер-князя сербов, турецкие чиновники заменялись сербскими. Во всем остальном положение оставалось прежним. Сербы отклонили фирман.

В 1826 году Россия потребовала выполнения Турцией ст. 8 Бухарестского договора так решительно, как никогда раньше. Турции было заявлено, что дальнейшие проволочки в предоставлении Сербии фактической автономии вынудят Россию начать войну. Турецкое правительство отступило. Аккерманским договором 1826 года было гарантировано невмешательство Турции в дела внутреннего управления Сербией, турецкие помещики (спахии) должны были покинуть страну, но сохранили за собой доходы с имений. За Турцией помимо того сохранялось право содержать в Сербии гарнизон и взимать дань.

Турция всячески оттягивала исполнение своих обещаний. Потребовалось истребление турецкого флота при Наварине (1827 г.), нужно было русской армии подойти к самым стенам Константинополя (1829 г.), чтобы Турция поняла свое положение: султанский фирман 1829 года в торжественных выражениях заявлял о независимости Сербии.

В 1833 году Сербия добилась ликвидации турецкого помещичьего землевладения и на этой основе сумела осуществить важную аграрную реформу. Земля без выкупа отошла тем, кто ее фактически владел. Турецкие помещики были лишены права требовать доходов с ранее принадлежавших им имений.

4. В конце 1838 года русское правительство выработало для Сербии конституцию. Она была утверждена султаном и стала законом страны, действовавшим в течение более 30 лет.

Конституция исходила из принципов разделения властей. Законодательную власть она вручала сенату "из старейших и важнейших лиц сербского народа" в количестве 17 членов. Назначались они князем, но их смещение отдавалось в руки Турции.

Князь был главой исполнительной власти. Он назначал чиновников, приводил в исполнение законы, осуществлял верховное командование армией, имел право помилования. При нем состояли три попечителя (министра): внутренних дел, финансов и юстиции - и канцелярия, ведавшая внешними сношениями.

Учреждалось три суда: примирительный, состоявший из сельских старшин, окружной - первая инстанция по уголовным и гражданским делам и апелляционный, находившийся в столице.

В административном отношении Сербия состояла из 17 округов, делившихся на срезы, общины и села. Во главе округа стоял начальник, назначавшийся из центра.

Конституция 1838 года при всех ее недостатках способствовала объединению областей, внесла относительный порядок в государственно-правовую жизнь и тем способствовала буржуазному развитию Сербии.

5. Очень скоро власть оказалась в руках крупных земельных собственников и высших чиновников, объединившихся под названием "уставохранителей", то есть защитников конституции.

Политической программой уставохранителей было решительное отстранение народа от участия в политической жизни.

Лучше всего об этой программе говорит циркуляр сената его комиссиям, посланным на места. "При исследовании действий разных властей, - говорилось в нем, - как судебных, так и полицейских комиссия должна наблюдать, чтобы при этом не умалить уважения к судьям и другим чиновникам и не внушать народу мысли, что он может подавать мнение о своих судьях и чиновниках, и чтобы он не возмечтал, что от его речей и суждений зависит судьба каждого чиновника, хотя бы это был самый малейший между ними".

Считая себя оттесненной от управления государством, сербская буржуазия была недовольна режимом уставохранителей. В этом она находила поддержку и в широких слоях крестьянства и опиралась на них.

Чтобы пресечь политическую активность, князь и сенат издали закон, который разрешал полицейским властям наказывать любого гражданина без следствия и суда. Другой закон установил смертную казнь за рассуждение о политических делах на сходках.

Политический конфликт между уставобранителями и буржуазной оппозицией разрешился в 1858 году устранением князя (была восстановлена низложенная уставобранителями династия Обреновичей) и пересмотром конституции.

Реформа государственного строя свелась в конце концов к следующему: полнотой законодательной власти была наделена Скупщина (парламент), созываемая каждые три года; назначение и смещение сенаторов стало зависеть от сербского князя.

6. Государственное развитие Сербии было завершено на том этапе конституцией 1869 года. Один из наиболее острых вопросов политической борьбы сербских партий 60-х годов - вопрос о законодательной власти - был разрешен компромиссно. Право утверждения законов было предоставлено только Скупщине, но законодательная инициатива (по вопросам, прямо не предусмотренным в конституции) оставалась в руках князя. Он же назначал некоторое число депутатов. Избирательное право было предоставлено только плательщикам налогов. Князь назначал и смещал министров. Старый сенат был окончательно преобразован в Государственный (Державный) совет, подготовляющий законопроекты, следящий за исполнением бюджета, рассматривающий жалобы на решения министров в спорных административных вопросах и т.п.

Оценивая конституцию 1869 года в целом, следует сказать, что реакционные черты имели в ней несомненное преобладание. Это делало неизбежной борьбу за дальнейшее приближение к парламентарному строю.

7. В 1876 году сербское правительство потребовало от Турции освобождения соседних однопациональных областей - Боснии и Герцеговины - и присоединения их к Сербии. Не получив на этот счет никакого ответа, сербский князь Милан объявил Турции войну.

Этот шаг мог стать роковым для Сербии. Поставленная лицом к лицу с Турцией, Сербия стала терпеть поражение за поражением и была недалеко от полного разгрома. На помощь ей снова пришла Россия.

В 1877 году русские войска начали изгнание турок из Болгарии. Сербы могли продолжать свою борьбу с большим успехом, и вскоре их войска стояли на легендарном Коссовом поле (том самом, на котором пятьсот лет назад турки одержали победу над Сербией).

Сан-Стефанский договор 1878 года, закончивший войну России с Турцией, предоставил Сербии (и Черногории) полную независимость и тем самым сделал ее суверенным государством.

8. Следующее десятилетие было очень бурным для Сербии. В то время как крупные землевладельцы отстаивали консервативные начала в государственном устройстве, во внутренней политике (с ориентацией на Австрию) буржуазия - крупная и мелкая - добивалась парламентского строя с ответственным министерством, а во внешней политике - с устойчивой ориентацией на Россию.

Конфликт этот нашел свое выражение в новой, третьей за 50 лет, конституции (1888 г.). Она отменила право короля назначать депутатов Скупщины и таким образом впервые превратила последнюю в представительный орган. Она же возвратила Скупщине право законодательной инициативы.

Кабинет министров с премьером во главе должен был иметь доверие большинства палаты. Сербская буржуазия торжествовала победу, но торжество это было преждевременным.

Государственный переворот 1893 года восстановил в Сербии неограниченную монархию, и она держалась целых 15 лет. Наконец новый переворот (1903 г.), закончившийся истреблением короля, его семьи, его наиболее опасных сторонников, вернул Сербии конституцию 1888 года.

Буржуазная "радикальная партия" получила большинство мандатов в Скупщине и сформировала кабинет. Курс внешней политики Сербии сделался снова антиавстрийским и прорусским.

В создавшихся условиях Австрия решила пойти напролом. В октябре 1908 года она произвольно и вероломно аннексирует Боснию и Герцеговину, две большие области с коренным сербским населением, воссоединение которых с Сербией было заветным стремлением народа. Национальное чувство сербов

подверглось сильнейшему оскорблению. 28 июня 1914 года австрийский эрцгерцог Фердинанд, совершавший провокационную поездку по захваченной Боснии, подвергся нападению сербских националистов и был убит. Это событие развязало давно подготавливавшуюся первую мировую войну.

Глава двадцать пятая Япония

1. Революция, открывшая дорогу буржуазному развитию, совершилась в Японии в конце 60-х годов XIX столетия. Она известна под названием "реставрации Мейдзи" ("просвещенного правительства").

Феодальные отношения, в течение многих веков господствовавшие в Японии, в своих основных чертах были сходны с европейскими. Маркс даже замечает, что "Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками".

В Японии существовало фактическое прикрепление крестьянина к земле, по отношению к которой он считался наследственным держателем. Уплачиваемая им продуктовая рента достигала 60-80% урожая. Помимо нее существовали денежная рента и отработки.

Система пятидворок, схожая с китайской, связывала крестьян круговой ответственностью. Круговая порука была и в самой семье: брат отвечал за брата, отец за детей и т.д.

В японских городах издавна существовали цехи, служившие формой организации ремесленников, и купеческие гильдии. Цеховые и гильдийские уставы регламентировали не только производство товаров, но и личную жизнь своих членов.

Японский феодальный класс не был однороден. Его верхушку составляли правивший Японией сегун и его род (Токугава), оттеснившие на второй план императора и его окружение, вассалы сегуна, а также полузависимые от центральной власти князья (даймьё).

Известное под названием самураев мелкое дворянство владело сравнительно небольшими земельными участками или же вовсе не имело земли, существуя на выделяемый сеньорами рисовый паек или на доходы от занятий торговлей, интеллигентными профессиями и т.п.

В XIX веке в Японии совершается процесс первоначального накопления капитала, отмеченный теми же чертами, что и в Европе. Возникают крупные состояния. Товарно-денежные отношения захватывают не только город, но и деревню. Несмотря на господство цехов, появляются капиталистические мануфактуры. Феодальные отношения вступают в полосу разложения. Буржуазная революция стала неизбежной.

Главными силами, совершившими ее, были крепостное крестьянство, буржуазия и мелкое дворянство.

2. Развитие капиталистических отношений в Японии и их проникновение в деревню усилили и до того уже крайнюю эксплуатацию крестьянина. Крестьянские восстания следовали одно за другим.

В первой половине XIX века в Японии произошло около 250 крестьянских восстаний: в 50-е и 60-е годы крестьянские восстания следуют одно за другим. С 1853 по 1856 год их насчитывается 52, в одном только 1861 году - 17 и т.д.

Правительство сегуна сурово расправлялось с крестьянским революционным движением. Вожаки крестьян подвергались мучительной казни через распятие. Перед тем на глазах у казнимого зверски истребляли членов его семьи.

Японская буржуазия была недовольна раздробленностью Японии и относительной слабостью центральной власти (крупные феодалы содержали собственное войско, чеканили монету и полновластно распоряжались в своих владениях), наличием цехов и гильдий, мелочной регламентацией ремесла и торговли и т.п. Но самую большую опасность она видела в иностранном капитале.

Особенную агрессивность проявляли Соединенные Штаты, спешившие опередить своих европейских соперников. В 1853 году США послали в Японию эскадру, командующий которой предъявил японскому правительству

ультимативное требование об установлении торговых отношений. Под давлением решающего военного превосходства правительство сегуна вынуждено было удовлетворить это требование. В 1858 году был подписан неравноправный договор, по которому Япония не могла устанавливать пошлины на ввозимые из США товары выше определенного процента (от 5 до 35), должна была признать экстерриториальность американцев в Японии (то есть их неподсудность японским судам) и т.д.

Вслед за тем неравноправные договоры были заключены Японией с Англией, Францией, Голландией и другими странами.

Капитуляция правительства перед иностранными колонизаторами грозила гибелью отсталому японскому производству и торговле.

Не довольствуясь возможностями открытого грабежа Японии, иностранные державы стремились к превращению ее в колонию. В 1862 году английский флот подверг разрушительной бомбардировке город Кагосима, чтобы вынудить японские власти уплатить огромную контрибуцию за убийство английского гражданина. В 1864 году соединенный флот США, Англии, Франции и Голландии - главных колониальных держав того времени - обстрелял город и крепость Симоносеки, вынудив японские власти к удовлетворению требований о беспрепятственном прохождении судов через Симоносекский пролив. Опасность колониального порабощения Японии была очевидной.

Недовольны были и самурайские элементы, одни - из-за стремления поправить свои материальные дела за счет крупных сеньоров, другие - в силу своего отношения к промышленности и торговле, с которыми они уже были прочно связаны.

Наиболее организованные, лучше других вооруженные самураи прибрали к своим рукам движение буржуазии. Последняя и сама искала союза с дворянством, ибо не менее самураев страшилась революционных стремлений японского крестьянства. В отличие от того, что было в Европе, японская буржуазия выступала в революции не в союзе с крестьянством, а против него. Этим обстоятельством объясняется компромиссный характер революции: японский капитализм оказался оплетенным густой сетью феодальных отношений.

3. После того как в ходе гражданской войны сегун, его род и все те, кто их поддерживал, были разгромлены, а император обрел свою прежнюю, давно утраченную власть, началась полоса реформ'. Непрекращавшиеся выступления крестьян делали их неотвратимыми.

Достаточно сказать, что в течение первых десяти лет существования нового политического режима в стране произошло 185 крестьянских восстаний (только в одном 1869 г., например, произошло 42 восстания). Некоторые из них были весьма крупными (до 250 тыс. восставших).

В 1868 году были декретированы уничтожение цехов и гильдий, предоставление всем и каждому права свободно избирать профессию, свобода торговли. Феодальные рогатки между областями были ликвидированы. По всей стране были введены единые законы, отменены сословные привилегии, установлена формально равная ответственность перед законом, разрешены браки между лицами разного происхождения.

В 1871 году разрешается свободная купля-продажа земли, что означало превращение феодальной земельной собственности в буржуазную. Реформа закрепила землю за теми, кто ее фактически распоряжался, но на условиях выкупа.

В том же 1871 году правительство упразднило феодальные уделы, введя деление на губернии во главе с назначенными из центра губернаторами.

В 1872 году был издан указ о введении всеобщей воинской повинности, чем подрывалось монопольное право самураев на военную службу.

4. В апреле 1868 года, то есть в год революции, император Японии дал клятвенное обещание отбросить отжившие обычаи прошлого и установить по всей стране "право и справедливость" в той форме, "как они признаются", открыть дорогу способностям (взамен привилегий) и, самое главное, организовать совещательное собрание, с тем чтобы решать все дела управления "согласно с мнением общества".

В 1966 году парламент Японии принял закон, согласно которому 11 февраля объявляется национальным праздником, ибо, по свидетельствам источников VIII века н.э.. 11 февраля 1660 г. до н.э. вззошел на трон первый японский император.

В том же году были созданы две палаты: верхняя из .представителей феодальной знати и нижняя из самурайских и буржуазных элементов. Обе они, особенно вторая, играли незначительную роль. Управление страной находилось по-прежнему в руках высшей знати, дворцовых кругов и бюрократии.

В 1880 году серьезные новшества коснулись судебного ведомства. С помощью иностранных консультантов были созданы и введены в действие уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, копировавшие западноевропейские образцы.

Развитие шло медленно. В 1885 году. создается кабинет министров, неизвестный всей прежней практике Японии. Новым было министерство торговли и промышленности – знак внимания к буржуазии.

Копируя Германию, восхищавшую японских конституционалистов "идеальным" смещением феодальных и буржуазных начал, кабинет министров поставили в зависимое положение от сильного главы – министра-президента, которого хотели видеть похожим на Бисмарка.

Японская правительственная бюрократия трусила перед коллегиальным органом власти: в противовес кабинету министров было создано министерство императорского двора (собственно, три лица – министр двора, хранитель печати и главный камергер), которое не входило в состав кабинета, не было ему подчинено и не зависело от его падения.

В следующем году создается Тайный совет – совещательный орган при императоре, задуманный в качестве противовеса "крайностям" представительных органов власти.

В 1888 году правительство окончательно устанавливает административное деление страны и разрешает деятельность совещательных органов на местах в префектурах, городах и уездах, позаботившись, конечно, о том, чтобы подчинить их власти назначенного из центра губернатора.

Наконец, следует указать на создание титулованной аристократии – меры, осуществленной, как это ни странно, в плане подготовки конституционного правления. Титулами князей, маркизов, графов, виконтов и баронов, заимствованными у Европы, были наделены представители старой феодальной знати и немногие из представителей чиновного самурайства, выдвинувшихся в ходе революции (всего 500 человек).

Таким образом была создана наследственная и "непоколебимая" палата пэров – оплот японского консерватизма. В 1889 году Япония получила конституцию. 5. Конституция имела своим образцом конституцию Пруссии, одну из наиболее реакционных в Европе.

Японский государствовед Нокано Томо подсчитал, что из 70 ее статей 46 являются прусскими, и вообще не нашел в ней более трех оригинальных статей.

Конституция предоставила императору неограниченную законодательную, исполнительную и судебную власть, слегка затушеванную "демократическими" установлениями. Особа императора объявлялась "священной и неприкосновенной", правящая династия – "непрерывной на вечные времена". Официальная теория причисляла императора к богам.

Постепенно утверждается, однако, следующее правило: император никогда не предпринимает ничего важного без своих советников. Власть последних распространялась очень широко. В их состав, помимо членов Тайного совета, входили: генро – внеконституционный совещательный орган при императоре, сошедший со сцены со смертью последнего генро Сайондзи лишь в конце 30-х годов нынешнего столетия, министерство императорского двора, совет маршалов и адмиралов и др.

Тайному совету было передано рассмотрение важнейших государственных дел, и фактически любой вопрос мог быть в его компетенции. Правительство советовалось с ним по всем важным вопросам политики; от него исходило

одобрение императорских указов о назначениях; он имел право толкования конституции.

6. Весьма сильным было влияние военной клики. Быстрое развитие капиталистической промышленности в Японии происходило в условиях неликвидированных феодальных отношений. Вследствие этого рынок сбыта промышленных товаров был весьма ограничен.

Внутренняя слабость японского капитализма толкала его на ограбление Китая и других стран. Но это как раз и породило монополию военщины.

Императорское обращение 1889 года установило, что все наиболее важные вопросы, относящиеся к армии и флоту, докладываются императору начальниками соответствующих штабов, помимо кабинета и даже помимо военного и морского министров. Последние должны были принадлежать к высшему военному командованию и состоять на действительной военной службе. А так как кабинет не мог быть сформирован без военного или морского министров, военная клика получала возможность прямого влияния и на состав кабинета, и на его деятельность.

В 1913 году генералитет получил согласие императора на увеличение армии и флота не только помимо парламента, но и помимо кабинета, причем премьер узнал об этом решении уже после того, как оно состоялось.

7. Своеобразное положение японского кабинета определялось, с одной стороны, его зависимостью от императора и придворной камарильи, с другой - почти полной независимостью от парламента. Его не могли свалить ни вотум недоверия, поскольку последний не был известен японской теории и практике, ни отставка отдельных министров, поскольку ни один закон не предусматривал коллегиальной ответственности министров', ни даже отклонение бюджета парламентом, так как конституция разрешила в этом случае применение бюджета предшествующего года.

Исключение из этого правила могло иметь место только после отставки морского или военного министра в случаях, когда военные саботировали вхождение в данный кабинет.

Японский кабинет не был многочисленным. В первый период своего существования он состоял из 10 человек: министра-президента, министров иностранных дел, внутренних дел, финансов, военного, морского, юстиции, просвещения, сельского хозяйства и торговли, связи.

8. Японский парламента состоял из двух палат: палаты пэров и палаты представителей. Последняя избиралась "народом".

Правом голоса обладали лица мужского пола, платившие не менее 15 иен прямого налога и достигшие 25 лет.' (пассивное избирательное право - с 30 лет). Высокий имущественный и возрастной цензы отстраняли от участия в выборах подавляющую часть населения. В выборах первого японского парламента участвовало лишь около 1% населения. Не удивительно, что около половины депутатов этого парламента составляли помещики (48%).

Компетенция нижней. палаты была .крайне, узкой. У нее не было инициативы в деле изменения конституции: парламента мог рассматривать только те поправки к конституции, которые исходили от императора. Законодательная власть принадлежала, по конституции, парламенту совместно с императором, имевшим право отклонить принятый палатами законопроект без каких-либо условий и ограничений. В промежутках между сессиями парламента император пользовался правом издавать указы, имевшие силу закона, хотя и требовавшие последующего их утверждения парламентом.

Незначительной была компетенция парламента и в вопросах бюджета: две трети бюджета не зависели от парламента.

9. О японском праве начала XIX века писал русский мореплавател и писатель В.М. Головнин (1776-1831 гг.). В 1811 г. Головнин, занятый описанием Курильских островов, был захвачен японцами и три года пребывал в плену. Его "Записки...", вышедшие в 1816 г. в СПб., содержат фрагмент о японском праве: "Японцы говорят, что их законы подобны железной пирамиде, которую ни климат, ни бури, ни время ни сокрушить, ни даже изменить не могут". Правительство, продолжает Головнин, видит недостатки в праве, в том числе его жестокости, но переменить боится и "делает это постепенно и весьма медленно". Страх же от того, чтобы переменами не

вызвать в народе презрение к законам отечества и стремление переменить свои законы на другие.

Через столетие власти оказались перед необходимостью замены старого права и из Франции был приглашен цивилист Буассонад.

10. Возникновение первой буржуазной политической партии в Японии относится к 1881 году. Она была названа дзюто, что означает либеральная партия. Дзюто объединяла в своих рядах по преимуществу мелких помещиков, некоторую часть средней городской буржуазии, кулаков и буржуазную интеллигенцию.

В 1898 году императорское правительство, умудренное опытом парламентского правления, решило превратить дзюто в полуправительственную партию. Переговоры увенчались успехом. В результате их была создана совершенно новая организация, еще более реакционная, чем прежняя. Членами ее могли стать депутаты парламента, чиновники местных органов власти, главы торговых палат, председатели акционерных обществ с капиталом не ниже 50 тыс. иен, директора банков, капитал которых превышал 100 тыс. иен, адвокаты, крупные налогоплательщики. Партия была переименована в сейюкай (партия "друзей политики"). Покровителем партии становится крупнейший промышленный концерн Мицуи, с которым сейюкай была связана до последних дней своего существования.

Интересы другого крупного концерна - Мицубиси - выражала партия минсейто ("партия народной политики").

11. В 1882 году была сделана попытка создать социалистическую партию, но правительство ее немедленно задушило. В целях борьбы с рабочим и крестьянским движением были изданы террористический закон "об охране государства" и императорский указ о запрещении стачек.

Революция и последовавшие за ней реформы создали благоприятные условия для быстрого роста японской промышленности и торговли. Но он был куплен ценой неимоверной эксплуатации японского пролетариата. Рабочий день продолжался 15 и более часов в сутки, заработная плата составляла ничтожную сумму, едва обеспечивавшую полуголодное существование. Она была в несколько раз ниже заработной платы европейского рабочего. В целом ряде отраслей промышленности безраздельно господствовал женский труд и важное место занимал детский. Зарботная плата детей и женщин была наполовину меньше мужской. Хозяева имели право физического наказания своих рабочих. Масса девушек покупалась в деревне у родителей для работы на фабриках и помещалась в закрытые казармы.

12. Возрастание экономической и военной мощи Японии открывало перед японским империализмом возможность колониальных захватов.

В 1872 году Япония овладела Ликейскими островами. В 1894-1895 гг. она вторгается в Китай, захватывает Пескадорские острова и остров Тайвань. В 1904 году в результате неудачной для России войны Япония захватывает Южный Сахалин. В 1910 году она овладевает Кореей

Глава двадцать шестая Латинская Америка

1. Американский материк был открыт для завоевания и последующей эксплуатации в 1492 году Христофором Колумбом, мореплавателем, состоявшим на испанской службе. Испанцы же пришли первыми на эти бесконечно богатые земли.

Используя свое военное превосходство, а еще больше доверчивость аборигенов - индейцев, они залили кровью этих несчастных огромные территории - от Мексики до Огненной земли.

Общая численность индейских племен Америки составляла в то время (по минимальной оценке) около 15 млн. человек. Из них не менее 10 млн. проживали в Мексике и Центральной Америке.

Большая часть индейских племен жила еще первобытнообщинным строем. Только майя, ацтеки и инки перешли уже к земледельческой культуре, знали частную поземельную собственность, классовое расслоение и некоторые атрибуты государственности. Господствующее положение в ацтекском обществе прочно утвердилось за вождями и жрецами.

То же самое можно сказать и об инках. Земля делилась у них на три части: одна была присвоена верховным вождем, другая - жрецами, с третьей кормился народ, сведенный для удобства управления в десятки, сотни и тысячи.

И там и здесь существовали, по-видимому, кастовый строй с навечным закреплением работника и его потомства за одной определенной профессией, а также примитивные формы рабства.

Первый удар испанцев приняли на себя индейские племена Вест-Индии: Кубы, Гаити, Пуэрто-Рико. Спустя несколько лет после завоевания здесь уже не было практически индейцев: все они были истреблены (около миллиона человек). В 1518-1521 гг. испанский вооруженный отряд во главе с Кортесом захватил Мексику, разрушив древнее ацтекское общество и "государство". Столица ацтеков была превращена в развалины, наполненные разлагающимися трупами.

Спустя десяток лет началось завоевание Южной Америки. Первой его жертвой сделалась "империя" инков, находившаяся на территории Перу.

К середине XVI века огромные пространства Южной Америки перешли к испанской короне. Труднее всего досталось завоевание Аргентины, где индейцы вели беспощадную борьбу с угнетателями.

В XV же столетии стали возникать в Южной Америке первые португальские поселения, положившие начало порабощению Бразилии. Территориальный спор Испании и Португалии был улажен папским решением 1494 года. Северная Америка была колонизована позже, в XVII столетии. Ее поделили Англия и Франция.

2. Испанская администрация в Америке возглавлялась вице-королями. В период окончательного покорения Америки их стало четыре. Один управлял Мексикой и Центральной Америкой; другой - Перу и Чили; третий - Венесуэлой, Эквадором и Колумбией; четвертый - Боливией, Парагваем, Уругваем и Аргентиной.

Немногие знатные фамилии и военачальники, осуществившие завоевания, были наделены огромными земельными владениями, городами, рудниками, десятками тысяч индейцев.

Принятая в Южной Америке (со времен Колумба) система принудительного труда давала праву белому поселенцу держать у себя в хозяйстве такое количество рабов-индейцев, какое только он в состоянии захватить.

Обоснование этой системе дала, конечно, церковь: "будучи свободными, индейцы могут возвратиться к язычеству". Трудно придумать что-нибудь лицемернее. С началом XVIII века в испанских и португальских колониях в Америке господствуют две формы землевладения: так называемая асьенда и рабовладельческая плантация. Последняя не нуждается в особых пояснениях. Занятые в асьенде работники (батраки) были лично свободны, но они не имели земли и потому поступали в кабалу землевладельца, чаще всего пожизненную, а то и наследственную. Асьенда представляла собой весьма устойчивый тип феодальной эксплуатации крестьянства, главным образом индейского.

Но колонии обогащали не только землевладельцев, чиновников и офицеров. Громадные ценности вывозились в метрополию. За триста лет господства Испания выкачала из своих колоний не менее чем на 6 млрд. долларов золота и серебра. В то время это было громадным капиталом. Даже в начале XIX века в Латинской Америке добывалось этих металлов вдесятеро больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых.

По другим расчетам, за те же три столетия Испания вывезла из Америки 2500 т золота и около 100 тыс. т серебра.

Американские золото и серебро сыграли свою роль в развитии капиталистической промышленности и торговли Западной Европы, так же как и превращение Африки в огромный загон для отлова негров-рабов.

Награбленные Испанией богатства в очень малой степени оседали в стране. Большая часть их уплывала в более развитые страны, обладавшие товарами для экспорта: Англию, Нидерланды, Францию.

Капиталистическая промышленность Западной Европы находится в неоплатном долгу перед народами Америки, Азии и Африки, принесшими, помимо своей воли, миллионы и миллионы жертв ради ее процветания.

3. Образование Соединенных Штатов и Великая французская революция – два события всемирно-исторического значения – положили начало освободительной революции во всем западном полушарии.

Первый гром ее донесся из маленького Гаити, но был услышан во всем мире. Полмиллиона черных рабов сказочно богатого острова внезапно в ночь на 22 августа 1791 года подняли знамя восстания против Франции, от которой они тщетно ожидали свободы, и против собственных угнетателей.

Гаити производило в то время больше сахара, кофе, шоколада, индиго и пр., чем все другие французские колонии в Америке, вместе взятые. Плантаторы Гаити жили в неслыханной роскоши, тогда как тысячи черных рабов не имели другой доли, как трудиться на плантациях, и другого жилья, кроме того, какое наскоро возводилось возле обрабатываемых участков.

Вождем восстания стал замечательно талантливый негр Туссен-Дувертюр.

Армия Туссена раздавила сопротивление плантаторов, отбила наступление Англии, пытавшейся прибрать к рукам Гаити, вынудила капитулировать французский экспедиционный корпус генерала Леклерка, посланный Наполеоном. Свобода Гаити была завоевана (1804 г.).

Туссен-Дувертюр не увидел ее. Поверив генералу Леклерку, обещавшему мир, он приехал для переговоров и был вероломно захвачен последним. Закованный в кандалы Туссен был привезен во Францию и здесь вскоре умер, не выйдя из тюрьмы. В длинном списке преступлений против свободы народов находится и убийство великого гаитянского патриота.

4. В начале XIX века испанские колонии в Америке переживали предреволюционную, ситуацию. Глубокое – недовольство царило не только в массах индейцев, метисов, негров. Коренное белое население страны, так называемые креолы (потомки испанских поселенцев), которых было не менее трех миллионов, не желали мириться с тем, что все основные посты в армии и администрации колоний находились в руках уроженцев Испании.

Торгово-промышленные круги колоний не мирились с теми стеснениями, которыми правительство Испании опутало внешнюю и внутреннюю торговлю.

Всеобщее недовольство вызывали непомерные земельные богатства, сосредоточенные в немногих руках, особенно церковные и монастырские, взяточничество и продажность чиновников, бесправие в судах, полное отсутствие политических свобод.

Война Франции против Испании, приведшая к воцарению одного из Бонапартов (1808 г.), создала благоприятные условия для национально-освободительной революции в испанских колониях.

Руководство революцией оказалось в руках крупных землевладельцев – креолов (отчасти буржуазных элементов), но основную массу сражающихся армий составили крестьяне – индейцы и метисы.

Революция в американских колониях Испании захватила период с 1810 по 1825 годы. "Венцом стратегического искусства" революционных армий стал их общий фронт, объединивший повстанческую армию Севера (во главе с Сан-Мартинем). Под ударами этой соединенной силы пал последний оплот Испании в Южной Америке – Перу.

Война с Испанией стоила многих жертв. Особенно трудной она была в Мексике, где национально-освободительная программа дополнялась программой социальных преобразований: конфискации крупных поместий, отмены рабства, введения демократических свобод. Два первых вождя восставших – священники Идальго и Хозе Мария Морелос – были схвачены и казнены. В 1820 году руководство восстанием переходит в руки консервативных элементов, контролируемых землевладельцами. В следующем году испанская армия была разбита: Мексика стала независимой. После трудной борьбы с испанской регулярной армией добились независимости (к 1822 г.) Эквадор, Венесуэла и Колумбия.

В 1810 году революция началась в Аргентине. Восставшие свергли вице-короля. Руководство страной перешло в руки революционного совета – хунты. В 1816 году Аргентина провозгласила себя независимой от Испании.

Аргентинская повстанческая армия (около пяти тыс. человек) освободила Чили и высадилась в Перу. Здесь она некоторое время действует в союзе с армией Боливара. Окончательный разгром испанской армии в Перу и вместе с тем полное изгнание Испании из Америки произошли в 1825-1826 гг. В 1825 году становится независимой Боливия.

Центральная Америка (Никарагуа, Гватемала и др.) добились независимости в 1821 году.

Отделение Бразилии от Португалии совершилось иным путем, хотя и было частью общего освободительного процесса. Оно было декретировано "сверху", но под давлением "снизу" (в 1822 г.).

Сын и наследник португальского короля Педро, оказавшись в Бразилии, отказался подчиниться приказу португальского парламента о возвращении на родину и заявил об отделении Бразилии: день 9 января 1822 года вошел в историю Бразилии под названием "Я остаюсь".

Португалия была слишком слаба, чтобы настаивать на своих "правах".
5. Национальные революции в Южной Америке имели своим результатом возникновение республик: Парагвая, Перу, Уругвая, Чили, Боливии, а после распада "Великой колумбийской республики" - Колумбии, Венесуэлы и Эквадора.

В Центральной Америке с 1819 года обрели независимое существование (почти без борьбы) республики: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор.

Бразилия (ставшая на некоторое время "империей"). сохраняла монархический режим до 1889 года. С этого времени сделалась республикой.

В 1844 году добивается национальной независимости Доминиканская республика.

В 1898 году становится независимым государством Куба, в 1903 году - Панама.

Панама обязана своим существованием решению Соединенных Штатов проложить канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Колумбия, которой принадлежали перешеек и примыкавшая к нему территория, отвергла условия, предложенные правительством США, как невыгодные.

В ответ на это США совершают в Панаме "национальную революцию" и, как это затем сделалось в обычае, посылают свой флот для ее "защиты". Колумбии ничего не оставалось, как смириться.

Таким образом, вместе с Мексиканской республикой и республикой Гаити образовалось двадцать Латиноамериканских государств.

В колониальной зависимости оставались следующие американские территории: английская, французская и голландская часть Гвианы, а также многие острова Вест-Индии (Мартиника, Ямайка и др.).

Латиноамериканские хунты, возглавившие борьбу за независимость, были по своим убеждениям монархическими. И все первоначальные планы государственного устройства новых стран были монархическими.

Армии, не говоря уже о народе, не хотели новых тронов. Понимая это, Симон Боливар должен был отказаться от предложенной ему короны.

Новые конституции (всюду писанные) были построены по типу конституции Североамериканских штатов: президент, две палаты.

Господствующее положение повсюду в Латинской Америке осталось за крупными землевладельцами. Ни в одной из новых стран, за исключением Гаити, аграрный вопрос не был даже поставлен. Крупные землевладельцы не только сохранили свои прежние имения, но даже расширили их.

Вместе с тем сохранялось рабство негров и индейцев, а еще более пеонаж как система крепостнической (полукрепостнической) эксплуатации крестьянства в асьендах.

Формальная отмена рабства заняла в Латинской Америке почти целое столетие: с 1811-го (Чили) до 1888 года (Бразилия).

Революция освободила промышленность и торговлю новых стран от тех стеснений, которые они терпели при господстве Испании. Какое-то время Латинской Америке удалось избежать конкуренции европейской промышленности. Но все эти благоприятные возможности парализовались

узостью внутреннего рынка – следствие неликвидированных феодальных отношений – и политическим засильем реакционного землевладения.

Свержение монархии и освобождение промышленности от феодальных ограничений, некоторое ослабление пеонажа (по сравнению с предшествующим периодом) позволяют считать латиноамериканские революции частью общего процесса перехода от феодализма к капитализму.. При всем том буржуазные черты латиноамериканских революций скорее отыскиваются, чем бросаются в глаза.

Самый распад испанских колоний на множество республик был результатом местного сепаратизма, свойственного всякому феодальному 'землевладению: '

Основой для политического раздробления послужили старые испанские провинции, составлявшие в своей совокупности какое-либо вице-королевство – Новую Испанию (Мексика и Центральноамериканские области, а также Куба и Гаити), Новую Гренаду (северные провинции Южной Америки) и т.д.

Сепаратистское движение было очень сильным и в Бразилии, но монархическому правительству не без помощи английского флота удалось сломить его.

Территориальное размежевание было отнюдь не мирным. В особенной степени трудным оказалось упрочение национальной независимости Уругвая (на который претендовали две мощные державы – Аргентина и Бразилия) и Парагвая. В 1864–1870 гг. Парагвай должен был отстаивать себя против вдесятеро сильнейших армий Бразилии, Аргентины и Уругвая. В этой войне погибло 85% населения страны. На 200 тыс. женщин осталось немногим более 20 тыс. мужчин.

возглавляемых диктаторами – каудильо. Существование конституций не имело ни малейшего значения, тем более что их постоянно изменяли и переделывали применительно к нуждам. .данного режима или сообразуясь с понятиями., данного каудильо.

По подсчетам У.фостера ("Очерк политической истории Америки"), в Венесуэле за сто лет конституции менялись 15 раз, в Эквадоре –13, в Боливии –19, а всего начиная с 1810 года в Латиноамериканских странах сменилось не менее 125 конституций.

Первые 40–50 лет правили генералы и офицеры меньших рангов, выдвинувшиеся в войнах с Испанией. О.цо.литических свободах, о социальных реформах (за отдельными исключениями) не было и речи.

Власть каудильо устанавливалась чаще всего силой (в результате военных переворотов) или с помощью подobia выборов. Некоторые каудильо держались десятками лет, другие ставились и свержались почти ежегодно.

О диктаторе Аргентины Росасе, например, известно, что он так или иначе истребил не менее 25 тыс. человек, которых опасался.

Каудилизм сохранился в Латинской Америке и после того, как сошли со сцены "революционные" генералы: его питательной средой является крупное землевладение, интересы которого имеютя в виду главным .образом и армия.

С началом экономического проникновения в Латинскую Америку Соединенные Штаты используют "революции" и каудилизм в своих .интересах. Диктатуры, " установленные с помощью Вашингтона, неизменно оказываются наиболее антинародными, наиболее продажными, наиболее террористическими.

Таким был, например, режим каудильо Гомеса в Венесуэле, установленный при помощи США (1908 г.), такими были бесчисленные диктатуры, сменявшие друг друга в Панаме, на Гаити и проч.

8. Выдающимся событием в истории Латинской Америки явилось свержение монархии в Бразилии (1889 г.). Оно произошло на редкость мирно благодаря соединенным усилиям армии и республиканцев.

Конституция Бразилии (1891 г.) копирует по форме конституцию США. Она принимает не только ее государственный строй, но даже федеральное устройство. Каждый из ее 20 штатов располагает некоторой административной и судебной автономией. Официальным названием государства сделалось "Соединенные Штаты Бразилии".

9. Среди тех более чем ста воин, которые_США.-вели с. момента своего образования, большая часть приходится на Латиноамериканские страны.

Первой крупной агрессией США явился захват северных провинций Мексики в 1846 году.

Сначала правительство США спровоцировало переворот в Техасе (принадлежавшем Мексике), затем самовольно присоединило эту территорию к своей; после того был предпринят провокационный набег на Мексику, а когда последняя попробовала защищаться, США объявили ей войну. Авраам Линкольн, будущий президент США, осудил эту войну, президент США Грант назвал ее одной из самых несправедливых войн, которую когда-либо сильная нация вела против слабой. Но дело было сделано. На захваченной у Мексики территории выросли штаты Техас, Калифорния, Аризона и др.

В 1898 году настала очередь Кубы и Пуэрто-Рико, двух последних колоний Испании в Западном полушарии. США искали повод к войне с Испанией и нашли его, когда в порту Гаваны был неожиданно потоплен крейсер "Мэн".

После кратковременной военной кампании Испания должна была отказаться от Кубы и других своих владений, включая Филиппины. Они перешли к США.

Приблизительно в тот же период Соединенные Штаты начинают экономическое завоевание Латинской Америки, вытесняя Англию. Американские компании захватывают добычу ценных металлов, а затем и нефти'.

10. С 1876 года в Мексике установился реакционный режим президента Диаса - индейца по происхождению. Страна оказалась в настоящем рабстве у помещиков, церкви, капиталистов. Правительство Диаса способствовало проникновению иностранного капитала и ревниво охраняло его интересы, не останавливаясь перед расстрелами рабочих. Политических свобод, профсоюзов, сколько-нибудь независимой прессы не было в помине.

Восстание 1910 года, переросшее в национально-освободительную, буржуазно-демократическую революцию, опрокинуло режим Диаса, державшийся столь долго. Республиканско-конституционная армия, составленная из крестьян, руководимая вождями, вышедшими из крестьян (Сапата, Вилья), одерживает победу над ее врагами.

Мексиканская революция побеждает. Крестьянские армии делят землю помещиков между теми, кто ее обрабатывает.

В 1917 году Национальный конгресс выработал новую конституцию Мексики, буржуазно-демократическую по своему содержанию.

Несколько отвлекаясь от темы, но имея в виду постоянные вопросы, задаваемые на лекциях, прибавим следующее. В 1867 году Соединенные Штаты заключили сделку с царским правительством России. За ничтожно малую сумму - 7,2 млн. долларов - они купили у нее Аляску, открытую русскими мореплавателями. На этой территории было добыто затем (по данным У. Фостера) на 400 млн. долларов золота и на такую же сумму меди и серебра. Она провозгласила народной собственностью землю и недра, признавала право народа экспроприировать частную собственность, предусматривала раздел крупных поместий между крестьянами. Церковь лишалась права на землю и ростовщические операции.

Законодательное признание получили 8-часовой рабочий день и право рабочих создавать профсоюзы, возможность принудительного установления минимума заработной платы и т.д.

Конституция создавала демократическую республику с всеобщим мужским избирательным правом, она провозгласила отделение церкви от государства.

Глава двадцать седьмая Колониальные империи

А. Британская колониальная империя

1. Первая английская колония была основана в Северной Америке в 1607 году. В то же время .начинает свое проникновение в Индию. Буржуазная революция дала новый импульс к захвату колоний. Подорвав военную и политическую способность Испании, разгромив Францию в так называемой Семилетней войне (1756-1763 гг.), Англия овладела Северной Америкой (исключая Мексику), значительной частью Индии (Бенгалией), Гибралтаром и многими другими территориями в разных частях света.

Колониальная экспансия Англии ознаменована затем захватами в Африке присоединением всей Индии, приобретением Цейлона, 'освоением Австралии и

Новой Зеландии. К середине XIX века Англия становится крупнейшей колониальной империей мира.

"Торговля следует за флагом". Вслед за солдатами являлись купцы и промышленники. Колонии сознательно и планомерно ограблялись. Накопленный таким образом капитал вывозился в метрополию, где немало послужил промышленному перевороту XVIII века, превратившему Англию в "мастерскую мира".

2. В составе бывших британских владений следует различать два и даже три вида колоний.

К первому из них можно отнести так называемые переселенческие колонии, наполненные главным образом выходцами из самой Англии. Таковы Канада, Австралия и Новая Зеландия. С самого начала они находились в сравнительно благоприятном положении, и здесь раньше всего утвердился режим административной, а затем и политической автономии.

Первой среди английских переселенческих колоний получает самоуправление Канада.

Самоуправление это копирует английский образец: двухпалатный парламент, ответственное правительство, премьер-министр. Но было и отличие. Губернатор колонии, назначаемый из Лондона, обладал властью, которую английская неписаная конституция присваивает королю. Но здесь это была реальная власть.

В 1867 году фактически существующее самоуправление Канады получило конституционную санкцию в "Акте о Британской Северной Америке".

Постепенно приобретают представительные правления с ответственными министерствами и другие английские переселенческие колонии: Новая Зеландия (1852 г.), а вслед за ней австралийские колонии (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория, Тасмания).

Для всех этих колоний - отныне доминионов - важное значение имел изданный в 1865 году акт "О действительности колониальных законов". Англия признавала, что законы, принятые парламентами доминионов, могут быть оспариваемы только в одном случае: если они противоречат имперским законам, прямо относящимся к данной колонии.

3. Иным было положение Индии, громадной страны с многомиллионным населением и неисчислимыми богатствами. Упомянутая выше Ост-Индская компания пользовалась здесь всей полнотой власти, служившей целям ограбления народа.

Угнетению страны способствовали ее политическая раздробленность (более 600 феодальных княжеств), почти полное отсутствие экономических связей между провинциями, языковая, а еще больше религиозная разобщенность населения, племенная рознь и кастовый строй. В этих условиях английскому правительству и его администрации в Индии без особого труда удавалось натравливать одно княжество на другое, буддистов на магометан, племя на племя, чтобы тем легче держаться у власти. С чувством глубокой горечи отмечает К. Маркс тот печальный факт, что "Индия держится Англией в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии".

Восстания, возникавшие в той или иной части громадной страны, перерастали в войны, но неизменно подавлялись.

Великой и героической попыткой индийского народа сбросить британское иго было восстание сипаев в 1857 году.

Это подлинно народное восстание, поднятое индийскими солдатами, состоявшими на английской службе, продолжалось два года. К солдатам примкнули крестьяне и ремесленники. Казалось уже, что британскому господству приходит конец. И тем не менее Англия победила, причем не столько собственными силами, сколько с помощью индийских князей и помещиков.

Восстание заставило английское правительство несколько изменить систему управления Индией. Ост-Индская компания была ликвидирована. Единственным главой индийской администрации был объявлен генерал-губернатор, ("вице-король"), подчиняющийся специально созданному министерству по делам Индии. Во всем остальном ничего не изменилось.

Более того. Прямым вызовом народам Индии явилось торжественное провозглашение английской королевы Виктории "императрицей Индии" (1877г.).

4. Третий тип колониальных владений Англии представляла Ирландия. Порабощенная с XII столетия, пережившая ужас массового истребления и разорения во время вторичного завоевания ее войсками Кромвеля, Ирландия считалась частью "Соединенного Королевства Великобритании" (с 1800 г.).

В колониальном угнетении Ирландии были заинтересованы главным образом землевладельческие слои английского правящего класса. Здесь, в Ирландии, находились поместья английской знати, английских помещиков. Ирландский народ, вымиравший от голода и эпидемий, искавший спасения в массовой эмиграции, признавался достойным одной единственной судьбы - работать за гроши.

Управление Ирландией - сверху донизу - точно так же находилось в руках англичан.

Освободительное движение в Ирландии, возглавленное тайным обществом фениев, пугало английское правительство и порой вынуждало к реформам, впрочем, ничтожным. В 1869 году католики-ирландцы были уравнены в правах с англичанами-протестантами. Мера эта имела некоторое значение для верхушечных слоев ирландской нации (буржуазии, зажиточных крестьян), но вовсе не затронула основную ее массу. Законом 1870 года несколько ограничивалось право помещиков стонять арендаторов-ирландцев с земли.

Борьба ирландской фракции в английском парламенте за самоуправление (гомруль) наталкивалась на непреодолимое сопротивление английской земельной аристократии.

Против самоопределения Ирландии выступала, впрочем, и английская буржуазия, видевшая в натравливании английских рабочих на ирландских способ парализовать народное движение в самой Англии.

5. В конце XIX века Англия утратила свою промышленную монополию. Наступал конец пресловутой политике "свободной торговли". На мировой рынок, оттесняя Англию, вышли Соединенные Штаты и Германия. Империалистические круги Англии охватила горячка новых территориальных приобретений. На этот раз главной ареной завоеваний сделалась Африка. Под английское господство переходят Нигерия, Кения, Южная Африка (после продолжительной кровопролитной войны с ее прежними колонизаторами - бурами, выходцами из Голландии), Золотой Берег, Южная и Северная Родезия и др. Англия захватывает Суэцкий канал, прибирает к рукам остров Кипр, завершает завоевание Бирмы. Фактическая власть Англии устанавливается над Египтом и некоторыми другими арабскими территориями.

Страна с населением, составлявшим 40 млн. человек, господствовала в империи, насчитывавшей около 450 млн. человек (в одной Индии - более 300 млн.). Территория соответственно: 230 тыс. кв. км. и почти 32 млн. кв. км.

6. Захватывая новые земли, Англия должна была в той или иной степени делиться выгодами колониальной эксплуатации с буржуазией доминионов. Без этого не было надежды сохранить империю.

Английское правительство, хотя и без большой охоты, согласилось на объединение разрозненных австралийских колоний в единый доминион. Конституция 1900 года санкционировала превращение Австралии в Федеративный союз пяти штатов, каждый из которых сохранил за собой значительную административную автономию.

В 1909 году права доминиона были предоставлены насильственно присоединенному Южно-Африканскому союзу. Правительство последнего было наделено относительно большей властью (в том числе и по отношению к провинциям), поскольку белое население этой страны было численно невелико.

Начиная с 1887 года правительство Великобритании стало практиковать "колониальные конференции" с участием правительств доминионов. С 1907 года их стали называть "имперскими конференциями".

Б. Французская колониальная империя

1. Потеряв свои американские колонии, вытесненная из Индии, Франция вознаградила себя завоеванием огромных территорий в Африке, а также

захватом Индокитая. Французская колониальная империя, вторая по величине, была создана в сравнительно короткий срок – между 1880 и 1918 годами.

Территория империи в момент ее наибольшего расширения (после первой мировой войны) составила около 12 млн. кв. км, а население – более 60 млн. человек.

Начало французским колониальным захватам было положено в XVI веке. Франции пришлось вести трудную и в общем безуспешную войну с такими ее конкурентами, как Испания и Португалия. Наконец в начале XVII века Франции удается обосноваться в Канаде (Квебек, Монреаль). Вслед за тем она захватывает острова у берегов Америки и среди них Мартинику, Гваделупу, часть Гаити и др.

В том же XVII веке французы делают первую попытку закрепиться в Африке (Сенегале) и Мадагаскаре (отсюда их вскоре же выгнали мальгаши – коренное население Мадагаскара), пробиваются в Индию.

Семилетняя война, завершившаяся Парижским миром 1763 года, сокрушила Французскую империю. От нее остались жалкие остатки – Мартиника, Гваделупа, клочок земли в Сенегале. Канада, Индия и многие другие территории были потеряны в пользу Англии.

Новая активизация колониальной политики Франции приходится на послереволюционный период. В 1830 году Франция начинает завоевание Алжира. Но дело шло туго: Алжир оказывал сопротивление. Война заняла около 20 лет.

В 50-60-х годах XIX века Франция пробивает себе путь в Индокитай, захватывает Кхмер (Камбоджу), расширяет владения в Сенегале, покоряет Мавританию, утверждает на островах Тихого океана (Маркизские, Таити).

Крайний размах аннексионистская (колониальная) политика приобретает во Франции с 1881 года. Причины, как полагают, заключаются в быстром развитии финансового капитала при ослаблении промышленного. Отсюда неизбежная потребность к вывозу капитала из страны туда, где его приложение может принести наибольшие выгоды (из-за дешевизны сырья и рабочих рук).

В 1881 году французская армия вторгается в Тунис. Продвигаясь вглубь Африки, Франция захватывает ее центральные области, лежащие в бассейнах рек Конго и Нигер, пробирается к истокам Нила. В конце концов создается огромная колониальная империя Франции в Африке: Сенегал, Гвинея, Судан, Мавритания, Нигер и другие в Западной Африке; французское Конго, Чад, Габон в Экваториальной Африке; Алжир, Тунис и Марокко в Северной Африке.

Продвижение Франции сопровождается, как обычно, истреблением враждебных племен (например, на Мадагаскаре, в Марокко и др.), оттеснением коренных

жителей на неплодородные земли, установлением полного контроля французской администрации (иногда прикрываемого номинальной властью местных князьков).

В 1886 году завершается завоевание Индокитая, в 1895 году Франция захватывает наконец Мадагаскар и т. д.

2. Слабость промышленного капитала во Франции служила помехой установлению тесного экономического контакта между метрополией и ее колониями (несмотря на все их богатства). Импортно-экспортные операции с колониями составляли что-нибудь около 10-12% французской внешней торговли (по сравнению с 40% английской).

Отведя колониям роль сырьевой базы для своей промышленности, Франция насаждала крупные сельскохозяйственные имения, сгоняя для работы местное население.

Практиковалось повсеместное налоговое обложение при полном понимании, что туземное население, ведя натуральное хозяйство, не располагает деньгами. При невзносе налога полагалась отработка на плантациях. И в этом была вся суть.

Основная масса французских колоний была поделена на четыре генерал-губернаторства: Французской Западной Африки, Французской Экваториальной Африки, Мадагаскара, Индокитая.

3. Самым населенным (и самым богатым) среди генерал-губернаторств считался Индокитай. Для удобства управления его поделили на несколько частей: Кохинхина (Южный Вьетнам), Тонкий (Северный Вьетнам), Аннам (Центральный Вьетнам), Камбоджа, Лаос. Генерал-губернатор Индокитая располагал верховной властью в отношении всех местных резидентов. Французские власти управляли Южным Вьетнамом непосредственно. В Камбодже и Аннаме они допустили существование местных династий.

4. В особое положение был поставлен Алжир. Он находился в ведении министерства внутренних дел (а не колоний). Правительственные акты, касающиеся Алжира, чаще всего имели подпись президента республики.

Страна делилась на три департамента (Северный Алжир) и Южную территорию. Гражданское управление департаментами возглавлялось префектами (и генеральными советами), но туземное население должно было обращаться по своим делам к военным властям (дивизионным генералам). Коренные алжирцы считались не "гражданами", но только "подданными" Франции.

Французское гражданство давалось алжирцам в виде исключения. Только после первой мировой войны (в 1919 г.) закон предоставил право гражданства тем коренным алжирцам, которые участвовали в войне или имели французские знаки отличия, располагали земельной собственностью, читали и писали по-французски.

В Тунисе и Марокко французское правительство сохранило местных монархов. Тунисский бей оставался номинально главой страны, но ни одно его распоряжение не имело силы без визы (согласия) французского резидента. То же было и в Марокко, где сохранялась номинальная власть султана.

Глава двадцать восьмая Основные институты буржуазного права

А. Конституционное право

1. Историю буржуазного права следует начинать издали: с рецепции римского права, с первыми нормами так называемого городского права в Италии, с возникновения "судов справедливости" в Англии.

Формулированием своих основополагающих принципов буржуазное право обязано просветительной философии, а еще больше политической и юридической наукам XVII-XVIII вв. Особого упоминания заслуживает Вико, профессор права в Неаполе, английский философ Джон Локк, французский юрист Монтескье, итальянец Беккариа, действительный основоположник науки уголовного права.

Дискредитации феодального права и феодальной юридической схоластики много способствовало беспощадное осмеяние средневековой юстиции и юристов в сочинениях гуманистов (Эразм Роттердамский, Томас Мор) и великих литературных памятниках Возрождения: у Чосера в "Кентерберийских рассказах", в "Гаргантюа и Пантагрюэле" Рабле, в "Декамероне" Боккаччо.

В XVIII веке Вольтер с неповторимым блеском развенчал схоластические споры, занимавшие юристов его времени ("можно ли есть грифов, которых нет в природе?"), неуемную страсть к регламентированию всех и всяких проявлений жизнедеятельности и больше всего старые страхи перед изменением закона, освещенного временем ("Разве есть что-нибудь почтеннее, чем старое заблуждение?").

Примечательной чертой буржуазной юридической науки на ее начальном этапе была вера во всемогущество разума, в его способности открывать и формулировать законы, управляющие обществом. Таков Вико ("Человеческое общество создано людьми, следовательно, человек способен понять его"), таков Монтескье ("Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами подчинились им, что истории всех народов вытекают из них как следствия"). Много позже, во все еще отсталой, полуфеодальной Германии, Гегель скажет: "Человек должен найти в праве свой разум".

Просветительная философия передала революционному времени непоколебимую уверенность во всемогущей силе закона, в том, что с помощью закона, одного только доброго и хорошего закона, можно сделать все, стоит только пожелать.

Это наивное убеждение, могущее принести столько же зла, сколько и добра, породило справедливые требования строгой определенности закона (Монтескье), недопустимости его произвольного толкования (Кондорсэ: толкование закона есть создание новых норм).

Полагали даже, что закон, который опирается на "природу человека", способен регулировать не только наличные отношения, но и все будущие.

Логическим следствием таких воззрений было "законодательное помешательство", свойственное революционным эпохам буржуазной истории. Политическая борьба принимала своеобразный характер: казалось, что поводом, разделяющим партии, были главным образом разногласия по вопросам права и законодательства.

2. Борьба партий достигала особой остроты, когда дело шло о конституциях. В большинстве стран Европы правящие классы долгое время отказывались принимать самую мысль о писаной конституции.

Англия, давшая первый пример ее ("Орудие управления" эпохи Кромвеля). первой же утвердилась в своем отрицательном отношении к сколько-нибудь систематическому законодательному изложению основ государственного управления. Известно выражение лорда Пальмерстона: "Я готов дать хорошую награду тому, кто принесет мне экземпляр английской конституции". Здесь до сих пор не проводят существенного различия между конституционным законом и всяким другим".

Вплоть до 30-х годов XIX века писанные конституции имелись только у Соединенных Штатов, Франции и Латиноамериканских республик, а также двух-трех других государств Европы.

В 1830 году писанные конституции становятся основным законом Бельгии и Швейцарии: в первой утверждается режим ограниченной (парламентской) монархии, во второй - буржуазно-демократической конфедеративной республики.

В 1848 году и в ближайший к нему период писанные конституции принимаются Данией, Нидерландами, Пьемонтом, Пруссией, южногерманскими государствами, Австрией, Сербией, Румынией, Болгарией, наконец (в конце столетия), Японией.

3. Большая часть европейских конституций унаследовала институты, уже проверенные практикой государственного управления в Англии и Франции: король, две палаты, право "народа" участвовать в выборах, коллективная ответственность кабинета перед нижней палатой, несменяемость судей.

Верхние палаты почти повсюду состояли из назначенных или наследственных членов.

Помимо уже известных нам государств, где этот порядок был признан, отметим еще Испанию. Конституция 1876 года создала здесь сенат, состоявший наполовину из наследственных грандов и членов, назначенных королем. Высокий имущественный ценз был обязательным условием даже для наследственных пэров (не менее 60 тыс. песет ежегодного дохода).

Немногим лучше было и в тех государствах, где вторая палата комплектовалась на основе выборов (Бельгия и Нидерланды, Швеция и Дания). В Нидерландах, например, 39 членов верхней палаты избирались из расчета: 1 депутат от 3 тыс. крупных налогоплательщиков. Бельгийская конституция требовала от сенатора уплаты 1000 флоринов прямого налога.

Однопалатные парламенты были приняты тремя новыми государствами: Сербией, Грецией, Болгарией.

Реакционная часть Тырновского учредительного собрания (Болгария) требовала двух палат. Во время одного из заседаний депутаты-реакционеры демонстративно покинули зал. Собрание ответило на это не менее демонстративным утверждением однопалатного парламента.

Любопытно, что, едва вступив на болгарский престол, князь Фердинанд счел необходимым запросить немецких (гессенских) юристов, можно ли править на основе конституции, не признающей второй палаты. Юристы ответили отрицательно.

Компетенция палат разграничивалась к неизменной выгоде верхней палаты.

4. Но время делало свое дело. Возрастающая непопулярность верхних палат, их темное прошлое, порядок их комплектования, исходящая от них консервативная сила, враждебная всем и всяким переменам, вынудили правящие классы менять ориентацию. Действительным противовесом "демократической опрометчивости" становятся прямые орудия буржуазной диктатуры: суд, полиция, армия, чиновничество.

Показателем постепенного падения верхних палат может служить, например, и такой факт: в 1893 году в английский парламент был внесен законопроект, разрешавший наследникам пэрского титула баллотироваться в палату общин при условии, что они пожертвуют титулом и местом в палате лордов. Законопроект, однако, не прошел.

Умаление верхних палат должно было усилить нижние. В какой-то мере это, несомненно, имело место, особенно во Франции, Бельгии, Нидерландах и некоторых других странах.

Над этим доминирует нередко другая тенденция, вполне проявившаяся уже в XX столетии - умаление роли парламентов вообще.

В Англии лорд Солсбери, один из наиболее заметных премьеров XIX века, должен был признать, что "власть кабинета над членами палаты общин так велика, что большинство палаты все более и более превращается в слепую машину", что палата общин "потеряла возможность принимать обдуманные решения", сохранив, однако, право на "настроение" и "причуды".

Процесс этот совершался, однако, постепенно и далеко не всюду. Наоборот, в ряде стран парламенты приобретают право на законодательную инициативу, которой еще не так давно лишались, право внесения поправок в правительственные законопроекты, контроля над правительством; там и здесь вводится вознаграждение депутатов; узаконяется гласность парламентских прений и неотчетственность депутатов за критику правительства.

Политическая (партийная) оппозиция признается неизбежным элементом парламентской системы. Правительства начинают с большим терпением переносить критику, особенно тогда, когда она отвлекает публику (и парламент) от действительно важных вопросов. Способности же провести закон у оппозиции всегда было не больше, чем у какой-либо влиятельной газеты.

Постепенно под влиянием партийной системы вырабатываются такие понятия, как "правые" и "левые". Родиной их являются континентальные парламенты.

В Англии же правящая партия и оппозиция меняются местами, как только выборы дают победу последней. Здесь принято, чтобы министры сидели по правой стороне от спикера, а депутаты правящей партии - за спинами своих министров.

Во Франции и других континентальных странах консервативные партии садятся, как правило, справа от председателя палаты; либералы занимают места несколько левее: самые же левые места предоставляются радикальным партиям и группам.

Но одно дело, оппозиция, принадлежащая к тому же классу, что и правящая партия, или во всяком случае близкая последней по мировоззрению, другое - парламентские фракции, представляющие рабочий класс или угнетенный народ, угнетенную страну (например, Ирландию в английском парламенте). В борьбе с ними парламенты изобретают средства, способные ограничивать и даже прекращать прения, если последние невыгодны правительству. Наиболее универсальным из великого множества подобных средств становится предложение о прекращении прений. После того как оно внесено (обычно депутатом большинства), прения по законопроекту либо не начинаются вовсе, либо тотчас прекращаются, и палата переходит к голосованию предложения. Непокорные депутаты смиряются с помощью таких средств, как публично выраженное порицание, лишение слова и даже удаление из палаты.

Неизбежным следствием всей этой новой ситуации становится охлаждение интересов к парламентским прениям - не только в широкой публике, прессе, но и в самой палате. Большую часть времени депутат проводит вне зала

заседания, в кулуарах палаты, за едой, разговорами. Здесь ожидает он призыва к голосованию: голос его засчитан заранее.

5. В той степени, в какой парламенты там или здесь теряли значение, усиливалась правительственная власть. Составление и редактирование законопроектов становится ее полной монополией.

Когда проект закона вносится депутатом, замечает французский государствовед Леруа (в книге "Эволюция государственной власти", изданной в начале настоящего столетия), он делает это без надежды на успех, с единственной целью напомнить о себе избирателю.

Правительства добились для себя права издавать постановления, минуя парламент. Последний уполномочивает кабинет издавать постановления по определенному кругу дел либо позволяет ему делать то же самое "в развитие закона", "в целях обеспечения закона". Соответственно и закон редактируется в более общей форме.

Английский государствовед Мюр (в известном сочинении "Как управляется Британия") констатирует, что "большую часть публичных актов, вносимых в свод законов, составляют ведомственные директивы, рождающиеся в административной практике чиновников".

То же пишет Леруа: "Парламент теряется перед администрацией во всех случаях, когда он собирается руководить ею", палата вступает в такие сношения с министерствами, с бюрократическими канцеляриями, "которые становятся все

более "интимными"; те же связи устанавливаются между парламентом и "частными ассоциациями", мнение которых он запрашивает и которые уже "разделяют с парламентом его суверенитет".

Как оказалось впоследствии, эта практика способна приносить положительный результат, и она становится непременной частью законодательного процесса. Многие законы снабжаются оговорками, позволяющими правительству, министерствам и просто чиновникам действовать "по усмотрению", то есть в связи с данной, практически нерегламентируемой ситуацией.

Но, конечно, нередко свобода усмотрения использовалась своекорыстно. Французский закон 1892 года запретил ночную работу для детей моложе 18 лет, а также для женщин в определенных отраслях промышленности. При этом правительству было предоставлено право делать "изъятия постоянного характера". Закон разрешал инспекторам труда временно отменять еженедельный день отдыха и все те ограничения, которые были установлены для продолжительности рабочего дня ("не более 11 часов в сутки").

"Если закон 1892 года не дал ожидаемых благотворительных результатов, - говорилось в докладе на V конгрессе французских профсоюзов (ВКТ) в 1900 году, - это следует приписать административным регламентам (то есть правительственным инструкциям), которые были изданы по этому предмету".

Контроль палаты над правительством становится в ряде отношений фикцией. Наблюдается как раз обратное: контроль правительства над палатой.

В XVII-XVIII веках какой-нибудь английский джентльмен мог еще толковать об ответственности министров, поскольку "сущность хорошей системы управления заключается в возможности найти кого повесить, если дела идут плохо". Этой возможности, по-видимому, больше не существует, если, несмотря на обилие министров-казнокрадов, министров-взяточников, ни один из них не был "повешен" ни в Англии, ни в какой-либо иной стране.

6. Усиление правительства сопровождалось увеличением числа чиновников. Этот процесс коснулся также Англии и Америки, где военщины и бюрократизма было меньше, чем на континенте Европы.

В Англии за короткий срок (с конца XIX и в начале XX вв.) создается несколько новых министерств и ведомств (образования, земледелия, труда и пр.), множество новых военных учреждений (военно-воздушное ведомство, комитет имперской обороны и пр.).

В Соединенных Штатах в 1900 году было 200 тыс. служащих, подчиненных федеральному правительству. В 1930 году их стало 600 тыс., в 1940-м -

миллион, в 1950-м - 2,5 млн. Это не считая бюрократических аппаратов штатов, органов городского управления и пр.

Благодаря своим профессиональным знаниям, выучке и опыту чиновники высших правительственных учреждений легко подчиняют себе министров, чаще всего мало знакомых с порученной им областью. Тот же из министров, который пожелает действовать, неизбежно сталкивается с медлительностью и проволочками из-за множества инстанций и того, что никто не хочет брать на себя ответственность

В большинстве буржуазных стран чиновник пользуется привилегией особой подсудности; его невозможно уволить в общем порядке; оскорбление чиновника наказывается строже.

При соответствующем поведении чиновник может быть уверен в повышении, ему обеспечен относительно высокий оклад, он имеет пенсию по старости (и притом значительную).

Чиновничество, бюрократия, подкупленная и продажная, сделались страшной силой, неизменно реакционной, эффективным противовесом демократическим формам управления и самоуправления.

Постепенно отменяются ограничения и запрещения, препятствовавшие тому, чтобы чиновник становился депутатом парламента. Если эти запрещения сохраняли силу, то только по отношению к низшим чиновникам. Министры и послы, высшие чины полиции, прокуроры и судьи, наконец, даже служащие финансовых ведомств получают доступ в парламент. В таких же странах, как Пруссия и Норвегия, чиновников даже поощряют баллотироваться, ибо таким образом усиливается та часть палаты, которая при всех условиях остается верной правительству.

Все большее внимание уделяется комплектованию полиции, ее надежности.

В то время как для замещения офицерской должности в полиции устанавливаются повышенные требования (в том, что касается социального положения, образования и пр.), рядовые чины полиции набираются намеренно из наиболее отсталых элементов, часто деклассированных; тупоумие не было в данном случае существенной преградой.

Конституции обязывали к тому, чтобы пост военного министра замещался штатским (по принципу: "оружие следует за тогой"). Тем не менее военщина приобретает решающее влияние на все дела, связанные с армией и флотом, а нередко определяет и внешнюю политику страны.

7. В избирательном праве рассматриваемого периода безусловно и полно господствуют цензовые системы. Всеобщее мужское избирательное право составляет редкое исключение и вызывается каждый раз особыми обстоятельствами.

На первом месте стоит имущественный ценз, разный в различных странах.

В Испании, Бельгии, Нидерландах и других государствах условием активного избирательного права был сделан налог; в Венгрии - право собственности на дом (по крайней мере с тремя комнатами); в Италии - доход, плата за квартиру и умение читать и писать: в Португалии и Бразилии - доход и т. д.

Принципом имущественного ценза была проникнута уже упоминавшаяся в своем месте прусская куриальная система. Она так понравилась, что ее принимают Саксония, Румыния, Россия и др.

В Пруссии не раз случалось, что за недостатком людей, обладавших максимальным цензом (первая курия) депутатов не выбирали, но назначали. В Берлине на одном из избирательных участков (1893 г.) представители первой курии составляли 0,3% голосующих, второй курии - 3,7%, третьей - 96%. Бисмарк, и тот признавал, что прусское избирательное право является бессмысленным и жалким.

Требование грамотности, предъявленное итальянской, бразильской и многими другими конституциями, в том числе конституциями штатов в Северной Америке, было по существу тем же имущественным цензом, но только косвенным: образование было доступно немногим имущим элементам общества.

Самыми разными являются требования, предъявляемые к возрасту голосующих: никакой научной основы для решения этого вопроса не существовало. Но, как правило, возрастной ценз редко спускался ниже 21 года. Для пассивного же избирательного права (то есть для права быть избранным) он почти всегда повышался (исключение - Англия) так же, как и имущественный ценз (25 лет - Франция, Германия, Бельгия; 30 лет - Австрия, Нидерланды и др.).

Женское избирательное право отвергалось. Прогресс нашел свое выражение в том, что в некоторых странах (Норвегия, Франция) стали допускать женщин к выборам в училищные советы: в Англии они начинают выбирать в местные органы. Незадолго до первой мировой войны женщины приобретают избирательное право в Новой Зеландии, Южной Австралии, некоторых штатах США.

В большинстве стран господствует система относительного большинства (как в Англии). Во Франции, Германии, Бельгии, Италии и других государствах с многопартийной системой принимается голосование в два тура.

Во втором туре баллотируются те из кандидатов, которые не получают абсолютного большинства в первом туре выборов. Это - обычное явление там, где выставляется множество кандидатов на одно место.

Пропорциональная система выборов, кое-где практиковавшаяся (Италия, например), не привилась.

Тайное голосование устанавливается раньше всего во Франции (в 1848 г.), затем почти повсюду (исключение - Венгрия, Дания и некоторые др.). Кое-где входят в практику закрытые кабины для голосования.

Б. Две главные системы буржуазного права

1. Английская буржуазная революция не создала систематических сводов нового права и почти не коснулась прецедентного права.

Нетронутыми остались старая судебная система и все судопроизводство.

Из законов, принятых и проведенных в период революции, наибольшее значение имели те, которые преобразовали феодальное право земельной собственности в буржуазное, особенно законы о секуляризации церковных земель, национализации королевских владений, конфискации поместий сторонников короля.

Реставрация Стюартов привела к отмене некоторых революционных установлений (например, в области уголовного права), но земельные законы, равно как законы, отменившие регламентацию промышленности и торговли, остались нетронутыми.

Все дальнейшее развитие пошло по пути приспособления старого феодального права к новым, буржуазным отношениям. Англии удалось, как справедливо замечает Энгельс, удержать большую часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание и даже прямо подсовывая буржуазный смысл под феодальное наименование'.

Преемственная связь между дореволюционным и послереволюционным английским правом нашла свое выражение в сохранении прецедентной системы и преемственности прецедентов.

Вследствие этого экономические и правовые отношения буржуазного общества стали выражаться "на варварски феодальном наречии".

Важной мерой, способствовавшей дальнейшему обуржуазиванию английского права и его некоторому упрощению, служили реформы 1873-1875 гг., которыми суды справедливости были слиты с судами общего права. Соответственно и нормы общего права перестали считаться особой системой, отличной от норм судов справедливости. Возникло единое прецедентное право, применяемое до сих пор. Закон отдавал очевидное предпочтение нормам права справедливости: "В случае разногласия между судами общего права и судом канцлера следует предпочитать нормы права справедливости".

Объяснить такое предпочтение нетрудно. Именно суды справедливости создали те самые институты права (или санкционировали их), которые в наибольшей степени способствовали буржуазным отношениям. В первую очередь указывают в данной связи на институт доверительной собственности. Благодаря ему одно лицо - действительный собственник имущества - могло

поручать другому лицу управление имуществом для целей, которые были ему указаны. Общее право не знало подобных отношений. Оно признавало доверительного собственника и игнорировало учредителя, поскольку последний добровольно отчуждал свое имущество в пользу другого и фактически им не распоряжался. На помощь учредителю пришел суд справедливости. Здесь прекрасно понимали, что, когда действительный собственник находит выгодным управлять своим имуществом через других лиц, ему не должно чинить препон. И суды справедливости взяли на себя защиту его интересов. Постепенно на основе полуфеодалного института доверительной собственности развился современный английский "trust", правовая основа для существования объединений капиталистов, главным образом акционерных компаний, где как раз собственник и управляющий не совпадают.

Часто полагают, что архаическая форма английского права должна стеснять практикующего юриста, особенно судью. Сторонам не возбраняется обращаться к стародавним судебным решениям и настаивать на их прецедентном значении, несмотря на разность эпох. Споры вокруг прецедента могут представляться злом, неизбежным и трудноодолимым.

Все это не совсем так, хотя, явившись в английский суд, и сегодня можно увидеть архаические формы и толстые книги в руках адвокатов и на судейском столе с торчащими из них закладками – сборники прецедентов.

В кажущемся на первый взгляд хаосе был известный порядок: решения высших судов обязательны для низших, решения палаты лордов (как высшей судебной инстанции) и высших судов обязательны для них самих; судьям одной и той же инстанции (формально не связанным решениями своих коллег) не рекомендуется создавать нормы, существенно расходящиеся между собой, высшие суды не связаны решениями низших.

Обращение к прецеденту не связано временем, но и юридическая теория, и еще больше практика стараются не выходить за пределы XVIII века.

Несмотря на свою кажущуюся консервативность, прецедентная система таит в себе огромные выгоды: она дает судье возможность широкого усмотрения, она делает право гибким в его применении на практике.

В противоположность английской, французская буржуазная революция произвела коренную ломку старого феодального права.

Мы уже говорили о том, что было сделано для искоренения феодальных отношений во французской деревне, для ликвидации цехов и гильдий, для отмены стеснений промышленности и торговли.

Законодательство революции отказалось от запрещения процентов по займам операциям, воспретило вечнонаследственную аренду и установило для нее максимальный срок (99 лет), а чтобы надежней обеспечить существование мелкого ремесла и торговли, возвестило малоприметное, но важное правило: покупка не ломает найма (что особенно важно в отношении строений, арендуемых под лавку или мастерскую).

В том, что касалось семейных отношений, революция прекратила действие канонического права, признала светский брак, допустила развод (в том числе по взаимному соглашению супругов), отменила родительскую власть над совершеннолетними детьми. Внебрачные дети, признанные отцом, были уравнены в правах с детьми "законными".

В наследственном праве Конвент принимает сторону ближайших родственников наследодателя, разрешив ему свободное распоряжение всего только 1/10 частью имущества при наличии нисходящих (детей и внуков) и 1/6 – при наличии боковых родственников (братьев, сестер).

Еще более существенным изменениям подверглась система старого уголовного права. Принятый в 1791 году Учредительным собранием уголовный кодекс исходил из следующих принципов: уголовный закон должен быть гуманным; нет преступления, которое не указано в законе; наказание должно быть соразмерно преступлению и вполне определенным.

Авторы кодекса отказались от множества "воображаемых преступлений" вроде ересей, святотатства, волшебства, сократили применение смертной казни, исключили членовредительные наказания.

В суде и судопроизводстве революция сделала не меньше. Достаточно указания на суд присяжных, введенный конституцией 1791 года, на состязательную форму процесса (взамен обвинительной), презумпцию невиновности и т. п.

2. В 1804 году Наполеон Бонапарт ввел в действие Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). В своих трех частях - лица, вещи, обязательства - Кодекс 1804 года регулировал имущественные отношения буржуазной Франции.

В основе Кодекса лежало революционное законодательство. Но только в основе: многое было просто отвергнуто (в особенности якобинское законодательство), многое видоизменено.

Составной частью Кодекса явилось приспособленное к обстоятельствам римское право (знатоком его был член комиссии по составлению кодекса Порталис). Не меньшее место заняло в нем и старое французское обычное право, право кутюмов (знатоком его был Тронше).

Авторы Кодекса писали: "Мы произвели, если можно так выразиться, примирение между писаным правом и обычаем во всех случаях, когда нам оказывалось возможным примирить их определения или согласовать друг с другом, не нанося удара общему делу. Полезно сохранять привычное, если оно не является дурным".

Римское право оказало особенное влияние на самую структуру Кодекса (заимствованную у "Институций"), на области вещного и обязательственного права. Семейное и наследственное право Кодекса претерпело влияние обычного права (особенно "Кутюмов г. Парижа"). В том, что касается личных прав (формальное равенство), Кодекс держался, как легко понять, революционного законодательства.

Несмотря на разнообразие своих источников, Кодекс Наполеона становится образцовым сводом законов буржуазного общества, примером для подражания. Много способствовали его славе язык, точный и ясный ("норма французского языка", по выражению Флобера), совершенная юридическая терминология и техника.

Стоя выше всех существовавших в его время кодексов, уже благодаря одному тому, что он признавал в принципе равенство

граждан, Кодекс Наполеона сделался сводом законов, легшим в основу кодификаций гражданского права всех частей света.

Распространению Кодекса много способствовали завоевательные войны, которые вела Франция при Наполеоне. В 1804 году кодекс вводится в Бельгии и Пьемонте, в 1806 году - в Баварии и Лукке; в 1808-м - в Вестфалии и Голландии, в 1809-м - на Сицилии; в 1810-м - в Бадене (Германия) и Польше. Он оказывает сильнейшее влияние на гражданское законодательство в Латинской Америке, Румынии, Греции, Швейцарии и т. д.

Наполеон говорил впоследствии, что ставит введение и распространение Кодекса выше своих "сорока побед".

Заметим в то же время (в опровержение распространенного заблуждения), что сам Наполеон не принимал участия в составлении Кодекса. Хотя, как он это обыкновенно делал со всеми своими служащими, активно подстегивал работу комиссии. Несколько раз Наполеон председательствовал на заседаниях Государственного совета, обсуждавшего готовый проект. Случалось, что он поражал выдавших виды юристов своей способностью схватывать сложные проблемы цивилистики, выражать ясной формулой трудный предмет.

Несколькими годами позже правительство Наполеона ввело в действие уголовно-процессуальный кодекс (1808 г.) и уголовный кодекс (1810 г.).

И тот и другой находились на столь высоком уровне, что и Гражданский. Недаром Энгельс называет кодекс 1810 года "классическим образцом" буржуазного уголовного права, "современным, буржуазным кодексом, покоящимся на социальных завоеваниях французской революции и переводящим их на юридический язык".

Значение кодекса 1810 года выявлялось в его сравнении с "кодексами патриархального деспотизма", продолжавшими действовать во всей Европе и в большинстве стран мира вообще.

Уголовные законодательства Бельгии, Голландии, Италии, Пруссии, Австрии, Баварии, Португалии, Мексики и многих других стран восприняли его как классический образец, и он действительно послужил для них классическим оригиналом.

В особом положении находятся уголовно-процессуальное производство и судоустройство. Здесь несомненно влияние английских образцов, в том числе и на французское законодательство - революционное и послереволюционное.

3. В то время как французские кодексы вовлекли в орбиту влияния большую часть континентальной Европы (и отчасти Латинской Америки), английская система права привилась в Соединенных Штатах Америки (хотя и в модифицированном виде), стала господствующей в большинстве английских колоний и доминионов (за некоторыми исключениями: во французских провинциях Канады продолжало действовать историческое французское право, в Южно-Африканском союзе, когда он был создан, - сплав английского и старого голландского права).

Два разных пути развития буржуазной революции - английский и французский - в совокупности с другими обстоятельствами привели к постепенному выявлению двух разных правовых систем. Благодаря тому значению, какое имели Англия и Франция, эти системы приняли международный характер.

Стало возможным говорить о двух мировых системах буржуазного права: континентальной и англосаксонской.

Основные различия между ними могут быть сформулированы следующим образом:

а) континентальная система права базируется на кодексах; англосаксонская ставит судебный прецедент на один уровень с законом (статутом), она, как правило, не знает кодексов, но придает огромное значение судебной практике.

Число судебных прецедентов, подлежащих применению на практике, исчисляется в Англии сотнями тысяч (от 300 до 500 тыс.). Помимо них имеются не менее 3 тыс. законов (статутов) и бесконечное количество актов делегированного законодательства.

В Соединенных Штатах прецедент имеет несколько меньшее применение в судах, чем это имеет место в Англии, однако и здесь издается ежегодно 350 томов судебных решений, могущих служить прецедентами.

Поскольку пользование прецедентным правом невозможно без свободы его истолкования, постольку английский и американский судья выступают в роли законодателей. "Теоретически, - пишет английский юрист Деннинг, - судьи не создают права, они только разъясняют его. Поскольку, однако, никто не знает, какова норма права, пока судья ее не сформулирует, следовательно, судьи создают право";

б) в том, что касается имущественных отношений, континентальная система права в большей степени проникнута началами, коренящимися в римском праве; англосаксонское право развивалось в меньшей зависимости от последнего (отсюда различия в терминологии и некоторые особые правовые институты);

в) англосаксонское право не знает деления на "публичное" и "частное" и потому питает некоторое "отвращение" к административной юстиции: государственные учреждения и чиновники отвечают за свои действия перед тем же судом, что и частные лица.

Различие той и другой систем носит главным образом формальный характер: Одинаковые производственные отношения, одинаковая степень развития семьи, единство принципов политической организации общества и т. д. определяют одну и ту же сущность права и в Англии и во Франции.

При всем этом существование важных различий в регулировании одних и тех же отношений собственности, наследственного права и пр. указывает на то, что экономические отношения (зависимость права от условий производства и

обмена) определяют развитие права в конечном счете, но что, помимо того, на это развитие оказывают сильное воздействие и многие другие факторы: исторические условия, религия, войны и смешения народов, а также

разного рода случайности, в том числе и такие, которые определялись характерами тех или иных исторических деятелей;

Ф. Энгельс справедливо пишет: "Основа наследственного права - экономическая, если предположить одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение объясняются во всех частностях только экономическими причинами"

4. Особый путь правового развития проделала Япония. Одновременно с преобразованиями в области государственного устройства здесь были предприняты кодификационные работы, упорядочено (на европейский лад) судостроительство.

К концу XIX века Япония имела уже новые уголовный, гражданский и процессуальный кодексы.

В основе буржуазных кодификаций в Японии лежали западноевропейские образцы. На первом этапе - французское право; на втором - с конца XIX века и до начала первой мировой войны - германо-прусские правовые кодификации.

В. Развитие буржуазного гражданского права

1. Среди кодификаций гражданского права, последовавших за Кодексом Наполеона и отразивших на себе его принципы, заслуживает быть отмеченным Австрийское гражданское уложение 1811 года. Сохраняя еще элементы феодального и канонического права, Уложение отдавало дань буржуазным институтам. Оно признало, по крайней мере на словах, равенство граждан перед законом, отмену крепостного права, свободу договорных отношений. Принцип формального равенства был сформулирован в духе теории естественного права: "Каждый человек имеет прирожденные... очевидные права и потому должен рассматриваться как лицо".

Признавалось, что брак является предметом договора, совершается независимо от воли родителей. Однако никакой брак, кроме церковного, не признавался, а развод (для католиков) запрещался.

Крупнейшей кодификацией буржуазного гражданского права является Германское гражданское уложение (ГГУ). Оно было введено в действие в 1900 году.

До этого времени не только каждое отдельное государство, входившее в состав империи, но даже самые незначительные области в пределах этих государств имели свое собственное право, свои особые юридические обычаи.

Общеимперские законы, конечно, существовали, но они в самой малой степени касались гражданского права.

Укажем, например, на постановления о ростовщичестве, опеке и нотариате, содержащиеся в полицейских уставах XVI века. Законы эти имели вспомогательное значение, то есть применялись при пробеле в собственном законодательстве данной области или провинции.

Общими для всей Германии были разве только нормы римского и канонического права. Что касается римского права, следует оговориться, что то было искаженное, переработанное в попытках приспособления так называемое современное римское право. Оно не могло заменить Германии собственного свода гражданских законов.

Для характеристики местного (партикулярного) права сошлемся на пример Баварии. Всего статутов, регулировавших гражданские правоотношения, здесь насчитывалось 44. Несмотря на такую свою многочисленность, они содержали массу пробелов.

Дореволюционный русский исследователь Пахман писал о Баварии, что здесь "не только небольшие территории, города и деревни, но отдельные дома и даже части одного и того же дома пользуются различным гражданским правом, так что... может случиться больные, лежащие в трех помещениях одного и того же дома, при составлении завещания должны соблюдать каждый отдельную форму".

Близким к тому было положение в Саксонии и многих других германских государствах.

Несколько по-иному было в Пруссии, где действовало так называемое Прусское земское уложение 1794 года, потеснившее в ходе применения

местные правовые установления. Однако, составленное под влиянием гнетущего страха, который нагнала на правящие династии французская революция, Прусское уложение в очень малой степени соответствовало буржуазным отношениям. Это был кодекс подновленного в духе времени феодального права. Он сохранял крепостное право, цехи, особый статус родовых вотчин и неограниченную власть помещиков над крестьянами.

Составление общеимперского свода гражданского права оказалось возможным только после объединения Германии, но и в этот период далось нелегко: кодекс вступил в силу через 26 лет после назначения комиссии для его составления.

Германское гражданское уложение составлено по так называемой пандектной системе. Оно состоит не из трех частей, как Кодекс Наполеона, а из пяти – общая часть (о лицах физических и юридических, сделках и вещах вообще, давности и т.п.) и четыре специальных: обязательственное право; вещное право (собственность, владение); семейное право; наследственное право.

ГГУ значительно превосходит французский кодекс по своему общему объему. Оно написано тяжелым слогом, доступным только специалистам, понимание затрудняется обилием ссылок одних статей на другие и необычным терминологическим оснащением.

Кодекс характеризуют и неопределенность формулировок, злоупотребление "отсылками к растяжимым и внеюридическим критериям, которые могут быть понимаемы по-разному и получили ироническое название "каучуковых правил" (И.С. Перетерский). Таковы отсылки к "добрым нравам", "доброй совести" и проч.

Существенные черты ГГУ определяются еще некоторыми специфическими обстоятельствами: германская буржуазия должна была мириться с политическим преобладанием Junkerства и потому принять как должное сохранение феодального землевладения и многих связанных с ним пережитков прошлой эпохи.

2. Право собственности определяется в Кодексе Наполеона следующим образом: "Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законом и регламентом".

Как легко видеть, Кодекс не говорит о "частной собственности", но только о "собственности" вообще. Законодатель не различает (в том, что касается общих определений права) право собственности на завод (на средства производства вообще) и, например, одежду, домашний скраб. С точки зрения Кодекса, все собственники.

Под пользованием имеется в виду извлечение приносимых вещью плодов. "Распоряжение" прибавляет к этому право определять судьбу вещи: право продать ее, заложить, подарить, уничтожить и пр.

Словами "наиболее абсолютным образом" Кодекс подчеркивает наименьшую степень зависимости от чужого, постороннего влияния (совершенно "неограниченного" права собственности в принципе нет: интересы собственников сталкиваются, и право старается развести их как можно дальше один от другого).

Наконец, в известных случаях может выступить наружу интерес всего класса собственников – интерес государства. Отсюда упоминание о "законе и регламенте".

Отчуждение собственности разрешается не иначе как "по причине общественной пользы". При этом сам собственник имеет право на "справедливое и предварительное вознаграждение".

Кодекс Наполеона делит всю совокупность "вещей" на две части: вещи движимые и вещи недвижимые. Несомненное преобладание отдается последним и раньше всего земельной собственности.

Собственнику земельного участка было отдано – и притом по трезвому расчету – и то, что находилось под почвой (на любой глубине), и то, что простиралось над ней (воздушное пространство).

Во всем этом был заключен определенный смысл. Право собственности на воздушное пространство служило, например, основанием к тому, чтобы насаждать деревья и возводить на участке сооружения. Право собственности на недра земли, на ископаемые не нуждается в комментариях.

В исключение из общего правила Кодекс разрешил продавцу недвижимости расторгнуть договор продажи, если оказывалось, что им недополучено 7/12 действительной стоимости вещи.

Не имеет большого значения, говорил Наполеон, как то или другое лицо распоряжается несколькими бриллиантами или картинами, но судьба территориальной собственности не может быть безразлична для общества.

Установленные Кодексом ограничения права собственности касались только таких действий собственника, которые затрагивали интересы других. Запрещалось, например, возводить сооружения, которые могли бы нанести ущерб соседу.

К таким сооружениям может быть причислена плотина, если по причине ее устройства остановилась мельница на нижележащем участке.

Очень скоро оказалось, что в первоначальный текст статьи о праве земельной собственности должны быть внесены существенные коррективы. В 1810 году издается закон, согласно которому земные недра могли разрабатываться не иначе как по специальному разрешению правительства (концессии). Собственник земельного участка оказался лишенным прав на то, что "находится снизу". Сделано это было к несомненной выгоде капиталистических предприятий, не желавших терпеть спекулятивного взвинчивания цен на землю, как только в ней обнаруживались уголь или металлы.

К выгоде той части капиталистов, чья собственность заключена главным образом в движимостях (акции, товары, ценные металлы и пр.), Кодекс Наполеона установил следующее, ставшее классическим, правило: добросовестный владелец вещи считается ее собственником, если владение публично и недвусмысленно.

Никакого другого основания для защиты такого рода владения не требуется. Если найдется лицо, которое пожелает его оспорить со ссылкой на недобросовестность, то именно оно, это лицо, должно недобросовестность доказывать, ибо презюмируется правило - "добросовестность всегда предполагается".

Предоставляя земельной собственности преимущественную защиту, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне могли пользоваться землей, доставшейся им в результате революции. Крестьяне зато отдавали ему своих сыновей и, несмотря на все разочарования, перенесли свою преданность императору на его ничтожного племянника.

Что касается Германского гражданского уложения, законодатель счел необходимым разрешить сохранение ленов и связанной с ними наследственной аренды. Он сохранил особый порядок наследования недвижимостей, принадлежащих имперской знати.

Но зато во многих других отношениях ГГУ в большей степени выражает интересы крупных капиталистических предприятий, чем более ранний Кодекс Наполеона. С самого начала устанавливается, что землевладелец не может препятствовать такому проникновению на его участок - сверху или снизу, - которое не затрагивает интересов земледелия. Он обязан терпеть, не требуя платы, проникновение газа, дыма и пара, сотрясение почвы и т. п., что связано с работой промышленного предприятия.

3. Английское право собственности, так же как и континентальное, делит вещи на движимые и недвижимые, но с некоторыми особенностями.

Вплоть до 1925 года аренда земельных участков (очень распространенная в Англии) относилась к категории "движимых вещей". Соответственно с тем она защищалась не общим иском о извращении отнятого владения, а менее обеспеченным "персональным иском". Этим подчеркивалась гнетущая власть

земельного собственника над арендатором - несомненный пережиток феодализма.

Движимые (или телесные) вещи относятся в английском праве к так называемой персональной собственности (в отличие от "вещной собственности" - земельной); к ней же относят все личные права, например, авторское или право на возмещение причиненного вреда.

Английское право признает и защищает владение как фактическое господство лица над вещь, связанное с намерением владеть.

Разъясняя это, английский юрист Э.Дженкс в книге "Английское право" (имеется в русском переводе, М., 1947) пишет, что слуга, оставленный стеречь господское имущество, не будет его владельцем, хотя фактически он им "обладает" (может сидеть в кресле, ездить на лошади), "он только заменяет хозяина в деле охраны его права на впадение этими вещами".

Предполагается, что всякое фактическое впадение правомерно. Тем не менее "из соображений сохранения мира и порядка" государство защищает впадение даже и в том случае, если оно неправомерно. Насильственное изгнание неправомерного владельца с занимаемой им недвижимости - в том числе, лицом, имеющим на нее бесспорное право, - означает уголовное правонарушение.

Право всегда предполагает владельца собственником, пока не будет доказано обратное, то есть пока суд не вынесет соответствующего решения.

Подобная практика коренится, как признает Дженкс, в старом феодальном праве, защищавшем фактическое феодальное землевладение независимо от того, в каком состоянии были документы, устанавливающие право владения, и были ли они вообще. "Этот факт, - прибавляет Дженкс, - создал поговорку, что "владение дает девять шансов из десяти возможных".

4. Допуская образование товариществ с неограниченной личной ответственностью участников по всем их долгам и обязательствам (в особенности так называемых полных товариществ), французское законодательство (особенно торговый кодекс 1807 года) проявляло недоверие к акционерным компаниям.

Соответственно с тем Кодекс Наполеона не знает понятия "юридического лица", то есть такого рода предприятия или организации, которые, будучи объединением определенного числа физических лиц, обладают имуществом, управляются и выступают во вне (в том числе, в суде) через представителя (которым может быть любое уполномоченное лицо, в том числе платный служащий).

Сказались подозрения, навеянные воспоминаниями о знаменитых аферах ХУП-ХУШ веков, но еще больше неразвитость капиталистических отношений. Ни Наполеон, ни его сотрудники, при всей их талантливости, не могли разглядеть в акционерной компании основную форму крупного капиталистического предприятия будущего времени.

Возникновение акционерных компаний относится к началу XVII века. В некоторой степени ими являлись и знаменитая Ост-Индская компания, и компания, учредившая Английский банк (1684 г.) для финансирования правительства, и правительственная Нидерландская Ост-Индская компания (1602 г.). Пайщиками всех этих компаний были люди известные, но уже тогда (во Франции, например) кое-где стали появляться акции на предъявителя.

Среди акционерных компаний, возникших в XVII веке и особенно XVIII, было много дутых, и они имели цепью ограбление мелкого пайщика, клюнувшего на обещание больших прибылей. Этим обстоятельством был вызван английский

закон 1720 года, запретивший образование акционерных обществ без предварительного правительственного разрешения.

Во Франции акционерные общества поощрялись в дореволюционное время, но были запрещены в 1793 году как орудия, с помощью которых совершались ограбления мелких вкладчиков.

В 1867 году правительство Наполеона III, проявив понимание ситуации; освободило акционерные общества от необходимости запрашивать предварительное разрешение. Стало достаточно простой регистрации (концессионный порядок уступил место нормативному).

Закон устанавливал еще минимальную цену акций (мера, направленная против их крайнего распыления) и некоторые гарантии для меньшинства

акционеров, которым незначительность капитала мешает влиять на дела компании.

Английское законодательство об акционерных обществах шло впереди французского. Это и понятно. Несмотря на стеснения, установленные законом 1720 года, акционерные общества создавались в Англии сотнями, и правительство само сделало их источником, откуда черпались займы.

В 1844 году акционерные компании получают полное признание закона в качестве юридических лиц, управляемых и представляемых директорами. Сохранялась, однако, солидарная ответственность акционеров в пределах всего их имущества, и это очень мешало привлечению капиталов.

В 1856 году было снято и это ограничение. Акционеры стали отвечать по долгам компании в пределах принадлежащих им акций.

В чем же выгода акционерной компании? Чем они так привлекают банки, многие из которых сделали образование акционерных компаний главным видом деятельности? Почему все основное железнодорожное строительство в XIX веке было основано на акционировании капитала?

Самый простой ответ в том, что крупное предприятие требует крупных средств. Банковский кредит всегда дорог и не всегда возможен. Остается сложение капитала. На это идут раньше всего крупные капиталисты. Их взносами создается финансовая основа компании. Затем следует привлечение капиталов, принадлежащих мелким держателям: лавочникам, ищущим выгодного применения деньгам, чиновникам, , верхам интеллигенции и пр.

Денежные или имущественные взносы акционеров составляют основной капитал компании, который по закону должен оставаться неизменным в течение всего времени существования компании. Тратить его разрешалось только на покрытие обязательств при окончательной ликвидации дел.

Акции могут быть двух видов - именные и на предъявителя. Наиболее удобными оказались последние. Они легко (куплей-продажей) переходят от одного собственника к другому.

По общему правилу, ответственность акционеров ограничивается размером акции. Чистая прибыль компании (дивиденд) распределяется в соответствии с величиной долевого участия (то есть определяется суммой акции).

В тех случаях, когда акции компании не распределяются между самими ее учредителями, они поступают в продажу (на бирже) или распространяются по публичной подписке.

Главным органом компании является общее собрание акционеров. Голос в этом собрании принадлежит лицу как таковому, а акции: чем больше акций, тем больше голосов. Для решающего влияния на ход дела достаточно было владеть "контрольным пакетом", содержащим от 30 до 40 процентов акционерного капитала.

В зависимости от хода дел, от величины прибылей и прочих обстоятельств фактическая стоимость акции (цена, по которой они продаются на бирже) может быть выше номинальной и ниже. На этом основана биржевая игра на повышение и понижение (в первом случае хотят с наибольшей выгодой продать акции, во втором, наоборот, - скупить их по дешевке).

В Германском гражданском уложении юридические лица и акционерные общества в особенности получают с самого начала свое полное признание. Способ их возникновения сравнительно прост (разрешение местного правительства).

Существует, конечно, немало разновидностей акционерной компании. В некоторых странах допускаются такие компании, где хотя бы один из учредителей отвечает всем своим имуществом (так называемое коммандитное товарищество на акциях). В Германии получила распространение узаконенная в 1892 году компания с ограниченной ответственностью; управление ею упрощено (нет ни общего собрания, ни наблюдательного совета), зато передача акций (паев) затруднена, и они не выступают на бирже.

5. В центре обязательственных отношений, урегулированных Кодексом Наполеона, находится договор. Он определяется как соглашение, посредством которого лицо или лица обязываются по отношению к другому или другим что-либо дать (например, при купле-продаже), что-либо сделать (например, при

найме рабочей силы) или не делать чего-либо (воздержание от невыгодных другой стороне действий, например от выпуска конкурирующей на рынке продукции) .

Главным условием действительности всякого соглашения признается "согласие стороны, которая обязывается". Согласия нет, если оно было результатом заблуждения, если оно исторгнуто силой или обманом.

На этом основании конструируется принцип "свободы договора", основополагающий для буржуазного права, особенно в первый период его существования.

Запрещая физическое насилие, законодатель XIX века игнорирует - и притом сознательно - насилие, которое один класс совершает в отношении другого, насилие экономическое. Рабочий может уйти от предложений одного из нанимателей, отказаться от условий, предлагаемых другими, но он не может уйти от всего класса капиталистов и в конце концов примет навязанные ему условия.

Законодатель запрещает обман, но он сознательно игнорирует тот простой факт, что предположенное им равенство сторон в договоре есть (когда дело касается рабочих и предпринимателей) формальное, а значит, ложное равенство.

Основанная на формальном согласии сторон "свобода договора" ложна и во многих других отношениях. Мы уже не говорим о той стороне дела, что в своей массе договоры в той или иной степени предопределены данным состоянием экономических связей, данным уровнем производства и обмена. В отношениях между самими предпринимателями "свобода договора" представляет собой весьма нередко юридическую фикцию, поскольку существует неравенство богатств, зависимость одного предприятия от другого, борьба за кредит, конкуренция на рынке и пр. Все это, однако, отступает на задний план перед бесправием рабочего, перед циничным навязыванием ему условий труда на основе так называемого свободного соглашения. При всем том свобода договора, будучи крупнейшим завоеванием буржуазных революций, служила еще и той юридической опорой в борьбе рабочего класса, которая позволила ему принудить нанимателя к заключению коллективных договоров, немало послуживших удовлетворению коренных интересов широких слоев трудящихся. Но об этом позже.

Германский гражданский кодекс держится тех же принципов, что и французский, но различие времени сказалось и в данном случае.

Нигде, кроме разделов, трактующих об обязательствах, не находим мы такого обилия "каучуковых формул".

Параграф 138 заявляет, что сделка, нарушающая нормы общественной нравственности, недействительна; § 157 разрешает судьям истолковывать договоры, как этого требуют добрая совесть и обычаи оборота и т. д.

Привлекая на службу классовой буржуазной юстиции внеправовое и неопределенное понятие "доброй совести", авторы ГГУ делают вид, будто существует некая общая всем мораль. Но неизменно оказывалось, что борьба за рынок, за монополизацию продажи товаров и т. п. соответствует "доброй совести", несмотря на неизбежно следуемое вздорожание цен и разорение неудачников, а борьба рабочих со штрейкбрехерами противоречит ей.

Уже упоминавшийся § 138 имеет второй абзац, гласящий, что всякая сделка, посредством которой одно лицо приобретает выгоды, используя нужду другого лица (так что эти выгоды несоразмерно превосходят его встречные обязательства), может быть расторгнута по суду. Эту норму выдают обыкновенно за проявление особой заботы о рабочем человеке, нанявшемся в период безработицы на крайне невыгодных условиях.

Опровергает ли §138 то, что мы говорили о характере свободы договора? Можно ли было воспользоваться сформулированной в нем привилегией? В известных случаях - несомненно, но при условии, что суд согласится признать несоразмерность выгод нанимателя и если будет доказано, что наниматель действительно знал о крайней нужде нанявшегося (?!).

Что же следует за признанием недействительности договора? Только одно - возвращение в прежнее состояние, то есть увольнение с работы, но не обязанность нанимателя прибавить зарплату.

6. Английское договорное право мало отличается от континентального. Разве только по форме. Здесь еще с феодальных времен удерживалось деление договоров на "формальные" (скрепленные печатью контрагентов) и "простые". Формальные договоры требовали строго определенных типов сделок - продажи, найма, поручительства, перевозки и т. д. Новые типы соглашений, возникавшие в ходе буржуазного развития, игнорировались старым договорным правом Англии.

На помощь пришла судебная практика. В борьбе с формальной теорией она (начиная с XVI в.) выдвинула другое основание действительности договоров - встречную выгоду, встречное удовлетворение.

Дженкс пишет, суд уже не ставит вопрос: "Что это за договор: продажа, наем, предоставление услуг или какой-то другой?" Он считает иск обоснованным (а договор действительным), если из него следует, что стороны приняли на себя обоюдные обязательства и что ответчик, заключая договор, дал обещание (дать или сделать) в обмен на обещание истца.

Требовалось только, чтобы в договоре значилось его "основание", то есть содержалось определенно выраженное обещание уплатить деньги, упоминание об уже произведенной уплате и т. д.

Оттеснив "формальные" договоры, ограничив их узкой сферой земельных отношений, простые договоры явились гибким орудием установления любой формы обязательственных отношений и их защиты в суде. Континентальное право воспользовалось этим достижением для конструирования единой, свободной от стеснений, формы договорного обязательства.

Английская доктрина и право немало потрудились над установлением условий, делающих договор недействительным (в особенности "суды справедливости"). Заведомый обман контрагента, имеющий целью побудить его вступить в соглашение, является, по общему правилу, основанием для расторжения договора. Так (по Дженксу), если продавец лошади заявит, что он купил ее на предыдущих торгах за 500 фунтов, и это окажется ложью, есть основания для иска об обмане, но если он скажет: "Несомненно, на предстоящих скачках эта лошадь придет первой" - и это будет заведомым враньем, оснований для аннулирования продажи нет.

Различают также простое умолчание о каких-либо порочащих фактах (нет основания для иска) и намеренное, трактуемое как обман. Если продавец утверждал, что он продает Рубенса, и благодаря этому была куплена подделка, есть основания для иска об обмане: но если сам покупатель полагал, что это Рубенс, а потом оказалось нечто иное - оснований для расторжения сделки нет.

7. Французский кодекс держится принципа строгой исполнимости договора независимо от условий. Договоры, законно заключенные, говорит он, имеют для сторон силу закона.

Единственный случай, когда расторжение договора допускается, - обоюдное согласие сторон.

Война, стихийные бедствия, экономические потрясения и т. п. могли, по общему правилу, повлечь за собой отсрочку исполнения, но не расторжение договора.

Английское право держалось того же принципа. Никакое событие, даже самое непредвиденное, замечает Дженкс, наступившее после совершения договора, не может освободить сторону от выполнения обязательств по договору. Этот принцип, прибавляет он, утвердился со времени гражданской войны (середина XVII в.).

Речь идет, по-видимому, о прецеденте "Парадин против Джейна". В этом деле Парадин требовал, чтобы Джейн заплатил арендную плату за сданный ему в пользование сарай. Джейн возражал на том основании, что пожар уничтожил сарай до того, как он смог им воспользоваться. Суд стал на сторону истца. "Если, например, лицо, - продолжает Дженкс, - договорилось уплатить определенную ренту за ферму или дом, то, если даже ферма будет разрушена наводнением или дом сгорит после того, как оно вступило во владение ими,

оно все же несет обязательство уплатить ренту, за исключением случая, когда разрушение произошло по вине хозяина и если иное не предусмотрено в договоре".

Принцип неизменяемости договора, уязвимый в своей основе, не выдержал испытания временем (в том числе и в самой Англии). На это указывали уже соответствующие параграфы Германского гражданского уложения, предоставившие суду возможность широкого усмотрения и в том, что касалось исполнимости договоров, в особенности § 157, ставящий исполнение договора в зависимость от того, как применительно к данному случаю суд истолкует "добрую совесть" и "обычай оборота".

Особый (и немаловажный) раздел обязательственного права составляют нормы, посвященные "средствам вешного обеспечения" обязательств. Среди них ипотека, известная с афинских времен, равно как и другие виды залога. Наибольшую ненависть бедняков вызывало так называемое право удержания, то есть право кредитора удерживать вещи должника, оказавшиеся в его руках: так, арендодатель удерживает на законном основании инвентарь арендатора (до уплаты долга квартирохозяин - мебель и утварь квартиронанимателя и пр.

Займовые операции снабжаются процентами. По французскому закону, величина их определялась заранее: 5% - в гражданских сделках (обыкновенных) и 10% - в "коммерческих".

8. В том, что касается семейного права, Кодекс 1804 года устанавливает принцип светского брака (церковный не обязателен). Главой семьи является муж. Он "оказывает жене покровительство", за что она должна платить "послушанием". Жена обязана жить вместе с мужем и в том месте, какое определит муж. Она не может вступать в договорные отношения и заявлять иски в суде.

Даже в том случае, когда соответственно брачному договору имущество супругов разделяется, жена не вправе что-либо отчуждать, закладывать или дарить без согласия мужа. Единственной ее льготой является право составить завещание.

Развод разрешался в точно определенных случаях: вследствие злоупотреблений, грубого обращения или тяжелых обид, а также (что было наибольшим достижением кодекса) из-за обоюдного упорного несогласия супругов продолжать брачные отношения.

Последнее вызывало особую злобу католической реакции. По настоянию Церкви (до сих пор отрицающей развод для католиков) постановления о разводе были исключены из кодекса.

Закон предоставлял мужу требовать развода во всех случаях, когда он мог доказать "прелюбодеяние жены". Жена могла требовать развода по причине прелюбодеяния мужа только в том случае, "если он держал свою сожительницу в общем доме".

Это неравенство унижительно для женщины, но объясняется довольно просто. Отцом ребенка, зачатого в браке, кодекс (за несущественным исключением) признает мужа. Таким образом, всякий рожденный в браке ребенок будет законным наследником отцовского (и материнского) имущества. Но законодатель, следуя древнейшей традиции, тому интересу, благодаря которому возник парный брак, желал, чтобы наследство доставалось детям, зачатым от наследодателя. Прелюбодеяние мужа не имеет в этом случае значения, ибо "поиски отцовства" (а значит, и алименты на содержание внебрачных детей) не могут иметь места в судебном порядке. Закон их не знает. Только "осквернение семейного очага", то есть нарушение принятых правил добропорядочного поведения вынуждает законодателя согласиться с правом жены потребовать развода.

Этой теме посвящен известный рассказ Г. Мопассана "Избавилась": молодая маркиза де Реннедон, желая развода, решает нанять горничную, которой поручает соблазнить мужа (за плату, конечно). Та великолепно справляется с поручением и по уговору с хозяйкой назначает время прелюбодеяния... "Когда часы начали бить - трах, я настезь распахнула дверь... Ха, ха, ха... роман в самом разгаре" и т. д. При этой сцене присутствуют, разумеется, заранее приготовленные свидетели: папа молодой

маркизы, привратник и, разумеется, представитель так называемой полиции нравов.

Либеральная публицистика, равно как и юристы, подвергала неравенство полов в разводе уничтожающей критике. И это сделало свое дело. В 1884 году указанное выше ограничение было снято.

Развитие капиталистической промышленности, рост буржуазного государственного аппарата и прочие подобные обстоятельства вызвали потребность в женской рабочей силе (тем более что она хуже оплачивалась).

Неизбежным следствием стало улучшение правового положения женщины.

В 1907 году французский законодатель предоставляет женщине право свободно распоряжаться заработком, включая право иметь личные сбережения. Она стала распорядительницей своего движимого имущества, получила право выступать в суде по спорам, связанным с ее имуществом. В случае спора между супругами их доли в общих расходах стал определять суд.

Германское гражданское уложение точно так же исходит из главенства мужа в семье. Он решает все основные вопросы, связанные с существованием семьи, один владеет имуществом семьи и выступает в суде по делам семьи. На жену же возлагается ведение домашнего хозяйства.

Новое время отразилось, однако, и на этом своде. Жена остается собственником имущества, которое она принесла в дом или нажила в браке; она вправе требовать раздельного жительства, может заниматься своей профессиональной деятельностью (при несогласии супруга решение принадлежит суду). Законные мотивы развода одинаковы как для мужа, так и для жены.

Но и здесь не обошлось без той же размазанной фразеологии. Причинами развода выставляются: глубокое потрясение семейных основ в результате

"бесчестного поведения", "противных нравственности" поступков и пр. Толкование принадлежит суду.

Своих законных детей отец (по ГГУ) содержит соответственно собственному материальному положению. Незаконным он выплачивает алименты (важное отличие по сравнению с Кодексом Наполеона) в соответствии с социальным положением матери детей.

В этой дифференциации нельзя не видеть заботы о богатом развратнике, "соблазненном" собственной горничной.

Наконец в 1912 году в целях примирения судебной практики с действующим правом была изменена ст. 340 Кодекса Наполеона, в своей первой редакции запрещавшая поиски отцовства и соответственно с тем требование алиментов на содержание внебрачных детей. Теперь такие требования стали допустимыми, но при наличии известных условий. Ими признавались: обещание жениться; наличие писем и т. п. документов, подтверждающих отцовство данного лица; недвусмысленная явная связь между отцом и матерью внебрачного ребенка; проявление заботы предполагаемого отца по отношению к ребенку и пр.

Английское брачное право точно так же, как и континентальное, пережило серьезную эволюцию. Наряду с церковным стал возможен брак светский. Место "отлучения от стола и ложа" занял развод, узаконенный в 1857 году. При этом "простое прелюбодеяние мужа" не признавалось основанием для развода вплоть до 1923 года, тогда как муж и до этого времени мог опираться на "прелюбодеяние, совершенное женой после заключения брака".

В противоположность "простому прелюбодеянию" английский закон указывал на "квалифицированное прелюбодеяние", то есть соединенное с кровосмесительством, двоеженством, жестоким обращением или оставлением жены по крайней мере на два года (без уважительных причин). При таком прелюбодеянии развод допускался и для жены.

Процесс о разводе требовал в Англии двух стадий: признав иск основательным, суд переносит решение на шесть месяцев, поскольку в течение этого времени могут выясниться "помехи" к разводу (к ним относится, в частности, стовор между супругами о разводе из каких-либо корыстных побуждений).

Английское право упорнее всякого другого считало (и это было 700-летней традицией), что под словом "ребенок" имеют в виду только законнорожденного ребенка, дитя, рожденное в браке, а не вне его. Никакой способ усыновления, в том числе и последующим браком родителей, не допускался.

Родительская власть во всех буржуазных законодательствах принадлежит мужу. Различия определяются ее степенью. Но ни один закон не запрещал отцу применение "исправительных мер".

9. Кодекс Наполеона закрепляет буржуазный принцип единства наследственной массы: ни один вид собственности не имеет привилегий перед другим.

Законными наследниками признаются раньше всего прямые нисходящие (дети, внуки). Они исключают всех других. Затем, то есть при отсутствии прямых нисходящих, идут боковые родственники (братья и сестры). Они делят имущество с родителями наследодателя - и так далее вплоть до 12-й степени родства.

В том, что касается завещаний, кодекс держится принципа "обязательного наследования". При одном ребенке завещатель вправе свободно распорядиться половиной имущества (другая половина при всех условиях остается ребенку), при двух детях - одной третью, при трех - одной четвертой долей имущества.

Обязательной доли в пользу нисходящих требует и ГГУ. Но оно не ограничивает круг законных наследников никакой степенью родства: наследство должно найти хозяина!

В наследственном праве Англии существовала, как говорит Дженкс, "поразительная особенность". Она заключалась в сохранении двух разных порядков наследования. Один из них имел преимущественное распространение в сфере старинной земельной собственности.

Наследственные имения - дань феодальному прошлому - переходили обычно старшему наследнику. Нисходящие исключали всех остальных. Мужчины исключали женщин. Старший по возрасту наследник исключал всех других.

"Персональное наследство", то есть главным образом движимые вещи, распределялось между наследниками по правилам, мало отличавшимся от континентальных.

В то же время в Англии утвердилась (со времени революции XVII века) полная свобода завещательного распоряжения, ничем не стесненная завещательная свобода, распространяющаяся на все виды наследственного имущества.

Г. Развитие буржуазного уголовного права

1. Наказы депутатам Генеральных штатов 1789 года изобиливали требованиями коренных реформ уголовного права. Избиратели хотели, чтобы пестрая смесь римского и обычного права, ордонансов и судебных решений была заменена кодексом уголовного права. Наказы настаивали на равенстве граждан перед уголовным законом, на смягчении карательных мер, на том, чтобы наказания не распространялись - как было до того - на близких преступника, на его семью. Требовали определенности наказаний.

Хотели ненаказуемости "религиозных преступлений" и, конечно, преступлений против так называемых добрых нравов.

На многих наказах лежит печать просветительной философии. Одним из первых Монтескье настаивал на том, что закон обязан карать только внешние действия, признанные преступными, но не мысли, не намерения.

Он же восстает против убеждения, будто жестокость наказания является необходимой: тогда наилучшими должны быть признаны самые жестокие законы.

Следом за Монтескье Ч.Беккариа будет отстаивать гуманизацию наказаний, ограничение судей абсолютно определенными санкциями т.^.

Вольтер издевается над правительствами, использующими жестокость закона в интересах политики и для дисциплинирования администрации. "В нашей стране, - иронизирует он, - не мешает время от времени убивать одного адмирала, чтобы придать бодрости другим".

Марат требует (в своем Plane уголовного кодекса) соразмерности наказания. Сурово карать легкое нарушение законов - во Франции в то время казнили за мелкую домашнюю кражу - "значит не только зря пускать в ход весь авторитет власти", пишет он, "это значит множить преступления, это значит толкать преступников на последние крайности".

Учредительное собрание пыталось реализовать новые принципы уголовного права в кодексе 1791 г.

Оно отказалось от "воображаемых преступлений", порожденных фанатизмом и невежеством, приняло идею ограничения судейского усмотрения точным предписанием закона (вплоть до запрещения толковать его); отказалось от квалифицированной смертной казни ("достаточно простого отсечения головы") и т. д.

Буржуазно-демократический характер уголовного кодекса 1791 года противоречил интересам политического режима, сложившегося при Наполеоне. В 1808 году назначается комиссия по кодификации уголовных законов во главе с Тарже. В 1810 году УК Франции был утвержден.

Однозначная оценка кодекса вряд ли возможна. По сравнению с уголовным правом феодальных монархий, с необыкновенно жестоким английским уголовным "кодексом", германскими и австрийскими уложениями французский кодекс 1810 года явился актом несомненного прогресса.

Классический (для буржуазного права) характер кодекса был очень заметен в формулировании общих принципов уголовного права, в определении признаков преступного деяния и многом другом.

Но в том, что касалось наказаний, кодекс 1810 года заимствует у прошлого времени много такого, что свидетельствовало о жестокости, мстительности и неразборчивости режима.

Кодекс предписывает смертную казнь для неоправданно широкого круга преступлений, включая политические. Он не признает смягчающих вину обстоятельств. Он сохраняет позорящие наказания в виде клеймения, выставления у позорного столба и как

дополнение к смертной казни отсечение руки. Он допускает "гражданскую смерть".

Юридическое состояние "гражданской смерти" было известно древнеримскому и феодальному праву. Заключалось оно в лишении имущественных, родительских прав, иногда изгнании и т. п.

Кодекс 1810 следовал той же традиции. Всякая сделка, заключенная осужденным к "гражданской смерти", считалась незаконной, всякое приобретенное им имущество отходило казне. Жена в случаях, если она не желала разлучения, признавалась наложницей, дети, рожденные ею, - незаконными.

Отказ от учета смягчающих вину обстоятельств был данью средневековому праву с его пренебрежением субъективной стороной преступления (оценивался главным образом объективный вред; мотивы преступления мало интересовали), но еще больше - использованием традиции в интересах усиления наказаний.

Допущение широкого судейского усмотрения в выборе средств наказания - большое зло. Но далеко не благо и другое, прямо противоположное - стеснение судьи узкими рамками предписаний, запрещение смягчать или усиливать наказания в зависимости от обстоятельств дела. Именно это последнее характерно для такого реакционного свода, каким была австрийская Терезиана 1769 года. И то же самое можно сказать о Прусском земском уложении 1794 года. В Баварии закон запретил даже научное комментирование уголовного права.

Существенные изменения были внесены в УК 1810 года только после революции 1830 года. Среди них - признание смягчающих вину обстоятельств и отмена позорящих наказаний. Несколько позже (в 1854 г.) была отменена "гражданская смерть". В конце концов почти все европейские страны отказались от "гражданской смерти". Она заменяется в том или ином виде ограничением правоспособности, например, запрещением занимать должности в государственном аппарате, лишением званий и пр.

Французский уголовный кодекс оказал важное влияние на развитие уголовного права в других странах: Италии, Испании, Голландии, Румынии, даже Турции и Японии.

2. Либерализация уголовного права, начатая французской революцией, коснулась и Англии.

В начале XIX века английские законы угрожали смертной казнью почти за все мыслимые и немыслимые преступления (по 240 составам!). Смертью каралось не только убийство или грабеж, но также увечье животных, письменная угроза, лесная порубка и почти всякая, в том числе копеечная, кража (например, вещи, стоящей один шиллинг, если она украдена на рынке, и 5 шиллингов, - в доме или в лавке).

Излюбленными наказаниями служили колесование, четвертование, извлечение внутренностей из живого тела и проч.

Англия, конечно, не составляла исключения. В Пьемонте подвергали жестоким наказаниям за богохульство, в Испании сохранялось отрезание языка, в России и Пруссии забивали шпицрутенами. Тем не менее Энгельс не без основания считал английский уголовный "кодекс" самым жестоким.

В 1819 году последовали наконец законы, отменившие четвертование и другие непомерные жестокости; позднее - законы, смягчавшие наказания за мелкие преступления, но только с 1841 года начинается ограничение смертной казни.

3. Либерализация буржуазного уголовного права не успела закончиться, как наступает поворот к усилению репрессий. Причина этого процесса - обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, о чем наглядно свидетельствовали Июньское восстание 1848 года и Парижская Коммуна, Первый Интернационал и образование социалистических партий, первые массовые забастовки, наконец, революция 1905 года в России.

Новая полоса в истории буржуазного уголовного права нашла свое выявление уже в Германском уголовном кодексе 1871 года. Он содержал широкие, неопределенно сформулированные составы преступлений (в этом заключалась важнейшая его особенность), значительно усиливал наказания за политические преступления.

С изданием Германского УК начинается некоторое "перемещение" ориентаций: французское влияние уступает место немецкому.

Наиболее яркий пример - Япония. Здесь в 1882 году вступил в силу уголовный закон, переписанный с французского. Вслед за тем была назначена комиссия по составлению нового УК, взявшая за образец германский кодекс. В 1908 году новый японский УК был введен в действие.

Одна из его статей преследовала "преступления против императорской фамилии", и под эту формулу японским судам ничего не стоило подводить любое антиправительственное действие или намерение. На ее основании были осуждены к смертной казни социалист Котоку и его 11 товарищей (а еще 12 человек - к пожизненным каторжным работам). И процесс этот был, конечно, не единственным.

Германское влияние отразилось на уголовном законодательстве Греции, Румынии и других государств.

Еще больше усиливали репрессию за политические преступления специальные законы, среди которых уже известный нам германский "исключительный" закон против социалистов. Во Франции те же цели преследовались террористическим законом "О наказаниях, налагаемых на членов Международного общества рабочих" (1872 г.) и в особенности "злодейским законом" "О пресечении происков анархистов", с помощью которого можно было осудить кого угодно (1894 г.). Что касается Японии, отметим закон 1900 года "Об охране общественного порядка и спокойствия". Им устанавливалось тюремное наказание за подстрекательство к забастовке, за участие в митингах, запрещенных полицией, за участие в политических организациях и пр.

Чуть ли не общим правилом становится осуждение не за действия, но за "преступные намерения", "за опасные мысли".

Известное значение для политики усиления репрессий имел рост общеуголовной преступности и рецидива (повторяемости преступлений). Если,

например, в 1850 году в общей массе осушенных французскими судами было 28% привычных (профессиональных) преступников, то в 1893 году их было уже 58%. В Германии процент рецидивистов был еще выше: 85% среди мужчин и 76% среди женщин (1895 г.). В Англии, Австрии и Других странах было не лучше - от 60 до 75% рецидивистов.

И еще одна примечательная черта: в то время как кодексы, составленные в начале века, держались принципа строгой определенности наказания, вводили сложные, детально разработанные "прейскуранты" наказаний, кодексы конца века (голландский, швейцарский и др.) предпочитали некие "обобщенные" неопределенные санкции, открывая тем самым широкий простор судейскому усмотрению.

4. Для феодального государства наказание было главным образом средством массового устрашения. "Чтобы другим неповадно было" - как гласит старый русский юридический текст. Отсюда столь широкое обращение к смертной казни в ее страшных, невообразимо чудовищных формах.

О воспитании и перевоспитании преступника говорилось редко и лицемерно, в плане "вразумления под страхом".

В античной литературе, например у Платона, связь между наказанием и воспитанием выступает отчетливо, но о каких-либо мерах, стимулирующих это воспитание, не говорится. Депо ограничивается признанием воспитательного характера самого наказания. "А преступающего законы государство наказывает, - говорит софист Протагор у Платона, - и название этому наказанию... исправление, потому что справедливое возмездие исправляет".

Первые попытки связать тюремное заключение с мерами исправительного характера были предприняты только в XVIII столетии. Они не дали существенных результатов, но навели на важную мысль: исправление в сочетании строгого режима с трудом, доставляющим некоторый заработок.

В этом отношении заслуживает упоминания тюрьма в г. Генте (Фландрия), где соответствующий опыт был поставлен в 70-х годах XVIII века.

Иной путь исправления преступника был опробован известной Пенсильванской тюрьмой (США), основанной в 1768 году. Она сохраняла общие мастерские и спальни для неопасных преступников, но "гвоздем" созданной здесь системы служило ода-ночное заключение. Устроители тюрьмы надеялись на то, что одиночное заключение в сочетании с абсолютным молчанием будет способствовать углубленным размышлениям и поведет преступника по пути духовного перерождения.

Свое последовательное воплощение эта идея нашла в Филадельфийской же (Пенсильвания) тюрьме, выстроенной в 1829 году. Тюрьма была построена с таким расчетом, чтобы из единого центра возможно было видеть все коридоры и все кельи. Последних было около 600 (шести метров в длину, двух - в ширину).

Изоляция арестантов была полной. Из своих камер они не выходили до конца заключения. Чтения не полагалось. Работа давалась не иначе как по просьбе арестанта. Предписывалось полное молчание. Разговаривать с лицами тюремной администрации разрешалось только шепотом. "Могильная тишина, - пишет Таганцев, - полная праздность, отсутствие движений действовали на этих заживо погребенных столь же разрушительно, как и дореформенные тюрьмы".

Пенсильванская система вызвала к жизни значительную литературу, привлекла внимание правительств других стран, но усваивалась медленно.

Во Франции одиночное заключение было введено в 1875 году, и то для приговоренных на короткий срок. Только "злодейские законы" ("против анархистов") поколебали это правило.

Германский уголовный кодекс разрешил одиночное заключение на срок до трех лет.

Воплощением пенсильванской системы в Германии служила Берлинская тюрьма Моабит. Она была открыта в 1844 году. В ее 12 сходящихся к центру коридорах размещается 520 камер. Даже в тюремной церкви заключенный не выходит из особой будки. На прогулке он надевает маску, чтобы его не

узнали. Работа была обязательна, чтение разрешалось, но литература подбиралась администрацией.

Наибольшее применение одиночное заключение получает в Бельгии и Голландии, но ограничивается предельным сроком (в Бельгии до 10 лет, в Голландии до 5).

Англо-ирландская пенитенциарная (тюремная) система - как она сложилась в XIX веке - заключала в себе оба возможных элемента: одиночное заключение на первом этапе, каторжные работы при общем заключении - на втором.

Насколько можно судить, английское законодательство не строило никаких иллюзий насчет целебного свойства "одиночки". Оно смотрело на систему разъединения арестантов (включая прогулки в масках и при полном молчании) как на особо мучительную форму наказания и из этого исходило. Поэтому одиночное заключение ограничивалось относительно кратким предельным сроком (9 мес. для мужчин, 4 мес. для женщин). Работа давалась арестанту не для исправления, а в виде поощрения за хорошее поведение.

Принудительные работы, назначавшиеся после одиночного заключения, поощрялись с помощью особых жетонов (марок), выдававшихся за старание, хорошее поведение и прочие заслуги.

Полученные в соответствующем числе марки давали право на переход в "высший класс" заключения, где действовал облегченный режим, и на досрочное освобождение, применявшееся,

впрочем, довольно скупо.

Сторонники одиночного заключения прибегали обычно к тем доводам, что оно, во-первых, исключает опасное общение между преступниками и, следовательно, развращающее влияние неисправимых негодяев и что, во-вторых, одиночное заключение не столь страшно, как обычно думают: помучившись некоторое время, заключенный привыкает (нередко он отказывается перейти в общую камеру).

Возражения противников одиночного заключения проф. Таганцев резюмировал следующим образом: "...первое время одиночество вызывает протест, желание вырваться из каменного гроба... как-нибудь переговорить с соседом по несчастью, шумом и криком нарушить тишину могилы. Но мало-помалу стихийная злоба стихает: тесный карцер, хлеб и вода или что-нибудь большее обуздывают строптивых, пока наконец не настанет нравственный перелом, апатия мысли, чувств, желаний. Узник не примиряется с кельей, а отучается желать другого... Пассивное отношение ко всему, даже к свободе, как указывает опыт, составляет одну из невыгод долгосрочного тюремного заключения... сильнее сказывающуюся по выходе из тюрьмы, при соприкосновении с соблазнами жизни".

Особую форму сочетания одиночного заключения с принудительным трудом в общих помещениях представляет так называемая оборнская система, названная по тюрьме, где она была применена впервые (г. Оборн, близ Нью-Йорка), заключенные расходились по одиночкам на ночь. Днем они и работали и ели все вместе. При этом соблюдалось полное молчание. Отрываться от работы, оглядываться, а тем более перемигиваться, обмениваться жестом запрещалось. Надзирателю вменялось в обязанность пускать в ход кнут при малейшем нарушении порядка.

5. Начиная с XVI-XVII столетий, а все более в XVIII европейские державы стали прибегать к замене тюремного наказания ссылкой в колонии. Этим достигался двойной выигрыш: разгружались тюрьмы, во-первых, и в некоторой степени удовлетворялась нужда в рабочей силе, которую испытывали колонии, во-вторых.

Первыми ссылными французских колоний (в Канаде, Луизиане, Гвиане) были проститутки, нищие, бродяги. И английская ссылка ведет свое начало с того, что в американской колонии Виргинии обнаружилась острая нехватка женщин: правительство направило туда транспорт со 100 проститутками на борту. Они были проданы казначейством по цене 10 фунтов табаку каждая.

Очень скоро ссылка делается выгодным предприятием. Английские мировые судьи, имевшие земли в Америке, стали направлять туда всю основную массу бродяг и нищих, бывших жертвой первоначального накопления

капитала. Это были "белые рабы". Об их дальнейшей судьбе государство не заботилось.

Графства, собрав должное число ссыльных, вступали в договор с перевозчиком - частным лицом, которому за ничтожную плату продавали осужденных. Тот надевал на них цепи и отправлял в трюм. Пищу бросали туда же. От спертого воздуха и от дурной пищи многие умирали. Мертвые разлагались здесь же, ибо о них умалчивали ради пайка, который доставался живым.

По прибытии на место ссыльные продавались. Так продолжалось до войны за независимость.

На место ссылки в Америку пришла ссылка в Австралию. Первые 850 человек были отправлены туда для работы на офицеров и солдат. Спустя много лет ссыльным стали давать земельные участки, но только после отбытия срока наказания. Никто из них, впрочем, не знал земледелия, и пришлось прибегнуть к обучению.

В середине XIX столетия Австралия и другие колонии, служившие местом ссылки, стали протестовать: ссыльные не раз возвращались к преступлениям, а кроме того, конкурировали со свободными эмигрантами, нанимаясь за дешевую плату.

В 1865 году Австралия, располагая уже известным самоуправлением, демонстративно направила в Англию транспорт с "собственными" преступниками, выставив тот же довод - очищение страны от преступников.

В 1868 году ссылка в английские колонии была прекращена. В отличие от Англии послереволюционная Франция использует ссылку в колонии главным образом как меру, направленную против революционеров и демократов.

В 1848 году в Алжир для работы в земледельческих колониях-каторгах были сосланы уцелевшие от расстрелов июньские борцы. Наполеон III сослал в Гвиану противников созданного им режима и т. д.

Но уже с 1852 года ссылка практиковалась в широких масштабах и для уголовных преступников. Она служила заменой каторжных работ.

Каторжные тюрьмы существовали во Франции в трех городах - Тулоне, Бресте, Рошфоре. Заключенные находились в кандалах. К ноге приковывали еще и пушечное ядро. По ночам арестантов приковывали к постели. Спали они на голых досках. За ничтожные провинности надевали двойные кандалы, за единое слово сажали в карцер. И тем не менее люди не только не исправлялись, но еще более развращались. По выходе на волю они в большинстве случаев принимались за старое.

Колонисты передавались, как правило, для работы на частных плантациях. Большая часть ссыльных умирала, не выдерживая губительного климата тропиков.

Смертность достигала в Гвиане примерно 25% в год, но подымалась и до 50%. Это была та же смертная казнь, но только медленная и мучительная.

Кроме Гвианы Франция избрала местом ссылки Новую Каледонию. Ссыльные использовались здесь на тяжелых работах, исполняемых в полном молчании. При малейшем проступке арестованный переводился на хлеб и воду, что довольно быстро приводило к смерти. Приспособленцы и пресмыкатели, впрочем, могли рассчитывать на получение земельного участка и даже поступление на службу за известное вознаграждение. После поражения Парижской Коммуны в губительные колонии было сослано не менее 4 тыс. коммунаров.

Из других европейских держав ссылку в колонии практиковали также Испания и Португалия.

6. Превращение тюремного заключения в основной вид наказания (вместе с распространением ссылки в колонии) позволило поставить вопрос об ограничении смертной казни, на чем давно настаивали демократические, просветительные и либеральные элементы общества во Франции, Англии, Италии и других странах.

В литературе добуржуазного периода возражения против смертной казни были высказаны Т. Мором (XVI в.) и развиты Беккария. В 1791 году предложение об отмене смертной казни было внесено в Учредительное

собрание Франции, но не имело успеха. Ограничились запрещением квалифицированных (мучительных) казней.

Подчиняясь общественному давлению, правительства ряда стран ограничивают применение смертной казни определенным, более или менее узким кругом преступлений.

В этой связи заслуживает упоминания австрийский уголовный кодекс, который в противовес Терезиане назначает смертную казнь в пяти случаях; английское уголовное законодательство, ограничившее применение смертной казни наиболее тяжелыми преступлениями - уголовными и политическими: покушение на члена царствующей фамилии, убийство, морской разбой и пр. (после 1861 г.).

Французский уголовный кодекс 1810 года назначал смертную казнь в 39 случаях: после 1848 года она стала применяться для 15 видов преступлений (убийство, поджог и пр.).

Постепенно, после долгих колебаний, правительства ряда европейских стран отказываются от телесных наказаний, предоставляя, впрочем, довольно большую свободу для кулачных расправ в полицейских участках.

Следует иметь в виду, что телесные наказания в их разнообразной форме (кну́т, шпицрутены и пр.) были во все прошлые времена уделом простого народа. Это одно из самых "классовых" наказаний. Естественно, что против него с таким жаром выступали демократы, например, Белинский.

7. В течение всего XIX столетия уголовное право европейских стран обнаруживает страшный разбой в определении возраста, с которого лицо должно нести ответственность.

Французский уголовный кодекс 1810 года хранил на этот счет молчание, предоставляя решение вопроса об ответственности судам, а о привлечении - прокуратуре.

Вследствие этого не раз случалось, замечает Таганцев, что на скамье подсудимых оказывались дети 5-6 лет. В одном случае судили ребенка в возрасте 6 лет, а свидетелем был ребенок 4 лет.

В то время как швейцарское законодательство требовало для обвиняемых достижения 14 лет, итальянское довольствовалось девятью годами и т. д.

С большим трудом пробивала себе путь идея особых детских воспитательных и исправительных учреждений. В большинстве стран она получает свое воплощение не ранее последней четверти XIX века.

8. Несмотря на широкое применение долгосрочного тюремного заключения и массовой ссылки преступников в колонии, число тяжких уголовных преступлений возрастало от года к году; возрастание это опережало численный рост населения.

В Германии, например, общее число приговоренных составило за 5 лет - с 1888 по 1892 годы - 473 тыс. человек, а с 1893 по 1897-й - 538 тыс.

Со всей ясностью определился неуклонный рост повторных преступлений, рецидивов.

В поисках выхода буржуазная наука уголовного права предложила правительствам две новые меры: условное осуждение, во-первых, превентивное заключение, во-вторых.

В числе аргументов, высказанных в пользу условного осуждения, наибольшего внимания заслуживал такой: тюрьма не столько исправляет, сколько портит. Человек приходит в тюрьму случайным преступником, а выходит из него профессиональным.

Следует заметить, что в англосаксонской судебной системе издавна существовала практика предварительного предупреждения, употреблявшаяся в отношении лиц, известных своим дурным поведением (пьяниц, тунеядцев и пр.), а так- * же тех, кто угрожал кому-нибудь расправой. Судья мог потребовать от них j ручательства хорошего поведения, при неисполнении приказа - арестовывать. От ^ тех, кто позволил себе угрозы, судья мог требовать залога добропорядочного поведения. Нарушение обещания влекло за собой тюремное заключение. Запрещение делать что-либо недозволенное, если оно исходило от судьи, было весьма эффективным.

Условное осуждение было принято в Англии в 1887 году, во Франции - в 1891-м. Наиболее последовательным его формулированием характеризуется

бельгийский закон 1888 года: суд получал право откладывать наказание сроком на пять лет; если в течение этого времени условно осужденный не совершит нового преступления, он признается несудимым, в противном случае старое наказание присоединяется к новому.

Условное осуждение заняло весьма значительное место: от 10 до 20% всех приговоров.

Превентивное наказание противоположно наказанию условному. Оно назначается не до и не вместо, а после отбытия основного наказания в качестве особой, дополнительной меры. Таким его конструирует английский закон 1908 года, предписывающий дополнительное нахождение в тюрьме (на срок от 5 до 10 лет) для тех привычных преступников, которые осуждены в третий раз.

От превентивного заключения, следующего за основным наказанием, было уже недалеко до предварительной изоляции "предполагаемого преступника", на чем настаивали криминалисты антропологической (ломброзианской) и "социологической" школ.

Итальянский тюремный врач Чезаре Ломброзо (1836-1909 гг.), основатель антропологической школы уголовного права, пытался отыскивать причины преступности в физиологической и психической аномалии людей. Главный его тезис - преступник действует по врожденной испорченности.

Основываясь на тенденциозно истолкованных наблюдениях, Ломброзо решил квалифицировать преступника по его физическому типу, по внешнему виду. Обобщенный "преступный тип", как его рисует Ломброзо, напоминал обезьяну, от которой произошел человек: короткоголовность, убегающий назад лоб, оттопыренные уши, сильно развитые надбровные дуги, длинные руки, хорошо развитые челюсти, длинные клыки и резцы и т. д. Глаза, конечно, бегающие, взгляд исподлобья. Имеет значение и цвет волос - среди насильников и распутников преобладают, по утверждению Ломброзо, блондины. Настораживали антропологов "уши углом", редкая борода, склонность к татуировке. Орлиный нос и длинные руки уже выдавали возможного убийцу, особенно, если у него был еще "стеклянный, холодный взгляд".

В области психической Ломброзо загадывал массу загадок: надо было устанавливать, что преобладает в человеке - ум или хитрость. Если последнее - значит, потенциальный преступник (особенно, если он еще склонен выпивать). Установив это обстоятельство, переходим к следующему: не обнаруживает ли данное лицо безразличия к нравственным проблемам и т.д. Не решаясь объяснить всякое преступление биологической предрасположенностью, Ломброзо остановился на 40% преступлений.

Объективные исследования, предпринятые еще в XIX веке, разбили теорию Ломброзо при первых же опытах. Аномалии черепа, на чем особенно настаивали "антропологи", были обнаружены чуть ли не у половины людей. Преступный тип, как он рисовался Ломброзо, скорее обнаруживался среди судей, прокуроров и парламентариев, чем среди явных убийц и воров. Банкроты оказались схожими с "образцом" в 1% случаев.

Служа - независимо от воли самого Ломброзо - рупором реакции, сопротивлявшейся либеральным началам в уголовном праве, ломброзианцы и их союзники требовали расширенного применения смертной казни, каторжных работ, восстановления телесных наказаний, а заодно с тем ликвидации суда присяжных, ограничения адвокатуры, отказа от пересмотра приговоров. Но самым крупным их козырем было требование ввести заключение в тюрьмы "прирожденных" преступников, как только они обнаружены осмотром и экспертизой, а значит, независимо от того, совершили они преступное деяние или нет.

В опытах Ч. Ломброзо далеко не все оказалось вздорным. В XX веке (и особенно в США) ученые, оснащенные соответствующим оборудованием, продолжили дело Ломброзо. Но уже на более высоком уровне. Это так называемый бихевиоризм (от англ. behaviour - поведение) - наука о поведении человека.

Д. Судоустройство и процесс

1. Французская революция отделила судебную власть от исполнительной. Администратор, чиновник перестал быть судьей в своем собственном деле.

Провинциальные судебные палаты ("королевские парламенты"), прославленные невежеством, подкупностью и кровожадностью, были ликвидированы. Покупка судебных должностей запрещена.

Конституция 1791 года приняла принцип выборности судей на основе имущественного ценза. Она ввела, как уже говорилось, суд присяжных.

Место прежней феодальной множественности судов и инстанций заняла "трехчленная система" судебной организации.

Усовершенствованная Наполеоном, она выглядела следующим образом:

а) единоличный мировой судья: мелкие уголовные и гражданские дела;
б) "трибунал первой инстанции": более значительные гражданские дела; он же "трибунал исправительной полиции" для так называемых проступков (нечто более серьезное, чем "нарушения", и менее серьезное, чем "преступления");

в) апелляционный суд: пересмотр решения "трибуналов" по существу; рассмотрение вместе с коллегией присяжных серьезных уголовных дел;

г) кассационный суд (один для всей Франции): рассмотрение жалоб, указывающих на формальные упущения, нарушения или неверное истолкование закона, допущенные в апелляционных судах.

Английская революция мало или вовсе не затронула сложившуюся веками судебную систему.

Низшей судебной инстанцией оставались мировые судьи. В определенное время они съезжались на "сессии", игравшие роль второй инстанции.

Выше "сессий" стояли так называемые ассизные суды: они состояли из "разъездных судей" (причисленных к той или иной из палат английского Высшего суда) и требуемого числа присяжных.

Суд королевской скамьи и общих тяжб составляли два главных отделения Высшего суда. Первый рассматривал уголовные дела, второй – гражданские. Оба эти суда выполняли функции высших апелляционных инстанций. Но им не возбранялось принимать к своему производству любое дело, в том числе и самое незначительное.

Специальных рудов, за исключением военных, Англия не знала. Французская судебная организация – с теми или иными изменениями – была воспринята большей частью европейских государств. Она была в центре внимания при осуществлении судебной реформы 1864 г. в России.

2. Примечательным принципом буржуазной судебной организации становится несменяемость судей.

Строго говоря, несменяемость судей была известна и в феодальный период. Во Франции она установилась вместе с покупкой судебных должностей. Их "держали" пожизненно и даже передавали по наследству. В Англии несменяемость судей была в обычае и до статута 1701 года, но часто игнорировалась (особенно при Якове II).

Первое официальное признание несменяемости судей содержится в петиции Долгого парламента 1640 года. Она потребовала, чтобы судьи оставались на своих местах, "пока они будут себя хорошо вести". Закон 1701 года закрепил этот принцип окончательно.

С этого времени считается, что английские судьи могут быть смещены не иначе как после совершения преступления. Но не исключается, что "при небрежном исполнении обязанностей" может быть возбуждено формальное расследование с последующим отстранением судьи от должности (хотя и по решению парламента). Случаев таких, кажется, не было.

Во Франции, пока действовал принцип выборности судей, несменяемость, само собой разумеется, не признавалась (конституции 1791, 1793, 1795 годов). Наполеон Бонапарт ввел систему пятилетнего предварительного испытания, но так и не утвердил ни одного судьи. В 1814 году несменяемость судей была наконец признана и во Франции, но каждый новый переворот доказывал обратное. Конституция 1875 года обходит принцип несменяемости судей умолчанием. И только в 1883 году (после предварительной трехмесячной чистки судебного аппарата) она была признана в законе.

То же самое постановляет германский закон 1877 года. Обеспечивает ли несменяемость судей действительную независимость суда от администрации?

Представляется несомненным, что правительство обладает могучими средствами воздействия на судей, несмотря на их несменяемость. От него зависит повышение в должности, перевод на лучшее место (в лучший город, например), награды и проч. Но в целом принцип несменяемости судей представляется достаточно защищенным.

3. Английская революция сохранила и упрочила суд присяжных заседателей. Колонисты перенесли его в американские владения. Французское учредительное собрание вводит его во Франции. В течение XIX столетия суд присяжных - в той или иной форме - принимается всеми основными европейскими государствами, включая Россию.

Его универсальной компетенцией становится рассмотрение тяжких уголовных преступлений. С крайней неохотой, подчиняясь демократическому давлению, правительства отдельных стран распространяют компетенцию присяжных на "преступления по делам печати", а затем и некоторые другие политические преступления.

Либеральная юриспруденция выдвигала при этом тот довод, что, по общему правилу, правительство не должно быть судьей в таком деле, когда затрагиваются его интересы. Профессиональные судьи рассматривались как часть правительственной машины, присяжные - как выразители общественного мнения.

В немалой степени была, однако, заметна и другая тенденция: когда тому или иному виду преступления хотели противопоставить наибольшую суровость наказаний, суд присяжных устранялся и на сцене неизменно оказывались профессиональные судьи.

В Германии, например, все дела рецидивистов, о квалифицированных кражах и многие другие решались без присяжных.

В Англии после закона 1905 года о сужении компетенции суда присяжных подавляющая масса дел (180 тыс. из 190 тыс. в том же году) стала рассматриваться профессиональными судьями.

В гражданских спорах вопрос об участии присяжных решался в Англии судьей (за исключением дел об обольщениях, нарушении обещания жениться и др.). Во Франции, Германии и большинстве других стран (кроме США) гражданские споры рассматривались только профессиональными судьями.

Избрание в состав присяжных было повсюду обставлено требованием ценза, как правило имущественного. Комплектование каждой данной коллегии производилось в день суда (по жребию или иным способом).

4. По английским законам присяжные должны ответить на вопрос: виновно данное лицо в инкриминируемом деянии или невиновно?

Решение должно постановляться единогласно. Если согласие недостижимо, дело переносится на рассмотрение другой коллегии присяжных. То же самое и в Соединенных Штатах Америки.

Французский уголовно-процессуальный кодекс 1808 года отводит присяжным иную роль. Они не решают вопрос о виновности - это дело суда. Основываясь на материалах предварительного судебного следствия, судья ставит присяжным ряд вопросов, относящихся к предмету доказывания (факта): считают ли они, что данное лицо совершило то-то и то-то; что оно находилось в общении с тем-то; что оно знало о том-то и т. д. Отвечая на эти вопросы, присяжные могут не знать, чем их ответ (обязательно письменный) грозит обвиняемому.

Вопрос о снисхождении ("виновен, но заслуживает снисхождения") не известен присяжным английских судов и судов США, а в Германии и Франции зависел от председательствующего (ставился, как правило, в тех случаях, когда можно было опасаться оправдательного вердикта; так было и в России после 1864 года). Свои решения присяжные принимали большинством голосов. Французская доктрина суда присяжных получает одно время наибольшее применение в Европе, но постепенно законодательства ряда стран стали допускать присяжных к определению виновности, как в Англии (русские уставы судопроизводства 1864 года, норвежское и швейцарское право и др.).

Австрийское, а затем и германское процессуальное право нашли необходимым потребовать от присяжных квалифицированного большинства для вынесения вердикта (8 голосов из 12 по меньшей мере).

Таким образом, сколько-нибудь строгого единообразия в устройстве суда присяжных не существовало (и не существует).

Создавая суд присяжных, правительства европейских стран позаботились о том, чтобы он не остался без "руководства". Эта функция была поручена судье.

Вплоть до 1881 года французский процессуальный закон требовал от председательствующего, чтобы он по окончании судебного следствия резюмировал последнее. Демократическая критика совершенно основательно видела в этом не что иное, как средство давления на присяжных. С 1881 года судья должен был довольствоваться разъяснением прав и обязанностей присяжных.

Германский, австрийский и итальянский кодексы обязывали председательствующего резюмировать фактические обстоятельства и юридическую сторону дела. Он должен был воздержаться от выражения мнения.

Конечно, суд присяжных, каким он был в XIX веке, не мог не быть судом классовым и потому враждебным по отношению к социальным низам общества. Не забудем, что присяжные отбирались на основе имущественного ценза. В то же время нельзя не видеть его преимуществ сравнительно со всеми другими судами.

Не раз случалось, что суд присяжных высказывал, по выражению К. Маркса, "веское слово в борьбе между отжившим требованием и живыми требованиями общества" (речь на первом процессе "Новой рейнской газеты").

5. В течение XIX столетия в праве большинства стран получает признание принцип, согласно которому возбуждение уголовного преследования принадлежит прокуратуре.

Сфера частного обвинения сужается, сфера государственного преследования (особенно в политических делах), наоборот, расширяется.

По существу, только в Англии и США частные лица продолжали участвовать в обвинении. Германский закон предоставлял им право жалобы в суд на отказ прокуратуры от поддержки обвинения, но это право было малоэффективным.

Предварительное следствие, производимое особым лицом, становится обязательным актом процедуры как на континенте, так и в Англии.

В средневековом (инквизиционном) процессе следователь и судья были представлены в одном лице. В послереволюционном процессе господствует принцип расчленения: следователь осуществляет предварительные (до суда) действия; судебное следствие осуществляется профессиональным судьей; он же выносит приговор.

Предварительное расследование было подчинено определенным правилам, которые во всех случаях отвергали пытку обвиняемого. Другое дело - насколько этого держались на практике.

Французские методы следствия были вскрыты перед всем светом процессом Дрейфуса - офицера-еврея: ему вменялась выдача некоей иностранной державе плана захудалой французской крепости: арест в зале зеркал с намерением обнаружить на лице растерянность и страх; тайная слежка за арестованным и неожиданные ночные "врывания" в камеру в надежде обнаружить улики, вызванные внезапностью пробуждения; издевательские диктанты, цепь которых обнаружить схожесть почерка, и постоянное: "Вы дрожите, несчастный, вы виновны". А намеренная волокита со следствием, вся та нравственная пытка, которая имеет своей единственной целью подчинить слабый характер, внушить ему, что в признании заключается спасение для близких и т. п. Нравственная пытка может быть не менее страшной, чем физическая. В конце правда обнаружилась. Дрейфус был оправдан и восстановлен на службе.

В конце XIX столетия (может быть, по примеру Англии) европейские страны стали допускать к некоторому участию в предварительном расследовании адвокатуру.

Участие адвоката в предварительном расследовании было допущено в Австрии и Германии (соответственно в 1873 и 1876 годах), во Франции - законом 1897 года при условии, что арестованный просит об этом, адвокат присутствовал на допросах, но задавать вопросы не мог. Следователь, однако, извещал адвоката о всех своих действиях по делу.

6. Судебное следствие приобретает, как правило, состязательный характер. Из объекта (предмета) исследования, каким подсудимый был в средневековом процессе, он становится "стороной". Он имеет право на защиту, осуществляемую лично или через адвоката (последнее при условии, что есть средства для оплаты его услуг). Он приобретает право (по крайней мере - в законе) заявлять ходатайства, участвовать в допросе свидетелей, представлять доказательства.

Скрываясь за навязанной ему маской "беспристрастия", английский судья ограничивает свою роль в судебном следствии наблюдением за тем, чтобы состязание сторон совершалось по правилам судебной процедуры; он удовлетворяет или отклоняет ходатайства сторон. Все остальное он предоставляет последним.

Французскому судье не возбраняется проявление инициативы: предоставляя прокурору и адвокату выполнение их миссии в процессе, он и сам вправе ставить вопросы, определять ход судебного следствия и проч.

Участие адвоката в процессе о тяжком уголовном преступлении (в качестве советника или представителя обвиняемого) стало возможно в сравнительно недавнее время: в английском суде не ранее чем с конца XVI века, а в качестве "общей нормы" - с 1836 года. До этого времени считалось, что "защитником подсудимого является судья".

7. Французское революционное законодательство заклеило нелепую средневековую "теорию формальных доказательств" и запретило применение ее на практике.

Напомним о ее сути по Шведскому кодексу 1734 года: "Два свидетеля, дающие вполне согласованное показание, представляют совершенное доказательство; если есть один свидетель в деле - то это только половинное доказательство. В таком случае обвиняемый должен очиститься присягою".

В германских судах в XVIII и даже XIX столетиях за судьей признавалась обязанность сложить доказательства по их значению и тем самым выяснить, имеется ли налицо так называемое полное доказательство, которым, как мы уже видели, считались показания двух "достоверных" свидетелей (или признание подсудимого). Достоверным свидетелем считался не тот, кто видел или слышал о преступлении, а тот, чье социальное положение соответствует классовому понятию "достоверности". Отдельные доказательства принимались за половину, четверть, одну восьмую полного доказательства.

Хотя французские суды не переставали, конечно, различать свидетелей по их положению в обществе (отдавая неизменно предпочтение богатству, образованию, состоянию на государственной службе и пр.), арифметический расчет "полного доказательства" прекращает свое существование. Эта практика распространяется по всей Европе. Впрочем, не столь уж быстро. В Швейцарии, например, только в 1824 году было отменено правило, согласно которому свидетельские показания двух женщин приравнивались к показаниям одного мужчины.

Заимствуя английскую судебную практику, французское законодательство предоставляет присяжным заседателям, а также судьям право принимать решения на основе сложившегося у них убеждения - "свободной оценки доказательств". Предполагается, конечно, что эта оценка основана на фактических обстоятельствах, связанных с конкретным делом, но в той же степени Допускается простая ссыла на сложившееся в ходе судебного следствия "внутреннее убеждение".

Вот как это формулирует французская инструкция для присяжных заседателей: "Закон не требует от присяжных ответа о доводах, которыми они пришли к определенному убеждению; он не предписывает им правил для определения полноты и силы тех или других доказательств, он предписывает

им вопрошать себя молча и углубясь в свои мысли, и искать в чистоте своей совести, какое впечатление оставили на их разуме доказательства, представленные за и против обвинения. Закон не говорит им: вы должны считать достоверным обстоятельство, подкрепленное таким-то числом свидетелей... Закон предлагает им единственный вопрос: каково ваше внутреннее убеждение?"

В течение XIX столетия свободная оценка доказательств была усвоена процессуальными правилами большинства европейских стран.

8. В своем отношении к обвиняемому английский и континентальный суды долгое время стояли на разных позициях. Следуя правилу, что "никто не может быть свидетелем в собственном деле", английские судьи не придавали особого значения показаниям обвиняемого (подсудимого), в том числе сознанию.

Только в 1898 году английский закон разрешил подсудимым - если они того хотят - быть свидетелями в собственном деле, то есть давать показания.

В этом случае они приводились к присяге, как и прочие свидетели, и должны были нести ответственность за ложные показания. При этом подсудимый переходил со скамьи подсудимых на скамью свидетелей.

Соединенные Штаты признали право подсудимого давать показания двадцатью годами раньше.

Французское революционное законодательство отказалось от принуждения подсудимого к сознанию. Французская юридическая доктрина стала считать показания обвиняемого простым "заявлением", имеющим меньшую доказательную силу по сравнению со свидетельскими показаниями. Но так обстояло главным образом в теории. Перед лицом присяжных, в особенности, обвинитель и судья стремились всеми средствами "выбить" из подсудимого сакраментальное "признаю себя виновным".

9. Французская Декларация прав человека и гражданина содержала правило, называемое "презумпцией невиновности": "каждый предполагается невиновным, пока противное не будет доказано".

Известная задолго до Декларации, презумпция невиновности заключала в себе отрицание всей той теории и практики феодальной юстиции, которая основывалась на формуле "обвиняемый - значит виновный".

Теоретическим ядром презумпции невиновности является принцип, гласящий, что "сомнение толкуется в пользу обвиняемого".

Речь идет, разумеется, о таком сомнении, которое остается, несмотря на все попытки устранить его путем исследования доказательств. Из презумпции невиновности вытекает, что: а) обвиняемый имеет право на защиту; б) бремя доказывания должно лежать на обвинителе; в) приговор должен быть постановлен большинством голосов присяжных или судей;

г) апелляция не может быть допущена при оправдательном приговоре.

Презумпция невиновности, несмотря на формальное усвоение буржуазными процессуальными правилами, не имеет всеобщего применения. Для некоторой категории дел официально признано применение презумпции виновности. В делах о шпионаже закон и суды исходят из того, что наличие у заподозренного лица записей, планов и пр., имеющих секретный характер, если оно не имеет соответствующего дозволения, должно автоматически рассматриваться как шпионаж, пока не будет доказано обратное - и никем иным, как самим обвиняемым (не обвинителем). Что касается наших дней, то же самое может быть сказано о наркотиках: бремя доказывания невиновности лежит на том, у кого они обнаружены.

Признание презумпции невиновности в законе и теории еще не означает ее фактического применения. В американской юридической литературе обыкновенны указания на существование тенденции, породившей поговорку: "Из тысячи обвиняемых тысяча или виновны, или должны быть виновными". Эта тенденция проявилась (и проявляется) в политических делах, но не обходит и уголовные.

Первая критика презумпции невиновности, первые требования отказа от нее принадлежат "теоретикам" антропологической школы. Вслед за ними ту же позицию заняли и "социологи", в том числе их глава - Ферри.

Выдвинутая при этом аргументация сводилась главным образом к следующему: как это можно, чтобы застигнутый на месте преступления вор признавался хоть некоторое время невиновным, имел право на защиту и т. п.

Общая теоретическая предпосылка (предположение о возможной невиновности), служащая юридическим основанием для всей последующей процедуры судебного следствия, свободной оценки доказательств и самого приговора (возможность оправдания), выдается за уже сложившееся убеждение в невиновности застигнутого с поличным вора.

Отрицая презумпцию невиновности, ломброзианцы и "социологи" настаивали на возвращении к инквизиционному суду. Ферри, правда, допускал целесообразность презумпции невиновности для случайных преступников, но отказывал в ней рецидивистам и - что особенно важно подчеркнуть - "прирожденным преступникам". В тесной связи с этим Ферри требовал восстановления средневекового института "оставления под подозрением" для тех "преступников", вина которых не будет доказана.

В советской литературе термин "презумпция невиновности" не раз подвергался критике, но не раз и защищался. В то же время никто и никогда не отрицал, конечно, всего того, что характеризуется как вытекающее из презумпции невиновности, то есть права обвиняемого на защиту, возложение на обвинителя бремени доказывания, постановление приговора большинством голосов судей и т. д. Все это - принципиальные основы нашего процесса. В наши дни, прибавим, презумпция невиновности признана в качестве одного из основополагающих институтов РОССИЙСКОГО Уголовного процесса.

Б. Социальное законодательство

1. В 1845 году в Лейпциге вышла книга Ф. Энгельса под названием "Положение рабочего класса в Англии". Написанная по собственным наблюдениям автора и достоверным источникам книга обнаружила перед читателем картину потрясающего бедствия. Ничто не ускользнуло от внимания Ф. Энгельса: и ужасающие жилищные условия в трущобах и ночлежках (где целыми семьями спят на одной кровати, имея подстилкой солому); и питание, где мясо - редкость, а почти единственной пищей являются картошка, хлеб и овсянка; и лохмотья вместо одежды; и хронические болезни, от которых лечатся у знахарей или вовсе не лечатся; и повальное пьянство как неизбежное зло, порожденное бескультурьем; и ужасающая преждевременная смертность среди рабочих; и неостановимый рост преступности - прямое следствие рабочего положения рабочих, крайний акт их неуважения к господствующему социальному порядку.

Рабочий день на фабриках и заводах продолжался 13-16 часов в сутки (не считая перерыва на еду). Дети рабочих начинали трудовую жизнь в 8-9 лет, живя в лишениях, работали по 6,5 часов до 13 лет. И это было уже достижением, ибо прежде (до 1831 года) их заставляли трудиться по 8, а еще раньше по 16 часов в сутки.

К 40 годам жизни большая часть рабочих уже умирала. Калечение, инвалидность имели повсеместное распространение.

С полным правом обвиняет Ф. Энгельс английский правящий класс Англии в сознательном социальном убийстве рабочих.

От Ф. Энгельса - тогда еще очень молодого исследователя (род. в 1820 г.) - не ускользнуло в то же время, что английский рабочий, несмотря на такие условия существования, безграмотность и прочее, гуманен, склонен к бескорыстной поддержке и помощи, проникнут чувством классовой солидарности, превосходно разбирается в том, кто ему враг. С особенным вниманием отмечает Ф. Энгельс все то, что относится к рабочему движению в Англии. Не забудем, что речь идет о начале 40-х годов прошлого века.

Положение английского рабочего класса не было чем-то исключительным. Доля силезских - и вообще немецких - рабочих была не лучше. Во Франции рабочий день продолжался 12 часов в сутки (а фактически еще больше). Законодательного регулирования труда рабочих (а тем более зарплаты) не существовало, стачечная борьба запрещалась, равно как и организация профессиональных союзов.

2. Тем не менее рабочие бастовали, организовывались в союзы, устраивали манифестации в защиту своих интересов, а в иные периоды воздвигали баррикады.

Уступая их возрастающему сопротивлению, правительства ряда стран, в том числе Англии, стали переходить к политике частичных уступок. Так начинает свое существование "социальное законодательство" или, говоря яснее, законодательство об условиях труда рабочих.

О том, как эр происходило, свидетельствует пример Англии - самой промышленной страны XIX века. В 1802 году закон "ограничил" рабочий день семилетних детей 12 часами. В 1833 году рабочий день детей не достигших 13 лет, был ограничен 8 часами. Подростки должны были работать по 12 часов.

Оказалось, однако, что, несмотря на реформу, "пятилетних детей заставляли работать 12 часов в сутки в страшно сырых, плохо проветриваемых рудниках в компании с преступниками, обижавшими их; едва лишь двадцатая часть мальчиков умела читать, девочки впрягались в вагончики с каменным углем".

Что же сделал парламент после того, как были представлены разоблачения? Он запретил всем женщинам, а также детям моложе 10 лет подземную работу - и только.

В 1871 году, после многих стачек, локаутов, судебных процессов, английский парламент согласился узаконить существование профсоюзов (по-английски - тред-юнионов), до того едва терпимых.

Профсоюзы получили право представлять рабочих в суде и перед предпринимателями. Но тот же закон устанавливал тюремное заключение за любое, самое малое препятствование штрейкбрехерам.

В 1875 году парламент разрешил образовывать профсоюзы не только квалифицированным рабочим, как было прежде, но и всем. Уголовное наказание за стачки было отменено.

Наконец в 1906 году было отменено наказание за "мирное уговаривание" прекратить работу или не приступать к ней.

3. Рабочее законодательство во Франции начинается, как и в Англии, с ограничения рабочего времени детей и подростков (1841 г.).

Революция 1848 года дала рабочим Франции 10-11-часовой рабочий день, что уже считалось необыкновенным успехом. Но сразу за поражением революции была восстановлена 12-часовая работа.

Только с 1864 года начинается пора некоторого облегчения. Разрешается, хотя и на ограниченной основе, создание рабочих союзов. В 1884 году был отменен наконец ненавистный закон Ле-Шапелье.

Некоторое значение имел английский пример. Оказалось, что существуют средства, которыми можно делать профсоюзы послушными. Французское правительство рассчитывало главным образом на это.

После ряда мер, ограничивавших чрезмерную эксплуатацию детей и женщин, была установлена максимальная продолжительность рабочего дня - 10 часов. Этот важный закон был принят в 1900 году. Через 6 лет во Франции был установлен обязательный еженедельный отдых.

4. В 1889 году в самой промышленной области Германии - Руре - забастовало около 100 тыс. рабочих. Они требовали 8-часового рабочего дня. Правительство стянуло войска. Забастовка переросла во всеобщую. Несмотря на угрозы расстрелом, правительство императора Вильгельма должно было пойти на некоторые реформы, главным образом в области охраны труда.

Бисмарк выступил решительным противником законов о труде. С присущим ему цинизмом он говорил о нежелательности "в законодательном порядке запрещать рабочему распоряжаться своей рабочей силой и рабочей силой членов своей семьи". Как будто речь шла об ограничении воли рабочего.

Бисмарк великолепно знал, что фабричные инспектора, поставленные наблюдать за соблюдением законов о труде, подкуплены предпринимателями, и полагал это в порядке вещей. Как-то он сам спросил фабричного инспектора, сколько тот получает жалованья, Услышав ответ, Бисмарк заметил: "Ну, значит, вы живете на взятки".

Некоторое значение имели общегерманские законы 80-х годов о социальном обеспечении по болезни, при несчастном случае и по старости. Две трети расходов, шедших на эти цели, вносились самими рабочими (вычеты делались из зарплаты).

5. Относительно благоприятные условия (главным образом недостаток рабочей силы) способствовали раннему развитию социального законодательства в Австралии и Новой Зеландии.

В Австралии в конце XIX - начале XX веков был запрещен труд детей до 14 лет, узаконен сокращенный рабочий день в субботу, воскресный и праздничный отдых. Нельзя не отметить законы о санитарных условиях на производстве, о некоторых, хотя и небольших, льготах роженицам и проч.

Одновременно с тем были приняты меры "укрощения" профсоюзов. Вводятся обязательные третейские суды и примирительные камеры для рассмотрения споров между рабочими и предпринимателями - с явным преимуществом для последних, Запрещается политическая деятельность профсоюзов.

В Новой Зеландии - раньше, чем во многих других странах, - появляется пенсионное обеспечение по старости (1898 г.).

6. Наибольшие успехи социального законодательства приходятся на годы, предшествовавшие первой мировой войне.

Заслуживают упоминания английские законы (1900, 1906, 1908 годов), позволившие рабочим требовать денежной помощи при несчастных случаях, пенсий по старости, а начиная с 1911 года - пособий по болезни; французский закон 1898 года, введивший пособия для инвалидов, пострадавших от несчастного случая, на случай смерти и пр.; голландский закон 1910 года и английский 1911 года, узаконившие, хотя и в очень ограниченной сфере, пособия по безработице; голландский же закон 1913 года, введивший страхование по болезни и даже денежную помощь роженицам.

Законы -эти были со всех точек зрения несовершенны. На них согласились не только потому, что не был? иного выхода, но еще и по той причине, что половина и даже большая часть расходов, вызванных уплатой пособий, возлагалась на самих застрахованных.

Как в Европе, так и в Соединенных Штатах 8-часовой рабочий день оставался вплоть до 1918 года редким явлением, скорее благим пожеланием, чем практикой; правительства не скрывали своего отвращения к нему. В Соединенных Штатах 48-часовая рабочая неделя была признана в частном порядке не более чем для 11-12% промышленных рабочих.

Первая мировая война была для рабочего законодательства неважным временем. Буржуазные правительства, идя на поводу предпринимателей, узаконили "военную каторгу для рабочих" и с неумолимой последовательностью осуществляли ее на деле.

Часть четвертая XX столетие: государственно-правовая история

Глава двадцать девятая

Послевоенный мир

Введение. В предшествующих изданиях нашего учебника мы, держась общепринятой в советской науке концепции, начинали четвертый и последний раздел его с характеристики так называемого общего кризиса капитализма как последней, исторически обреченной стадии буржуазной социально-экономической формации. В соответствии с этой концепцией излагалась, естественно, и вся история буржуазной государственности нашего века и буржуазного права.

Теперь, в наши дни, оставив прошлому времени споры о будущем XXI века, мы можем с полным основанием констатировать, что наибольших успехов в удовлетворении своих жизненных потребностей рабочие, равно как и крестьянство (не говоря уже об интеллигенции), добились для себя не путем социальной революции и диктатуры пролетариата, но именно так, как об этом писал Э. Бернштейн: через демократические выборы, через парламент, свободу слова и печати и, конечно, через профсоюзы, шаг за шагом достигая новых успехов, в том числе с помощью коллективных договоров между

рабочими и предпринимателями. Правовое и социальное государство, о котором без особой надежды говорилось еще в прошлом веке, нашло себе признание в ряде ведущих индустриальных держав мира - Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Испании, по всей Скандинавии и т. д.

А поскольку все вышесказанное так или иначе связано с парламентской деятельностью, всеобщим избирательным правом, исключением элитарности, столь важной для замещения министерских постов еще в начале текущего столетия, и т. д., должны быть оставлены прошлому так называемый кризис парламентаризма и все, что с ним связывалось.

Из того, что уже сказано, легко понять, что содержание этой последней части учебника подверглось неизбежной ревизии. Тем легче станет понять мир, в котором мы живем, все то, что в нем происходит и чего от него можно ожидать в будущем.

Нелишне заметить, что XX век, несмотря на колоссальные достижения в естественных науках и технике, небывалом доселе росте производительности труда, достигнутом в передовых странах капитализма, и т. д." был и навсегда останется одним из самых трагических в многолетней истории человечества. Две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней и причинившие колоссальные разрушения в промышленности и сельском хозяйстве, утверждение и длительное господство тоталитарных режимов (Германия, Италия, СССР, Испания, и др.), сделавших жизнь невыносимой, - все то приходится на XX век.

Трагическим для России и стран, составивших вместе с ней Союз Советских Социалистических Республик (СССР), был прежде всего Октябрьский переворот 7 ноября 1917 года, приведший к разгону законно избранного Учредительного собрания, а затем - через гражданскую войну и всеобъемлющий террор - к "строительству социализма", оказавшегося неосуществимым по самой своей сути и методам достижения, - все это и многое другое, не выдержав испытания временем, рухнуло, оставив после себя страшные и во многом неискоренимые следы.

Первым делом распался как картонный домик насильственно удерживаемый "союз советских республик", что совершенно изменило политическую карту Европы и Азии. Вслед за тем наступило время "конституционного строительства", осложненное борьбой разного рода "партий" и клик. Вместе с тем, как это неизбежно в подобных обстоятельствах, правительства новых государств, в том числе и России, конечно, оказались перед необходимостью решать сложнейшие хозяйственные проблемы, от успеха которых зависела судьба наций, их культур и самого их существования на Земле.

Всем этим меняется привычное, устоявшееся лицо курса истории государства и права новейшего времени - и автор делает в этом отношении воистину первые шаги.

А. Ноябрьская революция в Германии. Образование Веймарской республики

1. Очевидное влияние Октябрьской революции на мировую историю нашло свое первое выявление в революционном подъеме, охватившем Европу, а вслед за ней весь мир.

Раньше, чем в других странах, революционная ситуация создалась в кайзеровской Германии. Разгром немецкой армии осенью 1918 года ускорил развитие событий.

Революция началась восстанием военных моряков в г. Киле. Крупнейшие города Германии присоединились к нему. Возникали Советы рабочих и солдатских депутатов. Девятого ноября революция победила в Берлине. Кайзер Вильгельм бежал. Монархия пала крестьяне не примкнули к движению.

Руководство революцией оказалось в руках социал-демократической партии Германии. Из ее лидеров составилось первое послереволюционное правительство во главе с Эбертом.

Откровенный оппортунизм германской социал-демократической партии, ее неприкрытый переход на сторону буржуазии в годы мировой войны оттолкнули от партии значительную часть революционно настроенных рабочих. Большая часть их примкнула к так называемой Независимой социал-демократической

партии или принимала ее руководство. Вождями "независимцев" были Каутский и Бернштейн.

Меньшая часть германского пролетариата объединялась созданным в начале войны "Союзом Спартака". Он занимал непримиримую антивоенную позицию.

2. В первые дни после революции, когда государственный аппарат монархии был парализован, фактическая власть находилась в руках стихийно возникших Советов. Это были органы рабочего класса. Одним из них, и наиболее авторитетным, был Берлинский Совет.

Правительство правых социал-демократов, назначенное монархистами, тяготилось своим происхождением. Оно пожелало иметь санкцию Берлинского Совета и получило ее.

Декларация правительства ("Совета народных уполномоченных", как оно себя назвало) обещала рабочим 8-часовой рабочий день и свободу коллективных договоров.

Деятельность правительства правых социал-демократов склонялась, как это уже и не скрывалось, в сторону контрреволюции. Оно гарантирует капиталистам "защиту частной собственности" и неприкосновенность банковских вкладов; принимает меры к разоружению рабочих; отстраняет Советы от политической деятельности; готовит Учредительное собрание, которое в тогдашних условиях должно было сохранить власть за буржуазией.

Создание Красной Армии было воспрещено. В то же время из офицеров и отсталых солдат комплектовались в спешном порядке "ударные" и "железные" отряды.

Открытый переход правительства Эберта на сторону контрреволюции произошел после Всегерманского съезда Советов, состоявшегося в декабре 1918 года. Съезд этот имел важное значение в истории германской революции. Уступая давлению своих партийных лидеров, социал-демократы санкционировали устранение Советов. Правительство Эберта получило мандат на осуществление всей полноты власти - законодательной и исполнительной.

В создавшейся обстановке "авангард рабочего класса Германии" требовал активизации Советов наперекор политике правительства с тем, чтобы с их помощью двигать революцию вперед, к осуществлению демократических и антиимпериалистических целей. Хотелось вырвать Советы из-под влияния социал-демократов. Неотложной задачей стало образование Коммунистической партии.

В декабре 1918 года "Союз Спартака" разрывает с Независимой социал-демократической партией. Тогда же собирается Учредительный съезд Коммунистической партии Германии.

Программа партии ставила ближайшей целью создание Германской Советской республики, установление диктатуры пролетариата. Программа требовала экспроприации капиталистической крупной промышленности и банков, ликвидации прусского милитаризма, вооружения пролетариата. Казалось, что это возможно.

Борясь за свержение правительства Эберта, компартия Германии приняла активное участие в массовом антиправительственном выступлении берлинских рабочих в январе 1919 года. Используя артиллерию, правительство подавило его. 15 января 1919 года террористические банды убили популярнейших деятелей германского рабочего движения Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

3. Кровавая расправа над берлинским пролетариатом облегчила правительству созыв буржуазного Учредительного собрания. Его заседания открылись в том же январе 1919 года в маленьком провинциальном городе - Веймаре, где можно было не опасаться серьезных революционных выступлений, как если бы собрание заседало в Берлине.

Большая часть депутатских мест принадлежала старым буржуазным партиям Германии. Первое время после революции они притаились. Политика правительства ободрила их. Однако для большей верности они порешили переокраситься в новые цвета, подходящие духу времени. Бывшая католическая партия ("центра") стала называть себя Христианско-демократической народной партией, Национал-либеральная партия, представлявшая интересы монополий, сделалась Немецкой народной партией и т. д. Буржуазные партии

получили все вместе 16 млн. голосов. Обе социал-демократические - 13,5 млн. Это было для них крупным успехом.

Учредительное собрание выработало конституцию, получившую название "Веймарской". Ей суждено было просуществовать 14 лет.

4. Конституция превратила Германию в буржуазную парламентскую республику с президентом во главе. Названием республики, как ни странно, оставалось "Германская империя". Высшим законодательным органом империи объявлялся рейхстаг. Он избирался на 4 года всеобщим, прямым и тайным голосованием.

Конституция вводила пропорциональную систему выборов, Вся Германия делилась на 35 избирательных округов. Партии, принимавшие участие в выборах, выступали каждая со своим списком кандидатов. Депутатские места распределялись соответственно числу голосов, поданных за тот или иной список: больше голосов - больше мест.

Рейхстаг считался нижней палатой. Верхняя называлась рейхсратом (имперским советом). Она состояла из представителей земель, на которые делилась "единая Германия". При несогласии палат решение вопроса принадлежало президенту республики.

Всего земель было 18. Каждая из них имела свою конституцию, составленную в согласии с имперской, свой законодательный орган - ландтаг - и свое правительство.

"Федеративность" эта была во многом фиктивной. Все действительно важные вопросы, включая внешние сношения, армию и флот, монетное дело и таможи, связь, пути сообщения, вопросы гражданства и иммиграции, выдачу преступников, находились в исключительной компетенции империи. В вопросах уголовного и гражданского законодательства ландтаги могли "конкурировать" с рейхстагом, однако право империи во всех случаях имело перевес над правом земель.

Обе палаты - рейхстаг и рейхсрат обладали законодательной инициативой в равной мере.

Особенное внимание конституция уделяла президенту республики. Он избирался всеобщим голосованием (как и рейхстаг).

Власть его мало чем отличалась от монархической. Уже говорилось, что при несогласии палат решение вопроса принимал на себя президент (он мог, если хотел, прибегнуть к референдуму). Он мог противопоставить свою власть рейхстагу и в таком важном случае, как назначение главы правительства.

Президент мог распустить рейхстаг, если находил это нужным. Командование вооруженными силами, назначение на высшие военные и гражданские должности принадлежало также президенту.

Особые полномочия давала президенту ст. 48. Она разрешала введение чрезвычайного положения в любой такой момент, который президент сочтет "опасным" для существующего "порядка". Чрезвычайное положение связывалось с правом применить вооруженную силу и приостановить действие свобод.

К компетенции президента относилось назначение правительства. Последнее было (по конституции) ответственно перед рейхстагом, но, как показал опыт последующих лет, могло существовать и так, что его главной опорой был президент. Конституция - и это очень характерно - подчеркивала особое значение главы имперского правительства - канцлера, которому поручалось "формулирование руководящих принципов политики".

Сквозь новое республиканское обличье проглядывали привычные персонажи - старый кайзер в образе президента республики и старый Бисмарк в образе конституционного канцлера.

Революционная обстановка вынуждала германскую конституанту к уступкам. Провозглашается свобода совести, печати, слова и т. д.

Отделив школу от церкви, конституция сохраняла обязательное религиозное обучение детей. Провозгласив свободу совести, она возложила на государство обязанность "нравственного попечения о душе", что означало на практике противодействие атеизму, и т. д.

"Новым словом" явилась ст. 165. Она декретировала создание производственных советов на предприятиях и в округах. К компетенции

советов были отнесены вопросы труда, зарплаты и некоторые другие. В общегерманском масштабе указанным кругом дел должен был ведать имперский хозяйственный совет.

Составленные из представителей администрации предприятий и самих рабочих, производственные советы должны были демонстрировать "классовый мир" и сотрудничество. На самом же деле имелось в виду создать органы, через которые предприниматели, опираясь на рабочую аристократию, могли оказывать на рабочий класс сдерживающее влияние.

Конституция объявляла частную собственность "социальной обязанностью" и потому, естественно, указывала на то, что она "обеспечивается" (то есть защищается).

Ноябрьская революция была - по устоявшейся терминологии - буржуазно-демократической. Такой же была и Веймарская конституция. Само признание свободы партий и организаций, свободы слова и печати, "права на труд" и "охраны труда" имело немаловажное значение, свидетельствовало о том новом положении, которое борющийся пролетариат стал завоевывать себе в мировой истории. К числу несомненных завоеваний рабочего класса Германии должны быть отнесены узаконение 8-часового Рабочего дня, права на заключение коллективных договоров, введение пособий по безработице, наконец, законодательное признание женского избирательного права.

Революция 1918 года ликвидировала германскую монархию, но, как и прежде, сохранялось господство капиталистов и юнкеров. Разница была в одном: до революции руководящее положение в государстве принадлежало по преимуществу юнкерам - помещикам, после революции оно перешло к промышленникам и финансистам.

Между тем революция, которую социал-демократические вожди объявили оконченной, продолжалась. В начале марта 1919 года вновь выступил берлинский пролетариат. В середине апреля восстание в Мюнхене привело к образованию Баварской Советской республики.

Правительство республики составилось из представителей компартии и "независимцев". Главой правительства был коммунист Евгений Левине.

Баварское Советское правительство декретировало национализацию банков и конфискацию вкладов, рабочих контроль на производстве, вооружение пролетариата и организацию Красной Армии.

Республика существовала недолго. 1 мая 1919 года добровольческие отряды социал-демократа Носке ворвались в Мюнхен и, сломив сопротивление рабочих, ликвидировали Советскую власть в Баварии. Этим событием завершилась революция 1918 года в Германии.

Несмотря на свой буржуазно-демократический характер, революция 1918 года в Германии была проведена в известной мере пролетарскими средствами и методами, о чем раньше всего свидетельствуют германские Советы, мощные забастовки, вооруженная борьба рабочих с контрреволюцией, образование Баварской Советской республики.

В июне 1919 года Германия должна была подписать унижающий Версальский мирный договор. Она по справедливости возвращала Франции ее старинные земли - Эльзас и Лотарингию. Ей пришлось уступить в пользу своих империалистических соперников с таким трудом отвоеванные колонии. Договор запрещал Германии иметь армию, превышавшую сто тысяч солдат. Германия должна была уплатить колоссальную контрибуцию в золоте, товарах, ценных бумагах.

Б. Социалистическая революция 1919 года в Венгрии. Образование Венгерской Советской Республики

1. Очень бурно отозвалась на возникновение Советской власти в России Венгрия. Первая половина 1918 года прошла в обстановке непрекращающихся забастовок и демонстраций, лозунгом которых было "следовать примеру русских".

Военное поражение способствовало возникновению революционной ситуации. Армии не стало. Полиция была парализована вооруженными солдатами, вернувшимися с позиций или из плена (в особенности из России после Брестского мира). Созданный ими Совет солдатских депутатов занял твердую социалистическую позицию, сделался военным центром революции.

Грандиозная всеобщая стачка 31 октября 1918 года переросла в революцию, на первом этапе – буржуазно-демократическую. Самым существенным результатом этой революции было свержение австрийской монархии. Конституция 1867 года была ликвидирована. Правительство, пришедшее к власти 31 октября 1918 года, было составлено из оппозиционных по отношению к старому режиму элементов. Его возглавил граф Карольи. Несколько министерских постов было предоставлено социал-демократам. Тем не менее оно оставалось буржуазным правительством.

Борьбу за превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую возглавила Коммунистическая партия Венгрии. Она образовалась уже после революции, в ноябре, но очень быстро завоевала на свою сторону рабочих и крестьян. Под ее руководством оказались рабочие, крестьяне и солдатские Советы. Она возглавила движение за установление рабочего контроля над производством.

К марту 1919 года коммунистическая партия сделалась решающей силой в стране. На ее стороне находилось подавляющее большинство рабочих и солдат. Создавались объективные условия для социалистической революции.

В этот момент уполномоченный Антанты (стран-победительниц) французский полковник Вике предъявил ультиматум правительству Карольи. Нота Викаса заключала в себе требование отделения от Венгрии областей, населенных национальными меньшинствами, свободного пропуска войск Антанты (то есть оккупации) и т. д. Сопротивляться этому требованию правительство Венгрии не могло. Оно уже не имело армии, а та, что еще оставалась, покидала позиции на демаркационной линии.

Устрашенные угрозой вооруженного восстания и оккупации в обстановке политического и хозяйственного развала, лидеры венгерской социал-демократии приняли, не без серьезных колебаний, решение о создании единого социалистического правительства, основанного на блоке социал-демократов и коммунистов.

Соглашение между партиями произошло в будапештской пересыльной тюрьме, где находились в заключении руководители компартии и ее глава Бела Кун.

Было решено, что обе партии объединятся на основе платформы, которую предложил Бела Кун. Партия немедленно берет в руки политическую власть и провозглашает в Венгрии диктатуру пролетариата. Буржуазия будет разоружена, ее государственный аппарат ликвидирован. Будет немедленно создана Красная Армия. Советское правительство вступит в братский союз с правительством Советской России.

Правительство Карольи вышло в отставку. 21 марта 1919 года его место занял Революционный правительственный Совет Венгерской Советской Республики. Социалистическая революция совершилась.

В речи при закрытии VII съезда РКП В.И. Ленин говорил о венгерских событиях: "Мы узнаем по сегодняшним сообщениям, что... буржуазно-соглашательское правительство (Венгрии – прим. наше. – 3.4.) само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу".

Подчеркивая мирный, ненасильственный характер венгерской революции, В.И. Ленин указывал на то, что в известной ситуации буржуазия ("самая радикальная, самая демократическая, самая соглашательская") может быть вынуждена искать выход в диктатуре пролетариата.

Основываясь на венгерском опыте, В.И. Ленин предвидел, что мирный путь развития революции может иметь решающее значение для европейского пролетариата и трудящегося крестьянства.

Нельзя не признать, что Ленин имел право на такого рода прогноз, тем более что он вписывался в его общую концепцию мировой пролетарской революции как реальности, как неминуемого и близкого будущего. Но, как мы увидим далее, Советская власть, созданная венгерской революцией, довольно скоро прекратила свое существование, уступив силе, создавшей венгерскую буржуазную республику, по своему характеру антидемократическую.

2. Первой мерой Советского правительства Венгрии было вооружение пролетариата. На добровольческих началах создавались Красная Армия для борьбы с контрреволюцией, красная охрана (милиция). На смену старым судам пришли революционные трибуналы.

Последующими декретами (27 и 28 марта) была осуществлена национализация промышленности и банков.

В собственность государства отошли предприятия, на которых было занято более 20 рабочих. Руководство национализированными предприятиями переходило в руки производственных комиссаров, действовавших под контролем фабричных комитетов.

Революционный правительственный Совет декретировал 8-часовой рабочий день, повысил заработную плату трудящимся (на 25%), ввел для них привилегированное снабжение (по сравнению с эксплуататорами), приравнял оплату женского труда к оплате мужского, установил, что ставка служащего не может быть выше среднего заработка рабочего, предпринял вселение 100 тыс. рабочих в квартиры буржуазии. Церковь была отделена от государства и школы. Во дворцах буржуазии стали создаваться детские сады. Образование стало бесплатным.

Имея задачей освобождение всего общества, Советское правительство Венгрии приняло декрет о национализации помещичьей земли (3 апреля 1919 г.).

Национализации подверглись земли, выходящие за установленный предел - 100 гектаров (57 га).

На национализированных землях образовывались государственные хозяйства. Это было ошибкой: крестьяне надеялись получить помещичьи земли по разделу. Некоторая часть их дала себя обмануть слухами о будто бы готовящейся конфискации их собственных земель. Недовольство крестьян было усугублено изъятиями продовольствия для рабочих и армии. Всем этим хорошо воспользовалась контрреволюция.

3. Переход власти в руки трудящихся, революционные декреты нового правительства, курс на строительство социализма получили высшую санкцию в решениях Всевенгерского съезда Советов (июнь 1919 г.). Принятая съездом конституция Венгерской социалистической федеративной Советской республики была построена по образцу Конституции РСФСР 1918 года.

Верховная власть поручалась Всевенгерскому съезду Советов, а в перерывах между съездами осуществлялась Центральным исполнительным комитетом (ЦИКом), избираемым на съезде. Правительство Венгрии - Совет народных комиссаров - назначалось ЦИКом. Избирательное право предоставлялось всем трудящимся, достигшим 18 лет. Эксплуататоры к выборам не допускались. Конституция провозглашала равенство национальностей, право на труд, демократию для трудящихся.

4. Венгерская Советская республика просуществовала до 1 августа 1919 года (133 дня). Превосходящие силы контрреволюции сломали сопротивление венгерской Красной Армии.

После многих месяцев контрреволюционного террора в Венгрии оказалось возможным восстановить монархический строй. Функции королевской власти были поручены регенту, которым сделался бывший адмирал австрийского флота Хорти. В стране установилась профашистская диктатура.

Двухпалатный парламент, составленный из одних только помещиков и капиталистов, играл ничтожную роль. Подавляющее большинство верхней палаты ("магнатов") назначалось регентом. Правом голоса было наделено не более 25-30% населения.

Власть на местах находилась в руках губернаторов, которых назначал и смещал регент.

В. Образование независимых национальных государств

1. Октябрьская революция, равно как и то, что две другие страны, участвовавшие в дележе Польши, Германия и Австрия потерпели поражение в войне, принесли национальную независимость польскому народу: со времени третьего раздела Польши (конец XVIII в.) территория ее находилась под властью России, Пруссии и Австрии.

Советское правительство издало за подписью Ленина декрет об уничтожении несправедливых международных договоров России о разделе Польши, что означало признание прав польского народа на самостоятельное государственное существование (29 августа 1918 г.).

Ст. 3. Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно.

Разгром Германии и Австро-Венгрии в войне помог воссоединению польских областей в единое государство. Весь вопрос заключался в том, каким оно будет.

В декабре 1918 года социал-демократическая партия Польши и Литвы, объединившись с Польской социалистической партией (Левицей), создали Коммунистическую рабочую партию Польши. В своем обращении к пролетариату она призывала его стать под знамя борьбы за социальную революцию.

Реальная власть оказалась, однако, в руках группировки буржуазных партий, возглавленных "начальником государства" И. Пилсудским. Опорой ее служили воинские формирования поляков, созданные во Франции, и "легионы" Пилсудского. С помощью чрезвычайных законов и военно-полевых судов, прибегая к прямой расправе, польская реакция загнала в подполье компартию, отменила все и всякие свободы, разгромила созданные в момент революционного подъема Советы.

Польские Советы возникли под прямым воздействием нашей революции. Особенное значение имели Советы в крупных городах - Варшаве, Лодзи, Ченстохове и др.

Сознавая свои классовые цели, Варшавский Совет принял постановление о введении 8-часового рабочего дня, он активно боролся с саботажем буржуазии.

Контрреволюционный террор сочетался с обманными, демагогическими реформами, среди которых центральное место принадлежало земельной.

Польша была отсталой полуфеодалной страной. В руках немногих крупных землевладельцев (0,6% от общего числа хозяйств) находилось около половины всей земли (более 700 га на хозяйство). Реформа не дала земли крестьянину. То немногое, что было отчуждено у помещиков, перешло к политикам, чиновникам, спекулянтам, к тем, у кого были деньги на покупку земли.

Украинские и белорусские крестьяне, жившие на территориях, входивших тогда в состав Польши, были ограблены в пользу польских военных и гражданских осадников, служивших опорой реакционной) правительства.

Созванный в обстановке преследований демократии Учредительный сейм (1919 г.) принял первую польскую конституцию (1921 г.).

Конституция 1921 года основывалась на так называемом разделении властей, провозглашала преобладание законодательной власти над исполнительной, устанавливала независимость судей.

Законодательными органами Польской "демократической республики" объявлялись сейм и сенат, избираемые всеобщим, равным и тайным голосованием.

Активное избирательное право давалось по достижении 21 года; право избирать в сенат связывалось с достижением 30 лет и т. д.

Конституция признавала в принципе пропорциональную систему голосования и распределения депутатских мест.

Законопроекты, принятые нижней палатой, сеймом, нуждались в санкции сената, наделенного правом отлагательного вето. Вторичное голосование законопроекта в сейме считалось "успешным" только в том случае, если законопроект собирал квалифицированное большинство голосов.

Исполнительная власть вручалась президенту и правительству (совету министров). По сравнению с теми полномочиями, которые получал президент Германии по Веймарской конституции, а также теми, которые были зафиксированы в нормах конституции Чехословакии, польский президент был

несколько обделен. Возможно, что немаловажную роль в том сыграло нежелание партии "народных демократов" (эндеков) вернуть чрезмерную власть Пилсудскому - наиболее вероятному, как казалось, кандидату в президенты.

Обладая правом ведения внешних сношений, назначения кабинета министров, издания указов и пр., президент в то же время должен был иметь санкцию сейма для заключения важнейших международных договоров, на объявление войны и заключение мира; он не мог командовать армией во время войны. Правительство отвечало главным образом перед сеймом.

Конституция содержала перечень демократических свобод, признавала на словах равенство национальностей, объявляла "главной основой богатства республики" труд, узаконила 8-часовой рабочий день, некоторые социальные реформы, бесплатность обучения.

Польская демократия оказалась недолгой: в 1926 году происходит военный переворот, приведший к власти "главного инспектора вооруженных сил" маршала Пилсудского. Созданная по его приказу новая конституция Польши (1935 г.) покончила с польской буржуазной демократией. В стране установилась военная диктатура, которую в современной польской историко-правовой литературе характеризуют как "авторитаризм" или "цезаризм" (СМ. "Historia ustroju i prawa polskiero", W., 1993 г., стр. 50), что должно исключить обвинение в "тоталитаризме".

2. В несомненной связи с Октябрьской революцией находилось национально-освободительное движение, приведшее к распаду Австро-Венгерской монархии, а через это - к образованию Чехословакии и Югославии.

Провозглашение Чехословацкой республики состоялось 14 октября 1918 года на массовых пролетарских митингах в Праге и других городах. Тогда же стали возникать Советы рабочих депутатов (в деревнях - крестьянские).

События 14 октября активизировали деятельность буржуазных партий. Спустя две недели, 28 октября, политический центр чешской буржуазии - Национальный комитет - объявил себя временным носителем власти. Австрийская администрация без сопротивления передала ему свои функции.

Созданное по стовору буржуазных партий Временное национальное собрание (ноябрь 1918 г.) низложило монархию Габсбургов. Чехословакия стала республикой.

Границы нового государства были определены рядом международных договоров, в том числе Версальским. В состав республики вошли: Чехия, Словакия, часть Силезии и насильственно присоединенная Закарпатская Украина. Чехия была одной из самых промышленных областей Европы. Словакия и Закарпатская Украина - отсталыми аграрными областями.

Собрание избрало президента (Массарика), создало временное правительство (Крамаржа).

Следуя политике "кнута и пряника", последнее проводит законы о 9-часовом рабочем дне, всеобщем избирательном праве на выборах в органы местного самоуправления, государственном социальном страховании. Уступая требованиям крестьян, правительство изготвляет закон об аграрной реформе (1919 г.), согласно которому излишки пахотной земли (против установленного максимума) подлежали выкупу и распределению среди малоземельных крестьян (за плату).

Дело шло очень медленно, с бесконечными проволочками. К 1927 году, когда игра в реформу была закончена, оказалось, что крестьяне получили от нее меньше земли, чем потеряли в результате изъятий за неплатеж налогов и другие долги.

Буржуазный общественный и государственный строй Чехословакии был закреплен в конституции 1920 года. С момента своего рождения и до самой ее отмены она считалась одной из самых демократических в буржуазной Европе.

Конституция провозглашала Чехословакию демократической республикой с выборным президентом во главе.

Законодательная власть была вверена Национальному собранию, состоявшему из двух палат; нижняя - палата представителей - избиралась на 6 лет, верхняя - сенат - на 8 лет.

Выборы в Национальное собрание производились прямым и тайным голосованием; места в палатах распределялись по пропорциональной системе. От депутатов требовался, помимо прочего, высокий возрастной ценз: 30 лет для депутата нижней палаты и 45 лет для сенатора.

Сенат обладал правом задерживать рассмотрение законопроектов, принятых нижней палатой, на 6 месяцев, равно как правом отклонения законопроектов. В последнем случае нижняя палата могла спасти законопроект с помощью нового голосования, а в некоторых случаях только квалифицированным большинством голосов.

Очень важными полномочиями был наделен президент республики. Избираемый на 7 лет (квалифицированным большинством обеих палат) и ни перед кем не ответственный президент представлял государство во внешних сношениях, имел право заключать и ратифицировать международные конвенции (с согласия парламента), вводить военное положение, созывать, отсрочивать и распускать Национальное собрание, назначать и увольнять министров, командовать вооруженными силами и пр. Президент имел право отлагательного вето, то же, что и сенат.

Конституция разрешала президенту непосредственное вмешательство в решение правительственных дел. Он мог присутствовать и даже председательствовать на заседаниях кабинета, требовать от министров письменных докладов и пр.

Правительство, таким образом, находилось в двойной зависимости - как от парламента, так и от президента.

Особую роль в республике играл Конституционный суд. От него зависело признание законов не соответствующими конституции (равно как и актов правительства).

Конституция фиксировала многочисленные "права граждан", но оговаривала пользование ими рядом условий; демократические свободы отменялись "в случае войны или тогда, когда внутри государства происходят события, представляющие угрозу для... общественного спокойствия и порядка".

3. Поражение Австро-Венгрии способствовало целям национального высвобождения ее югославянских областей. Борьба эта переплелась с крестьянской борьбой за землю. В некоторых районах доходит до образования "красных республик", "крестьянских республик", изгнания помещиков, самовольного явочного распределения земель.

Разлагающаяся армия, деморализованная австро-венгерская администрация были неспособны справиться с надвигающимся кризисом.

В конце октября 1918 г. восстания и бунты охватили армию. В г. Пуле возник матросский Совет. Медлить было опасно.

29 октября 1918 г. Хорватский парламент (собор) постановил об отделении югославянских земель от Австро-Венгрии и образовании независимого государства словенцев, хорватов и сербов. Хорватский правительственный - орган, созданный по соглашению партий, - Народное вече - обратился за помощью к Соединенным Штатам, Англии и Франции, намереваясь навести "порядок" с помощью иноземных штыков. Одновременно с тем вече искало союза с Сербией, уповая на ее армию, ее административный и полицейский аппарат.

В конце ноября 1918 года решение об объединении с Сербией принимается Скупщинами Черногории и Воеводины.

1 декабря 1918 года сербский принц-регент Александр Кара-Георгиевич, основываясь на петиции загребского веча, объявил об образовании единого королевства сербов, хорватов и словенцев, будущей Югославии (с 1929 г.).

Новое государство образовалось из Сербии и Черногории, бывших до того самостоятельными государствами, а также освободившихся из-под власти Габсбургов Хорватии, Словении, Боснии, Герцеговины и Воеводины. Население Югославии составляло в то время около 12 млн. человек.

Временный парламент (Скупщина), так же как и временное правительство Югославии, был составлен на основе соглашения буржуазных партий. Несколько постов в правительстве получили социал-демократы. Как и следовало ожидать, руководящую роль в новом государстве стали играть сербские буржуазные партии. Хорваты и словенцы оказались в неравном положении.

В апреле 1919 года возникает Коммунистическая партия Югославии. В рядах только что образованной партии насчитывалось 60 тыс. человек. Под влиянием компартии находились рабочие профсоюзы (более 300 тыс. человек), молодежные и женские организации. На муниципальных выборах, а затем выборах в Учредительное собрание за партию голосовали сотни тысяч избирателей.

Скрепя сердце монархия и "коалиционное правительство" должны были пойти на введение 8-часового рабочего дня, аграрную реформу (с выкупом), муниципальные выборы.

Наконец в 1921 году собирается Учредительное собрание, с которым буржуазные политические партии связывали надежды на прекращение временного режима, а вместе с тем и достижение политической стабилизации.

Преобладали в Собрании сербские буржуазные партии. Коммунистическая партия, получив 58 мандатов, вышла на третье место. Голосами сербских партий и подкупленных боснийских помещиков была протасена конституция королевства, названная Видовданской (223 голоса из 419).

Принятие конституции было приурочено ко дню св. Витта (отсюда и название). В этот день произошла трагическая для сербского народа битва на Косовом поле (1489 г.). Видовданская конституция должна была символизировать восстановление национального величия югославянских народов. Югославия становилась конституционной монархией. Законодательная власть вручалась Скупщине, избираемой мужчинами, достигшими 21 года. Исполнительная власть - королю.

Король назначал правительство и мог смещать его по своей воле. Он созывал и распускал Скупщину, командовал армией и вводил чрезвычайное положение.

Народная Скупщина состояла из одной палаты. Она могла вынудить правительство к отставке, но больше должна была опасаться королевского указа о роспуске.

В любой комбинации властей преобладающая роль принадлежала королю, тем более что значительные формальные полномочия подкреплялись его всегдашней готовностью пустить в ход силу.

Видовданская конституция узаконила административное деление, не считавшись с исторически сложившимися национальными районами. Государство было разделено на 33 области. Во главе области стоял назначенный королем губернатор (великий жупан).

Конституция содержит перечень прав и свобод граждан. Без этого было уже нельзя, но было сделано все возможное для того, чтобы этих свобод не стало. Так, свобода печати сопровождалась угрозой запрещения печатных изданий, содержащих "призывы... к насильственному изменению конституции или законов страны, тяжкие посягательства на общественную нравственность" и т. д. Конституция указывала на следующих лиц, ответственных за "преступления печати": автор, редактор, печатник, собственник, распространитель.

Под влиянием революционных событий в Югославии и во всем мире авторы конституции включили в ее состав главу, посвященную "социальным и экономическим предписаниям". Здесь говорилось, помимо прочего, о государственной охране труда, об особой охране женщин и несовершеннолетних и т. п.

Все это не помешало правительству разгонять профсоюзы и поощрять увеличение рабочего дня. Чрезвычайный закон 1921 года запретил Коммунистическую партию. Принадлежность к ней каралась 20-летней каторгой.

Видовданская конституция была реакционной по содержанию, демагогической по форме.

Но и она не устраивала монархию. В 1929 году король Александр совершает военный переворот. Королевский манифест заявляет об отказе от любой формы парламентского режима. Новые "законодательные выборы" отвергались: это "значило бы терять Драгоценное время на тщетные попытки".

Г. Демократические реформы в капиталистических странах

Зрелище победоносной – несмотря на интервенцию и блокаду – социалистической революции в России, ноябрьской революции в Германии, социалистической революции в Венгрии и т. д. вынудило буржуазные правительства к новым реформам, могущим ослабить напор рабочего класса.

1. 29 октября 1917 года Советское правительство принимает постановление о введении 8-часового рабочего дня, первое среди многих актов трудового права Советской России. В 1918 году публикуется первый советский кодекс законов о труде.

Далее происходит следующее. В 1918 году 48-часовая рабочая неделя признается законодательством Германии, Польши, Люксембурга, Чехословакии, Австрии; в 1919 году – Югославии, Дании, Испании, Франции, Португалии, Швейцарии, Швеции, Голландии, Бельгии, Италии. Правительство Англии удерживается от издания общего закона о рабочем времени, однако и оно должно было согласиться на введение 7-часового рабочего дня для горняков и 8-часового – для железнодорожников. К 1920 году коллективные договоры сделали то же, что и закон, если не более того: 48-часовая рабочая неделя стала в Англии фактом. Она пришла на смену 55-51 часу работы в довоенный период (в зависимости от отраслей производства). Во Франции 8 часов пришли на смену 11-10-9 часам ежедневного труда. В Соединенных Штатах, где всякая малая попытка добиться улучшений парировалась противодействием администрации и судов, около половины промышленных рабочих (48,6%) добились для себя 48-часовой рабочей недели.

На этом не остановилось. Там и здесь пробивает себе дорогу законодательство, дифференцирующее рабочее время в зависимости от различных качественных условий; женский труд, детский труд, работа в ночное время и т. д.

Голландский закон 1919 года запрещает работу детей до 14 лет, ограничивает труд женщин и подростков во вредных для здоровья предприятиях, устанавливает, что подростки до 18 лет не должны работать по воскресеньям. Австрийский закон 1920 года предоставляет рабочим ежегодный недельный отпуск, чехословацкие законы о труде подростков и отпусках принимаются в 1919-1921 гг., английские законы о женском труде и труде подростков – в 1921 году и т. д.

2. Пенсии по старости, болезни, инвалидности, а кое-где и по безработице, были известны некоторым европейским странам впрочем, немногим – и до 1918 года.

Война, естественно, прибавила расходов по соответствующим статьям, и тем не менее наблюдается не лишенная интереса картина: пересмотр всего этого законодательства к лучшему.

Для доказательства сошлемся на пример Англии, значительно изменившей законы о социальном обеспечении 1911 и 1913 годов (закон 1920 г. о пособиях по безработице; законы 1921, 1925 гг.); на пример Голландии, опередившей в том, что касается социального законодательства, многие другие страны капитализма; законы 1910-1913 гг. были здесь пересмотрены в 1917-1919 гг. (закон 1919 г. об обеспечении инвалидов, 1919 г. – о социальном обеспечении по старости и др.); на пример Австрии (законы 1919-1920 гг.). Во Франции, несмотря на закон 1898 года, предусматривавший некоторые пособия для пострадавших от несчастного случая и пр., правительство и парламент сочли необходимым (сразу же после окончания войны) назначить комиссию по выработке нового закона о социальном обеспечении (проект его был внесен уже в 1921 году), но он был заволокочен, к удовольствию обеих палат, вплоть до 1928 года.

Изменения, внесенные соответствующими законами, характеризуются следующими примечательными данными. До 1920 года страхование на случай безработицы распространялось в Англии на сравнительно небольшую группу

рабочих (4 отраслей промышленности); после 1920 года - на 12 млн. человек. Пенсии по старости были увеличены вдвое (закон 1919 г.).

В Голландии расходы по социальному страхованию рабочих составляли в 1912 году 742 тыс. гульденов, в 1920-м - 44 526 тыс., расходы на страхование по безработице выросли с 3 до 14 тыс. гульденов.

Помимо перечисленных выше стран, новую фазу социального законодательства пережила Германия. Ноябрьская революция 1918 года и следовавшие за ней события вполне достаточны для понимания причин внезапной либерализации германских правящих классов.

Возникнув на востоке Европы, волна новых "социальных законов" докатилась до ее крайнего Запада: в Испании принимается "закон об обязательном страховании по старости (1919 г.), закон о возмещениях на случай несчастья на производстве (1922 г.) и др.

3. Первые послереволюционные годы принесли с собой еще и другие новшества: хотя и в сравнительно немногих случаях, парламенты и правительства стали допускать установление минимальных ставок заработной платы, признали коллективные Договоры, согласились с существованием рабочих советов на предприятиях.

В этой связи нельзя не упомянуть известный "договор о деловом сотрудничестве", заключенный германскими профсоюзами с германскими предпринимателями в ноябре 1918 года.

Как бы ни оценивать этот договор в целом (профсоюзы отказались от стачечной борьбы в обмен на уступки), отказ предпринимателей от снижения заработной платы, их обязательство выплачивать пособия по безработице, наконец, признание коллективных соглашений с профсоюзами свидетельствовали о неспособности правящих классов Германии действовать старыми методами. Тарифные договоры были для Германии не редкостью и до первой мировой войны, но только с 1918 года они сделались более или менее общепринятыми (и не только для Германии).

Для многих стран капитализма законодательное признание коллективных договоров было непосредственным результатом революционной ситуации 1918-1920 гг. Такова, например, Франция (закон 25 марта 1919 г.). И даже в Соединенных Штатах, являвших пример сопротивления идее социальных реформ, первый коллективный договор (между докерами и судовладельцами) был подписан все в том же 1919 году.

Послереволюционные годы были некоторым рубежом и для юридической науки буржуазных стран мира. До 1918 года юристы с трудом принимали идею коллективного договора, а если и принимали, то относили соответствующие отношения к частному праву. О законодательном признании, а тем более регулировании коллективных договоров не могло быть и речи. И только с 1919 года коллективные договоры стали выдавать за "величайшее достижение", за "инструмент согласия между классами" и т. п.

4. Кто слышал что-нибудь о рабочем контроле на производстве до 1917 года, за исключением тех, кто интересовался историей Парижской Коммуны? Но вот Октябрьская революция дела-ет рабочий контроль важнейшим орудием государственного руководства промышленностью вплоть до времени декретов о национализации. Положение о рабочем контроле, принятое ВЦИК 14 ноября 1917 года, предоставило рабочим право устанавливать нормы выработки, контролировать деловую переписку предприятия и пр. Решения органов рабочего контроля были подкреплены авторитетом государственного принуждения.

Совершается революция в Германии. Легализуются фабрично-заводские комитеты. Первыми же полномочиями, ими усвоенными, явились: представительство от имени рабочих перед хозяевами, участие в делах, связанных с увольнением, право просмотра бухгалтерских книг, выработка договоров и пр. Веймарская конституция волей-неволей легализует деятельность рабочих советов на предприятиях, вводя ее в "допустимые законом" рамки.

Германия не была единственной буржуазной страной, где возникли и были легализованы рабочие советы на предприятиях. То же можно сказать об Австрии, Польше, Италии (1919 г.) и некоторых других странах.

5. Провозгласив одной из целей революции обобществление средств и орудий производства, Советское правительство создает Высший Совет Народного Хозяйства (2 декабря 1917 г.) и вместе с тем приступает к национализации решающих отраслей промышленности. Впечатление, произведенное этими актами, было огромным: впервые в истории проекты и пожелания, теория и программные требования, казавшиеся еще недавно столь далекими, сделались предметом законодательства, первейшим принципом государственной политики. Было над чем задуматься.

В наше время национализацией промышленности и банков, страхового дела и путей сообщения никого уже не удивить. В Англии, Франции, ФРГ, Австрии, Италии национализированный сектор хозяйства занимает важное место в экономике, оставшейся капиталистической. Буржуазное законодательство, относящееся к регулированию деятельности государственной промышленности и банков, неудержимо растет. Буржуазная юридическая наука не только примирилась с этим новым для нее фактом, но даже признает национализацию за некий имманентный процесс "социализации" современного государства, вызванный ростом социального сознания правящих классов.

Между тем не существует данных, говорящих о сколько-нибудь радикальном проникновении идей национализации в буржуазное законодательство до 1918 года. Положение меняется именно с этого времени.

Одним из первых приняло идею "социализации" некоторых отраслей промышленности германское социал-демократическое правительство. Оно подготовило проект социализации горнорудных предприятий, и Веймарское Национальное собрание, буржуазное по своему основному составу (56% депутатов), принимает его почти без прений.

Обещание национализации некоторых отраслей промышленности содержится в заявлении так называемого народного правительства Дашиньского в Польше (1918 г.).

Английские горняки потребовали в январе 1919 года национализации недр и горной промышленности, что было несомненным вызовом правящему классу. Вслед за тем программа лейбористской партии, принятая в 1919 году, провозглашает целью борьбы английского рабочего класса установление общественной собственности на средства производства, а в качестве непосредственной задачи - установление рабочего контроля на производстве. Заметим, что в то время лейбористы были уже в некоторой степени своими людьми в правительстве Великобритании, что придавало их заявлению особый характер.

Конечно, все это было более чем скромным началом; но нас как раз и интересует начало.

6. Какими бы значительными ни казались те или иные профсоюзные организации до первой мировой войны, действительное начало массовому профсоюзному движению в большинстве буржуазных стран было положено в 1918-м и в первые следующие за тем годы. К этому же времени относится легализация профсоюзов, в том числе и там, где они признавались терпимыми.

Уже одно то, что устроителям Версальского мира пришлось включить в договор статьи, касающиеся международных соглашений о регулировании условий труда, было знаменательным событием. Не менее важным было и то, что для соответствующих консультаций были привлечены профсоюзные лидеры. В этой было своего рода признание профсоюзов, правомерности их участия в выработке законов, касающихся условий труда, что уже стало правилом в наши дни.

Вскоре за тем при Лиге наций создается МОТ - Международная организация труда (1919 г.).

Вот некоторые выборочные, но весьма типичные данные о количественном составе профессиональных союзов до и после 1918 года:

	1917	1919	1920
Франция			
170 тыс.	1916		
997 тыс.	1919		

2 048 тыс.
Германия
996 тыс. 1914
5 479 тыс. 1919
1921
Швеция
97 тыс.
222 тыс.
280 тыс.

Изменения происходили и в некоторых других отношениях. Возникали новые, революционные профсоюзы и профцентры. К их числу следует отнести образовавшийся в 1918 году профсоюз рабочих сталелитейной промышленности США, явившийся инициатором памятной забастовки 1919 года. Нельзя не отметить также образование единого руководящего центра английских профсоюзов (1919 г.) и Унитарной всеобщей конфедерации труд" во Франции (1921 г.), выступившей в противовес реформистской ВКТ.

7. Послевоенная Европа существенно отличалась от прежней. Не стало Австро-Венгрии. Возникли новые государства: Польша, Австрия, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Финляндия, Ирландия. Широкие национальные движения, их породившие, развертывались под лозунгами, в немалой степени заимствованными в революционной России. С этим фактом должны были поневоле считаться все правительства. Республиканская форма правления принимается новыми конституциями как нечто само собой разумеющееся. Единственным исключением стала, как мы видели, Югославия, поскольку Сербскому королевству удалась его объединительная роль.

Принцип "народного суверенитета", третируемый в течение всего довоенного времени, торжественно вводится вновь, чтобы украсить собой конституции, включая некоторые монархические. Соответственно с тем существенные перемены к лучшему происходят в сфере избирательного права.

Реформа английского избирательного права, предоставившая право голоса всему мужскому и отчасти женскому населению страны (1918 г.), не была новшеством для буржуазной Европы (см. ниже). В таких государствах, как Швейцария, Испания, Греция, Бельгия, всеобщее избирательное право - с ограничениями и изъятиями - было введено еще до первой мировой войны, а во Франции и в Германской империи даже задолго до нее. И тем не менее фактом остается то, что как в Англии, так и в Соединенных Штатах всеобщее избирательное право, включая женское, вводится в послевоенные годы. Этому примеру следуют во многих других государствах буржуазного мира. Всеобщее избирательное право укореняется в качестве основополагающего (по крайней мере, формально) юридического принципа всякого такого режима, который претендует на звание "демократического".

8. Волна революции докатилась и до Японии, задавленной военно-монархической кликой. По всей стране начались массовые выступления пролетариата, крестьянской и городской бедноты

(так называемые рисовые бунты).

Восставшие разбивали продовольственные магазины и склады, чтобы добыть рис для голодающих. "Рисовыми бунтами" было охвачено около 10 млн. человек.

Пролетариат Японии поддерживал "рисовые бунты" стачками, носившими политический характер. Рабочие требовали демократических свобод и среди них - всеобщего избирательного права.

Правительство Японии должно было согласиться на снижение имущественного ценза (до 3 иен), что повлекло за собой некоторое увеличение круга избирателей (на 3 млн. человек). Потребовалось еще шесть лет борьбы. И только в 1925 году всеобщее мужское избирательное право (с исключением военнотружущих, студентов и бедняков, живущих на средства благотворительности) было установлено и в Японии.

Коротко говоря, трудно назвать какую-нибудь такую страну, европейскую или азиатскую, которая оставалась бы в стороне от могучего революционизирующего воздействия той исторической эпохи. Многие из них за

какие-нибудь два-три года прошли путь, на который раньше уходили десятилетия.

Одной из таких стран была Румыния, полуфеодалная, полубуржуазная, с неизменно реакционным политическим режимом.

Наэлектризованные близостью Советской России, борющейся и побеждающей, рабочие и крестьяне Румынии вынудили правящие партии к реформам, о которых эти партии в прежнее время и слышать не желали. Крестьянские восстания и массовые забастовки вызвали политический кризис в верхах. Правительства сменялись одно за другим. Реформы сделались непременной частью политики наряду с репрессиями.

Упраздняется цензовая избирательная система. Узакониваются всеобщее избирательное право и даже тайное голосование. В конце 1918 г. издается декрет об аграрной реформе.

Таким образом, оставляя пока в стороне вопрос о последствиях Октябрьской революции для нашей собственной страны - СССР, - нельзя отрицать ее огромного прогрессивного значения для основных стран капитализма и для их колоний.

Новая конституция Румынии, принятая в 1923 году, сохраняла короля и две палаты.

В монархической Болгарии, воевавшей на стороне Германии, революционный кризис разрешился солдатским Радомирским (Владайским) восстанием, поставившим у власти Земледельческий союз - партию среднего и мелкого крестьянства.

Правительство "земледельцев" провело закон об аграрной реформе, предусматривавшей отчуждение излишков, превышавших 30 гектар, и наделение малоземельных и безземельных крестьян, сократило кредитование частных банков и ввело прогрессивный подоходный налог, давало кредиты сельскохозяйственным кооперативам, предоставило им монополию на вывоз сельскохозяйственных продуктов и т. д.

Д. Национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах

1. Принудив к капитуляции Германию, Австрию и Турцию, страны-победительницы разделили между собой их заморские владения. Колониальные империи Англии, Франции и Соединенных Штатов еще расширились

Те, кто, подобно автору этих строк, сидел за партами в 20-30-х годах, представляют себе политическую карту мира тех лет в трех главных красках: красной - цвет нашей родины, зеленой - цвет английских владений (1/4 часть земной суши) и сиреневой - цвет французской колониальной империи.

Казалось невероятным, чтобы народы Востока, Африки, отсталые экономически, а еще более в военном отношении, могли изгнать европейских и американских угнетателей, применявших все чудеса техники и военного искусства.

Но Ленин - в этом он был прав - нисколько не сомневался в том, что такое время придет и что оно недалеко. Победа Красной Армии над врагами, говорил он, будет иметь гигантское значение для всех народов Востока. На этом опыте угнетенные народы убеждаются в том, что революционная война, если она сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, "таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым...".*

Нельзя не признать, что ленинское предвидение нашло себе первое подтверждение в борьбе за независимость Афганистана, в национально-освободительной турецкой революции.

Волна восстаний прокатилась по всему угнетенному империализмом Востоку. Крупнейшим среди них было восстание корейского народа против японских колонизаторов в марте 1919 года.

Возникшее под непосредственным влиянием Октябрьской революции, оно проходило под лозунгами независимости для двадцатимиллионного народа, "имеющего 5000 лет истории в прошлом". Около двух миллионов человек

участвовало в этом движении. Число жертв, понесенных повстанцами, исчисляется десятками тысяч.

Три причины погубили корейское восстание, и то были причины, свойственные многим другим подобным движениям: стихийность и отсутствие руководства; слабость пролетариата; недооценка крестьянства, неспособность пробудить его коренные слои и поднять их на борьбу.

В Индонезии, бывшей колониальным владением Голландии, создается первая прямая угроза многовековому господству колонизаторов. Маневрируя по отношению к революционно-демократическому движению, голландские власти создают совещательный орган при центральном правительстве, в состав которого включается некоторое число индонезийцев.

Английское правительство вынуждено было сделать формальное заявление о прекращении британского протектората над Египтом. В своей основной колонии, в Индии, оно оказалось перед необходимостью осуществить некоторые изменения в системе управления с тем, чтобы верхушечные слои индийских помещиков и капиталистов могли участвовать в консультациях по поводу политики, по-прежнему осуществляемой английской колониальной администрацией.

Так называемый "Акт британского правительства об Индии 1919 года" оставлял нетронутым центральное управление Индией. Созданный здесь двухпалатный "парламент" имел совещательные функции.

Некоторые незначительные изменения были произведены в системе управления провинциями. Губернатор провинции, английский чиновник, сохранял все свои полномочия в законодательстве, судебной области, в руководстве полицией и пр., то есть во всех наиболее важных областях управления.

Новым было следующее. Губернатору поручалось назначить некоторое количество "министров", принадлежащих к числу депутатов местной, провинциальной ассамблеи, "законодательного совета", избираемого местными же помещиками, капиталистами и чиновниками - 10-12% населения страны.

Министры получали в свое ведение второстепенные дела по управлению, а также здравоохранение и образование в том виде, в каком они существовали.

Законодательные советы были наделены правом издавать "законы" по узкому кругу дел, но губернатор мог отменять их и вводить другие.

Акт 1919 года был карикатурой на самоуправление в духе английской политики маневров.

2. Огромное влияние на ход событий в Китае оказало антиимпериалистическое и антифеодалное движение трудящихся масс, известное под названием "Движение 4 мая" 1919 года. С этого времени национальная буржуазия, продолжая участвовать в буржуазно-демократической революции, отходит на второй план.

Развитие событий вынуждало гоминдан к отказу от тактики соглашений с милитаристами, он обратился за поддержкой к народным массам, принял союз с коммунистической партией.

Программа гоминдана формулируется в виде "трех народных принципов": 1) освобождение китайского народа от империалистического гнета, равенство национальностей; 2) демократическое устройство государства; 3) раздел земли по правилу "каждому пахарю свое поле", национализация банков и путей сообщения.

В начале 1925 года на юге Китая, в Кантоне, образуется Национальное правительство Китайской республики, в котором видную роль играют левые гоминдановцы, сотрудничавшие с коммунистами. Оно организует (в 1926 г.) Северный поход за отвоевание Китая у генералов-милитаристов.

Война вызвала великий революционный подъем. Крестьяне явочным порядком брали в свои руки власть, осуществляли ревизии местных дел, расправлялись с помещиками. В городах возникали профсоюзы. Во главе масс в качестве признанного руководителя профсоюзов и крестьянских организаций находилась компартия.

Под влиянием этих событий национальная буржуазия стала тяготиться своим союзом с левыми силами. Гоминдан разрывает с компартией.

Командующий гоминдановской армией генерал Чан Кай-ши производит контрреволюционный переворот (1927 г.). Из партии революционной, каким гоминдан был в момент соглашения с компартией, он превращается в контрреволюционную.

Но революция не была убита. Она продолжалась. На огромных территориях Центрального и Южного Китая возникли "районы красной власти". Пройдет время, и "районами красной власти" станет весь великий Китай - дружественная нам Китайская Народная Республика.

3. Под непосредственным воздействием Октябрьской революции и при непосредственной помощи молодой Советской республики победила народная революция в Монголии, начавшаяся в 1921 году. Своеобразие монгольской революции заключалось в том, что она развивалась в условиях не ликвидированных феодальных отношений. Этим характеризуется весь первый ее этап: национально-освободительный (по отношению к Китаю, претендовавшему на суверенитет в отношении так называемой Внешней Монголии), антиимпериалистический (по отношению к иностранному капиталу), антифеодальный.

Во главе борьбы стояла Монгольская Народная партия, ныне именуемая Народно-революционной. Опираясь на учение В.И.Ленина, Народная партия ставила своей задачей осуществление непосредственного перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистический путь развития.

Рядом последовательно проведенных реформ была ликвидирована власть богдогэгэна - ламаистского главы государства (1921 г.), отменены частная собственность на землю, крепостное право и феодальные повинности всякого рода; на место старых форм управления пришла демократическая власть, основанная на народном выборе; создан новый суд и органы, стоящие на страже безопасности (государственная внутренняя охрана).

Перемены в общественных отношениях и государственном строе нашли свое выражение в первой монгольской конституции 1924 года, утвержденной съездом трудящихся Монголии (Первым Великим хуралом).

Глава тридцатая

Буржуазные демократии в период между двумя мировыми войнами Недолгий двадцатилетний период истории буржуазного государства и права между двумя мировыми войнами заслуживает особого изучения.

Оглядываясь на это двадцатилетие теперь, опуская разного рода частности, мы отчетливо различаем две группы буржуазных государств. Они объединяются по тому типу, к которому принадлежат, но весьма отличаются по характеру политических режимов, по формам правления.

Это, с одной стороны, государства, где удерживается режим буржуазной демократии. Это, с другой стороны, государства фашистские, полуфашистские, военные диктатуры.

К первым относятся Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Веймарская Германия (до 1933 г.), Бельгия, Голландия, Скандинавские страны и некоторые другие.

Государств второй группы не меньше. Это раньше всего Италия (где фашистский режим утвердился вскоре после окончания первой мировой войны) и Германия (начиная с 1933 г.). В разное время и каждый раз в особой форме фашистские и профашистские режимы устанавливаются в Болгарии, Румынии, Венгрии, гоминдановском Китае, Испании, Южно-Африканском союзе.

Но отказ от демократии, отрицание ее характеризуют не только фашистские или полуфашистские режимы. Действие этой тенденции захватило, хотя и в разной мере, страны традиционной буржуазной демократии.

В течение долгого времени буржуазная юриспруденция уверяла, что единственным государством, достойным человеческого существования, является государство "правовое". Его неизменными атрибутами считались: разделение властей и основанная на этом подзаконность правительственной и судебной власти, права личности, их неприкосновенность.

Что же стало со всем этим? Что стало с теми тенденциями, о которых мы говорили, касаясь эволюции государственных институтов в течение XIX столетия?

Обозревая юридическую литературу межвоенного времени, видим, как буржуазное правоведение шаг за шагом вынуждено констатировать падение роли парламента, перерождение принципа политической ответственности правительства, необеспеченность и неопределенность прав граждан, все более откровенное вмешательство чиновников правительства в дела судебного ведомства. Стало признаваться, что как законодательная инициатива правительства, так и законодательство, которое правительство осуществляет в силу присвоенных ему полномочий (так называемое делегированное законодательство), являются чем-то неизбежным и даже рациональным: составленный из "любителей" парламент не может конкурировать со специалистами ни в том, что касается информации о положении дел в стране, ни в отделении методов политики и управления.

Английский юрист Аллен справедливо констатирует, что период между двумя мировыми войнами был периодом необыкновенного распространения делегированного законодательства. Этот процесс, пишет он, был ускорен созданием новых учреждений с очень широкой компетенцией. В ряде случаев правительство обнаруживало упрямство, которое может быть характеризовано как ликвидация юстиции.

Аллен понимает, конечно, в чем состоят те преимущества, которые дают правительству парламентские акты, составленные в самых общих выражениях, - акты-скелеты, как их называют, - с тем чтобы они могли обрасти плотью в правительственных (министерских и департаментских) канцеляриях. Тенденция к изданию актов-скелетов, пишет он, появилась в последние годы, и само их название не является хорошим предзнаменованием для конституционных принципов... ибо скелет - символ смерти.

Можно вполне довериться известному английскому политическому деятелю первой половины XX века Лойд-Джорджу, когда он - неоднократно премьер и министр - пишет: "Парламент не обладает контролем над исполнительными органами, это чистейшая фикция". Действительностью является как раз обратное: "При помощи партийной машины правительство контролирует палату общин" (Дженнингс). Эти слова справедливы не только для Англии.

А. Соединенные Штаты Америки

1. Уже перед войной 1914-1918 гг. Соединенные Штаты занимали первое место в мировой экономической системе. Война сделала их еще могущественнее. Она наполнила грудями золота американские банки. Страны-кредиторы (Англия и Франция) сделали должниками американских банков.

Промышленные компании Соединенных Штатов сосредоточили в своих руках 50% всей мировой добычи каменного угля, 66% мировой добычи нефти, 60% мирового производства меди, 85% мирового производства автомобилей и пр.

Нигде, ни в одной стране мира, концентрация капитала, выделение немногих богатейших промышленно-финансовых фамилий и компаний не происходило столь интенсивно, как в Соединенных Штатах. В отчаянной конкурентной борьбе, допускавшей все средства - законные и незаконные - выживали немногие. Из 100 промышленных компаний, занимавших первое место по богатству в 1908 году, едва 30 удалось сохранить свое положение после первой мировой войны. Но и среди этих 30 выделялись 8-10 фамилий - финансово-промышленные группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Меллона, Калифорнийская и пр., равных которым по богатству не знала история.

Разного рода фирм, корпораций и предприятий существовало множество (десятки и даже сотни тысяч), но только немногие из них имели действительное значение. Половина всех активов (акций) находилась в руках 250-300 крупнейших компаний, составлявших, может быть, двадцатую долю процента от общего числа корпораций.

Большая часть рабочего класса страны трудилась на крупных и крупнейших промышленных предприятиях (1000 и более работающих).

Высокий уровень промышленного производства и производительности труда, беспощадная эксплуатация отсталых районов мира позволили господствующему классу Соединенных Штатов обеспечить значительной массе населения более высокий жизненный уровень по сравнению с тем, какой существовал в странах буржуазной Европы. Тем не менее большая часть

национального дохода США присваивалась не народом, а буржуазией (с 46% в 1923 году до 60% в 1955 году).

2. Принесли сравнительно небольшие жертвы для разгрома кайзеровской Германии (56 тыс. человек убитыми), Соединенные Штаты с тем большей активностью включились в интервенцию против Советской России. Крупные американские десанты высадились в Архангельске и Владивостоке. Будучи быстро и решительно изгнанными на Севере, американцы последними ушли на Востоке (1920 г.).

Соединенные Штаты не находились (юридически) в состоянии войны с Советской Россией, и потому пребывание американских войск на нашей земле и их помощь белогвардейцам, а тем более участие в военных действиях были грубейшим нарушением конституции США.

Свои основные надежды правительство Соединенных Штатов возлагало на победу Колчака. Вмешаться в гражданскую войну более крупными силами президенту США Вильсону мешали, во-первых, справедливые опасения, что "британские и американские войска откажутся воевать с большевиками" (заявление самого Вильсона), и, во-вторых, компания протеста против войны в самих Штатах.

Крах Колчака означал крупнейшее поражение американской внешней политики. Интервенция против России была одной из причин политического поражения демократической партии (которую представлял Вильсон) на президентских выборах 1920 года.

Реакционная внешняя политика сочеталась с преследованием демократии внутри страны, что всегда неотделимо одно от другого. "Великий красный страх", охвативший американскую реакцию под влиянием побед Красной Армии, революционного подъема в Европе, массового забастовочного движения в самих Штатах, дошел до настоящей паники, когда возникла коммунистическая партия США и "компетентные" эксперты подсчитали, что общее число коммунистов достигает будто бы 600 тыс. человек.

Вызванная "красным страхом" реакция была невиданной за всю историю Соединенных Штатов. Коммунистическая партия была запрещена. Коммунистов, объявленных "иностранными шпионами", массами отправляли в тюрьмы. "Нежелательные иностранцы" должны были покинуть страну. Сенат США создал специальную комиссию для борьбы с коммунизмом и ассигновал первые миллионы долларов на эти цели. Аресты и облавы (весьма нередко без законного основания) стали обычным явлением. Виднейшие деятели американской юстиции включились в поход против свободы слова и печати ("свободное выражение мнений опасно для американских учреждений", говорил генеральный прокурор США).

В разгар этой истерической кампании были схвачены два итальянских революционера-иммигранта Н. Сакко и В. Ванцетти (1920 г.). Им приписали сфабрикованное полицией обвинение в уголовном убийстве, и, несмотря на то, что судебным следствием была установлена невиновность обоих – и тот и другой были в момент убийства далеко от того места, где оно произошло, – присяжные признали их виновными. Семь лет Сакко и Ванцетти ожидали казни. Через все континенты и страны прокатилась волна возмущения американской юстицией. Но ничто не помогло. В 1927 году Сакко и Ванцетти умерли на электрическом стуле. Их действительная вина заключалась в их революционности, и судили их за то, что они посмели разоблачить министерство юстиции США в незаконных репрессиях, в нарушении конституционных гарантий.

Прокуроры и судьи внесли, может быть, самый крупный вклад в антикоммунистический поход 1920 года. Недаром председатель Верховного суда США Юз говорил впоследствии о "возбуждении предрассудков районными прокурорами и запугивании свидетелей судьями". Американская юстиция выдвигалась в первый ряд врагов демократии.

На тот же период приходится возрождение антинегритянской реакционной организации Ку-клукс-клан и массовые преследования негров. Со всей ясностью определилась тенденция политической реакции.

В противовес ей рабочий класс Соединенных Штатов, прогрессивные и демократические деятели науки и культуры, широкие слои населения вообще требовали возврата к конституционным гарантиям.

Реакция должна была отступить. Компартия была легализована (1923 г.). Но то было временное отступление. Существование могущественных, щедро финансируемых темных сил ощущалось повседневно. Чуть только поутихла антикоммунистическая истерия, на смену ей пришла антидарвинистская. В центре шумной пропагандистской кампании оказалась на сей раз защита Библии и христианства от эволюционистской теории происхождения человека. Казалось, что речь идет о частном мировоззренческом вопросе. На самом деле было не так. На самом деле был все тот же бой за и против прогресса, за и против демократии.

Расисты Юга не могли допустить самой мысли о происхождении "белого человека" от заросшей шерстью африканской обезьяны. Они видели в этом злонамеренную попытку приравнять их к неграм.

За словами последовали дела. Законодательные собрания штатов приняли законы, угрожавшие уголовным наказанием за преподавание эволюционистской теории происхождения человека.

В 1925 году внимание всего мира было привлечено к маленькому американскому городу Дейтону, где судили учителя биологии Скоупса, осмелившегося вступить за свободу мысли и преподавания. Скоупса судили напоказ, чтобы не было повадно отступать от Библии. Присяжные признали Скоупса виновным.

3. В октябре 1929 года Соединенные Штаты были потрясены катастрофическим падением курса акций на бирже. Биржевая паника, подобно водовороту, увлекла в бездонную пропасть многочисленные состояния. Убытки составили колоссальную сумму (около 50 млрд. долларов).

Наступил кризис перепроизводства. В течение 35-40 месяцев остановилась половина заводов и фабрик. Около 17 млн. человек оказались безработными.

Месячное производство стали составило в наихудшем 1932 году около 800 тыс. тонн вместо 5 млн. тонн в 1929 году. Выпуск автомобилей сократился в 12 раз.

Катастрофически низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, вызванные падением спроса (массовая безработица), разорили сотни тысяч фермеров.

И работавшие и безработные объединялись в манифестациях, стачках, вооруженных столкновениях с полицией и войсками.

Профсоюзные лидеры заявляли конгрессу и правительству, что они "снимают с себя всякую ответственность за могущие возникнуть беспорядки", что имеются все объективные условия для открытого мятежа. Деловые люди, бизнесмены предупреждали: "Не проходит дня без мятежных выступлений против властей. Постановления судов постоянно наталкиваются на физическое сопротивление. Фермеры готовы защищать свои фермы, даже если их заставят прибегнуть к насилию. Скорее всего милиция штатов откажется стрелять..."

"Капитализм подвергается суровому испытанию", "не останавливаться перед внедрением "плановой экономики", "век бесконтрольного индивидуализма окончился", "экономика США выживает лишь в условиях системы, контролируемой и регулируемой сверху правительством" - таковы были почти единодушные высказывания финансистов, промышленников, политиков, в растерянности и ужасе наблюдавших развитие событий.

Отчаявшись в ожидании нового "процветания", обманутые республиканскими лидерами в правительстве и вне его, трудящиеся массы Соединенных Штатов переходили на сторону демократической партии, обещавшей государственную помощь безработным, повышение цен на сельскохозяйственные продукты, наконец, регулирование экономики, могущее покончить с кризисом в данное время и предотвратить его повторение в будущем.

Идеологом государственного вмешательства в экономические отношения и одновременно с тем лицом, которое бралось осуществить его на практике, стал Франклин Рузвельт, избранный президентом США на выборах 1932 года.

Критикуя своего предшественника Гувера, Рузвельт, буржуа по происхождению и воспитанию, должен был сделать некоторые важные признания. "Две трети всей американской промышленности, - говорил он в одном из предвыборных выступлений, - сконцентрировано в нескольких сотнях корпораций и управляется фактически не более чем пятью лицами. Мы видим, что большая часть нашего трудящегося населения не имеет возможности существовать иначе, как милостью этой концентрированной индустриальной машины".

Ф. Рузвельт окончил Гарвардский университет, а после того учился в высшей юридической школе нью-йоркского Колумбийского университета. С 1907 по 1910 годы занимался адвокатской практикой. Специально изучал морское право. До избрания президентом США занимал один из самых видных постов - мэра г. Нью-Йорка.

4. Совокупность мер, направленных на государственное регулирование американской экономики, предложенных Рузвельтом и его советниками ("мозговым трестом"), получила название "нового курса" (точно: "новой сдачи карт").

В "новом курсе" - и в этом его главное значение - прошли своеобразную экспериментальную проверку политика и практика государственного вмешательства в частноэкономические отношения.

"Новый курс" не был продуманной, сформулированной и осуществленной системой. Он сложился из разного рода общих мер и мер чрезвычайных, законов конгресса и распоряжений Президента, проектов и экспериментов.

Проект закона о банках был поставлен на обсуждение конгресса в первый же день работы специальной сессии. Обсуждение заняло всего только 40 минут. А между тем закон наделял правительство США такой властью в области финансов и денежного обращения, которая была не только беспрецедентной, но и очень уязвимой с точки зрения конституционных традиций.

Но в то время было не до того. Самый важный закон, относящийся к мерам "нового курса", - о восстановлении промышленности - был принят 16 июня 1933 года, через три месяца после вступления Рузвельта в должность президента. То был скорее экспромт, чем результат зрелого обдумывания.

"Основная масса законов и постановлений начального периода "нового курса" была принята в чрезвычайной спешке за первые три месяца пребывания правительства Рузвельта у власти. Зачастую законодатели... не имели времени ознакомиться с существом многих предложений" ^ Самое важное свелось к следующему.

а) Огромный запас Соединенных Штатов был передан в государственное казначейство.

Правительство получило возможность выпускать доллары, не обеспеченные золотом; обмен бумажных денег на золото был воспрещен; граждане США должны были сдавать имеющееся на руках золото в банки; золотое содержание доллара было сокращено почти наполовину; министерство финансов могло прекращать на время банковские операции.

Эти меры прекратили панику в банках, вызванную стремлением вкладчиков реализовать свои сбережения. С помощью более дешевых денег хотели поднять цены на товары и тем самым искусственно подстегнуть товарооборот.

б) Стремясь разрешить проблему "удовлетворительного планирования производства и распределения применительно к экономической системе Соединенных Штатов" (Рузвельт), правительство США создает специальную государственную федеральную организацию под названием Национальной администрации по оздоровлению промышленности (НИРА); главным ее делом стало насаждение "кодексов честной конкуренции".

Составленные для целой отрасли промышленности "кодексы честной конкуренции" должны были смягчить конкурентную борьбу между компаниями. Они содержали нормы, устанавливающие одинаковый для всей данной отрасли промышленности уровень заработной платы определенных категорий работников, одинаковую продолжительность рабочего времени, общий объем разрешенной тому или иному предприятию продукции и проч. Кодексы

вырабатывались не правительством, а самими предпринимателями. Они были для них добровольными соглашениями.

Однако, как только кодексы скреплялись подписью президента США, они приобретали для данной отрасли промышленности силу закона.

Правительство выработало типовой проект кодекса, его образец. Им предлагалась 35-часовая рабочая неделя и минимальная заработная плата рабочих - от 30 до 40 центов в час.

К середине 1934 года было введено в действие не менее 500 "кодексов честной конкуренции".

Правительство поощряло составление кодексов уже одним тем, что после их введения соответствующие предприятия и компании освобождались от действия антитрестовских законов (главным образом закона Шермана).

в) - Законом 1933 года устанавливалась некоторая компенсация для тех фермеров, которые соглашались сократить посевную площадь под пшеницей, кукурузой, хлопком и т.п., что должно было - по теоретическим расчетам - поднять цены на продукты сельского хозяйства и тем самым спасти фермеров от разорения.

Одновременно с тем поощрялось уничтожение части уже полученного урожая. За это давали премию. Делалось все это в период, когда миллионы безработных голодали или находились на грани голода.

г) Некоторая, впрочем, незначительная, часть безработных нашла себе временное занятие на общественных работах, финансируемых правительством.

Нетрудно видеть, что за исключением мер временного характера (вроде общественных работ) или таких, которые не заключают в себе ничего принципиально нового (вроде девальвации доллара), существенное значение для характеристики "нового курса" принадлежит "кодексам честной конкуренции". Именно они должны были открыть новую эру.

Разного рода мерами правительству удалось склонить к составлению кодексов подавляющее большинство предпринимателей. И это дало свои результаты. Как это констатировал известный экономист Кейнс, частнокапиталистическое рыночное хозяйство утратило способность стихийного приспособления к потребностям производства, а значит, становится неизбежным государственное вмешательство в рыночные отношения. "Новый курс" был этому подтверждением.

Тем не менее кодексы и вся та система контроля, которую практиковало правительство через НИРА, стесняли монополии. Кризисные явления стали проходить, безработица рассасываться. Истекал двухлетний экспериментальный срок действия НИРА. Ни в правительстве, ни в НИРА не было сколько-нибудь определенного намерения сохранить на будущее "сотрудничество государства и хозяйства". Политика регулирования не отбрасывалась как негодная, но ее требовали "изменить".

Тогда Верховный суд, выполняя наказ банкиров и промышленников, признал, что существование и деятельность НИРА противоречат конституции Соединенных Штатов, воспрещающей федеральному правительству вмешательство в экономические отношения частных лиц (1935 г.).

"Новый курс" перестал существовать. Но он не прошел бесследно. Рузвельт и его администрация сделали важный шаг в сторону приспособления государственного аппарата большой капиталистической страны к политике регулирования экономики и трудовых отношений, к внедрению некоторых элементов планирования. Эта политика была вызвана к жизни не только интересами монополий, но и обострением классовой борьбы рабочего класса, фермеров, безработных. И хотя реформы проводились к выгоде монополий и служили их спасению и обогащению, трудящиеся массы США не без оснований связывали с ними некоторые гарантии против превратностей экономической системы капитализма. Рабочим многих отраслей промышленности, где 65-часовая рабочая неделя была не редкостью. "Новый курс" принес сокращение рабочего дня; были легализованы профсоюзы, коллективные договоры, минимальная заработная плата.

В противовес решению Верховного суда, Рузвельт провел через конгресс так называемый закон Вагнера (1935 г.), который возвратил рабочему классу его завоевания, по Новому курсу - и даже расширил их.

5. Конституционная история рассматриваемого периода бедна событиями. Среди четырех внесенных в конституцию поправок только одна имела действительно важное значение: о предоставлении избирательных прав женщинам (1920 г.).

Это достижение значительно умалялось существованием цензов, распространявшихся как на мужчин, так и на женщин: имущественного (уплата налога), грамотности, умения читать и писать, толковать конституцию, добропорядочного поведения и пр. В каждом штате существовал свой вариант избирательного ценза, а почти повсеместным явлением было устранение от выборов негров (не только на Юге, что само собой разумеется).

Конституция оставалась в общем неизменной, но все более очевидной становилась зависимость правительства от банков и крупных промышленных компаний. Президенты, нередко сами весьма богатые (например, Гувер), были, как правило, ставленниками тех или иных финансовых групп: Моргана (Вильсон), Рокфеллера (Кулидж) и т.д. Та же картина наблюдалась при замещении всех высших постов, включая министерские.

Неофициальными, но самыми авторитетными советниками правительства становятся Торговая палата Соединенных Штатов и Национальная ассоциация промышленников.

Идеологами "нового курса" были Рузвельт и его "мозговой трест", использование и отмена "нового курса" были делом Торговой палаты и других деловых ассоциаций.

В момент введения "кодексов честной конкуренции" глава Торговой палаты Гарриман разъяснял: закон об "оздоровлении промышленности" - это раньше всего отмена ограничений, установленных антитрестовскими законами, он не предписывает промышленности, что должно быть сделано. "Он обязывает деловых людей самих привести свой дом в порядок". Это было очень вольное - с правовой точки зрения - истолкование закона, но именно в этом духе он был осуществлен.

Сигнал для отмены "нового курса" был подан тем же Гарриманом. За три недели до решения Верховного суда председатель Торговой палаты заявил: "Чрезвычайная обстановка требовала сотрудничества государства и хозяйства, но ни в "коем случае не предполагалось, что правительство будет постоянно вторгаться в дела промышленности".

Помимо того, каждая отдельная корпорация банкиров и промышленников, каждая крупная компания стремятся оказывать свое собственное влияние на конгресс. Делается это через так называемую лобби, специальных агентов - "толкачей".

В точном переводе "лобби" значит прихожая, в данном случае прихожая конгресса, где толпятся агенты корпораций. По тому значению, которое приобрела лобби, ее называют "третьей палатой" конгресса.

Число агентов неопределенно, но быстро растет. В 1924 году их было менее 150: через 40 лет их стало около 10 тыс.

Считается, что лоббисты как бы консультируют конгрессменов (и тем самым полезны), но все знают, что они не избегают и более эффективных средств в осуществлении своих интересов.

Опережая рост населения, увеличивался в численности государственный аппарат США - федеральный и штатов. За 10 лет - с 1930 по 1940 годы - федеральный аппарат почти удвоился (с 600 тыс. до 1 млн.).

Отношения между центральным (федеральным) правительством и штатами утрачивали свой первоначальный характер. Все более обнаруживалось стремление Вашингтона вмешиваться в дела, которые до того времени считались компетенцией штатов.

Одним из наиболее эффективных способов, с помощью которого правительство научилось вскрывать "раковины" штатов, явились финансовые субсидии. Их стали выдавать начиная с 1916 года. В 1935 году общая сумма субсидий превысила 2 миллиарда долларов.

Предоставляя субсидии, правительство выговаривает себе право контролировать их расходование и тем самым контролирует действия местных властей вообще.

Б. Великобритания

. Первая мировая война принесла правящим классам Великобритании политический триумф, новое расширение и без того колоссальной империи, репарации.

Англия удерживает положение второй промышленной и финансовой державы капиталистического мира, играет соответствующую роль в мировой политике.

При всем том темпы экономического развития оставались низкими, кризисы и застои сделались обыкновенным явлением.

Еще в 1924 году уровень промышленного производства Англии был на 10% ниже довоенного и только в 1929 году приблизился к уровню 1913 года. Намного сократился экспорт.

Трудными и сложными оказались первые послевоенные годы. Попытки правительства переложить тяжесть восстановления промышленности на плечи рабочих и массовая безработица, усиленная демобилизацией, вызвали небывалый рост стачек и забастовок.

35 млн. потерянных рабочих дней в 1919 году вместо 2,5 млн. в 1917 г. Пользуясь падением политического престижа правящих партий, английская лейбористская партия намного увеличивает число своих представителей в парламенте. Старая двухпартийная система обнаруживает признаки неминуемого краха.

Выборы 1921 года дали следующие результаты: консерваторы - 344 места, либералы - 118, лейбористы - 142, коммунисты - 2. Еще более разительный результат принесли внеочередные выборы 1923 года, на которых консерваторы рассчитывали получить большинство голосов избирателей. Голосовало около 15 млн. человек (75% избирателей). Консерваторы получили 258 мест, лейбористы - 191, либералы - 159. Коммунисты получили на 30 тыс. голосов больше, но потеряли оба мандата: таковы правила мажоритарной системы голосования.

Поскольку ни одна из партий не получила на выборах 1923 года абсолютного большинства, вопрос о том, кто должен формировать правительство, приобрел значительную остроту. Консерваторы потеряли 86 мандатов и потому должны были перейти в оппозицию. Либералы оставались третьей партией. Согласно английским парламентским традициям правительственная власть перешла в руки лейбористов. То было первое в истории Англии однопартийное "социалистическое" правительство.

Конечно, консервативно-либеральное большинство могло бы устранить лейбористов созданием коалиционного правительства. Но подобная практика - большая редкость в политической истории Англии. Считается, что коалиционное правительство противоречит традиции.

Не имея большинства в парламенте, лейбористское правительство могло держаться милостью своих противников, то есть до тех пор, пока они сочтут это необходимым.

Кстати сказать, именно консерваторы дали совет королю поручить составление кабинета лидеру Рабочей (лейбористской) партии. Глава консерваторов, небезызвестный в свое время С. Болдуин, не скрывал своих планов: в стране огромная безработица: справиться с ней консерваторы не могут; пусть этим займутся лейбористы. Но они только скомпрометируют себя. И тогда, говорил Болдуин, "мы выйдем... способными одержать победу как раз к тому моменту, когда... мы могли бы ожидать только поражения". Так оно и случилось.

Идя на выборы, лейбористы обещали рабочему классу борьбу с безработицей, но ничего существенного не сделали. Лейбористы спекулировали на своем желании признать Советское государство и установить с ним дипломатические отношения. Но только прямая угроза Лондонского совета тред-юнионов вывести на улицу миллион демонстрантов вынудила правительство выполнить обещание. Безжалостно подавляя национально-освободительное движение в Ираке, Индии и Египте, лейбористы показали себя не худшими колонизаторами, чем их противники.

В ноябре 1924 года, воспользовавшись первым же случаем, лейбористский глава кабинета (Макдональд) подал в отставку и тем увлек за собой весь кабинет.

Причиной отставки было так называемое дело Кембелла. В одном из военных центров Англии были найдены листовки, призывающие солдат к тому, чтобы они отказывались от участия в расправах с забастовщиками. Виновным был признан коммунист Кембелл. Консерваторы (и вся буржуазная Англия) потребовали суда. Премьер Макдональд отдал соответствующее распоряжение. Но тем самым лейбористы, используя власть, обрекали на длительное тюремное заключение коммуниста. Подобная акция вызвала возмущение не только в рабочей среде, но даже у членов лейбористской парламентской фракции. Макдональд пытался замять дело. Консерваторы потребовали отставки кабинета. Либералы (от которых все зависело) предложили создать парламентскую следственную комиссию. Макдональд счел это "оскорблением" и заявил об отставке.

"Мы были в правительстве, но не у власти", - оправдывали лейбористские лидеры свою бездеятельность. Но широкие массы избирателей не скрывали разочарования. На выборах 1924 года консерваторы вернули себе власть. Они получили абсолютное большинство в палате (413 мандатов).

2. Архиреакционное правительство консерваторов, возглавленное Болдуином, продержалось пять лет. На этот период приходится крупнейшая в истории Англии (и Европы) всеобщая забастовка рабочих 1926 года.

Началось с конфликта в угольной промышленности: шахтовладельцы требовали сокращения зарплаты на 10%, добивались увеличения рабочего времени; горняки и поддерживавшие их железнодорожники вынесли решение о всеобщей стачке.

Правительство решило вмешаться. Была предложена денежная дотация, компенсировавшая снижение заработной платы. Ее должно было хватить на 9 месяцев.

Это был срок, в котором нуждалось правительство, чтобы должным образом подготовиться. Вся Англия была негласно разбита на 14 районов, во главе с ответственными членами кабинета. К их услугам создавался особый аппарат. Организация штрейкбрехеров, состоящая из буржуазных сынков, обучала своих членов работе на транспорте, в снабжении и пр. Не была забыта и компартия. 12 ее руководителей были безо всяких оснований отправлены за решетку.

Сделав все это, правительство намеренно провоцировало конфликт. Всеобщая стачка сделалась неизбежной. В начале мая забастовало 3 млн. рабочих. К ним присоединилось еще столько же.

Руководивший стачкой Генеральный совет профсоюзов настаивал на ее чисто экономическом характере. Но помимо его воли, по самой логике событий всеобщая английская стачка перерастала в политическую акцию, направленную против существующего общественного строя.

Чем дольше длилась генеральная стачка, тем все большим становилось значение местных стачечных комитетов. В их руках сосредоточились дела, хотя и порожденные стачкой, но не относящиеся к ней непосредственно: снабжение бастующих, медицинская помощь, служба порядка и пр. Шофера автомашин хотели, чтобы на их кузовах имелось объявление: "По разрешению стачечного комитета".

Семь долгих месяцев английские шахты пустовали, и только голод заставил рабочих капитулировать.

Трудящиеся многих стран пришли на помощь горнякам. Советские профсоюзы собрали по подписке 20 млн. рублей.

Правительство хорошо воспользовалось поражением рабочих. Законом 1927 года всеобщая стачка была запрещена на будущее под угрозой уголовного преследования. Точно так же запрещались забастовки солидарности и массовое пикетирование.

Ненависть и страх толкнули правящие классы Англии на меру, бесчестную для любой системы нравственности: членам профсоюза было разрешено требовать от последнего возмещения убытков, причиненных забастовкой (начатой по решению профсоюза). Рабочий против рабочего - такова была цель.

В припадке антикоммунистической истерии правительство Болдуина разрывает дипломатические отношения с СССР, аннулирует англо-советское

торговое соглашение, предпринимает попытку объединить против СССР в едином блоке буржуазные государства Запада (пакт Локарно).

Много шума наделал в 1927 году напет полиции на советское торговое представительство в Лондоне: искали документы, которые могли бы доказать "козни Москвы". Это была месть за ту поддержку, которую трудящиеся нашей страны оказали бастующим горнякам Англии.

В 1929 году вследствие поражения консерваторов на выборах лейбористы - приблизительно в той же ситуации - составили второе однородное правительство. Столь же бездеятельное, оно оставалось у власти до 1931 года, когда соглашательская политика Макдональда, расколов партию, возвратила правительственную власть консерваторам.

Умиротворяя гитлеровскую Германию и поощряя ее на агрессию против СССР, правительство консерваторов прямым ходом привело Англию, а вместе с ней все человечество, ко второй мировой войне.

3. В том, что касается эволюции государственного строя Англии, нельзя не видеть борьбы двух тенденций: тенденции пересмотра конституции в антидемократическом духе; тенденции к дальнейшему расширению и упрочению демократических свобод.

Выразителем первой тенденции является империалистическая буржуазия, представленная партией консерваторов, носителем второй - рабочий класс Англии, прогрессивная интеллигенция, так называемые средние слои.

Что касается методов эволюции государственного строя, их тоже два. На первом плане находятся законодательные изменения как они время от времени имели место. На втором (чаще всего малодоступном для непосредственного наблюдения) - изменения, которые совершаются не по закону, а фактически, с помощью обстоятельств, этому благоприятствующих.

Преобразования, носящие демократический характер, совершаются открыто, парламентскими (реже правительственными) актами.

Среди них заслуживают внимания английские избирательные реформы 1918 и 1928 гг. О первой, введшей всеобщее мужское избирательное право и частично женское, мы уже говорили.

Реформа 1928 года была продолжением первой. Женское избирательное право перестало отличаться от мужского.

Предоставляя избирательное право женщинам, консерваторы рассчитывали на их голоса. Рассуждали так: женщина набожна, она послушается священника, священник, по традиции, - тори. Расчет не оправдался. Большая часть новых голосов была подана за лейбористов.

Единственный ценз, сохранившийся после реформы 1928 года, - ценз оседлости (три месяца). Число новых голосов составило 4 млн. На выборах 1929 года голосовало 26 млн. избирателей. Избирательное право стало всеобщим.

Поводом для издания закона послужили забастовки 1920 г. и предшествующих лет. По своим формулировкам закон имеет в виду пресечение забастовок, но нарочитая неопределенность редакции открывает более широкие возможности.

Закон предоставляет правительству право объявлять чрезвычайное положение, с чем связывается: право ареста, игнорируя обычные ограничения; внесудебные расправы; произвольные обыски; предварительная цензура и пр. Закон был впервые применен в 1921 году, но особенно во время забастовки шахтеров 1926 года.

Во всем этом была еще одна сторона: правительство (в лице министра внутренних дел) присвоило себе функции, которые, по традиции, принадлежали мировым судьям.

Судьи между тем не проявили ни малейшего недовольства ростом дискреционной власти министров. Они и сами содействовали ей. Благодаря судьям английская полиция приобрела новые полномочия для расправы с демократическим движением. Из них отметим судебное решение 1933 года (по делу *Elias v. Pasmore*), расширившее право полиции на производство обысков, и два решения 1935 года: одним из них полиция наделялась правом разгонять любой политической митинг, другим - вторгаться в частные жилища под предлогом предотвращения "беспорядков" и пр.

5. Важнейшей среди подспудно совершившихся перемен было падение роли парламента и возвышение правительства. В том, что касается законодательства, следует выделить две главных перемены. Первая из них: законодательная инициатива на 99% принадлежит правительству.

Законопроект, исходящий от депутата или группы депутатов, не имеет ни малейших шансов сделаться законом, если не будет иметь поддержки правительства. Но и такие законопроекты стали редкостью.

Вторая, может быть, еще более важная перемена заключается в необыкновенном распространении "делегированного законодательства".

Как уже говорилось, под "делегированным законом" понимают правительственный (непарламентский) акт, изданный по поручению (делегации) парламента. С формальной точки зрения он только развивает положения закона. На самом же деле это, как правило, новый и особый закон. Только он носит название правительственного указа или министерской инструкции.

Представляя и редактируя законопроект, правительство намеренно делает так, чтобы оставить себе возможно большую свободу рук. То, что считается неудобным для публикации (по политическим или иным мотивам), то обычно загоняется в инструкцию, предназначенную для чиновников. Впрочем, во всем, что касается делегированного законодательства, Англия не является исключением.

Соотношение законов и правительственных актов таково, что на один принятый парламентом акт приходится 15-20 правительственных распоряжений. В 1931-1932 годах право на издание делегированных актов получило даже финансовое ведомство, причем в вопросах налоговых и денежного обращения.

Значительно убавилось и от былой способности английского парламента контролировать действия правительства. Подчиняясь давлению партийной машины, помня о своих собственных интересах, депутат парламента большинства ни в каком случае не посмеет изменить своим лидерам в правительстве. Какова бы ни была его собственная точка зрения, он без колебаний проголосует за то, что соответствует курсу правительства.

За последние 50 лет английской парламентаской истории не было ни единого случая, чтобы правительство было смещено вотумом недоверия, нежелательным голосованием вообще, наоборот, досрочный роспуск парламента, осуществленный по инициативе правительства, - дело обычное.

Таким образом, не меняя конституции (пусть даже такой, какая есть), правительство Англии присоединило к своей исполнительной власти законодательную, как это может быть констатировано и для всех других правительств Европы и Америки. Что же в таком случае осталось от "разделения властей", в котором английская политическая теория видела главный оплот индивидуальной свободы?

Приобретая новые полномочия, кабинет не расстался ни с одним старым: формирование правительства остается по-прежнему делом первого министра (и узкого круга его советников), назначения на ответственные посты исходят от кабинета и т. д. Кабинет сохранил за собой право заключения тайных международных соглашений и во многих отношениях научился обходить бюджетные ограничения.

Процесс переплетения государственного аппарата с монополиями отмечен в Англии некоторыми специфическими чертами.

Консервативная партия приобрела себе новую базу: она сделалась партией промышленной и банковской плутократии.

Почти 80% ее депутатов в нижней палате составляли предприниматели. Крупного землевладельца, каким чаще всего был министр прошлого столетия, сменил министр-капиталист. Такими были упоминавшиеся выше Болдуин (металлургия), Н. Чемберлен (тяжелая промышленность) и др.

Значительно обновился (что очень важно для английской системы управления) состав ведущих чиновников. Теперь уже нельзя считать их, как век назад, представителями земельной аристократии. Важное место заняли в государственном аппарате выходцы из буржуазии. Но по-прежнему сохраняется традиция, согласно которой преимущество при замещении важных дипломатических, военных и некоторых других постов отдается питомцам так

называемых публичных школ и привилегированных университетов (Оксфорд, Кембридж).

Публичными школами называются закрытые учебные заведения для мальчиков в возрасте от 13 до 18 лет. Обучение платное и очень дорогое. Здесь не только учат, но и соответственно воспитывают. Выпускникам публичных школ прививают "качества руководителя", чувства "избранности", превосходства, обязательные для удачной служебной карьеры. Главный предмет (в рассматриваемое время) обучения - гуманитарные науки, особенно история и языки.

В составе высших должностных лиц министерства иностранных дел, казначейства, в судебном аппарате, на высших государственных постах вообще две трети мест (от 75% до 80%) принадлежали питомцам привилегированных учебных заведений. Около 70% офицеров армии и флота прошли через публичные школы.

7. Существенно новыми чертами отмечены отношения, установившиеся в рассматриваемый период между Великобританией и ее доминионами - Канадой, Австралией, Южно-Африканским союзом, Новой Зеландией.

Изданный по настоятельному желанию доминионов так называемый Вестминстерский статут 1931 года завершил процесс государственного обособления доминионов от Англии.

Согласно статуту, генерал-губернатор доминиона стал назначаться из местных уроженцев и, хотя назначение исходило от короля, последний должен был держаться рекомендации правительства доминиона.

Будучи номинальным главой доминиона, генерал-губернатор имел в нем те же функции, какие король в Англии, то есть в общем незначительные.

Очень важным было признание законодательного верховенства доминиона: при несоответствии законов доминиона законам метрополии действовал закон доминиона (на территории последнего, разумеется). Объединенные "общим подданством короне", но автономные в своих внутренних делах, доминионы и метрополия составляли союз, получивший название Британского содружества наций (это наименование употреблялось, впрочем, и ранее 1931 года).

Особую позицию в системе английских доминионов занимала Ирландия, приобретшая указанный статут в 1921 году.

По договору 1921 года Англия признавала государственную самостоятельность Ирландии в рамках Соединенного Королевства. При этом Север Ирландии (приблизительно 1/6 территории) был отделен и оставлен за Англией. Это - Ольстер.

"Союз" Ирландии и ее бывлой угнетательницы был вынужденным и непрочным. В 1937 году Ирландия (официальное название - Эйре) отказалась от статута доминиона. Новая конституция провозгласила ее республикой.

В. Франция

1. Победа в первой мировой войне стоила Франции многих жертв. Но она возвратила себе промышленные Эльзас и Лотарингию, несправедливо отторгнутые Германией в 1871 году, получила львиную долю бывших германских колоний, захватила Сирию и Ливан на Ближнем Востоке, вознаградила себя репарациями в разного рода ценностях, промышленных товарах, кораблях и проч.

Французская буржуазия во всяком случае оказалась в огромном выигрыше, особенно те пресловутые 200 семейств, которые распорядились Французским банком и через него французской экономикой и политикой.

О всесии финансовой олигархии Франции, о том, как она ставит и свергает правительства этой страны, красноречиво и убедительно свидетельствует в своих мемуарах неоднократно премьер и министр Эдуард Эррио, деятельность которого приходится главным образом на период между двумя мировыми войнами.

Война способствовала некоторому развитию французской промышленности, дальнейшей ее концентрации, новому усилению банковских групп. Вместе с тем большая половина населения была по-прежнему занята в сельском хозяйстве (еще в 1930 г. доля последнего составляла более 40% от общего объема производства), а огромные массы капитала уходили за границу в виде займов и разного рода инвестиций вообще.

Вместе с Англией и Соединенными Штатами Франция активно участвует в антисоветской интервенции, пока восстание военных моряков на Черном море и отказ нескольких полков следовать на фронт, поддержанные мощными забастовками и демонстрациями, не вынудили правительство к отступлению.

2. В государственном строе Франции в период между двумя мировыми войнами мало что изменилось, во всяком случае внешне.

Мы видим здесь те же процессы: усиление кабинета и в особенности власти главы кабинета; делегированное законодательство; укоренение монополий в государственном аппарате и все возрастающее влияние нескольких мощных финансовых групп на политику правительства.

Относительно быстрые темпы послевоенного экономического восстановления, руководящая роль на Версальской мирной конференции усиливали правые партии Франции, позволяли им оказывать гнетущее влияние на политическую историю межвоенных лет.

В некотором смысле именно Франция дает классический пример постоянной смены ориентаций как метода политики, перехода "справа" "налево", от либерализма к реакции и обратно.

В 1919 году патриотический угар, вызванный победой в войне, способствует победе правового блока во главе с реакционером и милитаристом Пуанкарэ. В 1924 году побеждает "левый картель", образованный радикалами и социалистами. Происходит весьма ощутимый сдвиг влево: Франция признает Советский Союз, правительство обещает придерживаться закона о 8-часовом рабочем дне и т. д.

В 1925 году правительство "левого картеля" свергается сенатом. Его место занимает в конце концов тот же Пуанкарэ, возвратившийся к преследованию коммунистической партии, с одной стороны, и насаждению церковных организаций - с другой. Экономический кризис 1929 года, усилив недовольство в стране, снова привел к власти радикалов.

Как ни сильны были порой стремления к демократическим переменам, последнее слово почти всегда оставалось за реакционными силами.

В 1919 году нижняя палата принимает законопроект о введении женского избирательного права. В 1922 году - после преднамеренной затяжки обсуждения - сенат отвергает его.

В 1919 году проходит закон о введении элементов пропорционального представительства.

Список кандидатов той или иной партии, получившей более половины голосов, проходил полностью: если этого не было, депутатские места распределялись между партиями в некоторой зависимости от количества собранных каждой данной партией голосов.

В 1927 году пропорциональное представительство было отменено, и Франция возвратилась к привычному, испытанному мажоритарному голосованию.

Партий во Франции множество, а следовательно, каждый раз выставлялось множество кандидатов. Голоса разбивались, и потому редкий кандидат получал абсолютное большинство в первом туре голосования. Большая часть депутатов парламента выбиралась во втором туре.

Здесь открывались бесконечные возможности для разного рода соглашений между идейно близкими партиями. Радикалы обязывались поддерживать социалистов в одном округе с тем, чтобы социалисты поддержали радикалов в другом, и т. д.

Только коммунистам не с кем было блокироваться. Они боролись одни и лишь редко получали больше голосов, чем кандидаты других партий, вместе взятых.

Компартия, остроумно заметил как-то Марсель Кашен, един из ее основателей, имела, как говорится в Евангелии, много званных (общее количество поданных за компартию голосов было значительным), но мало избранных (в каждом отдельном округе голосов было недостаточно для победы).

3. Особое место в политической и государственно-правовой истории Франции занимает Народный фронт. Под этим названием объединились на выборах 1936 года три партии: коммунистическая, социалистическая и радикалов. Получив абсолютное большинство депутатских мандатов (одна

компартия завоевала 72 места в парламенте), партия Народного фронта создала правительство, возглавленное социалистом Леоном Блюмом.

Непосредственной причиной того, что как социалисты, так и радикалы приняли - после стольких лет бойкота - предложение компартии о Народном фронте, послужила угроза фашизма во Франции. Она была всегда, но особенно страшной сделалась после прихода к власти Гитлера (1933 г.).

Фашистский переворот во Франции готовили многие и разные силы. Откровенно фашистская партия, носившая название "Боевых крестов", не скрывала своих целей. Манифестация в пользу государственного переворота, организованная в Париже 6 февраля 1934 года, была главным образом делом "Боевых крестов". В этот день 20 тыс. фашистов пытались разогнать парламент.

Отмену конституции 1875 года и установление авторитарной власти во Франции предлагал и премьер-министр Думерг.

Инициатором Народного фронта и его организатором была коммунистическая партия.

Благодаря ей была ликвидирована попытка фашистских организаций захватить власть 6 февраля 1934 года; она подняла 4,5 млн. рабочих на грандиозную антифашистскую демонстрацию 9 февраля и всеобщую политическую забастовку 12 февраля.

Коммунистическая партия со всей очевидностью сыграла первостепенную роль в выработке программы Фронта. Учитывая общие и специальные интересы разнообразных групп трудящегося населения Франции, она сделала возможным объединение рабочих, крестьян (интересы последних представляли главным образом радикалы), мелкой буржуазии (социалисты).

Выборы 1936 года имели принципиальное значение. Дело не только в том, что они принесли Народному фронту 5,6 млн. голосов из 9,8 млн. Выборы показали, что объединение левых сил действительно способно привести их к власти.

Произошло непростое сложение голосов, поданных за три партии. К новой коалиции примкнули многие из тех, кто в прежнее время голосовал за другие партии или не принимал участия в выборах вообще. Народный фронт поднял к политической активности глубинные слои населения. Здесь имел место не арифметический, но именно политический эффект.

Народный фронт был, конечно, огромным успехом компартии. Но и социалистическая партия много выиграла от него. Достаточно сказать, что именно ее лидер впервые в истории Франции возглавил правительство.

Стремясь к укреплению Народного фронта, коммунистическая партия считала для себя несвоевременным непосредственное участие в правительстве. Министерские посты распределили между собой социалисты и радикалы.

Правительство Народного фронта осуществило следующие меры: а) фашистские "Боевые кресты" были распущены, их военные склады ликвидированы (как потом оказалось, только отчасти);

б) некоторые отрасли военной промышленности были переданы в собственность государства.

Эта мера должна была ослабить давление военных концернов на правительство и тем самым ослабить военные приготовления, а значит, опасность войны вообще;

в) узаконена 40-часовая рабочая неделя; повышена заработная плата рабочих (на 7-15%), введены оплачиваемые отпуска (двухнедельные);

г) коллективные договоры, легализованные ^законом 1919 года, но едва терпимые, были признаны государством и предпринимателями, порядок их заключения демократизирован; одновременно с тем были признаны рабочие комитеты на предприятиях;

д) производились массовые закупки сельскохозяйственных продуктов по твердым ценам; ремесленники, жестоко страдавшие от кризиса, получили дешевый кредит.

Правительство Народного фронта оказалось в тогдашних политических условиях недолговечным. Столкнувшись с сопротивлением банков и трестов, с явной оппозицией в сенате, не решаясь прибегнуть к решительным мерам,

которые могли бы это сопротивление преодолеть, оно сочло за лучшее подать в отставку (1937 г.).

Французский капитал прибег к искусственному вздорожанию цен на товары, к массовому вывозу золота и ценностей за границу, чем подрывался франк.

Компартия предлагала ответить на все это введением прогрессивного налога, одна угроза которого могла бы оказать сдерживающее влияние на предпринимателей. Компартия добивалась созыва общенационального съезда организаций Народного фронта, избрания единых органов фронта, организационного закрепления победы. Но ни радикалы, ни социалисты (их руководящие центры) не хотели этого.

После некоторых непродолжительных маневров правительственная власть была передана радикалам и правым партиям. С Народным фронтом было покончено. Вместе с тем было покончено с его завоеваниями.

Стремясь направить военную машину гитлеровской Германии "на восток", новое французское правительство (Даладьё) осуществляло политику уступок Германии.

Одной из них было позорное Мюнхенское соглашение, которым отторгалась от Чехословакии и передавалась гитлеровскому рейху Судетская область.

Казалось, что предана одна Чехословакия - старый, надежный союзник Франции. На самом деле был предан мир, и раньше многих других за все это пришлось расплачиваться французскому народу.

Глава тридцать первая Фашистские государства и военные диктатуры
А. Италия

1. Раньше, чем в других странах Европы, фашизм утвердился в Италии. Здесь он и зародился.

Среди больших европейских держав-победительниц Италия была более всех истощена первой мировой войной. Промышленность, финансы, сельское хозяйство находились в отчаянном положении. Нигде не было такой безработицы и нищеты. Нигде не было соответственно такого подъема стачечной борьбы.

Все говорило о революционной ситуации: быстрый рост профсоюзов, необычная победа социалистов на выборах в парламент 1919 года (31% голосов), захваты заводов и фабрик рабочими, помещичьих земель крестьянами и батраками.

Захваты фабрик и заводов были ответом на наступление предпринимателей (локауты; приостановку производства). Наибольшего размаха движение достигает в конце лета 1920 года. Десятки предприятий (в Милане, Турине и других городах) перешли под управление рабочих (выбранных ими руководителей). Выпуск промышленной продукции увеличился. Соблюдался строгий порядок. Оборудование, здания, сырье и прочее тщательно охранялись.

В Турине, где рабочие были наиболее организованы, предприятия оставались под их управлением в течение трех недель.

Революционная обстановка вынуждала буржуазные правительства Италии к важным реформам. Среди них отметим: закон о социальном страховании от безработицы, указ о допустимости самовольного захвата необработанной земли. В 1921 году возникает коммунистическая партия Италии. На съезде социалистической партии в Ливорно партия раскололась на центристов (группа Серрати) и коммунистов. Последние высказались за присоединение к Третьему Интернационалу.

2. Вскоре, по окончании мировой войны, возникают в Италии первые фашистские организации. Составленные из разнообразных элементов, они выступали первоначально с программой, рассчитанной на отвоевание трудящихся от социалистического движения.

Программа была настолько лживой, что впоследствии, когда фашисты пришли к власти, о ней не дозволялось упоминать. Говорилось о 8-часовом рабочем дне, о всеобщем, прямом и равном избирательном праве для мужчин и женщин, о свободе печати и даже равенстве наций.

Само слово "фашио", от которого происходит "фашизм", было заимствовано у крестьянских организаций Сицилии, употреблявших его в смысле "единство".

Революционные события 1920 года заставили фашистов занять ту классовую позицию, которая соответствовала их действительным целям.

Боевые группы фашистов, руководимые демобилизованными и озлобленными армейскими офицерами, громили и уничтожали народные дома, созданные на деньги рабочих, рабочие клубы, типографии, принадлежащие прогрессивной печати, и пр. Массовому террору подверглись руководящие деятели рабочих союзов, крестьянских объединений, кооперативов. Ничего подобного Италия еще не знала.

Правительство не только не мешало фашистам, но даже поощряло их. Фашизм получает могущественных покровителей в лице Всеобщей конфедерации промышленников и помещичьих союзов. Вместе с покровительством притекают деньги. Численность фашистских организаций возрастает.

В 1922 году, воспользовавшись слабостью правительства (а еще больше расколом рабочего движения), фашистское руководство создает комитет для захвата власти и направляет 40 тысяч своих "чернорубашечников" в поход на Рим.

Правительство имело все возможности быстро и окончательно пресечь путч: достаточно было открыть стрельбу "на четверть часа", как предлагал королю генерал Бадольо.

Но король и его камарилья приняли иное решение: глава фашистской партии "шакал" Муссолини был назначен премьер-министром Италии.

3. Новое правительство начало с отмены указа о праве крестьян захватывать необработываемые земли, с реакционных перемен в рабочем законодательстве, с установления жестокого контроля над профсоюзами, с преследования демократических организаций. Фашистские боевые отряды сделали часть репрессивного правительственного аппарата.

Не решаясь еще на разгон парламента, Муссолини и его клика провели закон, согласно которому автоматически получает две трети депутатских мандатов та партия, за которую проголосует одна четвертая часть избирателей. Этот удивительный по своему цинизму акт позволял предвидеть, чем станет Италия после выборов.

Результаты выборов (1924 года) подозрительно точно совпали с планами Муссолини: из 12 млн. голосов 4 млн. были сочтены проффашистскими. Фашистская милиция - главный виновник "победы" - торжествовала.

Но демократия не была убита. В лице социалиста Матеотти, депутата, оратора, мужественного человека, она разоблачила комедию выборов и заодно продажность и подкупность деятелей нового режима, в особенности самого Муссолини.

Фашисты убили Матеотти. Страну охватила волна негодования. Трудящиеся массы были готовы смести фашизм. Нужно было воспользоваться моментом. Но оппозиция, имевшая влияние, - социалисты, республиканцы, "пополяри" (католическая партия) - предпочла тактически ошибочный уход из парламента, бойкот последнего.

Расправившись с оппозицией и укрепившись у власти, правительство Муссолини переходит в наступление на демократию. Январским законом 1926 года оно присваивает себе право издания декретов помимо парламента. Вслед за этим фашистский режим разворачивается во всей своей красе.

"Чрезвычайные законы" следовали один за другим. Они запретили профессиональные союзы (за исключением огосударственных фашистских) и политические партии (за исключением одной фашистской); они восстановили смертную казнь за "политические преступления"; они вводили чрезвычайную юстицию (трибуналы) и административную (внеусадобную) высылку; коммунистическая партия была объявлена вне закона; органы местного самоуправления упразднены: на их место встали назначенные правительством чиновники (подеста).

Демократические свободы были отброшены. Оппозиционная пресса закрыта. Тысячи демократов были убиты по суду и без суда, брошены в

концентрационные лагеря, где их ожидала та же смерть, только медленная и мучительная.

Всякое новое усиление террора провоцировалось обыкновенно каким-нибудь "покушением", "заговором" и т.п. В ноябре 1926 года за попытку совершить покушение на жизнь Муссолини был убит на месте 15-летний мальчик. Тотчас последовала волна арестов, смертных приговоров и т. д.

4. Политический режим италийского фашизма определился быстрее, чем сложился его государственный строй.

Известный нам Пьемонтский статут отменен не был, но никакого соответствия между ним и тем, что стало при фашизме, не существовало. Сохранялась монархия, но в таком жалком виде, что никто не принимал ее в расчет. Считалось, что Муссолини отвечает перед королем, так даже писалось в законах, но никто этому не верил и меньше всего король. Какие бы то ни было упоминания об ответственности дуче не рекомендовались. За этим следила жандармерия.

Прежде других определилась тенденция "вождизма", единоличной диктатуры.

Уже закон 1925 года "О полномочиях главы правительства" делал премьер-министра неотвечественным, не зависящим от парламента. Его коллеги по министерству, его министры превращались в простых помощников, ответственных перед своим главой; они назначались и смещались по воле последнего.

В течение многих лет (до 1936 года) Муссолини занимал 7 министерских постов одновременно.

Закон 1926 года "О праве исполнительной власти издавать юридические нормы" предоставил "исполнительной власти", то есть тому же главе правительства, право на издание "декретов-законов". При этом никакой грани между "законами", оставшимися компетенцией парламента, и "декретами-законами" проведено не было.

Под политическим режимом понимают обыкновенно "совокупность приемов и методов, при помощи которых господствующий класс осуществляет свою диктатуру". При известных условиях политический режим может составлять совершенную противоположность формальному содержанию конституции, определяющей государственный строй.

Парламент, у которого отняли привилегию издавать законы, который лишили права контролировать действия правительства, стал ненужным. Но его сохраняли для "демонстрации единства" между "народом" и правительством (отчасти для внешнего мира).

"Должный" состав парламента обеспечивался "реформой политического представительства", осуществленной в 1928 году.

Реформа эта необычайно ярко изображала самую суть фашизма: страх перед народом и презрение к нему: приверженность к громкой фразе и непревзойденные образцы политического обмана; игра в "народность" власти и неприкрытая диктатура.

Выборы депутатов производились следующим образом: а) кандидаты в депутаты выдвигались в основном профсоюзами (на практике - руководящими центрами фашистских союзов); б) так называемый большой национальный совет фашизма (штаб партии) отбирал из общего списка, представленного профсоюзами, 400 депутатов; в) избирателям предоставлялось право одобрить это назначение.

Право голоса давалось мужчинам старше 21 года, если они отвечали одному из следующих требований: а) платили взносы в профессиональный союз; б) уплачивали налог в размере не менее 100 лир; в) держали ценные бумаги (государственные или банковские); г) принадлежали к церковному клиру.

Вторая быстро выявившаяся тенденция касалась фашистской партии: она стала составной частью государственного аппарата.

Партийные съезды были отменены, равно как и всякие иные формы партийного "самоуправления".

Большой совет фашистской партии состоял из чиновников по должности и по назначению. Председателем совета являлся глава правительства. Совет ведал конституционными вопросами, обсуждал важнейшие законопроекты, от него исходили назначения на ответственные посты.

Устав партии утверждался королевским декретом; официальный руководитель партии ("секретарь") назначался королем по представлению главы правительства.

Провинциальные организации партии руководились назначенными сверху секретарями: состоявшие при них директории имели совещательные функции, но даже членов этих директорий назначали указом главы правительства.

Третья тенденция может быть определена словом террор. Фашистский режим не может иначе держаться, кроме как средствами массового подавления, кровавыми расправами. Соответственно с этим определяется значение полиции, точнее тех многих полицейских служб, которые были созданы при режиме Муссолини.

Помимо общей полиции существовали: "организация охраны от антифашистских преступлений" (ОВРА), "особая служба политических расследований", "добровольная милиция национальной безопасности".

Для расправы с врагами режима были созданы особые комиссии, названные "полицейскими судами". Членами этих комиссий являлись должностные лица фашистского репрессивного аппарата: начальник полиции, прокурор, начальник фашистской милиции и др. Для осуждения не требовалось никаких иных мотивов, кроме подозрения в "политической неблагонадежности". Наиболее важные политические дела рассматривались "особым трибуналом". Это он осудил к 20 годам тюрьмы Антонио Грамши, выдающегося основателя и вождя коммунистической партии Италии.

6. Никакой антинародный режим не может держаться одним насилием. Отсюда проистекала потребность прикрыть тоталитарную диктатуру какой-нибудь видимостью "заботы" о трудящемся человеке.

Так родилось "корпоративное государство", созданное законами 1926-1934 гг. Его официальной, напоказ выставляемой целью были "примирение" между трудом и капиталом; его действительным результатом было усиление экономического и политического господства монополий.

В стране создавались 22 корпорации (по отраслям промышленности). В составе каждой из них находились представители фашистских профсоюзов, предпринимательских союзов, фашистской партии. Председателем каждой из 22 корпораций стал "сам" Муссолини; он же возглавил министерство корпораций.

Закон предоставил корпорациям определение условий труда (рабочее время, заработная плата) и разрешение трудовых споров (забастовки запрещались и подавлялись). Но каждый раз решения принимались к неизменной выгоде предпринимателей и невыгоде для рабочих. Это и понятно, если иметь в виду, что профсоюзы, предприниматели и представители партии имели равный голос в корпорациях, а руководство профсоюзов (не говоря уже о партийных чиновниках) было продажным и подкупным сверху донизу. Его никто не выбирал, оно никак не отвечало за свои действия перед профсоюзной массой.

Установление корпоративного строя позволило Муссолини разделаться с парламентом, с тем, что от него осталось. Вместо него была создана "палата фашистских организаций и корпораций". Члены ее назначались Муссолини (1938 г.).

Права палаты были определены следующим образом: сотрудничество с правительством в издании законов.

Фашистское корпоративное государство служило орудием монополий. Но и монополии охотно служили интересам фашистской партийной и государственной верхушки.

В руках Муссолини и его родственника Чиано находились контрольные пакеты акций известного концерна "Монтекантини" (прибыли этого химического концерна возросли с 67 млн. лир в 1934 году до 160 млн. лир в 1939 году) и многих других.

Неотъемлемым свойством фашистской диктатуры является внешняя экспансия. Муссолини заявлял претензии на то, чтобы "возродить Римскую империю".

Фашистская Италия требовала себе некоторые французские земли (Савойя, Ницца, Корсика), претендовала на Мальту, пыталась захватить остров Корфу, надеялась установить господство над Австрией (до союза с гитлеровской Германией), готовилась к захвату Восточной Африки.

В осуществление этой программы, никак не соответствовавшей военной способности Италии, Муссолини удалось захватить слабую, отсталую Абиссинию (1936 г.), оккупировать Албанию (1938 г.).

В июне 1940 года Италия - партнер Германии и Японии по антикоминтерновскому пакту - объявила войну Франции и Англии. Спустя некоторое время она напала на Грецию. Итальянская фашистская пресса наполнилась обещаниями скорой великой афро-европейской Римской империи.

Конец был совсем не таким.

Б. Гитлеровская Германия

1. История Веймарской республики являет картину острой борьбы могущественных промышленно-финансовых монополий, с одной стороны, и высокоорганизованных отрядов рабочего класса - с другой.

Ноябрьская революция, несмотря на поражение, долго давала себя знать. В 1923 году Германия снова переживает революционную ситуацию. В Саксонии и Тюрингии возникли рабочие правительства. Славной страницей в историю германского рабочего класса вошло гамбургское восстание 1923 года.

Положение едва стабилизировалось, как разразился экономический кризис 1929 года. Уровень промышленной продукции понизился почти наполовину, а безработных стало 9 млн. человек. Народные массы переходили на сторону компартии. На выборах 1930 года она получила 4,5 млн. голосов - на 1 300 000 больше, чем в 1928 году. Охваченные страхом перед новой революцией, монополии Германии решили вручить власть фашистской партии Гитлера.

Партия эта, официально именовавшаяся "национал-социалистической рабочей партией", возникла в 1919 году; программа ее, лживая в своей рекламируемой части, была рассчитана на привлечение определенной части недовольных - от отсталых рабочих до лавочников.

Она возвещала создание нового немецкого "рейха", великой империи, построенной на костях всех ненемецких народов, "искоренение марксизма и коммунизма", физическое истребление евреев.

Предвидя опасность фашистского переворота, Коммунистическая партия Германии предложила левым силам, особенно социал-демократам, объединиться в едином антинацистском фронте. Предложение было отвергнуто. Социал-демократические лидеры объявили, что не окажут сопротивления Гитлеру, если тот придет к власти "легальным путем".

Имелось в виду соблюдение конституционной процедуры: выборы, поручение составить правительство и пр. Аргументация эта, основанная на позитивистском принципе "закон есть закон", доводит преклонение перед легальностью до "юридического кретинизма". Как будто сами гитлеровцы шли к Власти законным путем, без насилия, без шантажа, без обмана.

На выборах в рейхстаг, состоявшихся в августе 1932 года, гитлеровцы получили 13 млн. голосов - далеко не большинство. Они пытались поправить дело в ноябре, но неожиданно, за какие-нибудь два-три месяца, потеряли 2 млн. избирателей.

В то же время компартия завоевала 600 тыс. новых голосов. За нее голосовало 6 миллионов избирателей.

Результаты ноябрьских выборов были неожиданными для монополистических хозяев Германии. На специальном совещании, состоявшемся в январе 1933 года, они решили призвать к власти Гитлера. Президент Гинденбург, только что клявшийся в том, что не допустит к власти "австрийского ефрейтора", каким в свое время был Гитлер, пошел на попятную и осуществил их волю своим распоряжением.

Три обстоятельства способствовали установлению фашистской диктатуры в Германии: а) монополистическая буржуазия ¹ нашла в ней желанный выход из острой политической ситуации, ¹ созданной экономическим кризисом; б) мелкая буржуазия и некоторые слои крестьянства видели в демагогических обещаниях; гитлеровской партии осуществление надежд на смягчение экономических трудностей, вызванных ростом монополий и усугубленных; кризисом; в) рабочий класс Германии - и это едва ли не главное - ¹ оказался расколотым и потому разоруженным: коммунистическая партия была недостаточно сильна, чтобы остановить фашизм помимо и против социал-демократии.

2. Государственный строй, политические режимы фашистской Италии и гитлеровской Германии обнаруживают больше сходства, чем различий.

Недаром Муссолини признавал: "Фашизм и национал-социализм есть два параллельных течения в истории".

Так же как в Италии фашизм, в Германии нацизм начал с ликвидации буржуазно-демократических свобод. Этим целям служила целая серия чрезвычайных декретов, приходящихся на первые месяцы 1933 года.

Всем им присваивались громкие названия: чем подлее было содержание, тем громче кричали "о благе народа и государства".

Февральский декрет, названный "В защиту народа и государства", отменял свободу личности, слова, печати, собраний. Февральский же "чрезвычайный" декрет "В защиту германского народа" наделял неограниченными полномочиями полицию и т. д.

Неслыханные репрессии обрушились прежде всех и больше всех на коммунистов. Депутаты компартии в рейхстаге были лишены мандатов и арестованы. Сама компартия была запрещена (март 1933 года), ее пресса закрыта.

По своему обыкновению, гитлеровцы прибегли к провокации. Они возвели ее, так же как систематический обман, в регулярное орудие политики. Гитлер учил лгать народу и притом лгать крупно, ибо мелкая ложь, как он полагал, вызывает меньше доверия.

В ночь на 28 февраля 1933 года гитлеровцы подожгли здание рейхстага. Сделали они это для того, чтобы получить предлог для гонений на компартию. Находившийся в Германии болгарский коммунист Георгий Димитров и некоторые другие коммунисты были арестованы и преданы суду по обвинению в поджоге рейхстага.

Димитров с необыкновенным достоинством и мужеством разоблачил преступление фашистов. Знаменитый Лейпцигский процесс, которым хотели дискредитировать не только германских коммунистов, но и все международное коммунистическое движение, закончился оправданием Димитрова и Других коммунистов-обвиняемых.

Тем не менее в стране развертывалась настоящая травля коммунистов. Начиная с 1933 года тысячи членов КПГ были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Коммунисты погибали в застенках и при "попытках к бегству". Был арестован и Эрнст Тельман, выдающийся вождь немецкого пролетариата, руководитель компартии.

Незадолго до конца войны гитлеровцы убили его.

Вскоре наступила очередь всех других партий, включая буржуазные. Право на существование получила одна только нацистская партия.

Преследованию подвергли и социал-демократическую партию: нацисты преподали ей практический урок легальности и конституционности.

Профессиональные союзы трудящихся Германии были распущены, средства этих союзов конфискованы. Используя опыт Италии, гитлеровцы создали свои собственные "профсоюзы", в которые насильно загоняли людей. Нацистская партия стала частью правительственной машины. Пребывание в рейхстаге и на государственной службе связывалось с присягой на верность "национал-социализму".

Центральные и местные органы фашистской партии имели правительственные функции. Решения съездов партии получали силу закона.

Партия имела особое устройство. Члены партии должны были беспрекословно подчиняться приказам местных "фюреров") которых (как и в Италии) назначали сверху.

В непосредственном подчинении партийного центра находились палаческие "штурмовые отряды" (СА), "охранные отряды" (СС) и некоторые особые воинские части, укомплектованные фанатичными сторонниками Гитлера.

Преступления, совершенные членами партии, рассматривались особыми судами на тайных заседаниях. Уголовные преступления чаще всего вообще сходили им с рук. Важна преданность, твердил Гитлер, а если при этом сопрут что-нибудь, плевать на это.

Особое место в системе репрессивного аппарата заняла тайная полиция - гестапо, располагавшая огромным аппаратом, значительными средствами и неограниченными полномочиями.

Как и в Италии, мы видим здесь не одну полицию, а несколько. Гестапо подчиняется правительству, штурмовики и эсэсовцы - партии. Одна полиция следила за другой, и ни одна не доверяла другой.

Государственная власть фашистской Германии сосредоточилась в правительстве, правительственная власть - в особе "фюрера",

Уже закон 24 марта 1933 г. разрешал имперскому правительству, не испрашивая санкций парламента, издавать акты, которые "уклоняются от конституции".

Августовский закон 1934 года уничтожил должность президента, а его полномочия передавал "фюреру", который одновременно оставался главой правительства и партии. Ни перед кем не ответственный, "фюрер" пребывал в этой роли пожизненно и мог назначить себе преемника.

Рейхстаг сохранялся, но только для парадных демонстраций. Иногда - в демагогических и внешнеполитических целях - гитлеровцы проводили "народные опросы". При этом заранее объявлялось, что всякий, кто воспользуется правом голосовать тайно, будет считаться "врагом народа".

Как и в Италии, в Германии были уничтожены органы местного самоуправления. Деление на земли, а соответственно с тем земельные ландтаги, упразднилось "во имя единства нации". Управление областями поручалось чиновникам, которых назначало правительство.

Формально не отмененная Веймарская конституция прекратила свое действие.

3. Свойственные империализму процессы нашли в гитлеровском райхе свое законченное выражение. Тесная и непосредственная связь существовала здесь между партией, государством, монополиями - экономическими гигантами типа "Фарбениндустри", автогиганта "Круппа" и др.

Законом 27 февраля 1934 года в Германии учреждались хозяйственные палаты - общеимперская и провинциальные. Во главе их были поставлены представители монополий. Палаты имели важные полномочия в деле регулирования экономической жизни.

Результаты сказались быстро: средняя продолжительность рабочего дня выросла с 8 до 10-12 часов, тогда как реальная заработная плата составляла в 1935 году всего только 70% от зарплаты 1933 года. Соответственно с тем происходил рост прибылей монополий: доходы Стального треста, например, составляли 8,6 млн. марок в 1933 году и 27 млн. в 1940 году.

Используя правительственную власть, хозяйственные палаты проводили искусственное картелирование, в результате которого мелкие предприятия поглощались крупными. Крестьяне и торговцы, ремесленники и кустари, ожидавшие от фашизма экономических благ, были обмануты: ни земли, ни кредита, ни отсрочки долгов они не получили.

3. С первых дней власти гитлеровцы стали готовиться к "большой войне", которая должна была обеспечить германской нации господство над всем миром.

Односторонне, при благожелательном отношении США, Англии и Франции, Германия разрывает Версальский договор и создает колоссальную военную машину. В 1939 году Гитлер отдал приказ о начале военных действий против Польши. Вторая мировая война началась.

В. Япония

1. Правящие классы Японии в особой степени, как мы уже знаем, тяготели к военно-монархической диктатуре. Иначе и быть не могло, поскольку конкурентная способность японской промышленности обеспечивалась низким жизненным уровнем рабочего, который удавалось удерживать благодаря совсем уж нищенскому существованию японского крестьянина, соглашавшегося на любую работу и за любую плату.

В то время как 74% крестьян владели 22% земли, кучке помещиков принадлежало 42% земли. Четыре млн. крестьянских хозяйств имели крошечные наделы (по 1/2 га) или вовсе не имели земли. Понятно, почему крестьяне устремлялись в города.

Экономические и политические интересы тесно связывали японские монополии с помещиками и профессиональной военщиной.

Союз этот преследовал две главные цели: обуздание рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, завоевание внешних рынков для японской промышленности - с другой.

Деревня, жившая натуральным хозяйством, почти не покупала изделий промышленности. Внутренний рынок был поневоле узким. Превратить натуральное крестьянское хозяйство в товарное могла бы только земельная реформа, но ее не хотели помещики. С помещиками, с реакционным дворянством вообще не хотели ссориться капиталисты: и те и другие имели общего врага - пролетариат и крестьянство.

Выходом из этой ситуации признавалось завоевание чужих территорий, завоевание внешних рынков. Отсюда выдвижение военной силы, агрессивная внешняя политика, отсюда указанный выше союз.

Ни одно из крупных империалистических государств не осуществляло столь робко и столь непоследовательно немногие либеральные реформы, как Япония.

В 1925 году здесь вводится "всеобщее" мужское избирательное право. При этом права голоса были лишены военнослужащие, студенты, лица, не имеющие годичного ценза оседлости, пользующиеся благотворительностью, и, наконец, главы знатных фамилий (чтобы последние не смешивались с прочими гражданами). От кандидата в депутаты был потребован крупный залог в размере 2 тыс. иен, поступавший в казну, если оказывалось, что кандидат не набрал минимума голосов. Среди других либеральных реформ отметим введение суда присяжных. И нигде - вплоть до установления военно-монархической диктатуры - не осуществлялась в таких масштабах, как в Японии, борьба с рабочим движением.

Укажем, например, на закон "Об охране общественного спокойствия" 1925 года, установивший многолетние каторжные работы за участие в организациях, ставивших целью уничтожение частной собственности и изменение политического строя.

В 1928 году японское правительство запрещает все сколько-нибудь левые организации. Тысячи рабочих и крестьян были брошены в тюрьмы. Специальный указ устанавливал длительное тюремное заключение для рядовых коммунистов и смертную казнь для активистов компартии.

В 1938 году японский парламент принимает пресловутый "закон о всеобщей мобилизации нации", разрешавший предпринимателям удлинять по своему усмотрению рабочий день и снижать заработную плату. Забастовки были объявлены преступлением.

Конфликты между рабочими и капиталистами передавались на окончательное решение арбитражной секции "особой полиции".

Парламент Японии играл ничтожную роль. Нижняя палата его собиралась не более чем на три месяца в год. Остальные 9 месяцев правительство (пользуясь правом издавать указы) законодательствовало само.

Конституция не устанавливала ответственности правительства перед парламентом, вследствие чего палата не располагала средствами для эффективного влияния на политику. В то же время правительство, прибегнув к императорскому указу, могло в любой момент распустить палату.

Поощряемые крупным капиталом, в стране множились и крепили разного рода фашистские организации. Одна из них, объединявшая "молодое

офицерство", но руководимая генералами, требовала ликвидации парламента и партийных кабинетов. Она хотела установления военно-фашистской диктатуры во главе с императором.

В 1932 году "молодое офицерство" учинило настоящий военный мятеж. Вместо того чтобы усмирить его участников, правительство пошло навстречу их требованиям: партийный кабинет был устранен, а на его место пришли генералы и адмиралы.

Во всем этом была своя закономерность. Последовательное усиление роли военных в определении политики, их проникновение на все важные посты в государственном аппарате служили, хотя и своеобразно, целям подчинения японской государственной машины кучке наиболее крупных, наиболее агрессивных монополий, жаждавших войны вовне и сохранения зверских форм эксплуатации внутри страны.

Уже в 1933 году Япония выходит из Лиги наций и вторгается в Китай, намереваясь превратить его в колонию. Она дважды делает попытку вторжения на территорию СССР: первый раз у озера Ханка, второй - у озера Хасан, но каждый раз с огромным для себя уроном.

Лелея заветный план порабощения Азии и Океании, Япония вступает в союз с гитлеровской Германией. Заимствуя у последней лозунги "нового порядка", "избранной расы" и "исторической миссии", Япония готовилась к переделу мира с тем, чтобы "великая нация" получила "великую территорию".

2. Фашизация японского государственного строя получила свое развитие с началом второй мировой войны и в ходе ее.

В 1940 году японские правящие круги, но в особенности генералитет, сделали премьер-министром принца Коноэ, бывшего идеологом тоталитарного военно-фашистского режима. Наиболее важные посты в правительстве были поручены представителям концернов тяжелой промышленности.

Вслед за тем начинается создание так называемой новой политической структуры. В осуществление этого плана политические партии (за исключением, разумеется, коммунистической) объявили о самороспуске. Все вместе они составили "Ассоциацию помощи трону" - государственную организацию, финансируемую правительством и им же руководимую.

Органами ассоциации на местах служили так называемые соседские общины - средневековый институт, возрожденный реакцией. Каждая такая община объединяла 10-12 семей. Несколько общин составляли "ассоциацию улицы", поселка и т. д.

Ассоциация помощи трону предписывала членам общины следить за поведением соседей и доносить о всем замеченном. Одна община должна была следить за другой.

На заводах и фабриках создавались вместо запрещенных профсоюзов "общества служения отечеству через производство", куда рабочих загоняли силой. Здесь точно так же добивались взаимной слежки и слепого повиновения.

Непременным элементом "новой политической структуры" сделались унификация прессы, строжайшая цензура, шовинистическая пропаганда. Ни о каких "свободах" не могло быть и речи.

Экономическая жизнь контролировалась специальными ассоциациями промышленников и финансистов, наделенных административными полномочиями. Это называлось "новой экономической структурой". Японский парламент, вернее то, что от него осталось, потерял всякое значение. Члены его назначались правительством или (что то же самое) избирались по особым спискам, составленным правительством.

Так получили свое выявление основные признаки фашизма. Но были и некоторые отличия:

- а) в Германии и Италии фашистские партии контролировали армию; в Японии именно армия играла роль главной руководящей политической силы;
- б) как и в Италии, так и в Японии фашизм не ликвидировал монархии; разница в том, что итальянский король не играл ни малейшей роли, тогда как японский император нисколько не утратил своей абсолютной власти и своего влияния - (сохранились и все связанные с монархией учреждения вроде Тайного совета и пр.).

Японский фашизм выступал в специфической форме военно-монархической диктатуры.

Г. Другие фашистские, государства

1. Чтобы составить себе представление о том, чем был капитализм в период между двумя мировыми войнами, нельзя упускать из виду и те "малые" страны, где политические режимы были столь же фашистскими, как в Германии, или близкими к этому.

Фашистским был по своему существу военный переворот 1923 года в Болгарии, устранивший правительство "земледельцев" (премьер Стамболийский был при этом зверски убит) и передавший власть палачу болгарского народа Цанкову.

Переворот был совершен главным образом "Военной лигой". Болгарская реакция, поддержавшая "лигу", была раздражена теми мерами Стамболийского, которые задевали крупный капитал, в особенности прогрессивным подоходным налогом и пр., она была весьма встревожена крупным успехом компартии на выборах (более 200 тыс. голосов) и ее растущим влиянием. Перевороту способствовала антикоммунистическая (и антирабочая) политика "земледельцев", наступление Стамболийского на компартию.

Правительство Цанкова отменило прогрессивные начинания "земледельцев", в том числе аграрный закон. Продолжительность рабочего дня была доведена до 12 часов. Фактически ликвидированным оказался воскресный и праздничный отдых. Были предприняты массовые аресты коммунистов.

В создавшейся ситуации компартия Болгарии приняла решение о создании единого фронта демократических организаций в целях свержения фашистской диктатуры вооруженным путем. Восстание было начато в сентябре 1923 года, продолжалось около двух недель, но было подавлено.

Фальсифицировав "победу" на выборах в Народное собрание, режим Цанкова пытался упрочить свое существование террористическим законом "Об охране государства". Он предусматривал уголовное наказание за принадлежность к компартии и даже "за коммунистический образ мыслей". Затем были распущены профсоюзы и т. д.

Правительство Цанкова продержалось три года. В течение нескольких следующих лет болгарские буржуазные партии пытались править методами, приближавшимися к буржуазно-демократическим.

Рабочий класс получил возможность восстановить профсоюзы; компартия оставалась под запретом, но была разрешена легальная Рабочая партия, через посредство которой коммунисты участвовали в выборах, вели легальную работу в профсоюзах и пр.

В 1934 году реакционное офицерство, объединенное партией "Звено", устраивает новый военный переворот. Самозванное правительство (К. Георгиева) разгоняет парламент, распускает политические партии, кроме правительственной, запрещает всякую политическую деятельность вообще. Спустя восемь месяцев правительство военной диктатуры уступает место правительству монархической диктатуры.

Логическим следствием этих процессов явилась ориентация на фашистскую Германию. В марте 1941 года в качестве союзника Германии Болгария оказывается втянутой во вторую мировую войну.

2. В 1926 году военно-фашистский переворот происходит в Польше. Причины его во многих отношениях типические: экономический развал, резкое обострение классовой борьбы в городе и деревне, нежелание правящего буржуазно-помещичьего блока поступиться хоть в малом своими интересами.

В некоторых исследованиях, посвященных анализу и истории польской конституции 1921 года, межвоенный период польской истории делится на три этапа: этап формального применения конституции 1921 года, сопровождавшегося запрещением коммунистической партии, подавлением демократического и национально-освободительного движения; этап "первоначальной фашизации политической жизни" (1926-1935 гг.) и этап "усиленной фашизации", ознаменованной принятием и введением реакционной конституции 1935 года. В наши дни, заметим, такого рода периодизация

подверглась ревизии: особенно это относится к "усиленной фашизации", которой как будто бы и не было.

Во многом типичными оказались политические последствия военного переворота: фактическая власть сосредоточилась в руках "главного инспектора вооруженных сил", каким стал Пилсудский, и это не было тайной ни для кого; президент республики - креатура Пилсудского - получил право издания актов, по своему предмету и силе действия не отличающихся от закона; парламент, ничтожный и зависимый, мог быть разогнан по единому слову Пилсудского.

Серия уголовных законов и всевластие полиции венчали этот режим.

Опыт военной диктатуры пилсудчиков нашел себе воплощение в конституции 1935 года. Она создает одну реальную власть - власть президента. Он отвечает "перед богом и историей за судьбы государства"; "в его лице сосредоточивается единая и неделимая (1) государственная власть", под его главенством находятся: правительство, сейм и сенат (парламент), вооруженные силы, суд, государственный контроль.

Президент назначает по "своему усмотрению" (а не по парламентским традициям) председателя совета министров, а затем и самих министров, созывает и распускает парламент, заключает и ратифицирует международные договоры, командует вооруженными силами, назначает на государственные должности и т. д. Он оказывает влияние на выбор преемника, а в известных случаях назначает будущего президента; "отзывает", и тоже "по своему усмотрению", премьер-министра, председателя Верховного суда, высших военных начальников, осуществляет право помилования. Президенту предоставляется право предавать суду членов правительства, которым не располагали даже некоторые короли, например английский.

Декреты президента, говорится в конституции, имеют силу закона. Ему же, наконец, предоставляется право введения исключительного положения на всей территории страны и со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Стоит ли после всего этого упоминать о парламенте, тем более что комплектование последнего стало зависеть от правительства (одна треть сената прямо назначалась президентским указом).

Режим пилсудчиков имел трагические следствия. Когда в 1939 году гитлеровская Германия напала на Польшу, судьба страны решилась в течение первых десяти дней борьбы.

3. Конституция 1923 года, введенная в Румынии, имела во многих отношениях формальное значение. Это в особенной степени относится к тому кругу буржуазно-демократических свобод, которые она провозглашала под влиянием момента.

Уже в 1924 году серией реакционных законов была загнана в подполье коммунистическая партия, поставлены под правительственный контроль профсоюзы, сняты ограничения для арестов по политическим мотивам. На полный ход заработали военные трибуналы.

Наперекор "свободе слова и печати" тюремное заключение угрожало всякому обвиненному в пропаганде демократических идей (закон "О социальной безопасности").

Всеобщее (мужское) избирательное право сделалось тем более фикцией, когда законом 1926 года была введена "премия" для партии, собравшей 40 голосов: она получала 60% всех мандатов.

Фашизация политического строя Румынии, на чем настаивали реакционные организации вроде "Железной гвардии", была ускорена в годы мирового экономического кризиса.

Закрылись сотни предприятий. Соответственно с тем увеличилось число безработных и голодных людей. Заработная плата рабочих, всегда низкая, едва достигала 60% от уровня 1929 года. Задолженность крестьян по долгам и налогам возросла до 150 млрд. лей, сотни тысяч их разорились.

Забастовки и крестьянские волнения, а значит, массовые расстрелы и расправы следовали друг за другом.

Забастовочное движение, руководимое компартией Румынии, достигло особого размаха в 1933 году. Крупнейшими в истории рабочего движения были относящиеся к этому времени забастовки железнодорожников и нефтяников.

В создавшейся обстановке румынские правящие классы решили воспользоваться опытом Гитлера. Они помогли усилению "Железной гвардии", активизировали влияние двора на политическую жизнь, свели на нет значение парламента.

В 1938 году король Румынии Кароль II, получив поддержку монополий, помещиков и генералитета, совершает военный переворот, отменяет действие конституции 1923 года и всю власть сосредоточивает в своих руках. Политические партии и профсоюзы были распущены, парламент разогнан, демократические свободы окончательно отменены.

Военно-монархическая Румыния связала свою судьбу с судьбой германского фашистского рейха. Фактическая власть сосредоточилась в руках генерала Антонеску, тесно связанного с Гитлером. Раздав своих конкурентов в правительстве (лидеров "Железной гвардии"), Антонеску сделался единоличным "кондуктором" Румынии (1940 г.). Военно-фашистская диктатура приобрела все свои свойства и качества. 22 июня 1941 года, в тот же день, что и Германия, фашистская Румыния напала на Советский Союз.

4. Особую роль в истории предвоенной Европы сыграло установление фашистской диктатуры в Испании.

Первый ее период приходится на 1923-1939 гг. Военный переворот, совершенный генералом Primo de Rivera в 1923 году при прямом содействии монархии, завершился разгоном парламента (кортесов), отменой буржуазных свобод и конституционных гарантий (личной неприкосновенности), роспуском политических партий, переходом власти в руки военной хунты.

Военному перевороту помогла колониальная авантюра Испании в Марокко. Позорные поражения испанской армии в борьбе против рифских племен, сражавшихся под руководством Абд-эль Керима, усилили общее недовольство грязной войной, а заодно и правительством, которое ее вело.

Отменив декрет о 8-часовом рабочем дне и запретив стачки под страхом уголовного наказания, Primo de Rivera стремился упрочить господство буржуазии над рабочим классом введением корпоративной системы по итальянскому образцу.

Как и в Италии, создавались "корпорации", составленные из предпринимателей, представителей допущенных (правительственных) профсоюзов и государственных чиновников.

Но все было напрасно. Рабочий класс Испании не подчинился диктатуре. Крестьянские массы вели упорную борьбу за землю. Правящая хунта раздиралась грызней за власть. Продолжение военной диктатуры грозило революционным взрывом. В январе 1930 года Primo de Rivera отказался от власти и эмигрировал из страны.

За крахом диктатуры последовало свержение монархии (апрель 1931 г.).

События развертывались быстро. В антимонархическом движении сплотились самые разные силы - от рабочих и крестьян до левобуржуазных партий и социалистов.

Монархия пыталась спасти себя частичными уступками, но безрезультатно. Дело было не только в самой монархии, но и во всех тех пережитках прошлого, которые она защищала: господство помещиков, католической церкви и военных хунт, отсутствие свобод, социальное и национальное угнетение.

В апреле 1931 года республиканцы одерживают блестящие победы на муниципальных выборах. Вслед за тем они образуют республиканские правительства, сначала в Барселоне, а затем в Мадриде. Король Альфонс бежал во Францию.

Революция, ликвидировавшая испанскую монархию, была буржуазно-демократической. Такой же оказалась по своему содержанию конституция Испанской республики, утвержденная в 1931 году Учредительным собранием.

Статья 1 конституции гласила: "Испания есть демократическая республика трудящихся всех классов, построенная на началах свободы и справедливости".

За декларацией следовали принципы: равенство всех перед законом; отказ от государственной религии и отделение церкви от государства, равное право для всех независимо от происхождения, пола, богатства,

политических взглядов и пр.; неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, неприкосновенность переписки, право собраний и союзов.

Законодательная власть вручалась парламенту (кортесам), избранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Избирательное право предоставлялось гражданам обоего пола начиная с 23 лет.

Каталония сделалась автономной областью в рамках единой Испанской республики.

Конституция объявляла ликвидированными феодальные отношения и обещала аграрную реформу. Учредительное собрание приняло законы о 8-часовом рабочем дне и социальном страховании.

Всему этому не суждено было претвориться в жизнь. Аграрная реформа свелась к наделению двух миллионов бедняков 70 тыс. гектаров, закон о социальном страховании, как и многие другие, остался на бумаге.

В обстановке всеобщего недовольства исходом революции совершается размежевание сил. В то время как рабочий класс был расколот по вине социал-демократических лидеров, а компартия оставалась недостаточно сильной, реакция, богатая и могущественная, объединяется в так называемой Испанской конфедерации автономных правых. На выборах 1933 года ей удается одержать крупную победу и составить правительство.

Реакционный курс правых партий, их откровенный отказ от завоеваний революции вызвал знаменитое восстание астурийских шахтеров, поддержанное восстанием в Каталонии и всеобщей забастовкой в Мадриде, Севилье и других городах. С помощью марокканских войск и иностранного легиона правительство подавило восстание: 2 тыс. шахтеров было убито и не менее 30 тыс. приговорено к заключению. Автономия Каталонии была ликвидирована.

В период "черного двухлетия", которым были названы особо мрачные 1934-1935 гг., реакции удалось ликвидировать все основные социальные достижения революции: крестьяне сгонялись с земли, рабочие более других испытали на себе все бедствия контрреволюционного террора. Компартия должна была уйти в подполье.

Тем не менее торжество реакции было призрачным. Каждый новый ее шаг усиливал кризис режима, способствовал отходу его бывших сторонников. В стране назревала революционная ситуация. Возник Народный фронт в составе коммунистов, социалистов, республиканцев, членов Всеобщего рабочего союза и др. На выборах, происходивших в феврале 1936 года, история преподала правым поучительный урок: партии Народного фронта получили 268 мест в парламенте (из 473).

Правительство левой ориентации, возникшее после выборов, вернуло страну к завоеваниям революции: были выпущены из тюрем политические заключенные, восстановлена автономия Каталонии, приняты законы, улучшавшие положение рабочих, началось осуществление аграрной реформы.

Победа Народного фронта активизировала испанский фашизм, группировавшийся в партии "Фаланга" и вокруг нее. В середине июля 1936 года в испанском Марокко, а вслед за тем во многих городах самой Испании начался военно-фашистский мятеж, главой которого стал генерал Франко.

Мятежники получили щедрую помощь - военными материалами и людьми - со стороны Германии и Италии. На их стороне оказались правительства Англии и Франции.

На помощь республиканской Испании пришли тысячи замечательных бойцов-демократов из всех стран мира. Они создали интернациональную бригаду, покрывшую себя вечной славой. На стороне республиканцев находился, конечно, и советский народ.

Героически бился народ Испании, и особенно испанские коммунисты. Весь мир следил за исходом этой борьбы, одни - со страхом, другие - с восхищением и надеждой.

Два с половиной года (32 месяца) длилась гражданская война в Испании. То, за что бились республиканцы, они пытались осуществить уже в ходе войны: было приступлено к национализации крупной промышленности; более 300 тыс. крестьянских семей получили безвозмездно пять с половиной

млн. га земли; были приняты законы о 48-часовой рабочей неделе, охране труда, социальном обеспечении. Не только Каталония, но и Баскония получили национальную автономию.

В конце 1938 года наступило ухудшение военного положения Испанской республики. В январе 1939 года пала Барселона. В конце марта испанский фашизм торжествовал победу.

Спустя несколько месяцев генерал Франко сделался и в законе и фактически единоличным диктатором Испании.

В то время как Англия и Франция проводили политику невмешательства в испанские дела, что означало потворствование фашизму, Советский Союз, несмотря на все трудности, снабжал республиканскую Испанию оружием, а советские добровольцы, главным образом танкисты и летчики, принимали непосредственное участие в боях с фашистскими армиями.

Завоевания революции были аннулированы. Рабочее законодательство отменено, трудовые договоры, профсоюзы, стачки и пр. запрещались. Крестьяне должны были вернуть землю помещикам и заплатить (за все три года) арендные платежи. По всей стране свирепствовал безудержный террор.

Фактически участвуя в войне на стороне гитлеровской Германии, помогая ей ресурсами и людьми, Испания считалась юридически "нейтральной". Режим Франко надолго пережил войну, сохранившись до ноября 1975 г., то есть до смерти диктатора.

5. В 1927 году, после контрреволюционного переворота, совершенного правым крылом партии гоминдан (во главе с Чан Кай-ши), контрреволюционный, профашистский режим устанавливается в Китае.

Ему предшествует война, начатая, как уже говорилось выше. Кантонским правительством против милитаристов Севера ("Северный поход"). Немногочисленная национально-революционная армия, выступившая в 1926 году из г. Кантона (на юге Китая), получила широчайшую поддержку рабочих и крестьян. Она быстро превратилась в крупную военную силу. Вскоре у милитаристов (клики генералов, поделивших между собою страну) был отвоеван Центральный Китай, а затем и Шанхай, самый крупный промышленный город и порт Китая.

Война пробудила революционную энергию. Крестьяне явочным порядком захватывали земли помещиков, образовывали союзы, бравшие власть. Быстро росла компартия Китая (возникла в 1921 году).

Подъем революционного движения напугал национальную буржуазию, руководившую гоминданом. Она переходит в лагерь реакции, способствуя установлению диктатуры контрреволюционной части гоминдана.

Быстро договорившись со своими недавними противниками-милитаристами, клика Чан Кай-ши утверждает в Пекине. Этим заканчивался, по гоминдановской терминологии, "этап военной власти", и начиналась так называемая политическая опека партии гоминдан над народом.

Конституция 1931 года закрепила фактически установившуюся систему "опеки" тем, что передала всю законодательную власть в руки съезда гоминдана, а всю исполнительную - правительству, формируемому центральным органом партии (ЦИКом). Глава правительства, формально и фактически безответственный, был наделен функциями президента, премьер-министра, командующего вооруженными силами, и пр.

Никаких свобод не существовало, местного самоуправления - также. Повсюду господствовали "комиссары по умиротворению", бывшие одновременно с тем командующими местными военными силами.

По своему классовому характеру диктатура гоминдана была контрреволюционной диктатурой крупных помещиков и крупной буржуазии.

Необходимость "политической опеки" объяснялась обыкновенно "неподготовленностью" народа к демократическому конституционному правлению. Научить этому обязывались как раз чан-кайшисты. Гоминдану не удалось распространить свою власть на всю территорию Китая. В результате ряда восстаний (особенно кантонского) в стране возникают районы революционной рабоче-крестьянской красной власти. Они сливаются в единую рабоче-крестьянскую республику (хотя и существуют рассредоточено). В 1931 году состоялся съезд рабочих и крестьянских депутатов, принявший закон об

аграрной реформе, 8-часовом рабочем дне и пр. Съезд избрал центральное советское правительство и утвердил конституцию Советской республики.

В 1933 году Китайская рабоче-крестьянская республика занимала территорию, на которой проживало 60 млн. человек.

Гоминдановская армия и Красная Армия рабоче-крестьянской республики находились в состоянии непрерывной войны. Военные усилия гоминдана, направленные на ликвидацию "районов красной власти", долгое время были безуспешными. Только в 1934 году ему удалось добиться успеха. Красная Армия и правительство рабоче-крестьянской республики должны были оставить Центральную революционную базу и эвакуироваться в один из районов провинции Шенси (на севере Китая).

В 1931 году Китай сделался жертвой японской агрессии. К началу второй мировой войны Япония контролировала большую часть китайской территории.

6. Фашистские режимы, как они возникли и существовали в период между двумя мировыми войнами, не ограничиваются кругом стран, которые здесь упоминаются.

Мы оставляем в стороне фашистские и военно-диктаторские режимы в Латинской Америке, фашистский государственный строй Португалии, фашистский политический режим в Южно-Африканском союзе (ныне Южно-Африканская республика) и т. д. Фашизм был не исключением из правила, не случайностью. Резолюция, принятая по докладу Г. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, определяла фашизм как политическую систему открытой террористической диктатуры, в установлении которой капитализм ищет себе спасение; как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала в целях осуществления исключительных, грабительских мер против трудящихся, подготовки нападения на СССР, подавления колониального и освободительного движения'. Со всем этим нельзя не согласиться.

Глава тридцать вторая Вторая мировая война и ее последствия

1. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Вторая мировая война, самая жестокая и самая разрушительная из всех известных истории, началась.

В огне этой ужасной войны сторело около 50-60 млн. человек. Десятки миллионов, потеряв сыновей, мужей, отцов, матерей, остались несчастными. Усилия многих поколений бесчисленные ценности были уничтожены, обрекая народы на тяжкий труд восстановления.

Германия не скрывала своих целей. Она добивалась господства над всей Европой, хотела захватить Советский Союз, покорить Африку, прибрать к рукам Ближний Восток. Дальние планы Германии не исключали завоевания Америки.

Ближний партнер Германии, фашистская Италия рассчитывала на колониальные приобретения в Африке, присоединение Албании и Греции. В речах Муссолини, в итальянской прессе вставал бредовый образ воссозданной Римской империи.

Третий союзник гитлеровской Германии, Япония видела себя попирающей Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, господствующей в Сибири.

Дело шло не только о захвате и покорении. На всех завоеванных землях фашисты намеревались установить свой "новый порядок".

Подписанный в 1940 году пакт трех держав - Германии, Италии и Японии - гласил: Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве.

В числе государств, принявших сторону Германии, оказались: Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия.

Вплоть до нападения Германии на Советский Союз (22 июня 1941 года) главными ее противниками выступали Англия и Франция. Отдавая себе отчет в том, какие последствия для их национального существования будет иметь

победа держав фашистской "оси", Англия и Франция на третий день после гитлеровского вторжения в Польшу объявили войну Германии.

Коммунистические партии сходились на том, что вторая мировая война началась как империалистическая с обеих сторон. Правящие классы Англии, Франции и Германии, говорилось в воззвании исполкома Коминтерна, ведут войну за мировое господство.

Точно так же оценивали войну французские коммунисты: "Война, навязанная Французскому народу, это война капиталистов..." Компартия Англии заявляла, что начавшаяся война есть "война за прибыли, рынки и мировое господство". Теперь, спустя полвека, нельзя не видеть насколько односторонней и попросту неверной была приведенная нами оценка войны, где одной из сторон был фашизм, а другой - буржуазные демократии. Ставить между ними знак равенства было грубой ошибкой.

Объявив войну Германии, правительства Англии и Франции не отказались от надежды на скорый сепаратный мир, заключенный за счет Советского Союза.

В течение 1939-1940 гг. военные действия Франции и Англии носили символический характер. То была "странная война": 110 дивизий Франции и Англии стояли против 23 немецких, но пальцем не шевельнули для их уничтожения. Расплата была горькой, особенно для Франции.

Воспользовавшись обстоятельствами "странной войны", Германия накапливала силы. В апреле 1940 года она нападает на нейтральные Данию и Норвегию и оккупирует их. Затем наступает очередь Бельгии, Голландии и Люксембурга.

Неподготовленная, разоруженная, преданная собственными правителями, Франция оказалась неспособной выдержать удар гитлеровских моторизованных войск. В июне 1940 года они вошли в Париж.

При этом досталось и Англии. Ее экспедиционный корпус (360 тыс. человек) оказался на волосок от гибели. С большими потерями английскому командованию удалось эвакуировать его на родину. Крах английской политики умиротворения Германии вызвал падение правительства Н.Чемберлена. Премьером Англии стал У.Черчилль.

В течение нескольких месяцев 1940-1941 гг. гитлеровская Германия захватила и поработила всю Юго-Восточную Европу. Немецкие войска вошли в Болгарию, установили контроль над Румынией и Венгрией, оккупировали Югославию и Грецию.

В памятный день 22 июня 1941 года Германия напала на нашу Родину. Наступил новый этап войны. Уже перед тем упорная и кровавая борьба народов Европы за свободу, за национальную независимость (равно как и существенные перемены в ориентации правительств Англии и Соединенных Штатов) указывали на изменение характера войны.

Вступление в войну Советского Союза способствовало ее окончательному превращению в войну справедливую, освободительную, антифашистскую, какой она навсегда останется на страницах истории.

Начало войны было для нашей армии неблагоприятным. Мы вынуждены были оставить врагу большие территории: Белоруссию и западные области РСФСР, Украину и Молдавию, Крым и Кубань. Несмотря на это, немецкое командование не достигло своих стратегических целей. Молниеносной войны не получилось. Разгром немецкой армии под Москвой в конце 1941 и в начале 1942 гг. произвел удручающее впечатление в Германии: миф о непобедимости немецкой армии оказался развенчанным.

В декабре 1941 года в войну вступила Япония. Ее морские и воздушные силы совершили внезапное нападение на американскую военную базу в Тихом океане (Перл-Харбор) и английский флот в Сингапуре. Вслед за Японией объявили войну Соединенным Штатам Германия и Италия.

Япония почти тотчас начинает широкую военную кампанию в Азии и без большого труда захватывает Малайю, Сингапур, Бирму, Индонезию, Филиппины, множество островов на Тихом океане. Под угрозой оказались Индия, Австралия, Новая Зеландия. В войну втянулись все народы земного шара.

Определилась антигитлеровская коалиция держав. В ней участвовали Советский Союз, Соединенные Штаты, Англия, доминионы Британского

содружества наций, оккупированные гитлеровцами государства Европы, представленные эмигрантскими правительствами, многие страны Латинской Америки, Китай и др. В январе 1942 года на конференции в Вашингтоне 26 государств подписали Декларацию об участии в войне против Германии.

Но только три державы были способны вести войну в должных масштабах: Советский Союз, Соединенные Штаты и Англия. Главную тяжесть войны вынес на себе Советский Союз. Ему принадлежит решающий вклад в дело победы. И он принес наибольшие жертвы.

2. В августе 1941 года президент Соединенных Штатов Рузвельт и английский премьер Черчилль обнародовали документ, определявший цели союзников. Он известен под названием "Атлантической хартии".

Союзники заявляли в ней, что не стремятся к территориальным приобретениям, что они уважают право народов избирать себе форму правления, при которой те хотят жить; что они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

Через полтора месяца, в сентябре 1941 года, Советский Союз присоединился к Атлантической хартии. "Последовательное осуществление этих принципов, - говорилось в заявлении СССР, - обеспечит им самую энергичную поддержку Советского правительства и народов Советского Союза".

Принципы Атлантической хартии обязывали союзников к невмешательству во внутренние дела государств, освобождаемых от гитлеровской неволи. Союзники ограничили свою задачу некоторыми контрольными функциями с целью обеспечить соответствующую демократическую процедуру для определения формы правления и самого правительства: всеобщие выборы, учредительные парламенты, свобода слова и печати.

3. В противоположность этому гитлеровская Германия навязывала оккупированным странам своих собственных управителей и свой собственный режим.

В иных случаях гитлеровцы считали целесообразным демонстрировать видимость "сотрудничества" с местными "правительствами", которых они ставили и смещали.

По имени норвежского ставленника немцев всех подобного рода "правителей" стали называть "Квислингами", что служит также синонимом слова "предатель".

Во Франции, например, гитлеровцы некоторое время терпели существование мнимо самостоятельного правительства, возглавляемого престарелым маршалом Петэном.

Убехэденный клерикал и реакционер, Петэн сыграл роковую роль в капитуляции Франции перед Германией (подписана 22 июня 1940 года). После освобождения Франции был предан суду. Умер в заключении.

Правительство Петэна контролировало меньшую часть Франции - юг и юго-восток. На всей остальной ее территории полнота власти находилась в руках гитлеровских агентов.

видный католический деятель, близкий римскому папе Пию XI, Петэн стремился превратить Францию в некий образец "католического государства". Изданная им "Хартия труда" содержала в себе идеи корпоративного государства, интерпретированного в католическом духе. В области государственно-правовой Петэн задался целью ликвидировать избирательное право и все, что с ним связано. Предварительной мерой явилось провозглашение принципа "семейного голосования"; избирательное право присваивалось только главе семьи. Было введено религиозное обучение. Церковь вернула себе прежние права и привилегии, как будто не было Великой французской революции и того, что за ней последовало.

Французская церковь служила надежной опорой режиму Петэна. Дошло до запрещения хоронить на кладбищах коммунистов и борцов за освобождение вообще.

В ноябре 1942 года вишийская "государственность" была упразднена немцами. "Вся Франция оказалась оккупированной."

4. В том же ноябре 1942 года наступает третий период в истории мировой войны. Главным его событием явилось катастрофическое поражение гитлеровской армии под Сталинградом.

Небезынтересно в этой связи привести выдержку из книги бывшего государственного секретаря США (1944-1945 гг.) Э. Стеттиниуса "Рузвельт и русские": "Американскому народу не следует забывать, что в 1942 году он был недалек от катастрофы. Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, для немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке".

За великой исторической победой на Волге последовал разгром немецких армий под Курском, а затем озаренное немеркнущей славой изгнание захватчиков с нашей земли.

В 1944 году Советская Армия вступает на территории союзников Германии. Приближается кульминационный момент всей войны - знаменитая зимняя кампания 1945 года.

И только тогда, когда все основное в этой титанической борьбе было позади, когда стало ясно, что гитлеровская Германия катится к поражению и капитуляции, Соединенные Штаты и Англия решились открыть то и дело откладывавшийся второй фронт. В начале июля 1944 года началась высадка союзников на севере Франции, в Нормандии.

В это время советские войска вступили на территорию Румынии, стояли у границ Чехословакии, начали освобождение Польши, находились у порога Германии и готовились переступить его.

Гитлеровский блок государств разваливался на глазах. Капитулирует Румыния, падает фашистская диктатура Антонеску; выходит из войны Болгария, революция 9 сентября 1944 года свержает болгарский антинародный режим; подписывает соглашение о перемирии Временное правительство Венгрии (в Дебрецене); прекращает войну Финляндия.

Союзные армии, поддержанные мощными атаками партизан в Италии и Франции, приступают к изгнанию гитлеровцев из оккупированных ими стран Западной Европы. За освобождением Рима (июнь .1.944 г.) следует освобождение Парижа (август 1944 г.), потом Брюсселя, Люксембурга, части Голландии.

Начинается зимняя кампания 1945 года. 12 января 1945 года Советская Армия предпринимает великое наступление на всем громадном фронте (1200 км). Освобождается Варшава. Гитлеровские армии изгоняются из Польши и Чехословакии. Война переносится на территорию самой Германии. Восточная Пруссия, Померания, Силезия переходят в руки советского военного командования.

Приходит наконец долгожданная незабываемая весна 1945 года. Под сокрушительным ударом советских вооруженных сил падает Берлин. В зловещем подземелье находит себе гибель Гитлер, избежав самоубийством суда народов. Германское командование принуждено к безоговорочной капитуляции. 8 мая 1945 года оно подписывает соответствующий акт. Война в Европе завершилась.

Оставалась еще Япония. Весной и летом 1945 года американским военно-морскому флоту и авиации удалось нанести японским вооруженным силам серьезные поражения.

Но еще существовала крупнейшая Квантунская армия Японии, расположенная у самых границ советского Дальнего Востока, сохранялись оккупационные армии в Центральном и Южном Китае.

В августе 1945 года, выполняя решение Крымской конференции союзников, советские вооруженные силы взломали оборонительные рубежи Квантунской армии и в короткий срок разгромили ее. В этой благоприятной обстановке начали свое наступление части 8-й и 4-й Народно-освободительных армий, руководимых Коммунистической партией Китая (на следующий день после начала боев между Советской Армией и Квантунской). Вскоре им удалось установить контроль над огромной территорией Северного и значительной частью Центрального Китая.

В том же августе 1945 года, 6-го и 9-го числа, американская авиация сбросила атомные бомбы на японские города – Хиросиму и Нагасаки. Военное значение этой акции было сравнительно невелико: Япония катилась к катастрофе и без того. Главная цель атомной бомбардировки состояла в другом: она должна была устрашить и врагов и союзников, а среди последних раньше всего Советский Союз. Монополия на атомную бомбу, рисовавшаяся столь долговечной, должна была обеспечить Соединенным Штатам господствующее положение в послевоенном мире.

2 сентября 1945 года Япония, разгромленная на всех фронтах, подписала акт о безоговорочной капитуляции. Величайшая война в истории оковчилась. 5. Последствия войны были важными и разнообразными. В том, что касается политической и особенно государственно-правовой истории, главные из этих последствий состоят в следующем:

а) политические режимы в трех главных странах международной реакции: Германии, Италии и Японии – были уничтожены.

Но сам по себе фашизм как политический режим, (как определенная форма политического господства буржуазии сохранился в значительном числе стран: Испании и Португалии, в государствах Латинской Америки, в некоторых странах Азии. Крушение этих режимов – дело сравнительно недавнего времени.

б) в обстановке революционного и демократического обновления, вызванного исходом войны, во всех основных странах капитализма были проведены демократические и социальные реформы;

в) в 8 странах Центральной и Юго-Восточной Европы – в Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании – возникли так называемые народные демократии как наиболее приемлемая форма социалистического общественного и государственного строя. Они просуществовали до конца 80-х годов. Спустя 4 года после окончания войны (в 1949 г.) социалистическое государство утвердилось на всей территории Китая. В героической борьбе с империализмом родилась Демократическая Республика Вьетнам; Народно-демократической республикой сделался Север Кореи.

Возникла мировая система социализма, объединившая (вместе с Советским Союзом и Монголией) 13 стран Европы и Азии;

г) национально-освободительные революции привели к падению колониальных империй – английской, французской, бельгийской, голландской; на месте бывших колоний и полуколоний возникли десятки новых суверенных государств. Политическая карта мира стала неузнаваемой.

Глава тридцать третья Основные страны капитализма после второй мировой войны

А. Соединенные Штаты Америки

1. Соединенные Штаты Америки были, пожалуй, единственной крупной капиталистической страной, не испытавшей революционного подъема первых послевоенных лет.

Не вдаваясь в подробное обсуждение причин, укажем на главное. Не принимая деятельного участия в военных операциях (исключая самый последний период войны), Соединенные Штаты понесли сравнительно небольшие жертвы. В то же время их экономическая, промышленная и финансовая мощь выросла необычайно. Еще в 1948 году, то есть после нескольких лет восстановления промышленности в Англии, Франции, Западной Германии и Японии, Соединенные Штаты производили более половины (56,6%) промышленной продукции капиталистического мира. Занятость и заработки, особенно во время войны, находились на довольно высоком уровне.

Более того. Именно в послевоенные годы правящий класс Соединенных Штатов почувствовал себя способным осуществить далеко идущие планы, направленные на подавление революционного, национально-освободительного и демократического движений как в собственной стране, так и во всем мире.

2. В самой стране наступление на свободы личности и ассоциаций было ознаменовано целой серией актов, получивших название "реакционных законов".

Первый среди них - закон Хоббса, по которому требования профсоюза об увеличении зарплаты могли быть квалифицированы как уголовное преступление, - был принят в июле 1946 года.

Антирабочий закон Тафта-Хартли 1947 года постановлял, что всякая забастовка, выходящая за рамки чисто экономических требований (рабочий день, заработная плата и т.п.), составляет уголовное преступление.

Запрет коснулся, таким образом, политических забастовок, забастовок присоединения (солидарности) - старых испытанных форм классовой борьбы пролетариата.

Закон предписывал профсоюзам предварительное, за 60 дней, извещение предпринимателя о готовящейся экономической забастовке (чтобы дать тому возможность подготовиться), а кроме того, предоставлял правительству право отлагать ее на новый, 80-дневный срок.

Введенное при Рузвельте (закон Вагнера 1935 года) право "закрытого цеха" (согласно которому члены профсоюза имели преимущество при поступлении на работу) было отменено; пикетирование во время забастовок и все иные формы борьбы со штрейкбрехерами запрещены.

Состоящее при президенте Управление по трудовым отношениям получило право арбитражного рассмотрения споров между профсоюзом и предпринимателем. При этом требуется, чтобы профсоюз представил Управлению отчет о денежных средствах, список должностных лиц, принес присягу о несочувствии коммунистам и пр.

Судебное вмешательство в трудовые отношения получило полное одобрение в законе. Действия профсоюза, которые суд истолкует как "нечестную трудовую практику", влекли за собой крупные штрафы в пользу предпринимателя, опустошающие профсоюзную казну.

Установившийся с законом Тафта-Хартли правительственный контроль над деятельностью профсоюзов был усовершенствован в 1959 году законом Лендрэма-Гриффина: с этого времени профсоюзы обязаны представлять в министерство труда свою финансовую отчетность, копии своих постановлений, списки должностных лиц и пр.

В том же 1947 году приказ президента "о проверке лояльности" государственных служащих предоставил соответствующим чиновникам право увольнять со службы любое лицо, если "существуют разумные основания для убеждения (?), что оно является нелояльным в отношении правительства Соединенных Штатов".

Столь неопределенная формулировка приказа снимала с увольняющего всякую ответственность и, наоборот, лишала увольняемых сколько-нибудь эффективной способности защититься.

2. Наконец в 1950 году принимается конгрессом закон Маккарена-Вуда (официальное название "Закон 1950 года о внутренней безопасности").

Закон объявляет коммунистическую партию Соединенных Штатов организацией, которая "направляется, руководится или контролируется иностранным правительством или иностранной организацией, управляющими всемирным коммунистическим движением". Нетрудно догадаться, о каком "правительстве" идет речь.

На этом аргументе покоится требование регистрации коммунистической партии и каждого из ее членов в министерстве юстиции США. При регистрации, а затем ежегодно компартия должна была сообщать министерству юстиции имена и адреса ее должностных лиц ("с указанием поста каждого из них и кратким описанием функций и обязанностей каждого"), представлять отчетность по всем денежным поступлениям и расходам, список всех печатных станков и пр.

За каждое нарушение любого из названных требований предусматривается штраф в размере 10 тыс. долларов (двухлетняя в то время заработная плата высококвалифицированного рабочего) или тюремное заключение на пять лет, или то и другое вместе.

За просрочку регистрации на 30 дней, например, судья может приговорить к штрафу в 300 тыс. долларов. Под каждым нарушением

понимается "каждый день просрочки регистрации* и даже "невнесение в списки фамилии любого отдельного лица".

После регистрации считалось противозаконным для любого члена компартии занимать выборную должность или место на государственной службе, административный пост в профсоюзной организации, подавать заявление с просьбой о/выдаче ему паспорта для поездки за границу, наниматься на работу в любом оборонном органе или предприятии и т. д.

Член Верховного суда США Х. Блейк, голосовавший против признания закона Макхарена-Вуда конституционным, в своем "особом мнении" писал: "Замысел закона заключается в том, чтобы сделать невозможным продолжение деятельности организации после издания приказа о ее регистрации". Блейк говорит о законе 1950 года как о "роковом моменте в истории свободной страны", ибо, "когда начинают практиковать запрещение партий и различных общественных групп, никто не может сказать, где оно остановится".

Закон Макхарена-Вуда, констатирует Блейк, есть нарушение первой поправки конституции, поскольку эта поправка содержит определенное запрещение каким бы то ни было образом ограничивать свободу слова, и пятой поправки, предоставляющей каждому гражданину право отказываться от показаний, которые могут быть использованы ему во вред (так называемый отказ от самообвинения).

Особым положением закона 1950 года министру юстиции Соединенных Штатов позволено было на период чрезвычайного положения заключать бессрочно в концлагерь любое лицо, "относительно которого имеется разумное основание полагать, что оно, вероятно, будет совершать акты саботажа и шпионажа".

Таким образом была восстановлена отвергнутая в свое время практика "опалы без суда", на место противоправного действия приходит подозрение: презумпция невиновности отбрасывается, утверждается презумпция виновности.

Любопытно, что даже такой казуист, каким выглядит член Верховного суда Франкфутер, автор заключения, признающего закон 1950 года соответствующим конституции, признал, что "принудительное сообщение имен членов организации может в известных случаях явиться нарушением обеспечиваемой конституцией свободы ассоциаций". Основной аргумент, каким пользовался Франкфутер, весьма характерен: сначала надо испробовать, как будет действовать закон на практике, а потом судить о его конституционности. Это должно означать: сначала в тюрьму, а потом разбираться!

Мужественная борьба Коммунистической партии США против закона 1950 года, ее полный героизма отказ от регистрации породили новый антикоммунистический закон. Принятый в 1954 году, он получил название "О контроле над коммунистической деятельностью". Закон этот запретил коммунистической партии участие в выборах (включая выдвижение кандидатов), лишал ее прав юридического лица и соответственно с тем права Иметь имущество, искать и отвечать в суде.

3. За два года до того, как был принят закон Макхарена-Вуда, американская юстиция, выполняя заказ правительства, пустила в ход так называемый закон Смита, принятый в 1940 году ("Закон о регистрации иностранцев"). Официально предназначенный для пресечения немецко-фашистской пропаганды в Соединенных Штатах, закон этот был истолкован в качестве общей нормы, запрещающей выражение мыслей, пропаганду и все возможные организационные действия, имеющие целью "насильственное свержение правительства".

На основе закона Смита в памятный 1948 год были привлечены к судебной ответственности II руководящих деятелей компартии. В качестве свидетелей обвинения были выставлены агенты разведки, посланные в компартию, - случай сам по себе беспрецедентный.

Раз открывшись, такие агенты теряют всякую возможность продолжать свою прежнюю деятельность, и потому разведки, как правило, избегали подобных действий. К тому же считалось не вполне удобным разоблачение самого факта агентурной деятельности: об этом, конечно, знали, как и о

внешнем шпионаже, но не выставляли так напоказ. И суды никогда раньше - по крайней мере столь открыто - не пользовались подобными показаниями. Считалось невозможным, чтобы платные агенты правительства свидетельствовали в пользу правительства.

Для рассматривавшего дело судьи (Медина) марксистско-ленинские убеждения уже свидетельствовали о "заговоре против правительства", и того же мнения держались присяжные: приговор гласил - 5 лет тюремного заключения.

На том же основании в начале 1953 года еще 13 руководителей компартии были осуждены к длительному тюремному заключению.

Примеру федерального правительства последовали штаты. Антикоммунистические и антирабочие законы посыпались сотнями. Судебные преследования дополнялись полицейскими: высылками без суда, слежкой, перлюстрацией писем, телефонными подслушиваниями и пр.

Преследования делали свое дело, но тех конечных результатов, на которые рассчитывали, достигнуто не было. Количество забастовщиков не уменьшалось, но с каждым годом увеличивалось.

По числу и массовости забастовок одно из первых мест принадлежит Италии: 59-60 "забастовочных" человеко-дней в год на каждые 100 рабочих. Но Соединенные Штаты побивают этот своеобразный рекорд: с 1958 по 1962 гг. здесь было потеряно 65 человеко-дней на каждые 100 рабочих ежегодно.

Коммунистическая партия Соединенных Штатов, пользуясь законными возможностями, вела упорную борьбу за право легального существования. Но только на 14-м году этой беспрецедентной схватки ей удалось добиться первых успехов. Демократические традиции и приверженность конституции вышли на поверхность, как и следовало ожидать.

Поначалу было аннулировано запрещение на выдачу коммунистам заграничных паспортов. По делу коммуниста Арчи Брауна (одного из руководителей профсоюза портовых и складских рабочих) суд признал неконституционным запрещение для коммунистов занимать выборные должности в профсоюзах.

Самым трудным было заставить тогдашнее правительство США отказаться от требований регистрации коммунистов. Уже было вынесено судебное решение о неконституционности регистрации (ноябрь 1965 г.), однако министерство юстиции США возбудило вновь вопрос о виновности компартии, и окружной суд округа Колумбия вынес обвинительный приговор. Он был вновь обжалован, и наконец в марте 1967 года Апелляционный суд США отклонил обвинение против компартии в нарушении закона Маккарена. Министерство юстиции США должно было отказаться от преследования компартии не вообще, разумеется, а в том, что касается требований регистрации.

В конце 1967 года Верховный суд объявил неконституционным (и тем самым отменил) запрещение предоставлять коммунистам работу на военных предприятиях.

Комментируя это решение, председатель Верховного суда Уоррен должен был признать справедливость аргументов, выставленных компартией: закон Маккарена-Вуда является "противоконституционным ограничением права на ассоциацию".

С этим авторитетным резюме закон Маккарена-Вуда прекратил свое действие. При всем том урон, причиненный компартии США, был уже невосполним и ее участие в политической жизни США сделалось минимальным.

4. Никогда еще господство монополий в конгрессе и правительстве не было столь очевидным; никогда ранее руководящие должности в различных корпорациях, банках, фирмах и пр. не замещались таким количеством отставных министров, сановников, генералов, адмиралов.

В правительстве президента Кеннеди (1960 г.) по крайней мере шесть человек были миллионерами. Среди них: сам президент, министры иностранных дел, обороны, юстиции и др. Они представляли интересы монополий, с которыми были связаны: Рокфеллеров, Моргана, Форда и др.

Предшественники этих министров, ушедшие в отставку вместе с президентом Эйзенхауэром, были вознаграждены доходными местами в частных компаниях: министр финансов сделался директором "Морган гаранти траст

компани", министр торговли - членом совета директоров "Детройт Эдисон компани" и т. д.

То же самое происходит с отставными военными. В награду за щедрые военные заказы и прочие услуги, а еще больше в предвидении выгод, которые они способны принести (ввиду их связей в армии), промышленные компании, особенно те, которые наживаются на военных заказах, охотно приглашают отставных офицеров на работу. В компании "Дженерал дайнэмикс", например, помимо президента, бывшего в свое время военным министром, служило 54 отставных офицера, из них 17 адмиралов и 7 генералов.

А всего в начале 60-х годов (по данным подкомиссии палаты представителей) 1400 отставных офицеров, из которых 261 были адмиралами и генералами, нашли себе выгодные посты в 100 крупнейших военных монополиях, наживающихся на заказах правительства.

Офицеры, состоящие на действительной службе, мечтают о такой же перспективе и соответственно ведут себя, когда доходит до оказания "услуги" при заключении военного контракта.

Миллионеры-политики стали обыкновенным явлением. Несколько десятков их добилось избрания в конгресс (не менее 40), другие встали во главе управлений, контролирующих промышленность, третьи сделали губернаторами штатов, и среди этих последних Рокфеллер (штат Нью-Йорк), Скрантон (штат Пенсильвания) и пр.

В избирательной кампании 1964 года на пост президента претендовали Джонсон и Голдуотер, оба миллионеры. Государственный аппарат Соединенных Штатов оказался под всеохватывающим контролем "большого бизнеса".

Нельзя не заметить непосредственной связи между волей монополий и законодательством: закону Тафта-Хартли предшествует брошюра, изданная Торговой палатой США "Коммунисты в рабочем движении"; закону Маккарена-Вуда - брошюра Торговой палаты под названием "Коммунисты в правительстве". Содержание законов было реализацией "советов", заключенных в брошюрах.

Неостановимый рост правительственных функций, потребности государственного регулирования экономики и пр. способствовали необыкновенному росту чиновничьего аппарата. Число служащих в федеральном правительстве за какие-нибудь 20 лет - с 1930 по 1950 гг. - более чем учетверилось (с 600 тыс. до 2,5 млн.). Общее число чиновников (включая находящихся на службе в правительственном аппарате штатов) достигло 8 млн. человек.

Особое значение приобретают учреждения, служащие специфическим интересам: Федеральное бюро расследований, Центральное разведывательное управление, полиция и пр. Они располагают огромным штатом, массой денег, наделены исключительными полномочиями.

Закон 1951 года наделяет агентов ФБР правом арестовать без ордера любое лицо и за любой поступок, если имеется "разумное основание полагать", что оно совершило или совершает преступление, направленное "против Соединенных Штатов".

Конгресс, как это уже почти не отрицается, потерял действенный контроль над деятельностью американской разведки и полиции. В том, что касается ЦРУ, этот факт определенно признан таким известным деятелем, как сенатор Морзе. "Продолжая терпеть бесконтрольную власть ЦРУ, - сказал он, - мы постепенно принимаем методы полицейского государства".

Дополнением полицейского аппарата сделалась в рассматриваемое время пресловутая "Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности", состоящая при палате представителей США. Кампании преследований почти неизменно начинались в стенах этой комиссии. В картотеках комиссии фамилии по меньшей мере миллиона человек. Еще 160 "групп гражданского населения" находились под постоянной слежкой полиции.

Нелишне сказать и о том, что армия мирного времени насчитывала (включая флот) в США более 3 млн. солдат и офицеров (из которых миллион размещался за границей).

За 22 послевоенных года (1946-1968 гг.) прямые военные расходы Соединенных Штатов составили более одной тысячи миллиардов долларов, что

в два раза превышает военные затраты США за всю их двухсотлетнюю историю, включая обе мировые войны. За 20 лет, предшествовавших второй мировой войне, военные расходы США составили всего только 17 млрд. долларов. В конце 1966 г. в военном производстве США было занято 11% всего количества работающих в стране.

Военщина - это сила, имеющая свои интересы, могущая при известных условиях играть самостоятельную роль. Недаром все большее число американских политиков говорит об угрозе военной диктатуры.

Об этом говорил, уходя на покой, президент Эйзенхауэр, на это указывал генерал Макартур. "Растущая власть военщины, - писал один из наиболее авторитетных министров Эйзенхауэра, Джордж Хэмфри, - стала угрозой для американского образа жизни и оказывает колоссальное давление на гражданские власти".

В противовес доктрине "невмешательства" армии в дела управления возникла доктрина участия военных в определении политики. Соответственно с тем верхи армии заседают в важнейших правительственных комитетах. Пентагон (военное министерство) нисколько не отрицает, что закон 1948 года о введении в США всеобщей воинской повинности в мирное время был делом его рук, его нажима, его пропагандистской кампании. Война во Вьетнаме, как и все другие военные авантюры недавнего времени, предпринятые правительством США, продиктованы не только монополиями, но и военными.

5. Уже при Рузвельте президент США приобрел такие полномочия в области регулирования экономики, которые были привилегией конгресса и даже законодательных собраний штатов. Вторая мировая война работала на пользу этой тенденции. Многочисленные комитеты, созданные президентом и ему подчиненные, стали бдительно контролировать экспорт, распределение сырья, оборудования, рабочей силы, военное производство.

С окончанием войны все эти комитеты не только не исчезли, но даже укрепились и расширились, а вместе с ними возвысился и сам президент.

Назовем некоторые комитеты: Управление ресурсов национальной обороны; Управление по научным исследованиям; Управление мобилизации для обороны; Управление по регулированию трудовых отношений и пр.

Особое значение приобрели те новые ведомства, в руки которых было отдано претворение военных планов США: Национальное военное ведомство, Объединенная группа начальников штабов, Центральное разведывательное управление (создано в 1947 г.) и др. При всем том нельзя не видеть, что последние десятилетия принесли Соединенным Штатам значительные перемены в экономическом и социальном отношениях, в упрочении демократических институтов и т. д. Что имеется в виду?

В течение последних 20-30 лет Соединенные Штаты, как уже говорилось, далеко продвинулись в экономическом отношении. Уже в октябре 1952 года президент Эйзенхауэр - и притом с полным основанием - мог заявить, что он сохраняет веру в динамичную силу частного бизнеса в промышленности. "Она до-1 казала не только свою способность создавать огромные средства и материальные ресурсы, но и обеспечить для максимального числа людей высокий уровень жизни" и это при том, что "Соединенные Штаты, имея лишь 7% населения земного шара производят 50% всей мировой продукции". Имя этому феномену - "американский бизнесмен", заключил президент.

С тех пор, как все это было сказано, прошло более 30 лет, многое за эти годы изменилось в мировой экономике. Это раньше всего феноменальный прорыв Японии на международный товарный и денежный рынок. Экономический динамизм не обошел стороной ни Англию, ни Францию, ни даже Италию и Испанию. При всем том США как были, так и остались мировым лидером.

Уступая некоторым странам Европы (Скандинавия, Швейцария) в том, что относится к жизненному уровню и социальным достижениям трудящихся, Соединенные Штаты и здесь добились впечатляющих успехов, что, разумеется, не исключает критического отношения к ряду аспектов их социальной жизни.

По данным, которые мы черпаем из содержательного исследования всех сторон американской общественной жизни ("The Challenge of Democracy"

(Government in America), 1988), вытекает, что приблизительно 40% граждан США располагают доходами, которые должны быть отнесены к среднедушевым, еще 20% граждан США имеют доходы, которые в два с половиной раза превышают среднедушевые, и еще 40% граждан располагают доходами, которые в 2-4 раза меньше среднедушевых.

Таким образом, получается, что не менее 60% граждан, США составляют - хотя и в неравной степени - богатый и средний имущественные классы (125-140 млн. человек). Еще 20% населения обладают, по всей видимости, всем необходимым для безбедного существования, и только последний "пятый класс", 1 среди которого и масса хлынувших в страну иммигрантов, сельскохозяйственных рабочих, безработных и т. д., находится на дне общества.

Всем этим людям приходят на помощь создаваемые решениями конгресса социальные фонды вплоть до таких, которые предназначены для одиноких матерей, "бомжей", как мы называем бесприютных бродяг, и т. д.

Что касается экономической ситуации, как она сложилась к 1944 году, приводим следующие данные. "Нация находится в хорошей форме", - резюмирует американский социолог Уоттенберг.

Средняя продолжительность жизни американцев составляет 70,8 года. Детская смертность составляет 8,5 на тысячу новорожденных (в 1976 г. она составляла 20 на тысячу).

Уровень ежегодных доходов населения в ценах 1987 года вырос с 13 992 долларов в год до 16366 долларов (в 1993 г.). Уровень потребляемых доходов вырос за тот же период (с учетом инфляционных сдвигов) на 2300 долларов в год. За последние 20 лет затраты американцев на покупку книг увеличились более чем в полтора раза, но и эта цифра бледнеет перед расходами американцев на аудио-и видеооборудование и персональные компьютеры - с 8,8 миллиарда долларов до более чем 70 миллиардов.

При всем том, как мы уже видели по предшествующему изложению, существует пропасть между имущими и неимущими и не исключено, что эта проблема окажется в центре внимания правительства и всего общества в целом ("Известия", 22 октября 1994 г.).

б. В стремлении к объективному изложению истории государства и права Америки, мы не могли не сказать обо всем том, что вызвало болезненную реакцию Соединенных Штатов на ту роль, которую сыграл Советский Союз в победе над гитлеровской Германией и, вне сомнений, на возникновение так называемых народных демократий на западных границах СССР, равно как и на те успехи китайской Народно-освободительной армии, где точно так же не обошлось без так называемой руки Москвы.

С тех пор минуло 50 лет. Ситуация в корне перевернулась. Нет больше так называемого социалистического лагеря, протянувшегося в свое время от финских берегов до границ Турции. Соединенным Штатам волей-неволей пришлось переменить свой курс политики, проводимый в отношении "красного Китая". Не стало и той державы, которая называлась Советским Союзом и которой более всего опасались США.

Все говорит за установление нормальных, а то и сердечных отношений между двумя величайшими государствами современности - Соединенными Штатами и Российской Республикой.

По своему экономическому потенциалу Соединенные Штаты не имеют себе равных в мире. Национальный доход страны перешагнул за пятиллионную отметку. Экономические кризисы стали в общем редкостью, а последний из них (1877 г.) был преодолен без особых усилий. И при том уже никого не смущают совместные усилия частного бизнеса, банков и правительства, для которого регулирование экономики стало со времен Франклина Рузвельта едва ли не постоянной и вполне эффективной функцией. В течение последних 15-20 лет во многом изменился общественный строй США. Этому способствовали быстрый экономический рост страны и связанные с тем глубокие структурные изменения, происшедшие в американском обществе. Ушла в прошлое легальная, то есть основанная на законах штатов, дискриминация черного и цветного населения страны, а вместе с ней медленное, но неуклонное выравнивание социального положения

черных и цветных граждан США не только в праве, но и в американском обществе, как оно есть. Давно уже не диво видеть негров в конгрессе и даже в Верховном суде США.)

По решению Верховного (конституционного) суда США было проведено уравнивание избирательных округов по численности населения (1963 г.), что способствовало ликвидации неравенства между густонаселенными и малонаселенными избирательными округами, - явление, бывшее результатом массовой миграции населения из сельских местностей в города.

Давно уже нет раздельного обучения в школах, университеты обязаны и принимать и резервировать места для черных и цветных студентов и т. д.

Особенного упоминания заслуживают фонды, предназначенные для обеспечения временной помощи безработным, многомиллиардный фонд, предназначенный на цели здравоохранения, и т. д.

В тесной связи со всем сказанным находится так называемая борьба с бедностью, ставшая делом 89-го конгресса США (1964 год) при президенте Джонсоне.

В это время, по некоторым подсчетам, в Соединенных Штатах насчитывалось что-то около 35 миллионов человек, признанных бедными и потому нуждающихся в государственной поддержке. Дело заключалось в том, чтобы, как говорил сам президент Джонсон, принять закон, предназначенный для борьбы с бедностью, имеющий целью "освободить государство от иждивенцев и превратить их в налогоплательщиков".

Как мы уже видели, "избавиться от бедных" правительству США не удалось, но, по справедливости говоря, некоторые меры правительства действовали в направлении, указанном в вышеприведенной речи президента Джонсона.

А вообще говоря, понятие "бедность" не однозначно, ибо то, что этим словом называют в Соединенных Штатах, неравнозначно с тем, что называют "бедностью" в Бразилии или Аргентине, 1 Центральной Африке, некоторых странах Азии и у нас самих (81 то самое время, как пишется этот учебник).

Б. Великобритания

1. Вторая мировая война едва закончилась, как в Англия уже началась избирательная кампания (1945 года). Она принесла внушительную победу лейбористской партии (393 депутатских

места из 640). Новое, третье по счету лейбористское правительство пришло к власти и оставалось у власти до 1951 года.

Успех лейбористов может быть объяснен революционным и демократическим подъемом, вызванным победой над Германией. Но не только этим. Важное значение имела предвыборная программа лейбористов. Помимо обычных обещаний вроде борьбы с безработицей и жилищным кризисом (так и не выполненных), она указывала на национализацию некоторых ключевых отраслей английской промышленности. Эта мера стала основным памятным знаком третьего лейбористского правления.

В результате актов национализации в руки государства перешли Английский банк, предприятия угольной, газовой и энергетической промышленности, гражданская авиация и железные дороги (1/5 всей промышленной продукции).

Возвратившись к власти, консерваторы денационализировали предприятия металлургической промышленности и грузового автомобильного транспорта.

В последующее время лейбористы вновь национализировали сталелитейную промышленность. Доля национализированных предприятий в массе промышленной продукции возросла до 25%.

Лейбористская национализация была национализацией капиталистической. Акционеры Английского банка, собственники предприятий получили щедрую компенсацию.

В угольной промышленности, например, ежегодные уплаты в порядке компенсации (плюс проценты) почти в полтора раза превысили ее среднюю годовую доходность за пять наиболее благоприятных военных лет.

Выплаты производились из государственного бюджета, то есть в значительной степени за счет рабочих-налогоплательщиков. По данным, которые приводят Харвей и Худ ("Британское государство"), выплата

процентов и компенсаций составила на транспорте 18 шиллингов в неделю на каждого рабочего, в газовой промышленности - 22 шиллинга и т. д.

Капиталистический характер национализации подчеркивается сохранением большей части старого персонала управляющих органов (под новой вывеской). Самое же важное состоит в том, что государство использует принадлежащий ему капитал, включая банки и предприятия, в интересах наилучшего регулирования капиталистической экономики, без чего становится уже невозможной само ее существование.

Экономические функции английского правительства стали настолько широкими, что одно это позволяет говорить о новой эпохе в истории государственного управления этой страны.

Современная система налогообложения (включая налоги на "излишнюю" капиталистическую прибыль), доход, который приносят государственный сектор экономики, "смешанные компании" и др., сосредоточивают в руках английского правительства значительную часть прибавочной стоимости (от 30 до 40% национального дохода), и она вновь поступает в оборот.

На долю правительственных учреждений стала приходиться почти половина всех совокупных капиталовложений в промышленность. В отдельных отраслях хозяйства государство взяло на себя функции программирования ("планирования") и регулирования.

Возрастает и качественно изменяется государственный аппарат. Появляются новые ведомства вроде министерства труда, министерства снабжения, министерства энергетики и др.; неизмеримо расширяется компетенция старых ведомств, таких, как министерство торговли или государственного казначейства. Число государственных служащих растет.

Не вдаваясь в более глубокое рассмотрение проблем капиталистической национализации, отметим лишь, что консерваторы, 1 оттеснив лейбористов (1979 г.), вновь - и на этот раз надолго - первым делом возвратили десятки национализированных предприятий в частные руки (см. далее).

2. В том, что касается конституционного права, лейбористы провели две важных реформы: одну - в 1948-м, другую - в 1949 году.

Первая из них отменила двойной вотум, давно уже ставший притчей во языцах. Вторая сократила срок действия отлагательного вето палаты лордов (реформа 1911 г.) с двух лет до одного.

На практике это означает, что лорды только однажды могут отклонить законопроект, принятый палатой общин. После того как он будет подтвержден (но так, чтобы между вторым чтением на первой сессии и третьим чтением на второй сессии прошло не менее года), вето лордов автоматически отпадает.

Первая из названных реформ должна была способствовать избирательным успехам лейбористов, но как раз на выборах 1951 года они потерпели жестокое поражение.

Сказались результаты их политики: в то время как доходы корпораций возросли вдвое, номинальная заработная плата рабочих оставалась "замороженной",

реальная упала на 20%. Проверка лояльности государственных служащих (1946 г.) была точным подобием американской; число заключенных было при лейбористах, самым высоким за предшествующие 40 лет. Вторая реформа должна была способствовать возвышению палаты общин, но действительные выгоды, с ней связанные, достались одному правительству, поскольку в его руках сосредоточились законодательная инициатива и реальный контроль над самой палатой,

Отмечая то или иное умаление роли парламента, не следует доходить до крайностей, отрицая за ним всякое значение. Недаром банки и монополии стремятся иметь в палате общин своих людей. Очевидно, что пребывание в парламенте позволяет с известным успехом, может быть даже значительным, проводить "1 отстаивать интересы "деловых кругов" и не только в вопросах законодательства. В парламенте 1966 г., несмотря на лейбористское большинство, свыше 300 депутатов (из 630) тесно связаны с банками, промышленными компаниями, коммерческим сельским хозяйством (среди этих

трехсот не менее 70 - лейбористы). В руках "консервативных" депутатов окопало 700 директорских постов в разного рЧД*] банках и фирмах.

3. Две тенденции отмечают эволюцию английского кабинет" 1 министров. Первая из них состоит в том, что при значительном расширении числа членов кабинета (до 20 человек) реальная власть, право принятия ответственных решений сосредоточиваются в руках премьера и трех-четырех ведущих деятелей кабинета.

"Остальные министры, - пишет весьма осведомленный Р. Черчилль, - не смеют даже рта открыть по какому-нибудь вопросу политики кабинета, если это не относится к их собственному ведомству, да и то с согласия премьер-министра".

Другая тенденция может показаться прямо противоположной, но в действительности это не так. Решения кабинета, как и решения министров по вопросам их компетенции, готовятся и обсуждаются комитетами, которыми по большей части руководят бизнесмены и которые состоят из бизнесменов.

Наличие узкого кабинета облегчает действия глубоко скрытого механизма, связывающего бизнес и правительство, облегчает принятие решений, помимо парламента, министров и самих ведомств, гарантирует большую секретность.

В системе комитетов бизнес действует с большой свободой. Здесь он имеет возможность оказывать такое давление, которое позволяет считать все эти комитеты частью английской правительственной системы.

К достижениям лейбористов следует отнести реформу избирательного права: его стали получать все английские граждане начиная с 18 лет (1968 г.).

4. В свое время, и даже не очень далекое (лет 60-70 тому назад), английская государственная машина существенно отличалась от континентальной, и раньше всего относительной малочисленностью учреждений и чиновничества, отсутствием обязательной воинской повинности (в мирное время), незначительностью вооруженных сил (за исключением морского флота).

Все это ушло в прошлое. В то время как новые функции по управлению хозяйством потребовали увеличения соответствующих звеньев аппарата в 6 раз (в 1954 году по сравнению с 1914 годом), ведомства оборонные, юстиции, полиции и иностранных дел увеличили состав служащих в 8 раз, а собственно военная администрация - в 13 раз.

5. Вторая мировая война способствовала дальнейшему обособлению доминионов Британского содружества.

Предвидя это, Черчилль в 1944 году предложил доминионам создать "постоянный комитет Британской империи" в составе "имперского штаба" и "имперского секретариата". Однако сопротивление Канады, действовавшей по наущению США, привело к отклонению этого плана.

В 1949 году оставляет Британское содружество наций Ирландия. В том же году Англия и доминионы условились обмениваться послами (до того взаимное представительство осуществлялось комиссарами). Устанавливалось двойное гражданство - общebritанское и доминиона.

По мере распада империи (см. ниже) доминионов становилось больше, Британское содружество наций пришлось переименовать

в "Содружество наций", однако связи доминионов с метрополией и между ними самими не стали ни прочнее, ни "дружественнее". Слово "доминион" потеряло свой прежний смысл и вышло из употребления.

Уже с 1951 году, на имперской конференции, доминионы вышли из-под контроля Англии и резко разошлись между собой (в частности, по вопросу о признании Китая). С тех пор не было имперской конференции, которая не обнаружила бы той же картины. Трудно сказать, кто на кого давит сильнее: Англия на доминионы или доминионы на Англию.

6. Своего рода эпоху в политической истории Англии составило правительство Маргарет Тетчер - лидера консерваторов. Убеденный сторонник "свободного предпринимательства", М. Тетчер, победив на выборах 1979 года, без колебаний урезала ассигнования на здравоохранение,

образование и социальные нужды (на 1 млрд. фунтов). Поначалу прекратила субсидирование национализированных лейбористами предприятий, а затем перешла к политике денационализации, чем практически аннулировалась политическая акция лейбористов. После десятилетнего правления М. Тетчер вознамерилась ввести в Англии прямой налог, вызвавший многочисленные акции протеста. Консерваторы остались у власти, но Тетчер должна была уйти в отставку. Ее место занял Мейджор.

В связи со всем этим нелишне заметить нижеследующее. Еще в начале нашего века президентами, премьерами и министрами становились по преимуществу выходцы из аристократии и буржуазии. О том, как много изменилось и в этом отношении, свидетельствует уже пример М. Тетчер, вышедшей из бакалейной лавки своего отца (что не помешало ей получить блестящее образование в экономике и праве). Сменивший ее консерватор Мейджор начал свою трудовую жизнь рабочим на железной дороге. Так же как и нынешний германский канцлер Г. Колль.

Недавним президентом Соединенных Штатов был, как известно, Р. Рейган, начавший свою карьеру с лодочной станции, где он был простым спасателем. Этот список, в особенности если в него включить еще министров, дипломатов, генералов и пр., можно продолжить до бесконечности.

Вместе с тем наблюдается процесс демократизации государственной службы вообще, для которой главным критерием отбора становятся не столько происхождение, сколько личные способности кандидата и, конечно, соответствующее образование. Все это немаловажно для понимания процессов, происходящих в современном мире.

В. Франция

1. Вторжение гитлеровских армий во Францию и капитуляция ее правителей породили ситуацию, благодаря которой французский Национальный комитет в Лондоне (1941 г.) сделался официальным французским правительством, признанным союзными державами (в том числе Советским Союзом). Во главе Комитета стал генерал де Голль.

Мало кому известный до этого времени, де Голль вылетел в Лондон тотчас по прекращении французского сопротивления наступающим немецким войскам. Чин генерала и должность заместителя военного министра он получил незадолго до этого момента. Вскоре по прибытии в Лондон, 18 июня 1940 года, де Голль обратился по радио к французам, призывая их установить с ним связь в интересах борьбы за освобождение родины. Созданное де Голлем движение получило название "Свободная Франция". В 1942 году оно было переименовано и стало называться "Сражающаяся Франция": в этот момент под командованием де Голля находилось около 70 тыс. солдат и офицеров, сосредоточенных в Англии; ему удалось привлечь на свою сторону часть французской колониальной администрации.

На территории самой оккупированной Франции ядром Сопротивления была Коммунистическая партия. Благодаря ей создается Национальный фронт, объединивший патриотические силы; благодаря ей возникают первые военные отряды, выросшие в настоящую партизанскую армию.

Речь идет о той самой партии, которую в 1939 году, воспользовавшись войной, объявили запрещенной и распущенной, деятелей которой стали судить как "изменников", заточать в лагеря смерти, лишать депутатских мандатов.

Разрозненные группы католической "Гражданской и военной организации", всецело уповавшие на вторжение союзников, боявшиеся пропустить время для возвращения к власти, не идут ни в какое сравнение с той военной организацией, которую создали коммунисты.

В 1944 году генерал де Голль предложил силам внутреннего сопротивления, включая коммунистов, направить своих представителей в Национальный комитет. После того как это предложение было принято и реализовано, Комитет был преобразован во Временное правительство Французской республики. Впервые за всю свою историю коммунисты оказались в составе буржуазного правительства.

Соглашаясь войти в состав Временного правительства, представители Сопротивления (объединенные с 1943 г. в Национальном совете

сопротивления) предложили генералу де Голлю осуществление демократической программы действий: чистку государственного аппарата от изменников и их наказание по суду; национализацию ключевых позиций французской промышленности; привлечение сил Сопротивления к управлению страной. Эта программа была принята де Голлем.

Вместе с тем его администрация сделала все возможное для того, чтобы помешать революционному крылу Сопротивления осуществить ее до конца: по мере освобождения Франции демократические партизанские части вливались в регулярные войска, "Патриотическая гвардия" Парижа, освободившая столицу еще до того, как в нее вступили союзные войска, была разоружена (не без помощи американцев), патриотические комитеты Сопротивления, действовавшие в качестве органов власти на оккупированных территориях, были распущены.

Вскоре после открытия второго фронта Временное правительство смогло переехать в освобожденный Париж. На очередь дня наряду с другими вопросами встал вопрос о будущем государственном строе.

Мнение Франции было выяснено с помощью референдума, состоявшегося в октябре 1945 года. 18 млн. человек (из 19 млн., участвовавших в голосовании) высказалось за созыв Учредительного собрания и новую конституцию.

2. Выборы в Учредительное собрание принесли огромный успех Французской коммунистической партии. Она получила около 5 млн. голосов и соответственно с этим 150 мандатов.

Партия имела за собой в то время поддержку подавляющего большинства французского рабочего класса. Коммунистам были доверены 3/4 руководящих постов в самом значительном профсоюзном объединении страны - Всеобщей конфедерации труда.

На втором месте (по числу голосовавших за нее) оказалась "новая" партия, принявшая название Народно-республиканского движения - МРП. Основу партии составили бывшие христианские социалисты, ее опорой являлись монополии и банки, а наиболее рьяными агитаторами - деревенские священники, действовавшие по указке Ватикана. За МРП было подано более 4,5 млн. голосов.

На третьем месте - и это было и для них значительным достижением - оказались социалисты: 4,5 млн. голосов.

Крайне правым элементам, несмотря на все реорганизации, не удалось создать массовой партии. Бывшие некогда в большинстве, они должны были удовольствоваться сравнительно небольшой фракцией (около 80 человек). Столь м плачевным было положение радикалов, лидеры которых были ответственны за поражение Франции.

Коммунисты и социалисты располагали прочным большинством в Учредительном собрании и могли бы составить правительство. Но социалисты отказались от единого фронта с коммунистами, предпочитая блокирование с МРП.

Кабинет министров состоял из 6 сторонников генерала де Голля (премьер-министра), 5 членов МРП, 5 социалистов и 5 коммунистов. Министерства экономики, труда, промышленного производства оказались в руках министров-коммунистов.

Наперекор тому, что стремились доказывать правые, коммунисты Франции пришли в правительство не для того только, чтобы критиковать его действия. Возглавив соответствующие министерства, они занялись положительной, конструктивной деятельностью. Они возглавили "битву за производство", которая позволила в сравнительно короткий срок уменьшить экономические бедствия и приблизиться к довоенному уровню производства'.

3. Проект новой французской конституции выработывался всеми тремя партиями правительственной коалиции. Было много такого, против чего в тот момент не возражал никто, по крайней мере на словах: республиканский строй, светское образование, национализация некоторых ключевых отраслей промышленности, демократические свободы и т. д.

В свое время, в 1879 году, инструктируя социал-демократических депутатов германского рейхстага, Ф. Энгельс призывал их не ограничиваться "чистым отрицанием". Все те вопросы, которые непосредственно затрагивали

интересы рабочего, взаимоотношения между рабочим и капиталистом, - фабричное законодательство, ответственность предпринимателей, нормальный рабочий день и т.п. - должны были стать предметом активной борьбы, борьбы за улучшение участи рабочего. Затем, писал Энгельс, идут чисто буржуазные реформы прогрессивного характера, которые надо отстаивать: свобода передвижения, расширение личной свободы и пр. Новые условия намного расширили объем требований рабочего класса, но принцип, указанный Ф. Энгельсом, оставался в силе (см.: К. Маркс И Ф. Энгельс. Соч. Т. 34.-С. 336).

Основные противоречия, выявлявшие различия политических ориентаций, определились, строго говоря, по двум главным вопросам: быть ли парламенту двухпалатным или однопалатным; быть ли президентской власти действительно сильной?

За однопалатный парламент и ответственное перед ним правительство выступали коммунисты (и одно время социалисты), так же как именно коммунисты, помня уроки истории, были против предоставления президенту широких/полномочий.

По проекту, который отстаивали генерал де Голль и его сторонники, вторая палата должна была избираться не населением, не избирателями, а только "экономическими организациями" (то есть трестами и банками), муниципальными органами (то есть чиновниками) и "интеллектуальными" обществами (то есть верхами буржуазной интеллигенции). Требования расширения президентской власти, исходившие от правых групп Собрания, преследовали одну главную цель: создать власть, могущую при необходимости устранить демократические учреждения и учредить диктатуру. Вряд ли это последнее относится к де Голлю.

Составленный в духе предложений компартии проект конституции был отклонен на референдуме голосами 10 миллионов против 9 миллионов.

Второй проект, сохранив демократические институты первого, отмечен печатью компромисса, неизбежного в условиях коалиции партий.

Создавалась вторая палата, но с очень ограниченной компетенцией; усиливалась власть президента республики, но не настолько, чтобы угрожать существованию последней.

В октябре 1946 года проект конституции сделался законом, Франция - IV республикой.

4. Конституция 1946 года открывается Декларацией прав человека и гражданина 1789 года. Старинный текст Декларации был дополнен принципами, рожденными в борьбе рабочего класса и либеральной буржуазии: право на организацию профсоюзов и на забастовку; равноправие женщин; запрещение дискриминации по мотивам национальности, вероисповедания или политических убеждений; право государства ограничивать частные монополистические союзы; бесплатное светское образование.

Избирательный закон вводил во Франции пропорциональное представительство.

Соответственно с тем каждый департамент (за исключением семи самых населенных) составлял единый избирательный округ: депутатские места, приходящиеся на данный округ, делились между партиями пропорционально количеству полученных голосов. При этой системе отражение действительно существующей "избирательной" ситуации оказывалось наиболее точным.

Законодательная власть сосредоточивалась в руках Национального собрания. Оно избиралось на 5 лет. Вторая палата, названная Советом республики, имела право рекомендовать поправки к тексту одобренного Национальным собранием законопроекта. Для этого Совету республики давался двухмесячный срок - сравнительно небольшой. Национальное собрание могло не посчитаться с рекомендацией Совета, после чего законопроект считался принятым.

Правительство республики было ответственно только перед Национальным собранием: оно выходило в отставку как в случаях выражения недоверия (резолюции порицания правительственной политики, принятой большинством голосов Собрания), так и при провале представленного им законопроекта.

Многопартийность и связанная с этим неустойчивость правительства вынудили составителей конституции на меру, которая должна была дисциплинировать Собрание. После двух вотумов недоверия, повлекших за собой падение правительства (на протяжении 18 месяцев) Совет министров был вправе просить президента о роспуске Собрания и назначении новых выборов.

Предписывалось, чтобы на период проведения избирательной кампании правительство республики составлялось из представителей всех партий Собрания. Председатель последнего становился его главой.

Это правило было очень важным: буржуазная политическая история со всей очевидностью свидетельствует о том, что в руках той партии, которая держит в своих руках правительственную власть, находятся многие дополнительные шансы победить на выборах (подкуп, давление и т.п.).

Принципиальное значение имела организация высшей судебной власти в государстве. Правые партии желали видеть судебную власть независимой не только от правительства, но и от Национального собрания. Они хотели придать ей значение высшего арбитра в вопросах права и порядка. В противовес этому конституция учреждала Высший совет магистратуры, состоящий из президента республики, министра юстиции, шести членов, избираемых Национальным собранием, четырех представителей судебного ведомства и некоторых других. Суды Франции подчинялись ему.

В том, что касается местного управления, конституция сохраняла традиционную, но едва ли демократическую систему, при которой полнота власти в департаментах оставалась в руках правительственных чиновников - префектов.

Управление колониальной империей не претерпело серьезных изменений.

Провозглашение "равенства" частей империи и их объединение в некий Французский союз, возглавляемый Верховным советом (совещательный орган), ничего не меняло.

5. Принятие конституции, ее введение в действие, восстановление социального законодательства времен Народного фронта, были своего рода предельным пунктом, далее которого французская буржуазия идти не желала. Она уже требовала "спуска"

и лихорадочно выискивала предлог для атаки на компартию: первым и самым важным требованием буржуазии было удаление коммунистов из правительства.

В мае 1947 года эта цель была достигнута. По предложению социалиста-премьера (Рамадье) социалист-президент (Ориоль) издал декрет об исключении коммунистов-министров из правительства.

Предлогом послужил нигде не зафиксированный "принцип" министерской солидарности. Дело было так. Рабочие национализированных заводов Рено забастовали, требуя повышения зарплаты (в условиях роста цен Коммунисты приняли их сторону, и это было естественно. Рамадье и социалисты, равно как и министры от буржуазных партий, воспротивились требованиям рабочих. Создалась ситуация, при которой политики, не очень-то связывающие себя моральными принципами, получили возможность поставить коммунистов перед выбором: или принять сторону большинства министров и тем самым предать рабочих "Рено", или оставаться с рабочими, но разорвать с правительством. Компартия осталась с рабочими. Парламентская фракция компартии голосовала против правительства Рамадье, когда последний связал вопрос о "Рено" с вопросом о доверии.

Удаление коммунистов-министров способствовало сплочению антикоммунистического фронта буржуазных партий, для которого пересмотр конституции был едва ли не главным программным пунктом.

В течение последующих лет были проведены следующие меры: пропорциональная система выборов в парламент и местные органы самоуправления заменена мажоритарной; усилена консервативная роль Совета республики; отменено правило, согласно которому на время выборов правительство составляется из представителей всех партий, представленных в парламенте; облегчался роспуск парламента на каникулы; упрощался порядок формирования правительства (достаточно было простого большинства присутствующих депутатов парламента).

В нарушение конституционного принципа свободы забастовок был принят закон 1947 года "О защите республики и свободы труда", позволявший при известных условиях, не столь трудно констатируемых, бросать в тюрьму профсоюзных активистов, членов стачечных комитетов и пикетчиков.

Всем этим был подготовлен новый союз правительства и монополий. Представители последних были с почетом приглашены в правительственные органы, ведающие национализированными предприятиями, финансами, экономическим планированием. В свою очередь правительственные администраторы стали толпами переходить на работу в частные фирмы.

Подобного рода перемещения - туда и обратно - стали такими обычными, что приобрели специальное название - "пантуфляж", что означает в переводе "перемена туфель".

6. В мае 1958 года части французской армии, занятые подавлением национально-освободительного движения в Алжире, совершили военный переворот. Противники конституции 1946 года пришли в движение. До того они ограничивались ее искажением, теперь настала пора для ее отмены. Большинство Национального собрания вручило власть генералу де Голлю.

Но де Голль не желал конституции 1946 года. Он потребовал новой конституции и дал понять, какой она должна быть. По этому образцу в течение трех недель был разработан проект, который в сентябре 1958 года вынесенный на референдум и утвержденный, последним.

Победа де Голля была обусловлена многими причинами. Здесь и страх перед гражданской войной, которую он брался отвратить. Здесь и глубокое недовольство всем прежним курсом политики буржуазных партий. Здесь и дискредитация государственных институтов, созданных прежней конституцией (и раньше всего парламента), вследствие их намеренного извращения правительственными партиями.

В данном случае важное значение приобретает личность самого де Голля, о котором говорили, что он обладает качествами благородного дворянина XVI век. Уйдя на пенсию (см. ниже), де Голль отказался и от генеральской и от президентской пенсий, живя на гонорары, которые получил за свои военные мемуары. Однажды поутру, обнаружив пропажу египетской статуэтки, которую очень любил де Голль спросил у жены: "Мадам, Вы не знаете где..." - Я ее продала, - ответила жена. - Разве Вы не знали, как она мне дорога?

- Шарль, - ответила жена, - а Вы знаете, на какие средства мы живем?

7. Новая французская конституция сосредоточила власть в руках одного человека. Она лишила парламент Франции всякого значения. Во всех областях государственной жизни авторитарное руководство ("режим личной власти") подменило демократический контроль.

Избрание президента республики производилось в два этапа: сначала избирали коллегию выборщиков; последние избирали президента. Этот порядок, одобренный в 1958 году самим де Голлем, перестал устраивать его в 1962 году.

Новой реформой избрание президента Франции было предоставлено референдуму.

Стремясь провести эту реформу, де Голль дал понять, что уйдет в отставку, если его предложение не будет принято. Когда реформа была проведена, де Голль следующим образом объяснил ее значение: необходимо, чтобы Францию "возглавляла постоянная власть, которая была бы в состоянии управлять судьбой страны и в случае надобности немедленно принимать - а вы знаете, что это понадобится, - решения огромной важности".

Характеризуя политический режим, созданный конституцией 1958 года (так называемой V республики), можно отметить: а) бессилие парламента перед президентом (последний в любое время вправе распустить его, он не ответствен ни перед ним, ни перед избравшим его народом); б) сосредоточение всей правительственной власти в руках президента (де Голль председательствовал на заседаниях совета министров, хотя имелся премьер, назначал министров и смещал их по своей воле, принимал решения независимо от того, согласны с ним министры или не согласны); в) зависимость судов от правительства и чиновников (правительство создает по своей воле

чрезвычайные суды, назначает на судебные должности); г) несправедливость избирательной системы, прямо и недвусмысленно благоприятствующей правительственным партиям и мешающей оппозиции (на выборах 1962 года, например, правительственная партия ЮНР получила всего на 300 тыс. голосов больше, чем компартия, но в 20 раз больше депутатских мест).

В апреле 1969 г. состоялся референдум, с которым де Голль связал свое пребывание у власти. Французский народ высказался против предложений президента о реорганизации сената и новой административно-территориальной реформе. Де Голль демонстративно ушел в отставку. И вскоре умер.

Г. Федеративная Республика Германии

1. Вынудив гитлеровскую армию к капитуляции, союзники оказались перед необходимостью выработать общую политику в отношении Германии. В немецком городе Потсдаме собралась конференция глав правительств СССР, США и Англии.

Союзники согласились установить в Германии временный оккупационный режим, для чего территория ее была разделена на четыре зоны: советскую на востоке, американскую, английскую и французскую на западе.

Было решено распустить германские вооруженные силы и ликвидировать генеральный штаб армии; арестовать и предать суду военных преступников; уничтожить монополистические союзы капиталистов – опоры гитлеровского режима; произвести чистку немецкого государственного аппарата от военных преступников (денацификация); ликвидировать военно-промышленный потенциал Германии, сделать так, чтобы она никогда больше не могла производить оружие.

Восстанавливалось действие демократических институтов: местного самоуправления, свободы союзов, слова, печати, собраний.

2. Управление Германией сосредоточилось в Союзном контрольном совете, составленном из представителей всех оккупирующих держав. Но так продолжалось недолго. В декабре 1946 г. создается сепаратное управление двумя западными зонами – американской и английской, а затем всеми тремя.

Логическим следствием стало провозглашение отдельного западногерманского государства и раскол Германии на две части. В 1949 году западные зоны оккупации Германии, так называемая Федеративная Республика Германии, получили конституцию, обычно именуемую боннской (по названию новой столицы ФРГ г. Бонна).

Конституция построена на началах федерализма: федерация в целом и каждая земля в отдельности "самостоятельны в своем бюджете и независимы друг от друга". Каждая из земель имеет свой ландтаг (парламент) и свое правительство. Считается, что интересы земель представлены в верхней палате общегерманского парламента – бундесрате (союзном совете): он состоит из уполномоченных, назначенных правительствами земель.

Нижняя палата, бундестаг, избирается на четыре года по системе, сочетающей в себе элементы пропорционального и мажоритарного голосования: половина депутатов избирается на основе мажоритарного голосования (достаточно относительного большинства, как в Англии), половина – на основе партийных списков – по принципу пропорционального голосования.

Партия, собравшая менее 5% голосов, лишается всякого представительства.

В отношениях между палатами – преобладание на стороне бундестага. Но для того, чтобы отвергнуть вето верхней палаты, требуется квалифицированное (1) большинство нижней.

Главой государства является президент, однако фактическая власть его невелика.

Как и повсюду в буржуазных странах, в ФРГ именно правительство (и никакой другой орган) сосредоточило в своих руках всю основную власть. Органом, призванным сдерживать как центральное, так и местное правительство, – по американскому примеру – является Конституционный суд ФРГ.

Ему дано право толковать конституцию и разрешать споры (об объеме и пределах компетенции), могущие возникнуть в отношениях между федерацией и землями.

3. Благоприятная конъюнктура позволила западногерманской промышленности намного превзойти довоенный уровень, а ФРГ - занять второе-третье место в мировом капиталистическом производстве, мировой торговле, международных валютных и кредитных операциях. Западногерманские концерны, объявленные было ликвидированными, сделались еще более мощными, чем это было до войны.

Возрождению германской экономики много способствовала продуманная и просчитанная экономическая политика, проводившаяся канцлером послевоенной Западной Германии Аденауэром и его многоумным министром экономики Экхардом. Западной Германии пришлось претерпеть значительные трудности - в некоторой мере сравнимые с теперешними нашими, - но в конце концов она и возродила и преумножила свой экономический потенциал. В 1990 году валовой национальный продукт ФРГ достиг 870 млн. долларов, обогнав Англию, Францию, Италию.

Уже в 1965 году ФРГ производила промышленной продукции больше, чем Франция и Италия, вместе взятые. Западногерманские монополии по своей мощи уступают только американским. В Европе у них почти не существует "достойных" конкурентов.

12 крупнейших монополий и 3 банка (в том числе концерны Круппа, Тиссена, Флика и др.) сосредоточили в своих руках контроль над 4/5 всех западногерманских акционерных компаний.

Денацификация, проведенная по большей части формально, оставила в государственном аппарате ФРГ сотни тысяч гитлеровских чиновников и судей.

Что касается гитлеровских судей, не менее 35-50 из них (по-разному в разных зонах Западной Германии) оставались на работе в ведомствах юстиции. Гитлеровские генералы, за редким исключением, надели мундиры бундесвера. Чиновники гитлеровского министерства иностранных дел захватили все сколько-нибудь важные места в своем прежнем ведомстве.

Особенной пикантностью отличался один из многих скандалов, когда выяснилось, что руководитель центрального ведомства по выявлению нацистских преступлений обер-прокурор Шюле еще в 1933 году вступил в СА, был "штурмовиком" и членом нацистской партии.

Генеральным прокурором ФРГ был одно время некто Френкель, бывший гитлеровский государственный прокурор в Лейпциге, активный нацист и т. д.

Несмотря на формальное запрещение гитлеровской партии и всех других организаций нацизма, в ФРГ возродились разного рода союзы, уже не скрывающие свою связь с гитлеризмом и свою приверженность его "идеалам". Так же как и у нас самих.

Укажем, например, на "Федеральный союз бывших служащих войск СС", долгое время скрывавшийся под лживым названием "Сообщества взаимопомощи".

Насчитывается 1200 разного рода фашистских, милитаристских и "переселенческих" союзов, объединяющих сотни тысяч человек.

Свое наиболее откровенное воплощение неонацизм нашел в так называемой Национал-демократической партии, составившейся из бывших гитлеровцев и ими же руководимой. В 1964 году в ней состояло 700 человек, в 1965 - уже 10 тыс., в 1967 - более 30 тыс. Преодолев пятипроцентный барьер (см. выше), НДП провела своих депутатов в ландтаги шесть земель из десяти. В 1969 году она намеревалась основать крупную фракцию в федеральном парламенте, но просчиталась.

4. Политическое руководство страной осуществлялось ведущей буржуазной партией - Христианско-демократическим союзом, много лет выступавшим в коалиции с так называемой свободно-демократической партией. И в той и в другой партии Доминирует крупный капитал.

Социал-демократы, многие годы находившиеся в оппозиции правящим партиям, были одно время партнерами ХДС, занимая ответственные посты в правительстве. Не менее 500 ответственных функционеров СДПГ заняли руководящие посты в 1300 концернах и банках. То был знаменательный факт в истории социалистического движения вообще.

Наконец в результате выборов 1969 года социал-демократическая партия (в коалиции с СвДП) образовала правительство, а лидер партии стал его главой.

Сравните вышесказанное со временем Отто Бисмарка, и вы, увидите, что борьба германской социал-демократии за участие рабочего класса в правительстве и за осуществление кардинальных социальных реформ нашла свое воплощение и в ФРГ.

Победа социал-демократии на выборах 1969 г. ознаменовала собой важный этап в политической жизни ФРГ. В осуществлении нового курса ФРГ во внешней политике правительство премьера В. Брандта пошло на заключение весьма важных договоров с СССР и Польшей: договоры эти имели целью нормализацию внешнеполитических связей между Советским Союзом и Западной Германией, достижение общей разрядки в международных отношениях и т. д. Одновременно с тем были много улучшены отношения между Западной Германией и Польшей, урегулированы отношения с тогда еще существовавшей Восточной Германией (Германской Демократической Республикой) и т. д. В ноябре 1972 года социал-демократы одержали новую победу на выборах в парламент, оттеснив христианских демократов, и таким образом было доказано, что на нынешнем этапе истории социал-демократическое движение, взятое в целом (то есть не только партия, но многие другие социалистические союзы, на нее ориентирующиеся), представляет собой силу, способную надежно защитить политические и социальные достижения рабочего класса и всех трудящихся. В новой обстановке, имея свой надежный электорат (состав избирателей), буржуазные партии делают все возможное, чтобы конкурировать с социал-демократией в борьбе за массового избирателя, ибо именно с этим связана победа на выборах, а значит, и пребывание у власти.

Как это стало обычным в парламентской практике, сколько-нибудь длительное пребывание одной и той же партии (коалиции партий) у власти (более 10-15 лет) вряд ли возможно. На это указывают и опыт Англии и опыт Соединенных Штатов, где республиканцы и демократы поочередно стоят у власти, хотя никто не может предсказать, как долго она продлится.

Так и в Западной Германии. Осенью 1982 года завершилось 13-летнее сотрудничество социал-демократов с буржуазной либеральной партией. Последняя решила - что было шоковым явлением - прекратить свое сотрудничество с социал-демократами и перевести свою фракцию в парламенте на сторону христианских демократов, что повлекло за собой очевидное следствие - переход власти в руки новой коалиции.

В самое недавнее время мы были свидетелями упорной борьбы за парламентское большинство между социал-демократами и Христианскими демократами (1994 г.). Последние вновь (как и в 1983 г.) победили, но с перевесом в 10 депутатов, что сильно осложняет деятельность правительства Г. Колля и грозит новыми выборами. Таковы законы парламентской демократии.

Д. Италия

1. Ближайший союзник гитлеровской Германии, фашистская Италия первой среди держав "оси" вышла из войны. Про-ИЗОЦІЛО это вскоре после катастрофических поражений Германии на советском фронте в районе Сталинграда и на Дону. Высадка союзников в Сицилии вынудила Муссолини потребовать срочной помощи Германии, но Гитлер уже не мог ее оказать.

Большой фашистский совет, созванный в июле 1943 года, принял решение о переходе верховного командования в руки короля. Вслед за тем главарь итальянского фашизма "шакал Муссолини" был арестован.

Долго сдерживаемая террором революционная энергия масс получила желанный выход. По всей Италии прокатилась волна демонстраций и забастовок. Народ освобождал политических заключенных из тюрем. Под его давлением правительство маршала Бадольо, пришедшее на смену Муссолини, распустило фашистскую партию и примыкавшие к ней организации, включая фашистские профсоюзы. Демократические партии, в том числе коммунистическая, были легализованы.

Не помогли ни полицейские расправы, ни осадное положение. Массы громили фашизм по всей стране. Заслуженную смерть от руки народа нашел убийца социалиста Матеотти фашист Думини.

В сентябре 1943 года Италия подписала условия безоговорочной капитуляции и в соответствии с этим передавала свой воздушный и военно-морской флоты в распоряжение союзников.

Но капитуляция не принесла еще Италии прекращения войны. Большая часть страны, ее промышленный Север, ее столица Рим оставались оккупированными Германией. Освобожденный немцами Муссолини возглавил марионеточное правительство.

2. Чтобы успешнее возглавить сражавшийся против немцев народ, дать ему более широкую организацию, привлечь колеблющихся, Коммунистическая партия Италии объединяется в едином фронте с пятью другими антифашистскими партиями и группами, среди которых отметим христианско-демократическую

и социалистическую.

Первая из них впоследствии возглавила правительство и до сих пор является одной из господствующих буржуазных партий. Ее социальная опора – крупный капитал, крестьянство, католические организации.

Объединившиеся партии создали Комитет национального освобождения. После того как король и Бадольо, спасаясь от немцев, бежали на юг страны, Комитет преобразовал себя в орган власти. По всей стране стали действовать партизанские отряды, сведенные в ударные бригады имени Гарибальди, а затем и дивизии. Развернулась народная война.

По образцу Центрального комитета национального освобождения (в Риме) был создан Миланский центр освобождения для Северной Италии, а вслед за тем областные и провинциальные центры.

Партизанская борьба достигла кульминации в дни всеобщего народного восстания против гитлеровцев (апрель 1944 г.), завершившегося триумфальной победой.

18 апреля 1945 года партизанский отряд задержал в местечке Донго колонну беглецов, пытавшихся пробраться в Швейцарию. Среди них был и Муссолини, одевшийся немецким солдатом. На следующий день Муссолини был повешен.

3. Коммунистическая партия Италии не намеревалась в тот период "сочетать освободительную войну с революционной борьбой за социализм"*.

Партия учитывала раньше всего тот факт, что обострение политической ситуации вызвало бы продолжение оккупации страны американской и английской армиями и их несомненное вмешательство на стороне реакции (как то было в Греции). Партия не хотела в тот период гражданской войны, ибо она могла привести к катастрофе.

ИКП заявляла, что добивается демократической республики, способной осуществить социальные и иные реформы строго демократическими способами, то есть на основе уважения свободно выраженной воли большинства.

Держась такой тактики, компартия вошла в буржуазное правительство Бадольо (апрель 1944 г.), а затем (после взятия Рима в июне 1944 г.) в правительство Бономи.

Компартия была инициатором созыва Учредительного собрания, полномочного выработать новую конституцию.

Выборы в Учредительное собрание были проведены в один день с референдумом. Народ Италии призывался ответить на вопрос: "Хотите ли вы установления республики?"

Избирательный закон вводил в Италии всеобщее (мужское и женское) избирательное право, прямые и тайные выборы, пропорциональное представительство.

Надеясь на голоса подконтрольного духовенству массы крестьянства и некоторых других отсталых избирателей, христианские демократы предложили обязательность голосования (под страхом наказания). Коммунисты были против этого. Сошлись на компромиссе: обязательность голосования была признана, но наказание ограничивалось моральным порицанием.

В результате голосования монархия /была свергнута (большинством в два млн. голосов). Первые три фракции Учредительного собрания (по числу депутатов) составили демохристиане, социалисты и коммунисты.

4. Новая республиканская конституция Италии (1948 г.) воплотила основные требования демократии, как они были сформулированы на выборах в Учредительное собрание: свободу слова, союзов, совести, культа, печати;

провозглашались право на труд, на отдых, на социальное обеспечение, на образование. Указывалось на принцип равноправия граждан.

Под давлением компартии и социалистов конституция Италии наметила, хотя и осторожно, "новую социальную концепцию собственности". Одна из статей конституции (42) позволяет устанавливать правительственный контроль над частной хозяйственной деятельностью, другая предусматривает возможность экспроприации частной собственности и ее превращения в государственную собственность (с правом на возмещение). Ст. 44 позволяет устанавливать максимальный предел землевладения, ст. 45 говорит о поощрении кооперативных форм собственности, 46 - о праве трудящихся участвовать в управлении предприятиями.

Что касается организации государственной власти, итальянская конституция стоит позади французской (1946 г.). Две палаты - депутатов и сенат, - формируемые в общем одинаковым способом, получили равные функции в законодательной сфере и обладают одинаковым правом контроля над правительством.

Вотум недоверия, выраженный в сенате, обязывает правительство к отставке, как если бы он был заявлен в палате депутатов.

Избираемый на 7 лет, президент обладает значительными полномочиями, включая право роспуска палат, отлагательного вето на законопроект парламента, назначения премьер-министра, командования вооруженными силами.

5. Утверждение конституции 1948 года было, конечно, важным успехом демократии.

Но демократическая конституция и демократическое правление - далеко не одно и то же. Осуществление социальных реформ, предусмотренных итальянской конституцией, оказалось невозможным, как только прекратил свое существование союз тех сил, которые ее создали, и пока не создалось новой подлинно демократической коалиции.

Переход итальянской реакции в наступление, разрыв созданной в борьбе с фашизмом коалиции привели к удалению коммунистов из правительства (май 1947 года), расколу пролетарского профсоюзного единства, ущемлению социальных завоеваний. Остались на бумаге декларации насчет возможных перемен в отношении собственности. Никогда раньше итальянские монополистические союзы не оказывали такого влияния на политику.

6. Что касается экономики, Италия - высокоразвитая индустриально-аграрная держава. Она занимает 6-е место в капиталистическом мире, играет немаловажную роль в мировой политике. Экономический кризис 1974-1975 годов был преодолен Италией уже в 1976 году, когда рост промышленного производства возрос более чем на 12% (!).

Значительную роль в экономике страны во все послевоенное время играл государственный сектор (20% всех капиталовложений страны).

Б. Япония

1. Участвуя во второй мировой войне на стороне Германии, Япония ставила своей целью создание "великой империи", в состав которой она включила Китай, Индо-Китай, Таиланд, Бирму, Малайю, Индонезию с тем, чтобы создать так называемую Великую Восточно-Азиатскую сферу сопроцветания. Однако военные планы Японии на Тихом океане были блокированы США, а в том, что касается Китая, рухнули после разгрома ее Квантунской армии частями Советской Армии в Манчжурии. Наконец, в августе 1945 года американцы сбросили атомные бомбы на японские города - Хиросиму и Нагаски. Война была проиграна.

По прекращении военных действий на территорию Японии высадились американские войска. Верховная власть сосредоточилась в руках американского генерала Макартура.

Программа действий оккупационных властей была определена Потсдамской декларацией союзников. Она обязывала к устранению властей, ответственных за войну, и всех препятствий на пути демократического развития вообще.

По условиям капитуляции Япония теряла все когда-либо захваченные территории, включая Сахалин и Курильские острова.

Заявив о принятии Потсдамской декларации, японское правительство просило только об одном: "никаких требований, подрывающих прерогативы его величеств* как суверенного правителя".

При покровительстве оккупационных властей возродились старые буржуазные партии Японии, принявшие только новые названия. Сейюкай стала в духе времени "либеральной партией", минсейто - "прогрессивной".

Первые послевоенные выборы состоялись весной 1946 г. Избирательный закон предоставлял право голоса женщинам, но зато сохранял почти все старые цензы (имущественный, оседлости и др.). Выборы принесли победу буржуазным партиям. "Либералы" составили правительство,

Вышедшая из подполья (впервые за все годы существования) компартия завоевала всего 5 мест в парламенте, социалисты - 93.

2. Юристы штаба американского генерала Макартура выработали проект новой японской конституции. Новый японский парламент утвердил ее.

Конституция вступила в действие в 1947 году. Япония оставалась монархией, однако права императора были ограничены. Японская монархия сделалась конституционной.

Соответственно с этим были ликвидированы Тайный совет, министерство императорского двора и прочие органы самовластия. Назначение премьер-министра осталось за императором, но с согласия парламента.

Парламент по-прежнему состоит из двух палат. Решающее значение в вопросах законодательства конституция предоставила нижней из них. Занявшая место пэров палата советников избирается населением (а не назначается императором). Права ее ограничены, однако они вполне достаточны для того, чтобы помешать прохождению законопроекта, вызвавшего недовольство народа и критику прессы.

При отклонении законопроекта в верхней палате требовалось, чтобы он был подтвержден квалифицированным большинством в нижней. Без него законопроект отклонялся. Между тем японский парламент - многопартийный, и потому составить такое большинство - дело трудное.

Отношения между правительством и парламентом строились по известным "западным" образцам: правительство должно иметь доверие палаты, а в противном случае выходить в отставку (или назначить новые выборы) и пр.

По американскому образцу Верховный суд Японии был наделен правом толкования конституции.

Известным достижением конституции было введение элементов выборного местного самоуправления, всеобщего избирательного права, признание - пусть вполне формальное - суверенной власти народа.

Из-за этого император Японии должен был публично отречься от приписываемого ему божественного происхождения. Япония была оповещена, что солнце и император не состоят и не состояли в родстве, как это признавалось ранее. Формальное признание получили свобода слова и печати, свобода организаций, право рабочих заключать коллективные договоры и бастовать.

3. Важное значение приобрела аграрная реформа, которой так долго добивались крестьяне. Она обязала помещиков продать государству часть необрабатываемой земли и излишки земель, превышающие установленный минимум. Крестьяне наделялись землей за плату. Были установлены пределы для арендной платы. Полуфеодальное японское землевладение было ликвидировано.

Важное значение приобрел инспирированный тем же генералом Макаруром курс на создание японских профсоюзов. И уже в декабре 1945 г. был издан закон, признавший право японских рабочих создавать свои профсоюзы как на частных, так и на государственных предприятиях. Вслед за тем (и опять же по указанию оккупационных властей) в 1946 году издается закон о процедуре разрешения трудовых конфликтов между предпринимателями и профсоюзами.

К достижениям этого времени следует отнести и экономическую политику штаба Макарура, приведшую к ликвидации чрезмерной концентрации экономического потенциала (1947 г.), что должно было облегчить конкурентную борьбу мелких и средних капиталистических предприятий. Но как только дело дошло до реорганизации монополий - по приказу из

Вашингтона, - дальнейшая деятельность в этом направлении была немедленно прекращена.

Начиная с 1952 года США пошли навстречу японским политикам, жаждавшим восстановления военного потенциала Японии, и уже в 1952 г. резервный политический корпус был преобразован в корпус национальной безопасности.

4. Опуская чисто экономические факторы и акцентируя на том, что дало Японии установление демократии - экономической, политической, социальной, - скажем только, что еще недавно отсталая полуфеодалная страна с авторитарным режимом превратилась в государство парламентской демократии (хотя и с монархом во главе). Япония сегодня - это высокоразвитая индустриальная держава, занимающая 2-е место в мире по объему валового национального продукта (после США). И это при том, что страна крайне бедна природными ресурсами, а под сельское хозяйство годно не более 16% почвы.

Дипломатические отношения между СССР и Японией были установлены в 1925 году, прерваны (в связи с войной) в августе 1945 года и вновь восстановлены в октябре 1956 года.

Восстановление демократических режимов 1. В конце 1938 года, после 32-месячной гражданской войны, военно-фашистская диктатура установилась в Испании. Генерал Франке сделался диктатором этой прекрасной страны. Испания вступила в период сорокалетней диктатуры, конец которой наступил не ранее чем скончался Франке - в 1975 году. Почти тотчас после этой долгожданной смерти испанский народ пришел в движение. Забастовки и демонстрации происходили под знаком глубоких демократических преобразований, немедленного освобождения из тюрем политзаключенных, отмены всех чрезвычайных законов, принятия новой, демократической конституции.

Вышла из подполья Коммунистическая партия Испании (1977 г.), несколько позже были легализованы профсоюзы, амнистированы политические заключенные и т. д.

Новая конституция Испании, утвержденная референдумом в 1978 году, сохранила режим конституционной монархии, что не помешало испанской демократии создать демократическую государственность.

Военный путч, на который отважились франкисты в начале 1982 года, был подавлен военной силой, которой командовал сам король Испании - Хуан-Карлос. Начиная с 1982 года правительственной партией Испании становится Испанская социалистическая рабочая партия.

2. В 1926 году в Португалии, расположенной на западной части Пиренейского полуострова, установилась фашистская диктатура со всеми ее атрибутами. Хотя в самой Португалии проживает около 10 млн. человек, ее колониальная империя была огромна - Ангола, Гвинея, Мозамбик, Гвизау, Острова Зеленого Мыса и пр.

Свержение фашистской диктатуры, продиктованное существенными переменами в мире после второй мировой войны, произошло на редкость мирно, за что оно получило наименование "революции гвоздик".

Переворот, что нечасто случается, был осуществлен армейскими частями. Они свергли фашистский режим со всеми его атрибутами в день 25 апреля 1974 года. Учреждения, созданные фашистским режимом, были ликвидированы, и вместо них были созданы временное демократическое правительство, общественные организации и партии, стоящие на позициях демократии и т. д., были национализированы ключевые отрасли промышленности, стала проводиться аграрная реформа.

В апреле 1976 года Учредительное собрание Португалии приняло новую демократическую конституцию. Главой государства - по конституции - является президент республики. Он же командующий ее вооруженными силами.

Колонии Португалии стали независимыми государствами - членами ООН

Глава тридцать четвертая Основные изменения в праве буржуазных государств

А. Источники

Столетие Кодекса Наполеона было отмечено во Франции со всей торжественностью. Стопятидесятилетие прошло почти незамеченным. Дело, конечно, не в утрате патриотизма. Экономические и социальные изменения оставили Кодексу 1804 года столь узкую сферу действия, что любое прославление его становится похожим на похороны.

По подсчетам французского цивилиста Риппера, приведенным в книге "Гражданское и торговое право капиталистических государств" (М., 1966), во Франции с 1926 по 1936 годы было издано столько же законов, сколько за 40 лет перед тем, то есть в четыре раза больше.

Рядом с ГК действуют во Франции такие большие - и по значению и по объему - акты, как закон 1946 года об аренде сельскохозяйственных земель, закон 1946 года о жилищном найме, закон 1958 года об авторском праве и многие другие.

Естественным становится вопрос о новом гражданском кодексе. О нем действительно много говорят. Опубликовано даже 6 томов подготовительных материалов к кодексу. Но дело вряд ли движется вперед (комиссия по подготовке ГК была назначена в 1947 году).

В схожем положении находится и старый Торговый кодекс Франции. Со всех сторон его "облепили" новые законы, среди которых закон о торговых товариществах (1967 г.), новый закон о патентах (1967 г.) и другие. Но время делает свое дело. Осенью 1994 года перестал действовать Уголовный кодекс Франции 1810 года, старый наполеоновский Кодекс, отмеченный печатью непомерной жестокости в своей первоначальной редакции.

Новый закон об акционерных обществах, принятый в 1965 году в ФРГ, как и те новые законы о патентах, которые были приняты здесь в 1966 и 1967 годах, существенно изменили не только соответствующие законы (1937 г., 1930 г. и др.), но и некоторые важные положения ГГУ.

Первым среди "больших" кодификаций буржуазного права сошел со сцены ГК Италии (1865 г.). В 1938-1942 годах он был заменен новым ГК.

Поток законов и разного рода подзаконных актов (делегированное законодательство) столь мощен, констатирует английский юрист Аллен, что любая книга по праву устаревае раньше, чем она выйдет из типографии. Другой английский юрист, Даймонд, указывает на неостановимый рост уголовных законов, на то, что ни один акт, к какой бы сфере регулирования он ни относился, не обходится без специально оговоренной уголовно-правовой санкции.

Особенная неустойчивость и подвижность свойственна, что, впрочем, легко объяснимо, законам, определяющим деятельность капиталистических объединений. В Англии, например, закон об акционерных компаниях изменялся 11 раз за 100 лет (с 1844 по 1946 гг.), то есть в среднем каждые 10 лет. Та же тенденция характерна и для XX века: укажем, например, на закон 1965 года, но и он не последний.

Большее значение, чем прежде, приобретает - по почти единодушному мнению буржуазных юристов, особенно цивилистов, - судебная практика, которая как во Франции, так и в ФРГ, как в Англии, так и в Америке сделалась настоящим и уже малооспариваемым источником права. Некоторые кодексы, например швейцарский 1907 года, признавая неизбежность пробелов в законодательстве, уполномочивают судей восполнять эти проблемы собственным решением, по сути дела нормотворческим. Французские юристы в подобных ситуациях основываются на ст. 4 Гражданского кодекса, запрещающей отказывать в решении по мотивам пробела в законе. В ФРГ судье бывает достаточно сослаться на растяжимые внеюридические принципы "доброй совести" и т.п., которыми, как мы знаем, полно ГГУ.

Проект Нидерландского гражданского кодекса (частично введен в действие) содержит уже прямое признание "справедливости" и "обычая" в качестве источников права. Что касается требований "справедливости", то они должны определяться исходя из "общепризнанных принципов права, убеждений нидерландского народа и затрагиваемых каждым данным делом социальных и личных интересов".

Торговый кодекс США узаконяет право судьи на свободное толкование нормы права (□ 1), что, впрочем, не является нововведением для этой страны.

Резко упало значение старого прецедентного права как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Прецедентное право не умерло вовсе. Однако главным назначением судебной практики, порождающей прецедент, сделалось толкование статута, парламентского акта, а еще больше подзаконных актов, издаваемых на основе и в развитие статута.

Ни один английский судья, когда этого требуют обстоятельства, не обратится к закону непосредственно. Между судьей и законом стоит прецедент, созданный в высшем суде. В еще большей степени эта практика имеет место в отношении правительственных распоряжений и указов, по отношению к которым английский суд правомочен решать, что они "не соответствуют парламентскому акту, королевской прерогативе либо другому полномочию, дающему право на их издание" (Э. Дженкс).

Сделавшись своеобразным "дополнением" статутного права, английский (равно как и американский) прецедент обнаруживает вместе с тем большую степень консерватизма. Многие законы, особенно те, которые касались положения рабочих, либо вовсе не требовали толкования, либо нухедались в очень простом толковании, но они почти неизменно обрастали "толстой коркой связующих прецедентов".

Чем ближе к нашим дням, тем все более обнаруживается, что прецедентное право становится слитком сложным для регулирования современных правоотношений. Сложность его достигла той степени, замечает один английский юридический журнал, что оно стало непонятно не только обществу, но и специалистам.

Между тем неоднократные попытки кодификации права оставались неудачными. Наконец в 1965 году парламентским биллем были созданы специальные комиссии (одна для Англии и Уэллса, другая для Шотландии), которым поручена "кодификация правовых норм, ликвидация отживших и негодных норм права, упрощение и усовершенствование последнего".

Будет ли эта попытка удачной? На это, разумеется, нельзя ответить решительно. Но если говорить об английской юстиции и юристах, можно заметить значительный скептицизм и недоверие. Многие же прямо и недвуслыленно защищают старую систему прецедентного права, настаивая на его бесконечной способности приспособляться к обстоятельствам.

Но есть и другие приметы. Нельзя не указать, в частности, на весьма важное заявление лорда-канцлера Англии, сделанное 27 июля 1966 г., в котором признается, что жесткое соблюдение прецедентов может помешать должному развитию английского права. Исходя из этого, предлагается позволить судьям, начиная с судей палаты лордов, отходить в подлежащих случаях от предшествующих решений. Для палаты лордов это уже узаконено.

Несомненно, что последовательное проведение этого принципа может иметь далеко идущие последствия. Нельзя не отметить, впрочем, что пересмотр отживших правовых норм, начавшись по окончании войны, продолжается до сих пор. Крупные перемены произведены в судебном устройстве Англии и т. д.

В Соединенных Штатах по-прежнему считается, что прецедент, означающий "применение судом существующих норм к новым фактическим составам", остается основным источником права и что он все еще предпочтительней "застывших законодательных кодексов".

На самом деле все обстоит далеко не столь просто. Федеральные законы касаются небольшой группы гражданско-правовых отношений (торговли с иностранцами, междуштатной торговли, авторского и патентного права, несостоятельности) и еще меньшей - уголовно-правовых деяний. Во всем другом действуют законы штатов, прецедентное право штатов - особое в каждом из 50 штатов. Чтобы как-то разобраться в необозримом нагромождении разноречивых норм, было изобретено особое, так называемое коллизийное право. Его задачей стало примирить правовые нормы федерации с правовыми нормами штатов и последние между собой.

Первым шагом на пути систематизации права в США стали частные кодификации, которыми охотно пользуются. Но суд присяжных как был, так и остается в центре судебной Англии.

Наконец, не столь давно был выработан единый Торговый кодекс, уже принятый с некоторыми изменениями в каждом отдельном случае законодательными палатами штатов. Его характерной особенностью являются широкая судебная инициатива, признаваемая и допускаемая в принципе, стремление соединить определенность закона и неопределенность судебного усмотрения.

Нельзя не указать также и на "образцовый" УК, разработанный в 1962 г. Институтом американского права. Почин оказался успешным. В 1967 г. штат Нью-Йорк узаконил свой собственный УК. И это только почин.

Открывая огромные возможности для свободы усмотрения, прецедентная система способствует и без того неизбежному разнобою, существующему в определении преступлений и наказаний. По одной и той же категории дел, например, о бродяжничестве, количество оправдательных приговоров может колебаться в различных судах в пределах от 5 до 75%. У двух судей одного и того же штата (Нью-Джерси) существовал настолько разный подход к делам о преступлениях против собственности, что у одного количество оправдательных приговоров составило в течение известного срока 37%, у другого - 93%.

Большой новостью стало то, что дела о покушении на президента США были отнесены законом 1965 года (принятым после убийства в Далласе президента Д. Кеннеди) к компетенции федеральных властей наряду с делами о неплатеже федеральных налогов.

Б. Гражданское право

Юристы прошлого столетия любили говорить о неприкосновенности собственности, о "неограниченном характере права собственности", о недопустимости государственного вмешательства в дела собственности. Нынешние буржуазные авторы рассуждают иначе. Они широко пользуются такими понятиями, как "ограничение собственности", "суровое сжатие права собственности", "социализация собственности", "использование права собственности в общественных целях и под контролем государства".

Действительно, многое из того, что относится к праву капиталистической собственности, претерпело в течение последнего полувека существенные перемены.

Законодательство прошлого века отняло у собственника земли право на недра. Законодательство новейшего времени пошло еще дальше. Оно лишило землевладельца права на пользование водной энергией, а затем и пространство.

Отметим в этой связи французское законодательство. Рядом законов, изданных с 1919 по 1938 годы, пользование водной энергией было обусловлено правительственным разрешением, концессией. Она дается на срок (от 30 до 75 лет) и при условии, что с истечением срока возведенные концессионером сооружения перейдут без возмещения в собственность государства (с 1946 года электропредприятия национализированы).

Законами 1924 и 1935 годов было установлено право беспрепятственного безвозмездного пролета над любым земельным участком; собственнику последнего воспрещалось возводить сооружения, могущие угрожать безопасности воздушного сообщения; он должен был бесплатно терпеть шум, производимый моторами. Тем же целям служил германский закон 1922 года и др.

Значительно упростился порядок изъятия земельной собственности для нужд железнодорожного и всякого промышленного строительства вообще, а тем более для военных баз, аэродромов, ракетных площадок и пр.

В Англии и Соединенных Штатах отчуждения земельной собственности совершаются по преимуществу специальными актами (парламента, конгресса), издающимися по мере необходимости каждый раз для данного случая.

Вызванные успехами промышленного развития, ограничения частной поземельной собственности были исторически неизбежными. Способствуя развитию промышленности и транспорта, указанные выше меры служили

интересам всего общества (поэтому и говорят об их "социальном" характере). Но еще больше они служили интересам крупных монополий и банков, ибо только им было под силу возводить водные электрические станции, строить аэродромы, сооружать металлургические комплексы и т. п.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что ограничения права частной поземельной (или иной) собственности не подрывают, как это может показаться, принцип и доктрину частной собственности как таковой.

Изъятия и ограничения распространились, под влиянием обстоятельств, и на движимые имущества. Уже во время первой мировой войны правительства воюющих стран оказались вынужденными произвести массовые реквизиции промышленного оборудования и сырья, коснувшиеся главным образом мелких и средних предпринимателей.

Вместе с тем их лишили электрической энергии, рабочей силы (мобилизованной на фронт), кредитов. Было сделано все для того, чтобы заставить их присоединиться к крупным предприятиям, работавшим на войну, или прекратить существование. Империалистические правительства воспользовались ситуацией в интересах дальнейшей концентрации капитала.

Вторая мировая война возродила эту практику. Правительственные меры служили в данном случае дополнением стихийно Действующих процессов, приводящих к зависимости мелкой и средней собственности от крупной. Но и крупные предприятия должны были принять правительственный контроль, а еще больше законодательное регламентирование в сфере, которую принято называть "частной инициативой". Интересы отдельных монополий потребовали согласования с интересами всех остальных. Возникает так называемое государственное регулирование экономики, тем более необходимое с ростом числа военного производства, а еще больше с наступлением кризисных явлений в производстве и продаже товаров, в денежной и кредитных сферах и т. д.

Важные изменения были внесены в буржуазное гражданское право национализацией промышленности, возникновением огромной массы принадлежащего государству имущества.

Отдельные предприятия вроде железных дорог принадлежали государству с давних пор. Но такого положения, при котором государственный сектор экономики производит 20 и более процентов промышленной продукции, не существовало никогда ранее.

Государственная собственность на промышленные предприятия продолжает еще по традиции принадлежать к "частному праву", и во многих отношениях она, как и частное капиталистическое предприятие, подчинена стихийным рыночным отношениям.

В отличие от так называемых публичных имуществ в строгом смысле слова (морские берега, судоходные и сплавные реки и пр.), которые по "своей природе" считаются изъятиями из оборота (не отчуждаемы, не подлежат действию давности и т.д.), французское законодательство признает, что государственные промышленные предприятия отчуждаемы, подлежат действию давности и даже обращению на них взысканий (см. Ж. Морандьер. "Гражданское право Франции". М., 1960, т. 2, стр. 80). Правило отчуждаемости промышленных предприятий включает в себе потенциальную возможность денационализации.

В действительности же правовое положение национализированных предприятий близко к положению "публичных" имуществ: государство единолично распоряжается ими (назначение администрации, определение тех или иных сторон хозяйственной и финансовой деятельности и т. д.). Во Франции, например, государство нередко выступает в качестве единственного акционера этих предприятий.

Не следует ли признать, пишет Морандьер, что государственные предприятия, занятые в сфере обслуживания (например, электрические), принадлежат к числу: публичных имуществ?

В целом ряде стран получили распространение так называемые смешанные компании, или, употребляя французскую терминологию, "товарищества смешанной экономики". Государство выступает в этих компаниях в качестве

одного из акционеров Я соответственно участвует в назначении членов правления, распределении дивидендов и др.

Частный капитал охотно принимает такой союз. Результатом его являются первоочередное получение государственных заказов, налоговые и другие льготы, преимущественный выход на мировой рынок и пр.

Среди больших капиталистических держав Соединенные Штаты - единственные, отвергающие принцип государственной собственности на промышленные предприятия.

Тотчас по окончании войны правительство США продало (за бесценок) частным фирмам те заводы, которые были выстроены в военных целях.

Но и здесь государственная собственность, включая многие предприятия атомной промышленности и т.п., стала реальным фактом.

2. Что касается организации и деятельности акционерных обществ (основной формы существования монополий), законодательство новейшего времени проникнуто двумя главными стремлениями. Оно поощряет привлечение мелкого буржуа и квалифицированного рабочего в число акционеров. Но оно же создает все новые препятствия для участия мелких акционеров в деятельности компании.

В Соединенных Штатах широко проведено деление акций по их фактическому значению. Одни предоставляется приобретать всем, кто имеет накопления, другие принадлежат действительным хозяевам компании, ибо только такие акции дают право голоса при выборе правления и, следовательно, фактическую власть. Это различие, как представляется, устраивает и тех и этих акционеров. Первых - уже одним тем, что их дивиденд гарантирован независимо от результатов деятельности предприятия за истекший год.

Тем же целям служил германский закон 1937 года, разрешивший выпускать два вида акций: одни - дающие привилегию "многоголосности", и другие - не дающие права голоса.

Закон разрешал существование таких акционерных компаний, куда мелким пайщикам был "вход запрещен". Те же цели преследовал французский закон 1925 г., разрешивший "товарищества с ограниченной ответственностью". Сюда не допускались никакие новые участники, если на то не было согласия "старых". Круг последних был, естественно, невелик.

Специфически новой формой капиталистического объединения становятся так называемые патентные картели. Целью этих объединений является скупка патентов на новые изобретения. Участники объединения обязываются друг перед другом, что никакое изобретение или открытие, могущее поднять производительность труда или способствовать появлению нового вида товаров, не будет использовано без общего согласия членов картеля.

Одни изобретения направляются в сейф, другие внедряются в производство. Все зависит от экономической конъюнктуры, от того, насколько выгодно применение открытия или изобретения в интересах получения высокой прибыли и проч. Многие патентные картели носят международный характер. В результате картельного соглашения с американскими и германскими химическими компаниями концерн американского миллиардера Дюпона получил возможность выпускать по монопольным ценам пластмассы. Предназначенные для зубных протезов, они стоили 45 долларов за фунт, а для промышленных цепей - 85 центов, то есть намного дешевле. Зубные техники, естественно, пользовались дешевой массой, пока Дюпон не стал примешивать к ним ядовитые примеси (единственно для того, чтобы санитарная инспекция запретила их применение).

В новых условиях, созданных научно-технической революцией, резко возросло внимание государства и к патентам и к так называемым патентным пулам. Английский закон 1949 года разрешает государству воспользоваться изобретением и даже, если находит нужным, продать его другой стране. То же и в ФРГ: "патент не действует, если правительство считает необходимым использовать изобретение в интересах обороны".

3. Существенные перемены претерпевает другой кардинальный принцип "старого" буржуазного права - принцип "свободы договора".

Уже одно только появление крупных капиталистических организаций, монополизировавших рынок и установивших определенные твердые цены на товары, явилось сильным ударом как по тому, что обычно называют "свободной конкуренцией", так и по тому, что признается правом "свободного установления договорных связей".

Покупатели товаров были поставлены перед очевидным выбором: покупать по ценам, которые диктуются монополией, или вообще не покупать.

Имеются, однако, такие сферы экономики, где произвол особенно нетерпим: транспорт, электроснабжение, газоснабжение и т. п.

В конце концов выяснилось, что своекорыстные интересы одних монополий приходят в резкое столкновение с интересами других: железнодорожное строительство приводит к искусственному взвинчиванию цен на металл, в свою очередь железнодорожные компании не упускают случая вознаградить себя при перевозках угля, руды и проч.

Неизбежным следствием явилось государственное вмешательство, государственное регулирование, распространяющееся на все сферы экономической жизни.

В Соединенных Штатах, например, первый закон, установивший государственный контроль над деятельностью железнодорожных компаний, был принят еще в 1887 году. В 1906 году конгресс должен был вновь возвратиться к обсуждению вопроса о злоупотреблениях на железных дорогах. Комиссия по внешнеторговой торговле получила право устанавливать обязательные для дорог тарифы и контролировать их применение. В недавнее время конгресс США ликвидировал знаменитую Телеграфно-телефонную компанию, монополизировавшую почти всю данную отрасль жизнедеятельности. Компании было предложено разделиться на 5 самостоятельных компаний. Цены на телеграфные и телефонные услуги подешевели почти наполовину. Кончилась монополия, началась конкуренция - борьба за клиента!

Предупреждая государственное вмешательство, монополии изобрели так называемые формуляры, стандартную форму договоров, заключающую в себе все основные условия, сформулированные таким образом, как будто они установлены законом.

Контрагенту оставалось "присоединиться", то есть принимать договоры без обсуждения. Оттого, по терминологии французского права, они называются "договорами присоединения"; по терминологии германского права - "продиктованными".

Конечно, для того чтобы иметь возможность "продиктовать" условия договора другой стороне, нужно иметь достаточный экономический вес. Недаром говорят, что "формуляры - это договоры, при помощи которых одна сторона в силу своей экономической мощи творит закон для другой и навязывает ей условия, которые та не в силах обсуждать".

Этот порядок приобрел особое значение для всех предприятий, занятых в сфере обслуживания (там, где они не национализированы), транспортных организаций, для банков, совершающих кредитные операции и принимающих вклады, для страховых компаний и пр.

Широкое распространение формуляры приобрели в торговле, когда стала практиковаться продажа в кредит.

Буржуазные экономические отношения стимулируют развитие торговли в кредит, поскольку этим путем удается время от времени рассасывать излишние товарные массы, грозящие кризисом перепроизводства.

Помимо того, продажа в кредит - очень выгодная форма торговой сделки. В то время как процент, взимаемый при промышленном кредите, колеблется обыкновенно между цифрами 6 и 8, потребитель, покупающий в кредит, обязан платить от 18 до 40% годовых. К концу 1966 г. долг американцев, живущих в кредит, составил громадную сумму - 491 млрд. долларов. Схожая ситуация сохранилась и в последующие годы.

О государственном регулировании экономической жизни в годы войны, в период мирового экономического кризиса мы уже говорили. В том или ином виде регулирование экономики не прекратилось и в мирное время. Дело доходит до попыток планирования экономического развития в масштабе страны.

Соединенные Штаты Америки, чуть ли не первыми вступившие на путь государственного регулирования экономики (см. "Новый курс" Ф. Рузвельта), были первой буржуазной страной, прямо и открыто от него отказавшейся. Однако действительные, наличные отношения оказались гораздо более "авторитарными", чем некоторые старые и почитаемые доктрины.

В начале 60-х годов Соединенные Штаты "стали поворачиваться лицом" к так называемой новой экономике, под которой стали понимать не что иное, как экономику, руководимую правительством. Имелось в виду предотвратить болезненные спады и кризисы, ставшие столь обычным и частым явлением в послевоенные годы (четыре кризиса с 1949 по 1960 годы). Предполагалось более или менее широко использовать, в этих целях налоговую и валютную политику, политику расходов и трат, производимых из государственного бюджета (главным образом в целях стимулирования военной промышленности), предоставление кредитов и т.п.

Насколько можно судить, к итогам государственного регулирования экономики в США может быть причислена способность правительства искусственно и на недолгое время стимулировать деловую активность. Но в целом, как признают и некоторые американские экономисты, стоявшие перед США проблемы не были разрешены: "новая экономика" оказалась не в состоянии предотвращать падение производства, рост цен, дефицит федерального бюджета, неустойчивое положение доллара на мировом рынке и т. д.

Но, как неоднократно случалось, именно государственное вмешательство в кризисные ситуации было по большей части достаточно эффективным. Недаром же избиратели требуют от кандидата в президенты в первую очередь "разумной экономической политики".

4. В разное время в разных странах были приняты так называемые антитрестовские законы, явившиеся определенной уступкой избирателям.

В Соединенных Штатах это закон Шермана 1890 года, объявивший незаконными всякие такие договоры, которые имеют своей целью объединение в форме треста или любой другой компании для "ограничения промысла или торговли между штатами". В 1914 году закон Шермана был дополнен законом Клейтона, запретившим установление монопольных цен на товары.

Время от времени в США затевались с пропагандистской целью судебные расследования на основе закона Шермана. Дела эти намеренно затягивались на многие годы и в худшем случае оканчивались смехотворно малыми штрафами.

Верховный суд нередко проявлял себя противником антитрестовских законов. Вспомним его решение по поводу "нового курса".

В Японии в антитрестовский закон 1947 г. была внесена поправка (1953 г.). Она позволила правительству поощрять создание так называемых антикризисных картелей и картелей периода j рационализации. А в 1955 году закон "О чрезвычайных мерах по рационализации в угольной промышленности" предоставил капиталистам возможность "предпринимать совместные действия ТО, ограничению производства и установлению цен на уголь".

Нет сомнения в том, что законы, в той или иной мере ограничивающие картельные соглашения, направленные на установление монопольных цен, не нравятся ни тем, кто их предлагает, ни тем, кто их принимает. Но избежать "антитрестовского законодательства" уже невозможно. О том свидетельствуют английские законы 1964-1965 годов, закон 1957 года, принятый в ФРГ, французский закон 1953 года, признающий незаконными все те соглашения, которые направлены на ограничение конкуренции, и т. п.

Бесконечное количество лазеек, сознательно введенных в законы, позволяет с легкостью обходить их. Законы есть, но так же точно остаются и конкуренция, и монопольные цены на товары, и картельные соглашения о ценах на товары.

В Англии антитрестовское законодательство нашло воплощение в четырех актах, последовательно изменявших условия и формы правительственного вмешательства в дела монополий. Первым из них был акт 1948 г., названный "О монополиях и ограничительной практике", последними - акты 1964 г. "О ценах за перепродажу" и 1965 г. "О монополиях и слияниях". Согласно этим

актам, исследование по вопросу о запрещенной практике доверяется особой комиссии, а решение – специализированному суду по ограничительной практике. В нескольких десятках случаев суд был вынужден обязывать компании к расторжению незаконных договоров, направленных на установление монопольных цен, однако монополии довольно скоро научились обходить поставленные им преграды.

5. До первой мировой войны считалось чем-то "священным", что договоры, законно заключенные, являются обязательными для сторон, если только они сами не пересмотрят их условия. Никакие обстоятельства, за исключением самых крайних и чрезвычайных, не могли быть основанием для изменения договоров, помимо или против согласия хотя бы одной из сторон.

Резкие изменения экономической конъюнктуры, свойственные нашему времени, поколебали (хотя и не уничтожили) старое правило.

Начало пересмотра приходится на годы первой мировой войны.

В 1916 году газовая компания французского города Бордо потребовала увеличения тарифов за пользование газом, ссылаясь на разорительность старых: война привела к резкому увеличению цен на исходные материалы и рабочую силу.

Суд отказал компании: договоры должны соблюдаться. Дело было перенесено в Государственный совет, и последний, опираясь на теорию непредвиденных обстоятельств, решил спор в пользу компании.

Сразу же после войны аналогичные обстоятельства заставили призадуматься английских судей. Одна крупная строительная фирма потребовала изменения контрактов, заключенных до войны, ссылаясь на разорительность прежних условий.

Удовлетворив после долгих проволочек иск компании, английские судьи создали новый прецедент: при изменении экономических условий, настолько резком, что ни один разумный человек не мог бы это предвидеть, судьям дозволяется отступить от принципа "неизменности" договора.

Положение германских судов было облегчено ст. 242 ГТУ с ее "каучуковой" формулировкой насчет "доброй совести", требуемой при исполнении договора.

На этом основании германские судьи много раз освобождали от обязанностей исполнения по договору.

Из сказанного не вытекает, что принципа обязательности исполнения уже не существует. Воспитанные на римском праве или давней традиции, судьи не единожды оказывали сопротивление даже таким предписаниям насчет расторгимости обязательств, которые исходили от законодателя. И конечно, существует немало оговорок насчет того, что следует считать "экономической невозможностью" исполнения, а что последствием допустимого риска.

Тем не менее следует признать, что учение о непредвиденных обстоятельствах завоевывает себе все большее место в практике буржуазных судов. А вместе с ним приходит такое расширение судейского усмотрения, какое нередко превращается в произвол. Окончательное решение стало принадлежать не закону, а судебной практике, которая сама подвержена резким изменениям.

6. Некоторые важные изменения произошли в семейном праве капиталистических стран. Общим итогом явилось улучшение правового положения женщины в семье, обществе, на производстве.

Движение за женское равноправие является нераздельным элементом общей борьбы за демократию, за социальный прогресс. Как и в XIX веке, так и в настоящее время степень свободы, предоставленной женщине, является показателем степени свободы, которой добилось общество в целом.

Важным экономическим стимулом для расширения правоспособности женщины служил (и служит) тот интерес, который заключается в женском труде, в возможно более широком привлечении женщин на фабрику, завод, контору и во все другие учреждения в сфере промышленности, торговли, управлении, обучении и т. д. и т. п.

Французский законодатель одним из первых (в 1907 г.) разрешил женщине-работнице свободное, независимо от мужа, распоряжение заработком.

В 1938 году французский закон признал за замужней женщиной право обращения в суд в случаях, когда она считает неподходящим избранное мужем местожительство; в свою очередь, мужу предоставлено право обращения в суд, когда он полагает, что "интересы семьи" требуют, чтобы жена оставила профессиональную деятельность (раньше он мог просто-напросто запретить жене работать). В обоих указанных случаях окончательное решение принадлежит суду. Наконец, законом 1965 год[^] жене предоставлено право заниматься профессиональной деятельностью независимо от воли мужа.

В английском праве правовое положение незамужней женщины издавна мало чем отличалось от правового положения мужчины. Шагом вперед было произведенное в 1935 году уравнивание прав замужней и незамужней женщины. Но разница в оплате мужского и женского труда хотя и поколеблена, но не изжита в Англии, и трудно сказать, когда это положение будет изменено.

В 1944 году в палате общин прошло предложение о признании права женщин-преподавателей на равную оплату с мужчинами. "Эта поправка была принята палатой большинством голосов вопреки желанию правительства. Несколько дней спустя Черчилль в порядке постановления вопроса о доверии обратился к палате с просьбой пересмотреть свое решение и получил неизбежное автоматическое большинство голосов консерваторов, выступивший против указанной поправки" .

В Соединенных Штатах, где семейные правоотношения регулируются законодательством штатов, положение женщины неодинаково. Фактическое преобладание мужчины остается не повсеместным, и в большинстве штатов от мужа зависит выбор местожительства, распоряжение имуществом, нажитым в браке и проч. Тем не менее женское "освободительное движение" добивалось крупных успехов. Равные права для мужчин и женщин нашли свое первое выражение в акте конгресса 1963 года: закон обязывал работодателей к равной оплате мужского и женского труда. Закон 1964 года дает женщине-работнице равную защиту ее прав сравнительно с той, которой пользуются мужчины. Раздел VII акта содержит строгий запрет на дискриминацию женщин по цвету кожи, религии, расы и пр. При всем том, как это признается и Верховным судом США, преимущество мужчин при замещении государственных должностей как было, так и остается, хотя уже немалое число женщин нашли себе занятие на государственной службе, в том числе и в качестве члена Верховного суда США.

Заслуживает быть отмеченным послевоенное (1947 г.) законодательство Японии. После того как конституция 1946 г. провозгласила формальное равенство мужчины и женщины, действие старых, феодальных по своему происхождению, брачно-семейных законов вошло в противоречие с конституцией. Новый закон, означавший изменение соответствующих разделов Гражданского кодекса Японии, запретил браки, заключающиеся по соглашению семей без согласия самих брачующихся, ослабил власть отца в семье, уравнил детей в наследственном праве и пр.

Повсеместной тенденцией семейного права капиталистических государств сделалось облегчение условий развода. В Англии, где развод был уже давно не новостью, признано (в 1923 году), что прелюбодеяние мужа дает такое же основание для развода, как и прелюбодеяние жены. Закон 1965 года систематизировал основания к разводу, признав за таковые: супружескую неверность, жестокое обращение, неизлечимую болезнь и др.

Установлено (за исключением особых случаев), что заявление о разводе не может быть сделано ранее, чем по истечении трех лет со дня заключения брака. Любовник жены привлекается в качестве соответчика и может быть приговорен к уплате "убытков".

Наряду с тем английское право, отбросив многовековую традицию, разрешило узаконение внебрачных детей последующим браком родителей (закон 1926 года). Они наследуют в имуществе семьи наряду с законнорожденными (но не получают титула). Несколькоими годами раньше узаконение внебрачных детей последующим браком родителей было признано, а затем даже облегчено во Франции (законы 1915 и 1924 годов).

Вопрос о внебрачных детях, их имущественных, а во многих случаях и политических правах далеко не снят с повестки дня. Сошлемся в этой связи

на пример, который подал Высший суд штата Луизиана (США), признавший (декабрь 1967 г.), что незаконнорожденные не имеют права на имущество их умершей матери. Это решение было опротестовано перед Верховным судом США двумя религиозными организациями, заявившими, что речь идет о дискриминации, подобно дискриминации по расовым или религиозным мотивам.

В наследственном праве основные изменения свелись к следующему:

а) вводится единообразный порядок наследования как для недвижимостей, так и для движимых имуществ (в Англии было покончено с правом первородства при наследовании недвижимостей и с преобладанием лиц мужского пола в наследовании);

б) улучшается положение пережившего супруга; в) внебрачные дети в том или ином виде допускаются к наследованию.

7. Особого упоминания заслуживает семейное право гитлеровской Германии. Помешанные на своем пресловутом расово-зоологическом "превосходстве", по холодному расчету отдавая на уничтожение целые народы, гитлеровцы не могли не озаботиться "защитой немецкой крови". Соответственно с этим закон 1935 г. предписал применение смертной казни или каторги для всякого, принадлежащего к неарийской расе, особенно еврея, осмелившегося заключить брак с лицом "германской расы". В той же степям карались и внебрачные отношения между "арийцами" и "неарийцами".

Определение "расовой чистоты" оказалось на практике невозможным. Не выдержали испытания проверкой и все те признаки, которые фашистские теоретики признавали свойственными "высшей расе".

Но никакие затруднения не существовали для тех, кто встал на путь истребления народов. Принятая в конце концов формула закона гласила: "Брак не должен быть заключен, если от него следует ожидать потомства, представляющего опасность для чистоты немецкой крови". Таким образом, решение вопроса отдавалось на усмотрение фашистских чиновников.

В это трудно поверить, но в штате Теннесси (США) был уволен 24-летний учитель Г. Скоупс, осмелившийся изложить ученикам учение о происхождении человека от обезьяны. Дело дошло до законодательного собрания штата. Законодатели разделились на две партии. Те, что стояли за сохранение закона о запрещении эволюционной теории, не остановились перед тем, чтобы привести в собрание живую обезьяну, надеясь, что один ее вид поможет доказать бесплодность теории Дарвина. Они размахивали Библией, доказывая истинность заключенной в ней версии сотворения человека из глины. И это в 60-х годах XX века!

Большинством голосов (58 против 27) старый закон был наконец отменен. Для XX века это несомненный успех.

В. Социальное законодательство

1. За десятилетие 1956-1966 гг., несмотря на действие антирабочих законов, число участников стачек увеличилось вдвое, достигая 55-57 млн. ежегодно. Затем наступает своего рода "перемирие".

Круг социально-экономических и политических требований рабочего класса все расширялся. В Италии, Франции и других странах рабочие и служащие все решительнее требовали участия профсоюзов в управлении предприятиями, национализации ключевых отраслей экономики, выступали против всевластия финансового капитала и т. д.

В результате упорной борьбы рабочему классу капиталистических стран удалось добиться существенных реформ.

Резюмируем самое главное.

2. Давняя мечта пролетариата - 8-часовой рабочий день - получила признание буржуазного законодательства. В некоторых странах рабочему движению, профсоюзам удалось отвоевать у капиталистов 40-42-часовую рабочую неделю, законодательное признание еженедельного отдыха, а кое-где и ежегодные отпуска. К таким странам относятся Франция, Англия, Италия, отчасти Соединенные Штаты Америки и некоторые другие.

Борьба за 8-часовой рабочий день была длительной и упорной. Во Франции прошло много лет, прежде чем закон 1919 года о введении 8-часового рабочего дня в промышленности был практически осуществлен. В Германии соответствующий акт был принят в 1918 году, но уже в 1923 году

было разрешено отступать от него. В гитлеровской Германии закон 1938 года разрешал предпринимателям увеличивать число рабочих часов до 14 и даже до 16.

8-часовой рабочий день был установлен ранее всего в Австралии в 50-х годах прошлого века. В начале XX столетия здесь уже встречается 5-дневная рабочая неделя.

Пример 40-часовой рабочей недели подало законодательство Народного фронта во Франции (1936 г.). Вслед за тем конгресс Соединенных Штатов законом 1938 года установил 40-часовую рабочую неделю с оплатой в повышенном размере всех сверхурочных работ. С этого времени 40-часовая рабочая неделя была узаконена в ряде других стран, получила признание в коллективных договорах.

В большинстве буржуазных стран долгое время законодательное признание оставалось за 48-часовой рабочей неделей (Австрия, Бразилия, Венесуэла, Италия и многие другие). Норвежский закон признал 45-часовую, в Финляндии и Швеции - 47-часовую и т. д. В Испании рабочая неделя включает субботу.

Более короткая рабочая неделя достигается в этих странах по соглашению предпринимателей и профсоюзов.

Пятидневная рабочая неделя стала более или менее широко практиковаться только после второй мировой войны.

3. Длительная борьба профессиональных союзов за легальное существование окончилась в общем победой. Крупным успехом американских рабочих был закон Вагнера 1935 года. Признавались не только профессиональные союзы, до того лишь терпимые, но и их право вступать в переговоры с предпринимателями от имени рабочих, заключать коллективные договоры,

проводить забастовки.

Особый пункт закона разрешал профсоюзам добиваться включения в коллективный договор правила о "закрытом цехе" - преимущественном приеме на работу членов профсоюза. С принятием закона Ватера профсоюзное движение США оказалось на подъеме: число членов профсоюза достигло чуть ли не половины от общего числа индустриальных рабочих (14-15 млн. человек).

Во Франции право профсоюзов заключать коллективные договоры было установлено в 1919 году. Закон 1936 года (Народного фронта) сделал коллективные договоры частью определенной правительственной политики: смешанные комиссии, составленные из предпринимателей и представителей профсоюзов, получили право выработать договоры для всей данной отрасли промышленности, для всей данной местности; утверждаемые министерством труда, они приобретали силу правительственного распоряжения. Непременным условием, включаемым в договоры, стало установление ставок заработной платы.

Отмененный режимом Виши закон 1936 года был восстановлен Временным правительством, а затем видоизменен в 1950 году.

Наряду с договорами для всей данной отрасли промышленности признавались обычные коллективные договоры, действие которых ограничивается предприятиями данной фирмы.

Право на заключение коллективных договоров признано законодательством ФРГ, Италии и других стран.

4. Неоднократным атакам подвергается в последнее время право рабочих на забастовки, признанное законодательством большинства буржуазных стран. Мы уже говорили о законе Тафта-Хартли в США, самом реакционном в сфере антирабочих законов.

Следует, впрочем, сказать, что идея закона Тафта-Хартли была за несколько лет перед его изданием воплощена в английском приказе 1305. Приказ разрешал стачку не иначе как после соответствующего уведомления министерства труда и не ранее чем через 21 день после того, как это уведомление было сделано. Приказ устанавливал арбитражное разбирательство споров между профсоюзом и предпринимателем. Решение арбитра было обязательным. Изданный в 1939 году приказ 1305 оправдывался военным

временем. Лейбористское правительство отменило его в 1946 году. Но закон Тафта-Хартли издан после войны и предназначен для мирного времени. Но так же, как приказ 1305, он предусматривает тюремное заключение за "Незаконную" забастовку.

Справедливости ради надо признать, что правительство США воздерживалось и воздерживается от применения закона Тафта-Хартли. Основания для такого рода акций случались, хотя и редко.

В Западной Германии на помощь правительству пришел федеральный суд по трудовым спорам. Его решением признаны терпимыми только те забастовки, которые суд (или правительство) признает "легальными". К нелегальным отнесены: политические забастовки, забастовки, нарушающие коллективный договор, а также все "социально неоправданные".

В Соединенных Штатах судьи пустили в ход формулу столь же неопределенную, но в этой неопределенности был свой резон: "Забастовка, создающая угрозу для национального благосостояния и безопасности". На этом основании федеральный суд США запретил на 80 дней забастовку портовых грузчиков (1964 г.).

Во Франции правительство не раз прибегало к чрезвычайным мерам для подавления забастовок, пока не остановилось на мысли ввести обязательную процедуру "примирения", подобную процедуре американского закона (1963 г.).

В Италии правительство, прибегнув к услугам Конституционного суда, добилось решения о признании законными одних только экономических забастовок. Все другие, включая забастовки солидарности, караются в уголовном порядке.

В наши дни, когда мы и сами столкнулись с забастовками, затрагивающими общенациональный интерес, стало несколько трудней и объяснить и оправдывать все и всякие забастовки в странах капитализма.

5. Несомненным достижением социального законодательства буржуазных стран следует признать установление минимума заработной платы, ниже которого она не может быть. Но таких стран еще немного: Англия, Франция, США, Аргентина, Бразилия и некоторые другие.

Первые попытки установить минимум зарплаты (очень низкий) для женщин и подростков были сделаны в США еще в 1912 году. Верховный суд признал эту практику противоречащей конституции. Свою позицию он изменил только в 1937 году в период действия "нового курса". Тогда стало возможным введение в действие законов о минимуме зарплаты для женщин и подростков, а затем в 1938 г. - издание закона о минимуме зарплаты для рабочих предприятий федерального значения. В настоящее время минимум заработной платы установлен для всех рабочих и служащих США. Но реальная заработная плата, как правило, выше той, которая гарантируется.

Кое-где минимум заработной платы сочетается с принципом "скользящей шкалы": заработная плата подлежит увеличению в зависимости от роста цен.

В Англии после прихода к власти лейбористского кабинета во главе с Вильсоном между правительством и Генеральным Советом профсоюзов была достигнута договоренность о том, что заработная плата рабочих не будет повышаться более, чем на 3-3,5% в год. Но уже через несколько месяцев после этого правительство лейбористов добилось решения о замораживании заработной платы, то есть о запрещении требовать и добиваться ее увеличения.

Руководители профсоюзов, осмелившиеся нарушить закон о замораживании зарплаты, могут быть подвергнуты штрафу и даже судебному преследованию.

6. Более столетия прошло с тех пор, как рабочие передовых стран стали добиваться пособий на случай болезни и безработицы, социального страхования по старости и нетрудоспособности.

Слишком долго рассказывать, как принимались, а затем отменялись и видоизменялись к худшему соответствующие законы, пока не утвердился наконец самый принцип социального страхования для рабочих.

Ограничиваясь самым существенным, укажем на американский закон 1935 года, разрешивший выплату пенсий по старости, безработице и на случай

смерти кормильца. Основным принципом закона является: средства, идущие для нужд социального страхования, создаются за счет самих работающих.

Спустя 30 лет президент Джонсон в своем обращении к конгрессу, озаглавленном "О положении страны", после многих прекрасных обещаний и заверений заключил: "Мы должны обеспечить больничное страхование для наших престарелых граждан, финансируемое каждым рабочим и его нанимателем: за время работы работающего по найму должно отчисляться не более доллара в месяц, без расходов министерства финансов".

Пенсии по старости, назначаемые с очень большими изъятиями, коснулись мужчин старше 65 лет, женщин - 62 лет. Что касается США, заслуживает упоминания, что мать семейства имеет здесь право на пенсию, как и ее муж, проработавший должный срок: воспитание детей приравнивается ко всем другим видам трудовой активности, идущей на пользу нации.

В такой стране, как США, где безработица редко спускается ниже цифры 3-5 млн., огромное значение приобретают пособия на случай безработицы.

В 1958 году, например, каждая четвертая семья страдала от безработицы или иного сокращения доходов, приводившего к бедственным следствиям. Существовали настоящие "районы бедствия", где число безработных достигало 12 и более процентов. С той поры и конгресс и правительство США приняли ряд эффективных мер к недопущению районов бедствия. Этому, разумеется, способствуют и неостановимый рост производства, и самый бюджет США с его астрономическими цифрами, включая пособия по безработице и еще больше по ее сдерживанию до допустимого уровня.

Английский закон о национальном страховании 1946 года, так же как и американский, распространяется на определенный круг лиц, нуждающихся в помощи, но далеко не на всех. Из обращающихся за помощью не более двух третей могут на нее рассчитывать.

Размеры пособий были исчислены как "минимальные", но на них трудно прожить. Притом они остаются неизменными, тогда как цены на товары и продукты растут. Получение помощи обставлено унизительной процедурой "проверки нуждаемости".

Фонды, идущие на выплату пособий, образуются так: на долю рабочих приходится 41% платежей, на долю нанимателей - 39%, на долю казначейства - 12%.

Тот же принцип был положен в основу закона о промышленном травматизме 1946 года: на долю рабочих пришлось выплата половины всей суммы расходов, связанных с несчастными случаями на производстве.

Большим приближением к нуждам трудящихся отличается французское законодательство о социальном страховании, разработанное в 1945-1946 гг. по инициативе и при непосредственном участии коммунистов.

Оно отличается более широким кругом лиц, имеющих право на пенсию (сюда относятся кустари, ремесленники и пр.). Оно предусматривает право на обеспечение по случаю болезни, старости, потери кормильца, инвалидности. Особое место занимают нормы, относящиеся к обеспечению на случай увечья и потери трудоспособности. Некоторые категории трудящихся, например шахтеры, имеют еще особые льготы.

Право на пенсию по старости имеют по французскому закону лица, достигшие 60 лет. Они получают 20% среднего заработка. По достижении 65 лет они приобретают право на пенсию в размере 40% среднего заработка. Среди ограничительных условий фигурируют определенный страховой стаж, рабочий стаж. Размеры пособий по болезни составляют половину заработной платы.

К середине 60-х гг. законы о социальном страховании по старости и при потере кормильца изданы всего в 38 странах капитализма, в еще меньшем числе стран (20) - по безработице. Но на этом не остановилось.

7. Очень большой проблемой для рабочего человека и его семьи является в условиях капитализма проблема лечения. Медицинская помощь стоит очень дорого, часто она вообще разорительна.

Немногие капиталистические страны могут похвалиться сколько-нибудь сносным медицинским обслуживанием рабочего, крестьянина, пенсионера. В

этой связи заслуживает упоминания английский закон о национальном здравоохранении, который, несмотря на все свои недостатки, заслуживает права считаться выдающимся достижением рабочего движения. Равно как и итальянский.

Согласно закону, в Англии вводилось бесплатное медицинское обслуживание населения. Практические результаты закона оказались меньшими, чем предполагалось: организация диспансеров откладывалась, строительство больниц тормозилось, расходы на здравоохранение сокращались. В 1951 году были введены оплаты услуг: сначала за очки и искусственные зубы, затем за выписку рецепта, затем за больничные процедуры и пр.

Г. Уголовное право

1. Два главных фактора характеризуют историю буржуазного уголовного права в относительно краткий период, протекший между двумя мировыми войнами. Первый из них - чрезвычайное законодательство, второй - внесудебная репрессия.

Порожденные новой политической ситуацией оба указанные средства имели целью искоренение "коммунизма", а заодно всякого демократического и социального течений вообще.

Чрезвычайные законы стали явлением повсеместным. Что касается преследований за политические преступления, они почти полностью вытеснили соответствующие статьи уголовных кодексов, поскольку предписывали более суровую репрессию, позволяли применять уголовное наказание в тех случаях, когда по общему правилу оно было невозможно (например, "за опасные мысли"), максимально расширяли круг привлеченных к ответственности.

Излюбленными названиями чрезвычайных законов стали: "О защите государства" (Италия, Германия), "Об охране общественной безопасности" (Япония) и т. д. Английский законодатель, впрочем, и в данном случае удержался от трафарета, но только по форме. Английский чрезвычайный закон 1934 года был назван "О внесении смуты".

Содержание чрезвычайных законов в общем стандартно: запрещение коммунистической партии, коммунистической пропаганды и деятельности, ограничение или запрещение профсоюзов и стачек, всякой демократической деятельности вообще и т. д.

Наказуемое законом деяние определяется, как правило, весьма неопределенно, чтобы не связывать следственные органы и суд.

Приведем для примера японский закон 1923 года "О распространении ложных слухов"; "Кто подстрекает через печать, письмо или каким-либо иным путем к совершению насилий, бунта или других уголовно наказуемых действий... или кто измышляет какие-либо опасности для общественного мира с целью нарушить общественное спокойствие и безопасность..." и т. д.

Наказания, предусмотренные чрезвычайными законами, очень суровы: смертная казнь, пожизненное заключение и проч.

Декретированные в качестве законов чрезвычайных или "исключительные", они превратились в постоянные.

Какими бы террористическими ни были "исключительные законы", какой бы степенью ненависти они ни отличались, преследование, ими предусмотренное, должно было завершаться судебным приговором. Для многих случаев это оказывалось невозможным или неудобным. Очень часто невозможно доказать даже то небольшое, что требовалось, иногда страшила сама процедура суда (особенно после пыток, которые могли бы стать достоянием гласности). Тогда прибегали к внесудебной репрессии: убийству в полиции, при "попытке к бегству", в концентрационных лагерях. По некоторым данным, число политических заключенных, казненных по суду, составило в рассматриваемый период не более 2 (двух!) процентов от общего числа убитых (главным образом в результате внесудебных расправ).

2. Свойственные многим государствам буржуазного мира чрезвычайное законодательство и внесудебная репрессия приобрели особое значение при фашизме.

Первыми же декретами (от 4 и 28 февраля 1933 г.) Гитлер отменил свободу слова, собраний, печати. Репрессии последовали тотчас. Были

организованы концлагеря, созданы отряды вспомогательной полиции, разрешено применение оружия против всех заподозренных. "Полицейским властям, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство независимо от последствий употребления оружия. Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердие, должен ждать наказания по службе". Так гласила директива Геринга, считавшегося "вторым лицом" в гитлеровском рейхе. Он же говорил: "Моей задачей не является вершить справедливость, а уничтожать и искоренять".

Невозможно подсчитать, какое количество людей погибло в застенках, замучено в страшных концентрационных лагерях, погибло по приговорам позорных судилищ. Их миллионы.

1 Какой бы примитивной ни была та или иная правовая система, она не может избежать некоторых общих принципов, пусть даже декларированных, пусть даже

противоречивых. Но "убивай без разбора", убивай всякого, кто не немец или кто; тебе не нравится, есть, может быть, принцип разбоя, но не права. Приведу пример: гитлеровские судьи Тиде и Меллер (сделавшие затем карьеру в ФРГ) приговорили к смерти польку, которая была беременна, потеряла при бомбежке все вещи, голодала. Она украдала какую-то мелочь для пропитания, и ее осудили, как сказано в приговоре, за то, что она сделала это "с типичной для польки наглостью".

1 В отношении к гитлеровскому государству привычные право-1 вые понятия оказываются смещенными. Преступником предстает 1 само государство, его "фюреры" и вся та клика чиновников, судей и полицейских, которые сделали убийство невинных людей (и иные преступления) краеугольным камнем "нового порядка". Такой в некотором отношении новый взгляд на преступление нашел себе международное признание, когда 8 августа 1945 года страны-союзники - СССР, США, Англия и Франция - учредили Международный военный трибунал для суда над гитлеровскими военными преступниками.

Этим людям были предъявлены обвинения в совершении преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечности.

Военные преступления заключались в следующем: убийства военнопленных, заложников, гражданского населения оккупированных территорий (в качестве актов мести или устрашения); насильственная мобилизация населения оккупированных стран на работы в Германии, бессмысленное разрушение городов и пр.

Преступления против человечности определялись обвинительным заключением по делу главных гитлеровских преступников следующим образом: "Они проводили умышленное и систематическое истребление народов, то есть массовое истребление людей, принадлежащих к определенным расовым и национальным группам". Гитлер предполагал сократить на десятки миллионов славянское население в Европе с тем, чтобы освободить место для "германской расы".

Средствами истребления служили газовые камеры (в концлагерях), массовые расстрелы, сожжения и проч.

Вот как рассказывает об этом проф. Гернет в брошюре "Преступления гитлеровцев против человечности": "В лагере Освенцима в газовые камеры загоняли по 1500-1700 человек. После этого палачи в противогазовых масках бросали яд "циклон". Трупы казненных сжигали. В этом лагере ежедневно умерщвлялось от 10 до 12 тыс. человек...

Ко всему этому следует прибавить смертную казнь от выставления на мороз (с обливанием жертвы водой), повешения, затопления, медицинских опытов на живых людях и т. д. Подробное перечисление одних только средств казни заняло бы много страниц: между гитлеровцами существовало соревнование на жестокость, с чем связывалось понятие "настоящей арийской крови".

Приведу показание очевидца: "Я обошел вокруг земляного холма и остановился перед громадной могилой. Плотно прижатые друг к другу, там лежали люди, один на другом, так, что видны были только их головы. Почти из каждой головы текла кровь, запивая плечи. Часть расстрелянных еще

шевелилась. Некоторые поднимали головы и руки, чтобы показать, что они еще живы. Ров был уже на три четверти попон. Эсэсовец, держа на коленях автомат, сидел на краю рва, опустив вниз ноги, и курил сигарету. Совершенно голые люди по земляной лестнице... спускались вниз и ползли по головам лежащих до места, показанного эсэсовцем. Затем ложились сверху на мертвых или раненых. Некоторые осторожно гладили еще живых и что-то тихо им шептали. Раздались выстрелы. Посмотрев в ров, я видел, что некоторые тела еще бьются в судорогах, а другие уже спокойно лежат на ложе из трупов".

Такими средствами - не считая убитых во время военных действий - было истреблено не менее, если не более, 12-15 млн. человек. Более 40 млн. жизней стоила война советскому народу. Почти две тысячи наших городов и 70 тысяч деревень были стерты с лица земли, сожжены или разрушены.

За все эти преступления ответили до сих пор не более 80 тыс. человек, причем большая часть из них отделалась мягкими приговорами. Многие военные преступники нашли себе надежное убежище в Латинской Америке, Австралии; наказание их не коснулось.

В своем стремлении выгородить гитлеровских преступников западногерманская юстиция выдвинула тезис насчет того, что не может нести ответственности лицо, исполнявшее приказ.

Тезис этот не нов. Английское право задолго до возникновения гитлеровского рейха отвергло его. Считается несомненным, что подчиненный не может отговариваться приказанием начальства, когда речь идет о преступлении. Французские суды, встречаясь с подобными обстоятельствами, множество раз в течение XIX и XX веков исключали ссылку на приказ начальника или ограничивались признанием смягчающих обстоятельств.

И даже германский рейхстерихт (Верховный суд) в своем постановлении от 4 июля 1882 года признал, что "слепое подчинение приказу начальства не находит себе оправдания в служебных обязанностях и наличие такого послушания не может уничтожить преступный характер деяний подчиненного".

В 1965 году, по прошествии 20 лет с момента окончания войны, парламенту ФРГ предстояло решить вопрос о давности в отношении гитлеровских преступников, поскольку, по правилам западногерманского уголовного права, предусмотрен именно этот срок.

Погасительная давность была провозглашена еще в римском праве: спустя 20 лет после совершения преступления ответственность за него не наступает. Правило это не может считаться обязательным для любой системы права. В основе его лежит убеждение в том, что двадцатилетний или больший срок является достаточным для "искупления" вины постоянным ожиданием ареста и что в течение этого срока преступник может исправиться без наказания.

Самым же существенным соображением всегда было одно: спустя долгий срок трудно восстановить обстоятельства преступления и потому есть большая возможность судебной ошибки.

Подобных доводов не существует в отношении гитлеровских преступлений: для них нет забвения, нет и не может быть прощения. Процессы, проведенные в самое недавнее время, показали, как нелепо рассчитывать на раскаяние гитлеровских преступников: большая часть их по-прежнему защищает свои подлые убеждения.

Погасительная давность отнюдь не общепризнанный институт уголовного права. Ни Англия, ни Канада, ни Дания, ни многие другие страны ее не признают. Во Франции для особо тяжких преступлений (в том числе военных) срок давности может быть исключен с помощью так называемого прорывного процесса.

Точно так же и срок погасительной давности не одинаков в различных странах и весьма часто устанавливается в зависимости от политических мотивов. Так, например, введение 30-летнего давностного срока в Бельгии рассчитано на то, чтобы помешать возвращению в страну военных преступников, уже осужденных (заочно) бельгийскими судами.

Правительство ФРГ настаивало одно время на прекращении преследования фашистских преступников. Министерство юстиции ФРГ измышляло одну теорию за другой. Парламент ФРГ готов был принять сторону убийц, но, столкнувшись с международным движением протеста, должен был на время отступить: сочтено неудобным возбуждать общественное мнение. Срок давности был продлен.

3. Преследования коммунистов и демократов не прекратились и после второй мировой войны. Как уже говорилось в своем месте, конгресс и правительство Соединенных Штатов создали целую серию реакционных законов, инспирировали десятки судебных процессов против деятелей компартии, борцов за мир и свободы. Мы говорили о законе Маккарена-Вуда. Но был еще закон Маккарена-Уолтера 1952 года, запрещающий въезд в США по политическим мотивам "коммунистам, марксистам и лицам, связанным с группами, исповедующими подобные убеждения". Верховный суд США отменил его только в 1987 году.

К американскому антидемократическому законодательству ближе всего примыкает западногерманское. Здесь пошли еще дальше, запретив компартию и установив уголовное наказание за принадлежность к ней, за "коммунистическую пропаганду".

Запрещение компартии было возложено на конституционный суд: законодательным путем это сделать сочли неудобным; все-таки есть конституция, провозглашающая свободу организаций, и был Гитлер. Суд "оформил" это запрещение решением от 17 августа 1956 года.

Широко используя опыт американской юстиции, западногерманские судьи пытались представить компартию "противником демократии". Обвинение поддержали бывшие гитлеровские чиновники, специализировавшиеся на преследованиях коммунистов при фашистском райхе.

Преследованию демократии служит в Западной Германии так называемый блицзакон 1951 года, носящий привычное название "чрезвычайного закона против государственной измены". Тюремное заключение на срок от 5 до 15 лет угрожало лицам, которых суд и полиция признают виновными в том, что они ввозили запрещенную литературу, возводили клевету на президента, правительство или парламент, а также отдельных представителей властей, "поддерживали отношения с правительством, партией или каким-либо другим объединением и учреждением", находящимся за пределами ФРГ, "с целью... дискредитировать или подорвать какие-либо из конституционных положений ФРГ".

Формулировка закона делала понятие политического преступления столь неопределенным, что под него могло быть подведено любое действие, которое суд истолкует как "опасное". Но за неопределенностью состава преступления следует с неизбежностью отказ от принципа "нет преступления, не указанного в законе".

Тем же целям, что и закон 1951 года, служили принятые боннским парламентом законы о союзах 1964 и 1966 гг., облегчающие преследование прогрессивных организаций, а также известные семь законов об изменении уголовного права, расширяющие старую практику преследования за "государственную измену", "подстрекательство", "изменнические связи" и т. д. На основе всех этих законов начиная с 1951 года подверглось преследованию более 200 тыс. человек.

Дополнением чрезвычайных законов служат в Соединенных Штатах и Западной Германии всякого рода такие юридические конструкции, которые, заняв прочное место в судебной практике, значат не меньше, чем закон.

Среди них заслуживает быть отмеченной западногерманская теория "финального" уголовного права, согласно которой обвинительный приговор может быть вынесен и при том условии, если действия обвиняемого, хотя и не содержащие элементов преступления (как оно квалифицируется законом), могли преследовать, по "мнению суда", такую конечную, хотя и скрытую, цель, которая запрещена.

По своему происхождению и основной идее теория финального преступления, равно как и блицзакон 1951 года, близки норме гитлеровского уголовного закона, гласившей: "Наказывается тот, кто совершает действие,

которое закон объявляет наказуемым или которое заслуживает наказания по основной идее какого-либо уголовного закона и по здоровому народному чувству".

Заслуживает упоминания английский закон 1964 года, предоставляющий правительству право вводить чрезвычайное положение в ситуации, когда "общество или значительная часть его лишается необходимых условий существования". Как видим, уполномочивающая формула закона предоставляет правительству практически неограниченную возможность пускать в ход закон 1946 г. (хотя и на срок).

Реакционное уголовное законодательство и массовые преследования демократов имели место в большинстве капиталистических стран мира: Греции, Испании, Португалии, Бразилии, Парагвае, Таиланде, Южной Корее и т. д.

Было странно видеть, как во Франции десятки тысяч чиновников, депутатов и сенаторов, осужденных за сотрудничество с фашистской Германией, были амнистированы и восстановлены в правах (закон II марта 1953 г.).

Послевоенная правительственная и судебная практика буржуазных государств снова, как и до войны, тяготела к преследованию "опасных мыслей". А тон, как и во всем подобном, задавали Соединенные Штаты.

Именно здесь возникла и получила признание судебной практики доктрина "опасной тенденции", в соответствии с которой подлежит уголовному наказанию всякое такое действие, всякое такое слово, которые суд признает способными вызвать "опасные обстоятельства", независимо от того, являются ли указанные действия или тот или иной вид пропаганды запрещенными, и от того, привели ли они к каким-либо "нежелательным" (для правительства) следствиям или не привели.

По правильному замечанию американского же юриста Чефи, доктрина "опасной тенденции" может быть использована правительством, чтобы ликвидировать всякую свободу оппозиции. Не закон, каким бы он ни был сам 'по себе, а усмотрение суда (специально подобранного жюри присяжных) сделалось достаточным основанием для приговора, в том числе самого жестокого.

Вот что писал на этот счет член Верховного суда США Удутас, лицо, которому можно довериться: "Нас учили, что государству нет дела до мыслей человека и что он отвечает только за свои действия". А между тем США превратились в "царство нетерпимости". "Мужчин и женщин обливали грязью без всяких оснований. Различные расследования - по сути дела просто суды - стали обычным явлением. Простое общение с людьми, подозревавшимися в подрывной деятельности, считается сознательным соучастием... Разрастались черные списки, в которые людей заносили не за то, что они сделали, а за то, что они думали или считали".

Усилением карательных санкций за политические преступления отличается и французский закон от 4 июня 1960 года, принятый в лихорадочной обстановке, связанной с политикой "умиротворения" страны. По 16 составам преступлений единственной мерой наказания признавалась смертная казнь. По другим составам предусматриваются: пожизненное тюремное заключение, пожизненный смиренный дом, тюремное заключение на срок от 10 до 20 лет. Пересмотру и изменению подверглись 38 статей УК 1810 года, усвоенных иным УК Франции, вступившим в силу осенью 1994 года.

При этом, как отмечают исследователи, выявляются две тенденции: жестокость наказаний и неопределенность формулировок, характерная для диспозиций и, как легко понять, облегчающая возможность уголовного преследования. Пример такого рода дает ст. 86 старого УК (в новой редакции): "Посягательство, целью которого является свержение или изменение конституционного режима, либо возбуждение граждан или жителей к выступлению против власти государства, или к выступлению одного против другого, либо нанесение ущерба целостности национальной территории, наказывается пожизненным тюремным заключением. Оконченное посягательство и покушение на него одинаково образуют посягательство".

4. Первостепенной проблемой буржуазного общества сделался неуклонный рост общеуголовной преступности.

Вот некоторые данные по Соединенным Штатам: в 1963 году в этой стране было совершено 2 млн. 259 тыс. серьезных преступлений. Это примерно 1130 преступлений на 100 тыс. населения в год. После 1958 года, отмечает американская статистика, преступность в США росла в пять раз быстрее численности населения. Одно только число уличных ограблений выросло за 6 лет (с 1958 по 1964 гг.) на 22%. Быстро росла численность таких преступлений, как убийство, изнасилование, нанесение тяжких телесных повреждений. Число ежегодных убийств колебалось между 8 и 9 тысячами. Общее число преступлений, совершенных в США в 1967 году, составило 3 млн. 750 тыс.

Среди капиталистических стран Англия считалась наиболее благополучной, что объяснялось "прочностью" английских семейных, моральных и политических устоев. В 1939 году здесь приходилось 700 преступлений на 100 тыс. населения в год. После войны общая численность зарегистрированных полицией преступлений (множество их* остается, как и повсюду, неизвестными и нераскрытыми) достигла почти полумиллиона, что в отношении к численности населения составляет более 1 000 на 100 тыс. населения.

Особенную же заботу вызывает преимущественный рост преступности среди молодежи и подростков, продолжающийся до сего дня.

В борьбе с общеуголовной преступностью буржуазное право прибегает к разнообразным средствам. Одно из них заключается в усилении наказаний за рецидив.

По законам, принятым в Соединенных Штатах (1928-1930 гг.), повторное преступление влечет за собой удвоенный максимум наказания, предусмотренного соответствующей статьей (и во всех случаях не ниже максимума); после четвертого преступления следует пожизненное тюремное заключение (или - по законам разных штатов - от 15 лет тюрьмы до пожизненного заключения).

Схожие принципы приняты законодательствами других стран. Особенной жесткостью отличались, как и во всем, гитлеровские законы о привычных преступниках. Помимо усиленного наказания, они предусматривали интернирование преступника, которое могло продолжаться "до тех пор, пока оно представляется необходимым" (как сказано в законе 24 ноября 1933 г.), то есть много лет после отбытия основного наказания.

В довольно большом числе случаев гитлеровские судьи прибегали к кастрации и стерилизации, разрешенным законом "Об опасных привычных преступниках", а затем законом "О предупреждении наследственно больного потомства". Сотни тысяч людей были подвергнуты этому ужасному наказанию без вины только потому, что фашистские власти считали это желательным.

В течение длительного времени буржуазное уголовное законодательство и практика широко прибегали к превентивному наказанию. В этой связи следует особо упомянуть Англию (начиная с 1908 г.), Данию, Швейцарию. Английский закон 1948 года, заменивший закон 1908 года, постановлял, что привычные преступники при определенных условиях (не менее трех судимостей, достижение 30 лет) могут быть приговорены к превентивному заключению на срок от 5 до 14 лет сверх срока наказания, следуемого по уголовному закону.

В настоящее время отношение к превентивному наказанию в Англии изменилось. Свидетельством этому может служить английский закон 27 июля 1967 года, исключивший превентивное наказание из числа мер уголовного наказания.

5. Предвоенный период характеризуется резким возрастанием применения смертных казней. Даже там, где она была отменена, как, например, в Австрии или Италии, последовало ее восстановление (в Австрии в 1934 г., в Италии в 1926 г.).

В настоящее время смертная казнь запрещена конституцией ФРГ, отменена в Италии, Швейцарии, Англии, Франции, а всего в 80 (если не больше) государствах мира (а также во многих штатах США).

Рассмотрение вопроса о смертной казни было в Англии предметом длительной дискуссии. Духовные лорды (епископы и архиепископы) высказались в духе Евангелия за сохранение смертной казни, ибо церковь по-прежнему признает принцип "око за око, зуб за зуб". Духовные лорды были поддержаны почти всеми бывшими министрами внутренних дел и почти всеми верховными судьями страны, аргументировавшими по-другому, но в том же духе. Противники смертной казни ссылались на то, что систематические данные о преступности в тех странах, где она отменена, не говорят о росте преступлений (а иногда показывают снижение) и что поэтому применение казней не дает ожидаемого эффекта. Они указывали на то, что смертная казнь является единственным "необратимым" видом наказания; исправить судебную ошибку уже невозможно.

Парламентское решение 1957 года было компромиссным: смертная казнь была отменена для основной массы преступлений, кроме особо тяжких убийств (например, убийства полицейского, тяжкого убийства, совершенного путем выстрела или взрыва) и некоторых других.

Наконец с законом от 8 ноября 1965 года смертная казнь по всем видам убийства была заменена пожизненным тюремным заключением. Срок действия закона был определен в 5 лет (до 31 июля 1970 г.). В ноябре 1969 г. смертная казнь за убийство была отменена окончательно.

Смертная казнь за убийство не применяется, кроме уже названных, в Австралийском Союзе, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Новой Зеландии, Израиле и других странах.

Тем не менее сколько-нибудь единого отношения к этой важной и сложной проблеме не существует. Смертную казнь удерживают законы еще очень многих стран капитализма и по очень многим составам. Она удерживается и нашим, российским, правом, хотя имеется немало число противников ее сохранения.

Д. Суд и процесс

1. В том, что касается судебного устройства и процесса, основные усилия правительств были направлены на ликвидацию суда присяжных - предмета наибольшей гордости буржуазной юстиции.

Уже в 1906 году швейцарский процессуалист Торман выступил с теорией, согласно которой должно считать присяжным всякого непрофессионального судью, а значит, и шеффена, заседающего вместе с коронным судьей и под его председательством.

С наибольшей полнотой указанная цель была достигнута в фашистской Германии. С первых дней гитлеровского правительства все наиболее важные дела были переданы профессиональным судьям. С 1939 года было покончено с заседателями во всех судах.

В фашистской Италии дело обстоит немногим иначе. Во Франции закон 1932 года наметил тенденцию к сближению профессиональных судей с присяжными. В 1941 году суд присяжных уничтожается здесь вообще: в единой коллегии должны были заседать три профессиональных судьи и шесть непрофессиональных. Близкий тому порядок вводится в 1934 году в Австрии.

Поход против присяжных имеет в своей основе стремление к усилению репрессий, к освобождению профессиональных судебных чиновников от вердикта "улицы". Достаточно привести некоторые данные, чтобы понять суть дела: после ликвидации суда присяжных во Франции количество оправдательных приговоров уменьшилось до 9% в год против 38% в 1929 году и 25% в 1930 году.

После второй мировой войны суд присяжных пришлось восстанавливать, но были приняты меры к его реорганизации. Главное, к чему стремится консервативный законодатель, чтобы присяжные и профессиональные судьи заседали вместе, в единой коллегии.

Австрийским законом от 22 ноября 1950 года было допущено совместное заседание присяжных, профессиональных судей, представителей обвинения и защиты в целях пересмотра (в подлежащих случаях) вердикта присяжных. Судейская коллегия получила право требовать от присяжных исправления их вердикта. При отказе судьи назначают новое рассмотрение с новым составом присяжных.

Французский уголовно-процессуальный кодекс 1958-1960 гг. сохраняет в принципе единую коллегия судей и присяжных.

Но дело не только в этом. Ордонансом от 4 июня 1950 г. французский законодатель вводит ускоренное производство по делам о государственных преступлениях, расширяет полномочия уголовной полиции. Идя по тому же пути, действуя в противоречии с традициями французского права, правительство V республики проводит закон 15 января 1963 г. об учреждении "суда государственной безопасности", суда исключительного по своим полномочиям, но постоянного по характеру деятельности.

Принятый в обстановке крайней поспешности, закон 1963 года наделяет "суд государственной безопасности" правом разбирать все дела о нарушениях воинской дисциплины, о перевозке и хранении военных материалов и оружия, об убийствах и погромах; вместе с тем ему передаются и такие судебные дела, которые не заключают в себе ничего чрезвычайного: "участие в незаконном сборище", "создание препятствий дорожному движению" и пр.

Председатель и члены "суда государственной безопасности" назначаются правительством. Участие присяжных в этом суде исключается, адвокатура ограничена в правах.

В Западной Германии коллегии присяжных заседателей противостоит все возрастающая роль судьи-председателя и всей судейской коллегии в целом. Для многих дел здесь сохраняются шеффены.

Одно время можно было наблюдать попытку оттеснения суда присяжных - символа американской демократии - в пользу разных "расследовательских комиссий" (времена Макартизма), но она не могла быть успешной и не удалась.

Кипят страсти по поводу суда присяжных. Против них употребляют обыкновенно следующие аргументы: что подбираемые по воле случая, они не обладают должной подготовкой - это прямая открытая реакция на демократизацию коллегии присяжных; что присяжные не обладают должной терпимостью, что они готовы поддаваться первым впечатлениям, что они испорчены чтением детективов и сенсационных судебных отчетов и т.д. Многие среди тех, кто еще отстаивает суд присяжных, предлагают "среднее решение", в основе недемократическое: заменить присяжных специально подобранными представителями "общественности". Много схожего говорится о суде присяжных, введенном Конституцией России, и у нас самих. Надо думать, что демократическое государство, каким становится Россия, не откажется от суда присяжных и пойдет много далее той компетенции, которая отпущена суду присяжных в наши дни.

Нисколько не идеализируя суд присяжных, демократические организации относятся к нему так же, как и ко многим другим достижениям демократии, и потому стоят на позициях его защиты против натиска справа.

Важным нововведением, ломающим многовековую традицию, явилась долгожданная отмена правила единогласия присяжных в английском суде, о котором мы говорили выше. Закон от 27 июля 1967 года потребовал достижения квалифицированного большинства. Для законности вердикта достаточно согласного решения 10 присяжных из 11 или 9 присяжных из 10.

2. Несколько слов о презумпции невиновности. Фашистские суды отбросили ее вовсе. Итальянский кодекс 1930 года отверг ее как "абсурд" и "нелепость", как "явное извращение логического и юридического смысла". О фашистской Германии и говорить нечего.

В Соединенных Штатах атаки против презумпции невиновности были связаны со стремлением ликвидировать гарантии, заключенные в V поправке к конституции (никто не может быть принужден к показанию против самого себя в уголовном деле).

Принцип презумпции невиновности не выражен в американском праве сколько-нибудь определенно, но мы находим его в традиционной формуле наказа, который делается присяжным перед вынесением ими вердикта. Эта формула обязывает присяжных относиться к подсудимому как к лицу невиновному, пока они при зрелом размышлении не признают его уличенным ("вне разумных сомнений").

Но уже очень давно это правило подвергается атакам и "суровому сжатию". "Наш процесс, - заявлял в свое время американский судья Лернер Хенд, - преследуется призраком того, что осужденный может быть невиновен. Это воображаемая фантазия". И он призывает бороться с вытекающей из презумпции невиновности "стыдливой сентиментальностью", будто бы наносящей ущерб правосудию.

Уже до второй мировой войны привилегия против самообвинения была отвергнута законами некоторых штатов, поскольку утверждалось, что эта привилегия мешает изобличению преступников.

Американский суд как прежде, так и теперь не требует от подсудимого признания вины. Если подсудимый желает молчать - это его дело. Но в действительности обстоит совсем не так просто. Статистика показывает, что от 75 до 90% приговоров выносятся на основе признания вины: во всех случаях, когда подсудимые не возражают против обвинения, они оказываются осужденными (99%). Считается, хотя и негласно, что невиновный молчать не будет.

3. Весьма заметной тенденцией становится выдвижение предварительного следствия за счет судебного. В тесной связи с этим облегчается порядок ареста подозреваемых.

В Южно-Африканской Республике, например, полиция получила в свое время право арестовывать без ордера любое лицо, подозреваемое в сочувствии национально-освободительному движению или "коммунизму". В течение 90 дней эти лица могли содержаться под стражей без предъявления обвинения. В таком же порядке могли быть арестованы подозреваемые в том, что они знают о преступлении, но не сообщают о нем.

В наши дни ЮАР, преодолев расовые предрассудки и найдя общий язык между белыми и черными общинами, совершила национально-демократическую революцию. Президентом ЮАР стал негр Непсон Мандепла. Это одно из важнейших событий наших дней.

Пытки обвиняемых были обычным делом в практике фашистских судов. Но и там, где пытка запрещена законом, она далеко не исчезла на практике. В США специальная комиссия, назначенная после скандальных разоблачений в 1931 году, установила, что американская полиция прибегала при допросах "к размахиванию хлыстом перед лицом обвиняемого", ежечасным ночным побудкам, угрозам, оскорблениям, шантажу с помощью измышленных "показаний" других лиц и проч. А какая полиция от этого всего воздерживается?

Начиная с 20-х годов XX века в полиции (а затем и судах) США стали практиковаться "детекторы лжи". Механизмы должны были дополнить личное впечатление от поведения обвиняемого, которое складывается у судьи (еще в древние времена судьи должны были обращать внимание на то, как обвиняемый дышит, смотрит и пр.). А в самом начале XX века высказывались пожелания, чтобы в интересах установления истины применялось измерение давления крови, частоты дыхания и пр. Другие брались доказывать лживость показаний по потоотделению. Изобретались в изобилии всякого рода "полиграфы", психогальванометры и пр. Утверждали, что с помощью этих аппаратов возможно обнаружить чуть ли не 98% лживых показаний. И судьи приняли эти аппараты в качестве одного из средств доказывания (хорошего, хотя не единственного). Первым официально допустил такой аппарат суд графства Куин (США) в 1938 году.

Трудно возражать против аппарата, если он действительно способен облегчить отыскание истины в расследовании преступлений. Весьма вероятно, что такая возможность существует в природе. Но те аппараты, которые приняты в США сейчас, есть аппараты устрашения и террора, а никак не достижения-науки. Выводы, к которым приходит эксперт, оперируя указанными аппаратами, "понятны" ему одному и не могут быть проверены. Аппарат не может учесть ни воспитания субъекта исследования, ни его жизненного опыта, ни его нервной организации, ни многого другого, без чего исследование превращается в блеф. А между тем масса присяжных, как показали опросы, верят этим аппаратам и готовы принимать решения на основании их данных. Эти "исследования" стали обязательными при приеме на работу в государственные учреждения и пр.

Мы полагаем, что современный "детектор лжи" может быть использован полицией, но его показания не могут ни фигурировать в суде, ни тем более связывать суд. И насколько мы знаем, так оно и есть как в США, так и в других развитых странах.

Глава тридцать пятая Страны "народной демократии"

По так называемой Атлантической хартии, подписанной 14 августа 1941 года, Соединенные Штаты и Великобритания брали на себя обязательство, что по окончании войны с Германией обе названные державы "не будут стремиться ни к каким территориальным изменениям", не согласятся и на всякие другие территориальные перемены, не находящиеся в согласии с желаниями народов, и что, наконец, обе эти державы будут уважать права всех народов выбирать себе форму правления".

24 сентября 1944 г. Советский Союз как равноправный член антигитлеровской коалиции присоединился к Атлантической хартии, не возразив против названных выше трех принципов.

Победоносное окончание войны сделало Советский Союз мировым лидером такого значения, что он мог, по своему обыкновению, использовать это в международных соглашениях, что отвечало интересам правящей кучки советских лидеров во главе со Сталиным, и, наоборот, попирает и отбрасывает под тем или иным прикрытием то, что они считали нужным в своей политической игре.

Соответственно с тем Советский Союз насильственно присоединил к себе - до войны - независимые Прибалтийские республики Литву, Латвию и Эстонию, прикрыв и оккупацию названных стран, и навязанный им режим фиговым листком "добровольного согласия" народов на преподнесенные им перемены.

В наши дни, как хорошо известно, народы названных стран обрели государственную независимость и строят свою жизнь по общедемократическим и своим национальным традициям.

Очищение польских земель от гитлеровцев и оккупация Польши позволили Советскому Союзу вручить власть так называемой Польской рабочей партии (то есть коммунистической). Этому предшествовал ряд маневров. В июле 1944 года в только что освобожденном от гитлеровцев г. Холме был создан орган, временно управлявший делами государства (так называемый Польский Комитет национального спасения). Уже в его манифесте был употреблен термин "народно-демократическое государство", что означало на практике курс на строительство "польского социализма". В 1947 году состоялись первые выборы в Законодательный сейм, вручивший всю полноту власти Польской коммунистической партии. Конституция 1952 года провозглашала Польшу "государством народной демократии". В 1876 году в польскую конституцию был внесен в числе других знаменитый символ: "Польская народная республика является социалистическим государством".

По тому же сценарию - с учетом местных особенностей (например, с тем, что Румыния и Болгария были формально монархиями), были созданы все другие государства "народной демократии" - Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия, наконец, Германская Демократическая Республика (потребовавшая больших ширококвещательных маневров, поскольку Западная Германия настаивала на воссоединении своих земель на Востоке).

Нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, даже и при том, что "страны народной демократии" просуществовали около 50 лет. Как только в СССР началась "перестройка" и стало ясно, что советские армии не будут подавлять народные движения, выступившие с требованиями независимости, как это было с подавлением венгерского и чехословацкого народных движений против господства СССР с его тоталитарной идеологией и постоянным вмешательством в дела внешне суверенных государств Восточной Европы, - народы названных выше стран свергли угнетательские, тоталитарные режимы и пошли своим собственным, хотя не столь легким путем, как могло показаться вначале.

В "социалистическом лагере" прошлых лет была, конечно, и Югославия - страна, которая собственной повстанческой армией (хотя и не без помощи

СССР) добилась изгнания немецких оккупантов. В одно время Сталин приказал относиться к Югославии резко отрицательно (проявила самостоятельность!), пока визит Н.С. Хрущева – тогдашнего лидера КПСС – в Белград не положил начало нормальным взаимоотношениям между нашими странами.

Глава тридцать шестая Китайская Народная Республика

Осенью 1945 года Советская Армия разгромила японскую Квантунскую армию в Маньчжурии. Используя создавшуюся ситуацию, коммунистическая партия Китая перевела в наступление части 8-й и 4-й Народно-революционных армий, находившихся под ее руководством. К концу 1945 года КПК контролировала огромные территории Северного Китая с населением около 150 млн. человек.

Переговоры с гоминданом о создании единого правительства и общей демократизации страны, на которые пошла компартия, окончились безрезультатно. Поощряемый американскими советниками Чан Кай-ши начал новую войну, получившую затем название третьей гражданской революционной войны.

Наступление гоминдановских армий продолжалось около года. Летом 1947 года Народно-освободительная армия перешла от обороны в наступление. В ходе военных действий был освобожден весь континентальный Китай (1949 г.),

В обстановке военных побед открыл свои заседания подготовительный комитет по созыву политического консультативного совета (июнь 1949 г.). Помимо компартии как общепризнанной руководящей силы, здесь присутствовали делегаты от Революционного гоминдана (объединявшего тех, кто порвал с Чан Кай-ши) и Демократической лиги, немногочисленной, но влиятельной партии. Собранный вскоре Народный политический консультативный совет (НПКС) выработал свою общую программу, принял закон об организации центрального правительства, избрал Центральный народный правительственный совет, перенес столицу Китая из Нанкина в Пекин.

Согласно Общей программе, Китайская народная республика становилась государством народной демократии, осуществляющим под руководством рабочего класса демократическую диктатуру народа, основанную на союзе рабочих и крестьян и объединяющую все демократические классы страны.

Программа ставила следующие задачи: ликвидация прав и привилегий империалистов в Китае, феодальных отношений; конфискация крупного ("бюрократического") капитала; охрана государственной собственности и кооперативов; охрана экономических интересов и частной собственности мелкой и национальной буржуазии; индустриализация страны.

Программа указывала на Собрания народных представителей как на полномочные органы народной власти, образуемые путем всеобщих выборов. Строительство этих органов стало осуществляться по этапам (по мере выполнения задач, связанных с установлением революционного порядка). Закон о центральном правительстве создавали Центральный народный правительственный совет – высший орган законодательной и исполнительной власти – и Государственный административный совет – правительство республики.

Правительство, как и все другие власти, находилось в подчинении Центрального народного правительственного совета. От него исходили все важные назначения.

Исполняя предначертания Общей программы, правительство КНР осуществило ликвидацию феодального землевладения (закон об аграрной реформе был принят в 1950 г.), конфисковало предприятия крупной промышленности, принадлежавшие компрадорскому капиталу, банки, железные дороги.

В 1954 году Всекитайское собрание народных представителей утвердило и ввело в действие новую конституцию КНР. Задачами государства объявлялись: индустриализация страны, постепенное завершение преобразований в сельском хозяйстве и т.д.

Последующие годы были нелегкими. В 1958 году Китайское руководство возложило свои надежды на так называемый большой скачок, разрушительные

последствия которого сказались на и без того отсталой китайской экономике. В период стабилизации экономики, потребовавшей новых, принципиально важных перемен, Китай приступает к выполнению третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства (1966 г.).

В начале 1975 года, после десятилетнего перерыва, созывается 1-я Сессия Всекитайского собрания народных представителей (4-го созыва), которая приняла новую конституцию Китая и на ее основе сформировала новые органы законодательной и исполнительной власти страны.

Смерть Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна вызвала новую борьбу за власть в верхушечных слоях компартии. К власти (1976 г.) пришло новое руководство Китая, возглавляемое Хуа Го-Феном.

В течение последних лет действительным носителем власти и вдохновителем новой экономической политики Китая являлся старейшина КПК Ден Сяо-пин. При нем, насколько можно судить, Китай, сохранив политическую власть в руках КПК и не прибегая к политическим реформам коммунистического строя, резко поменял свою экономическую политику, придав ей некоторые качества рыночной экономики. Эксперимент, как показывают некоторые данные, оказался успешным, и мы имеем перед собой государство, которое трудно поддается привычной систематике.

Важно в конечном счете, что выбор пути оказался для Китая на этот раз как нельзя верным, и остается верить в то, что происходящее в экономической сфере Китая не очередной эксперимент, а успешная долговременная политика, направленная на достижение социализма с китайской спецификой.

Что касается России, то она как была, так и остается верным и надежным партнером Китая в области экономики, политики, культуры и т. д.

Глава тридцать седьмая Крушение колониальной системы капитализма
А. Индия

Окончание второй мировой войны и первые послевоенные годы составили для Азии целую историческую эпоху. Победила Августовская революция во Вьетнаме, началось освобождение Индонезии, стали независимыми Бирма, Лаос, Камбоджа. Революционный Китай торжествовал успех многолетней борьбы.

На этот же период приходится национально-освободительная революция в Индии. Не полагаясь более на лицемерные обещания Англии, индийский рабочий класс, индийское крестьянство требовали независимости и добивались ее революционным путем. В феврале 1946 года началось восстание индийских военных моряков (почти 20 кораблей подняли красные флаги).

Английское лейбористское правительство должно было сделать заявление о предоставлении Индии политической независимости в рамках Британского содружества наций.

Специальная миссия, посланная в Индию из Лондона, предложила следующий план: Индия преобразуется в союз автономных провинций и княжеств, а после того получает право считаться доминионом; провинции, в свою очередь, подразделяются на индуистские и мусульманские – по религиозному признаку.

План этот имел целью расчленение страны: предполагалось, что таким образом легче держать ее в прежней зависимости.

После разного рода маневров, имевших целью развести на разные концы и рассорить между собой две главные политические партии национального освобождения – Индийский национальный конгресс и Мусульманскую лигу, – Англии удалось провести план расчленения Индии. Законом от 15 августа 1947 года были созданы два доминиона: Индия и Пакистан.

Пакистан (111 млн. человек) был составлен из двух частей, отстоящих на 1,5 тысячи километров друг от друга. На княжество Кашмир заявляли требования как Индия, так и Пакистан. Уже в октябре 1947 г. пакистанские вооруженные отряды заняли часть Кашмира. По просьбе махараджи Кашмира княжество было включено в состав Индии (1947 г.).

Расчленение страны повлекло за собой неисчислимые бедствия. Сотни тысяч людей насильственно переселялись из одного доминиона в другой.

Экономические связи, установившиеся веками, были искусственно разорваны. Религиозная рознь стала еще ожесточенней.

Когда началось расчленение на две части провинции Пенджаб, борьба между индусами (и сикхами), с одной стороны, и мусульманами – с другой, вылилась в резню. Погибло около 500 тыс. человек и не менее 12 млн. осталось без крова. Погромы и резня прокатились по всей огромной стране и, что касается Пенджаба, не прекратились до сих пор.

За расчленением последовало создание правительств Индии и Пакистана. Правительство Индии было сформировано Индийским национальным конгрессом – партией национальной буржуазии, землевладения, интеллигенции. Главой правительства стал Д. Неру.

Государственная независимость Индии получает свое окончательное подтверждение в акте 26 января 1950 года, которым Индия объявляется "суверенной и демократической республикой". В тот же день была введена в действие конституция Индийской республики.

Конституция провозгласила федеративное устройство нового государства: в начале штаты различались по форме правления, но в 1956 году была проведена реформа, введшая новое административное деление. В настоящее время штаты имеют единообразную систему управления.

Княжества Индии (Хайдерабад, Майсор и др.) должны были войти в состав республики: попытки их феодальных властителей остаться в стороне были сорваны народными массами.

Равенство граждан признается независимо от касты и религии, к которым они принадлежат.

Касты, о которых мы говорили, характеризую древнюю Индию, не исчезли и по сей день. Это деление особенно заметно в деревне, где обычай держится крепче и дольше.

Преобладание браминов (брахманов) несомненно в политической жизни: из них состоят основные кадры государственных чиновников высшего ранга, лидеры политических партий и организаций.

Не менее 70 млн. человек индийского населения составляют "неприкасаемые": рикши, метельщики, посыльные, ассенизаторы и т.п. И хотя законы на их стороне, старые обычаи еще не исчезли.

Конституция содержит особое упоминание об обеспечении народа средствами к существованию как задаче управления, об охране труда рабочих и малолетних.

В этой связи заслуживают упоминания аграрная реформа (задачей которой должно быть уничтожение феодального землевладения и феодальных пережитков вообще), а также политика индустриализации страны.

Первая аграрная реформа стала осуществляться в 1948 году, но она имела ограниченный характер, проводилась правительствами штатов, сводилась к некоторому отчуждению (за плату) излишних земель помещиков. Выкупные платежи были очень высокими (10-15-летняя годовая рента), и поэтому воспользовались плодами реформы одни кулаки.

В последующие годы были предприняты новые меры для перераспределения земли. Однако и после того положение мало в чем изменилось: 80% крестьян владели тем же количеством земли (27%), что и 2% крупных землевладельцев.

Индустриализация страны осуществляется на основе государственных планов. Особое внимание уделено созданию государственного сектора народного хозяйства. Индия создала некоторые важнейшие индустриальные комплексы.

В ноябре 1949 года вступила в силу конституция Индии. Главой Индийской республики является президент, избираемый на 5 лет. Он назначает премьер-министра правительства (Совета министров). Последнее несет ответственность перед парламентом. Парламент двухпалатный. Одна его палата избирается выборщиками от штатов, другая – всеобщим голосованием. Избирательное право является всеобщим и предоставляется гражданам начиная с 21 года.

Имея в виду сепаратистские стремления некоторых штатов, а еще больше неизбежность острых социальных столкновений, конституция Индии предусматривает право президента вводить чрезвычайное положение и

принимать чрезвычайные меры для пресечения противоправительственных действий.

Б. Египет

Конституция 1923 года объявляла Египет независимым государством, находившимся под управлением короля и парламента. Король, парламент и правительство действительно существовали, но настоящим хозяином Египта оставалась Англия. Положение не изменилось и после того, как вступил в силу англо-египетский договор 1936 года: на территории Египта сохранялись военные базы и вооруженные силы Англии. Ее резиденты бесцеремонно вмешивались в дела управления, несмотря на то, что стали именоваться "послами".

Вторая мировая война придала силы освободительному движению в Египте, вовлекла в него широкие народные массы. Под их давлением египетский парламент решился (в 1951 г.) на одностороннюю отмену навязанного стране англо-египетского договора.

В этот острый момент патриотическая военная организация ("Офицеры свободы") вывела на улицы войска и совершила переворот, переросший в национально-освободительную революцию (23 июля 1952 г.). Король Фарук был низложен. Высшая власть в Египте перешла к Руководящему Революционному совету, председателем которого стал подполковник Насер, глава партии "Офицеры свободы".

Решениями Совета были уничтожены сословные привилегии, осуществлен первый этап земельных преобразований, положено начало индустриализации.

Национальная революция в Египте заставила Англию отказаться от планов применения силы, согласиться на денонсацию договора 1936 года и вывести свои войска из страны.

Национализация Суэцкого канала (1956 г.), осуществленная правительством Египта в тех же целях ликвидации иностранного господства в стране, вызвала тройственную интервенцию против Египта (Англии, Франции и Израиля). Она кончилась победой Египта, опиравшегося на решительную поддержку СССР.

Трехлетний "переходный период", начавшийся после переворота, завершился с принятием временной конституции Арабской Республики Египет (1956 г.).

Конституция объявляла собственностью государства земные недра, предусматривала реформы в области землепользования, целью которых должно быть прекращение феодальных форм эксплуатации, указывала на необходимость планового развития экономики, поощрение кооперативных форм и пр.

Национальное собрание, провозглашенное законодательной властью, наделялось правом высказывать правительству пожелание и предложения по "общим вопросам". Наибольшее значение имел президент республики, избираемый народным голосованием: он глава исполнительной власти, он назначает и смещает министров, он командует вооруженными силами, ему принадлежит право помилования и амнистии и пр. Президенту предоставлялось право издавать декреты (с последующим утверждением в Национальном собрании) и объявлять чрезвычайное положение.

Новый этап египетской революции открывается декретами президента, изданными в 1961 году. Они означали, что Объединенная Арабская Республика (как стал называться Египет после кратковременного объединения с Сирией - 1958 г.) идет по пути экономических и социальных преобразований, держась социалистической ориентации.

Декретами о национализации в собственность государства отошло не менее 90% всех промышленных предприятий страны, все частные банки и страховые компании, транспорт и торговый флот. Частный капитал в промышленности и торговле представлен мелкими торговцами и мелкими предпринимателями.

Положение национализированных предприятий оставалось не вполне ясным вплоть до издания в 1964 году Конституционной декларации, которая заменила временную конституцию 1956 года. Из Декларации вытекает, что национализированные предприятия становятся общенародной собственностью, существующей наравне с кооперативной и частной. Максимальный размер

выкупа, уплачиваемого собственникам национализированных предприятий, не может превышать 30 тыс. египетских фунтов. До наступления срока платежей (они отсрочены на 15 лет) бывшие собственники имеют право на получение 4% годовых от суммы будущей компенсации.

В результате актов национализации и государственного промышленного строительства все основные средства производства в Объединенной Арабской Республике стали общенародной собственностью.

В том же 1961 году был издан декрет об ограничении земельного надела, приходящегося на одного человека, 100 федда-нами (то есть 42 га), вместо прежних двухсот. Соответственно с этим было национализировано более миллиона га. Земля раздавалась малоземельным и безземельным крестьянам участками по 205 федданов. Купля и продажа земли запрещалась. Вместе с тем было проведено ограничение земельной ренты в пользу помещиков (не более 4-кратной суммы земельного налога).

Декрет 1964 года аннулировал выплаты за конфискованную у помещиков землю, в результате чего оказалось возможным понизить на три четверти платежи, которые следуют с крестьян, получивших землю по аграрной реформе.

Конституционная декларация 1964 года, ставшая новым основным законом республики, объявляла генеральной задачей построение социализма.

В сентябре 1970 г. Насер скончался. Египет вступил в период социальных и политических перемен. Сменивший Насера президент Садат взял курс на "либерализацию экономики", "открытых дверей" для иностранного капитала.

Египет пошел на сближение с американским и европейским капиталом, что с неизбежностью привело к пересмотру реформ, осуществленных при Насере, к росту буржуазного и бюрократического капитала, переменам во внешней политике и т. д.

В. Тропическая Африка

1. С начала 50-х годов Африка переживает незатихающую бурю национально-освободительных революций. Активной силой движения становится рабочий класс. Забастовки и демонстрации вливаются в общий поток стихийных крестьянских выступлений. Доходит до возникновения вооруженных партизанских сил.

Освобождению французских колоний много способствовал демократический фронт, объединивший в своих рядах национальные организации Сенегала, Нигера, Дагомеи и всех других владений Франции ("Демократическое объединение Африки").

И в английских колониях повсеместно сложились и стали быстро расти национальные политические партии, выступавшие под флагом независимости.

Соотношение сил на мировой арене способствовало борьбе Африки. Опыт Алжира, Вьетнама, Индии, Бирмы, Египта обязывал колониальные державы к перемене тактики, поискам новых средств господства. Предоставление политической независимости колониям стало неизбежным.

Важным и по-своему решительным было заявление президента Франции де Голля, сделанное в 1958 году. Предложенный им план преобразования колониальной империи в сообщество "равноправных" народов был не нов. Новым было решение провести референдум во всех африканских колониях Франции, расположенных южнее Сахары. Проголосовав против французской конституции 1958 года (предлагавшей "франко-африканское сообщество"), колонии приобретали независимость.

Первой высказалась против Гвинея. В том же 1958 году она стала независимой страной. За ней пошла остальные.

Скрепя сердце уступило напору колоний правительство Великобритании. Его министры должны были вступить в контакт с национальными партиями колоний, сесть за единый стол с их лидерами и приступить к переговорам. Дело велось с бесконечными проволочками, но конец его был предопределен.

К середине 60-х годов большая часть Африки была политически свободной. На ее территории размещалось уже более 30 новых стран, каждая из которых вступила в Организацию Объединенных Наций как ее полноправный участник.

Для французских колоний особенно бурным был 1960 год. На него приходится освобождение Судана ("французского"), Мавритании, Габона, Камеруна, Того, Конго (Бразавиль), Верхней Вольты, Центральноафриканской Республики и др.

Среди английских колоний одной из первых освободилась Гана (1957 г.). В 1961 году добилась независимости самая большая из британских подопечных территорий – Танганьика (она стала двадцать девятым африканским государством). В 1962 году наступает очередь Уганды, в 1964 году – Замбии (Северной Родезии) и т. д.

2. Мы не можем говорить здесь о каждом африканском государстве. Но чтобы составилось должное представление о процессе деколонизации, сошлемся на пример Кении, английской колонии, получившей независимость в 1963 году.

Первым примечательным явлением ее послевоенной истории было возникновение национальной политической партии – Союза африканцев Кении (1945 г.). Почти тотчас на нее обрушиваются репрессии. Партия готовила кампанию гражданского неповиновения и готова была действовать мирными средствами, но английские власти ввели чрезвычайное положение, арестовывали лидеров Союза и приговаривали их к длительным срокам заключения. Английская колониальная администрация получила приказ начать войну против партизанской повстанческой армии кенийского племени кикую, знаменитых "мау-мау".

В этой войне Кения теряет тысячи людей убитыми (около II тыс.), 60 тыс. оказываются в концлагерях. Все это, однако, не помогает, и Англия вынуждена перейти к маневрам. Декларируется ограниченное избирательное право (1956 г.), 8 представителей коренного населения вводятся в малозначительный "законодательный совет".

Между тем массовые митинги и забастовки, вызванные убийством политических заключенных, говорили о незатухающем вулкане. Английское правительство решает на консультации с возникшими в 1960 году (с отменой чрезвычайного положения) политическими партиями Кении – КАНУ (Национальный союз) и КАДУ (Демократический союз). В 1962 году создается наконец коалиционное правительство. В 1963 году следуют общие выборы. КАНУ получает большую часть голосов и создает правительство.

После этого "мау-мау" вышли из лесов, заявили о своем подчинении новому правительству, о прекращении борьбы, о сдаче оружия.

Д. Возникновение и крушение авторитарных режимов 1. Среди других событий мирового значения следует указать на уже упоминавшиеся крупные перемены, происшедшие в недавнее время в Южно-Африканской Республике. Дойдя до крайней точки в своем стремлении сохранить в ЮАР расовое неравенство с господством белого населения, последнее должно было наконец уступить велениям времени.

В 1987–1988 годах борьба между белыми и черными (включая "цветных") завершилась законодательным признанием всеобщего избирательного права. Президентом ЮАР был избран широко известный лидер черного большинства Патрис Лумумба.

2. Выходя некоторым образом за рамки учебника, нельзя не отметить, что возникновение там или здесь авторитарных режимов завершалось их крушением, за чем следовало восстановление демократических институтов власти. Так было с Грецией, где в 1962 году имел место военный переворот, принесший с собой диктатуру "черных полковников". В 1974 году, после провала позорной авантюры на о. Кипре, хунта полковников вынуждена была отказаться от власти, что повлекло за собой восстановление демократии.

3. То же, хотя и по-своему, произошло в далекой Латиноамериканской Республике Чили, где, отвечая на избрание президентом страны социалиста Г. Альенде, военные во главе с генералом Пиночетом совершили государственный переворот, за которым последовала диктатура фашистского образца (1973 г.). Но и здесь реакция не удержалась у власти и должна была после десятилетнего господства уступить место демократическому правлению.

4. Чили, к сожалению, не единственная страна в Латинской Америке, где военные прибегали к военным переворотам, за которыми следовали авторитарные режимы. Достаточно сказать, что с 1943 по 1963 годы в Латинской Америке произошло 68 военных переворотов, захвативших 17 государств.

В этой связи особого упоминания заслуживает Парагвай, где в мае 1954 года военно-фашистский переворот привел к власти диктатора генерала А. Стресснера, державшейся четверть века. В недавние дни (осень 1994 года) мы были свидетелями свержения военной хунты на о. Гаити, находящемся в нескольких десятках миль от восточного побережья США. Против этого подлого режима ополчилось все мировое общество, а ключевую роль сыграло правительство США во главе с президентом Клинтоном.

Заключение

В заключение нельзя не сказать, что распад СССР и возникновение новых национальных республик - России, Украины, Белоруссии, Казахстана и других, становление и упрочение демократических режимов на всей этой громадной евроазиатской территории независимо от связанных с этим трудностей (и даже трагедий) служат в конечном счете неумолимо совершающемуся на наших глазах прогрессу. Пройдет время. Оно залечит раны и обиды, связанные с существованием "великой восточноевропейской общности", находившейся под контролем СССР. XXI век обещает быть веком без войн - международных, этнических и всяких иных.

На земле нашей еще много проблем: бедности, бескультурья, перенаселенности, неизлечимых болезней, сравнительно короткой продолжительности жизни и т.д. Оглядываясь на все то, что уже и сделано и делается во всех этих отношениях, мы находим, что XXI век будет по большей части веком благополучия, хотя, быть может, еще далеко не равномерного.

На этой оптимистической ноте мы позволим себе завершить этот наш учебник.